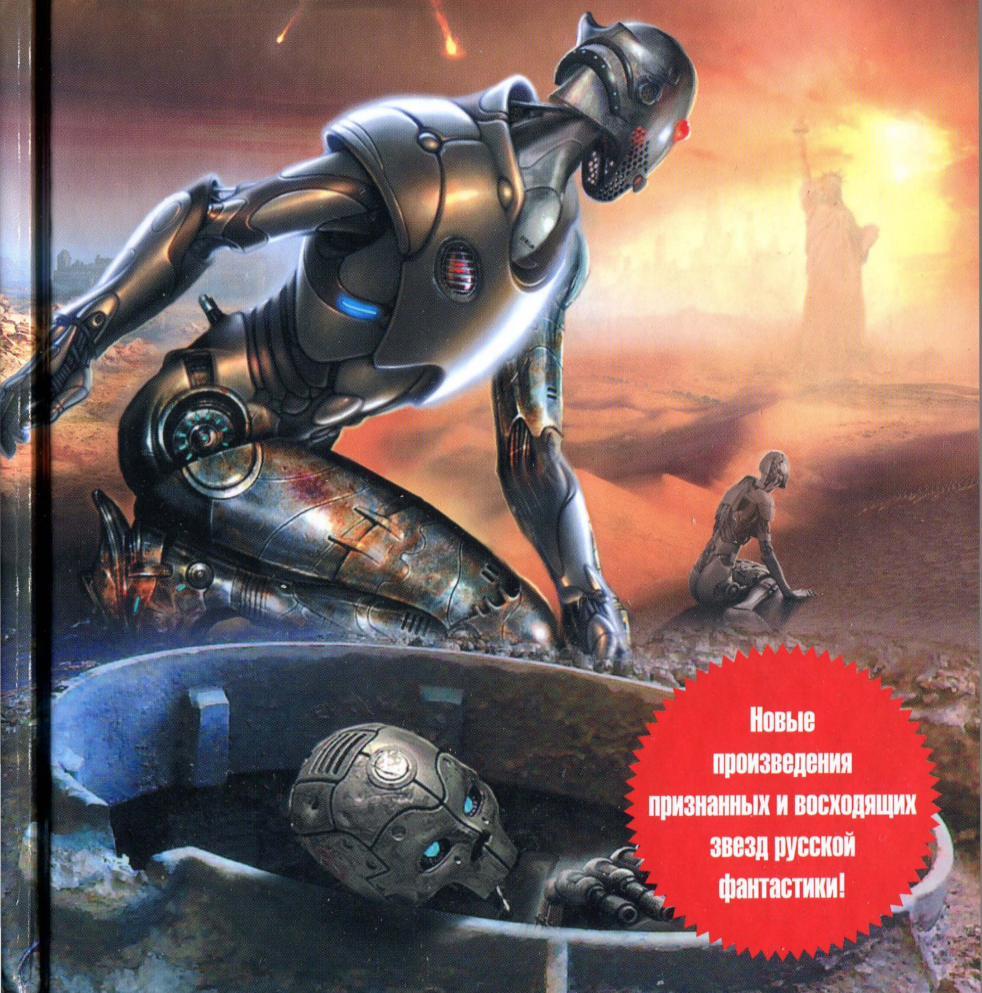
РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2011

АБОЯН • БЕЛОГЛАЗОВ • БОНДАРЕВ • ГАРКУШЕВ • ГЕЛПРИН • ГОЛОВАЧЕВ
ГРИГОРОВ • ГРИДИН • ГРИН • ДЯЧЕНКО • ЕГОРОВ • КАПЛАН • КОЛЮЖНЯК
ЛОКХАРД • ЛУКИН •МУН • НЕСТЕРЕНКО • ОВЧИННИКОВ • РЕЗАНОВА
СИВИНСКИХ • ТУДАКОВ • ТУМАНОВ • ШАКИЛОВ • ЯСИНСКАЯ

Новые произведения признанных и восходящих звезд русской фантастики!

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Сканировал и создал книгу - vmakhankov

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2011

Виталий Абоян
Артем Белоглазов
Олег Бондарев
Евгений Гаркушев
Майк Гелприн
Василий Головачев
Александр Григоров
Алексей Гридин
Грэй Ф. Грин
Марина и Сергей Дяченко
Андрей Егоров
Виталий Каплан
Виктор Колюжняк
Джордж Локхард
Евгений Лукин
Александр Мун
Юрий Нестеренко
Олег Овчинников
Наталья Резанова
Александр Сивинских
Антон Тудаков
Сергей Туманов
Александр Шакилов
Марина Ясинская

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2011

ЭКСМО
МОСКВА
2011

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 89

Составитель сборника *В. Мельник*

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Р 89 **Русская** фантастика — 2011 : фантастические повести и рассказы. — М. : Эксмо, 2011. — 736 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-46732-7

Самые свежие новости! Давно потерянный в глубинах Вселенной космический корабль возвращается на Землю, и вместе с ним прибывает нечто загадочное и смертельно опасное, враждебное всему человечеству... На необитаемом острове посреди Волги завелись причудливые мутировавшие существа... Марсианские колонисты подумывают о революции и отделении от земной метрополии... После очередной гражданской войны в США толпы беженцев устремились в Россию... Ватикан решил клонировать Иисуса Христа...

Эти и другие новости из будущего и параллельных миров, доставленные вам в виде повестей и рассказов ведущими русскоязычными авторами, — в новом ежегодном итоговом сборнике отечественной фантастики!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Абоян В., Белоглазов А., Бондарев О., Гаркушев Е., Гелприн М., Головачев В., Григоров А., Гридин А., Грин Ф. Г., Дяченко М., Дяченко С., Егоров А., Каплан В., Колюжняк В., Локхард Д., Лукин Е., Мун А., Нестеренко Ю., Овчинников О., Резанова Н., Сивинских А., Тудаков А., Туманов С., Шакилов А., Ясинская М., 2011

ISBN 978-5-699-46732-7 **© Состав, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011**

ПОВЕСТИ

ПРОЩАНИЕ С БАКЛАВСКИМ

Фрагмент романа-мозаики «Кетополис: Киты и броненосцы» в пересказе Ивана Наумова

I. РУЧЕЙ

Кто-то все время был рядом, и сначала Баклавскому казалось, что это маленькая девочка, любимая внучка Дядюшки Спасибо. Ей позволялось больше, чем остальным, и она бродила по всем закуткам курильни как симпатичный смешливый призрак.

Баклавский часто заморгал и пошарил руками по подушкам, пытаясь найти куда-то уползший мундштук кальяна.

— Зачем тебе опять курить? — ласково спросила из-за спины Тани Па. Он ощущал на затылке ее легкое дыхание и знал, что она улыбается. — Уже утро, и пора просыпаться.

Баклавский хотел повернуться на другой бок, к ней лицом, но сиамка остановила его мягким прикосновением ладони. Тогда он чуть придвинулся к ней, чтобы почувствовать спиной ее тело.

— Ты смешной, — сказала она. — Никто не верил, что человек с золотыми волосами может так выучить наш язык.

— Иначе мне пришлось бы всегда ходить с переводчиком, — сказал он. — Водить его с собой всюду-всюду и сажать около постели, чтобы ночью он переводил мне все, что ты шепчешь.

— Он бы краснел и смущался, — хихикнула Тани Па, — но в темноте этого бы никто не заметил.

Баклавский тоже засмеялся:

— Было бы еще хуже, если б он начинал переспрашивать. Как вы сказали, госпожа Па? Вы не могли бы шептать погромче?

— Да, *Лек-Фом*, ты очень умный и обходительный, спас нас от таких неудобств!

— Не зови меня, пожалуйста, Златовласым. Так говорят те, кто хочет обмануть.

— А таких много?

— Конечно! — Баклавский потянулся, пошевелил пальцами, разгоняя кровь в застывших ступнях. Он привык во сне высовывать ноги из-под одеяла, а под утро стало совсем холодно, и вдоль Ручья веяло стылой морозной сыростью. Где-то совсем поблизости швейной машинкой прострекотала маломощная джонка. — С моей-то должностью... Кто-то врет в глаза, кто-то таит обиду, мечтает о мести, кто-то пытается угрожать.

— У тебя вредная работа, — сказала Тани Па. — Нужно просить духов, чтобы дали тебе другое дело.

— Никого просить не надо. Через пару недель этой работы и так не станет. А никаким другим делом я заниматься не умею.

Рядом неслышно осыпался в воду пепел — догорел смоляной шарик, их на Ручье использовали вместо фонариков. Бронзовые рельсики, оставшись без груза, качнулись вверх, привели в действие спусковой механизм, и новый шарик — гр-рл-л-л! — начал свое путешествие из глубины курильни. Прокатился над маленьким газовым огоньком, полыхнул и, набирая скорость, помчался дальше. Так по субботам выскакивают шары из Большого Лототрона. Гр-рл-л-л! Остановился у заглушки на самом конце рельсиков, над темной водой ручья, и через мгновение засветился ярко и ровно.

— Мой бедный-бедный страж! Ловишь других, а не можешь поймать самого себя... — улыбнулась Тани Па.

Из Нового порта приплыл тягучий рев флагмана броненосной флотилии. Дунул ветер, забравшись в теплое гнездо, где так уютно спалось.

— Жалко, что ты умерла, — сказал Баклавский, чувствуя, как тает, исчезает ощущение ее присутствия.

А остается пустота, перекрученные подушки, погасший кальян и теплый каркас гнезда. По медным трубкам, царапая изнутри стенки, плывут крохотные пузырьки воздуха, влекомые потоком горячей воды, и этот еле слышный шум — как бесконечный выдох, не воспринимается сознанием, но все время рядом. И вокруг уже бурлит утренняя жизнь, Ручей торопится работать, торговать, возить, обманывать, ублажать — артерия в сердце Пуэбло-Сиама.

Нежное сонное солнце выползло из утренней дымки прямо над водой, и розовые блики защекотали веки, заставили улыбнуться и чихнуть.

Прямо напротив Баклавского маленькая девочка оседлала широкие перила нависающей над водой веранды. Тихонько напевая по-сиамски, она складывала из большого листа бумаги сложную фигурку.

Увидев, что Баклавский открыл глаза, девочка повернулась и бросила ему на колени бумажного кита.

— Пау! — звонко крикнула она, наверное пытаясь напугать. — *Таан йо ийи пла*!

Баклавский сел, щурясь на неяркое еще солнце. Кутаясь в одеяло, свесил ноги из гнезда и нащупал ледяные тапочки.

— Май! — позвал он.

— Здесь Чанг, шеф, — ответил другой помощник, брат-близнец Мая, сидящий на перилах, как и девочка. Закутанный в плед, он напоминал разноцветную растрепанную ворону. — Май в доме, у аппарата.

— Звонили из форта?

— Только что. Уже хотел вас будить. Рыбаки возвращаются, все вместе. Хороший признак.

Форт нависал над входом из океана в канал, ведущий к бухте и Новому порту. За счет хороших отношений с военными Баклавский проспал лишний час, вместо того чтобы в бессмысленном ожидании встречать восход солнца на рыбацких пристанях сиамцев.

— Катер?

— Под парами, — ответил Чанг.

Веранда не предназначалась для обычных посетите-

лей — лишь четыре теплых гнезда располагались здесь, обращенные открытой стороной на восток, против течения Ручья. К каждому вёл свой коридорчик между ширмами, так что гости не могли видеть друг друга.

Баклавский откинул одеяло и остался в длиннополом халате, расшитом пестрыми рыбами и осьминогами. Пытаясь удержать остатки тепла, прошмыгнул с веранды в курильню.

Длинный слабоосвещенный коридор вел в гардеробную, где нужно было переодеться и привести себя в порядок. Наутро после опиума Баклавский всегда чувствовал себя преувеличенно бодро, но знал, что к обеду от этой энергии не останется и следа. И будут мучительно долгие сумерки, одинокий вечер и, вопреки логике, бессонная ночь. После того как в пламени пожара исчезла Тани Па, ночи стали пугать Баклавского своей безразмерностью, черным омутом, в котором тонешь и не можешь утонуть.

Одна стена коридора щетинилась криво подогнанными бамбуковыми планками, другая лоснилась старым шелком. Затертая плечами, где-то порванная или совсем обесцветившаяся, местами в винных и чайных пятнах, вышивка, как обычно, притягивала взгляд.

Огромный, во всю длину коридора, кит весело плескался в кружевных волнах. По пути на веранду Баклавский всегда рассматривал фонтан, бьющий из китового дыхала. Каждая капелька сначала превращалась в маленького ребенка, а потом во взрослого человечка. Люди разлетались высоким веером и падали вниз уже седыми старичками. Среди них можно было рассмотреть воинов в блестящих доспехах, круглобоких кормилиц, лысых монахов в оранжевых одеждах, жадных узколицых сборщиков податей и мудрецов с наморщенными лбами.

Сейчас, проходя с веранды в кабинет, Баклавский вдруг разглядел, что бок кита взрезан и маленький пузатый сиамец, похожий на Будду, расставляет по красным стенкам китовьего нутра плоские ритуальные свеч-

ки. Дым от каждой складывался в фигуру животного, цветок или сложный узор сиамских букв.

В хвосте кита, угрожающе вздыбленном над поверхностью воды, полной маленьких рыбацких джонок, торчал гигантский трехзубый гарпун, и от него уходил толстый плетеный трос — прямо под наличник двери.

Баклавский бывал в курильне не так уж и часто, раз в две-три недели, когда совсем заедала тоска. Ему всегда предлагался именно этот кабинет. По должности он не мог себе позволить уснуть под кальян на коврах общего зала. Кабинетом назывались четырехкомнатные покои, плюс ванная комната, плюс подогреваемое гнездо на веранде, где Баклавский предпочитал спать в любую погоду. Плюс полная конфиденциальность, гарантированная и соблюдаемая хозяином заведения.

— Доброе утро, шеф! — бесстрастноликий Май поднялся из узкого кресла рядом со входными дверями и столиком с телефонным аппаратом. — Дядюшка Кноб Хун надеялся застать вас за завтраком.

В ванной комнате лилась заранее настроенная теплая вода, в титане гудело пламя. Блестел хромом новенький бритвенный прибор. Полотенца пахли экзотическими травами. В запотевшем зеркале Баклавский взглянул на свой мутный контур. Провел по стеклу рукой. Из чистой полоски со сбегающими каплями на него смотрели усталые глаза начальника Досмотровой службы Его Величества старшего инспектора Ежи Баклавского. Одинокого, нелюдимого, неуживчивого, иногда спесивого и надменного, порой изворотливого, но чаще весьма принципиального, слегка полноватого, русоволосого, с выгоревшими от постоянной работы на улице волосами, бровями, ресницами, обронзовевшей кожей, острым и крупным носом, тяжелым двойным подбородком и постоянным выражением недоверия на лице. Ну что, Лек-Фом, улыбнулся человек в зеркале, повоюем еще?

Безупречно отутюженный черный мундир ждал на вешалке в гардеробе. Нашивки в виде осьминожьих глаз на стойке воротника напоминали круги с крыльев бабо-

чек. Баклавский неторопливо оделся. Втиснулся в тесный китель, секунду подумав, не стал застегиваться под горло, и вышел к столу.

Высокий пожилой сиамец застыл у окна, раздвинув бамбуковые жалюзи. Темный приталенный френч подчеркивал не только идеальную осанку, но и болезненную худобу Дядюшки Спасибо. Эта сторона дома выходила на авениду Лепестков, один из немногих проезжих трактов Пуэбло-Сиама, самого оживленного квартала в Кетополисе. Бóльшая часть улочек оказывалась слишком узка даже для скромной повозки.

— Доброе утро, уважаемый Кноб Хун.

— Доброе утро, досточтимый Ежи! Хорош ли был сон? Ночью так похолодало — я велел слугам укрыть вас вторым одеялом.

Дядюшка Спасибо повернулся к Баклавскому с вежливой полуулыбкой. Вислые редкие усы лишь на треть скрывали длинный рубленый шрам, тянущийся через всю верхнюю губу к левому виску. На скуле, в узкой прорехе несросшейся плоти, тускло блестел металл.

— Благодарю, — улыбнулся Баклавский. — Спал как птенец.

Каждый раз, оказываясь один на один с самым влиятельным сиамцем Кето, Баклавский ощущал себя чуточку факиром. Ядовитая, опасная кобра кажется почти ручной, пока не покажет зубы. О жестокости Дядюшки Кноб Хуна, или Дядюшки Спасибо, как его называли по ту сторону Баллены, ходили мрачные легенды. Мол, у него все ребра из стали, а вместо сердца механическая каракатица. Он видит под землей не хуже подземника. Вместо тростниковых палочек гадает на пальцах поверженных врагов. В полнолуние пьет змеиную кровь...

Баклавский верил тому, что слышал, ровно наполовину. Дядюшке досталось беспокойное хозяйство, сотни семей Пуэбло-Сиама кормились из его рук, многочисленные недруги жаждали растащить по кусочкам дело семьи Хун — курильни, трактиры, прачечные, киторазделки, тотализаторы. Легче было представить в его

руках счеты, чем нож или револьвер. Ведь торговля дает денег куда больше, чем война.

— Как там мои шалопаи? — Дядюшка Кноб Хун жестом пригласил Баклавского к столу, где в пиалах дымился рис, радужно светились тончайшие ломтики соленой китятины, разноцветной горкой лежали фрукты. — Хватает ли им ума не выставлять свою бестолковость на всеобщее обозрение?

Сиамцы крайне редко попадали на государственную службу. Три года назад, забирая под свое начало сразу двух племянников Кноб Хуна, Баклавский преследовал абсолютно понятные цели: добиться контроля над сиамской стороной Новой бухты, получить возможность постоянного прямого общения с Дядюшкой и обезопасить, как бы это возвышенно ни звучало, собственную жизнь.

Все получилось именно так, как было задумано. Контора досмотровиков в сиамском порту превратилась в оплот правопорядка. Имея за спиной Дядюшку Кноб Хуна и согласовав с ним устраивающие обе стороны правила игры, Баклавский шагнул в иерархии Пуэбло-Сиама сразу через две ступеньки. И китобои, и торгаши, и обычные рыбаки поняли, что отныне в водах бухты они находятся под зорким оком Лек-Фома.

А мальчишки оказались смышлеными и верными. Оба мигом схватывали премудрости работы, держали рот на замке, и присутствие сиамцев среди патрульных вскоре стало для Баклавского не вынужденным неудобством, а, наоборот, привычным и успокаивающим фактом. Он приблизил братьев к себе. Май прекрасно знал море, мастерски управлял любой лодкой, хоть под парусом, хоть с паровой машиной. Чанга интересовали мобили и все огнестрельное. Он мог за считаные минуты разобраться в самом сложном механизме, будь то хоть паровой лифт, хоть станковый пулемет.

Работа в Досмотровой службе подразумевала постоянный риск. Этим двум парням Баклавский доверял прикрывать ему спину. Без тени сомнения. А братья были всецело преданы своему шефу. И не хотелось ду-

мать, где лежит предел, граница их верности. За какой чертой долг перед семьей, кланом, традициями станет выше личного уважения и принесенной присяги. Баклавский надеялся никогда не заводить их так далеко.

— Чанг и Май — очень достойные молодые люди, господин Кноб Хун! Если их прилежность и упорство не истончатся, то со временем мы увидим их на высоких постах на службе Его Величеству.

Сиамец удовлетворенно кивнул:

— Отрадно слышать, Ежи. Мужчины семьи Хун всегда отличались усердием и отвагой. А женщины — изысканными манерами и умением угодить мужчине.

Взглянул коротко, кинжально. Баклавский не успел перехватить его взгляд, лишь почувствовал обжигающее прикосновение. Тани Па была дальней, но все-таки родственницей Дядюшки, и в ней тоже текла кровь Хунов. Запутанные, странные, непредсказуемые отношения Тани Па и Баклавского не остались секретом для мудрого сиамца. Кноб Хун никак не проявлял своей осведомленности, возможно пытаясь затянуть инспектора в жизнь Пуэбло-Сиама так глубоко, как только возможно, сделать его послушной марионеткой, связать обязательствами перед своей родственницей... Возможно, потому, что планы так и остались планами.

Груженная пироксилином джонка без опознавательных знаков пришвартовалась во внутреннем дворике *Хун-та-руэ-а*, гавани Хунов, огромного, но изысканного П-образного здания, стоявшего невдалеке от водопада, в самом красивом месте на Ручье. Ждали даров от китобоев к шестидесятилетию Дядюшки и даже опознали кормчего, поэтому охранники беспрепятственно пропустили джонку к парадному причалу.

Очевидцы вспоминали, что взрыв раскрыл *Хун-та-руэ-а* как лепестки цветка, вывернул наизнанку сразу во все три стороны. Доски и камни разлетелись на несколько кварталов, а руины здания мгновенно охватил огонь... Этот огонь до сих пор чувствовался во взгляде Кноб Хуна.

— Мне нужен ваш совет, Ежи, — голос Дядюшки

изменился — начался деловой разговор. — Много лет назад у меня украли очень дорогую вещь. Не ценную, а именно дорогую моему сердцу. Я истратил на поиски огромные средства и наконец взял след. Теперь мне осталось только пойти и забрать ее.

Баклавский не перебивал, пытаясь понять, к чему клонит Кноб Хун.

— Но беда в том, что вещь ждет меня в очень неудобном месте — там, где Баллена впадает в бухту. Сотни кораблей и лодок бороздят устье днем и ночью. Мне хотелось бы обойтись в этом деле без посторонних глаз. Небольшое содействие Досмотровой службы, пара катеров сопровождения на то время, что понадобится ныряльщикам, очень помогли бы мне — вы ведь не откажетесь помочь, Ежи? Дадите немного *чок-дэ* старому человеку?

Вся социальная жизнь Пуэбло-Сиама строилась на чок-дэ. Хотя это слово на сиамском обозначало удачу, речь шла скорее об услуге. Не всегда нужны деньги, если можно просто попросить. Кто-то принесет тебе удачу в твоем маленьком деле, а однажды и ты сможешь помочь доброму человеку. Вернешь чок-дэ. Услуга за услугу. Чок-дэ не дает счастья, и лучше соблюдать баланс — отдай, сколько взял.

Еще слова Дядюшки означали, что он не предлагает Баклавскому денег — да между ними такого никогда и не случалось. Что может быть проще — подогнать два-три катера на пару часов к устью? И все же... Баклавский понимал, что нельзя затягивать с ответом на такую пустяковую просьбу, и лихорадочно прокручивал все варианты — ему не понравилось то, о чем говорил Кноб Хун.

— Это важно для меня, Ежи. Нужно забрать вещь как можно скорее, хорошо бы сегодня. В любое удобное для вас время.

— Глубина Баллены там, где она впадает в бухту, очень велика. — Баклавский посмотрел Кноб Хуну в лицо. — Больше сорока метров. Сиамцы — искусные ныряльщики. Если бы они могли донырнуть и найти то,

что вы ищете, любезный Кноб Хун, вы не стали бы просить меня о содействии. Вопрос в том, что вы собираетесь организовать погружение водолаза.

Дядюшка Спасибо застыл как статуя. Ни одна морщинка не дрогнула на его лице. Если бы я сейчас сказал «да», подумал Баклавский, то уже не смог бы взять назад свое слово, вне зависимости от любых обстоятельств.

— А поскольку все водолазное оборудование, — продолжил он, — является собственностью Королевского флота, производится только для военных, не продается на сторону и строжайше учитывается, то вам пришлось купить его не в Кето. Я прав?

Дядюшка через силу улыбнулся и вежливым кивком подтвердил предположение. Спокойствие давалось сиамцу с трудом. Он расстегнул две верхние пуговицы френча.

— Позволю себе напомнить, господин Хун, — Баклавский отодвинулся от стола и встал. Поднялся и сиамец. — Позволю напомнить, что с Великой Бирмой мы находимся в состоянии войны.

— Ежи...

— Я не знаю и не хочу знать, ввезли вы уже бирманское оборудование в обход портов или собираетесь сегодня сгрузить его с «Царицы Клео». То, что вы мне предложили, пойди я на такой шаг, расценили бы как государственную измену. Я не ждал от вас подобного, господин Хун.

Сиамец оперся кулаком о стол. Он был невероятно взволнован. Из расстегнутого ворота свесился маленький темный ключик на черном шнурке — Баклавскому даже показалось сначала, что это нательный крест. Ноздри Дядюшки хищно раздувались.

— Мне нужна эта вещь, Ежи! Я добуду ее с вами или без вас. На благо Пуэбло-Сиама и всего Кетополиса! Попади она в чужие руки, случится страшное. Вы очень разборчивы, Ежи, я ценю вашу щепетильность, но это не тот случай! Досмотровая служба исчезнет через считаные дни — если еще раньше Остенвольф со своими дикарями не опрокинет патройский рубеж. Кето на гра-

ни хаоса, Ежи! Не цепляйтесь за принципы, помогите мне!

И ведь не врет, понял Баклавский. По крайней мере, считает свои слова правдой. Но мне нечего ему предложить.

— Извините, что разочаровываю, уважаемый Кноб Хун. Закон есть закон — пока я руковожу Досмотром. До свидания!

И, не дожидаясь ответа, Баклавский направился к дверям.

— Это недолго исправить, — вырвалось у Дядюшки Кноб Хуна.

Баклавский обернулся и, приподняв бровь, внимательно посмотрел на сиамца. Оба больше не произнесли ни слова. Баклавский вышел в коридор. Молчаливый привратник вернул ему сданную накануне портупею и черную офицерскую шинель. Чанг и Май испуганно заглянули в распахнутые двери кабинета.

— До свидания, дядя Кноб Хун! — поклонился Май.

— Хорошего дня, дядя Кноб Хун! — поклонился Чанг.

Старый сиамец все так же молча смотрел в спину Баклавскому.

Свежий воздух охладил пылающие щеки. Что за ересь! Какое сокровище может валяться на дне бухты, чтобы ради этого рисковать жизнью? Старик, похоже, тронулся умом. Баклавский спустился по мосткам к урчащему котлом катеру. Чанг и Май, не издавая ни звука, следовали за ним.

— Поторопимся, — сказал Баклавский, чтобы хоть что-нибудь сказать.

II. СИАМСКИЕ ПРИЧАЛЫ

Мальчишки были взволнованы и обескуражены случившейся ссорой. Но Баклавский не собирался их успокаивать — сами уже взрослые.

— Через шлюз пойдем, — приказал он.

В том месте, где Ручей изгибался крутой дугой в сторону бухты, сиамцы соединили их узким каналом. Он

пронырывал под десятком мостов-улиц, что исключало прохождение парусных судов, да и по ширине канал рассчитывался только на юркие джонки и небольшие паровые катера. Минуя сложный фарватер устья Баллены, в которую Ручей впадал выше моста Меридиана, можно было выиграть до двадцати минут на пути к сиамским причалам и киторазделкам, занимавшим весь южный берег Новой бухты.

Пропустив идущий встречным курсом сухогруз — ярко раскрашенную низкобортную посудину с драконьей головой, — Май повернул в сторону двух колонн в виде золоченых китовых хвостов.

Вход в канал перегораживала якорная цепь. Сбавив ход, катер уперся в нее носом. Сверху, от корявой будочки, прилепившейся к стене углового дома наподобие ласточкиного гнезда, заскользила к рулевому желтая металлическая рука. Изгибаясь паучьими суставами, она замерла открытой ладонью прямо перед Маем. Тот положил в нее несколько монет, и с едва слышным звуком хорошо смазанного маслом металла пальцы сжались.

Сиамцы всегда придавали значение мелочам. Баклавский проводил взглядом латунную длань, уплывающую к будочке шлюзовщика, — пухлые женственные фаланги, аккуратные овальные ногти, морщинки на сгибах суставов. Наверное, вблизи можно разглядеть папиллярный рисунок на кончиках пальцев.

Цепь, натянутая от берега до берега, скользнула вниз, пустив по воде гирлянду кругов. Пыхнув черной сажей, катер двинулся в створ шлюза. Разница в уровне воды сейчас составляла почти два метра. За кормой бесшумно начали сходиться створки, отрезая катер от Ручья.

— Шеф, — сказал Чанг, — а пока мы в шлюзе, можно я добегу до Подводного Бога?

Баклавский пожал плечами, что означало «не возражаю». И вдруг неожиданно для самого себя спросил:

— Если я пойду с тобой, это не нарушит какой-нибудь традиции?

— Тоже хотите совета? — поинтересовался Май, аккуратно подводя правый борт к прогнившим мосткам.

— Просто никогда там не был.

Баклавский вслед за Чангом вылез на шаткий настил. Створки сошлись, и тут же вода под катером начала убывать.

По хлипким мосткам они перебрались на кирпичный парапет шлюза. Сразу за ним в двух огромных ваннах монотонно били хвостами тягловые дельфины, приводя в действие механику створа. Медные пластины, закрывающие головы животных, крепились намертво к решеткам, через которые в ванны втекала вода. Каждое движение хвоста ускоряло огромный маховик — сердце шлюза.

Чанг двигался бесшумно, по-кошачьи, Баклавский же то и дело терял равновесие, делал лишние шаги, доски хлопали под ногами, кирпичная крошка ссыпалась в канал. По другую сторону сливного створа, уже высоко над водой, они прошли до опоры моста и спустились вниз по кривоступой винтовой лесенке.

Под мостом царила вечная ночь. Душный и кислый запах сгоревшего газолина, угля, мазута въелся в черные камни, стен не хотелось касаться. Звуки сверху, с авениды Дельфинов, парадной улицы Пуэбло-Сиама, приходили сюда искаженными до неузнаваемости. Стук подошв превращался в едва слышное капание воды, проехавший автомобиль пробуждал рокот горного обвала, а деревянные колеса торговых тележек, катящихся по брусчатке, издавали цокот клавиш пишущей машинки. Эхо собственных шагов возвращалось выстрелами.

В самой середине тоннеля у того берега, по которому шли Чанг и Баклавский, светилась вода. Вечные спички размером с руку окружали золоченую тушу кита метров трех длиной, подсвечивая ее со всех сторон. Носом кит почти упирался в парапет. На его торчащей из воды спине стояла маленькая статуэтка Подводного Будды. Бог безмятежно улыбался, сложив руки на круглом животике. Огни с глубины окрашивали Будду в странные перевернутые тени. Там, где горели спички, столбы воздушных пузырьков упирались в поверхность воды с тихим журчанием.

— Будете? — спросил Чанг, выгребая из кармана мелочь.

— Нет, посмотрю, — ответил Баклавский.

Чанг встал на одно колено и протянул руку к китовой спине. Монетка скользнула в прорезь дыхала и, звякнув, исчезла в утробе животного. Где-то под ногами заворочались тяжелые шестерни, задребезжали колокольчики. Чанг поднялся и обернулся. Еще один Будда, золотой барельеф в человеческий рост, располагался на опоре моста, напротив кита.

Чанг положил ладонь богу на живот, прикрыл глаза и замер. Баклавский почувствовал себя неудобно. Лязги и звоны стихли. Из узкой щели в губах настенного Будды показался бумажный язычок. Чанг вытянул записку и, расправив ее, повернул к свету, идущему от воды. Баклавский сделал шаг в сторону, чтобы не мешать помощнику.

— Но вы же хотели посмотреть? — переспросил Чанг и протянул записку.

— Боюсь, что не разберу по-сиамски в такой темноте.

Чанг бесстрастно прочел:

Когда к волку крадется шакал,
Бумажный меч надежней стали,
Но в нем нет твоего отраженья.

— Для тебя это что-то значит? — недоуменно пожал плечами Баклавский. — Такие предсказания может дать любая гадалка.

Чанг аккуратно скрутил бумажку в трубочку и убрал в карман.

— В этих словах много важных новостей, шеф. Только надо правильно их прочесть и понять.

Они прошли по узкому приступку чуть дальше, почти до конца тоннеля, откуда их мог бы подобрать катер. Помощник сделался неразговорчив — абракадабра из уст Подводного Будды погрузила Чанга в мрачные раздумья. А может быть, Баклавский задел его своим недоверием. А может быть, дело в дяде.

Когда Май, подведя борт прямо им под ноги, вопросительно посмотрел на Чанга, тот лишь отрицательно помотал головой. Возишься с ними, подумал Баклавский, нянчишь с пеленок, учишь работе, суешь во всякие переделки, всегда локоть к локтю, а ведь не знаешь и десятой доли того, что у них внутри. Что у одного, а что у другого. Братья стояли рядом, Май у штурвала, Чанг — держась за невысокий бортик. Одинаковые затылки, одинаковые позы. Пока не взглянешь в лицо — не различишь.

Ближе к гавани запах паленого жира становился непереносимым. Густой смрад стлался по воде и полз по улочкам Пуэбло-Сиама, не смущая местных жителей, рождающихся и умирающих с ним.

Кит — это еда, невкусная, но сытная. Кит — это кожа, плотная, крепкая, красивая, складной верх для паровых колясок, обтяжка кресел и диванов, тяжелые темно-красные куртки и пальто, сотни разновидностей ремней и упряжи. Кит — это ус для корсетов, жилы для аэростатов и дирижаблей, кость для статуэток, трубок, шахматных фигур и прочей красоты. Но прежде всего кит — это жир. Топливо для светильников и смазка — смазка! — для любых механизмов, чей век вступает в свои права.

Неприметный катер вышел из канала на открытую воду. Раз в два месяца Баклавский отправлял его в доки, где не болтающие лишнего мастера переделывали надстройки, подбирали новые краски, меняли имя. Только так можно было обеспечить внезапность, когда речь шла о рейдах-сюрпризах.

Но сейчас этого не требовалось. У рыбацких причалов уже покачивался на легкой волне черный паровой шлюп Досмотровой службы. Два десятка баркасов борт к борту прижались к пирсу, и разгрузка шла одновременно с проверкой. Черные фигуры «кротов» — так за глаза называли досмотровиков — мелькали там и тут.

Чанг легко выпрыгнул на пирс, принял поспешный доклад от старшего патрульного и устремился вперед,

не дожидаясь Баклавского. Рутинная процедура проделывалась такое количество раз, что можно было бы досматривать пропахшие рыбой развалюхи даже с закрытыми глазами.

Только у одного баркаса царила непривычная нервная суета. Из щели между потолком трюма и палубой патрульные деловито вытаскивали одну за другой легкие яркие коробки.

— Что там? — спросил Баклавский у спускающегося по трапу патрульного.

— Галлийский шелк! — весело ответил тот. — Чулки кружевные, с резинками вот тут... — видимо пытаясь показать, где именно — с резинками, патрульный закачался и чуть не улетел в воду. — Придумают же! — и, похохатывая, пошел дальше.

Хозяин лодки метался между трапом и растущей горой коробок в полном отчаянии.

— Твой товар? — остановил его Баклавский.

— *Пом майчао джай*! — заверещал сиамец, пуча глаза и отчаянно размахивая руками.

— Не понимаешь? — по-сиамски переспросил Баклавский. — Если не хочешь разговаривать, придется отнять твою лодку, посадить тебя в тюрьму, а твой дом продать другим рыбакам, которые понимают, когда с ними хотят поговорить.

— Нет, начальник, я плохо говорить, но все понимать, все! — быстро согласился рыбак. — Большая семья, животов кормить — надо *нгерн*, много *нгерн*, хотел один раз... Больше не буду...

— Будешь, — с сожалением сказал Баклавский. — Куда ж ты денешься, обязательно будешь. Ну-ка, иди за мной.

Они обошли контрабандное разноцветье.

Для верности Баклавский снова заговорил по-сиамски:

— Запомни, рыбак. Если ты помимо рыбы везешь товар... Любой товар... Ты приходишь в мою контору и говоришь, *что* привез и сколько. Там решим, какую часть надо показать таможне, а в таможне скажут, сколь-

ко заплатить пошлины. Если ты хочешь не платить ничего, то скоро окажешься в тюрьме по-настоящему. Понятно?

Рыбак старательно кивал, будто его кивки помогали инспектору выталкивать изо рта сложные звуки чужого языка.

— И еще. Если тебе когда-нибудь предложат доставить в Кето сомские синие бобы, то ответь, что ты не сумасшедший, потому что каждую лодку, каждый катер досматривает сам Лек-Фом, старший инспектор Его Величества Ежи Баклавский. Запомнил?

— Да, да, господин начальник!

— В этот раз предъявишь треть, а дальше видно будет. Тебе надо жить, но и государству тоже. Попробуешь обмануть меня — останешься и без товара, и без лодки. И еще. Сегодня от меня к тебе пришла *чок-дэ*. Если однажды мне понадобится твоя помощь, не отказывай, иначе *чок-дэ* отвернется от тебя навсегда. Иди. Не прощаюсь.

Рыбак, радостно поклонившись, засеменил назад к трапу, а Баклавский направился к самой дальней джонке, где досмотром руководил Чанг.

— Эта последняя?

Помощник кивнул.

— И где же бобы?

Чанг развел руками:

— Видимо, не здесь, шеф. Надо ловить на Стаббовых пристанях.

Баклавский насупился:

— «Царица Клео» дрейфует к югу от Кето. Каждый раз, как эта посудина оказывается в наших водах, рынок наполняется бобами под завязку. А сейчас, в канун Бойни, спрос возрастает десятикратно. Просто не верю, что никто из сиамцев не позарился — слишком серьезный *нгерн*.

— Утопить бы ее к чертям собачьим... — грустно сказал помощник.

Баклавский улыбнулся:

— Дня через три «Клео» чин по чину войдет в порт, начнет торговлю. Все в твоих руках.

— Возвращаемся в контору, шеф?

— Да, сейчас... — Баклавский еще раз обвел взглядом бухту.

Бесконечные причалы сиамцев перетекали в кривые переулочки и подворотни. Не поймать контрабанду здесь, на границе воды и суши, — значит потерять всякий шанс.

— А по пути они не могли где-нибудь швартануться по-быстрому, а?

— А где бы? — удивился Чанг. — Все сразу к причалам, как обычно. Ра Манг только китенка на разделку закинул, и тоже сюда. Все доложились, товар предъявили. Парфюмерия, пластинки, белье, опиум, чай. Все как всегда.

— А Ра Манг, кстати, что привез?

— Сегодня пустой. Говорит, пока загарпунили, пока убили, пока на поплавки вытащили, ночь и прошла. Даже без рыбы почти. Злой ушел, сердитый. Минут пять как.

Баклавский, прищурившись, посмотрел на запад, где в утренних лучах солнца растекался жирный черный дым из труб киторазделок. По воде как раз с той стороны долетел ржавый скрежещущий звук.

— Стапель заработал, — уверенно сказал Чанг.

— Быстро. — Баклавский сглотнул загустевшую слюну. — Возьми восьмерых — перекрой дорогу к разделкам и двигайся по ней. Все встречные экипажи тормозить и проверять. Жестко. Мая с катером — сюда, и пусть тоже возьмет людей. Понадежней.

Чанг кивнул и исчез.

Через минуту паровой шлюп Досмотровой службы с хищной горгульей счетверенного пулемета на носу взрыл воду винтами и по прямой устремился к киторазделке.

Стапели для подъема китов сиамцы ставят на глубину, чтобы рыбацкий баркас мог войти в ангар, оставить буксируемую тушу над опущенными в воду захватами и, двигаясь вперед, снова оказаться на открытой воде.

К берегу от киторазделки ведут не хлипкие мостки, а серьезная конструкция, способная выдержать *вес*. По мосту идут рельсы, соединяющие каждый ангар с Китовым рынком. Там огромные пласты мяса рубятся на части, удобные к перевозке, — и оптовики сбывают китятину ресторанам и консервным фабрикам, амбру — парфюмерам, ус — портным, железы — фармацевтам... Киторазделки Пуэбло-Сиама отличались от дряхлеющих китобоен Стаббовых пристаней сильнее, чем современный локомотив от прогулочной коляски.

При появлении досмотровиков полтора десятка рабочих бросились прочь, что, впрочем, для здешних мест считалось естественным поведением. Спотыкаясь на шпалах, юркие сиамцы проскакивали по широкому короткому мосту, прямо мимо носа швартующегося катера. Только рябой подслеповатый мясник в кожаном фартуке спокойно вышел навстречу.

— Доброго дня, господин начальник! А мои внуки уж подумали, что начался бирманский десант!

— Следи за берегом, — негромко напомнил Маю Баклавский и первым выбрался на причал. — Веди, — сказал мяснику, — хотим на улов взглянуть.

Тот удивленно-безразлично пожал плечами и открыл узкую дверь в кованых грузовых воротах.

Метров восьми от головы до хвоста, китенок-горбач смотрелся на огромном стапеле как кофейная чашка в глубокой тарелке. Механизм был рассчитан на взрослых гигантов, пальцы подъемника поднимались с шестиметровой глубины. От стапеля по потолку разбегались в разные стороны тельферы, вдоль подъемника шли два дополнительных рельса, по которым можно было подвести кран-балку. В углу тяжело гудел высоченный промышленный котел, питавший пневматику всей киторазделки. Столько подъемной техники Баклавский видел только на броненосных верфях за маяком Фло.

Пятеро досмотровиков вмиг проверили подсобки, коридоры, складские помещения. Пусто. Баклавский огляделся внимательно и оценивающе. Он всегда прислушивался к своей интуиции, а сейчас колокольчик трево-

ги звенел как на пожаре. Хозяин старался выглядеть невозмутимым, но получалось это лишь отчасти.

Баклавский вспрыгнул на помост — пальцы стапеля в верхней позиции превращались в разделочный стол — и обошел по кругу темно-сизую блестящую тушу. Под помост уже были заведены сливные ванны для крови и жира. Острозубая шестеренка паровой пилы свисала с тельфера.

Снова и снова Баклавский обходил тело китенка, пока не увидел то, что хотел. Брюхо животного уже было разрезано — и сшито темным шпагатом. Края двухметрового шва покрывал толстый слой жира, почти идеально маскируя разрез. Почти.

Баклавский просунул руку в локтевые ремни, сжал пальцы на рукояти пилы. Мясник дернулся, но патрульные недвусмысленно направили ему в грудь стволы карабинов.

— Что, уважаемый, кита, по старинке, прямо в океане потрошили? — Баклавский разобрался, как запускается механизм, и блестящий диск начал быстро набирать обороты.

Сиамец сделал два шага назад, к стене, и патрульные не уследили за его движением. Рука мясника дотянулась до лакированной коробочки пульта рядом с воротами, и оглушительный ревун разнес на всю гавань и половину Пуэбло-Сиама весть о том, что на киторазделке не все в порядке. Патрульные оттащили мясника в сторону и, свалив на пол, защелкнули ему за спиной наручники. Сирена выла еще добрых полминуты, пока не разобрались, как ее отключить.

Баклавский осторожно развернул бешено вращающийся диск вдоль шва и опустил пилу вниз. Стяжки на китовом брюхе лопались со звуком басовых струн. Тяжелая плоть расползалась под собственным весом, обнажая жесткий, пропитанный кровью брезент.

— Ты не жилец! — оторвав щеку от жирной напольной плитки, выкрикнул мясник. — Уйди, пока еще не поздно, и уведи людей. Вам никто не даст забрать...

Увесистый пинок от одного из патрульных прервал его монолог.

Из инструмента, висящего на опоре стапеля, Баклавский выбрал самую подходящую штуковину — названия всех этих китобойских железок он запомнить никак не мог, — острый крюк на длинной ручке, и подцепил им край брезента.

— За что люблю сиамцев, — сказал Баклавский, обращаясь в большей степени к своим подчиненным, — так это за умение угрожать в самых неожиданных ситуациях. Вы расскажете нам, любезный, кто же так фаршировал несчастное животное?

Мясник что-то прорычал и закономерно получил сапогом в бок от патрульного, знакомого с основными сиамскими ругательствами.

Под брезентом обнаружились десятки тугих продолговатых мешков. Расплывчатый штамп на каждом гласил, что к их изготовлению имеет непосредственное отношение товарищество «Сома Ривер Ресурс». Один из верхних мешков оказался слегка надорван, и крупные глянцевые бобы, переливаясь голубым и синим, драгоценными камушками скатывались по китовому боку под ноги Баклавскому и через щели между пальцами стапеля с глухим звоном падали в сливную ванну.

— Кноб Хун разрежет тебе живот, — не унимался мясник, — и зашьет в него двух вивисекторских крыс! Ты увидишь их только когда они вылезут из твоего поганого рта!

— Кислоту, — сказал Баклавский патрульным, высвобождая руку из пилы.

А сам спустился к мяснику, сел рядом на корточки.

— Не думаю, чтобы досточтимый Кноб Хун когда-нибудь приторговывал сомскими бобами. Он умный и деловой человек. Дядюшке Кноб Хуну очень не понравилось бы, что какой-то киторез осмеливается возводить на него напраслину.

Четверых патрульных, надевших респираторы и защитные очки, можно было принять за подземников. Они с трудом втащили в ангар пятидесятилитровую бу-

тыль из толстого химического стекла. Увидев кислоту, мясник заверещал и закричал что-то нечленораздельное.

— Каждого, каждого из вас, — Баклавский сгреб его за воротник, — я предупреждал лично — никаких бобов в моем порту. Ты сам накликал беду.

Пока досмотровики опорожняли мешки в сливную ванну, заполняли ее проточной водой так, чтобы ни один боб не остался сухим, пока кислота с шипением и бульканьем выплескивалась в эту взвесь, а синие шарики лопались, обнажая белоснежное нутро, и тут же серели, чернели, превращались в слизь, Баклавский стоял у открытой боковой стены ангара и смотрел на Кетополис.

Хрустальная башня дрожала светящимся столпом в утреннем воздухе. У верхней мачты, почти прячущейся в пробегающих облаках, можно было разглядеть темное пятно дирижабля. Острова в устье Баллены, разделяющей Пуэбло-Сиам и остальной город, тонули в сизой угольной дымке. Черная ниточка моста Меридиана скорее угадывалась, чем виднелась на самом деле.

На авениде Дельфинов уже начали запускать фейерверки, треск и взрывы слились в постоянный хруст, будто кто-то за горизонтом мял вощеную бумагу. Улыбчивые сиамцы сейчас торопятся выйти на улицу, всюду гомон и приветственные крики, разноцветные киты на длинных шестах плывут над крышами домов, и Будда улыбается своим подданным в ответ, словно намекая, что все будет хорошо.

На мгновение показалось, что в рокот праздника вплелись выстрелы. Впрочем, вряд ли кто-то сюда сунется — год назад пришлось продемонстрировать, что такое счетверенный пулемет, с тех пор любопытных не находилось.

Встревоженные чайки метались над гаванью, вырисовывая странные ломаные фигуры, похожие на сиамские буквы.

Конечно, Кноб Хун, думал Баклавский. На этом берегу Дядюшка так или иначе стоит абсолютно за всем,

за каждой заработанной кроной, за каждой жизнью и каждой смертью.

Но разве это что-то меняет?

III. НОВЫЙ ПОРТ

Новый порт, неудержимо разрастающийся, пускающий в бухту все новые метастазы-пирсы, с воды казался стеной из кораблей. Левее, под щербатыми склонами Монте-Боки, хмурились серые борта броненосцев, справа, в мутной дымке, зависшей над устьем Баллены, создавали суету речные трамвайчики, шлюпы, яхты и прочая мелочь, а прямо по курсу возвышались гордые обводы торговых парусников — темное дерево, золотые буквы имен, лес мачт.

Катер Баклавского в несколько галсов пробрался к отдельному пустому причальчику, закрепленному за Досмотровой службой.

Одинокий офицер застыл у поручней. Долгополая морская шинель смотрелась на плотной фигуре немного кургузо. Ветер налетал порывами, и одной рукой офицер придерживал фуражку, а другой — как-то по-дамски придерживал по́лы шинели, не давая им распахиваться. Немного комичный, но такой домашний, в доску свой Савиш. Баклавский был рад видеть своего помощника и заместителя, хотя его появление и стало сюрпризом — тот заведовал конторой Досмотра на Стаббовых пристанях.

Савиш не выглядел моложе шефа из-за ранней седины, хотя ему едва исполнилось тридцать семь. Свои внешние недостатки он умело направлял во благо и слыл одним из главных кетополийских ловеласов. Впрочем, смертоубийственный шарм и невероятно развитое умение договариваться использовалось им не только в амурных делах, и Баклавский часто засылал помощника туда, где сам не смог проломиться напрямую.

Когда Баклавский поднялся на причал, Савиш уверенно взял его за локоть и потянул в сторону конторы.

Заговорил быстро и негромко, чуть склоняя голову к уху старшего инспектора:

— Кажется, снова пришло письмо. Если так, то игнорировать уже нельзя. Это какая-то провокация, нам нельзя просто отмалчиваться. Ежи, давай сообщим в контрразведку...

Баклавский молча протянул руку. Савиш вложил ему в ладонь холодный латунный патрон пневмопочты класса «лично в руки». Отвинтив пробку с торца цилиндра — она характерно хрустнула, подтверждая, что патрон еще не был распечатан, — Баклавский взглянул на номер отправителя. Судя по первым двум цифрам, письмо отправили откуда-то с восточных окраин.

— Как на пристанях?

— Без эксцессов, — сказал Савиш. — Галлийский шелк, кельнская вода — ничего сверхъестественного. «Клео», мне кажется, уже почти разгрузилась.

— А мы накрыли бобы, — не без гордости сообщил Баклавский.

— Ух ты! Много?

— Пару тонн.

Савиш присвистнул. Баклавский выудил пальцем из цилиндра свернутое в трубочку письмо — стандартный узкий и длинный листок формата «пневма». Развернул тонкую хрустящую бумагу.

Дорогой Ежи,

лес ощетинился ветками. Патройские смертники лишь длят агонию. Очищение застанет нас на руинах Хрустальной башни. Ты справился с Сиамом — подчинишь и моих новых друзей. В мире было бы грустно без тебя.

Искренне и отчаянно,

Твой О.О.

Баклавский поймал заинтересованный взгляд помощника.

— Чуть позже, — сказал он Савишу и сунул письмо

в карман, видя, что от дверей конторы к ним спешит незнакомый смуглый офицер в мышино-сером мундире.

— Господин инспектор, — издалека загнусавил таможенник.

— Старший инспектор, — поправил его Баклавский. — Слушаю вас, господин майор. И давайте без чинов, не на плацу. — Протянул руку. — Баклавский.

— Ривейра. Я по поводу любековских контейнеров. Можете, как сосед соседу, объяснить, что происходит?

Савиш изменился в лице и тихо отдрейфовал в сторону.

— А что-то происходит? — уточнил Баклавский. — Обычная процедура — Досмотровая служба по своему усмотрению проверяет грузы, входящие или покидающие порт. Торговый дом «Любек и сыновья» — один из наших основных подопечных. Что вас волнует?

— Все обеспокоены, — сказал таможенник. — В Ганайских копях взрывом метана искорежило несколько жужелиц, добыча угля почти остановлена. Техника нужна как воздух, а вы тормозите отправку. Груз срочный, идет под пломбой Канцлера. Зачем устраивать волокиту?

— Думаете, Канцлер лично пломбировал ящики? — улыбаясь, спросил Баклавский. Он всегда улыбался, когда злился, а сейчас был просто взбешен.

Никаких разумных доводов задерживать двенадцать тяжелых морских контейнеров, принадлежащих главному торговому дому города, у него не было. Только чутье, знаменитое лисье чутье, сделавшее его начальником Досмотровой службы. С грузом что-то не так, но из-за пломб Одноногого контейнеры нельзя вскрыть. Из допустимых трех суток на проверку уже шли последние, а ответа из Дворца так и не было. Ни положительного, ни отрицательного — никакого.

Все это типично, так типично для Его Величества, думал Баклавский. Немудрено, что практик и прагматик Канцлер давным-давно подмял под себя всю власть — государство не терпит пустоты, а королю откровенно

плевать на собственные обязанности. Скорее всего, он даже не подозревает, что они у него есть.

— Не надо шутить, Баклавский... — Выскочка из центральной таможни сразу включил увещевающие интонации, так разговаривают с непослушными детьми и капризными больными. — Разрешения на досмотр у вас нет и не будет. Любековский сухогруз под парами, так зачем ссориться со всеми? Соблюсти букву?

Интересно, подумал Баклавский, а когда мою службу вольют в таможенное управление, мне с этой крысой еще и работать придется вместе? Увольте! Все катится киту под хвост...

— А вот еще занимательный вопрос, — сказал он. — Горное, как вы мне напомнили, оборудование следует из Кетополиса в Ганайские копи. Чисто внутренняя перевозка. Так кто же вас, любезный Ривейра, уполномочил просить досмотровиков за этот груз? Может быть, мне побеседовать сразу с этим человеком?

— Баклавский... Мы же делаем общее дело. Сейчас непростое время, там бирманцы, тут сумасшедший генерал, в городе неспокойно... И если уж на этих чертовых ящиках оказались пломбы самого Канцлера...

— Милейший Ривейра! — Баклавскому в чем-то было жаль незадачливого служаку. Неужели не могли кого-нибудь поиезуитистей прислать? — Не знаю, кому сейчас присягают в вашем ведомстве. Но я руковожу Досмотровой службой Его Величества и ответ за свои решения держу во Дворце. Передайте, пожалуйста, тому, кто послал вас ко мне, следующее. Будь у меня на каплю больше уверенности в том, что эти контейнеры надо открыть, я уже трижды наплевал бы на все пломбы. Если там внутри не совсем то, что написано в накладной, у Любеков будут серьезные проблемы.

Ривейра молча развернулся и с деревянной спиной направился по набережной в сторону таможенного управления.

— Не беспокойтесь, господин майор! — крикнул ему вслед Баклавский. — Если до четырех часов я не получу

разрешения на досмотр, то груз немедленно покинет порт. Ни минуты задержки!

Ривейра остановился.

— Не беспокойтесь, господин инспектор! — язвительно крикнул он в ответ. — Когда Досмотр наконец переподчинят, мы с вами еще раз обсудим, как правильнее реагировать на просьбы коллег.

Баклавский быстрым шагом направился к администрации порта — длинному приземистому зданию мрачно-серого цвета. В помещения Досмотровой службы вел отдельный вход с торца. Взлетел по короткой лесенке, кивнул козырнувшему патрульному на входе, повернул во внутренний коридор.

— Может, не надо было так? — спросил Савиш, едва поспевая следом и утирая платком лоб. — Зачем ссориться с Зигфридом? Что они могут везти в Ганай? Деталь «А» вместо детали «Бэ»? Какое нам до этого дело?

— Не знаю, дружище. Просто хочу досмотреть хоть один контейнер и убедиться, что мне все почудилось.

— А что с письмом? — спросил Савиш. — Опять сделаем вид, что не получали? Кончится тем, что нас обвинят в шпионаже.

В его словах был резон. И так желтые газетенки раскопали, что Баклавский учился с мятежным генералом в одном классе — будто там не было других учеников и происходило это вчера, а не тридцать лет назад. То и дело в передовицах мусолили, на кого делает ставку Остенвольф, кого он привлечет на свою сторону, если прорвет оборону Патройи, — забывая, что поступки генерала давно уже вышли за рамки нормальности и предсказуемости.

— Есть чем писать? — спросил Баклавский, распахивая дверь в свой кабинет.

Савиш протянул ему вечное перо.

— Подожди, пожалуйста, в патрульной, — сказал Баклавский изменившимся голосом. — Я позову.

В посетительском креслице достаточно комфортно устроился мужчина средних лет в дорогом костюме английской шерсти и лакированных ботинках. Его тонкие

усики были подстрижены идеально ровно, а кудрявые русые волосы уложены с тщательностью, выдающей руку дорогого цирюльника. Идеальная осанка, здоровый румянец и блеск глаз говорили о том, что посетитель не жалеет времени на занятия новомодной галлийской гимнастикой.

— Попроси сделать два чая! — крикнул Баклавский вслед удаляющемуся Савишу и прикрыл за собой дверь.

— Здравствуй, Ежи, — сказал Казимир Любек, старший сын Зигфрида Любека, отца-основателя крупнейшей в Кето компании. Поднялся навстречу.

— Привет, Кази, — ответил Баклавский, обнимая школьного друга.

Значит, Ривейра был просто пробным камушком. Привет, Кази.

Начался обмен охами и ахами, срочными расчетами, когда же, в самом-то деле, они виделись в последний раз и при каких обстоятельствах, и что — неужели же совсем ничего? — изменилось в их жизни с того далекого дня. Чанг, бесшумно просочившись в кабинет, сервировал на рабочем столе легкий завтрак и тотчас исчез.

Баклавский был искренне рад видеть Любека, но причина встречи здорово омрачала эту радость.

— Давай без экивоков, — первым предложил Казимир. — У нас в копях на днях рвануло так, что в Кето было слышно. Из четырех машин две встали, а одна и так на ремонте. Кайлом да киркой много не наработаешь, мы же не подземники. За трое суток сформировали заказ. Что-то подвозили прямо с завода, что-то перетачивали из других деталей. Огромная работа.

Баклавский отхлебнул маленький глоточек из тонкой фарфоровой чашки, не отрывая глаз от Любека.

— Когда отец узнал, что груз до сих пор в порту, его чуть удар не хватил. Попросил разобраться. Каждый час простоя — это наши деньги, Ежи. Что стряслось? Зачем тебе запчасти к жужелицам?

Баклавский развел руками.

— Сам уже мучаюсь, Кази! Дворец все больше напо-

минает сонное царство. Отправил обычный запрос. Рутина, протокол. И третий день — тишина! — Покосился на пустой ящик входящей почты. — Главное, пока нет официального ответа, я и сделать ничего не могу. Процедура запущена, назад не откатишь. Знаешь же этих дворцовых формалистов. Буду их сейчас снова тормошить.

Казимир задумчиво приподнял чашку и поставил назад на блюдце.

— Отец не стал бы... — замялся, не зная, как лучше сформулировать. — Не стал бы связываться с какой-нибудь ерундой, ты же понимаешь. Наше корыто под парами, только ждет отмашки. Двенадцать контейнеров — час на погрузку. К ночи будет в Ганае. Ты же умный, Ежи, придумай что-нибудь! В собственном ведомстве-то надо уметь изымать лишние бумажки...

Баклавский поморщился, как от зубной боли:

— Это же Дворец, Кази! Кит меня дернул запросить снятие пломб... Кстати, как это вы умудрились еще и Канцлера подпрячь?

— Срочный груз. В интересах города, — улыбнулся Казимир. — Уголь не может ждать.

— Боюсь, придется, — сконфуженно вздохнул Баклавский. — Надеюсь на ответ — с минуты на минуту. До обеда я здесь. Получу письмо — сразу все сделаю быстро. Извини, Кази, больше ничего предложить не могу.

Любек поскучнел.

— А правда, что вашу службу распускают?

— Да нет, куда ж без нас. Просто переподчиняют таможне. По крайней мере, с сонными мухами из Дворца больше не придется возиться.

— Хорошая мина, Ежи. Если я все правильно понимаю, на новом месте ты не пробудешь и дня. Куда собираешься?

Баклавский хмыкнул.

— Есть еще две недели. Посмотрим.

Казимир поднялся.

— Если что, обращайся. Для тебя всегда работа най-

дется. Я серьезно. Или думаешь, Патройя не устоит? — Взглянул резко, остро. — Тебе Октавио не пишет? Нет? — И, не дождавшись ответа, признался: — А мне пишет. И мне не нравятся его письма. Что ему там в голову ввинтили, и кит не разберет.

Повисла неловкая пауза. Казимир оставил на краю стола визитную карточку и двинулся к двери. Баклавский придержал его за рукав:

— Без обид?

Казимир усмехнулся:

— Не в том возрасте уже. Подумай над предложением. Кстати, вечером в «Золотом Плавнике» будет весело, сиамский маскарад — приезжай, если найдешь время!

И, прощально взмахнув рукой, вышел прочь.

Недопитый чай остывал на столе. За стенкой скрипели стулья. Все здание администрации пропахло сырой дешевой бумагой. Бланки, реестры, протоколы, описи многоэтажно вздымались на всех горизонтальных поверхностях.

Что мне с тобой делать, Кази? Или ты веришь тому, что говоришь, и это только моя паранойя заставляет перепроверять каждое твое слово? Или Зигфрид использует собственного сына вслепую, как болванчика? Не хочу подозревать, Кази. Предпочту знать точно.

Наконец решившись, Баклавский достал из глубины верхнего ящика позолоченную визитную карточку. За два года она не поблекла, что говорило о высоком качестве печати. «Праздники и торжества. Свадьбы. Похороны. Дорого и со вкусом».

Баклавский снял трубку телефона и ровным голосом продиктовал девушке шестизначную комбинацию цифр. Ответили почти сразу.

— У аппарата.

— Баклавский на проводе.

— Лек-Фом? — спросил слегка раздраженный голос. — Гроза причалов и всевидящее око? Польщен вниманием.

— Рад застать вас в добром здравии, Шульц, — Бак-

лавскому очень не хотелось съезжать на манеру общения «желтых перчаток», но все равно слова складывались в несвойственном им порядке. — Надеюсь, что и юный Патрик больше не хворает?

Два года назад внучатый племянник Шульца едва не попался на горячем — сопровождал от «Царицы Клео» до берега фрезерные станки, которые пытался ввезти контрабандой один ушлый фабрикант. Груз ушел под конфискацию, но мальчика Баклавский из списка задержанных вычеркнул, полагая, что раньше или позже чок-дэ самого Гибкого Шульца пригодится для чего-то более важного. Сегодня, похоже, этот день пришел.

— Спасибо за заботу, господин Баклавский, — процедил «отец правого берега». — Патрик поправился, взялся за ум, я помог ему устроиться в Механический. Золотые руки, станет хорошим мастером.

Да, подумал Баклавский, среди «перчаток» прорастает своя белая кость.

— Вспомнил нашу давешнюю беседу, Бенедикт, про вашего знакомого умельца-антиквара...

Шульц внимательно молчал.

— Есть у меня фамильная шкатулка со сломанным замком. Внутри громыхает что-то, а что, не пойму. Разобрало любопытство, что ж там мои предки заперли, но ломать жалко. Вспомнил про вашего мастера, думаю, вдруг он смог бы внутрь заглянуть, не открывая шкатулки. А то если там какая ерунда, так не стоит и возиться.

Шульц продолжал молчать.

— Замок-то больно крепкий, одноногого мастера работа.

— Сильно приспичило? — наконец спросил Гибкий. — До вечера потерпит?

— До вечера — умру! — засмеялся Баклавский. — Задушенный любопытством. Хорошо бы пораньше, пока держу себя в руках.

— А шкатулка большая?

— Она из нескольких секций. Каждая с вашу «Сигарную Коробку».

Шульц не сдержал смешка. Если даже линию про-

слушивали, вряд ли кто-то вспомнил бы его первый паровой катер, сгоревший в самом начале войны с сиамцами за Новый порт. Рубка «Сигарной коробки» была инкрустирована сандаловым деревом, и Шульцу иногда снился запах пожара.

— Чему удивляться, господин Баклавский? Так часто с товаром бывает: то вещь стоит, годами никому не нужная, то вдруг на нее словно кит посмотрит, и прямо из рук ее рвут. Если антиквар сейчас в городе, то куда ему подъехать?

— Время утреннее, мне удобнее будет встретить его в порту, у головной конторы...

С языка чуть не сорвалось «Буду признателен», но это было бы явно лишним.

Шульц, не прощаясь, повесил трубку. Ну, Лек-Фом, отступать теперь некуда? Баклавский перевел дух.

Перед ним на столе так и лежало вечное перо Савиша, напоминая еще об одном незаконченном деле. Баклавский выдернул из-под пресс-папье лист «пневмы» и застыл над ним с занесенным пером.

«Прямо день воспоминаний! Не хватает только Мейера. После Механического из нас один Казимир пошел проторенной дорогой. Получил образование и применил его в деле — в собственном деле, под чутким руководством всесильного отца. Мейер подался в сыскари, меня занесло в Досмотр, а Остенвольфа потянуло на военную романтику. И никогда не узнать, что и в какой момент в нем надломилось... Врут газеты, врут министерские, врут придворные. Умник-Октавио, патриот и просто честный человек, гонит железных тварей и вылезшее из сельвы зверье на собственных пехотинцев...

И поэтому я не знаю, что написать тебе, Остенвольф. Не видя твоей цели, не могу угадать помыслов. А ты никогда не позволял себе действовать нелогично. Ты же Умник».

«Октавио», — вывел Баклавский, и тут же случайная чернильная капля испортила лист. А под промокашкой — расплылась корявой каракатицей.

«Октавио, — написал Баклавский на новом лист-

ке. — Каждого из нас ведет собственный долг. Не оскорбляй нашу дружбу. Ежи».

Звякнул колокольчиком. Попросил Чанга позвать Савиша. Свернул «пневму», убрал в чистый картонный патрон с красной полоской срочности, аккуратно надписал крышку, и, опустив цилиндр в приемник, с силой дернул рычаг отправки. Короткое послание отправилось в путь до ближайшего узла связи. Там оператор выудит его из груды ординарных сообщений, перекинет на другой узел, за реку, и еще один оператор вне очереди вложит патрон в отправной затвор, выставит на медных верньерах трехзначный код адресата, и цилиндр снова заскользит по душному нутру труб, опутавших Кетополис. На далекой окраине города, скорее всего, письмо не выпадет в ящик ничего не подозревающего обывателя, а исчезнет по пути. У аккуратного распила в трубе пневмопровода кто-то неприметный и терпеливый вздохнет с облегчением и, сунув цилиндр за пазуху, отправится в путь...

А может быть, все пойдет не так и уже через четверть часа письмо ляжет на стол Канцлеру. Баклавского это почти не волновало.

Савиш, как обычно, казался озабоченным происходящим куда более своего шефа.

— Ну как? — спросил он с тревогой в голосе.

Баклавский пожал плечами.

— Это был Любек, да?

— Казимир. Старший сын.

— И?

— А какое может быть «и»? Объяснил ему, что на двор Его Величества особого влияния не имею.

— М-м... — Савиш совсем занервничал. — То есть держим груз до последнего?

— Угу! — Баклавский вытянул из хрустальной вазочки ванильный сухарь и смачно отгрыз край. — А еще я все думаю, как бы в эти китовы ящики заглянуть...

— Ежи! — Брови Савиша встали домиком. — Мы же давние друзья, послушай меня хоть раз! Ну нету же никакого смысла цепляться за этот хлам! Ты поругаешься

и с Любеками, и с таможней, и с канцелярией — зачем, ради всего святого?! Можешь быть уверен, я поддержу тебя во всем, но к чему нам навлекать на свои головы неприятности? Все равно за две недели не переделать мир, а что будет дальше? Как жить? Объясни мне!

Баклавский сжал губы. Он не любил высокопарных заверений в преданности, необдуманных клятв, пустопорожних обещаний. Тани Па очень хорошо научила его жить одним-единственным днем — нити судьбы так легко выскальзывают из рук...

Савиш с видом соболезнующего родственника примостился в гостевом кресле. Вдруг хлопнул себя по лбу.

— Со всей этой кутерьмой, Ежи, я забыл самое главное.

Выудил из нагрудного кармана маленький желтоватый конверт и положил его перед Баклавским.

— Что это?

— Я же еще и из-за этого приехал. Утром мимо прошла черная лодка. Морячок принес, сказал, тебе в руки. Я думаю, ответ от *нее*.

Баклавский почувствовал, как сердце забилось сильнее. Другой так взволновался бы, открывая любовное послание. Но господина старшего инспектора в этот момент интересовали совсем другие вещи.

Который год ему не удавалось найти контакт, заключить подобие договора с плетельщицами. Добрая треть Стаббовых пристаней, вся северная сторона залива, находилась под контролем этого загадочного клана. Плетельщицы обладали серьезным влиянием в том числе и в криминальном мире. И Гибкий Шульц, и Дядюшка Кноб Хун не могли игнорировать интересы Белой Хильды, слепой старухи, главы клана. Очень немногие могли похвастаться тем, что видели ее воочию, да и половине из этих немногих веры не было никакой.

Баклавский надорвал конверт и взял из бювара костяной газетный нож. Аккуратно разрезал плотную дорогую бумагу и извлек на свет... театральный билет. Савиш с любопытством нагнулся над столом:

— «Коральдиньо» в «Ла Гвардиа». Второй ярус, за-

падная ложа, первый ряд. Неплохо, неплохо! Когда последний раз изволили посещать спектакли, господин инспектор?

Баклавский поцокал языком, внимательно читая.

— Это же сегодня! Смотри, сегодня в час! Что за время такое?

Савиш тоже посмотрел в билет.

— Это не спектакль, Ежи. Прогон. Генеральная репетиция. Мероприятие для тонких ценителей. Неужели вы с Хильдой будете шушукаться под монологи Тушинского?

Баклавский перевернул билет.

«Займите место, когда уже погасят свет. Не вздумайте прийти в мундире. Постарайтесь не привлекать излишнего внимания — оно неприятно обеим сторонам. Жду Вас. Энни».

Неровный, расползающийся почерк, кривые строчки. Будто тот, кто писал, не потрудился открыть глаз.

— Что еще за Энни? — удивился Савиш.

— Ты многих плетельщиц знаешь по имени?

— Никого... То есть одну. Хильду.

— Думаю, что эта Энни — кто-то из приближенных. Понятно, что разговора в театре быть не может. Послать, что ли, тебя? Для симметрии?

Конечно, подобную встречу Баклавский не перепоручил бы никому. Он шутил, но Савиш этого не понял.

— Что ты, Ежи, — испуганно сказал он. — Я плетельщиц с детства боюсь. Будь моя воля, на пушечный выстрел не подошел бы!

— И этому человеку я доверил Мертвый порт, — усмехнулся Баклавский. — Поезжай к себе. Может, заскочу после обеда. Расскажу, каков Тушинский.

Савиш рассмеялся:

— Если его сегодня утром не пристрелили. Нашелся дуэлянт великий!

Баклавский давно приметил в помощнике эту странную черту — на ровном месте, ни с того ни с сего, язвить по поводу малознакомых людей. Но друзьям пола-

гается прощать мелкие вольности. Слишком их мало, нельзя разбрасываться по пустякам.

Савиш засобирался, что заключалось в обхлопывании карманов, хаотичных метаниях по кабинету и закатывании глаз, будто это помогало вспомнить что-то важное.

— Вроде все! — наконец заявил помощник.

— Угу, — подтвердил Баклавский. — Твое перо...

Перед шлагбаумом на въезде в охраняемую зону порта урчал элегантный «Астин». Из будки охраны опасливо выглядывал патрульный. Окна мобиля были черны как ночь, за стеклом едва угадывался профиль водителя и пассажира.

Баклавский подошел к мобилю. Задняя дверца приоткрылась. В проеме мелькнула полосатая брючина и крепкая мужская кисть, затянутая в желтую лайку.

— Хотелось бы обойтись без пеших прогулок, — негромко сказал пассажир.

Баклавский махнул патрульному, тот начал торопливо крутить ручку шкива, и шлагбаум поплыл вверх.

Баклавский втиснулся на заднее сиденье мобиля. Хромированные плашки, тугой набивной диван, бархатные шторки на окнах темного бирманского стекла — похоже, Гибкий Шульц прислал собственную машину. Хороший знак.

Человек, сидящий рядом, представился:

— Дэнни.

Баклавский недоверчиво повернулся к нему. Чок-дэ, зависший за Шульцем, был не пустяковым, но давнишним. Глава «перчаток» имел право отмахнуться от просьбы Баклавского, прислав из вежливости кого-то из желторотиков, но не сделал этого. Сидящий рядом человек мог быть только легендарным Зорким Дэнни, лучшим медвежатником Кето, создавшим свое реноме не одной сотней успешных взломов.

Мобиль на изумительно мягких рессорах не въехал, а вплыл в зону досмотра. Баклавский указал шоферу

нужные повороты — в лабиринте ящиков, тюков, рулонов, коробов мог разобраться только местный.

Четверо патрульных черными статуями застыли по углам квадрата, составленного из любековских контейнеров. Штыки примкнуты, оружие наперевес. Судя по всеобщему интересу к этому грузу, мера действительно не лишняя.

— Что работаем? — спросил Зоркий до того, как выйти из машины.

Баклавский показал на контейнеры:

— Хочу проверить, что внутри, а вскрывать не имею права. Слишком тугие пломбы.

Зоркий понимающе кивнул.

— Отверните мальчиков немножко!

Баклавский вышел из мобиля. Ближайший досмотровик вытянулся в струнку.

— Господин инспектор! Докладывает старший патрульный Полак! Происшествий нет! Подозрительных личностей не появлялось!

— Вольно, — Баклавский подошел к контейнеру. Плотно пригнанные доски, стык в стык, стягивались металлической лентой. Углы закреплены. По граням — скобы. Не то что палец просунуть, солнечному лучу не проскочить. — Таможня?

— Крутились... лейтенантики. С шуточками, мол, кого поймали? Кита по частям? Мы, как велено, в разговоры не вступали.

— Давай-ка вот что, Полак... Я пока здесь побуду, хочу номера пломб с накладными сличить. Надо, чтобы мне никто не мешал и вообще сюда не заглядывал. Включая вас.

Патрульный оценивающе осмотрел местность.

— Тогда, господин инспектор, нам надобно вот так встать: двоим у пакгаузов, одному к забору, а одному у воды.

— Молодец! — похвалил Баклавский. — Действуйте!

Рядом навалом, горой, лежали тюки с конфискатом. Неделю назад какой-то пройдоха пытался ошвартоваться вне бухт, пользуясь внезапным штилем. Не получи-

лось. Чайки разодрали один из тюков и с воплями вытягивали оттуда блестящие шелковые кофточки — красные, желтые, сиреневые, все в стеклярусе и блестках.

Хлопнула дверца мобиля, и к Баклавскому подошел Зоркий. Его близко посаженные глаза смотрели непонятно куда — левый сильно косил вбок, а на лице застыла трагичная и скучающая гримаса. Медвежатник был одет в мешковатый костюм, тупоносые туфли и мятую шляпу, без обычного для «желтых перчаток» лоска. Специалист его уровня мог плевать на любые традиции и порядки. В одной руке Зоркий держал домкрат, в другой — черный кофр, по форме напоминающий чехол для флейты, только чуть длиннее.

— В каком смотреть будем?

— В любых трех-четырех, какие приглянутся. А там разберемся.

Зоркий положил инструмент на землю, обошел контейнеры по периметру. Прохлопал ладонями каждую стенку, внимательно изучил стыки, к одному контейнеру зачем-то прижался ухом. Вернулся к мобилю.

— А Одноногий не огорчится? — по-свойски осклабился Зоркий.

— Вскрывать — нельзя, — невозмутимо сказал Баклавский, — а про «посмотреть» в бумагах ничего не сказано.

— Ну, тогда приступим, помолясь.

Дэнни бросил шляпу на сиденье мобиля, а затем достал из багажника еще один домкрат и несколько блестящих железяк устрашающей формы. Через пару минут угловой контейнер перекосился настолько, что доски по длинной стороне скрипнули и кое-где разошлись, открывая узкие темные щели. Зоркий щелкнул замками кофра. В синем бархате лежало нечто, похожее на человеческий позвоночник, но собранное из металла и стекла.

— Красивая смотрелка, — уважительно сказал Баклавский.

— Гляделка, — вежливо поправил Зоркий.

С одного конца необычного инструмента крепился

широкий металлический обруч. Дэнни надел его на голову и подогнал крепеж так, чтобы пустой ствол располагался напротив правого глаза.

Гляделка походила на хобот или клюв. Пальцы правой руки мастера вошли в проволочные петли на уровне щеки, и конструкция несколько раз по-змеиному изогнулась.

Зоркий подошел к контейнеру и осторожно просунул кончик гляделки в щель. Левой рукой направил к свету боковой отросток с большой собирающей линзой. Двинулся вперед, пока не прижался к доскам носом. Баклавский стоял у него за спиной. Мышцы на шее Зоркого налились, распирая воротник, — видимо, гляделка весила не один килограмм. Поводя пальцами влево-вправо, медвежатник наконец сообщил:

— Детали.

Потом решил сказать чуть больше:

— В ящиках. Открытых и закрытых. Все в масле.

— Что за детали? — спросил Баклавский. — На что похоже?

— Как объяснить... А что там должно быть?

— Сменные узлы для жужелиц — горных машин в угольных шахтах.

— Вроде того. Здоровенные тяги, шарниры, поршни. Точнее не скажу.

Баклавский прикусил губу. Потом едва не хлопнул себя по лбу.

— А маркировка? Маркировка есть?

— Кое-где. По шесть-семь цифр. Некоторые ящики подписаны. Ага, вижу железяку с выдавленным номером.

Баклавский выдернул из кармана блокнот.

— Записываю.

— Что?

— Номера.

— Что, все?

— Все, какие видны.

За последующий час их никто не потревожил. Чайки растащили контрабанду по всему порту, и разноцветные тряпочки весело смотрелись в осенней серости.

Когда мобиль Шульца миновал шлагбаум, Баклавский вернулся в контору. Чанг беззвучно поставил перед ним чайник, сахарницу, чистую чашку и тут же вышел.

Времени до встречи с плетельщицей оставалось мало. Обжигаясь кипятком, Баклавский сверял каракули из своего блокнота с длинным товарным перечнем в накладной на фирменном бланке компании «Любек и Сыновья». Кази, Кази, Кази...

Маркировка — великое изобретение. Унификация скоро покорит мир. Каждая вещь, каждое творение рук человеческих будет идентифицировано, вписано в реестр и получит на веки вечные свое уникальное обозначение. Что это у нас тут за «Ви-Пи»? Сорок семь одиннадцать, сорок семь ноль пять... И ноль девять... Обводим. И вот эти... «Эс-Эф»... Пять позиций, и ни одной — в накладных. И вот еще...

Из форта прикатился орудийный залп — полдень.

— Чанг, готовь мобиль! — крикнул Баклавский. А сам вызвал все тот же номер.

Абонент долго не отвечал, и из трубки сочилась стылая тревожная тишина. Наконец щелкнуло соединение.

— Благодарю, — сказал Баклавский и, не дожидаясь ответа, повесил трубку.

Номера деталей, не числящиеся в любековских накладных, он выписал на отдельный листок и убрал в карман шинели. Думай, Лек-Фом, думай, кто за четыре часа в состоянии сказать тебе, что означают эти буковки и циферки.

На северо-восточном склоне Монте-Боки, плавно и величаво спускающемся к сутолоке и неразберихе бульваров, с давних пор селилась знать. Чем выше, чем ближе к вершине, украшенной Дворцом, стоял особняк, тем древнее и влиятельнее был род, его занимающий. Еще Август-Строитель облюбовал одинокий холм, возвышающийся над заливом с юга, под место для будущей королевской резиденции, в стороне от мирского шума старого города.

Новая бухта тогда была всего лишь озером, собирающим в себя все рукава Баллены и выплескивающим их в океан через узкую и мелкую горловину между Монте-Бокой и Орудийным холмом. Берега озера постепенно заселили сиамцы, те, что бежали из своих южных земель от бирманской резни. В городе пришельцев не особо жаловали, а Молчаливый Стабб, легендарный боевой адмирал Кето, попросту запретил сиамцам приближаться к порту.

Город рос, у подножия Монте-Боки раскинулись изящные Бульвары, пышным цветом расцвела Слобода, и порт стал мал для города, так детишки вырастают из старой одежды. После того как бирманские корсары едва не захватили Орудийный холм, король Максимилиан отдал распоряжение удвоить океанский броненосный флот, на тот момент состоявший из стремительно устаревающих аргентинских и галлийских дредноутов, обшитых стальными листами. На стапелях Кето впервые заложили суда столь внушительного водоизмещения. Стало ясно, что неудобная бухта с головоломным фарватером окончательно изжила себя.

Инженеры Гримальди и Лейтон, выписанные из трещащей по швам от междоусобных войн Европы, возглавили невероятный по тем временам проект. И когда о борт нового флагмана броненосного флота, горделивой широкоскулой «Леди Кетоники» разбилась обязательная бутылка шампанского, углубленный инженерами пролив между Монте-Бокой и Орудийным холмом уже превратил пресноводное озеро в новую, идеально расположенную, закрытую от любой непогоды бухту.

С момента рождения Нового порта не прошло и пятнадцати лет. Стаббовы пристани медленно и мучительно умирали. Старый порт стал местом для неудачников. За одну праздничную ночь сгорела дотла Слобода. Многие мастера не стали отстраиваться заново, резонно рассудив, что теперь дела делаются по другую сторону Монте-Боки.

Пока окрестности Нового порта раскупались проницательными землевладельцами, обустраивались и пре-

ображались, на Стаббовых пристанях поселилось отчаяние и неверие. Всё чаще старый порт стали звать Мёртвым, разнося его и без того дурную славу. Северная часть залива постепенно превратилась в Плетельню, белое пятно на карте города. Слепые женщины предпочитали жить в стороне от всех, своим кланом, их мужья и сыновья блюли границы Плетельни жестоко и эффективно. Войти без приглашения в квартал, опутанный сетями плетельщиц, считалось надежным способом покончить с собой.

С воды доступ к Плетельне был значительно проще. С тех пор как началась война с китами — многие кетополийцы, несмотря на запрет, осмеливались называть очевидные вещи своими именами, — роль плетельщиц год от года становилась все более значимой. До того, как охранные сети навсегда не перекрыли вход китам в обе бухты, не раз и не два гигантские самоубийцы выбрасывались на берег, уничтожая по пути не только лодки и рыбацкие челны, но даже крупные торговые суда. Те, кто хоть раз слышал голос атакующего кита, навсегда проникались почтением к плетельщицам.

Но почтение почтением, а каждый причал Кетополиса находился под контролем Досмотровой службы Его Величества Михеля Третьего. Остров Кето, расположенный, по мнению его жителей, в центре мира, всегда был открыт для торговли с купцами из любых государств — с единственным исключением для Великой Бирмы. Впрочем, бирманцы отродясь не умели торговать, совершенствуя свои навыки лишь в войне и морском разбое.

В подчинении Баклавского находились три отделения Досмотровой службы — на Стаббовых пристанях, в Пуэбло-Сиаме и, головное, в Новом порту. Четыре паровых катера, три новеньких мобиля. Сорок патрульных — не военных и не полицейских — служили под его командой, и таможне доставалась только бумажная работа — проверить документы и принять пошлину в кассу. Досмотровики гордились своей черной формой и

держались обособленно, не опускаясь до панибратства с коллегами в сером.

Но теперь, когда Монопед понемногу прибрал к рукам всю реальную власть, участь Досмотровой службы была ясна и прозрачна. Ленивый и рассеянный Михель на самом деле не мог управлять чем-то сложнее двуколки, поэтому Баклавский относился к надвигающимся реформам хоть и отрицательно, но с пониманием.

— Господин инспектор, — на выходе из здания розовощекий патрульный, из новеньких, вытянул шею, пытаясь изобразить стойку «смирно», — а что... а что с нами теперь будет?

Чанг вывел мобиль из служебного ангара. Плохо протретый котел еще потрескивал, и дым из трубы шел не сизо-прозрачный, а жирный и черный.

Баклавский, нервный и напряженный, как зверь, почуявший добычу, только хохотнул:

— С вами-то? А что с вами может быть? Переоденетесь из кротов мышками, и всех делов!

Запрыгнул на сиденье рядом с Чангом.

Мобиль заложил крутой вираж и затрясся по брусчатке вверх по дороге, поднимающейся из порта в район Хрустальной башни.

IV. «ЛА ГВАРДИА»

Решение нашлось само.

По левую сторону Предельной улицы дворцы и виллы прятались за ажурными оградами на склонах Монте-Боки. По правую — респектабельные многоэтажные особняки выстроились в ряд, меряясь вычурными фасадами. Родители Баклавского умерли давно, и он жил один в гулкой пятикомнатной квартире.

Окна гостиной выходили в узкий переулок и на невысокий жилой дом. Баклавский любил наблюдать, как в уютной мансарде напротив, оккупированной кульманами и чертежными столами, работает старик-инженер, из флотских. Последние дни он вырисовывал чертежи паровых котлов бирманской джонки, взятой на

абордаж к западу от Кето в середине июля. Старик, седой как лунь, мог часами простаивать перед кульманом, вычерчивая патрубки, оси, клапаны сложной трофейной техники. Куда смотрит контрразведка, недоумевал Баклавский, ведь живи в моей квартире кто-то чужой, просто глядя в окно можно было бы все секретные разработки срисовывать до последнего винта!

Сосед, когда замечал Баклавского в окне, поднимал в приветственном жесте руку и продолжал чертить. Сегодня Баклавский нашел в справочнике телефонный номер инженера и позвонил ему. Не вдаваясь в подробности, попросил помочь с поиском по маркировке двух десятков сомнительных деталей. Старик пообещал связаться с архивом, явно польщенный тем, что к нему обратились.

Чанг и Май ждали в мобиле. Когда Баклавский вышел из подъезда в смокинге и штатском пальто, братья едва сдержали смех — им еще не доводилось видеть шефа в подобном облачении.

— Еще не известно, состоится ли спектакль, — сказал Май. — Газеты кричат, что Тушинский чуть ли не убит на дуэли.

— Поторопимся, — сказал Баклавский, давая понять, что не настроен на болтовню.

До Золотого бульвара мобиль домчался за несколько минут. На подходе к изящному зданию «Ла Гвардиа» бедные студенты выпрашивали у прохожих контрамарку. Баклавский миновал колоннаду красноватого камня и взлетел по ступеням театра без одной минуты час.

В западную ложу он вошел под рев аплодисментов. Полукруглый балкон вмещал пять рядов кресел. Все зрители в зале встали, чтобы поприветствовать вышедшего на сцену раненого Тушинского. Великий артист сдержанно кланялся в ответ на овацию, придерживая здоровой рукой простреленную. Кружевная батистовая перевязь смотрелась на сцене вполне к месту.

А потом Баклавский увидел плетельщицу. Она сидела в первом ряду, отделенная от прохода лишь одним пустым креслом. Сердце привычно дрогнуло — редко

кому удавалось остаться невозмутимым в присутствии слепых девушек таинственного клана. Иссиня-черные волосы, убранные вверх, прятались под вуалеткой. Бледное узкое лицо, длинные ресницы, приоткрытые глаза, тонкий нос с горбинкой, изумительные губы — все казалось мистически, нечеловечески безупречным.

По другую сторону от плетельщицы расположился крепкий лобастый моряк. Смокинг не обманул бы никого — бронзовая шея, тяжелый подбородок, в ухе вместо кольца — веревочная петелька с хитрым узлом. Обязательный телохранитель и поводырь — плетельщицы никогда не покидали свою вотчину без сопровождения.

Аплодисменты смолкли, свет окончательно погас. Зазвучала увертюра. Баклавский опустился в свободное кресло.

— Здравствуйте, Энни, — сказал он шепотом. — Можете звать меня Ежи.

Плетельщица чуть повернула голову, сквозь ресницы блеснули белки.

— Здравствуйте, Баклавский, — что за чудный голос! — Хорошо, я буду звать вас по имени.

Занавес распахнулся с последними тактами увертюры. Зал восхищенно вздохнул — столь искусны были декорации, а особым образом направленный свет газовых софитов лишь усиливал это впечатление. Ничего общего с тяжелым бархатом и аляповатой позолотой Оперы. Здесь, в «Ла Гвардиа», рождалось новое представление о прекрасном.

На сцену выбежала селянка с букетом двухцветных патройских роз. Знатоки могли бы узнать во внешне простом пейзанском костюме работу Селины Крейцер, одной из лучших модисток Кетополиса. Очаровательно улыбнувшись, она доверительно сообщила сидящим перед ней зрителям:

Наш герцог — просто ангел! И хотя
Порой ведет себя как вздорное дитя...

Сразу послышались смешки — задолго до премьеры разнесся слух, что в образе герцога внимательный зри-

тель заметит множество черт Его королевского Величества.

Баклавский чуть повернулся к Энни.

— Я просил госпожу Хильду о встрече. Вы уполномочены сообщить мне ее ответ?

Плетельщица произнесла что-то неразборчивое.

— Что вы сказали? — переспросил Баклавский, стараясь не шуметь.

...К их дочери, прекрасной Изабелле.
Насколько оба были хороши,
Настолько оба и не преуспели.

Смех снова заглушил слова Энни.

— Я буду держать вас за руку, Ежи, — повторила она.

Его ладони коснулся лед. В полутьме ложи рука плетельщицы казалась мраморной. Неимоверно длинные и тонкие пальцы скользнули в ладонь Баклавского. Он обратил внимание на вытянутый мизинец, почти вровень с безымянным пальцем.

— Так нам будет легче понимать друг друга, — сказала Энни.

От этого простого жеста, незаметного для остальных зрителей, Баклавского вдруг бросило в жар. Хрупкая кисть плетельщицы мгновенно согрелась в его ладони, успокоилась, расслабилась, как птица, осознавшая неволю и смирившаяся с ней.

Через проход от них нервно расстегнул воротник круглолицый гардемарин — тонкие юношеские усики, напомаженный чуб, пух на румяных щеках. Свернул шею, недоверчиво и страстно глядя на плетельщицу и инспектора, на их соединенные руки. Вот оно, счастье со стороны, подумал Баклавский. Мальчишке сегодня не уснуть. О спектакле и не вспомнит. Будет мечтать о том, как плетельщица прячет легкие пальцы в его ладони, как шепчет непонятные слова, прижимая его лицо к своему плечу, как... Ну, кто же в юности не грезил слепыми дивами?

— Скажи, цветок... — перед селянкой появился Ту-

шинский в костюме слуги, и зал взорвался рукоплесканиями, — со мною ли удача? Там впереди — не замок Бонафачча?

Разговаривать во время спектакля было неудобно. Приходилось ловить паузы, смены сцен и тогда торопливо обмениваться короткими репликами. Телохранитель заметил, где находится рука плетельщицы, и буркнул что-то недовольное.

— Макс, — холодно ответила Энни, — ты же... — остального Баклавский не расслышал.

Больше телохранитель не вмешивался в их беседу. Его внимание привлекло что-то в ложе напротив, и он не отрываясь смотрел туда. Баклавский проследил за направлением его взгляда. Когда сцена оказалась освещена особенно ярко, Баклавский разглядел в восточной ложе худую бледную особу. Рядом с ней громоздился в кресле кто-то большой. Неужели? Две плетельщицы в один день? Неужели «Коральдиньо» так взволновал даже неприступных затворниц, что они не смогли дождаться премьеры?

Но думать над удивительным фактом было некогда — разговор, пусть и с паузами, происходил странный, сложный, затягивающий. Уже минуту спустя Баклавский не смог бы восстановить последовательность сказанного, реплики плетельщицы смешались с тем, что он собирался сказать сам. Как туман в голове, и...

Я буду задавать вопросы, и если вы обманете, ваша рука скажет мне об этом. Какой смысл в обмане? Мы с госпожой Хильдой можем быть полезны друг другу. Я всего лишь хотел бы поговорить с ней. Вы верите в то, что киты могут разговаривать с нами, Ежи? При чем здесь... Ответьте! Не знаю, это слишком сложно для солдафона вроде меня. Вот, уже обманываете, вы никогда не считали себя служакой...

Но, господин! Ведь дело не в наряде!
Важней осанка, взгляд, манеры, слог —
Я даже подражать бы вам не смог!..

Тушинский вновь сорвал аплодисменты.

Телохранитель второй плетельщицы, в этом уже не было сомнения, так же пристально наблюдал за Максом. Как странно он смотрит, подумал Баклавский. Неужели их в Плетельне так много, что кто-то может быть не знаком?

— Вас подговорили искать встречи с нами сиамцы, — полуспросила-полуответила Энни. Помутнение прошло, и Баклавский понемногу взял себя в руки.

— Сиамцы далеко, — сказал он. — Не их вам стоит опасаться. Плетельня торгует с подземными. Плетельня каждый год поднимает цены на сети. Плетельня обособилась от города. Это закономерно не нравится Канцлеру. Если каракатицы силой захотят вернуть городу контроль за Мертвым портом, это никому не пойдет на пользу. Будет много крови.

Энни удивленно вытянула губы.

— Вы же слуга Канцлера, Ежи. Зачем вам влезать в наши с ним дела?

— Ну вот, — сказал Баклавский, — теперь я знаю, что у вас есть дела. И я работаю на короля, с вашего позволения.

— Ежи, — спросила Энни, — вы в чем-то не доверяете Канцлеру?

Переодетый слугой дворянин подсказывал Тушинскому, как вернее на дуэли вывести противника из строя.

Не важен способ — важен результат!
И так, и так погибшего забудут,
А победителя — накажут, но простят!

— Нет, не доверяю, — сказал Баклавский.

— Вот видите, — улыбнулась Энни, — как легко и приятно говорить правду. Мы тоже опасаемся Одноногого. Мы хотим только покоя и уединения.

Баклавский почувствовал, что кончики ее пальцев снова стали прохладными.

— Тогда нам нужно договориться, — сказал он. — Я не буду требовать непомерного. Я иду к Белой Хильде с чистым сердцем.

— Я вижу, — сказала Энни, ее закатившиеся зрачки заметались под веками.

Она надолго задумалась, словно отстранилась.

Сцена повернулась, поворачивая к залу лесной пейзаж. Серебряные ветви деревьев обрамлялись листьями из рудного камня. Из-за горизонта выплывало солнце, собранное из желтых и оранжевых кусочков смальты. Зал восхищенно зашептался.

— Сегодня на закате, — наконец сказала плетельщица. — У входа с Ножниц вас встретят. Будьте один, иначе вас не пропустят. А сейчас — уходите.

Бледный, в испарине, Тушинский-Коральдиньо замер спиной у края сцены, вполоборота к публике. Зал затаил дыхание.

...Пройдет ли шпага мимо?
И даже жизнь оставив на кону,
Мы гибнем, у иллюзии в плену:
Что позволительно, а что недопустимо.

— Не буду отвлекать от Тушинского, Энни, — шепнул Баклавский, поднимаясь и выпуская ее руку.

— Прощайте, Баклавский, — прохладно ответила плетельщица, кажется уже поглощенная спектаклем. На сцене назревала дуэль, и голоса артистов звучали напряженно и резко.

Пока Баклавский поднимался к выходу из ложи, он чувствовал, что тяжелый взгляд Макса упирался ему в спину, как ствол револьвера.

V. КРУАДОР

В полукруглом зальчике «Китовой Печенки» уютно пахло жаровней и специями. Заведение специализировалось на приготовлении разных чудесных блюд из малосъедобной китятины. Обычно со свободными местами сложностей не возникало, но сейчас, накануне праздника, незанятых столов не было. Все торопились откусить свой кусок Кита.

Китятину здесь подавали на решетке и на пару, фар-

шированную морскими перчиками и жаренную в ореховом масле, тонко наструганными ломтиками карпаччо и в виде крутобоких фрикаделек в густом, пахнущем травами бульоне. Баклавский предпочитал фритто кетополитано — мелко наструганное мясо, перемешанное с луком, паприкой и кунжутом и зажаренное до полуобугленного состояния.

За дальним столиком у окна он увидел знакомое лицо. Дон Марчелло лет пять назад стал настоятелем храма Ионы-Кита-Простившего на границе Слободы и Бульваров прямо под трамвайной дорогой.

Священник призывно махнул рукой, и Баклавский начал пробираться между тесно поставленными столиками. Никто не курил. Непонятно, как этого удавалось добиться хозяину-итальянцу, ведь вывески, подобные висящей здесь «Табачный дым убивает аромат кухни», никогда никого не останавливали. Мимо проплыл официант, неся на вытянутой руке шкворчащую китятину на камне. Несколько маклеров, ожесточенно жестикулируя, спорили о том, во что переводить сбережения клиентов. Им было о чем беспокоиться — с приближением Остенвольфа к Патройе цена на золото выросла уже вдвое. У окна скучающая матрона брезгливо следила за тем, как одетое в матроску чадо уныло гоняет еду по тарелке. За окном продефилировал Чанг. В узком кругу братья охотно садились за стол к шефу, но на людях чаще выступали телохранителями. В глубине зала хлопнула пробка, и нестройный хор голосов затянул что-то поздравительное. Из кухни выглянул кудрявый повар, безумным взглядом окинул посетителей и снова исчез.

— Здравствуйте, святой отец, — Баклавский повесил пальто на разлапистую вешалку около столика и одернул смокинг. — Иона простил Киту все, когда попробовал его под кисло-сладким соусом?

— Годы вас не меняют, инспектор! Все такая же язва! — хохотнул священник. — Не забудьте напомнить про соус, когда будете жариться на сковородке. Возьмите сидру, Паоло как раз открыл новую бочку.

— Здравствуйте, инспектор! — пожилой официант вынырнул у их столика, меняя тарелку с хлебом. — Как всегда, локро и фритто?

— Добрый день, — ответил Баклавский, — как всегда. И кувшин сидра.

Официант улыбнулся и исчез.

— Ведь вот что интересно, — поднял вилку дон Марчелло и нацелил ее в Баклавского, — добро и зло как будто поменялись местами! Добродетель теперь показывает такие хищные зубы, что диву даешься — откуда все это? Хотя бы это бесчинство в огородах — вы в курсе?

Баклавский кивнул.

— Эти грядочки, парнички по сути — забава. Люди ищут выход для задавленной в них творческой составляющей. Общаются с растениями, а не с себе подобными. Я тоже, знаете, люблю иногда после службы выбраться на природу. Трамваем прямо от храма, до Речного порта — а там пешком, не больше четверти часа. Особенно хорошо осенью, да. Жизнь готовится ко сну! Эти сизые после ночных заморозков листья, жухлая трава, ледок на лужах... У меня три ара земли почти у самого берега — знаете где?

Баклавский помотал головой. Тень официанта промелькнула рядом, и на столе материализовалась плошка густого, желтоватого супа с торчащим бледным айсбергом китового мяса.

— Помните заброшенную красильню? Где «механики» и гардемарины постоянно свои побоища устраивают? Вот прямо шагах в ста. Чудесное место!

— Не такие уж побоища, — возразил Баклавский. — Я и сам Механический закончил. Доставалось, конечно, но все же намеренной жестокости не было, скорее — спорт, баловство.

— Так вот, в огороды повадились воры! Кто-то считает, что это подземные, но они же не едят человеческой еды, зачем им наша брюква и репа? А мне друзья подарили семена хрена, если знаете, что это. Северная диковина, редкостно ядреная штука. Так-то у меня там

больше цветы, травы лекарственные. А тут посадил я хрен! Казалось бы, ну кому нужна такая заморщина? Соседи — кто картошки, кто моркови недосчитался, яблони обтрясли просто повсеместно. Гастрономические воры, ха-ха! И, вообразите, мой хрен тоже выкопали на всякий случай. Представляю, как гадают теперь, что с ним делать!

Баклавский рассмеялся. Священник пользовался вилкой, как дирижерской палочкой, размахивал руками, закатывал глаза. Баклавский никогда не был в Ионе-Прощающем, но, пожалуй, на службу дона Марчелло стоило посмотреть.

— Так вот, самые ретивые огородники на паях купили где-то механических псов. Страшные твари, скажу я вам! Туловище добермана или овчарки, но грудь и загривок обшиты бронзой, морда вся в иглах, не подступишься, а клыки... Думаете, я про зубастую добродетель случайно разговор завел? Воров извели! Не за недели — за дни! От троих нашли только ошметки. Совсем не богоугодно. Но крайне эффективно. Но ради чего, спросим себя, провоцировать смертоубийство? Мало разве и так каждый день напастей, чтобы еще и собственными руками множить несчастья? Ради чего? Ради хрена?

Шкворчащее фритто кетополитано сменило пустую плошку. Официант налил сидра в стакан Баклавскому. Священник коротким движением ладони показал, что ему не надо.

— Или вот сомские бобы! Что вы дергаетесь, это же *ваша* работа, я ничего не путаю?

— Моя работа, — усмехнулся Баклавский, — чтобы их не было.

— И здесь возникает важный вопрос! — Дон Марчелло машинально поднял со стола свой стакан и с удивлением обнаружил, что он пустой. Баклавский потянулся за кувшином. — Простой вопрос! Мы все ученые люди или мним себя таковыми, но скажите мне, инспектор Ежи: а почему запрещены бобы? А?

— Вы спрашиваете или хотите рассказать?

Священник посмотрел на Баклавского с довольной снисходительной улыбкой:

— Смешно, не правда ли? Кто сидит за этим столом? Служитель культа Ионы, Кита простившего. И светский человек, чья обязанность — мешать остальным обращаться к Киту. Да вы прямо отнимаете у меня хлеб, инспектор! Вроде бы не найти в Кето более непохожих персонажей, а дело-то у нас одно!

— Так что же с прощением? — спросил Баклавский. — Кит прощен, но лишен права голоса? И скажите, дон Марчелло, вы всерьез верите, что, покурив сушеные бобы, можно услышать *их*? Что бобы чем-то принципиально отличаются от кокаина или опиума?

— Насколько я знаю, — сказал священник, — хотя меня вряд ли можно причислить к специалистам в подобных вопросах, еще никому не пришло в голову бороться с дурманом во всех его проявлениях. Табак, опий, морфий, кокаин, алкоголь — все пагубные субстанции отравляют тело человека и калечат душу. Но только синим бобам уделено столь пристальное внимание власти. Значит, отличие есть? У кого бы спросить?

— У Канцлера, — пожал плечами Баклавский.

— И вы сказали: «услышать *их*». Правильно — «услышать *его*»! Его! Что бы ни говорили великие мореплаватели и премудрые астрономы, а в высшем, метафизическом смысле мир стоит на спине у Кита. Единого Кита с миллионом сущностей. И если все твари океана устремляются в одну точку, то где-то в другом месте проседает суша. Вы же слышали, сын мой, о мифических островах, опустившихся в морскую пучину? Атлантида, Мадейра, Эль Бермудо — о них осталась только память. А в этот раз — очередь Кето. Ни одному кораблю не выплыть из гигантской воронки, ни одному человеку не уйти от Страшного Суда.

— Дон Марчелло, — поморщился Баклавский, — мотивация сковородки годится лишь для торговцев и докеров. В подпорке нуждается слабое дерево, а дуб с бурей справится сам. Когда в человеке ослабевает внутренняя сила, он ищет помощи на стороне.

Священник развел руками.

— Иногда дуб вырывает с корнем... Меня удивляет, Ежи, что при всей ереси, которую вы проповедуете с умным видом, я никак не могу назвать вас безбожником. Вы упорствуете, пытаетесь отделить себя от окружающего мира, выстроить свои законы. А в моем приходе есть люди гораздо более образованные и тонкие, не чета вам или мне. Не одними модистками и клерками сегодня живет церковь. Вот ваш помощник не пренебрегает долгом перед Господом...

— Савиш? — не поверил Баклавский. — Мой дражайший Савиш, щеголь и сердцеед, игрок и театрал, не проспавшись после субботнего варьете, предстает пред вами во всем смирении? Чудны дела твои, Господи!

— Не поминайте имя Его всуе, — поджал губы дон Марчелло.

— Савиша? — уточнил развеселившийся Баклавский.

— Инспектор!

Священник даже хлопнул ладонью по столешнице.

— Вы юродствуете, потому что пытаетесь защититься, вот что я вам скажу.

— Защититься, святой отец? От чего же?

— От одиночества, сын мой. Гнетущего, постоянного, грызущего вас изнутри, подвигающего на бессмысленные поступки, дурные мысли и тщетные поиски выхода. Пока свет небесный не коснется вашей обманутой души, вам никуда...

— Дон Марчелло, — перебил его Баклавский, — мы же только что так интересно беседовали о Савише! Скажите же мне, он и на исповедь ходит? И причащается? Нет, мне просто интересно! А то живешь рядом с человеком, работаешь, и год за годом прочь, а ведь ближе не становишься ни на йоту, понимаете? Вы видите одно, я — другое, кто-то — третье, и вот если бы все точки зрения объединить, сложить в мозаику, то, может, тогда и стал бы придуманный образ походить на самого этого человека. А так...

— Приходите ко мне на службу, Баклавский, — при-

мирительно сказал священник. — Я не хочу уговаривать вас. Современный мир и так переполнен пропагандой и рекламой. Даже страшно подумать, что нас ждет через двадцать-тридцать лет. Я просто зову. Дружески. Я вижу, вы созрели. Осталось только переступить порог — внутри себя.

Баклавский отрицательно покачал головой.

— Может быть, позже, святой отец. Не торопите меня.

Положил банкноту уголком под тарелку, встал.

— А скажите, дон Марчелло... Вот, к примеру, Савиш... Он хороший прихожанин? — поинтересовался Баклавский, уже надевая шинель.

Священник поднял на него взгляд, полный странных противоречивых эмоций, будто его попросили нарушить тайну исповеди. Что-то угадать по выражению лица святого отца не представлялось возможным — так можно нюхать смеси сиамских приправ, пытаясь по ниточкам отдельных запахов восстановить изначальный букет.

— Он старается, — сказал дон Марчелло. — Доброго дня!

Баклавский вышел из жаркой харчевни и, жмурясь, подставил лицо ледяным ласкам ветра. Чанг едва заметно качнул подбородком в сторону книжной лавки на другой стороне улицы. Баклавский посмотрел туда, куда указывал помощник. Спиной к ним над развалом грошовых изданий склонился щуплый сиамец в неприметном сером пальто.

Беседа со священником отвлекла от насущных мыслей, что-то разбередила в душе. Баклавский сказал Чангу, что пройдется пешком до конца Бульваров и куда точно подогнать машину, а сам повернул к Круадору. Май, видя, что шеф не расположен к беседе, отстал на несколько шагов.

Улица художников брала начало от Бульваров и ленивыми изгибами текла по краю Горелой Слободы, обрываясь на подходах к Мертвому порту. С раннего утра

рисовальщики спешили занять свободный простенок, чтобы явить миру свои холсты. Здесь не водилось гениев и мастеров, выпестованных в Художественной Академии. Круадор осаждали самоучки в поисках мимолетной уличной славы.

Среди плоских портретов и несуразных пейзажей Баклавский краем глаза углядел что-то необычное. Совершенно безумный горбатый человек со щеточками кистей разного калибра, вживленными под ногти правой руки, по-клоунски скакал перед целым каскадом миниатюр, только что не хватая прохожих за руки.

Его картинки казались похожими как близнецы — на каждой разноцветные кубы разных размеров пересекались, толкались, перетекали друг в друга без видимого смысла. Художник не озаботился даже тем, чтобы подобрать своим творениям пристойные рамки — неровно обрезанные куски картона размером с почтовую открытку смотрелись дико среди позолоченного резного великолепия Круадора.

— Как называется эта? — наугад спросил Баклавский, пытаясь поймать какую-то закономерность в серебристо-синей шахматной мешанине.

— Это — «Зима над океаном», — обрадовался вопросу художник. — Я больше всего люблю маринистику. Глаз смотрит, а душа отдыхает. Сначала у меня, пока рисую, а потом у вас — каждый раз, как соизволите задержать взгляд.

— И как тут разобрать, где океан, где что?

Художник пожал плечами:

— Я так вижу.

— И как, покупают? — Баклавскому показалось неудобным уйти сразу.

— За бесценок, — рассмеялся горбун. — Студенты в основном. Для подарков, когда с деньгами туговато.

— И сколько такая «Зима» стоит? Накануне зимы?

— Семнадцать монет, — прищурился художник, оценивая состоятельность Баклавского. — Но отдам за пятнадцать... Хотел сказать, за тринадцать.

Горбун совсем поник, понимая, что вряд ли случайный буржуа раскошелится на его мазню.

— И еще, — добавил он, — возьмите лучше другую.

Привстав на цыпочки, из верхнего ряда картинок выщепил уверенным движением одну, видимо на самом деле отличая ее от прочих.

— Тринадцать — плохое число, — сказал он, — лучше четырнадцать. Называется «Киты уплывают». Подписать?

Баклавский и сам не заметил, как превратился в покупателя. Отдал десятку и пятерку, отрицательно покачал головой на попытку художника порыться в карманах в поисках сдачи. Тот в меру учтиво приложил руку к груди.

— Обязательно подписать, — необидно рассмеялся Баклавский. — Станете знаменитым — продам ее с аукциона, обеспечу себе спокойную старость.

Горбун, ткнув кисточкой указательного пальца в лежащую на стульчике палитру, черканул размашисто на обороте.

— Положено бы в углу, на самой картине, да они у меня очень маленькие.

— А что ж без фамилии? — спросил Баклавский, расшифровав замысловатую загогулину.

— А меня всегда зовут просто по имени, — ответил художник. — Пабло — и все. До фамилии еще дорасти надо.

Картонку он аккуратно обернул газетной бумагой, и черно-синие кубики, закрученные в белые буруны, скрылись под суетливым шрифтом «Бульварных новостей». Над уплывающими китами теперь рекламировали зубной порошок, объявляли о суде над неким Айртоном Сезвиком, предлагали деньги за информацию о Диком Ирландце. Будто китов и не было.

— *Таких* китов можно было сторговать за пятерку, — заметил Май, когда они сели в мобиль.

Нет ничего неприятнее, чем выпускать из рук верную добычу. За сорок минут тщетного ожидания Баклавский несколько раз пытался уснуть, оккупировав удобное савишевское кресло. Но спасительная дрема не пришла. Ответ из Дворца — тоже. И старик-инженер подвел.

Ровно в четыре часа пополудни Баклавский подошел к телефонному аппарату и соединился с головной конторой службы. Сухо приказал старшему патрульному снять охрану с площадки досмотра и обеспечить погрузку задержанных ранее контейнеров торгового дома «Любек и сыновья». Да, на их судно. Нет, не препятствовать. Да, в графе «Результат досмотра» проставить «Отсутствие разрешения на снятие пломб».

Выпил чаю.

Переоделся из смокинга в форму.

Сверил с Савишем отчеты за неделю.

Зачем-то вышел на пустую площадку досмотра.

Здесь, в Мертвом порту, все выглядело иначе. Ни одного крупного судна не швартовалось у покосившихся причалов, не мельтешили сиамские джонки, полдюжины китобойных баркасов вразнобой покачивали мачтами на легкой зыби, которую тем не менее не мог погасить слишком короткий волнолом вдали, у маяка Тенестра.

Из-за облаков чуть правее Монте-Боки проглядывало уставшее октябрьское солнце, высвечивая на берегу то одно, то другое здание. Белые и красные буи фарватера двумя редкими змейками утягивали взгляд в открытый океан. Вправо по берегу горбились унылые серые сараи складов, с прорехами в крышах, сорванными с петель воротами, проломленными пандусами. В разговорах никто не звал это место Стаббовыми пристанями, ведь адмирал Стабб уже давно мертв — как и созданный им порт.

Еще дальше, за брошенными складами, к воде подступала паутина сетей. Нехороших сетей, особых. Со-

временная наука не признавала очевидный факт их существования. Прогресс, оседлавший пар, подружившийся с металлом, углем и нефтью, пасовал перед вереницей узелков, выходящей из-под пальцев слепых девушек. Необъяснимые, а значит, неподконтрольные силы заставляли китов отворачивать от сетей плетельщиц, так волк не рискнет пересечь линию флажков. Только кит — не волк...

А Кетополис делал вид, что не существует самого этого заколдованного места — Плетельни. И многие, в том числе Баклавский, старались забыть о городе в городе, огромном квартале, огороженном сетями на берегу старой бухты. Вход куда без приглашения невозможен.

Стало зябко. Баклавский все всматривался в даль, где бесконечные сети подрагивали на тонких белых шестах. Хотя он искал встречи с Белой Хильдой, еще вчера не приходило в голову, что придется зайти в этот лабиринт. Время шло к шести, и до прогулки в Плетельню оставалось всего ничего.

— Ежи, — Савиш неслышно подошел сзади. — Там «пневма», из порта перекинули. На твое имя. Да не переживай ты из-за этих контейнеров, в самом деле!

Баклавский еще раз обежал взглядом бухту. Маяк подмигнул ему хищным красным глазом. Любековский сухогруз уже больше часа как миновал старую бухту и ушел на север. Увозя в трюмах так и не опознанные «ВиПи» и «ЭсЭф», о которых, спасибо Одноногому, начальник Досмотровой службы Кетополиса даже знать не имел права.

Чанг, зная привычки шефа, снова заварил крепкий чай и поставил серебряный поднос на стол в кабинете Савиша.

Капсула «лично в руки» была не простая, а с черно-желтой каемкой и наполовину стершейся каракатицей на боку. Уголовная полиция.

Баклавский свернул крышку и выудил пальцем свернутый трубочкой листок. Развернул, прочел. Еще и еще раз.

Текст отличался знакомой лаконичностью:

Лучше ты ко мне, чем я за тобой.
Мейер.
P.S. Ежи, старина, во что ты вляпался?!

Ниже был приписан номер телефона.

Баклавский придвинул аппарат. Савиш куда-то вышел. На том конце ответили сразу, жизнерадостно и слегка запанибратски:

— Уголовная!

— Следователя Мейера, пожалуйста!

— Он на выезде. С помощником соединить?

Баклавский не рассчитывал, что Мейера может не оказаться на месте. Старый, но не забытый друг, четверть века назад протиравший штаны за соседней партой в Механическом колледже, пытался предупредить о неприятностях.

— С помощником соединить?..

И уже подозрительнее:

— Кто его спрашивает?..

А во что — вляпался? Баклавский, чувствуя, как резко заколотилось сердце, бросил трубку на рычаг. Во что я мог вляпаться? Вся моя работа — одно сплошное балансирование на шатком помосте. Но «вляпался» — это не обычные обвинения в содействии сиамским контрабандистам. План по конфискату всегда выполняется вдвое, в обеих бухтах покой и порядок — не то. Кто-то видел в порту Зоркого? Плохо, но не смертельно. Мне не за что трястись, но откуда же это мерзкое предчувствие?

Еще одна капсула вылетела в лоток приемника, и колокольчик заставил Баклавского подпрыгнуть. Протянул руку, повернул цилиндр торцом к себе. Это письмо тоже адресовалось не Савишу, а ему. Обратный адрес пятизначный — значит, от частного лица — и смутно знакомый...

Кит побери, наконец сообразил Баклавский, от моего домашнего номера отличие только в последней цифре!

«Уважаемый сосед!»

Крупные безупречные буквы — как морские пехотинцы на параде, одна к одной, — выдавали руку чертежника со стажем.

«Уж не обессудьте, что провозился с Вашей просьбой дольше, чем предполагал. Задали старику задачку, ничего не скажешь, прямо-таки головоломного свойства.

Тем большее удовлетворение я получил, когда искомые ответы были найдены, пусть и совершенно не там, где Вы предлагали искать. Надеюсь, что вернете Вашему покорному слуге чок-дэ, скрасив его одиночество неспешной беседой у камина под хороший херес или бренди, на Ваше усмотрение. Камин уже есть, дело за правильным напитком».

Вот старая перечница, развеселился Баклавский.

«Итак, перейду к делу:

VP-4705. Пневматический клапанный блок распределения давления. Сменная часть агрегатов для горнопроходческой техники.

VP-4711...»

Баклавский вчитывался в каждую строчку, выложив на стол рядом с письмом блокнот, чтобы сверяться со списком. Похоже, здорово рвануло в Ганайских копях — пневматика, механика, гидравлика — узлы всех типов шли на замену разрушенным. «Для горнопроходческой техники».

Поэтому когда Баклавский добрался до последних пяти записей, то сначала долго раздумывал, для чего может применяться «SF-7520. Блок протяжки формирующей ленты для подачи цилиндрических объектов диаметром не более 1,5 см» при добыче угля. И потом уже прочел строчку до конца.

«Компонент оснастки боевого шагающего автоматона».

— Савиш!!! — заорал Баклавский и опрокинул стакан с чаем на зеленое сукно.

Солнце уже клонилось в объятия океана, почти упершись в черную колонну маяка Тенестра. Патрульные один за другим спрыгивали с пирса на громыхающий борт «Стража» — единственного судна Досмотровой службы, предназначенного для открытой воды. В котлах глухо рокотала вода, над спаренными трубами дрожал почти прозрачный дым.

— Точно обойдешься без Мая?

Савиш кивнул:

— У «Стража» свой капитан и штурман. Маю скучно будет. Нагоним мерзавцев часа через два. Через три — максимум. Два предупредительных, третий на поражение. Развернем как миленьких.

Баклавский придержал его за локоть.

— Все разговоры в команде — пресекай. Здесь какая-то история... гнилая и опасная. Побереги ребят, пусть просто делают свое дело. Приведи сухогруз назад, сразу под разгрузку. Я от Хильды наверняка успею добраться в Новый порт, но, если что, сбивай пломбы и вскрывай все. Под мою ответственность. Все бумаги будут подписаны. Задача ясна?

Савиш с серьезным видом козырнул.

— Не сомневайся, Ежи, прищучим. И пусть нам потом хоть погоны рвут!

Перепрыгнул на палубу «Стража». Еще раз насупленно и преданно взглянул на Баклавского. Забурлили винты, зазор между бортом судна и пирсом стал расти, открывая неспокойную воду, машина, судя по звуку, встала на ход, и «Страж», чуть зарываясь в резкую встречную волну, двинулся к выходу из бухты.

На причале остались Баклавский, Чанг, Май и двое патрульных из здешней конторы. Между пирсами альбатросы затеяли драку из-за всплывшей кверху брюхом кефали. Солнце раскололось о маяк пополам.

Откуда же тревога, подумал Баклавский. Ну, не боишься же ты слепую Хильду? Не время для детских страхов — сейчас, когда закрутилось сразу столько важных дел. Вопросы надо закрывать по одному. Сначала — Плетельня. Потом — Любеки. Потом...

— Господин инспектор, — еще один патрульный торопливо сбегал по ступеням, — звонят из головного: вам «пневму» еще сюда перебрасывать или вы уже уезжаете?

— Пусть шлют, — сказал Баклавский. — Прочту, когда вернусь. Чанг, мобиль?

— В готовности, шеф.

— Тогда не будем тянуть.

VII. ПЛЕТЕЛЬНЯ

— Давайте я с вами! — еще раз настойчиво предложил Чанг. — Не то место, куда можно идти в одиночку.

Мобиль остановился на замусоренной пустынной улице Ножницы, зажатый как в тисках между брандмауэром доходного дома и стеной склада жиров и масел. За спиной тикал податчик, скидывая в топку угольные брикеты. Дрожи от работающего двигателя почти не чувствовалось — сиамец отладил машину собственноручно. Впереди дорога расходилась двумя кривыми рукавами. Правый уходил вверх и втыкался в одну из оживленных улиц Слободы. Баклавскому был нужен левый.

— Меня ждут, Чанг. Одного, так что не стоит их злить — мы слишком долго искали этого контакта.

Чанг укоризненно покачал головой.

Баклавский чуть повысил голос:

— Если бы мы захотели войти без приглашения, то даже всем нашим гарнизоном не продвинулись и на сто метров. Чем бы ты мне помог один? Красиво умереть?

— Извините, шеф, — склонил голову сиамец. «До свидания, дядя Кноб Хун». Очень похоже.

— Вон там, на углу, есть кофейня Лукавого. Я приду туда. Здесь не жди — можно и без мобиля остаться. В кофейне есть телефон, я позвоню в контору, в Мертвый порт. Думаю, часа через три. Задача ясна?

— Так точно, — кивнул Чанг. — А я пока разузнаю, что еще за соплеменник за нами весь день таскался.

Баклавский спрыгнул с подножки, стараясь не влезть в грязь. Прыгая с камня на камень, пересек колею и

вдоль стены склада двинулся к развилке. Только когда он повернул к Плетельне, Чанг дал задний ход, и Баклавский остался один.

Из Слободы доносился обычный вечерний шум — лоточники торопились до темноты сбыть товар, кто-то горланил разухабистую «Китенку», газетчики перекрикивали друг друга. Звуки долетали лохмотьями: «...рыв!... ...вар!.. ...паж!...» Опять чей-то экипаж подорвали на бульварах, сложил слоги Баклавский. Уже и недели не обходится без бомбы или газовой атаки. Добро пожаловать в Кетополис...

Стоило пройти чуть дальше по уходящей влево под уклон дороге, как гомон Слободы затих и проснулся порт. Истошно перекликались альбатросы, вопили склочные чайки, шуршащий метроном прибоя отсекал каждые десять шагов.

Под ногами хрустела кирпичная крошка. Пыльные окна мутно блестели закатом. Из подворотен и проулков потянуло ночным холодом. На углах домов лохматились седым мхом рваные выцветшие объявления. И ни души.

За поворотом картина изменилась. Расступились здания, открывая небольшую площадь. Но у последнего дома из земли торчал кол. Новенький белый блестящий кол, крепко вбитый вкось между камнями брусчатки. За него цеплялась сеть. Через крупную ячейку, сантиметров двадцати, проплыла бы почти любая рыба. Сеть по диагонали перерезала улицу, сужая выход на площадь до двух-трех шагов. До нее почему-то не хотелось дотрагиваться.

Волей-неволей Баклавский прижался к противоположной стене. Сразу за углом дома перпендикулярно к первой сети тянулась вторая. Среди высоких, раза в полтора выше человеческого роста, кольев Баклавский ощутил себя мухой в паутине. Пальцы сами сжались на рукояти револьвера.

Между первой и второй сетью был проход, но не шире размаха рук. За этими сетями проглядывали другие, но стоило попытаться посмотреть насквозь, как сра-

зу зарябило в глазах — так иногда бывает, когда слишком долго смотришь на шахматную доску. Поворот, еще поворот, и Баклавский погрузился в лабиринт сетей.

Крики птиц вязли как в вате. Здесь и собственного голоса не услышать! Опять приполз страх. Почему меня не встречают? Или встречают? То и дело хотелось оглянуться, потому что отовсюду чудились шаги, голоса, незнакомые звуки.

За спиной послышался странный звук, будто осыпается земля. Баклавский развернулся и увидел, что там, где только что был проход, скрещены белые колья в паутине сетей. Входную дверь за ним заботливо закрыли.

Над ухом кто-то хмыкнул. Баклавский, не удержавшись, выхватил револьвер.

— Стоять, не шевелиться! Досмотровая служба!

В ответ — лишь смех. Из ниоткуда, но близкий-близкий.

Баклавский поднял оружие перед собой. В ушах гудело, вид темнеющей паутины вызывал тошноту. Но он же не сам пришел!

— Не шевелитесь, иначе я могу выстрелить! Пожалуйста, выйдите ко мне. Если можно, так, чтоб были видны руки. Мне назначена встреча госпожой Хильдой. Будьте любезны, проводите меня к ней!

Ответом ему стал шепот:

— Хорош-ш-ш-шо...

Не понять, говорил то мужчина или женщина. Хриплый, лишенный интонации голос:

— Хорошо, что сестра Энни будет отмщена столь скоро...

Два или три громких шага, тень сместилась, но не понять, влево или вправо.

— Мне назначено... — еще надеясь на что-то, повторил Баклавский. — Белая Хильда ждет меня, слышите?

И снова смех. Баклавский сместился вдоль сети, пока не нашел проход, столь узкий, что пролезть в него можно было только боком. Шесты с сетями торчали под самыми разными углами, и опять зарябило в глазах. Последние розовые облака в вышине стали меркнуть, на-

ливаться сизым, и в облачной прорехе проклюнулись первые звезды.

Баклавский заметался по лабиринту, пытаясь либо отстать от попутчиков, либо оказаться с ними лицом к лицу. Но тщетно.

Со всех сторон, и не понять откуда, его настигал шелест, эхо шагов, тихие насмешливые голоса. Узкие ступни уверенно нащупывают покатые камни. Тонкие руки цепко держат прямые и острые как бритва бамбуковые пики. Тонкие пальцы касаются заколдованных узелков, помогая своим слепым хозяйкам удерживать равновесие и не сбиваться с пути.

Это я здесь незрячий, понял Баклавский, затравленно озираясь, поводя стволом револьвера влево и вправо. За окружающими его сетями проглядывали следующие, растянутые под таким странным углом, что... нет, лучше просто не смотреть...

Снова шаги где-то рядом, и приглушенный кашель, и призрачный смех. На расстоянии вытянутой руки по ту сторону сети возникла смутная тень. Баклавский рванулся вперед, но как только пальцы просунулись в неправдоподобно широкую ячейку, что-то впилось в сердце, когтистое, сосущее, раздирающее его на куски.

Баклавский нелепо, по-заячьи, вскрикнул и рухнул на колени, прижав к груди быстро немеющую руку. Перед глазами заплясали искры, целые полосы, перекрученные узоры искр, и он опустился на один локоть, пытаясь сдержать рвущееся из груди сердце. Потом лег на спину. Мутная луна, наполовину закрытая облаком, напоминала сиамский рыбацкий тесак.

— Тут он, тут... — заговорили где-то над головой.

Баклавский, не целясь, выстрелил на звук. Звонко и хлестко пуля срикошетила от кирпичной стены дома на краю площади.

— Рыпается, — безо всяких эмоций произнес тот же голос, явно мужской, и нестерпимая боль зажглась черной звездой в правом боку. Баклавский зарычал, выронил револьвер, и попытался встать, но косой удар кулаком в лицо отшвырнул его в объятия мостовой. Луна глумливо подмигнула ему и погасла.

— Мне передали, что вы хотели видеть меня, господин Баклавский.

Когда удалось разлепить глаза, то сначала показалось, что он — пчела, заблудившаяся в сотах. В шестигранных ячейках сетей прятались стены и пол... нет, потолок. Онемевшие руки выдали мозгу свою порцию боли. Тугие шнуры стянули запястья и щиколотки. Как тогда...

— Поджарим белого мальчика, — загоготал кривозубый мучитель. — Одно бедрышко съедим сами, а задницу и окорочка продадим на пирожки в Пуэбло-Сиам!

Ежи дернулся, но жердина, к которой его подвязали как животное, лишь больнее вонзилась в предплечья. Голени превратились в сплошной синяк.

Курсанты, бодро волочившие его по огородам Поймы, явно были старше года на три. У старшего ублюдка, издевающегося над связанным школяром, на рукаве блестели нашивки третьего курса навигацкой школы. Неужели они захватили флаг, подумал Ежи.

Когда гардемарины пошли на штурм крепости «механиков», началась сутолока, и атака сразу распалась на десяток отдельных потасовок. Ежи спихивал тяжелыми ботинками всех, кто пытался влезть на «южный вал» — полуразрушенную стену бывшей красильни. Но потом кривозубый ухватил его за ногу, секунду спустя выбрался на «вал» прямо перед Ежи, и росту в нем оказалось — как в Капитане Громе.

Ежи прыгнул на гардемарина, надеясь, что тот потеряет равновесие, но детина лишь радостно загоготал и перехватил Баклавского за локти. Потом безо всякого усилия приподнял и под улюлюканье навигацкой шоблы скинул вниз.

— Спеленайте-ка этого штифта ретивого! — крикнул он, на Ежи сразу навалились, прижали, и вот теперь, подвешенного за руки за ноги, раскачивающегося вниз головой из стороны в сторону, уволакивали все дальше от спасительной крепости. Нет, флаг не взяли, понял Ежи, иначе не стали бы возиться со мной.

Высокая трава стегала по лицу, колоски и метелки

кололи щеки, перевернутый забор казался опускающейся челюстью кашалота. Вдалеке, за мохнатой пеленой камышей, угадывались контуры двенадцативесельной навигацкой шлюпки. Из китовой пасти да к другой напасти, подумал Ежи. Очень уж не хотелось думать, что гарды могут в самом деле увезти его к себе на остров.

Бесконечные заборы, кривые как зубы навигацкого заводилы, вдруг расступились, под сапогами где-то рядом с лицом зачавкала грязь, холодные брызги попали за шиворот.

— Уснул, что ли? — рявкнули сзади — видимо, сидящему на корме шлюпки гардемарину. — Табань ближе, мы с трофеем!

Черная фигура на корме шлюпки повернулась к прибывшим и сделала неожиданный, но очень понятный жест правой рукой. Кривозубый, оступившись, шагнул назад, а из камышей начали подниматься рыжие куртки «штифтов», и шест, к которому был привязан Ежи, вдруг оказался не только никому не нужным, но и явной обузой.

— Бей «селедок»! — столько раз слышанный за два последних дня призыв наконец превратился в руководство к действию. Гардемарины, лишенные пути к отступлению, заметались по берегу, «механики» валили их в прибрежный ил, замелькали кулаки и скрученные полотенца, единственное признанное законным оружие.

А Ежи просто бросили там, где тащили, и вода мгновенно прожгла сквозь одежду, и ни крикнуть, ни вздохнуть, и неужели придется вот так глупо — здесь и по колено-то нету — закончить жизнь в мутной воде Баллены? Баклавский подтянулся, пытаясь высунуть хотя бы нос на поверхность.

— Октавио! — закричал он. — Помоги!

Остенвольф как раз нагнал кривозубого и наотмашь достал его скруткой по уху, от чего тот поскользнулся и рухнул вперед на руки, тут бы и доделать дело...

— Помо!.. — конец шеста выскользнул из травяного ковра, взмыл в воздух, и Ежи снова завалился назад головой под воду.

Сразу три пары рук дернули его вверх, холодный ветер лизнул в шею, и, кит проглоти, как хорошо дышать! Ежи глупо улыбался, пока Октавио держал его под мышки, Казимир, то и дело вскидывая голову, чтобы волосы не лезли в глаза, распускал мудреные морские узлы на запястьях, а переодетый гардемарином Мейер своим фирменным базельским ножичком перепиливал веревки, стянувшие ноги...

Выжил же, вспомнил Баклавский. Нахлебался вонючей балленской водички, но выжил. Правда, здесь не колледж с его детскими забавами. Каждый вздох отзывался в боку тупым сверлом. Кровь из рассеченной брови заливала правый глаз, и Баклавский сквозь розовую пелену следил за высокой статной женщиной, прохаживающейся туда и сюда по опутанной сетями комнате. Волосы, достойные Снежной Королевы, струились по прямым плечам, сливаясь с безупречно белым шелком платья.

— Не хотите меня развязать, Хильда? — спросил он. — Вы странно встречаете гостей.

Королева Плетельни обернулась к Баклавскому, и на короткий миг ему показалось, что он поймал ее взгляд. За полуприкрытыми веками Хильды, как и у всех плетельщиц, виднелась лишь узкая полоска белков, зрачки путешествовали где-то под бровями.

— Развязать? — Голос ее оказался бесцветным и пустым, как брошенное осиное гнездо. — Вас?

— Ваше письмо, — сказал Баклавский, стараясь, чтобы от боли не дрогнул голос. — Энни передала мне его на словах. Я пришел по вашему приглашению.

Хильда замерла и почти минуту стояла неподвижно, прислушиваясь неизвестно к чему. Ей сто лет, понял Баклавский. Нет, двести. Старой белой паучихе двести лет. Она вообще не человек. Как я сюда попал? Чего я надеялся добиться этим долгожданным разговором?

— Я не собиралась беседовать с вами, — наконец сказала она. — Мы живем очень замкнуто, господин Баклавский. За пределами порта и слободы у нас есть глаза и уши, но нет ни рук, ни кулаков. Поэтому нам не

от кого ждать помощи. Мы не доверяем никому, и нам нечего с вами обсуждать. А вы подкрались к несчастной Энни, а когда она напрямую сказала вам об этом, ваша гордость не позволила просто проглотить отказ. Меня не интересует, чьими руками вы действовали. Наша лучшая плетельщица убита, разорвана бомбой на куски, а у человека, повинного во всем этом, хватает наглости без приглашения ломиться в наш дом. Вы зря пришли сюда, господин Баклавский.

Во рту стало сухо-сухо. Сейчас тяжелеющее тело просто выдернет онемевшие руки и ноги из суставов и клейким студнем, безвольным холодцом расплещется по полу. Убита! «И даже жизнь оставив на кону», тонкие пальцы в его руке, напряженный силуэт на фоне сцены... «Мы гибнем у иллюзии в плену». Убита!

— Хильда, вы ошибаетесь, — сказал Баклавский.— Мы говорили с Энни... договорились, что вечером я встречусь с вами. После этого я сразу ушел из театра. Я даже не знал, что это ее экипаж пострадал...

— Экипаж? — в голосе Белой Хильды явственно зазвучала угроза. — Экипаж? Железная коробка на колесах? Вы поняли, что сделка не состоится, что Плетельня не собирается открывать вам двери, и отправили мне весточку. Мою девочку, мою Энни — кусками. Ваша чок-дэ оставила вас, господин досмотровик. Рауль!

Где-то вне поля зрения скрипнули половицы, и над Баклавским нависло широкоскулое асимметричное лицо. Хильда отвернулась к стене, и в комнате словно стало еще темнее.

— Здравствуй, мяско! — тихо и миролюбиво сказал Рауль. В его глазах можно было разглядеть бескрайние просторы моря, океан без берегов, ночное небо с миллионом звезд... Все, кроме разума. — Скоро ты узнаешь, что такое «больно».

Баклавский трепыхнулся, пытаясь отстраниться от страшных глаз, выпростать хотя бы одну руку или ногу. Тщетно.

— Наши дочери никогда не становятся плетельщицами, — сказала Белая Хильда. — Они неизбежно ухо-

дят в мир и забывают нас навсегда. А наши сыновья обречены стеречь покой Плетельни. Поэтому им не стать ни великими учеными, ни бравыми адмиралами. Так сложилось. Жизнь такова, какова есть. А сегодня так сложилось, что мы попрощаемся с вами, Баклавский. И Пуэбло-Сиам, и Новый порт, и Стаббовы пристани вздохнут с облегчением. Вы опутали липкой сетью маленьких одолжений целый город. Но в Плетельне ваши правила не действуют.

Еще один моряк вошел в комнату, и шест, на котором висел Баклавский, взметнулся вверх и лег на чьи-то плечи. Рана в боку расцвела огненным цветком.

— А эту девочку я выкупила у подземных совершенно случайно. Маленькая, смышленая и еще зрячая малышка вязала им шарфы да шапки, сидя где-то в пещерах под Механическим. Один из моих сыновей купил на базаре платок, сделанный руками Энни. Никто не верил, что такого совершенства может достичь шестилетнее дитя, к тому же уродка.

Баклавского понесли. Хильда шла рядом, едва не задевая его лицо широкими шелковыми складками юбки.

— Когда мы выторговали ее у подземных, Энни была уже на грани слепоты. Не слишком-то много она и стоила, вправду сказать. Только двадцать лет спустя разве это имеет значение?

Под ногами носильщиков загудели чугунные ступени. Баклавского пару раз приложили головой о перила. Свело икру, но кричать уже просто не было сил. Хильда не отставала от процессии, хотя и задышала тяжело. Ее речь иногда превращалась в бессвязное бормотание — собеседник ей и не был нужен. Это реквием, подумал Баклавский. Не по несчастной плетельщице, а по мне. И не выскочат из камышей удалые «штифты», и Мейер не переоденется матросом с веревкой в ухе... Как глупо...

Длинный узкий тоннель вел все вниз и вниз. Здесь стены не декорировались сетями — мутные известковые потеки были единственным украшением сводов.

Куда это? Неужели к подземным? Один из тех ходов, за информацию о которых полиция сулит золотые горы...

— ...Узелок к узелку, и нить к нити. Энни, моя малышка, моя лучшая девочка...

Заскрипели засовы, и спереди потянуло затхлым и совсем незнакомым воздухом. Блеснул свет фонаря. Чужие, совсем чужие шаги приближались оттуда, из-за потайной двери.

— ...Прилежность и усердие могут победить все. Четырехпалая уродка, подземная калека, гадкая уточка — она выросла и превратилась в прекрасного лебедя. Вам не стоило ее убивать, Баклавский. Прощайте.

«Я буду держать вас за руку, Ежи, так нам будет легче понимать друг друга».

— У вашей Энни было пять пальцев, — прохрипел Баклавский. — Все вы врете, Хильда.

И потерял сознание.

Когда в рот плотно вбита пахнущая китовым жиром дерюга, то приходится молчать, потому что мычание недостойно мужчины. Когда локти, плечи, колени и бедра накрепко прикручены к холодной раме кровати, дергайся не дергайся — не вывернешься из-под этих рук, холодных и безжалостных. Наверное, в другой ситуации они бывают мягкими и нежными, гладят, ласкают, дразнят... Но сейчас цепкие как птичьи когти пальцы ковырялись в залитом кровью боку.

Баклавский только пучил глаза, когда игла входила в край раны, когда шершавая нить бесконечно тянулась сквозь его плоть, стежок за стежком стягивая сочащийся сукровицей разрез. Девушка штопала бок инспектора в полутьме, запрокинув голову, лишь кончиками пальцев изредка проверяя, как идет работа. Вытерпеть можно все, но до чего же страшно видеть эти мутные белки, закатившиеся глаза, подрагивающие ноздри молодой плетельщицы!

Пытаясь отвлечься от боли, Баклавский перебирал в уме все подробности встречи в театре. Но вместо разговора вспоминалось лицо Энни, ее теплеющая ладонь,

высокомерная и отрешенная улыбка, жадные взгляды гардемарина. Девочка, кто ты? И зачем ты захотела меня убить? Убить верно и изощренно, отправив на верную смерть... Не настолько я неуязвим, чтобы ради моей персоны строить такие сложные комбинации...

И снова игла огненным шипом погружалась в кожу, и вместо полумрака ложи вспыхивали все софиты сцены, и сломленный Тушинский, стоя на коленях у ног Изабеллы, устремлял свою мольбу в такую высь, что вслед за ним головы зрителей сами задирались к потолку:

Смотрите, чудный свет! Нас небеса
Манят, ласкают взор безбрежной синью!
Но нет туда пути для Коральдиньо...

А когда боль немного отпускала, то Баклавский начинал захлебываться собственной слюной — рот ему растянули так, что глотать было почти невозможно.

Вошел Рауль. Остановился у изголовья. Долго и пристально смотрел в лицо, будто разбирая его мысленно на кусочки. Нехороший, вивисекторский взгляд. Чтобы не встречаться с ним глазами, Баклавский рассматривал веревочную серьгу моряка.

— Не думай, что ты отвертелся, гаденыш, — прошептал моряк. — Я все время у тебя за спиной.

Поверх стянутого шва плетельщица положила кусочек мелкоячеистой сетки, почти бинт, с той разницей, что каждая нитка в этом произведении искусства связывалась с соседней неповторимым узлом. Баклавский, скосив глаза, наблюдал, как плетельщица уверенными движениями продергивала концы ниток в тонкую кривую иглу и тут же пропускала ее через его кожу, фиксируя сетку на ране. По сравнению с болью сшиваемой плоти эти уколы казались комариными укусами. Через минуту плетеная повязка закрыла шов, и бок начал странно неметь.

Из-за спины молодой плетельщицы появилась Хильда, опустилась в подставленное кресло. Рауль грубо сдернул веревки с лица Баклавского и вытащил кляп.

— То, что говорят о вас в городе, Баклавский, — с

презрением заговорила Белая Хильда, — не дает никаких оснований доверять вам. Но что-то подсказывает мне, что даже ваша ложь может оказаться интересной. Не обольщайтесь тем, что мы вернулись в Плетельню. Под землей вас по-прежнему ждут. Это ясно?

Уже и на страх не осталось сил — только на недоумение: за что? Баклавский кивнул.

— Стелла немного привела вас в порядок, чтобы ваш рассудок был чист и открыт. Я готова потратить три-четыре минуты, если вы думаете, что сможете меня чем-нибудь удивить. Расскажите мне о вашей встрече с Энни.

И Баклавский начал рассказывать.

Пока он говорил, Стелла быстро и ловко что-то плела из длинного куска шпагата. Пальцы мелькали так быстро, что ни запомнить движения, ни просто рассмотреть то, что росло в ее руках, было решительно невозможно.

Хильда часто переспрашивала и уточняла детали. О записке, о плетельщице, о сопровождавшем ее моряке. О людях в противоположной ложе. От ее отрешенности не осталось и следа. Перед Баклавским сидела мудрая властная женщина, чьими стараниями целый кусок Кетополиса сохранял особый статус на протяжении многих лет. И сейчас эта женщина хотела найти виновных.

Когда Баклавский закончил, она долго молчала, не глядя на пленника.

— Браслет готов, — сообщила Стелла, почтительно замерев у Хильды за спиной.

— Не скрою, Баклавский, — сказала королева Плетельни, — вы заронили в мою душу зерно сомнения. Если рассказанное — правда, то мне жаль вас. Ваши враги изощренны и бесчестны. Охотясь за одной вашей жизнью, они пренебрегут сотнями других, что навсегда покроет позором ваше имя. А верный друг уже ударил в спину, трусливо, как шакал, подкравшийся к раненому волку.

Баклавский слушал старуху затаив дыхание.

— Если же сказанное вами — ложь, то мне жаль вас вдвойне. Физические страдания, через которые вам су-

ждено пройти, не описаны ни в одной книге — такому просто нет свидетельств. Стелла!

Молодая плетельщица обошла кровать и обвила запястье Баклавского тонким веревочным браслетом. Когда она затянула узел, соединив плетеные концы, Баклавский закричал. Вернулась та самая боль, которую он постиг, пытаясь просунуть руку сквозь сеть. Тысячи игл вонзились в сердце, в легкие, в горло и продернули через них шершавый шпагат.

Баклавский решил, что уже умер, но боль улеглась, утихла. Лишь под браслетом руку ломило и жгло.

— Я завязала мой подарок гарпунным узлом, — оскалив зубы, сказала Стелла. — Если захотите снять браслет, лучше просто выпустите себе кишки — это будет гораздо милосерднее. А на руку не обращайте внимания. Правда, завтра будет болеть уже по локоть, а послезавтра — по плечо. А потом вы умрете.

— Энни и Стелла были как сестры, — пояснила Хильда. — Простите ее, если браслет получился не очень удобным, она сейчас немного не в себе.

— Что вы хотите? — просипел Баклавский, пытаясь выкрутить руку из обжигающей веревки.

— Найдите моряка, — сказала Хильда. — Найдите моряка и приведите его к нам. Впереди три длинных дня, а у вас — прекрасный повод, чтобы не затягивать поиски. Помогите нам, Баклавский.

VIII. КЕТО, ВИД С МОРЯ

Странный посетитель ввалился в кофейню «Западные сласти», чаще именуемую по имени хозяина. То ли пьяный, то ли одурманенный кокаином офицер из «кротов» плохо держался на ногах. Черная шинель под правой рукой была разорвана и даже перепачкана чем-то бурым. Обычно такие офицерики ищут, где бы дозаправиться, могут и драку учинить, и посуду побить, а западный фарфор нынче в цене! Круглощекая дочка Лукавого, взглянув на посетителя из-за медной кассовой машины, тут же нажала под прилавком кнопочку звонка.

Отец появился без промедления, но, увидев посетителя, не попытался вежливо выпроводить его, а, напротив, пошел навстречу, приветственно разводя руки:

— Господин Баклавский, какими судьбами? — И, уже приблизившись, спросил гораздо тише: — Что стряслось? Помощь нужна?

— Давно не виделись, Лукавый, — пожимая руку бывшему контрабандисту, сказал Баклавский. — Ерунда, не беспокойся. Мне бы нешумное место без лишних ушей и телефонный аппарат. И рому.

— Конечно, конечно... — Лукавый засуетился, провел мимо стойки, через кухню в хозяйские комнаты, усадил Баклавского к камину и пододвинул телефонный столик. — Никто не помешает, господин Баклавский, будьте покойны.

— Почти, — непонятно усмехнулся инспектор.

Дочка хозяина внесла поднос с хрустальным графинчиком, низким толстостенным стаканом и чашкой дышащего паром кофе.

— Вы тот самый Баклавский, да? — спросила тихонько, чтобы не услышал отец, торопливо зашторивающий окна. — Папа говорит, вы его судьбу спасли!

— Преувеличивает, — сказал Баклавский.

Лукавый цыкнул на дочь, зачем-то поклонился и вывел ее из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. От камина накатывало умиротворяющее тепло. Сейчас усну, отрешенно подумал Баклавский, и пусть все катится киту под хвост. Но жгучий браслет сразу напомнил о себе. Так. Надо сосредоточиться.

За окнами вовсю шло гулянье — Слобода знала больше праздников, чем рабочих дней. Где-то бренчали китары, выводила незамысловатые мелодии гармоника. Потрескивали в огне осиновые полешки. Каминные часы начали отбивать десять... Баклавский вскинулся — надо же, все-таки уснул! Налил из графина почти полный стакан, задержал на секунду дыхание и залпом выпил. Ароматное пламя опустилось в желудок. Глоток терпкого кофе помог окончательно открыть глаза. Ах,

Лукавый-стервец, поразился Баклавский, драгоценной бирманики для дорогого гостя не пожалел!

Сначала он позвонил в порт и сказал Чангу выезжать за ним. Помощник так обрадовался звонку, что Баклавский едва сдержал улыбку.

Потом настал черед Мейера.

— Уголовная!.. — и тут же придурковато-бодрый голос сменился другим, чуть гнусавым, дерганым, усталым: — Здесь Мейер. Слушаю вас.

— Привет, сыщик! Это Ежи.

— Секунду!

Было слышно, как на том конце провода хлопнули дверью. Потом Мейер заговорил негромко и разборчиво:

— Значит, так, Баклавский, пикантная ситуация. У меня тут перед глазами списочек подозреваемых по очень неприятному делу. Ты каким-то образом угодил туда в первую строчку.

— Дай угадаю, — сказал Баклавский. — Взрыв на Золотом сегодня днем. А я — организатор.

— Прямо удивляюсь, кто из нас сыщик, — съязвил Мейер. — Что делать будем? Я должен тебя допросить.

— Только не сейчас! Могу предложить другое развлечение.

— Рассказывай. Ты ведь всегда выдумывал, чем «штифтам» заняться.

— Для начала скажи: ты уверен, что ловишь не меня?

Мейер зашелся противным мелким смехом:

— Твою персону мне подают из-под воды на китовом хвосте. Не люблю таких совпадений. Да и тебя знаю слишком давно. Зачем ты встречался с плетельщицей?

— Я не встречался.

Баклавский явственно представил себе, как Мейер хмурит брови, как закладываются вертикальные складки на переносице, надменной дугой выгибаются губы.

— Ежи, не делай из меня идиота!

— Плетельщиц в зале было две, тебе уже сообщили?

Тишина.

— Из них настоящая, по имени Энни, — одна. Ее и взорвали вместе с охранником. Кто на самом деле вторая — я не знаю, но ее парня зовут Макс. Здоровый морж, если не из моряков, то из уличных. Они устроили мне спектакль с переодеваниями почище «Коральдиньо». В результате я, как дурак, отправился в Сети. Сейчас сижу в Слободе — с продырявленным боком, но живой.

— Ты везунчик, — резюмировал Мейер. — Опиши этого Макса. Рост, лицо, уши, волосы.

— Мейер, в театре во время спектакля темно и все сидят. Я узнал бы его, если бы встретил нос к носу. А так...

— Мне нужно допросить тебя.

— Опять за свое! Давай так: допрос утром. А сейчас — я же рассказал достаточно новостей. Подумай, что за парочка могла загнать меня в Плетельню. Девчонка, если она не слепая, безумно талантлива — я ни на секунду не усомнился, что это посланница Хильды. Может, среди мошенниц...

— Баклавский, оставь мне мою работу, ладно?

— Конечно, сыщик!

— Утром я тебя все равно допрошу, не бегай от меня.

Баклавский фыркнул:

— Куда я денусь?

— Верить газетам, так ты уже должен быть на полпути к джунглям.

— До завтра, сыщик. Найди этого морячка.

Мейер, не прощаясь, повесил трубку.

Баклавский выпил еще рома и кофе, мысленно выстраивая следующую беседу. Самую трудную и важную. Пролистал телефонную книгу.

— «Золотой Плавник»!

— Добрый вечер! Любезный, среди ваших гостей находится Казимир Любек с друзьями. Не сочтите за труд пригласить его к телефону. Скажите, спрашивает граф Баклавский.

Казимир подошел через пару минут.

— Что это ты, Ежи, людей титулами пугаешь? — весело спросил он. — Ты приедешь? Здесь все только начинается!

— Знаешь, старик... — развязно протянул Баклавский. — «Плавник» — такая респектабельная дыра...

— У-у, Баклавский, да ты, похоже, нас здорово обогнал — мы только сели ужинать...

— Во-от, старик! Читаешь мысли, можно сказать! Скажи, у тебя «Манта» на ходу?

Любек хохотнул:

— Интересный вопрос!

— Кази, сделай другу приятное, а?

— Баклавский, да ты совсем пьян!

— Кази, не ерепенься! Век не забуду! А? Мне бы пару ящиков шампанского, хоть бы и нашего — все равно. И пяток девочек...

— Ежи, ты до сих пор бегаешь по девочкам? — уже в голос захохотал Любек. — Да ты один у нас не стареешь! Помню-помню, говорили, ты к какой-то сиамке повадился...

Пустой стакан в руке Баклавского со звоном разлетелся на куски. Секунду он держал зубы стиснутыми и старался не дышать.

— Ладно, не обижайся! Да шучу я, Ежи! Хочется жизни полной грудью? Будет сделано, господин Баклавский. Сто лет, как никому не делал подарков от души! Сейчас позвоню в порт, где наш причал — знаешь? А мамзелек и выпивку туда же подвезут, не беспокойся. Через час все будет! Только потом, будь любезен, — в гости, и чтоб живописал в красках!

— Кази, ты настоящий «штифт»! — заставил себя улыбнуться Баклавский. — Праздник устрою — погуще сиамского маскарада!

— А что празднуешь-то, выдумщик? — веселился Казимир.

— Да повод всегда найдется! Прощаюсь с иллюзиями молодости.

— Слушай, Баклавский... — Любек вдруг отчего-то напрягся.

— Да?

— Ежи, — замялся Казимир, — ты действительно хочешь просто развлечься на «Манте» со шлюхами? Это никак не связано с делами отца?

И оставалось-то — спокойно ответить: «Нет, конечно». И добавить пьяно-обиженное «как ты мог подумать» или что-то наподобие того.

— Прости, Кази, — сказал Баклавский серьезным трезвым голосом. — Пользуясь своим статусом, я могу конфисковать на время любую посудину в гавани. Без объяснения причин. Но мне нужна именно «Манта» с экипажем, два ящика шампанского и пять отборных девиц.

Казимир ошарашенно выругался.

— Что ты замыслил, Ежи?

— Я рад, что тебе ничего не приходит в голову, Кази. Честное слово, рад.

— Да что ж ты делаешь-то! — Любек тяжело задышал в трубку. — Мне придется предупредить отца...

— Расскажи ему все, что считаешь нужным, — посоветовал Баклавский. — Так ты выполнишь мою просьбу?

Нет городов красивее ночного Кетополиса! По крайней мере, вахтенный «Леди Герды» таких не видел. Сторожевой корабль медленно курсировал в километре от берега, охраняя канал, ведущий в гавань, и приглядывая за старой бухтой.

Красной звездой светится маяк Тенестра, сиренево и мертвенно мерцают сети в Плетельне — если верить приметам, киты близко, — а правее на берегу горят редкие точечки костров — нищие греются, понемногу изводя на дрова заброшенные склады Стаббовых пристаней. Над Мертвым портом яркая желто-рыжая полоса Горелой Слободы освещает низкие облака.

Треугольный холм Монте-Бока торчит из моря плавником касатки, непроглядно-черный на фоне светящегося неба. Лишь наверху россыпью жемчужин сияет дворец Его Величества Михеля Третьего. А правее — канал, за ним круглая гавань Нового порта, бледный

перст Хрустальной башни, кормовые огни кораблей, фонари на причалах... Квадратный подсвеченный фасад Навигацкой школы на острове в устье Баллены, а дальше — взлетают в небо разноцветные огни, синие, розовые, фиолетовые: Пуэбло-Сиам продолжает празднество. Но сиамский квартал загорожен Орудийным холмом, и лишь маяк на входе в канал да тусклые уличные лампы у флотских казарм удерживают подступающую с юга темень.

На выходе из порта замигал семафор.

«Кто-то из Любеков решил расслабиться зпт не пропустите зрелище».

Вахтенный добежал до дежурного офицера, тот разрешил позвать свободную смену. Искоркой, звездочкой, огоньком, пятнышком приближалась роскошная «Манта», предмет вожделения каждого, кто хоть раз выходил на открытую воду.

— Ты посмотри, какие крали! — присвистнул дальновидный кок, вышедший на палубу с собственным биноклем.

На катере, принадлежащем главному торговому дому Кето, царил форменный бардак. Три крутобедрые девицы в кружевном белье и мехах на голое тело проветривались на палубе, передавая по кругу бутылку шампанского с отбитым горлышком. Из жаркого нутра кубрика раздавался механический звон пианолы, кокетливый смех и визги.

Когда капитан «Манты», тоже явно нетрезвый, наконец разглядел серый борт «Леди Герды», то вместо положенного морским уставом представления отсемафорил: «Защитников кетополийского спокойствия поздравляю славным днем бойни тчк Любек».

— Грамотно отдыхают, — завистливо протянул косой матрос, за непристойное поведение уже третью неделю лишенный увольнительной на берег.

Вахтенный офицер поморщился, как от зубной боли.

Через минуту «Леди Герда» ответила семафором:

«Осторожнее фарватером тчк спокойного моря».

«Манта» заложила крутой вираж, минуя буй, показывающий край оборонной сети, и повернула на север.

— Неужели в Ганай собрались на ночь глядя? — предположил кок.

— Да что там делать-то, — возразил матрос. — Попрыгают по волнам, пока выпивка не кончится, да и вернутся. Вот увидишь!

— Вот увидите, шеф, скоро нагоним... — неумело пытался утешать Баклавского Май.

— Кого нагоним? — вяло переспрашивал инспектор.

Было бы здорово, мальчик, увидеть сразу две пары бортовых огней, встречным курсом пройти мимо «Стража», эскортирующего беглый сухогруз, и тогда спуститься вниз и тоже, хохоча и говоря скабрезности, пуститься в кутеж. Потому что мир вернулся бы на ту ось, где я привык его видеть. Потому что тогда и всем неординарным событиям этого дня нашлось бы какое-нибудь очевидное и безопасное объяснение.

Уже полчаса «Манта», приподняв тупой как у туфель Зоркого Дэнни нос, летела вдогонку за двумя судами, ушедшими из Кетополиса семь и пять часов назад. Если «Страж» догнал сухогруз в половине девятого и они идут обратно с меньшей скоростью, то около половины первого они как раз должны вернуться в Новый порт. Стой, Баклавский, ты опять думаешь не о том...

— Огни прямо по курсу! — крикнул любековский штурман, молодой, но уже неразговорчивый и ко всякому привычный моряк.

Май и Баклавский кубарем скатились в кубрик. Там по-прежнему было весело. Четверо патрульных чинно сидели рядком на длинном диване, зато изрядно пьяные девицы разместились кто где.

— ...А она и говорит: если ты кит, то где же фонтанчик? — закончила историю старшая мамзелька по прозвищу Киска, и патрульные скорчились, хватаясь за животы.

— Огни на траверсе, — сказал Баклавский. — Основная готовность.

— Опять пить и орать, — обреченно сказала темноволосая девица с размазанной под глазами тушью. Ее подруги неспешно кутались в меха и запасались шампанским. Май осторожно крутил ручку пианолы, заводя пружину. Из деревянного чрева инструмента исторглись первые такты веселой полечки.

Баклавский перешел в капитанскую рубку.

— Говорить будете только вы, — сказал он штурману. — Все помните? — Тот кивнул. — Одно неправильное слово, и все пойдем на корм планктону. Мои погоны здесь не помогут. Очень надеюсь на вас... — Баклавский не смог подобрать, как обратиться к моряку, а имя почему-то забыл, и повисла неловкая пауза. — Не подведите Казимира, хорошо?

Глянул на приближающиеся огни. Левый и правый. «Страж» возвращался один. Худшие опасения подтверждались.

Когда катера, обменявшись позывными, гулко сошлись бортами, Баклавский сидел в кубрике, пряча руку с револьвером в кармане шинели.

— Что случилось, инспектор? — сквозь шум, музыку и хохот все-таки можно было разобрать голос штурмана.

Савиш что-то ответил, но лязгающие аккорды заглушили его слова.

— Какие славные кротики! — голосом портовой шлюхи протянула Киска, повиснув на локте штурмана. — Настоящие морские кротики! Мальчики, не стесняйтесь, нас много, а клиент всего один! И то — напился так, что встать не может!

— Старший — или кто из сынков? — игриво спросил Савиш, и снова Баклавского кольнула интонация, едва скрывающая непонятную озлобленность.

— Хотите посмотреть? — ледяным голосом спросил штурман. — Или заглянуть? Поздороваться?

— Извините, любезный. — Савиш смутился. — Дол-

гий день, нервотрепка... Зарапортовался. Честь имею. Приятного отдыха!

«Страж» зачавкал винтами, и густое облако дыма вползло в кубрик.

Уже вернулись с палубы замерзшие девицы, уже под руководством Мая патрульные поволокли наверх длинные короба, до этого стоявшие под ногами, а Баклавский, уставившись в одну точку, так и сидел у резных дверей с барельефами исхода Ионы из чрева кита.

Как же так, хотел спросить он. Из-за чего такое случается с людьми? Как в нормальном, вменяемом человеке вызревает червь предательства? И откуда в последний момент у него появляется тяга к напыщенным клятвам и проникновенным речам? Что это, иудин поцелуй?

Баклавский до последнего надеялся, что билет в театр, попавший ему в руки от верного помощника, второго человека в Досмотре, действительно был принесен в контору незнакомым моряком. Но до отплытия «Манты» Чанг успел осторожно выспросить у патрульных, дежуривших на пирсе, — ни одна лодка, ни один баркас в это утро не подходил к конторе, а Савиш появился на месте буквально на пять минут и сразу уехал в Новый порт.

— Если «Страж» вернется без добычи, — сказал Чангу Баклавский перед тем, как взойти на борт «Манты», — это будет означать, что к Савишу возникли вопросы. Вот здесь, — вложил в руку сиамца толстый конверт, — несколько писем, отправь их пневмой немедленно. Там же — твои полномочия. И приказ о задержании Савиша до проведения разбирательства. Возьми его аккуратно, и не на «Страже», иначе начнется стрельба.

Чанг казался невозмутимым — границы его верности не распространялись на начальника конторы Мертвого порта.

— Надеюсь, он приведет сухогруз, — коротко ответил сиамец. По его улыбке Баклавский понял, что видит перед собой мужчину из семьи Хун...

Теперь катера расходились так же стремительно,

как и линии судеб господина старшего инспектора Баклавского и господина инспектора Савиша. «Страж» возвращался в теплые объятия Чанга и верных ему патрульных. «Манта», превосходящая досмотровый катер в скорости вдвое, устремилась на север вслед за пропавшим сухогрузом.

Баклавский поднялся на палубу.

Май с патрульными уже распаковал пулеметы и закрепил их струбцинами на фальшбортах.

— Помнишь, что делать? — спросил Баклавский.

— Конечно, — ответил второй племянник Кноб Хуна. — Две предупредительные очереди по курсу, а дальше — только по капитанской рубке. Ни в коем случае не вызвать пожара или затопления — груз не должен пострадать.

— Надеюсь, двух очередей будет достаточно, — сказал Баклавский и почувствовал себя немного сиамцем. Даже стало чуть легче.

IX. ГОРЕЛАЯ СЛОБОДА

— Сильны гулять, — заметил вахтенный, когда «Манта» с приглушенным светом в каютах, уже без музыки и песен, правым бортом разошлась с «Леди Гердой» на входе в фарватер Мертвого порта.

— Небось шампанское кончилось, — заспорил косой матрос, маящийся бессонницей и коротающий ночь на палубе. — Пока выпивка есть, праздник длится вечно! А эти даже до гавани не дотянули, без выпивки-то!..

Все ли просчитано? Все ли предусмотрено? Не осталось ли лазейки для противника? Нет, это не противник. Это враг. Не хочется и думать, где, на каких высотах разъедает ржавчина машину управления королевством.

— Так нечестно! — сказала хмурая протрезвевшая Киска, встав рядом с Баклавским на носу «Манты». —

Девочки там одни, совсем заскучали. Хоть бы развлек их, инспектор!

— Заведите пианолу.

Заряд мокрого липкого снега неожиданно накрыл катер, и палуба покрылась скользкой прозрачной кашей. Проститутка просунула руку Баклавскому под локоть и прижалась к его плечу, пытаясь укрыться от ветра.

— Ты очень смелый, — сказала Киска. — Я думала, твой седенький приятель отправит нас в обмен на Иону.

— С чего ты взяла? — вяло возразил Баклавский.

— Он смотрел по-особому. Будто его корабль тонет, а он за ноги привязан. На нашей работе быстро учишься опасность видеть, иначе долго не протянешь... И зря ты с нами так.

— Как?

— Ты наши тела купил. Только тела, и то на время. А распорядился жизнями.

Баклавскому было нечего возразить.

— Прости, — попросил он.

— Сказал бы сейчас, что все учел и что риску не было, — съездила бы по морде, не посмотрела, что благородный. Ну и как, стоила игра свеч?

Стоила ли? Благодаря маскараду удалось разминуться с вооруженным «Стражем» — единственной помехой в задержании сухогруза. Савиш отправился на берег. Лишь бы только Чанг взял его чисто... Май на любековском судне. С ним четверо патрульных, самые опытные ребята, до возвращения в порт не сомкнут глаз. Один пулемет установили на нос сухогруза стволом к рубке. Никто не осмелится полезть под огонь. Идут под всеми парами, и до рассвета судно разгрузится в зоне досмотра.

А утром, когда проснутся Канцелярия и министерства, им будет предъявлено содержимое загадочных контейнеров. Письма, которые Чанг должен был разослать пневмопочтой, адресовались не только полиции и командованию флота, но и пяти крупнейшим газетам. Не хотелось поднимать шум до небес, но другого способа Баклавский придумать не смог.

Надо ли было брать ответственность за жизнь семи непричастных людей? Или в благостном недеянии наблюдать, как вновь введенные в строй механические чудовища продавят тонкую линию патройского рубежа и откроют дорогу в Кетополис ордам безжалостных дикарей?

— Вне всякого сомнения, — ответил он.

— У вашего пирса кто-то пришвартован, — сообщил штурман, вглядываясь в темень бухты. — Похоже на «Стража». Нам точно туда надо?

«Манта» уже подходила к причалам. Теперь и Баклавский разглядел широкую корму досмотрового катера. В окнах конторы — лишь один тусклый огонек. Во все стороны вокруг — тьма и тишина. Только левее и выше, где-то в Слободе, багровые сполохи вырезали силуэт горизонта и облизывали низкие тучи — видно, там догулялись до пожара. Капитан остановил винты. Глубоко под кожухом машины тяжело дышали маховики.

«Манта» потерлась бортом о сваи, и Баклавский взобрался на причал.

— Благодарю за службу, — сдержанно сказал он. — Постарайтесь побыстрее забыть сегодняшний вечер.

Штурман молча кивнул. Киска нарочито небрежно помахала рукой и спустилась в кубрик. Тут же «Манта» дала задний ход и растворилась в падающем снеге. Баклавский остался в одиночестве. Нащупал теплую рукоятку револьвера.

Мимо спящего «Стража» прошел к лестнице. Оставалось преодолеть двенадцать ступенек. Наверное, так Одиссей возвращался домой, подумал Баклавский. Дом уже будто и не дом, не знаешь, что ждет за дверью.

— Господин инспектор, это вы? — приглушенный шепот шел из приоткрытого окна. — Сейчас отопру!

Заспанный пожилой патрульный долго возился с засовом, а потом заметался, застигнутый врасплох непонятным ночным визитом высокого начальства.

— Чайку́? — снова и снова спрашивал он, зажигая свет в залах, газовую грелку в кабинете Савиша, улич-

ную подсветку над входом. — Вон какая ночка-то стылая, не ровен час захвораете!

— Давно «Страж» вернулся? — Баклавский бессильно распластался в кресле, даже не сняв шинели.

— Ой, да что ж это я! — патрульный всплеснул руками. — Вы простите, господин инспектор, столько всего, просто ум раскорячился, не соображу, с чего начать-то!

— Уж начните с чего-нибудь, — Баклавский изо всех сил зажмурился и резко открыл глаза. Фиолетовые круги разбежались прочь, а усталость ненадолго отступила.

Патрульный, едва не расплескав, принес чашку чая на блюдце.

— Стрельба была, — коротко и торжественно заявил он. — Старший патрульный Чанг на двух мобилях подлетели, «Страж» как раз швартовался. Господин инспектор только-только в контору зашел, в патрульную, а Чанг ему бумагу в лицо, говорит, арестовать велено. А господин Савиш: что за вздор? А Чанг говорит, приказ самого старшего инспектора! Тут наш инспектор выхватил револьвер и даже выстрелил раз, пока не скрутили мы его, прости нас, Иона, китовых детей!

Патрульный опечаленно сморщился. В своем начальнике досмотровики Мертвого порта души не чаяли.

— Может, рюмочку, а, господин инспектор? Для сугреву?

Баклавский немного успокоился. Савиш задержан, это главное. Нет смысла подгонять служаку, все равно все расскажет.

— Для сугреву — с удовольствием. Только себя не обделите.

Патрульный, шаркая, исчез в коридоре. Баклавский огляделся. Все вокруг напоминало о Савише — его пресспапье, бювар, маленький медный глобус, бюстик Канцлера — вечный объект насмешек... В лотке пневмопочты лежал одинокий цилиндрик — будто письмо из прошлой жизни.

Баклавский взял капсулу в руки и посмотрел обратный адрес. Письмо пришло откуда-то с окраины Бульваров. Между всеми тремя конторами Досмотровой служ-

бы проходила отдельная линия почты, и сообщения, перекидываемые из одной конторы в другую, шли напрямую, минуя узлы связи. Соответственно, входящие адреса на пневме не перештамповывались.

Патрульный вернулся с двумя мутными рюмками и початой бутылкой «Китобойки».

— Я что думаю, — задумчиво сказал он, бережно наполняя рюмки, — ведь господин Савиш прямо в ордер попал, еще повезло, что старшего патрульного не ранил. Пробила пуля бумагу, а толку? Заарестовали нашего начальника, хоть и по дырявому ордеру. Что ж это получается, бумага нынче сильнее пули, а?

Они чокнулись и выпили. Маслянистая «Китобойка» обволокла горло, выдавила слезы на глаза. Патрульный закашлялся и китыхнулся.

— Бумажный меч надежней стали... — произнес Баклавский.

— Как вы сказали, господин инспектор?

— Так где же Чанг? Савиш?

— Я так понимаю, в головной все... Ох, тыква пареная, записка-то! Вы уж не серчайте, господин инспектор!

Патрульный поднял пресс-папье и подал Баклавскому сложенный листок.

Густое сплетение сиамских букв.

Лук — два мешка.
Яблоки — семь ведер.
Китов пусть выторгует Май.
Мука — четыре килограмма.
Яйца — три десятка.
Покупать? Дайте знать, я позвоню.

— Еще по одной? — спросил патрульный, видя, как нахмурился старший инспектор.

Двадцать семь — это на Ручье. Что происходит? Как Чанга туда занесло? Его ли это рука? Баклавский узнал бы почерк помощника, но не по-сиамски.

«Покупать», — написал он на чистом листе пневмы

и сунул его в чистую капсулу. За китов... За китов... *Таких* китов можно было сторговать за пятерку! Предусмотрительный ход — скрыть не последнюю, а третью цифру. Без нее — десять адресов на выбор в разных кварталах. Чтобы проверить все, понадобилось бы поднять на ноги всю полицию Пуэбло-Сиама. Двадцать семь — пятьсот сорок три.

Подписав капсулу, Баклавский рывком рычага отправил ее в путь. Потянулись долгие минуты. Выпили еще по одной. Потом зазвонил телефон.

— Побудьте пока в патрульной, — сказал Баклавский и снял трубку.

Крупные фигурные снежинки прилетали из сковавшей мир темноты и разбивались о стекло как птицы.

— Он стрелял в меня, шеф, — сказал Чанг. — Стрелял в своего. У нас так не принято.

— Почему ты не отвез его в Новый порт? — спросил Баклавский.

— Он вопит как свинья даже от пустячной боли. Мне удобнее разговаривать с ним без посторонних.

— Чанг, — голос сорвался, пришлось откашляться. — Ты старший патрульный Досмотровой службы. Ты не можешь...

— Не беспокойтесь, шеф, мне не приходится применять силу. Почти. Шакал очень разговорчив.

— Чанг, — Баклавский постарался, чтобы его голос звучал убедительно. — Нужно...

— Я обещал заботиться о вас как об отце. А шакал продал вас за карточный долг и обещание вашего кресла. — Голос Чанга состоял из презрения и ярости. — Мы еще не закончили с ним беседу.

Баклавский промолчал.

— Билет в «Ла Гвардиа» Савиш получил еще вчера, — продолжил Чанг, — от бывшего моряка по имени Макс. Мелкая сошка. Ночует в Слободе — в «Амбре» сдаются комнаты всякому сброду. Про его девчонку шакалу ничего не известно. И что хуже всего, Савиш не знает, кто его купил. Обычный незнакомец — после по-

кера в «Золотом Плавнике». Купил как шлюху. Уже давно, шеф. А два дня назад сообщил, что пора отрабатывать. И Савишу даже не стыдно. Он говорит, вам все равно не помочь.

— Чанг, — сказал Баклавский, — привези его в порт и посади под замок. Не натвори глупостей, я прошу тебя.

— И еще, шеф... — Сиамец будто не слышал обращенных к нему слов. — Я очень беспокоюсь за брата. Если Май не вернется в порт, я перережу шакалу горло.

И повесил трубку.

Баклавский дрожащими руками открутил колпачок с капсулы пневмы, которую, пока разговаривал с Чангом, едва не сложил пополам. Из картонного цилиндра на стол выпал обрывок шпагата. Сначала это была петля, затянутая хитрым узлом, а потом петлю разрезали, и получился «икс», две веревки, связанные крест-накрест.

Снова задребезжал телефон, и Баклавский сорвал трубку:

— Я приказываю тебе...

— Нормальные люди сейчас видят сны в объятиях красивых женщин, — Мейер был благодушен, как сытый питон. — И только такие придурки, как мы с тобой, в четыре утра пытаются делать вид, что работают.

— Привет, сыщик, — Баклавский даже помотал головой, так неожиданен был звонок Мейера. — Уже пора выезжать на допрос?

— На опознание, — ответил тот. — Ты хорошо знаешь Слободу?

— В меру.

— Есть хороший шанс поболтать с твоим потерявшимся морячком. Спроси меня, как я его нашел!

— Как ты его нашел, великий сыщик Мейер?

Где-то на том конце провода старый друг откинулся на спинку стула и, наверное, даже положил ноги на стол.

— Я научу вас, сыщик-любитель Баклавский! Если девушка закатывает глаза, а вы принимаете ее за слепую, это действительно говорит о таланте. Но она не мошенница. Она — актриса. За последние годы в горо-

де шло всего лишь два спектакля, где на сцене появлялась бы плетельщица. Два! В одной и той же второсортной студии. И две! Всего лишь две актриски научились прятать глаза, чтобы было похоже. Я спросил себя: Мейер, а нет ли у какой-нибудь из них покровителя из криминальных кругов? Поискал, поспрашивал... И поехал на Восточный бульвар с визитом вежливости к талантливой, но очень невезучей красотке, которая чуть не отправила на тот свет милого моему сердцу однокашника.

— Ты нашел ее?

— Я нашел ее, допросил ее и сейчас увезу в управление, чтобы завтра ты мог без спешки составить заявление о покушении. Ее дружка зовут Макс, все правильно. Скользкий тип, из слободских. Держит девчонку на коротком поводке, практически в рабынях. Немудрено — денег за спектакли в такой дыре даже на тухлую китятину не хватит. Он сказал — она сделала. А вот обо всем остальном надо спрашивать у Макса. Они вышли из театра задолго до финала. Макс переоделся прямо в экипаже, что-то взял и убежал, а ее отправил домой. По описанию одежды, по времени, да по всему — это он. Дождался конца спектакля и, когда плетельщица с телохранителем сели в свой экипаж, бросил им в окно бомбу. Сам в суматохе скрылся. Я и подумал — вдруг моему другу Баклавскому не спится и он согласится по холодку прокатиться до Слободы?

Обрывок шпагата. Еще недавно он был веревочной серьгой в ухе Макса. Моряк выкинул его, а кто-то подобрал и послал Баклавскому по почте: смотри, инспектор! Думай, инспектор! Только почта чуть-чуть запоздала...

— А как зовут девушку? Ты у нее?

— Да, я же сказал, — несколько обескураженно ответил Мейер, — на Восточном бульваре, в мансарде доходного дома Гнездник. А зовут твою пассию Ниной. Нина Заречная. Подходящее имя для актрисы.

— Не увози ее. Лучше поедем за Максом.

— Что ты сказал?

— Я не буду писать заявление, старик. Зачем мне

девчонка, если она играла вслепую? Слепую — вслепую, смешно. Нам нужен Макс — и тот, кто за ним.

Мейер был недоволен.

— Дело твое, Ежи. По взрыву она всего лишь свидетель. Но я бы прихватил ее для верности... Погоди, дай соображу... Ежи, ты на нее глаз положил, так?

Баклавский хотел возмутиться, но, чтобы закончить разговор, пробурчал:

— Хочешь, считай, что так.

— Вкус хороший, мозгов нет, — констатировал Мейер. — Годы его не меняют! За тобой заехать?

В горле пересохло.

— Встретимся на месте. Скажи где.

— Не вздумай соваться в «Амбру». За постоялым двором — площадь Приголуба. От нее начинается Кабацкая улица, там полно ночных забегаловок. Встреча — у ближайшей к Приголубе. Нам понадобится минут сорок, приедешь раньше — выпей горячей канеллы. До встречи!

Насколько реже мы теперь встречаемся с людьми, подумал Баклавский. Голос летит по проводам, и решаются дела, меняются судьбы, ломаются жизни. А когда-нибудь Вивисектор научится вживлять телефон прямо в голову, и мы навсегда окажемся связаны в кошмарную мыслящую сеть...

Повесив трубку, Баклавский посмотрел на левую руку. Даже просто взгляд на узелки стянувшего запястье узора вызывал тошноту. Попытался оттянуть браслет чуть в сторону, и тотчас будто шнур продернули через дырку в сердце. Схватил воздух ртом, скорчился, переждал... Отпустило.

Рука покраснела и саднила. Баклавский спрятал подарок плетельщицы под манжету и снова потянулся к трубке. Продиктовал номер.

Стыдно будет. Потом. Если это «потом» будет.

— Я нашел морячка. Через двадцать минут — на площади Приголуба, — сказал он в телефонную пустоту. — Поторопимся.

...Фантазия у Баклавского работала не хуже, чем в детстве. Изнуренное сознание превращало ветхие строения Мертвого порта то в неприступные горы, то в ряды книжных корешков с библиотечной полки. Едва выпавший снег разрисовал дороги картами неизведанных земель. Снежинки легче пуха невесомо устилали мокрую брусчатку и вдруг рафинадно темнели и превращались в воду.

Иногда Баклавский чувствовал, что на него смотрят зло и оценивающе: что с «крота» взять, будет ли сопротивляться, не опасен ли. Может, и не было там никого. Но когда от этих царапающих взглядов из темных арок и полуоткрытых ворот становилось невмоготу, извлеченный из кармана револьвер демонстрировал незримым недругам, что его владелец — неподходящий объект для знакомства.

То шел, то бежал. Чаще бежал. Кривая дорога уводила от порта вверх, к Слободе. Раскочегаривать мобиль получилось бы еще дольше, а Баклавский спешил как никогда в жизни.

А фантазия рисовала ему отчаяние и унижение лжеплетельщицы Нины Заречной. Надежды юности, слепую уверенность в своем таланте, пренебрежение первыми неудачами. Ажиотаж любительских премьер, сумасбродство богемных салонов, робость и возбуждение от того, что рядом, бок о бок, набирают силу будущие Тушинские и Шаляпины.

И нервную усталость от постоянных отказов маломальски значимых театров. И нарастающую панику безденежья. Сомнения в себе и непонимание: что же еще сделать, как подать себя, чтобы зацепить внимание тех, чье слово имеет вес в театральном мирке. Отвращение к себе после первой встречи с громилой, захотевшим приручить красивую птичку. И какого же страха ей стоило вложить в капсулу пневмы доказательство вины своего ухажера! Постоянно общаясь с уголовниками, Баклавский знал, насколько зависимыми они делают своих женщин...

А не слишком ли много выводов из одной посылки с

обрывком шпагата внутри? Тебя пытались лишить жизни и взорвали случайных свидетелей. А ты, Баклавский, ищешь лазейку — и даже не в собственной судьбе, а в мироздании. Зачем тебе нужно, чтобы незнакомая лицедейка, содержанка бандита и убийцы, оказалась невиновной, невинной, жертвой обстоятельств? Что это даст? Или ты просто истосковался, не видя рядом ни одного человеческого лица, ни одной личности, не заинтересованной в твоей протекции, коммерческих поблажках — или твоей отставке и скорейшей кончине? А здесь что-то промелькнуло такое, что теперь ты готов бежать за случайным бликом?

Неужели, чтобы разбить броню, наросшую на твоем сердце, как снежная шапка на горном пике, достаточно было просто подержать тебя за руку? И на смену опиумному призраку нежной и мудрой Тани Па в душу входит мистический образ длиннопалой актрисы? Нет ответа и нет ощущения правильности происходящего.

Баклавский остановился, чтобы отдышаться, уже в Слободе. Добротные купеческие дома с пологими скатами крыш, морёными бревнами стен, тяжелыми ставнями выстроились в ряд, неприступные и отрешенные, как идолы с недавно отбитого у бирманцев острова Пасхи. Выбитым зубом смотрелось остывающее пожарище.

Черный скелет из обугленных бревен еще дышал затаенными сполохами, добрым и уютным мерцающим светом из глубины развалин. На облучке пожарной бочки ссутулился брандмейстер в золоченом шлеме. Папироска в его руке перемигивалась с умирающими углями погибшего дома.

— Морлочий притон спалили, — с одобрением сказал пожарный. — Хорошо, на соседние крыши не пошло, уж больно весело разгорелось.

Воздух над останками дома колыхался, словно за сетью плетельщиц. Крупные изящные снежинки, неспешно украшающие все вокруг, в потоках теплого воздуха тяжелели, ломались и искристыми капельками рушились на обиженно пшикающие бревна.

Баклавскому показалось, что сквозь шипение мок-

рой древесины и гулкие посвисты ветра он слышит печальную песню. Отрешенные, неземные женские голоса тянули жалобные ноты. «За ни-иточкой у-узело-ок...» — даже вроде бы угадывались слова, воображение охотно принималось играть обрывками воспоминаний из полустершегося детства. Нужно было продолжать путь.

Пристойные дома зажиточных торговцев на каком-то перекрестке резко сменились кособокими развалюхами и высокими частоколами. Низко и угрожающе зарычала собака. Ни огонька, но падающий снег и отсветы других кварталов от низких облаков окрашивали улицу в белесые тона. Края луж хрустели тонким льдом. Баклавский пробежал последние сотни метров до «Амбры». Постучал чугунным кольцом. В ответ раздались тяжелые шаги.

— Кого несет? — хозяин постоялого двора приоткрыл маленькое окошко в воротах и внимательно рассмотрел сначала направленный ему в лицо ствол, а потом жетон Досмотровой службы. — Не спится, господин старший инспектор? Могли и добром попроситься.

Баклавский прошел вслед за ним по брошенным в грязь доскам и перепрыгнул на порог трактира. Пахло кислятиной и перегаром. Тлела слабосильная лампочка, толком ничего не освещая. За дальним столом лицом в тарелке похрапывал какой-то пьянчуга. Широкие лестницы по краям зала поднимались на балкон — там одна к одной жались двери, не меньше дюжины. Видимо, комнатки были не самые роскошные.

— Далеко вас от бухты занесло, — сказал хозяин беззлобно. — Чего хотели?

— Покажи мне комнату Макса.

— Нет здесь никакого Макса.

Баклавский, недолго думая, выстрелил в потолок.

— Макс, — крикнул он, — выйди сюда и умри как мужчина!

Наверху заворочались, зашуршали, зашептались. Кто-то взвизгнул. Но главное, хлопнуло распахиваемое окно.

— Вы чтой-то вздумали чудить, — хозяин не особо удивился, в Слободе всякое бывает. — Швали всякой у

нас полно, а самоубийц не водится. Если и был здесь какой Макс, так уже нету.

— Комната? — спросил Баклавский.

— Десятая, — неохотно ответил хозяин.

Баклавский взлетел по лестнице, пинком выбил дверь. Замызганные занавески выпростались на улицу, словно махали драными краями вслед убегающей через площадь фигурке. Снежинки изящными пируэтами влетали в окно и таяли на подоконнике.

Человек бежал тяжело, грузно. Даже с такого расстояния Баклавский узнал его. Макс то и дело оборачивался, желая убедиться, что преследования нет. Перепрыгнул через что-то темное, протянутое поперек заснеженной площади. Ни огонька в окнах, только из проема спасительной Кабацкой улицы мягко льется свет — там не закрывались до утра, как и говорил Мейер.

На пути убегающего моряка встала тонкая черная тень. Макс увидел ее издалека и слегка замедлил бег, принял чуть влево, не желая столкнуться. Женщина нагнулась и потянула из-под ног вверх темную, с крупными ячейками сеть. Вторая плетельщица шагнула из тени в углу площади и подняла свой край. Проход к Кабацкой улице закрылся.

Макс бросился в сторону, потом назад, но женщин было уже восемь. Высоких, стройных, с неестественно прямыми спинами. Баклавский поклялся бы, что видит, как блестят белки приоткрытых глаз. Постепенно выбирая сеть, плетельщицы начали сходиться. За их спинами появились матросы — те, что выходят в океан на утлых черных суденышках и растягивают на десятки километров тонкое кружево, способное остановить самого большого морского зверя. А вернувшись на берег, стерегут покой своих слепых жен и матерей. Макс угрожающе закричал, но в его голосе страха было куда больше, чем угрозы.

Баклавский, чуть помедлив, перекинул ногу через подоконник.

Макс не выдержал и с отчаянным воплем прыгнул в самый широкий зазор между плетельщицами.

Уже прыгая из окна вниз, Баклавский успел увидеть, как изогнулось судорожной дугой все тело моряка от головы до пят, когда он коснулся сети.

Земля больно ударила по пяткам. Баклавский отряхнул с ладоней прилипший грязный снег и побежал вслед за плетельщицами. Между связанными руками и ногами Макса матросы просунули длинный бамбуковый шест и подняли его на плечи. Баклавский испугался, что его сейчас стошнит.

Плетельщицы, держась за сеть, уходили одна за одной, исчезали в узком провале между каменной аптекой и бревенчатым лабазом.

Баклавский догнал Стеллу и остановил ее, придержав за локоть. Другая плетельщица перехватила у нее сеть. Один матрос остался стоять неподалеку, все прочие, включая тех, что несли Макса, скрылись в проулке.

— Я выполнил свою часть сделки, — сказал Баклавский.

— Видите, как важно чего-то по-настоящему хотеть, — высокомерно сказала плетельщица, — тогда все получается как надо. Дайте вашу руку.

Баклавский протянул ей запястье. Ледяные пальцы скользнули по воспаленной коже и нащупали браслет. Одним резким движением Стелла распустила узел, и плетеная полосочка слетела с руки, не причинив никакой боли. Рука стала невесомой, будто наполненной водородом, как баллон аэростата. Сердце забилось чуть быстрее, освобожденное от странного бремени.

— Прощайте, — сказала плетельщица.

— Еще нет, — жестко сказал Баклавский. — Человек, которого вы сейчас забрали к себе, убил одну из вас. Я нашел его и отдал вам в руки. Передайте Хильде, что она получила чок-дэ. И в ответ я жду от нее имя того, кто придумал маскарад в театре.

— Вы слишком много на себя берете! — ледяным тоном возразила Стелла.

— Не больше, чем смогу унести. Я не друг Хильде, но ей ни к чему обзаводиться врагом. Мой телефон и пневма вам известны.

Плетельщица повернулась. Матрос тут же оказался рядом, и она взяла его под руку.

— Письмо придет вам домой не позже полудня, — сказала Стелла. — Прощайте.

Вся площадь была разрисована следами. Опытный полицейский прочел бы здесь целую историю. Баклавский побрел наискосок к месту встречи с Мейером. С разных сторон послышался гул моторов.

Несколько силуэтов выскользнуло из освещенного пространства улицы и разбежалось по подворотням. Далеко не каждому жителю Слободы хотелось попадаться полицейским на глаза.

Все-таки я успел, подумал Баклавский.

Служебный мобиль с каракатицей и желтой полосой на борту стоял прямо посреди Кабацкой улицы. Даже в здешних не самых приветливых местах уголовная полиция постоянно демонстрировала свою силу, хоть бы и по пустякам.

Мейер, воротник поднят, котелок надвинут на глаза, нахохлился на заднем диване мобиля. Приглашающим жестом показал на место слева от себя.

— Ты долго, — сказал Мейер, когда Баклавский сел рядом и захлопнул дверцу. Шофер в забегаловке напротив торопливо рвал зубами горячий буррито.

— Боюсь, — не так-то просто было подобрать правильные слова, — в «Амбру» заходить уже нет смысла.

Сыщик повернулся, сощурился, заглянул в глаза. Баклавский с трудом выдержал его взгляд.

— Знаешь... — негромко сказал Мейер, — знаешь, Ежи, ты сволочь.

Баклавский лишь сжал губы.

— Этого парня должны были взять мы. Увезти в управление и вытрясти из него душу. — Мейер наморщил лоб, будто от головной боли. — Тебе требовалось лишь показать его. Вместо этого ты намеренно спугнул негодяя, и теперь он ляжет на дно — можно перерыть весь Кетополис, его уже не найти. Ты вздумал играть против меня?

— Что ж не арестуешь за пособничество? — спро-

сил Баклавский. — Или за укрывательство — как там это у вас правильно называется?

— Дурак, — сказал Мейер.

Баклавский машинально потер пальцами еще саднящее запястье.

— Были веские причины, — сказал он. — Я отдал Макса Хильде. У меня не получалось по-другому.

Следователь недоверчиво хмыкнул, но промолчал.

— Если ты напишешь, что преступник был убит при задержании, то не погрешишь против истины. Ты нашел убийцу менее чем за сутки. Все хорошо.

Мейер помял пальцами переносицу.

— Ты странный человек, Ежи. Совершенно дикие вещи излагаешь с таким видом, будто нет ничего более естественного...

— Чем что?

— Ты предлагаешь мне написать подложный отчет.

— Да, — ответил Баклавский. — Но каждое слово в нем будет правдой. Жизнь Макса скоро оборвется в Плетельне. Гораздо менее приятным способом, нежели предусмотрено «Уложением о наказаниях». Кара настигнет преступника.

Мейер откинулся на спинку дивана. Повертел в руках короткую боцманскую трубочку, но курить не стал. Спросил:

— Не могу понять, ты переживаешь или злорадствуешь?

Баклавский пожал плечами:

— Скорее первое. Плодить смерть — не лучшее занятие.

— Вот объясни мне, что происходит, а? За последние месяцы ты стал каким-то пугалом Кето. Газеты захлебываются: Баклавский — то и се, Баклавский — бирманский шпион, Баклавский — казнокрад и взяточник, Баклавский — правая рука Остенвольфа...

— Когда государство оказывается на грани распада, находятся люди, желающие погреть на этом руки. Наверное, я им слегка мешаю. Морально устарел, зани-

маю место, предназначенное для кого-то гораздо более гибкого. Считаю Кето королевством. Мало ли что еще.

— Но вместо того, чтобы пустить тебе пулю в голову или взорвать, как стало модно в последнее время, они решили перепоручить тебя плетельщицам, — заметил Мейер. — А потом тебя бы похоронили с почестями, назвали твоим именем какой-нибудь проезд в Пуэбло-Сиаме, а в порту прикрутили бы на стенку конторы мемориальную доску.

— Приблизительно так, — усмехнулся Баклавский.

— Подозреваешь кого-то конкретно?

— Возможно.

— Поделишься?

— Уверен, что тебе стоит в это влезать?

Мейер удивленно поднял бровь:

— Судя по вопросу, ты собираешься воевать не меньше чем с Канцлером!

Баклавский отвернулся к окну. Шофер топтался под козырьком забегаловки, не решаясь вернуться к мобилю.

— Я почти уверен, Мейер.

— Ежи, это же бред! Твоя вошедшая в анекдоты приверженность короне — это не повод для убийства. Твою службу *уже* ликвидировали. Все дела в нашем государстве — забота Внутреннего Совета Канцелярии. Михелю оставили только псарню, парады и балы, каждому — по силам! Приди на место Канцлера кто-то другой, анархия бы уже давно накрыла остров, как цунами. Откуда у тебя такое патологическое недоверие к Одноногому?

— Я так вижу, — сказал Баклавский, вспомнив чокнутого художника с Круадора.

Мейер тяжело вздохнул.

— Октавио сошел с ума. Мне кажется, ты не спеша идешь по его дорожке. Ты без мобиля?

— Ничего от сыщика не скроешь!

— Подбросить домой? — Мейер махнул рукой шоферу, и тот побежал к мобилю.

— Лучше до Торсиды, если не сложно. У меня осталось еще одно дело на сегодня.

— Дело — в шесть утра?

— В шесть ночи. Утро наступит, только когда я проснусь.

Ехали молча. Сыщик даже вздремнул. Баклавский разглядывал профиль друга. Убрать морщины у глаз, разгладить лоб, не обращать внимания на матерую щетину — и вот он, жизнерадостный наглый мальчишка, переодевшийся гардом и захвативший навигацкую шлюпку...

Мобиль остановился на площади Торсиды. Мейер вышел проводить Баклавского.

— Если что... — сказал он.

— Я знаю, — благодарно ответил Баклавский.

Тучи вдруг на мгновение окрасились голубым, и через несколько секунд громыхнуло.

— Гроза? — удивился Мейер.

— В конце октября?

Но, видимо, осеннее небо действительно решило разродиться запоздалой грозой — где-то над морем вспыхивали зарницы, а ветер приносил глухой рокот.

X. ВОСТОЧНЫЙ БУЛЬВАР

Лавки, цирюльни, трактиры на Бульварах были закрыты наглухо. От Торсиды Баклавский поднялся до Восточного и повернул к реке. На противоположной стороне Бульвара открытым ртом зияла лавка с нескромным названием «Закрома Канцлера». Лохматый спросонья старик, борода лопатой, руки как грабли, неуклюже перепрыгивал от лотка к лотку, громко и раскатисто цокая по полу деревянным протезом. Пока Баклавский подходил к лавке, бакалейщик смел длинной шваброй снег с тряпичного козырька, зажег по углам газовые фонарики и по-хозяйски встал к весам за прилавок.

— С праздником, — сказал Баклавский. — Какие яблоки есть?

Все лотки с фруктами скрывались под неопрятной ветошью, и посмотреть на содержимое не получалось.

— Франклин, мендельские, ганайский налив... — начал перечислять старик.

— Ганайские хороши?

— Из самого́ любековского сада, других не держим, — старик проворно отдернул покрывало с ближайшего ящика.

Под пластами серого войлока взошли солнца — розовые наливные яблоки почти светились, аккуратно выложенные одно к одному.

— Как вы их попрятали, — усмехнулся Баклавский, — от наших-то глаз!

— Такое чудо — поморозить! — охнул старик. — Гре-ех!

— Грех, — согласился Баклавский. — Полдюжины, покрупнее.

Выбрав, кроме того, плитку флотского пайкового шоколада, пятилетнюю бутылку тинто и ломтик острого, в сиреневой плесени, патройского сыра и для приличия выторговав у бакалейщика полкроны, он вышел на Восточный бульвар и зашагал широким размашистым шагом к доходному дому госпожи Гнездник, что стоял от лавки в паре кварталов.

Снегопад окончательно стих. Рассвет начал высветлять небо у горизонта, а в улицах Кетополиса лишь сгустилась тьма, хищно поглощая лучи редких фонарей. Первые пешеходы вытаптывали в белом покрывале приближающейся зимы неровные елочки следов. Бульвары просыпались медленно, лениво.

— «Полис»... «Полис»... — где-то вдалеке вопил мальчишка-газетчик.

— «Утро Кето»!.. «Утро Кето»! — вторил ему другой. — Трагедия накануне праздника!..

Что же должно случиться в нашем странном городе, подумал Баклавский, чтоб удостоиться статуса трагедии? Мы очерствели, озверели, отплакали свое уже давным-давно. Пропавшие дети — не горе, а статистика.

Газ и бомбы — на странице происшествий. Убиваем китов — и себя вместе с ними...

Семиэтажный доходный дом госпожи Гнездник растопырился буро и кособоко на углу Восточного бульвара и Хитрова переулка. Оставалось только подняться на последний этаж и разгадать последнюю загадку. На сегодня? Навсегда?

Теперь они не отвертятся, со спокойной уверенностью понял Баклавский. Слишком долго он набирался опыта в канцелярских делах, чтобы выпустить этих мерзавцев из когтей. Все бумаги разошлись по инстанциям — не изымешь, не спрячешь. Корабль, почти ушедший к Остенвольфу, сейчас входит в Новый порт. Контейнеры вскроют, и никакая рука сверху уже не заткнет рот газетчикам. Впрочем, сюда, на Восточный бульвар, старший инспектор Баклавский пришел совсем по другим причинам.

Из переулка опрометью выбежал мальчишка — картуз набекрень, пальтишко расстегнуто, длинный ремень почтовой сумки перекрутился жгутом.

— «Полицейский вестник», — пискнул он у Баклавского за спиной. — Купите газету, дяденька! «Леди Герда» прямой наводкой засадила по любековскому сухогрузу, представляете? Берите, тут грамотно рассказано!

Баклавский нашарил в кармане монетку и получил взамен серый мятый листок со строгой каракатицей на шапке. Дернул дверь, шагнул в парадное. А потом в левом глазу потемнело, и Баклавский, едва не уронив тяжелый пакет, привалился боком к косяку. Пытаясь заморозить боль, он прижался щекой к масляным разводам жирной, заросшей мертвой паутиной стены.

В октябре не бывает гроз.

Тварь... Я найду тебя, слышишь? Из-за твоих игр расстреляли моих людей... Иглесиас, Варма, Ханукян, Шевский. И Май. Как полсердца прочь. Май. Как сказать Кноб Хуну? Чангу? Только доделать то, что начато. Размотать эту гнилую, пахнущую трупами нитку. Круг сузился, дорогой незнакомый враг, и я уже иду за тобой! Только передохну...

Баклавский опустился на ступени. То ли на минуту, то ли на час. Кто-то прошел мимо, аккуратно переступив через пакет. Трубы в стене зашумели водой. Дом просыпался.

Когда боль в виске чуть утихла, Баклавский медленно поковылял вверх по лестнице. На каждом этаже из узких пыльных зеркал, встроенных в проемы напротив дверей неработающего лифта, на него глядел новый Ежи, постепенно избавляющийся от титулов, званий, роли в обществе и прочих сугубо внешних побрякушек. Последний, на шестом, оказался просто усталым мужчиной средних лет, с чуть перекошенными плечами, чтобы не так болел разорванный бок, мужчиной, обрюзгшим от бессонной ночи, обросшим ровной золотистой щетиной и не способным подмигнуть собственному отражению.

Кнопка над выцветшей табличкой «Заречная» произвела за дверью скрежещущий звон, и из глубины квартиры послышались шаги.

Энни-Нина в тяжелом шелковом халате ничуть не походила на плетельщицу. Заплаканные глаза смотрели близоруко и беззащитно. Баклавский молча протянул ей открытую ладонь, на которой лежал обрывок шпагата. Нина так же молча посмотрела ему в глаза, потом опустила взгляд к ладони и снова посмотрела в лицо. Было в ней что-то странное, шальное, непонятное.

— Я пришел поблагодарить вас, Нина, — голос неожиданно подвел, выдав курьезный фальцет. Баклавский откашлялся. — Здесь яблоки...

— Яблоки? — Нина сделала два шага назад, полуприглашая его войти. — Как странно! Здесь — вы... И яблоки...

Баклавский перешагнул порог. Тусклый и резкий свет дуговой лампы драпировал коридор причудливыми тенями. Половина лица Нины пряталась в темноте, черно-белая театральная маска.

— Я поняла еще в театре, что творится что-то страшное. Поняла, когда увидела вас, — медленно проговаривая слова, сказала она. — Макс только отшучивался, ко-

гда я спрашивала, к чему эти переодевания. Но он не тот человек, чтобы тратить время на безобидные розыгрыши. А потом я увидела, как вы верите всему, что я говорю... Это было ужасно...

Она потянулась мимо него, чтобы закрыть дверь, и ощущение ее близости вызвало у Баклавского крупную дрожь.

— Когда он отправил меня домой, а сам умчался неизвестно куда, я хотела сразу найти вас... Простите меня...

Нина отступала, а Баклавский шел за ней следом. Они миновали длинный неосвещенный коридор и оказались в комнате с большим круглым столом под лампой с зеленым абажуром посередине, кроватью, видимо в спешке прикрытой покрывалом, старинным секретером в дальнем углу и широкой прикроватной тумбочкой.

— Вечером был спектакль, я едва сыграла. Ночью пришли из уголовной. Искали Макса. А потом я поняла, что опоздала и вы мертвы...

— Отчего же... — сказал Баклавский, не в силах оторвать взгляда от стоящей на тумбочке ржавой терки, красивой черной пиалы, кувшина с молоком и блюдечка с крупными ярко-голубыми горошинами. — Отчего же сразу хоронить?..

— Так мне об этом с улицы кричат. Кричат, ты убила человека. И мне нечего им ответить. Инспектор Баклавский пытался провести судно без сигнальных огней мимо кораблей заграждения. — Нина закрыла лицо руками. — А я даже не знаю, зачем изображала в «Ла Гвардиа» плетельщицу и почему Максу это было нужно, но он плохой человек, а вы хороший, и вы умерли, и значит, это я виновата...

Наконец она заметила, куда смотрит Баклавский. Хлюпнула носом.

— Конфискуете? — спросила саркастически, резко, ощетиниваясь еще до того, как он скажет хоть слово.

Баклавский тяжело опустился на край кровати, отставил в сторону пакет со снедью и взял с блюдечка двумя пальцами продолговатый сомский боб. Сине-го-

лубые прожилки, глянцевый муаровый узор. Вот так всегда — как ни конопать дырки, а контрабанда свою лазейку находит. В вечной борьбе защиты и нападения второе, как обычно, на шаг впереди.

— Нетоварное количество, — констатировал Баклавский, нюхая терпкую кожуру. Ковырнул пальцем в пиале белую стружку, похожую на кокосовую. — С молоком натираешь? — Как-то сразу он спрыгнул на «ты», будто перед ним оказался один из подопечных Досмотровой службы.

— Курить не могу, — словно извинилась Нина, садясь рядом. — Голос. Пою.

— И как... что-то слышишь?

Нина тихо и стеклянно усмехнулась. Она уже на бобах, догадался Баклавский.

— Их там тысячи. Старые матерые гиганты, и самки в расцвете, и крошечные нежные детки. Приветствуют друг друга... Встречают тех, с кем расходились в разные концы океана... Так... красиво... Завтра будет только ужас и страх, но сегодня...

— Они правда поют? — с сомнением спросил Баклавский.

Взгляд Нины поплыл.

— Львы, орлы, куропатки, олени... — Она задумчиво погладила кончики его пальцев. — Все поет, и киты — стократно громче остальных... Иди со мной!

Баклавский думал, что теплее всего ему будет услышать «Иди ко мне», а теперь понял, что ошибался. Нина тщательно облизала ложку и зачерпнула из пиалы белую как снег кашицу. Плавно, будто управляя кораблем, развернула нос ложки к Баклавскому и осторожно протянула руку вперед.

— «Бульварные новости»! — надрывался газетчик где-то в другом мире. — Покупайте «Бульварные новости»! Свежайшая правда о саботажнике Баклавском и невинно утопленных матросах! Зигфрид Любек отвечает, грозит ли городу угольный голод! Шокирующие подробности ночной атаки от капитана «Леди Герды»!

Бобовая стружка захолодила небо, густым душным

пряным ароматом затекла в горло и ноздри. Нина отползла на середину кровати и потянула Баклавского за собой. Он лег рядом, свернувшись калачиком, как маленький замерзший мальчик, глядя, неотступно глядя в ее глаза.

— Я принес тебе картинку, — сказал он, почувствовав, что сминает картон во внутреннем кармане кителя.

Нина доверчиво улыбнулась и помогла ему вынуть рисунок, долго и пристально смотрела на смешные переливающиеся кубики, взгляд ее опять поплыл куда-то вдаль, и она снова улыбнулась:

— Какие шикарные киты!

Баклавский положил ей ладонь на щеку, и что-то страшное, темное, что кальмарьим комком уже долгие месяцы ворочалось в его душе, вдруг лопнуло, рассыпалось и исчезло.

И пришел звук. Из ниоткуда и отовсюду, протяжный, как прощальный гудок лайнера, чистый, как океан вдали от всех берегов, безумное сплетение трех или четырех нечеловеческих нот. Если нарисовать его, понял Баклавский, то получатся сети плетельщиц.

Голоса города, вползающего в мрачное ритуальное празднество, утонули в этом звуке без остатка, только дыхание Нины невесомой льдинкой удержалось на плаву.

«Тебе можно верить?» — так и не спросил Баклавский, ведь один такой вопрос убивает все.

Он закрыл глаза. Может быть, когда я усну, ты встанешь, на цыпочках обойдешь кровать, стараясь не скрипеть, выдвинешь верхний ящик секретера и взятой оттуда опасной бритвой перережешь мне горло. И отправишь пневмой куда-нибудь в Горелую Слободу или в Канцелярию локон моих волос. И там порадуются — сработала самая последняя, самая хитрая ловушка. Ты хорошая актриса, мне никогда не услышать фальши... Тем более что ты молчишь. Только в твоем взгляде мне упрямо мерещится что-то другое, и ради этого можно рисковать — хотя какой тут риск, ведь меня устроят оба варианта.

Баклавский почувствовал, как его лица коснулись

длинные тонкие чуткие пальцы плетельщицы. Из-под век взошло солнце того нежного цвета, что бывает у поздних ганайских яблок. Доходный дом госпожи Гнездник качнулся, оторвался от берега и поплыл, большой, неуклюжий, неповоротливый, но волны подгоняли его, и вокруг захороводили иссиня-черные круглые спины, взвились веселые фыркающие фонтаны. Звук песни расплелся на отдельные пряди, и теперь они начали завязываться в подобие слов.

На фоне солнца девочка, оседлавшая поручень, казалась сбежавшей из театра теней. Пухлые пальчики сгибали и сгибали листок бумаги.

— Пау! — выкрикнула она, пытаясь напугать Баклавского, и бросила ему на колени бумажного кита. — *Таан йо ийи пла*!

Ты сам большая рыба.

Коричневый, пористый, кривобалконный дом, чадящий кухнями, рыкающий унитазами, шелестящий прохудившейся кровлей, наконец потяжелел и быстро пошел под воду. Баклавский и Нина играючи соскользнули с тонущей веранды и, легко шевельнув упругими хвостами, бок о бок поплыли к солнцу.

ТРУДНО БЫТЬ ЧЕРТОМ[1]

1

— Танечка сделай нам, пожалуйста, два кофе. И хорошо бы тех бараночек, с маком.

Обманчиво суровая очкастая блондинка молча кивнула и выскользнула из кабинета. Дмитрий Иванович вздохнул, взлохматил ладонью седоватые волосы, укоризненно взглянул на Игоря.

— Не ожидал от вас, Игорь Михайлович. Вы на что вообще рассчитывали? Что мы это напечатаем?

— Дмитрий Иванович, — подавив неуместную сейчас улыбку, ответил Игорь, — я не мальчик. Понимаю, что написал и для кого написал.

— А что Кроев сожрет нас и не подавится — понимаете?

— Вполне, Дмитрий Иванович, вполне, — кивнул Игорь.

Скрипнула дверь, в кабинет протиснулась Танечка с подносом. Деликатно выставила на стол чашки, ложечки, вазочку с сахаром и серебряную плетенку с печеньем.

— Так вот, — продолжил журналист, — Кроев — человек девяностых годов. Поглядите на его связи. Каждая фигура — под боем. Пащенко поддерживал сами знаете чей фонд и слил только после того, как в офисе его банка порезвилась прокуратура. Впрягаться за тестя он не станет. Далее, с Шигалевым, областным прокурором, у Кроева мир-дружба-жвачка, но Шигалев — ставленник Трубникова, прежнего зама президентской ад-

---

[1] Публикуется в сокращении.

министрации. А Трубников сейчас на чемоданах сидит. Ротация власти, неизбежная при всяком новом президенте.

— Игорь, — главред пропустил отчество, и это было добрым знаком, — все это выглядит красиво и убедительно. Но — только здесь и только сейчас. Почему вы думаете, что все пойдет по вашему сценарию?

Игорь промолчал. Иванычу надо сейчас дать выговориться, а потом уж и бить тяжелой артиллерией.

— Вот смотрите, что получается из вашего очерка, — отхлебнув из дымящейся чашки, продолжал главный редактор. — Губернатор Петровской области решил построить огромный развлекательный центр. И не где-нибудь, а в живописном месте, излучина Валажи. А там, как на грех, дачные поселки. Дачникам сперва предлагали продать участки — по смешной цене, но предлагали. Потом, не найдя понимания, объявили их документы на право собственности фальшивкой. После этого дома дачников начали сносить бульдозерами, нескольких возмущавшихся искалечили, городской суд отклонил иски потерпевших. Кое-кого посадили за «сопротивление законным действиям сотрудников милиции». Видите, насколько все серьезно. Это не просто злоупотребление властью. Это уже подлог, преступления против личности, рассадник коррупции и прочая, прочая, прочая.

— Ну да, — кивнул Игорь. — По полной программе. Все именно так и есть.

— Ну представьте же последствия! — главред взмахнул рукой с чашкой и лишь чудом не плеснул кофе на столешницу. — На нас подают в суд за клевету. В петровский суд, между прочим, а не в московский. Уверяю, найдутся и свидетели, и эксперты, и все, что угодно. Нас закрывают, вас сажают, да еще навесят такой штраф, какой, чтобы выплатить, ну я не знаю, кем надо быть... как минимум банкиром Пащенко.

Игорю стало скучно. Иваныч был весь как на ладони... Старый волк журналистики прав — в своей системе координат.

— Дмитрий Иванович, — сказал он как можно более сухо. — Неужели вы думаете, что я сдал вам материал, не сделав сперва глубокой разведки? Нам обещана поддержка на очень высоком уровне. Это первое. Второе — пообщался я с помощником представителя Центра в регионе... Кроеву недолго осталось сидеть в своем кресле. И скандал в СМИ — это прекрасный повод. Так вот, смотрите сами. Кроев накроется и без нас. Но если мы ввяжемся в драку — выглядеть все будет так, что именно мы, «Столичные вести», разоблачили подлого коррупционера.

— Ну, я не знаю... — задумчиво протянул главред. — Все-таки система не сдает своих...

— Дмитрий Иванович, — вздохнул Игорь, — в этих шахматах свои фигуры съедаются не реже, чем чужие.

Он внимательно посмотрел в водянистые, светло-серые глаза. И увидел, что Иванычу осталось три года до первого инфаркта.

К ночи изрядно посвежело. Бомбила, пойманный в ста метрах от «Дюралюминия», оказался не в меру болтлив. С ходу рассказал грустную свою историю, как бросила его вторая жена, какой моральный урод великовозрастный балбес-пасынок, сколько стоило получить временную регистрацию, как достали черные, красные и голубые.

Возле подъезда уже вторую неделю копали, так что высадиться пришлось за два дома. Едва водила, ударив по газам, рванул на проспект, от ближайшей стены отлепились три тени. Неторопливо, даже с какой-то наигранной ленцой приблизились к Игорю, образовав нечто вроде равностороннего треугольника.

Двое высоких парней в надвинутых чуть ли не до глаз вязаных шапках. Куртки из черного кожзаменителя, мятые спортивные штаны — китайский «Adidas», стоптанные кроссовки. Третий, вставший чуть справа,

был явно постарше. Плотная фигура гнома, темно-синяя куртка, только капюшон надвинут на глаза.

— А чего у тебя, братан, шнурки неглаженые? — Голос у него оказался скучным, как наждачная бумага.

— Да я и без галстука, — расстроил его Игорь. — И вообще, пацаны, как-то неправильно начинаете. Ни тебе закурить попросить, ни червонец до метро. Не любим штампы, ищем новые подходы?

— Что-то больно ты, мужик, борзый, — вытекло из прокуренной пасти. — Короче, въезжай, ты не на того прыгнул. Не понял? Ща поймешь.

Все было, в общем, понятно, убивать его, конечно, никто не собирается. Да и тяжкие телесные сомнительны. Просто первый сеанс прессинга. А петровские, однако, все-таки раскачались. Но до чего ж примитивно! Начали бы уж, как водится, с телефона, с почтового ящика...

Игорь открыто, дружелюбно улыбнулся, задержал дыхание — и нырнул в Озеро Третьей Тени. Оттуда, из мутной воды, фигурки дырявок казались голубовато-серыми пятнышками. Они еще ничего не поняли, из них еще сочилась бурая, с желтоватым отливом, радостная жестокость. Ладно, будет им на ком размяться. Игорь дунул туда, вверх, сквозь толщу воды. Вот вам и отраженьице, резвитесь.

Из Озера он вышел метрах в пяти от своего подъезда. Как всегда, голову на мгновение пронзило тонкой болью, а после мир обрел здешние формы. Тянуло легким ветерком, каркала где-то спросонья ворона. А там, у соседнего дома, трое ожесточенно лупили друг друга. Каждому казалось, что один из оставшихся двоих — это борзый журналист Ястребов. Равносторонний треугольник с каждой секундой сжимался, вот — превратился в кучу-малу. Набирая входной код, Игорь пожалел, что заодно не заморозил им языки. Оставалось лишь надеяться, что женщины и дети давно спят и не слышат гнилую матерщину снизу.

2

С утра болела голова. Все-таки в «Дюралюминии» он слегка превысил норму.

Игорь глянул на часы — половина одиннадцатого, приличия соблюдены.

— Настя, доброе утро. Это Игорь Ястребов. Я не отвлекаю вас? Минутка для меня найдется? Вот и славно. Нет, не по телефону. Ну, давайте я к вам в обед подъеду. Ровно в половине второго?

Кстати, они уже начали прослушивать его телефоны? Судя по вчерашнему, господин Кроев на исполнителях экономит. Пока, во всяком случае. Правда, вчерашняя ночь должна сильно удивить если не заказчика, то хотя бы исполнителя. Значит, возможны неожиданности.

Настя появилась под синим козырьком здания в тридцать две минуты второго. Худенькая фигурка, белый плащик, слегка вьющиеся темноватые волосы. А на лице, еще не растерявшем летний загар, — удивительно большие серо-зеленые глаза.

— Давно ждете, Игорь Михайлович? — поинтересовалась она, протягивая руку. Не для поцелуя — для пожатия.

— Только что подъехал, — вежливо соврал Игорь. — Я вот что подумал, раз у вас обед, давайте вместе перекусим. Тут есть подвальчик такой, «У синего слона» называется. Вроде приличное место, был там однажды.

— Надо же! Пять лет тут работаю и не замечала никогда. Мы обычно в нашем же здании в столовку ходим. Ну, слон так слон.

В подвальчике и впрямь оказалось прилично. Настя взяла бефстроганов с рисом, Игорь ограничился омлетом и двойным кофе.

— Настя, — без экивоков заговорил Игорь, — я должен вас предупредить, что наша война с господином Кроевым вступила в новую фазу. Скандал, как мы и думали, получился мощный, так что не удивлюсь, если в

течение года в Петровской области сменится губернатор. Но пока перед нами крыса, которую загнали в угол. Крыса звереет и кусается. Поэтому не исключены наезды на тех, кто упомянут в статье. В том числе и на вас.

С Настей он познакомился в конце августа, когда собирал материалы для очерка. Ей, как и многим другим незадачливым садоводам, не повезло — согласно проекту развлекательный центр должен был подмять под себя в числе прочего и дачный поселок «Союзприбор».

Игорь тогда нырнул в эту круговерть как олимпийский чемпион с вышки. Днями напролет он записывал беседы с людьми, фотографировал сгоревшие дома, общался с чиновниками, врачами местной больницы, бульдозеристами и депутатами петровского законодательного собрания. Он коллекционировал обмолвки, нанизывал одну на другую нестыковки, собирал досье на исполнителей и организаторов. Для всего этого даже не пришлось выходить за рамки журналиста Ястребова... ну, так, совсем по мелочи.

В статье засветилась и Настя — на целых два абзаца плюс фотка. За руку с шестилетним сыном Артемом — Мальчиком, У Которого Хотят Отнять Дачу.

Ну чем не повод для знакомства холостого мужчины с разведенной женщиной?

— Так вот, — подцепив кусок вилкой, продолжил Игорь, — Кроев и его команда сейчас попытаются опровергнуть статью. Основное давление пойдет на меня, собственно, уже пошло. Вчера поздно вечером трое гавриков пытались отметелить...

— Вот даже как? — Настины ресницы взметнулись вверх. — Вы сильно пострадали?

— Обижаете, — усмехнулся Игорь. — Со мной так просто не справиться. Когда-то был даже бронзовым призером по... ну, это неважно. А важно, что начали с меня, но могут перекинуться на пострадавших дачников — тех, кто упомянут в статье. Не думаю, что в ход пойдет явная уголовщина. Просто будут звонить, угрожать неприятностями, требовать публичного опровержения.

— Вы же понимаете, Игорь Михайлович, по какому короткому адресу я их пошлю? — вспыхнула Настя. — Неужели я так похожа на трусливую бабу?

— Не похожи, — утешил ее Игорь. — Но имейте в виду, давление, даже психологическое, трудно переносить долго. Поэтому я вам советую... вернее, прошу принять некоторые меры.

— Купить помповое ружье? — уголки Настиных глаз чуть опустились вниз.

— А толку? Телефонный аппарат раздолбать? Лучше купите определитель номера с функцией диктофона. Такие записи нам очень пригодятся, это прямое свидетельство давления. Я подскажу, где и что купить. И обычный диктофон тоже не помешает. Мало ли, кто и когда захочет поговорить лицом к лицу? Могу свой запасной одолжить, — Игорь положил на стол серебристый цилиндрик. — Вот эта кнопка включения, она же запись, она же выключение. Берите, не стесняйтесь.

— Вы думаете, действительно начнут приставать? — помедлив, спросила Настя. Видимо, только сейчас она начала осознавать, насколько все не по-детски.

— Могут, — жестко ответил Игорь. — И не только к вам, конечно. В статье фигурируют пятеро пострадавших. Далее, у вас дом застрахован?

Настя задумалась.

— Кажется, была какая-то бумажка. Это у брата надо спросить, у Феди. Ему, по документам, половина дома принадлежит. Хотя он там редко бывает. А страховой полис у него есть, в прошлом году приходила какая-то назойливая женщина, мы с Темкой на речке были, а Федя с ней разговаривал... она его и развела на страховку. Он же очень доверчивый, Федя, и никому не умеет отказывать.

— Не хочу вас пугать, но дом действительно могут поджечь. И тогда надо получить не символические копейки, а реальную стоимость. Словом, вот визитка серьезной страховой фирмы, я про них когда-то писал. Обратитесь к исполнительному директору Леониду Сергеевичу, скажите, что от меня. Там первоначальный

взнос может быть солидный, но в нынешней ситуации это просто необходимо.

— Солидный — это сколько? — насторожилась Настя.

— Думаю, тысяч пятнадцать, — прикинул Игорь. — Рублей, разумеется. Зато реальная гарантия. А та организация местная, петровская, и в случае чего от них не получите ни копейки. Для пе́тровских вашего дома уже юридически не существует. Незаконно возведенное строение на незаконно захваченном земельном участке.

Настя покрутила в пальцах ламинированную визитку.

— Вы говорите так, будто сами страховой агент. Признавайтесь, Игорь Михайлович, подрабатываете в этой «Гарантии»?

— Зря вы так, — улыбнулся Игорь. — Раз уж я влез в эту историю, значит, несу моральную ответственность. Мы в одной упряжке, и мне не все равно, что с вами дальше будет. Если нет свободных денег, могу дать взаймы. Меня такая сумма нисколько не обременит, а вот совесть будет чуть поспокойнее.

— Не надо, Игорь, — поспешно сказала Настя. — Уж такие-то деньги я сама достану.

— А брат Федя не может помочь? Тем более что он совладелец...

— Вряд ли. Он сейчас вообще без работы сидит. То есть формально в институте своем числится, но получает совсем смешные копейки.

— Это кто ж он по профессии? — присвистнул Игорь.

— Брат у меня, — с горечью произнесла Настя, — физик-теоретик. Кандидат наук. Сами знаете, в каком это все загоне. Ладно бы еще его тема имела отношение к оборонке... теперь за это снова стали платить. Но Федя занимается совсем другими вещами... которые, наверное, вообще никому не понятны и не интересны. Ну и получает он оклад старшего научного сотрудника, без надбавок. Звали его в университет преподавать, но что-то не срослось. Так что братец сидит сейчас на макаронах с картошкой и подрабатывает на почте. Можете себе представить, физик-теоретик разносит газеты?

— Увы, представляю, и легко, — кивнул Игорь. —

Я об этом даже писал... О, кстати! — хлопнул он себя по лбу, точно казня комара. — Как раз ваш брат-физик и может мне пригодиться. Мне в одном солидном журнале заказали статью про лженауку. Почему так популярны всякие сказки про торсионные поля, память воды и прочую муть? Мне нужен собеседник-физик, причем непременно со степенью. Если вашему брату это, конечно, будет интересно... попробую договориться, чтобы интервью ему как-то оплатили... хотя больших денег все равно не дадут...

— Ладно, я поговорю с Федей, времени у него сейчас поневоле много, так отчего ж не встретиться... тем более он ведь тоже у нас пострадавший по «петровскому делу». — Настя допила чай, скользнула взглядом по миниатюрным наручным часикам. — Перерыв кончается. Труба зовет, начальство жаждет...

— Ну, мы обо всем договорились, — Игорь жестом подозвал официантку. — Любая новая информация по делу — сразу звоните мне на мобильный. А насчет Федора и лженауки я на днях перезвоню.

Он проводил взглядом тонкую светлую фигурку, поднимающуюся по ступеням крыльца. А ведь она тоже шатенка, внезапно пришла в голову мысль. Только волосы чуть темнее... и вряд ли красится.

3

Игорь ткнул мышкой в желтый значок электронной почты, полюбовался полетом конвертиков... Ага... «Господин Ястребов. Вам настоятельно рекомендуется опубликовать извинения перед губернатором Петровской области Кроевым П.Г. и признание в намеренном искажении фактов в Вашей статье «Бульдозером по закону» — в любом, на Ваше усмотрение, средстве массовой информации. В течение недельного срока. В противном случае у Вас и у Ваших близких будут очень серьезные неприятности с необратимым исходом».

Ни подписи, ни обратного адреса, ни даже реального ай-пи отправителя. Топорно все же работают госпо-

да. Даже не потрудились изучить вопрос. Близких у журналиста Ястребова, как это ни печально, нет. Далековато близкие... Игорь перебрался на тахту, сложил на груди руки. Закрыв глаза, он вытянул из темноты знак «Мерцающая вечность», зажёг его зелёным пламенем и начал вращать, постепенно преобразуя хитрую кривую в простую окружность. И шагнул внутрь.

Теперь это была ночная степь. Земля еще не успела расстаться с жаром, и оттого легкие, едва различимые ветерки чуть пригибали верхушки трав. Пряно пахло семиклюем и голубой полынью. А вверху миллионами звездных свечей пылало иссиня-черное небо. Тонкий зеленоватый серп месяца завис над горизонтом. И трещали, трещали кузнечики, вели свою бесконечную песнь о смысле, для которого в людских языках никогда не будет слов.

Сам Игорь отчего-то получился двенадцатилетним. Как и тогда, сразу после Первых Экзаменов, был он в легком синем плаще, у пояса висел короткий, подростковый меч в простых деревянных ножнах. А вот на сапоги фантазии не хватило — и потому босые ступни ловили уходящее тепло земли.

Зато Вадим Александрович был такой же, как и всегда. Невысокий, сухонький, с большими залысинами. Правда, здесь он кутался в черный, неразличимый на фоне ночного неба плащ с белой каймой, лоб его обхватывал золотой обруч, а у пояса была широкая сабля — он всегда предпочитал изогнутые клинки.

Игорь приложил левую ладонь к губам, а правую — к сердцу.

— Мой князь, — мальчишеский голос еще и не думал ломаться, — я пришел по твоему зову и готов дать отчет в делах своих, словах и мыслях.

— Будь проще, Гарран, — усмехнулся Вадим Александрович. — Мы же все-таки не дома.

— Как скажете, — склонил голову Игорь. — Тогда рассказываю. Месяц получился довольно странный. С одной стороны, мне удалось выявить девять потен-

циально опасных фигур с критической светимостью. Перечисляю: художник Николаев, школьный учитель Осокин, журналист Польман, химик Соркин, программист Баранников, священник Михаил Степанцов, домохозяйка Игнатова, писатель Вдовин... девятый — физик Таволгин. Все — москвичи. Подробные сведения — вот, — он протянул князю увесистый полотняный мешочек и добавил: — С Таволгиным, правда, ясности еще нет, он у меня в активной разработке, но личного контакта пока не было.

— Что же с другой стороны? — улыбнулся Вадим Александрович.

— С другой стороны... Да я это уже сто раз говорил! Сам наш метод определения светимости... зыбкий он слишком. Мы обращаем внимание на чепуху и забываем, что методика была разработана тридцать лет назад... а они тут сильно изменились, и что зажигало их тогда, сейчас не найдет отклика. Равно как и наоборот — ну кто тогда мог подумать, что изобретение... ну, взять хотя бы «Живой журнал» — это настолько серьезно. Иными словами, князь, мы опять готовимся к прошлой войне.

— Мальчик, — проникновенно заговорил Вадим Александрович, — неужели ты думаешь, будто никому до тебя все это не приходило в голову? Не забывай, сколько человек там, на нашей стороне, скрипят мозгами над информацией, которую ты здесь добываешь. То, что с тобой происходит, — это штука известная. Работаешь год за годом — и не видишь плодов. Кажется, что все уходит в песок, что все зря. Отсюда по молодости делаешь вывод, что никто не понимает открывшегося тебе. Успокойся. Осталось всего два года, потом как следует отдохнешь дома и сам решишь, возвращаться ли сюда. Поверь, немало работы — и не менее нужной работы! — есть и на нашей стороне.

Старик закашлялся, глотнул холодного ночного воздуха. Игорь в очередной раз подумал, что выглядит князь минимум на двадцать лет моложе своего истинного возраста.

— Теперь касательно твоих дел, — продолжил Вадим Александрович. — С художником ты совершенно прав, сейчас его картины мало кому интересны, но уже лет через пять это станет действительно опасным. Так что надо его работать, мои люди займутся. За остальными пока еще понаблюдай. Но со священником ты ошибся. Такие люди нам нужны.

— Почему? — не сдержал изумления Игорь.

— Потому что ты слабо разбираешься в делах Церкви, — мягко пояснил Вадим Александрович. — Ты оцениваешь личностный уровень этого самого отца Михаила, но вне всякой связи с общим процессом. Да, он живой, пламенный, он истово верит. Но ты обрати внимание, к чему батюшка призывает свою паству. Максимально удалиться от современной жизни, уйти из культуры, уйти из экономики, жить по формам позапрошлого века. Это же замечательно! Пускай они лелеют свои Смыслы. Да, огромные Смыслы, огненные — но они их никуда не принесут, не волнуйся. Гораздо неприятнее другой — иеромонах Дионисий. Ну, помнишь, художник? Монастырь в трех часах езды от Новосибирска, плюс к тому в «Живом журнале» обитает... Вот этот и впрямь опасен. К нему люди едут, толпами, и, заметь, в скит потом не уходят. Я уж не говорю про его виртуальную паству в Интернете... Поэтому Михаил пусть себе резвится, а с Дионисием будем тонко работать. Лучше скажи, зачем устроил всю эту шумиху с петровским губернатором?

Игорь сглотнул. Удивительно, что разговор этот случился только сейчас.

— Ну, тут я малость не рассчитал, — признался он. — Это ведь прикрытие, чтобы на Таволгина выйти. Чтобы в его глазах выглядеть честным борцом и правозащитником. Иначе у нас с ним не срастется и ничего он мне не расскажет.

— У тебя было множество иных возможностей. Менее громких, — парировал князь. — Трудно, что ли, было устроить нападение шпаны на его сестру? В последний момент из табакерки выскакивает благородный

дельфин пера. Причем без всякого Искусства. У тебя руки-ноги есть? Да-да, я на вчерашнее намекаю. Вроде большой уже мальчик, а думать ленишься. Сам посуди, какую кашу заварил. Трудно было этих крыс отлупить по-человечески? Теперь начнется... Думаешь, люди Кроева такие же дураки, как он сам? Так что прошу — нет, даже приказываю! — впредь быть осторожнее. Ты не Искусник, ты простой русский журналист. Вот и действуй в рамках.

— Учту, князь, — поклонился Игорь. — Но должен заметить, что нам скандал с Кроевым на руку. Чем меньше во власти будет таких фигур, тем полезнее для дела.

— Аргументы? — прищурился Вадим Александрович.

— Аргументы я сто раз уже приводил. Такое наглое, циничное зло не вписывается в рамки обычного здешнего зверства. Оно реакцию вызывает, возмущаются люди, и возмущенный разум у них кипит. В таком состоянии они открыты воздействию самых разных Смыслов. В том числе и нежелательных. Энтропия понижается, понимаете? Ну вот, смотрите. Если б этот Кроев просто воровал по-тихому, пилил бюджетики, брал откатики — на него никто бы и внимания не обратил. Психология обычного человека — меня не трогают, и ладно. Ну, дороги плохие. Ну, детские пособия маленькие. Ну, цены на коммунальные услуги высокие... перетопчемся, перетерпим, сэкономим. А вот когда нагло отбирают твою собственность, чисто по-бандитски, — тогда каждый подумает: а когда моя очередь? И столько, знаете ли, мыслей тогда появляется, такие горизонты могут открыться... Это как камень — на нем ножи могут тупиться, а могут и затачиваться...

— Гарран, — вздохнул Вадим Александрович, — ты ведь знаешь: мы не должны вмешиваться в политику. Просто права такого не имеем. То, что ты говоришь, — оно не лишено логики, но и эти мысли — очень не новые, уж поверь старику. Поэтому, — он выпрямился и внимательно посмотрел на Игоря, — постарайся больше

ни во что подобное не влезать. Из этой истории выкручивайся самостоятельно, умения тебе хватит. По физику своему работай, по церковным делам не лезь, не потянешь. Следующая связь — через две недели. Надеюсь, к этому сроку у тебя по Таволгину будет ясность. Ну все, ступай.

Вадим Александрович выхватил саблю и очертил клинком круг. Мгновенное движение — только травяной свет месяца отразился на полированной стали. А потом в воздухе возникла багровая окружность диаметром в человеческий рост, засверкала языками холодного пламени.

— Да, — напоследок добавил князь, когда Игорь уже одной ногой шагнул в плотную тьму, — босиком-то не ходи. Простудишься.

Как всегда после связно́го сна, в первые секунды болели глаза. Игорь проморгался — и отпустило. Та же комната, тот же монитор высвечивает письмо неизвестного доброжелателя, та же чашка с недопитым чаем. И тебе, увы, снова тридцать пять.

4

— На самом деле деньги — это не главная наша проблема, — вздохнул Алексей Павлович. — То есть их тоже, конечно, не хватает, но как-то все же решается. То грант выбьем, то спонсор какой-нибудь раскошелится... Самое главное — это родители. Понимаете, Игорь, они отдают нам детей, когда, извините за выражение, их в одно место клюет жареный петух... ну, это вы в текст, конечно, не включайте.

— Не волнуйтесь, — улыбнулся Игорь. — Я пришлю статью на согласование. Мы собеседников не обижаем.

Собеседника и впрямь обижать не хотелось. Немолодой уже, в прошлом году шестой десяток разменял, но седины почти не заметно, а глаза совсем детские, с искоркой. Про Кондратьева порой говорили, что он до сих пор никак не может повзрослеть, что ведет себя как двенадцатилетний пацан, — но сейчас Игорь ясно видел:

брехня. Наивностью Алексей Павлович уж явно не страдает. Оно и понятно: наивный в этом сером кожаном кресле и дня бы не продержался.

— Так вот, смотрите, что получается, — продолжал меж тем директор. — Подросток связался со шпаной, пьет, курит травку или даже колоться начинает, или с головой уходит в компьютерные игры, или превращается в какой-то комок злости... и вот тогда мама с папой бьют тревогу. Начинают бегать по психотерапевтам, паникуют, плачутся знакомым... в итоге узнают про нас. Отдают нам ребенка — и все, и можно расслабиться. Но мы не волшебники, а корень проблемы — все там же, в семье. Пока они живут как раньше, ведут себя с детьми как раньше — толку не будет. Практически все, что мы тут даем детям, исчезает максимум за полгода. Понимаете?

Игорь молча кивнул. Чего уж тут не понять... Опасная светимость, пламя оранжевое, пороговый уровень...

Ему тут нравилось. Дети тут были как дети — бесились на переменах, катались по перилам, хохотали. Но — ни одного матерного слова, ни одной драки. Живые глаза, а посмотреть сквозь Вторую Плоскость — светятся зеленым пламенем, горят высоким Смыслом.

Во рту снова пахнуло гнилью. Не жалость к этим детям он чувствовал, а кислый стыд. Еще полгода, максимум год — и все это закроется, дети вернутся в чудесные свои семьи — и потухнут. Учителя будут метаться в поисках работы... Алексея Павловича начнут мурыжить по полной... Самые лучшие люди, самые светлые... С ними себя вновь начинаешь чувствовать человеком — пока не вспоминаешь о службе. Ну что тут поделать? «Такова жизнь, Гарран, — грустно улыбнулся бы князь. — Тут или-или, и никто не в силах это изменить. Никто не виноват, а вот так оно получается, мальчик». Похоже, для него Игорь навсегда останется мальчиком — тем самым загорелым сорванцом, только-только сдавшим Первые Экзамены и получившим Зеленый Лист...

Многие ломались, Игорь это хорошо знал. Киатан дари Агмар, по-здешнему Константин Морошкин, рок-

музыкант, рассказал всю правду своим коллегам — и вскоре оказался в очень хорошей частной клинике, откуда его деликатно переправили домой. Мауки дари Хмер, или Михаил Тучкин, вузовский преподаватель, десять лет проработал... а сломался, когда его коллега математик Дробышев повесился у себя на даче, ожидая суда и позора. Тоже был опасной фигурой, и Мише Тучкину пришлось гасить ему светимость. После этого дари Хмер, даже не применяя Искусства, умертвил десятка полтора здешних чиновных подонков. Мишу пришлось брать самому князю. Дома его лечат. А врач-онколог Татьяна Губарева... она же Таури дари Амхень... тут и вспоминать не хочется...

Джип наконец вернули из сервиса, и к Насте он поехал, как и должно преуспевающему журналисту. Попал, правда, в чудовищную пробку на Земляном Валу. Увы, с такой бедой даже Искусство не справится. Пришлось минут сорок стоять и от нечего делать — думать.

Неделя выдалась спокойная, люди Кроева почти не досаждали — только ежедневно около четырех утра на автоответчик падало сообщение. «Осталось пять дней...» «Осталось три дня». Голос был лишен всяческих интонаций — так получается, если приложить к трубке кусочек фольги.

Надо, конечно, как-то с этим делом завязывать. Надоело. И тут возможны варианты. Есть люди в президентской администрации, которые будут рады заполучить флешку с интересными записями. Тогда по Кроеву стукнут Генпрокуратурой и его спецслужбе будет не до журналиста. А можно как раз со спецслужбой разобраться. И не с тупыми исполнителями, а с организатором. Вычислить дырявку — не проблема, прокинуть Карту Намерений он хоть сейчас сможет... правда, спать за рулем не полагается, но тут дел на пять минут, а пробка едва ли не часовая. А далее — всякие варианты. Убивать, конечно, незачем, но инсульт — отчего нет? На худой конец, начальника кроевской безопасности

можно просто перекупить... уж чего-чего, а зеленых бумажек хватит.

От этих мыслей снова сделалось погано. Хорошо этак вот, с мечом и в доспехе, против уличного воришки... А будь на его месте, к примеру, Саня Локтев — обозреватель из «Московского взгляда»? Не дари, а просто Локтев, двадцать восемь лет, разведен, однушка в Свиблове, битая «шестерка»... А ведь не сломался бы Саня. Прятался бы по знакомым, писал бы заявления в прокуратуру — бесполезные, само собой, и в итоге стал бы жертвой совершенно банального уличного разбоя... Вот где настоящее дари — когда ты боишься до боли в печенке, когда сжимаешься от любого телефонного звонка, не спишь ночами... но отступить просто не можешь, и не потому, что заболтал себя высокими словами... а просто не можешь. Отступалки у тебя нет.

Локтев, кстати, давно уже под наблюдением. Светимость приближается к опасной черте. Наверное, месяца через два придется с ним что-то делать. Наследство, может, организовать в Штатах... пускай преподает русскую литературу где-нибудь в Сан-Диего. Трудный и хлопотный вариант, но зато почти по совести...

О, кажется, рассасывается! Массивный «мерс» впереди с громким урчанием сдвинулся с места. Ну, точно майский жук!

Он не так уж сильно опоздал. Извинившись, вручил Насте букет — семь чайных роз, а конопатому Темке, немедленно выскочившему в коридор, — пластиковый комплект богатырского снаряжения. Прямой широкий меч, шлем-луковку, овальный щит. Цена двести сорок рублей.

— Извините, Настя, влип в пробку в районе Курской.

— Ничего страшного, — усмехнулась та. — Все равно Федя еще не пришел. А вот это, — кивнула она на букет, — явно лишнее.

— Я просто подумал, что такие цветы вам должны нравиться, — сознался Игорь. — Цветы вообще радуют, разве нет?

— Не стойте в прихожей, куртку вот сюда, а тапочки вон те, — суховато ответила Настя. — Проходите на кухню, чаю попьем.

Судя по размеру тапочек, их раньше носил снежный человек. Хотя на самом деле — всего лишь бывший муж Анатолий, полтора года как слинявший. Игорь еще летом навел справки.

Кухня, само собой, шестиметровая, панельный дом. Но чистенько, уютно. Особенно умилял выжженный на разделочной доске единорог. Чуть бы укоротить ноги и задрать вверх кончик рога — совсем был бы как настоящий.

— Оценили? — заметила Настя. — Артемова работа. В мае на день рождения купила ему выжигалку, так все лето не оттащить было. Ходили по свалкам, чистые фанерки искали.

В кухню суровой поступью вошел шестилетний богатырь в шлеме. Широко взмахнул мечом.

— Я, между прочим, готов поразить дракона, — заявил он.

Игорь посмотрел на мальчишку оценивающим взглядом.

— Нет, пока еще не готов.

— Это почему же? — насупился Темка.

— Неправильно держишь меч. Так у тебя его любой дракон хвостом выдернет. Вот смотри, как надо.

Он встал с табуретки, вынул из ладони ошеломленного богатыря пластиковый меч, сжал пальцы на рукояти.

— Видишь? Большой палец слегка упирается в перекрестье. Кисть сильно не сжимаем, а то движения будут скованными. Но в любой момент будь готов напрячь пальцы. Понял? Ну-ка, возьми. Вот так, вот это правильно. Теперь смотри за ногами. Чуточку согнуть надо, понимаешь? Чтобы как пружинки были. А то быстро двигаться не сможешь. Если хочешь дракона добыть, надо быстро-быстро вокруг него бегать.

— Чтобы от огня уворачиваться, да? — деловито осведомился Темка.

— Если бы! — отмахнулся Игорь. — Драконы только в сказках огнем пыхают. Вот что, по-твоему, самое опасное у дракона?

— Пасть? — предположил пацан.

— Сам ты пасть! Хвост! Вот что страшнее всего. Легким ударом он лошади хребет перешибить может, не то что человеку. Чешуйки на хвосте острые, друг к другу примыкают неплотно — так что даже если вскользь тебя хвостом заденет, то кожу до мяса сдерет. И еще запомни: хвост у дракона самый быстрый орган. Быстрее, чем голова. Но есть и у хвоста слабое место — снизу чешуя тонкая, если успеешь проткнуть, кровь польется потоком, и хвост на какое-то время парализует. За это время тебе надо успеть добраться до головы. Прямо в башку не бей, она железной твердости. А вот шею прорубить вполне реально...

— Я вижу, контакт установлен, — Настя погасила огонь под закипевшим чайником и плеснула Игорю заварки. — Интересно, откуда такие познания в драконоборстве?

— В детстве я занимался в кружке прикладной драконистики, — с серьезным видом сообщил Игорь.

— И сколько вы драконов поразили? — встрял во взрослую беседу Темка.

— Полторы штуки, — сознался Игорь.

— Полторы тысячи?!

— Увы, всего лишь полтора дракона. Одного я поразил на экзамене, это был молодой и наглый зверь. А второго мы завалили вдвоем с другом, поэтому на мою долю приходится только половинка.

— Да, у вас, я вижу, богатая биография, — заметила Настя. — Пирожки берите, вон те — с луком и яйцом, а эти с мясом. Тема, ты выслушал лекцию, можешь пойти к себе и потренироваться. Только умоляю, ничего не разбей.

Истребитель драконов кивнул и с достоинством удалился. Игорь проводил его взглядом.

— Есть что новое по петровским делам?

— Был один звонок, — вздохнула Настя. — Причем

не получилось у меня записать, меня вообще к технике подпускать нельзя, все время что-нибудь не то нажимаю. В общем, дней пять уж как. Мужчина, по голосу вроде немолодой. Посоветовал написать опровержение в «Столичные новости» — в смысле, что все мои слова вы сами сочинили. Намекнул на проблемы, но не уточнил. Повесил трубку, вот и все. Я растерялась немножко, так и молчала, ничего не ответила.

— Не волнуйтесь, — уверенно сказал Игорь, — вас они не тронут. Это все быстро должно схлопнуться. Кроевым сильно недовольны в Кремле — не за дачи, конечно, за другое.

— Интересно, откуда такая информация? — хмыкнула Настя.

— Так ведь журналист я, — Игорю и самому стало смешно. — Хорошо информированный журналист. Так вот, «петровское дело» им пришлось как масло в кашу. К лету можно ждать нового губернатора. А новый, разумеется, всячески начнет демонстрировать, насколько он не старый...

Коротко звякнуло.

— О, это, наверное, Федя! Не прошло и полгода. Вы сидите, схожу открою.

5

В дверь звонили — нагло, упорно, точно сверлили трудный зуб. Игорь с трудом поднялся и заковылял к двери. Болело все — но особенно почему-то спина, хотя ей как раз досталось меньше, чем рукам. Кожа на них облезла едва ли не до мяса, пальцы почти не гнутся.

Ну, откроет он дверь, а дальше? Не выйдет сейчас никакого Искусства, ни тонкого, ни толстого. Ладно если милиция — а ну как кроевские костоломы? Самое смешное, что и вызвонить-то никого нельзя — нечем. Городской телефон работает, но все нужные номера остались в мобильнике. А мобильник — там же, где «паркетник», доброй памяти боевой коняга...

Как же идиотски все вышло! Утром созвонился с

егорьевским интернатом, подтвердил встречу. Погода неожиданно порадовала — выдалось межциклонье, выкатилось на небо нежаркое, но радостное октябрьское солнышко, легли на асфальт резкие, как бывает только в безлиственную пору, тени. И настроение под стать небу — клубились, конечно, на горизонте тугие облака, предвещали всякое-разное, но солнце перевешивало.

Настя... Имя хотелось повторять снова и снова, катать языком, как мятный леденец...

Целовать пальцы она решительно запретила. «Игорь, давайте с самого начала определимся — у нас чисто дружеские отношения, не более». А все долговязый снежный человек Толя... полтора года как ушел к свежеобретенной пассии — и все равно остался в Насте. «Конечно, — покладисто отвечал Игорь. — Я все понимаю. Но, пожалуйста, после моего ухода не выбрасывайте цветы в мусоропровод. Красота имеет право на жизнь, разве нет?»

Трель мобильника хлестко ударила по ушам. Как же не вовремя! Шоссе как раз спускается в ложбинку, там, внизу, поворот на девяносто градусов, а скорость сто двадцать, не до болтовни. Но вдруг это из интерната, спешат порадовать, что на сегодня все отменилось.

— Я слушаю! — сухо сообщил он трубке.

— Вчера кончился седьмой день, — прошелестело оттуда. А через пару секунд вспыхнул звук, ударил по ушам свет. Именно в такой связке, сообразил после Игорь. Взметнулось впереди рыжее пламя, земля поменялась местами с небом, и дальше уже тело работало без приказов головы. Вдавить тормоза, отстегнуть страховочный ремень, метнуться к дверце пассажирского сиденья — и на обочину.

Его подбросило, завертело, ослепило на миг болью — но как-то он все-таки сгруппировался, покатился по крутому откосу, влетел в ледяную воду. Спасительное болотце, глубина там по колено, — но вязкий ил погасил скорость, а холод вернул сознание.

Потом он несколько секунд карабкался вверх, к шоссе. Непонятно сколько метров безумного, сердце из гру-

ди, бега. Туда, где плясал огненный демон, дожирал машину. И ладно бы только «паркетник»... В ложбину на полной скорости летел голубенький «Матиз». Никакие тормоза спасти его уже не могли.

Взлетая в Третий Поток Змея, он вдруг сообразил — как все похоже на Экзамены. Мысль, впрочем, тут же лопнула, не до нее было. Пускай время в Потоке струится с иной скоростью, но там, на шоссе, счет шел даже не на секунды — на десятые доли. Игорь вошел в огненное облако, чувствуя, как трещат волосы. Дернул переднюю дверь «Матиза» со стороны пассажирского места и, кажется, вырвал ее вовсе. Подхватил тело — девчонка лет восемнадцати, довольно упитанная. Положить на обочину — и назад, вытаскивать водителя. В Змее нельзя летать слишком долго — он быстро высасывает силы, а Игорь, честно говоря, Искусник довольно посредственный. Но делать нечего, пришлось еще потратиться на Дуновение, чуть отогнуть стены огня, создать в них узкий коридор — и тащить второго. Тяжеленный какой парень, полтора центнера, не менее. В шоке, но обгореть, похоже, не успел.

Что было дальше, он помнил совсем уж урывками. Плясала по телу боль — казалось, огонь по-прежнему обнимает и ласкается. Чьи-то крики... взметнувшееся в небо стая ворон. Визг тормозов — эта огромная черная фура. Потом... никак не удавалось восстановить цепочку событий. Кажется, даже на какое-то время прояснилось сознание — во всяком случае, он сумел тормознуть спешащую в Москву «копейку», махнул пачкой зеленых тысячных купюр. Все, что было во внутреннем кармане, не пострадало — ни деньги, ни документы, хотя куртка превратилась в лохмотья, каких последний бомж постыдился бы. Повезло — старичок за рулем ни о чем допытываться не стал, спросил только: может, в больницу? «Нет, отец, — выдохнул Игорь, — домой. Оттуда уж вызову».

Вызывать, конечно, не стал. Заживет и так, ничего по-настоящему опасного нет. А завтра... завтра что-нибудь придумается.

Он присвистнул от боли в пальцах, но все-таки сумел повернуть рычажок замка. Резко толкнул вперед дверь. Если кто-то стоял к ней вплотную — сейчас должен покатиться по коридору, как сбитая кегля.

Но никто не покатился. На пороге стоял хмурый и насупленный Вадим Александрович. Князь Ваурами Алханай, дари девятого круга.

— Ну что, допрыгался, герой? — произнес он вместо приветствия. — Красив, нечего сказать. Ну, пошли, лечиться будем.

Пространство перед глазами заволокло белой, с золотистыми блестками пеленой. Она была теплая, эта пелена, она слегка щекотала кожу, точно коровий язык.

Залитый утренним солнцем луг... светятся в мокрой еще от росы траве цветы — желтые, синие, розовые. Стадо разбрелось, наслаждается вкусным — после зимней-то соломы! — подножным кормом. А ты лежишь кверху пузом, его лижет не слишком еще жаркое солнце, и еще не пора вставать, хвататься за тонкий ивовый прутик и сгонять коров в кучу. И когда на лицо твое падает черно-синяя тень, ты первые секунды жмуришься и только потом открываешь глаза, подскакиваешь.

Всадник — один-одинешенек. Конь под ним каурый, с белой отметиной на лбу, грива цвета вороньего крыла с едва заметным зеленоватым отливом. Уздечка расшита серебряными нитями, а глаз у коня похож на спелую сливу.

Постепенно приходит понимание. Немолодой дядька в седле — не кто иной, как Ваурами дари Алханай, владетель здешних земель, а он, семилетний пастушонок, — его, князя, подзаботный. Во всяком случае, до первых Экзаменов.

— Дрыхнешь? — интересуется князь. — А ну как разбредется твое стадо, пастух? В западных лесах, между прочим, волки появились, егеря мои их видели. Не жалко коровок? Это ж твои подзаботные, разве нет? Как звать-то? Да не коровок, тебя! Гарран? Смотри не спи, Гарран!

— Не спи, Игорь! — голос Вадима Александровича если и встревожен, то самую малость. Однако за столько лет как не научиться различать эти малости... — Не спи! Потом поспишь, а сейчас поговорить надо.

Старик сидел возле кровати, был он чуть бледнее обычного — что вообще-то нормально после занятий Искусством. Но что-то еще уловил Игорь в его зеленовато-серых глазах — то ли отблеск страха, то ли растерянности. А может, просто слезятся — когда глубоко за семьдесят, это бывает.

Игорь прислушался к своему телу. Боль растаяла, сменилась усталостью. В ушах слегка звенело, кожа на руках и на лбу зудела. Растет, значит.

— Через пару дней и следов не останется, — успокоил князь. — Но с другими последствиями разобраться будет сложнее. Я побывал на месте аварии, так что джип твой никто уже не опознает.

— Эти... из «Матиза», — выдавил Игорь из непослушного горла, — с ними что?

— С ними все, кроме «Матиза». У девушки легкое сотрясение, у парня ожог уха, вторая степень. Как ты догадываешься, они не помнят, что там было. Огненную воронку помнят, машину твою — нет. Боюсь, им будет очень трудно объясняться со страховой компанией. Но это мелочи по сравнению с главным.

— Что же главное? — поинтересовался Игорь.

— Главное — это что я до сих пор не понимаю, кто тебя взрывал, — сухо сообщил князь. — А вот как взрывали — понимаю. И мне этот метод очень не нравится. Вряд ли возможности губернатора Кроева простираются столь далеко, чтобы со спутника по тебе шандарахнуть. Боевым лазером, который для сбивания ракет предназначен, а не для укрощения строптивых журналистов. Передовая технология, о которой вообще мало кто в стране знает.

— Ну, в администрации президента есть люди, заинтересованные в показательной расправе над Кроевым, — парировал Игорь. — И с них вполне станется устроить такой повод...

— Ты еще не долечился, — с грустью посмотрел на него Вадим Александрович. — Мозгами пораскинь. Вот, предположим, тебе надо всему миру показать, как служба безопасности подлого коррупционера Кроева уничтожает смелого журналиста. С публичным процессом, с шумихой по ящику... Ты станешь ради этого светить секретную космическую технику? А даже если станешь, какой дурак поверит, что мордовороты Кроева имеют к ней доступ? Нет, Игорек, все сделали бы чисто, как в аптеке. Помнишь здешний стишок? «Из гранатомета шлеп его, козла...» Ну, или бомбу прилепить к днищу машины и активировать по звонку мобильного... Такие методы губернатору вполне с руки. Что лишний раз демонстрирует телезрителям его бандитскую сущность, имеющую происхождение в проклятых девяностых...

— Я каждый раз, когда в машину садился, Карту Помыслов открывал, — вяло протянул Игорь. — Злоумышлений не заметил. И ничего мне к машине не прилепили бы, стояла там Звонкая Волна, чуть что — заорало бы в голове не слабее пожарной сирены.

— Вот и подумай над тем, — подхватил князь, — что способ избрали такой, от какого Искусством не защититься. Разве что Искусник двенадцатого круга справился бы, да и то знай он заранее. Понимаешь, почему мне все это так не нравится?

— Ну, в целом, — мрачно кивнул Игорь.

— У меня есть предположения, — продолжил Вадим Александрович, — но толку пока от них мало... Надо смотреть, как дальше пойдут события. То, что ты выжил, наших загадочных друзей наверняка сильно удивит. А когда люди сильно удивлены, они склонны делать глупости. Мы же будем предельно осторожны. Поэтому, Игорь, в ближайшие дни от Искусства воздержись. Да и от поездок тоже, по возможности.

— От поездок воздержаться как раз легко. Не на чем пока ездить, — хмыкнул Игорь. И задумался, как же теперь «паркетник» с учета снимать.

— У подъезда твоего «восьмерка» стоит, — утешил его добрый князь. — Ключи и документы вот здесь, на

столе. Совсем без транспорта тебе тоже не с руки, в чужие машины сейчас садиться неправильно... Да, кстати. Что у тебя с этим физиком, Таволгиным?

Игорь вздохнул. Пронзительно жалко было наивного, прямо как его шестилетний племянник, Федьку.

— Там все очень серьезно, мой князь...

...В тот вечер Федя пришел довольно поздно, хотя договаривались на семь. Игорь заметил, что от непризнанного гения слегка потягивает винцом, и с деловой точки зрения это как раз было неплохо.

Федор Таволгин оказался длинным, сутулым, лицо вытянутое, чуть скуластое, а черные волосы щедро припорошены сединой — хотя, по словам Насти, недавно ее брату стукнуло сорок пять. Всего сорок пять, сокрушенно добавила она. Детский возраст для старого холостяка.

Поужинали макаронами с яичницей, легонько потрепались о погоде (ухудшается), политике (хуже некуда) и наболевшем «петровском деле» (здесь, как ни странно, Мировое Зло помаленьку отступало). Потом Настя пошла укладывать Артема, и мужчины наконец остались одни.

— Поговорить о лженауке? Конечно, поговорим, — Федор слегка тянул гласные, и оттого казалось, что у него иностранный акцент. На самом деле, как еще до его прихода успела объяснить Настя, не до конца излеченное заикание.

— Только, Федор Глебович, вы учитывайте, что наш читатель в науке мало что смыслит, — сразу предупредил Игорь. — Так что давайте попробуем попроще, без тензоров и инвариантов.

Говорили они долго, часов до одиннадцати. Потом Игорь взялся подбросить его до дома, и в машине как-то «само собой» вышло, что Федор пригласил его на полчасика. Договорить за чаем. К чаю у Игоря нашлась подаренная какими-то благодарными читателями бутылка коньяка «Арарат».

За наполнением рюмок неодобрительно наблюдал

пожилой рыжий с белым красавец кот Матроскин — десяти с половиной лет.

К полуночи они с Федором перешли на «ты». К двум часам ночи тот не утерпел и рассказал о чрезвычайной важности звонке... звонил старый приятель, коллега по ФИАНу, уже пятнадцать лет плодотворно развивающий американскую науку. Сказал, что некоторые давние статьи Федора попались на глаза очень серьезным людям... и очень щедрым... вполне возможен трехлетний контракт... так что думай, Федька, такой шанс раз в жизни выпадает.

Уезжать в Штаты Федору не хотелось. «Патриотизм тут даже ни при чем, Игорек. Просто пойми — во-первых, я очень тяжело приспосабливаюсь к новой обстановке, к новым людям. Во-вторых — как я Настю с Темкой оставлю? Кроме меня, у них и родни-то нет. Случись что — кто поможет?»

В половине третьего Федор принялся излагать свои взгляды на мироздание. Все более оживлялся, размахивал руками, интонировал, исчезли томительные паузы... и не коньяк был тому причиной. При взгляде через Вторую Плоскость можно было ослепнуть от лазоревого пламени. Светимость далеко за пределом пороговой. Родись этот дядя Федя на правильной стороне — быть бы ему Искусником двенадцатого круга. А тут...

Игоря вновь охватила острая, но совершенно бесполезная жалость — не только к Феде, но вообще ко всем людям этой стороны.

— Понимаешь, Игорь, — увлеченно рассказывал Федя, — это, конечно, совсем не то, о чем пишут в фантастических книжках с глянцевыми обложками. Я вовсе не хочу сказать, будто открыл возможность внепространственных переходов в параллельные миры. Такая постановка вопроса вообще некорректна. Все гораздо, гораздо сложнее. Нет никаких параллельных, мир един. Но есть разные уровни восприятия реальности. Вот представь, есть поле. Нет, не гравитационное или электромагнитное — обычное поле, травка там растет, цветочки, бабочки-стрекозы резвятся. Для коровы поле —

это место кормежки, для кротов — корни травы, для молодежи, выбравшейся на пикник, — красивое место, где можно приготовить шашлыки. Для чиновника из местной администрации — площадь, которую можно продать под застройку и получить откат. А ведь все время речь идет об одной и той же реальности — просто о разных ее гранях. Это очень примитивный пример, конечно. Зато, надеюсь, доходчивый. Так вот, то, что у меня вырисовывается... скажем так, это способ перейти в другое понимание. Вот как если бы крот проникся затеями чиновника...

— Так что же получается? — Игорю стало зябко. — Крот поймет чиновника, но с точки зрения его собратьев-кротов он останется в своей норе? Если так, то это, по-моему, уже не физика, а что-то среднее между мистикой и поэзией.

— Игорь, — перебил его Таволгин. — Если бы я знал ответ! Но... ты извинишь меня, если я сейчас не стану излагать детали? Так вот, исходя из некоторых теоретических соображений, можно предположить, что наш крот перестанет быть просто кротом и его отношения с пространством не ограничатся норкой. Не будь примитивным материалистом, пойми, что сознание не сводится к полям и частицам, но одно неизбежно связано с другим и изменение одного затрагивает и другое...

— Слушай, Федя, я задам совершенно дурацкий вопрос, — сейчас Игорю стоило немалых усилий выглядеть болтливым журналистом. — А все вот эти твои рассуждения — это как, просто на уровне формул? Или, считаешь, реально можно соорудить какую-нибудь такую фигню, что нажал кнопочку — и раз, кум королю... в смысле как тот крот, перешел на другой уровень бытия, сравнялся с квазарами и черными дырами?

— Пока, в общем, теоретически, — признался Федя. — Хотя ты делаешь сейчас сразу две ошибки. Во-первых, ни о какой кнопочке речи идти не может. Вернее... ну как бы тебе объяснить. Вот когда ты нажимаешь на кнопочку выключателя, зажигается свет. Непременно зажжется, если, конечно, проводка исправна и в

сети есть ток. А вот когда ты приходишь, допустим, к Насте и нажимаешь на кнопочку звонка — так это еще вопрос, захочет ли она тебе открыть. Несмотря на ток в проводах. Так и здесь. Чтобы перейти на другой уровень понимания, надо, чтобы тебя на этот уровень пустили... Отсюда, кстати, вытекает и «во-вторых». Вопрос ведь еще в том, кто будет нажимать на кнопочку. Готово ли его сознание...

Горячо! И вовсе не от чая, тот уже давно успел остыть. Да, это он хорошо зашел...

— А все-таки, Федя? Ну вот учитывая эти твои «во-первых» и «во-вторых» — технически такое возможно?

Таволгин посмотрел на него долгим, оценивающим взглядом. Словно и не было коньяка.

— Знаешь, надо пробовать. Но где я буду эксперименты ставить? Здесь? — повел он ладонью, очерчивая пространство своей холостяцкой берлоги. — Самое смешное, что особо-то много мне и не нужно, это же тебе не коллайдер. Но все-таки — лаборатория, мощный соленоид, еще всякая лабуда... прости, но ты, наверное, и слов таких не знаешь. Вот то-то... А мои нынешние обстоятельства... Я же говорил, отдел наш год как упразднили, слили со сверхпроводимостью... тупость на грани вредительства... Разве только если съездить в Штаты...

— А оно тебе надо? — в лоб спросил Игорь. — Тут ведь и ежику понятно, что тебя вояки покупают. Высокая наука, уровни реальности — это пока все классно звучит, а потом опять получится бомба.

— Ну да, — грустно кивнул Федя. — Не нами сказано: «Наука — это способ удовлетворить свое любопытство за казенный счет». Знаешь, я штатников-то пошлю, наверное. Действительно, тухло как-то оттуда тянет. Но согласись, обидно, что здесь это абсолютно никому не нужно.

— А если бы наши вояки зацепились — ты бы обрадовался? — закинул удочку Игорь.

Это, в общем, тоже был вариант. Закрытая контора, трудится человек, творит, ему увесисто платят. И все

это утекает в никуда. У одного только Вадима Александровича в европейской части России четыре «шарашки», а князь ведь не единственный Смотритель...

— Знаешь, хрен редьки не слаще, — без раздумий заявил Федя. — Что наши вояки, что те... Если бомба — так она у всех окажется. В плохое время мы живем, Игорь. Так что я уж как-нибудь помаленьку... доведу по крайней мере до ума теоретическую часть. Может, фундаментальную науку у нас когда-нибудь и поднимут...

— ...Вот такие дела, мой князь, — с трудом поднимая голову над подушкой, закончил Игорь. — Таволгин — это самое серьезное, что вообще было здесь на моей памяти.

— Да уж, — помедлив, протянул Вадим Александрович. — Замечательный человек. Значит, будем работать. Варианты всегда есть. И знаешь, — с сомнением добавил он, — кое-что теперь стало понятнее.

6

— А что самое трудное в профессии журналиста? — Очкастая девочка с рыжей копной на голове нацелилась ручкой в блокнот.

Игорь вздохнул. Вот уж воистину «и спросила кроха». Он оглядел зал — вернее, превращенную в зал школьную столовую. Столы сдвинули назад, поставили рядами скамейки. Сам он сидел в кресле, сантиметров на тридцать возвышаясь над залом. По левую руку — газовая плита, сзади — мойка.

— Видите ли, девушка, — вздохнул он, — у каждого это свое. Тут вряд ли есть общее правило. Кому-то тяжелее всего уложиться в заданный объем, другому — разговорить собеседника, третьему... Мне вот самому тяжелее всего подстроиться под стандарт издания, для которого пишешь. Когда все время работаешь для одной и той же газеты или журнала — со временем привыкаешь. А вот когда пишешь сразу для многих, тут порой голова идет кругом...

Слова текли легко, без участия мозга. Выступить на форуме юных журналистов — почему нет? Алик Пестрядев, командир этого лягушатника — старый знакомый, три года назад сделал для рубрики «Версты» цикл фотоочерков из глубинки. И когда вчера Пестрядев прорезался в телефонной трубке с предложением изобразить перед малолетками акулу пера — Игорь сразу согласился.

С такими, как Алик, очень приятно общаться. Светимость у них самую малость не дотягивает до пороговой, значит, особой опасности не представляют, значит, можно и без камня за пазухой.

— А как делать журналистское расследование? — поинтересовался высокий прыщавый мальчик. Был он какой-то по-воробьиному взъерошенный.

— Знаете, юноша, — благодушно ответил Игорь, — когда я был в вашем возрасте, то мечтал научиться играть на гитаре. А был у меня друг Миха, он прекрасно играл, на высшем уровне. Вот я ему такой же вопрос и задал тогда. Как научиться играть? И Миха мне ответил: «Да ничего сложного. Берешь гитару — и играешь». Ну а если серьезно, то журналистское расследование — самый трудный жанр. Трудный по многим причинам. Во-первых, далеко не всякое издание вообще захочет такое публиковать, а если у вас нет редакционного задания, нет командировочного листа, то с вами вообще разговаривать не будут...

Здесь он слукавил — по тому же «петровскому делу» он работал на свой страх и риск, еще толком не зная, кому именно предложит материал. Да и не требовалось ему санкции — имя Игоря Ястребова давно уже работало на своего носителя.

— А во-вторых? — не унимался мальчик. Оскаленная голова тигра на майке дергалась в такт его дыханию.

— А во-вторых, журналистское расследование — это целая комбинация жанров. Тут и интервью, и очерк, и сбор экспертных комментариев, и блиц-опрос, и, самое главное, поиск достоверной информации. Без этого, без

информации, получатся, прошу прощения, эмоциональные сопли. А читатель должен сформировать свой взгляд на проблему — не за счет журналистских эмоций, а благодаря найденным вами фактам. Понимаете? «Подлый чиновник Пупкин давно известен своими связями с криминальными авторитетами» — это сопли. А «как сообщил старший следователь Нижегородской прокуратуры Смирнов А.А., против главы Верхнесельской районной администрации Пупкина Василия Кузьмича еще в 2006 году было возбуждено уголовное дело по статье 170» — это факт, против которого не попрешь.

В кармане судорожно запиликало «наша служба и опасна, и трудна».

— Извините, ребята, — Игорь вынул мобильник. На снежно-белом экранчике чернел вызов от Насти. — Одну минуту. Слушаю, — сказал он трубке.

— Игорь, вы сейчас сильно заняты? — Настин голос был как осеннее поле, когда колосья сжаты, а колкая стерня так и норовит проткнуть босую ступню. — Тут у нас странные вещи происходят. Даже не знаю, как сказать... В общем, Федя исчез...

— Внимательно слушаю. Рассказывайте, — уверенно произнес он, а дыхание на миг сбилось.

— Игорь, мне кажется, это лучше не по телефону... В общем, мне и посоветоваться не с кем. Скажите, мы сможем сегодня встретиться?

— Где вы сейчас?

— На Фединой квартире.

— Буду минут через сорок. Если воткнусь в пробку — позвоню. Главное, не волнуйтесь. Я скоро приеду. Прошу прощения, ребята, — сказал он, пряча мобильник в карман. — Не судьба нам сегодня пообщаться. Форс-мажорная ситуация. Тоже, кстати, будет своего рода журналистское расследование.

Настя кинулась к нему, точно к врачу «Скорой», когда за спиной в квартире стонет умирающее чадо. Но в последний момент сдержалась, протянула руку.

Чадо, впрочем, за ее спиной тоже обнаружилось.

Мрачное и растрепанное. Похоже, Темке передалась Настина тревога.

— Не с кем оставить, — кивнула на него Настя. — Артем, пойди в большую комнату, можешь включить там телевизор.

Она повела гостя на кухню.

— Чай будете?

— Сперва рассказывайте, — велел Игорь. — Все по порядку.

— Собственно, рассказывать практически нечего, — вздохнула Настя. — Последний раз я общалась с Федей по телефону, в понедельник. То есть три дня назад уже. Обычно он звонит каждый вечер, но во вторник и среду не было звонков. Ну, во вторник я еще не дергалась, а в среду уже начала. Федя всегда предупреждает, если что. И не должен он был никуда уезжать. В общем, сегодня я отпросилась пораньше, Темку в охапку — и сюда.

— У вас свой комплект ключей? — уточнил Игорь.

— Ага. Так вот, Феди в квартире нет, никаких записок тоже нет. И Матроскин в истерике — голодный, напуганный. Но самое главное не в этом. В прихожей стоят Федины ботинки. А вот его любимых тапочек, меховых, нет. Не мог же он куда-то в тапочках уйти? В маленькой комнате, где у него спальня, кровать разобрана. И на столике лежит его мобильный. В мойке, сами видите, посуда грязная — а он у меня хоть и неумеха-растеряха, но чистоплотный, приготовит что-то, поест — и сразу моет за собой.

— Дверь нормально открылась? Ну, когда вы пришли, — пояснил Игорь. — Нет ощущения, что ее ломали?

— Да вроде нормально все...

— Можно глянуть Федин мобильный? — попросил Игорь.

— Вот, возьмите. А что тут может быть интересного?

Игорь повертел черный «симменс», снял заднюю крышку.

— Интересно здесь то, что нет сим-карты. Кто-то ее вынул. Или сам Федя, или... или те, кто пришел за ним.

— И что же теперь делать? — Настины глаза начали стремительно набухать, словно предгрозовые тучи.

— Сейчас подумаем... — протянул Игорь. — В милицию обращаться пока особого смысла нет, но если к концу недели Федя не найдется, то это придется сделать. Просто чтобы не было неприятностей. Но особой эффективности от серых братьев ждать не стоит. А вот если пошевелить других... Короче, я сам этим займусь. Есть у меня хорошие знакомые в частных сыскных агентствах. Стопроцентной гарантии, конечно, дать не могу, но, по крайней мере, эти носом будут землю рыть.

— А сколько стоить будет? — глухо поинтересовалась Настя.

— Может быть, и нисколько. — Игорь невесело усмехнулся. — Понимаете, те, о ком я говорю, очень мне обязаны. Если в двух словах, я помог им избежать мести наркодельцов, напряг связи, серьезных людей... так что навесить им липовые статьи не вышло. И вот уже три года как эти друзья ушли из милиции на вольные хлеба...

— Игорь, — сообразила вдруг Настя, — а это не может быть как-то связано с петровскими делами? Может, это такая месть? Или форма давления?

Игорь невесело рассмеялся.

— Нет, Настя, заподозрить тут кроевские штучки можно только в самую последнюю очередь. Очень это было бы глупо и невыгодно. Да и не светился особо ваш брат в скандале. Не выступал нигде. Короче, им он не нужен.

— А если из-за квартиры? Смотрите, как получается. Хорошая трехкомнатная квартира, от родителей осталась. Прописан Федя тут один, я выписалась, когда мы с мужем въехали в нашу двушку, на Кантемировской. Наверное, кому-то пришло в голову, что одинокий холостяк здесь лишний. Знаете сами, как это бывает? Подпоят, заставят подписать продажу, потом вывезут куда-нибудь в лес, и...

Тут она заплакала. Не громко, не в голос, но затряс-

лись плечи, разметались каштановые волосы, набухла на шее синяя жилка.

Игорь осторожно тронул ее за плечо. Будто раскаленного железа коснулся.

— Не надо сейчас, Настя. Ребенка испугаете. Что касается вашей версии, то покрутить в этом направлении можно, но все-таки как-то она сомнительно выглядит. Да, а документы Федора? Их тоже нет?

— Разумеется, нет, — всхлипывая, сообщила Настя.

— Чего именно нет? Паспорта?

— Ну да. Он всегда его во внутреннем кармане куртки держал, так куртки-то на вешалке и нет.

— А документы на квартиру?

— Ой, это я даже не знаю, куда он их упрятал...

— Ладно, Настя. Не раскисайте. Тут что-то успокоительное есть?

— Валерьянка, наверное, в холодильнике...

— В общем, разведите капель тридцать, глотните. И я отвезу вас с Артемом домой. Если можно, оставьте мне ключи, они понадобятся моим шерлокам. Да, вот что еще — ребятам, видимо, потребуется Федина фотография.

— Здесь вряд ли, — задумалась Настя. — У меня только в компьютере дома есть, летом на даче снимала.

— Вот и прекрасно, запишу на флешку.

Дома он начал с того, что заварил чай. Мята, зверобой, имбирь... Полезные травки, улучшают сон. Даже и обычный.

Но прежде чем сниться Вадиму Александровичу, надо было посмотреть почту. «Девушка вашей мечты исполнит любые, самые изощренные фантазии» — и как это прорвалось сквозь антиспамерский фильтр? «Быстро и недорого — ликвидация фирм», «Подпишись на нашу рассылку — и ты познаешь все». Ну прямо так уж и все... Интересно, а способен был бы Искусник двенадцатого круга обезопасить свой комп от спама... будь у него, конечно, комп?

А вот и более интересное послание. «Господин Яст-

ребов, истекла вторая неделя после назначенного Вам срока. Что вынуждает перейти к более серьезным мерам. Вам настоятельно рекомендуется воспользоваться последним шансом».

Однако шевелится еще губернатор. Рекомендует. Значит, окончательно доказано, что взрыв «паркетника» — не его рук дело. Впрочем, это и так очевидно. Что ж, забавно будет посмотреть, чем думают напугать его кроевские люди. На всякий случай надо бы выставить Сигнальную Сферу. Силы жрет самую малость, от прямого попадания из гранатомета не спасет, да и, честно скажем, от «калаша» тоже не очень... но зато все время начеку.

А вот и письмо от Насти, с фотографиями. Цифромыльница средней паршивости, но изображение довольно четкое, этого хватит. Разумеется, никаким шерлокам и тем более холмсам Игорь звонить не стал. Хотя они и существовали в природе — Ваня Климентьев и Андрей Лапотников. Он даже не слишком соврал Насте, рассказывая о них. Но тут явно не их компетенция.

Теперь глотнуть чаю — и выбросить из головы все лишнее. Приглушить звуки за окном — лязг трамвая, писк чьей-то сигнализации, бесконечный гул потока машин. Теперь — свет. Гасить незачем, достаточно убрать краски. Смягчить пространство, размыть острые тени, затупить углы... вот так, уже хорошо. Уже можно вызывать Свиток.

На самом деле Федина фотография была не слишком и нужна. Образ его и так стоял перед глазами — вытянутое лицо, морщинки у глаз, разлохмаченные слегка волосы. Но когда одним глазом смотришь в мерцающую поверхность Свитка, а другим — на изображение искомого, ответ приходит быстрее.

Свиток колыхался на расстоянии вытянутой руки — бесформенный, синевато-белый — и Свитком назывался только по традиции. Куда более напоминал он сгусток тумана, какие плывут на рассвете в низинах. Верхушки холмов уже подсвечены солнцем, а в оврагах — молочное марево.

Этот, впрочем, вскоре изменил окраску — синеватая бледность начала желтеть, потом зеленеть — и замерла на цвете первой тополиной листвы.

Игорь судорожно вздохнул и развеял Свиток. Затем разрешил пространству вернуться в прежние пределы. Тотчас заверещала за окном сирена «Скорой», зашумели трубы — топить в доме начали больше месяца назад, но до сих пор что-то у дэзовских сантехников не ладилось.

Ну, можно расслабиться и со вкусом допить остывающий чай. По крайней мере, ясно, что Федя жив и даже здоров телесно. Испытывай он сейчас боль — Свиток окрасился бы алым, голод или жажду — лиловым, ну а уйди он за грань Первой Жизни — Свиток так и остался бы белым. Белый — цвет смерти. Знак того, что одно кончилось, а другое только начинается. Строки жизни смыты с одной страницы — и начинают писаться на другой.

Но ничего большего Свиток не сказал. Искусники высоких кругов увидели бы что-то еще — настроение, желания, страхи. А с пятым на такое и надеяться смешно.

То, что Федя жив, ничего еще, однако, не объясняло. Могли похитить... кто?... да многие могли бы. Начиная от бандюков, промышляющих на рынке недвижимости, и кончая штатовской разведкой. Тем более недавнее предложение от американского друга... Или здешние конторы? Нет, здешние иначе бы действовали. Мягче, незаметнее. Позволили бы человеку ботинки надеть...

7

На этот раз он оказался на заднем дворе собственного замка. Некошеная трава пожухла, стала острой и ломкой, да и листву на старой березе тоже тронуло желтизной. И только разросшейся у крепостной стены крапиве хоть бы хны — темно-зеленая, с фиолетовым отливом, она вымахала в человеческий рост и ничуть не боялась жгучего солнца.

Надо бы велеть подзаботным навести порядок — ви-

дать, совсем разленились за последние годы. Да и раньше нечастые наезды в пожалованную твердыню как-то не способствовали образцовому ведению хозяйства. Если мужики в приписанных ему сёлах трудились как муравьи — своя-то ноша не тянет, — то эти, дворовые, чувствовали себя как... как в санатории, пришел ему на ум потусторонний образ. А стыдить их тоже не очень ловко. Образцового порядка может требовать только образцовый домохозяин. А у него в квартире пол не мыт с прошлого года, раковина обрела мутно-серый оттенок, в ванной штукатурка потрескалась...

Вадим Александрович обнаружился сидящим на огромном, три охвата в поперечнике, пне. И был он сейчас одет в потустороннее. Пиджак застегнут на две пуговицы, черный, с серебристыми нитями галстук затянут у кадыкастой шеи, стрелки на брюках ровнехонькие, черные ботинки как минуту назад начищены, сверкают на солнце. В таком виде князь, должно быть, входит в школьный класс — последние двадцать лет дари Алханай преподает на той стороне алгебру и геометрию. Учитель он строгий, порою безжалостный, дети стонут — но почему-то без всяких репетиторов поступают в вузы, где математика — профилирующий предмет.

Тихий человек, незаметный, скромный труженик — идеальная норка для Смотрителя. Это Искатели должны внедряться в элиту или крутиться возле. Бизнесмены, силовики, телеведущие, писатели, актеры, журналисты... А Смотритель — он как паук в центре паутины. Дергает когда нужно за необходимые ниточки, и движется дело.

Игорь почувствовал, что мягко и дипломатично сейчас не получится. Очень уж мучила заноза в душе.

— Мой князь, — без предисловий спросил он, — исчезновение Таволгина — это ваши люди сработали?

Вадим Александрович моргнул.

— Что? Таволгин исчез? Ты это серьезно? — Игорю показалось, что князь даже на мгновение подскочил, будто из пня выдвинулась острая щепка. — Когда это случилось?

— Не более трех дней назад, — объяснил Игорь. —

Вы простите меня, мой князь, но первой мыслью было, что после моего прошлого отчета вы решили погасить Таволгина по самому жесткому варианту.

— Игорек, ты что? — ахнул князь. — Мы же условились — наблюдаем твоего физика и дальше. И какое бы решение по нему ни приняли — только сообща.

— Простите, князь, — твердо сказал Игорь. — Плохо, что я так о вас подумал, но еще хуже было бы, удержи я эти мысли в себе.

— Разумеется, — кивнул Вадим Александрович. — А теперь изложи подробности.

Выслушав Игоря, он надолго замолчал. И все молчало вокруг — не шелестел ветер в листве березы, не трещали кузнечики в траве, не гомонили в кустах птицы. Сон замер, точно фильм, когда нажмешь на пульте кнопку паузы.

— Да, — пожевав губами, изрек дари Алханай, — это очень серьезно. Ты, мальчик, даже не представляешь, насколько это серьезно. Впрочем, тебе и не надо. Федора ищи. Можешь использовать Искусство, как тебе заблагорассудится. Я тоже пошевелю своих людей, подключим ГСУ, ФСБ... пройдемся широкой сетью...

— Я сперва все-таки сам попробую, — возразил Игорь. — Есть у меня одна мысль... вернее, есть один человечек, если уж у него не получится, тогда давайте сетью.

— Вот, кстати, возьми, — князь вынул из кармана пиджака серебряное кольцо, протянул. — Это на несколько дней повысит твое Искусство. Чувствую, пригодится.

Игорь поклонился и надел кольцо на средний палец левой руки. Наяву, конечно, ничего на пальце не будет, кольцо — всего лишь символ, но символ в истинном смысле: канал между Сутью и Воплощением. По каналу, словно ток по медному проводу, заструится сила.

— Жарко тут у тебя, — вздохнул князь, поднимаясь с пня и отряхиваясь. — Ну ладно, ступай.

Из внутреннего кармана пиджака он вынул авторучку — старомодную, заправляющуюся чернилами. Ви-

дать, немало двоек было выставлено ею в классные журналы и дневники. Точно саблей в прошлый сон, Смотритель взмахнул ею, описал в горячем воздухе круг. Игорь скользнул взглядом по бурой замковой стене — и быстро шагнул в прохладную сгустившуюся тьму.

Столик Игорь выбрал у дальней стены, увешанной фальшивыми рыцарскими доспехами. Три часа назад он вызвонил Ваню Скарабея, и тот, помямлив в трубку, назначил ему это место. Игорь скривился, но выбирать не приходилось.

— Что будете заказывать? — возникла перед ним юная официантка в белом передничке. Приглядевшись, можно было обнаружить, что и дева не столь юна, и передник многократно застиран. А можно было и не приглядываться.

— Для начала — чашечку капучино, коньяка араратского граммов пятьдесят, — распорядился Игорь, — и каких-нибудь сухариков. Найдутся у вас сухарики?

Дева кивнула и удалилась в сторону кухни. На висевшем возле барной стойки электронном табло высветилось 19:00. На это время и договаривались.

Итак, Ваня Скарабей. Когда-то его называли «Скоробей» — бил он действительно очень быстро и на излете советских лет стал даже кандидатом в мастера. Легковес. Но потекла другая жизнь, и боксерская карьера сама собой прервалась — перед Ваней открылись более вкусные горизонты. Правда, в олигархи не выбился. В девяносто втором сел за рэкет, в девяносто четвертом вышел по УДО и резко поумнел. До уровня законника он, ясное дело, не дотягивал, но кое-каким авторитетом у криминала пользовался. Масштаба у него не было, фантазии его не хватало измерений. Но этот человечек знал всех и вся. Чуткий его крысиный нос мог унюхать то, что не по зубам оказывалось старым, битым жизнью операм с Петровки. Чаще всего, впрочем, это не приносило Скарабею особой прибыли — распорядиться найденной информацией он либо не умел, либо побаивался. Его голова представлялась Иго-

рю огромным складом, забитым совершенно неожиданными вещами. Вот тянутся скучные штабеля ящиков с тушенкой, вот коробки с итальянской обувью, вот — гниющие персики из Узбекистана, а вот — библиотека Ивана Грозного или технические алмазы в ящике с углем.

На просвет Скарабей был густо-фиолетовый, тусклый, дырок в его душе зияло немерено, и тянуло оттуда, из дырок, то ли гнилым сеном, то ли слезоточивым газом.

В общем, неприятный человечек, с которым Игорю физически противно было находиться рядом. К счастью, пересекались они редко. Его, Скарабея, вместе со всей своей сетью сдал Игорю предшественник, пожилой Искатель Шуммаги дари Онарг, седьмой круг, в миру — Шарафутдин Ильясович Меркитов. «А ты пальцами нос зажми, — советовал Шарафутдин, — жучок-то и не будет пахнуть». И действительно, пару раз Скарабей оказался незаменим.

Вместо юной официантки к его столику неторопливо подошел пожилой толстый дядька в зеленой ливрее — пошлость владельцев ресторана доходила даже до ливрей.

— Уважаемый, тут с вами хотят побеседовать, — сообщил он, предупредительно наклонившись к уху Игоря. — Пойдемте со мной.

Игорь поднялся, ухватил «дипломат» — и вскоре уже шагал вслед за лакеем по узкому, плохо освещенному коридорчику. Пронзительно пахло котлетами, кислой капустой и почему-то дешевой парфюмерией.

Скарабей ждал его в маленькой комнатке, по виду — подсобке. Во всяком случае, задняя стена вся, до потолка, была заставлена продолговатыми картонными коробками. Засиженный мухами плафон, стены выкрашены масляной краской — снизу салатовой, сверху — белой.

— Ба, какие люди и без охраны! — скалясь золотыми зубами, приподнялся ему навстречу Скарабей. Сидел он, как выяснилось, на деревянном ящике.

— Здравствуй, Иван, — сдержанно кивнул Игорь. — Куда бы тут можно было сесть, чтобы не испачкаться?

— А вот, на ящик пожалуйте, — изогнувшись, показал рукой Скарабей. — Мы люди маленькие, мы в журналах не пишем, можем и постоять.

Игорь с сомнением поглядел на ящик, но все-таки принял приглашение.

— Ну, чем могу служить? — вновь осклабился Ваня. — Что привело модного столичного журналиста к больному пенсионеру?

Это было правдой. Скарабей действительно сделал себе пенсию по инвалидности — так ему было удобнее. Ирония судьбы — приглядевшись к его свечению через Третью Плоскость, Игорь увидел в печени маленький темный сгусток, далеко протянувший тонкие щупальца. Через полгода начнутся боли, Скарабей долго еще не поймет, в чем дело, а месяца через три онколог скажет ему что-то нейтрально-обнадеживающее, но время будет упущено.

— Вот что, Иван Павлович, — начал Игорь. — Я знаю, что человек ты крайне занятой, так что давай не будем о погоде, футболе и политике. У меня к тебе дело. Надо человечка одного найти. Вот это, — он легонько стукнул носком туфли по «дипломату», — аванс. Десять штук евриков. Если сможешь человечка найти — будет еще двадцать.

— Что за человечек? — осторожно поинтересовался Скарабей. — Из деловых? Политика? Имей в виду, за политику не возьмусь, я хочу жить долго и счастливо.

— Будешь, — соврал Игорь. — Человек совершенно обычный... В каком-то смысле даже мой дальний родственник... Короче, жил он один в хорошей трехкомнатной квартире. Ученый, кандидат наук. Работы нормальной давно нет, перспектив нет. Начал попивать. Три дня как пропал. Судя по всему, вскрыли квартиру и увели в чем был. Есть подозрение, что причина — недвижимость. Вот его и подвинули. Хороший дядька, но наивный, как... как ты в детсаду.

— Я и в детсаду по понятиям жил, — усмехнулся Скарабей.

— Этим вы с господином Таволгиным и различаетесь, — констатировал Игорь. — В общем, мне этот человечек нужен, и ты мне его найди.

— А если не найду? — задумался Ваня. — Тогда что?

— Тогда за хлопоты половину аванса оставляешь себе.

— Ну а как все оставлю? — судя по голосу, у Скарабея стремительно повышалось настроение. В хорошем настроении был он игрив.

— Ты мне, Иван, только что сказал золотые слова — типа хочешь жить долго и счастливо... Ну и вот. Думай, Иван.

— Что-то я не пойму никак, — Скарабей присвистнул. — Ты типа мне угрожаешь? Ты — мне?

— Иван, — лениво протянул Игорь. — Я никогда никому не угрожаю. Я просто делаю.

— Что, статейку напишешь? — ощерился бывший боксер.

— Ваня, этот разговор начинает меня утомлять, — Игорь приподнялся с ящика. — Если тебя не интересует мое предложение, я забираю кэш и ухожу. Больше беспокоить тебя не стану и другим отсоветую.

— Ну что ты такой нервный? — Скарабей развел руками, демонстрируя, видимо, размер Игоревой нервности. — Шучу я, шучу. Понял?

— Так мы договорились?

Скарабей надолго задумался, затем с сомнением протянул руку.

— Ладно, считай, уболтал. А детали всякие про человечка?

— В «дипломате» папка, там все собрано, — Игорь встал. — И не тяни особо с этим делом, по-человечески тебя прошу.

— По-человечески — это я понимаю, — ухмыльнулся Ваня. — Все путем будет. А то, может, посидим сейчас, расслабимся? Ты не смотри, что ресторанчик — дешевка, для меня тут как следует накроют.

— В другой раз, Иван, — Игорь постарался придать голосу искреннее сожаление. — Увы, сильно спешу.

— Статейки писать?

— Ошибаешься. К даме я спешу. К даме сердца.

8

Всю ночь, оказывается, падал снег. Утром распогодилось, вылезло из-за надоевших туч солнце — и осветило морозное великолепие. Придется на дареную «восьмерку» зимние шины ставить. В сервисе, конечно, станут сочувствовать, особо огорчится Егорыч. К «паркетнику» он как к родному относился. Хороший бы из старика вышел конюх.

Он набрал номер.

— Дмитрий Антонович, здравствуй, дорогой. Игорь Ястребов тебя беспокоит, помнишь такого? Ну как ты? А супруга как себя чувствует? Слушай, с этим не шутят, я тебе дам контакт отличного кардиолога, кандидат наук, завотделением. Скажешь, что я порекомендовал, он все как для меня сделает. Кстати, вы с ним два сапога пара, он так же от рыбалки фанатеет... Слушай, у меня к тебе маленькая просьба. Сможешь нескольких человек устроить на работу? Да, по специальности, учителя, педагоги. Какие предметы? Да разные там. Нет, не сейчас. В будущем году. Наверное, даже где-то в конце мая. Только вот одна закавыка: у них в трудовой будет восемьдесят первая нарисована, часть восьмая, ну и в прессе, возможно, разные гадости на них выльют. Так вот, ты всему этому не верь, это люди незапятнанные, я их знаю. Почему так? Ну, долгая история, и не очень для телефона. Короче, тонкая политика. Да, и если можно, ты их по разным школам распихай. Ну, тебе ж спокойнее будет. Да, чтобы не светились. Спасибо, Дмитрий Антонович. Если какие проблемы, сразу сигналь, порешаем. Ну, счастливо. Привет твоим.

Вот так. Жалко их, из «Школы смысла», — растерзают педагогов-новаторов. И еще надо придумать, как Па-

лыча отмазать. Всё-таки не рядовой учитель — директор. Тут сперва надо в прокуратуре подстраховаться...

Вадим Александрович, как всегда, мягко попеняет. Можно предсказать его слова с точностью до знака. «Игорь, ты, конечно, поступаешь благородно, спору нет, но тратишь на все это такие усилия... Твою бы энергию — и на основное дело. Давно бы уже пора понять: это не наша земля, не наши люди. Мы здесь чужие и должны только *казаться* своими. Казаться, но не быть, понимаешь? Потому что свои мы — для Ладони. Там все, что нам дорого. А на два дома жить нельзя, мальчик. Рано или поздно окажешься чужим и там, и тут...». Но мешать князь не станет, его же собственное дари не позволит.

День выдался совершенно безумным. С утра пришлось заехать в редакцию «Столичных новостей», вытерпеть там долгую и нудную планерку, затем встретиться на Баррикадной с девочкой из «Партнера», передать диск с фотками из Егорьевского интерната. В «Свисте» его напоили крепким чаем и завалили предложениями, от которых трудно было отказаться, но лететь на Дальний Восток именно сейчас, когда пропал Федя и ничего еще не закончилось по Кроеву, было Игорю не с руки.

В «Пульсе города», куда он всего-то за гонораром и заехал, на него набросился фотокор Лешка Обаринцев и выцыганил штуку. «До первого декабря, торжественно обещаю и клянусь пионерским словом». Знал Игорь цену пионерскому слову, но от жирного, небритого, начинающего седеть пьяницы Обаринцева проще было откупиться. Тем более что Обаринцев был из потухших. Сейчас трудно представить, что этот обрюзгший дядька, которого терпят только за отдельные удачные снимки, имел запороговую светимость. Шарафутдин сработал тонко — выигрыш в лотерее, стерва-жена, а там само поехало: развод — алименты — бабы — водка... «Видишь, Игорек, — скуластое лицо предшественника расплывалось в улыбке. — И овцы сыты, и волки целы».

Трубка запиликала как раз в тот момент, когда

Игорь протянул Лешке свеженькую, только что из кассы, купюру.

— Добрый день, Настя. Что?! Как? Когда? Еду!

Лифт, по закону подлости, не работал, и Обаринцев, вышедший на лестницу покурить, с удивлением смотрел, как звезда столичной журналистики прыжками несется с девятого этажа.

Настя рыдала, и не было толку от накапанной в стакан валерьянки. Из ее путаных слов Игорь постепенно выстраивал хронометраж. В тринадцать двадцать у Темки кончались уроки и начиналась продленка, откуда Настя забирала его к шести. Но на сегодня продленка отменялась — на половину пятого они записались на прием к окулисту, и Настя, отпросившись с работы, поехала к последнему уроку в школу. В толпе первоклассников Артема почему-то не оказалось, и она суетливо бегала по школе, донимала всех расспросами, пока не выяснилось, что мальчишку забрали с третьего урока.

— Представляете, охранник школьный пришел к ним на математику, сказал, что за Артемом Снегиревым мама пришла! Мама! — Настя вновь заревела. Игорь не прерывал, это было сейчас бессмысленно. — Ну он и спустился вниз, Темка. И все. И больше никто его не видел! А потом эсэмэска...

Игорь снова перечитал текст на бледно-зеленом экранчике «нокии». «Prover' e-mail, tam pro syna». Номер, с которого посылали, разумеется, не отобразился.

А в письме тоже не было обратного адреса, да и айпи отправителя, надо полагать, подставной. Небольшой текст. «Анастасия Глебовна! Добейтесь от журналиста Ястребова И.М., автора статьи в «Столичных новостях», чтобы тот в трехдневный срок публично признал свой текст фальшивкой и дезавуировал все свои обвинения в адрес известного Вам лица. Мы в курсе, что с Ястребовым у Вас близкие отношения. В противном случае Вы больше никогда не увидите своего сына. В правоохранительные органы обращаться не рекомендуем — в этом случае к ребенку будут применены жесткие меры».

К письму прилагался видеоклип продолжительностью в минуту. Судя по качеству, снимали мобильником. Батарея, к ней привязан за вывернутые назад локти Артем в зеленом школьном пиджачке. А напротив, на цепи, уходящей куда-то в стену, — здоровенный доберман. Длины цепи всего сантиметров на двадцать не хватает, чтобы он мог добраться до ребенка. Доберман, впрочем, честно старается. Не лает, но глухо рычит. А Темка плачет, кричит: «Мама! Мама!» Лицо красное, мокрое, светлые волосы растрепаны.

— Что будем делать? — слегка придя в себя, тихо спросила Настя. — В милицию сейчас, да?

Игорь ответил не сразу. Все это время он загонял вглубь гнев — тяжелый, холодный, как сталь меча. Сейчас не надо, сейчас излишне. Голова должна быть ясной. Кроев... Взрыв «паркетника», похищение Федора Таволгина — дела, к которым петровский «пахан» явно непричастен. Они, эти серьезные дела, и заслонили мстительную тварь.

— Нет, в милицию без толку, — мягко объяснил он, вставая с дивана. — Пока там раскачаются, пока подключат настоящих спецов — пройдет слишком много времени. Будем действовать иначе. И через моих шерлоков, и через других... людей. Сейчас едем в школу, до закрытия успеем. Нужно расспросить охранника...

С охранником Игорь говорил сам, Настю он оставил в машине. Ее слезы сейчас могли только помешать.

Хлипкий попался охранник, не пришлось даже к Искусству прибегать. Сообщил он, впрочем, не так уж много. Около одиннадцати утра в вестибюль вошла высокая молодая женщина в светло-серой ветровке, волосы черные, стрижка короткая. Представилась матерью Антона Снегирева из первого «Б», попросила позвать сына с урока — срочно куда-то ехать. Задницу от стула он, впрочем, не просто так оторвал — женщина сунула ему стольник. Охранник сунулся в класс, сказал, что было велено, а вот обратно на пост вернулся не сразу. Поднялся на четвертый этаж в мужской туалет — уж не

курят ли там старшеклассники? С них вполне можно было сшибить еще пару стольников за молчание. А когда вернулся в вестибюль — там никого не оказалось.

— Парень, ты меня огорчил, — говорить с ним было уже незачем. — Я советую тебе уволиться самостоятельно, иначе... иначе скоро у тебя будут большие неприятности.

— Домой, — сказал Игорь Насте, садясь в машину. — Кое-что прояснилось. Уверен, Темка жив. И очень скоро весь этот кошмар кончится.

Дома он заставил ее выпить горячего чаю.

— И поешьте чего-нибудь. Вам сейчас потребуются силы. Давайте я яичницу пожарю?

— Игорь, — задумчиво протянула она, — а может, ну ее, эту нашу борьбу? Все равно в этой стране бандиты не переведутся. Они ж у нас как тараканы... Может, все-таки напишете это самое опровержение? Я понимаю, как это противно, но ведь Темка... там, один... — Плечи ее вновь затряслись, но сейчас она плакала беззвучно.

Игоря жег стыд. Настя права — ведь все из-за него. И Федор, и Артем... Он, Искатель, дари пятого круга, просто взял и использовал эту женщину. Как инструмент. Цель превыше всего. И вот сейчас она в отчаянии, а он — он стоит перед ней, смотрит в заплаканное лицо, в большие изумрудные глаза, набухшие мраком.

— Настя, я думаю, что сейчас Артем спит, — сказал он. — Столько переживаний детская психика выдержать не может, поэтому возникает защитная реакция, сон. И вам сейчас тоже нужно поспать. Я очень надеюсь, что вы увидите во сне... то, что надо увидеть...

— Спать? Да вы что? — Черные ресницы взметнулись.

— Да. Спать! — Он не мигая смотрел Насте в глаза. — Вам нужно спать. Вы хотите спать. Хотите все сильней и сильней. Сейчас вы уснете и увидите Артема. Пять, четыре, три, два, один. Сон!

Игорь перенес ее обмякшее тело на диван, придвинул кресло, сел рядом. Время заняться настоящим Ис-

кусством. Не мелочами вроде Озера Третьей Тени или взгляда через Вторую Плоскость.

Спешить не стоило. Минуты пока ничего не решают. Настроиться. Погасить звуки, слышать только Настино дыхание. Дышать с нею в такт. И медленно, медленно протягивать в ее сон дорожку...

Достаточно узенькой тропинки в лесу. Лес можно взять сосновый — светлый, залитый солнцем бор. Уже виден просвет меж деревьев, нам туда, это пространство ее сна...

Настин сон был страшен. Металась ее одинокая фигурка в метели, издевательски выл ветер, колол щеки ледяными иголками. Ломило руки, а варежки потерялись. Варежки, которые связала мама. Мама, которой больше нет. И Феди нет. И Темки не будет.

Ей надо торопиться, надо к Темке, он плачет, он голодный, он может выпасть из кроватки — там шатается один прут, а вдруг Темка его выломает, он сильный мальчик. Но куда? Это незнакомый город, и спросить не у кого. А еще сзади раздается визгливый лай. Стая бродячих собак давно уже подкарауливала, выслеживала. Они сперва будут подбегать поодиночке, лаять, потом самая наглая вцепится в ногу, под колено, там незащищенное сапогом место... а после уже все вместе набросятся, повалят, начнут рвать. И у Темки больше не будет мамы.

Это было уже слишком, только собак нам не хватало. Сон уйдет мимо цели. И без того нелегко соединить два канала, это ведь как в снежной пустыне пересекаются цепочки следов. А тут еще собаки.

Он снял с плеча лук. Вытащил из колчана длинную, с оранжевым опереньем стрелу, наложил на тетиву, аккуратно прицелился...

Настя вдруг поняла, что собак за спиной уже нет. Ветер все так же свистит, хохочет, но лай стих. И, кажется, стало теплее. Не вообще теплее, а только если идти вон туда, в узкий переулочек слева. Да, точно.

Белесое, с едва заметным лиловым отливом небо кажется потолком в подвале, он низкий, потолок, он сей-

час опустится и раздавит, и значит, надо успеть. Вон туда, правильно, слеза на щеке не замерзает, значит, и впрямь тепло...

Вот он, след! Теперь осторожно идти за нею, отсекая паразитные смыслы — вроде собак или подвала.

А Насте уже тепло по-настоящему, в глухой каменной стене распахивается вдруг маленькая и узенькая дверца, с трудом пролезешь — но именно оттуда струится поток тепла, плавит снег.

Там, за дверцей, — лето, дача под Петровском, кусты смородины сгибаются под весом огромных, с ноготь, сизо-черных ягод, летают красно-коричневые бабочки — они называются «шоколадницы», а еще скачут здоровенные кузнечики. И еще стрекозы — самые ценные это большие, черные, их называют «пираты», а есть еще поменьше, темно-оранжевые, их почему-то зовут «вертолетчиками». Они прилетят, на рыжих вертолетах и застрелят этого пса напротив, который на самом деле вовсе не пес, а дракон, только почему-то у него самое опасное — не хвост, а все-таки зубы. Золотые зубы, как у того дядьки...

Есть! Сны пересеклись, теперь осторожно — прокинуть в Темкин отдельную дорожку... Игорь зафиксировал канал — теперь уж не оборвется. Затем осторожно вернулся сосновым лесом в кресло возле дивана.

Но он не спешил открывать глаза. Оставалось еще наложить найденный источник на карту реальности. Ага... Есть направление... и даже примерное расстояние. Чепуха! На «восьмерке» — не более часа.

— Настя! — Он осторожно тронул ее за плечо. — Пора! Просыпайтесь.

Она дернулась, завозилась. Потом резко села.

— Что? Что тут было? Я что, задремала?

— Да, минут на десять. Это естественная реакция на стресс, чего удивляетесь? Но сейчас быстро собирайтесь, мы едем.

— Куда?

— Искать Темку. Пока вы спали, мне звонил один из моих сыщиков. Я не хочу оставлять вас сейчас одну.

«Восьмерка» завелась с ходу.

— Куда едем? — пустым голосом спросила Настя.

— Сейчас на Ярославку, а там уж километров тридцать. Где-то за Клязьмой.

— Так мы что, к этим самым? К похитителям? — поразилась Настя.

— Проверим вариант, — дипломатично отозвался Игорь.

— Что же вы дома не сказали? Я бы хоть газовый баллончик взяла, у меня есть!

— Настя, — мягко сказал Игорь. — Я знаю, что делаю. Баллончик не потребуется. Мы с вами не группа захвата, мы пока просто разведчики. Посмотрим, что и как. И вызовем подкрепление.

Он чувствовал — едут верно. Пойманное направление сидело в уме синей ниточкой, ниточка светилась — то ярче, когда приближались, то слабее, когда дорога делала поворот.

В какой-то момент он едва не заблудился — искал съезд с трассы. Ниточка звала куда-то вбок, направо. Тут уж пригодился подробный атлас Московской области. Ага, вот она где, дорога. Там, куда тянула их синяя ниточка, расположился дачный поселок.

Колесить по улицам в поисках нужного дома не следовало — еще спугнешь добычу. Когда ниточка показала, что до цели чуть меньше километра, он остановился.

— Слушайте внимательно, Настя. Я сейчас выйду на разведку, вы сидите в машине. Мобильный свой отключите и даже выньте аккумулятор. Ждете меня час. Если не вернусь — возьмите мой телефон и наберите двойку, быстрый вызов. Человека зовут Вадим Александрович, это один из моих шерлоков. Скажете ему, где вы и куда я пошел. И ждите. Но это — крайний случай. Я уверен, что все окончится гораздо раньше.

Игорь еле сдержался, чтобы не коснуться ее губами. Хотя бы руки. И ушел в холодные сумерки.

Против ожиданий это оказался не новомодный коттедж, а обычный загородный дом — большой, солидный, но лет ему явно было за двадцать. Первый этаж —

кирпичный, второй деревянный. Светилось несколько окон внизу, верхние слепо чернели.

А вот забор тут был серьезный. Бетонный, метра три высотой, а поверху еще колючая проволока в два ряда. Не исключено, что и под током. Железные ворота, поодаль — узкая калиточка. Наверняка видеокамеры просматривают периметр. Ну что ж, ничего особо сложного. Быстрее надо все это кончать. Сперва — проводка. Он закрыл глаза, а когда открыл — вокруг тянулись перепутанные щупальца огромного спрута. Тонкие, черные, проникали они повсюду, и бежала по ним кровь — темно-синяя, почти черная. Кровь качало сердце — там, вдалеке, сгусток мрака размером с дракона. Меч тут не нужен — достаточно кинуть дротик. Вот и славно, сердце спрута вспухло огромным мыльным пузырем — и с протяжным хлопком сдулось.

Игорь моргнул. По-прежнему густели сумерки, снег был грязно-синим, высилась впереди громада дома. Только свет в окнах погас.

Но это еще не все. Где гарантия, что там не понатыкано жучков и видеокамер с автономным питанием? Мало ли какие интересные зверушки живут в теремке. Жучки? Такие черненькие, с усиками, жесткими крылышками? Что вам делать в стылом доме? Вам сюда, на солнечный майский луг, в мягкую траву, в жирный чернозем... Летите туда, оставьте здесь свои мертвые железные тела! Вот так, роем. Туда, на луг, в цепкий сон, который радушно примет вас, но обратно уже не выпустит. Вы, жучки, еще не знаете, что такое росянка? Вам понравится!

Все, можно идти. Ведь что такое эти ворота? Что такое эти стальные створки толщиной в сантиметр? На самом деле — если, конечно, закрыть глаза и увидеть все в правильном свете — это бумажная дверь. Бумагу побеждают ножницы. Аккуратно вырезаем, аккуратно входим, стараясь не пораниться — ведь стоило моргнуть, и бумага вновь сделалась сталью. Вернее, ошметками стали.

Он шагнул на территорию — и тут стремительной

тенью появился герой скверного фильма, огромный доберман. Как и тогда, он не лаял, а глухо рычал. Не злись, песик, я тебя не так уж и виню. Нет, брось эти глупости! Я гораздо главнее твоего хозяина. Ты должен на пузе передо мной ползать! И тогда я, возможно, не рассержусь. Правильно, вот так. И знаешь что, приятель? Мотай-ка ты отсюда куда-нибудь, здесь скоро станет очень неуютно.

Спровадив пса, он подошел к входной двери, прислушался. Люди мечутся в потемках, ищут свечи, ругают подстанцию, что-то бормочут о генераторе, с которым умеет обращаться только Дрюня... А дверь-то не заперта. Люди уверены в своей безопасности. Еще бы — забор, ворота на засове, видеокамеры. Он толкнул дверь, коротко моргнул — и во тьме зажегся ровный серый свет. Верхнее зрение не позволяет различать цвета, но сейчас и не нужно.

Трое. И других, не считая спрятанного где-то Темки, в доме, кажется, нет.

— Не надо кричать и дергаться, малоуважаемые, — сказал он негромко. И, моргнув, оказался в сухом, заросшем седыми лишайниками лесу, где исполинские пауки растянули между деревьями свои сети. Вновь моргнув, он вернулся из мгновенного сна в зал, но выволок оттуда, из Мертвого Леса, продукцию восьминогих ткачей. Увидеть паутину эти трое не смогут, глаза не так устроены, но и шевельнуться уже не в силах. — Какие, однако, интересные люди в теремке живут, — поприветствовал он Скарабея. — Ты, Ваня, как я погляжу, многостаночник? И тут подсуетился?

— Ты... — хрипло выдохнул Скарабей. — Ты как здесь? Ты почему?..

— По лесной дорожке, — ответил Игорь. — Кстати, и ты здравствуй, — кивнул он плотному крепышу, когда-то встретившему его у ночного подъезда. — Ты ведь мечтал встретиться? А вас, — повернулся он к третьему, крепкого сложения мужчине в строгом костюме, — я не знаю, но предполагаю, что вы и есть главный заказчик всего этого безобразия.

— Ты сдурел, козел, тебя же ребята на ремни порежут! — выплеснулось из Скарабея.

— Где мальчик? — сухо спросил Игорь, глядя на мужчину в костюме.

— В подвале, — мрачно ответил тот. — Но вы, Игорь Михайлович, не представляете, какие проблемы у вас будут! Если вам как-то удалось отключить электричество...

— Мне не только электричество удалось отключить, — заметил Игорь, — но и еще кое-кого. Попробуйте осмыслить этот факт.

— Мы ничего ему не сделали! — вдруг завизжал плотный крепыш. — Пальцем не тронули! Там тепло в подвале, мы ему супа куриного, котлету с рисом!.. Мы ж убрали Дракона!

Надо же! Добермана, однако, Драконом кличут.

Волна гнева, которую Игорь до этого мгновения кое-как подавлял, все-таки выплеснулась наружу. Да и надо было кончать этот балаган. Там, в машине, Настя ждет, и прошло уже более получаса.

— Ну вот что, — тихо, почти шепотом сказал он, — вы скверно жили и скверно умрете.

— Ты не имеешь права! — завопил Скарабей. — Это не по закону! Мы живем в правовом государстве!

Игорь усмехнулся.

— Здесь я — закон. Я, Гарран дари Миарху, по обычаю миров Ладони, вершу суд.

Он протянул вперед ладонь, моргнул — с нее сорвался голубой сгусток пламени. Тьма разом отхлынула в углы. Вновь моргнув, он придал себе дворцовое одеяние дари — черный плащ с серебристой каймой, золотой обруч на лбу, широкие штаны, заправленные в короткие, чуть выше голени, сапоги из овечьей кожи.

— Псих! — взревел крепыш.

Гарран вынул из воздуха меч. Не годится обнажать благородный клинок против дырявок — но это не бой, это суд.

— За гранью вас ждет очень долгая дорога, — мягко

сообщил он. — Вы виновны в том, что мучили ребенка. Нет худшего преступления, и нет большей платы.

Он три раза взмахнул клинком — и отпустил паутину. Три головы с глухим стуком повалились на пол, за ними рухнули тела.

Тогда он погасил огненный шар и пошел в подвал за Темкой.

— Вот, — сказал он. — Кладем на заднее сиденье. Спит. Одежду искать некогда было, я одеяло взял. Думаю, утром проснется вполне здоровым. Хотя, возможно, первые дни всякая дрянь будет сниться. Ну что, едем?

Когда уже вырулили на Ярославку, Игорь остановил машину.

— Что-то мне стук в моторе не нравится, — сообщил он Насте.

С мотором, конечно, все было в порядке. Но оставался еще один, последний, штрих, который все-таки лучше делать не на ходу. Он открыл крышку капота, для виду заглянул туда. Потом выпрямился лицом к поселку. И послал огненную стрелу. Гори, гори ясно, вспомнилась ему здешняя песенка. Дома, впрочем, была похожая.

— Все в порядке, показалось просто, — сказал он, трогая машину с места. — Поехали.

Там, за спиной, в дачном поселке, взметнулся в мутное небо исполинский костер.

9

Он отвез домой Настю с Темкой, посоветовал на всякий случай не включать пока мобильный и, разумеется, никому не открывать дверь. В том числе и милиции. «Темное сейчас время, — пояснил, прощаясь. — А во тьме раздолье оборотням».

Ехал не спеша, хотя вечерние улицы были свободны. Но гнать не хотелось. Тише едешь — дольше будешь, сказала как-то Настя. Дорожки слез так и засохли у нее

на щеках — до броска под Клязьму ей и в голову не приходило умыться, после — было некогда. Прощаясь, Игорь с трудом подавил желание прикоснуться к этой слезной дорожке губами или хотя бы рукой. Но никак нельзя.

У подъезда его ждали. Прямо как тогда, после тусовки в «Дюралюминии». Только теперь это были двое вежливых молодых людей.

— Добрый вечер, Игорь Михайлович, — худощавый молодой человек показал Игорю служебное удостоверение. — Капитан Федеральной службы безопасности Блохинцев Олег Сергеевич.

Второй, пониже ростом и пошире в плечах, оказался лейтенантом Пивкиным. Эльф и гном, усмехнулся Игорь.

— И как же все это понимать? — холодно осведомился он. — Не знаю, чем привлек интерес вашей организации, зато твердо знаю, что хочу сейчас горячего чаю и крепкого сна.

— У нас есть ордер на ваше задержание, — мягко сообщил капитан Блохинцев. — Я думаю, что в ваших же интересах проехать сейчас с нами.

— Причем не оказывая сопротивления, — добавил лейтенант.

Взгляд через Вторую Плоскость показал — ребята не врут, они действительно при исполнении.

Машина была припаркована рядом, и оказалась она простой «девяткой». За рулем ждал третий чекист, по виду — не более чем сержант.

— Скромно живет Федеральная служба, — заметил вслух Сергей.

— Скромно, — подтвердил эльф-капитан. — У меня вон оклад пятнадцать тысяч рублей, у него, — кивнул он на лейтенанта, — десять. Это вы, журналисты, из нас «коза ностру» лепите.

— Ага, кровавую гэбню, — уточнил гном.

— Ну, поехали, — устраиваясь на заднем сиденье между эльфом и гномом, сказал Игорь. — Посмотрим, насколько вы кровавые.

Куда его привезли, Игорь не понял. Глаз ему никто не завязывал, но, сидя между двоих не слишком мелких чекистов, разглядеть что-либо в окнах было трудно. К тому же водитель выбирал какие-то совсем уж невразумительные маршруты — постоянно сворачивал в переулки, ехал чуть ли не дворами, и местность Игорь совершенно не узнавал.

Зато было время подумать.

В принципе, уйти можно хоть сейчас. Силы осталось немного, но на пару-тройку Снов Воздействия его хватит. Но смысл? Зачем переходить на нелегальное положение? Кому он тогда будет нужен? Да и любопытно — что приготовила Контора честному журналисту? Ну, относительно честному...

В небольшой комнате уныло-канцелярского вида ему предложили расписаться в протоколе задержания, провели обыск — «личный досмотр», как значилось это официально. Затем отвели в одиночную камеру если не со всеми, то хотя бы с главными удобствами. Во всяком случае, помимо унитаза, там была застеленная койка. То, что надо! Игорь немедленно разделся и погрузил себя в сон.

...Князь сидел в пустом школьном классе. Перед Вадимом Александровичем высились две стопки тетрадей.

— Контрольную проверяю, — сообщил он Игорю. — Очень печальная картина. Двадцать лет назад в здешних школах по крайней мере учились... А эти... им что в квадрат возводить, что на два умножать — никакой разницы. И даже двойки их не слишком трогают. Нет у них, понимаешь, мотивации — ни положительной, ни отрицательной...

Игорь понимающе кивнул.

— Ну, что у тебя?

— Ничего особенного, — сообщил Игорь. — Не считая того, что я сейчас в камере сижу. Следственный изолятор ФСБ.

— Ну так ты и накуролесил, — хмыкнул князь. — Три обезглавленных трупа, обгоревших до неузнаваемости. Да, милый, подсматривал я за тобой. В общем,

дело, конечно, твое, но так далеко заходить не стоило. И девушка эта, Анастасия Глебовна... ты у меня смотри, не увлекайся. Сам ведь знаешь: нельзя. Да все я понимаю, — прервал он готового уже было возразить Игоря. — Ребенка вытащить, конечно, надо было. Иначе все дари в дырках будет. Но можно же было по-тихому, без этих твоих... спецэффектов. Устранить дырявок — это правильно, ты им слишком много показал. Но дом жечь не стоило.

— А как нужно было? — с интересом спросил Игорь.

— Раз уж ты в Мертвый Лес забрался, то мог бы оттуда и Осеннюю Плесень взять. Кинул бы на дом — и к полуночи одни развалины. Как если бы триста лет само разлагалось. Ни тебе скелетов, ни фрагментов ДНК. А собачку, значит, пожалел... Ну ладно, слушай внимательно. Возможно, это и хорошо, что так вышло. Тебе выпал очень вкусный шанс. Постарайся использовать. Но будь осторожен, не пережимай. Если что, сразу вызывай, здесь твоего Искусства вряд ли хватит.

На сей раз была не сабля и не авторучка — обычная пластиковая указка, непременный атрибут школьного класса. Загорелся очерченный ею малиновый обод, зашевелилась внутри тьма — и когда Игорь шагнул в нее, холодную и зыбкую, на миг ему показалось, будто князь глядит на него с жалостью.

В кабинете не было окон — света хватало и без них: под потолком ярко белели лампы дневного света. Обстановка поражала аскетичностью. У дальней стены — массивный письменный стол, которому, судя по виду, давно пора на пенсию. Слева — высокий, едва ли не до потолка, шкаф. Над столом — портрет текущего президента в полный рост. За столом — унылый дылда лет пятидесяти, в кителе. Приглядевшись, Игорь различил майорские звездочки на погонах.

Конвойный отрапортовал:

— Задержанный Ястребов доставлен.

— Свободен, — не поднимая глаз от бумаг, сообщил майор.

— Он или я? — уточнил Игорь, кивая на лопоухого парня-конвоира.

Никто ему не ответил. Лопоухий вышел из кабинета, майор продолжил изучать бумаги, Игорь остался стоять. Впрочем, недолго. Стандартный сценарий интересно было сломать, и потому он без приглашения уселся на привинченный возле майорского стола табурет.

— Ну, — лениво спросил он, — будем говорить?

Майор и бровью не повел. Он внимательно читал какие-то скрепленные распечатки и, кажется, даже шевелил губами.

В молчанку играли пару минут, затем хозяин кабинета поднял на Игоря свои водянистые, с редкими ресницами глаза.

— Фамилия, имя, отчество?

Игорь назвался. Пришлось ответить о прописке, паспортных данных, образовании и месте работы.

— И с какого времени вы, гражданин Ястребов, начали работать на иностранную разведку? — сухо поинтересовался майор, закончив заполнять шапку протокола.

— На какую? — невинно хлопая глазами, спросил Игорь.

— А это ты сейчас в подробностях расскажешь, Ястребов. Чистосердечное признание смягчает. — Майор глядел на него с явной скукой. Словно таких журналистов-шпионов к нему в день штук по сорок водят.

Игорь расслабился, замедлил дыхание — и посмотрел на майора через Вторую Плоскость. Бегло посмотрел, без деталей — но и увиденного оказалось достаточно, чтобы недовольно скривиться: пустая трата времени.

— Вы забыли представиться, майор. Забыли также объяснить, в каком качестве я здесь нахожусь. Поскольку я был задержан, то, очевидно, в качестве подозреваемого. В таком случае вы обязаны ознакомить меня с обвинением и взять соответствующую расписку. Равно как и напомнить мне, что я имею право не отвечать на ваши вопросы, а также имею право на услуги адвоката. Не понимаю я вас, майор. За несколько минут вы

допустили столько нарушений... у меня рука устанет перечислять их в заявлении на имя прокурора...

— Решил, значит, выпендриваться? — процедил майор. — Глупо, Ястребов. Адвокаты тебе не помогут, и собратья-журналисты тоже. Мы людей зря не задерживаем, а раз уж ты сидишь здесь — значит, на тебя есть очень серьезные материалы.

— Мы с вами вроде и свиней не пасли, и на брудершафт не пили, — сокрушенно сообщил ему Игорь. — Впрочем, судя по цвету лица, вам спиртного нельзя. Проблемы с печенью? Угадал?

Он намеренно шел на обострение — иначе преамбула могла затянуться надолго, а дел выше крыши. Прежде всего, конечно, Федор. Жаль, вчера не пришло в голову вытянуть из Скарабея, успел ли тот хоть в какой-то мере отработать аванс.

— Слушай, Ястребов, я тебе сейчас на пальцах объясню, что с тобой будет. — Майор приподнялся из-за стола и в упор посмотрел на Игоря. — Для начала посидишь в «стакане», затем переведем тебя в камеру к чеченцам, потом...

— У вас ус отклеился, — зевнул Игорь. — Слушайте, майор, не знаю уж, как вас звать. Если вам есть что мне предъявить — предъявляйте, если же у вас нервы расшалились — я больше не произнесу ни слова, но потом причиню вам большие неприятности. Выбирайте.

И опять его кольнула привычная уже мысль: как бы держался на его месте простой журналист Ястребов? Не Искатель, не дари пятого круга, без поддерживающей Ладони за спиной? Легко и приятно потешаться над хамом, когда у тебя столько козырей. Это даже не Экзамены, это куда безопаснее. Ты словно играешь в компьютерную стрелялку, и худшее, что тебя ждет, — перезагрузка.

— Ну, Ястребов, ты сам напросился, — вскипел майор и сделался страшным. Он выбрался из-за стола, подошел сбоку к Игорю и резко, без замаха, ударил — в то место, где еще долю секунды назад была Игорева щека. Не встретив сопротивления, кулак полетел дальше, по-

тащил за собой тело — и майор едва удержался на ногах.

— Да и ты, майор, тоже напросился, — Игорь мигнул, нырнул на секунду в сон и тут же вернулся.

На майора жалко было смотреть. Весь его запал съежился, как воздушный шарик, пронзенный иголкой.

— Поздравляю с большим делом, — участливо сказал Игорь. — Переодеться-то есть во что?

Майор не успел ответить — дверь кабинета с треском распахнулась, и на пороге появилось новое лицо.

На вид лицу было столько же, сколько и майору, но было оно гладко выбрито, глядело на мир сквозь очки в модной оправе, а брюки его краснели лампасами.

— Здравия желаю, товарищ генерал! — просипел майор, отступая к шкафу.

— Что здесь происходит? — не ответив на приветствие, поинтересовался генерал. — Майор Переверзенцев! Вы что себе позволяете? Как обращаетесь с людьми? Не работник органов, а какой-то, извиняюсь, мент вокзальный. Похоже, вам светит досрочная пенсия.

Игорь смотрел на происходящее со сдержанным интересом. Пока все развивалось, как он и думал. Примитивная схема «злой и добрый». Интереснее всего были лампасы. На таком, значит, уровне?

— Вы извините, Игорь Михайлович, — мягко произнес генерал. — Это досадная накладка. Вас должны были привести ко мне, а перепутали и отправили к этому неврастенику. Уверяю вас, такие, как этот, — тонкий генеральский палец нацелился в грудь майору, — у нас встречаются крайне редко. Пойдемте ко мне, Игорь Михайлович, пообщаемся.

— Ага, — согласился Игорь. — Уйдем из этих мрачных стен.

10

Генеральский кабинет выглядел куда веселее. В нем было окно, причем не забранное решеткой. Стол в виде буквы П занимал едва ли не половину помещения.

Вдоль всей правой стены тянулись книжные шкафы, портрет президента приютился над входной дверью — выходило, что когда генерал сидит во главе стола, президент сверлит его глазами. И стены тут были из натурального дуба, и под потолком висела нормальная люстра — с некоторой натяжкой ее можно было даже счесть изящной.

— Располагайтесь, Игорь Михайлович, — генерал радушно указал на расставленные вдоль стола стулья. — Для начала разрешите представиться — Роман Ильич Удолин, генерал-майор Федеральной службы безопасности. Вам представляться незачем, с вами я косвенно знаком — по вашим публикациям, и по «Живому журналу», и еще по некоторым источникам. Кстати, сразу скажу: мне очень импонирует объединяющая все ваши статьи гражданская позиция. Именно этого нам сейчас больше всего не хватает — умной критичности, не отвергающей из идеологических соображений то позитивное, чего реально можно добиться в нынешних обстоятельствах...

Генерал говорил — точно колонку в «Возгласе» писал. Поначалу Игорь даже подумал, что тот шпарит наизусть чужие заготовки, но потом понял: Роману Ильичу и своих мозгов хватает. Чем добрее следователь, тем больше яда в конфетке — об этом не следовало забывать.

— И все же в чем причина такого специфического интереса? — осведомился Игорь. — Давайте сэкономим ваше и мое время. Давайте сразу к делу.

— Экий вы торопыга, Игорь Михайлович, — усмехнулся генерал. — Но как пожелаете. Итак, вы, гражданин Ястребов, не тот, за кого себя выдаете. Документы у вас, конечно, подлинные, но имя, фамилия и отчество, профессиональная деятельность и так далее — все это прикрытие. — Роман Ильич нажал снизу стола кнопку — и сейчас же в дверях образовался подтянутый молодой человек в строгом сером костюме. — Дима, пожалуйста, два чая, с лимоном. Вы любите с лимоном, — по-

вернулся он к Игорю. — Заметьте, я не спрашиваю, я знаю. Да, и бутербродов каких-нибудь.

Игорь, конечно, понимал, что генеральское гостеприимство — это еще и демонстрация силы. Мол, во-первых, в любой момент сюда костоломы ворвутся, а во-вторых, все я про тебя, журналюга, знаю.

— Ну что я могу вам сказать, Роман Ильич, — подпер он щеку ладонью. — Я — Игорь Михайлович Ястребов, тридцати пяти лет, журналист, трудовая лежит в известном вам издании, проживаю в Москве с 1998 года по известному вам адресу. А вы что подумали? Что я американский шпион?

— Ну почему же прямо сразу американский? — тонко улыбнулся генерал.

— Да хоть суринамский, — Игорь подбавил в голос чуточку раздражения. Для журналиста он вообще вел себя непозволительно спокойно, это следовало поправить. Хотя зачем? Пусть сценарий развивается на обострение. Главное, не бежать впереди паровоза. Пускай генерал выложит свои карты.

— Вы только что время хотели экономить, — опечалился Удолин, — а сами в несознанку играете. Этак ведь очень долго может продолжаться. Вы у нас журналист, акула пера, палец в рот не клади, язык подвешен и все такое. Страха вы, как я вижу, не испытываете — обычно такое бывает или по глупости, или когда человек на взводе, но и то и другое — не ваш случай. Тогда что? Чувствуете за спиной силу?

— Какую силу? — сейчас же уточнил Игорь. — Моральную?

Генерал заметно поскучнел.

— Что ж, Игорь Михайлович, давайте так. Вы, разумеется, понимаете, что наша служба отслеживает все более или менее яркие фигуры на медийном поле? Так что к вам мы уже несколько лет присматриваемся. И интересная картина получается...

Тихо отворилась дверь, вошел референт с подносом — два граненых стакана в серебряных подстаканниках, пузатый фарфоровый чайничек, серебряная же

сахарница, большая тарелка с бутербродами — сыр, ветчина, лосось.

— Так вот, картина, — продолжил генерал. — Да вы наливайте себе, не стесняйтесь. За пиво, так сказать, платит король...

— Дон Рэба, — уточнил Игорь. — Там именно так: «за пиво платит дон Рэба... вернее, никто не платит».

— Ага! — подмигнул Удолин. — У вас эта книга тоже любимая?

— С детства, — соврал Игорь. Впервые он прочел ее уже после Третьих Экзаменов, и было ему тогда за двадцать. Князь настоятельно советовал. — Но вы что-то говорили про картину маслом...

— Ну, пока еще акварель, — усмехнулся генерал. — Тонкая и воздушная, в холодных тонах. Итак, журналист Ястребов пишет свои хорошие, нужные статьи. Слава в профессиональном сообществе растет, круг знакомых Ястребова расширяется... так оно и нужно для журналистики. И то, что Ястребов разрулил несколько очень гнилых ситуаций с милицией и прокуратурой Нижнего Новгорода, Читы и Пскова, не сломав при этом головы, спишем на удачливость. С кем не бывает. Помните, как в китайской притче, — стравила лисичка-сестричка тигра с драконом, а потом и пообедала их трупами...

Было дело, мысленно кивнул Игорь.

— Но это, как понимаете, цветочки, — продолжал генерал. — Ягодки начались совсем недавно, с конца лета. Журналист Ястребов заварил бучу по петровскому губернатору. Но господин Кроев давно уже был под боем у нашей службы, и скандал по делу об отъеме участков нам пришелся весьма кстати. Естественно, и за вами мы приглядывали внимательно. Ведь по всему получалось, что вы — жертва. И вот тут-то начались чудеса. Начались они в ту ночь, когда трое нанятых отморозков попытались нашего честного журналиста побить. Вы помните, чем это кончилось?

— Ну, в общих чертах, — дипломатично кивнул Игорь.

— Понимаете, если бы журналист Ястребов просто отбился, используя подручные предметы или какие-нибудь там боевые искусства — все еще можно было бы свести к случайности. Бывает ведь и так: мужчина не шибко спортивный, в армии не служил, в секциях единоборческих не был замечен — а в экстремальной ситуации просыпаются скрытые резервы. Но ведь получилось иначе. Отморозки начали лупить друг друга. И потом очень путано рассказывали обо всем нанимателю.

— Ну, может, наркоманы, — хмыкнул Игорь. — Видать, экономит господин Кроев на исполнителях...

— Возможно, возможно, — покивал Роман Ильич. — Но вот дальше начинаются совсем уже интересные дела. Поехал журналист Ястребов как-то по делам в Егорьевск, и случилось там... назовем это дорожно-транспортным происшествием. Хотя мы с вами знаем, что это за происшествие. Мы ж со спутника все пишем...

— Только пишете? — не удержал усмешки Игорь.

— Мы — только пишем, — серьезно подтвердил генерал. — Так вот... После такого не выживают люди... *Люди*, — повторил он. — Не-воз-мож-но, — добавил Удолин со вкусом. — Взрыв бензобака — это не игрушки. Но журналист Ястребов выжил. Мало того, вытащил из горящей машины случайных пострадавших. И, что весьма интересно, спустя несколько дней Ястребов — как огурчик. Никаких ожогов...

Да, вот это уже было увесисто. Даже при желании — не отболтаешься счастливой случайностью.

— Я смотрю, акварель у нас выходит какая-то... дискретная, что ли, — заметил Игорь. — Два маловероятных случая — это же еще не повод арестовывать человека...

— Не арестовывать, — поправил его Удолин. — Задерживать. Почувствуйте разницу. Если арестовываем — то по конкретному делу, предъявляем обвинение. А задерживаем — когда просто надо выяснить некоторые странные обстоятельства. Когда ни обвинения нет, ни дела... пока, во всяком случае. Но теперь по сути. Вчера у журналиста Ястребова было интереснейшее

приключение... Три трупа, сгоревший дом... это, конечно, очень неприятно, но если бы все было как обычно, если бы там, примеру, использовалось огнестрельное оружие, если бы сигнализация была перекушена кусачками — всем этим занимались бы бравые орлы из уголовного розыска. А вот когда перестает работать вся следящая аппаратура... дом господина Мушкина был, само собой, под наблюдением. В том числе и аппаратура с автономным питанием... Тогда такими вещами занимается уже наша служба. Вот вам и акварель, Игорь Михайлович. Очень интересный вы человек... и возможности у вас интересные...

— Фантастикой увлекаетесь? — заметил Игорь. — Это неплохо. Развивает воображение, что, наверное, полезно человеку вашей профессии. Что же по сути... ну что мне сказать, кроме того, что уже сказано? Я Игорь Михайлович Ястребов, журналист. Очень везучий журналист.

Генерал посмотрел на него с каким-то странным чувством. Тут, как показалось Игорю, были смешаны и интерес, и сочувствие, и надежда.

— Да вот не слишком везучий, — возразил он. — Игорь Михайлович Ястребов, — генеральскую интонацию так и подмывало изобразить курсивом, — погиб в автокатастрофе пять лет назад. Тринадцатое июля, сто восемьдесят первый километр Минского шоссе. В его машину, «Жигули»-«шестерку», влетел грузовик. Водитель грузовика погиб мгновенно, безжизненное тело Игоря Ястребова доставили в местную больницу. И заметьте, не в реанимацию, а сразу в морг — нечего там уже было реанимировать...

— Было дело, — согласился Игорь. — Только ошиблись тогда врачи «Скорой». В морге я сильно удивил санитаров, когда начал подавать признаки жизни. Говорят, один санитар подавился бутербродом и его пришлось откачивать. Впрочем, и меня тоже. Буквально с того света вернули, два месяца я там лежал, потом уж дома долечивался...

— Есть вещи, в которых невозможно ошибиться,

Игорь... позвольте уж называть вас этим именем. Я сам беседовал с теми врачами. Уж поверьте, это настоящие профессионалы и память у них цепкая. Тем более не каждый раз покойники в морге начинают насвистывать песенки Окуджавы.

— Что же мне, группу «Ленинград» надо было насвистывать? — возмутился Игорь.

— И еще одна маленькая деталь, — вздохнув, генерал вытащил из пухлой папки два черно-белых снимка. — Вот отпечатки пальцев подлинного Игоря Ястребова, — торжествующе возгласил он. — А вот — ваши. Они различаются. О чем есть акт экспертизы.

Игорь долго — несколько бесконечных секунд — молчал. Да, это они молодцы... Они да, а мы — нет.

— Знаете, на чем прокололись? — мягко произнес генерал. — Игорь Михайлович Ястребов был весьма законопослушным гражданином. Он не имел судимостей, не состоял под следствием... в общем, из самых общих соображений ваше руководство понимало, что нигде пальчики Ястребова не выплывут. Но тут вышла ошибочка. Случился в его жизни один мелкий эпизод. Когда Игорьку исполнилось пятнадцать, они с друзьями пили во дворе пиво и пели песни. Какая-то бдительная бабулька вызвала милицию, пацанов забрали в отделение. А там дежурный тогда сидел, с некоторым сдвигом по фазе. Вроде нашего Переверзенцева, только настоящий. Ну и он начал втирать ребятам, что они преступники, что они кого-то ограбили и зарезали. Снял со всех отпечатки пальцев. Потом подскочили родители, у одного парнишки папа оказался работником прокуратуры... словом, даже на учет никого не поставили. Но пальчики их оставались в архиве. А в новые времена, когда компьютерную базу по отпечаткам создавали, их тоже оцифровали за компанию. Весь Можайский архив чохом...

— Вот слушаю я вас, Роман Ильич, и думаю, — вздохнул Игорь, — а зачем оно вам все надо? Я понимаю, конечно, насколько широки интересы вашего ведомства, тем не менее... Помните, у Гумилева: «Но в мире есть

иные области...» Так вот, они есть — такие области, которых лучше не касаться. Целее будешь. Это не имеет ни малейшего отношения к безопасности государства, к политике, экономике, науке, равно как к религии, магии и искусству, — он слегка улыбнулся. — Уверяю вас, на мне вы карьеру себе не улучшите, скорее наоборот, патриотизм ваш тут сработает вхолостую. А вот неприятностей может быть сколько угодно. — Он расслабился, прикрыл на секунду глаза. — Наш разговор, само собой, записывается?

Генерал лишь усмехнулся.

— Ну, официально дело пока не заведено, наша с вами беседа — это оперативное мероприятие...

— Тогда проверьте запись, — предложил Игорь. — Я подожду.

Роман Ильич как-то непонятно дернул бровью, той же подстольной кнопкой вызвал порученца и, склонившись к самому его уху, что-то шепнул. Пять минут прошло в молчании, потом тот же молодцеватый референт принес шефу самый обычный плеер с наушниками, какой водится у любого подростка.

Генерал погрузился в прослушивание. Занятно было наблюдать, как с каждой минутой он все более краснеет.

— Здесь просто тишина, — сказал наконец Игорь, — но могла быть и «Лунная соната», и речь товарища Брежнева на двадцать пятом съезде...

— Как вы это делаете? — сорвав наушники, резко спросил генерал. Сейчас он казался куда менее дружелюбным, и это радовало. Проигрывает Ильич...

— Вы все равно не поймете, — отмахнулся Игорь. — Под словом «вы» я, конечно же, подразумеваю не только персонально вас, Роман Ильич. Примите это как данность.

Генерал встал из-за стола, в глубокой задумчивости прошелся по кабинету.

— Ну хорошо, а Таволгин-то вам зачем? — не оборачиваясь, спросил он.

— Таволгин, — стараясь говорить спокойно, заявил

Игорь, — как вы, очевидно, знаете, родной брат девушки, к которой я испытываю вполне понятный интерес. Чисто по-человечески мне небезразлична его судьба.

— Настолько небезразлична, что вы и бандитов задействовали, и наших коллег из другого управления? — хмыкнул генерал.

Игорь пожал плечами.

— Я действовал в пределах своих возможностей, — ответил он. — А вот чем объяснить ваш интерес к этой теме?

— Невежливо отвечать вопросом на вопрос, — Роман Ильич укоризненно взглянул на Игоря. — Впрочем, отвечу. Федор Глебович Таволгин попал в поле зрения нашего отдела сравнительно недавно, после того как имел телефонный разговор с неким гражданином Соединенных Штатов, бывшим нашим соотечественником, а ныне, увы, сотрудником американской научной разведки.

— Что у нас за страна, — сокрушенно вздохнул Игорь. — Вот сидит гениальный физик без дела, без заработка, страдает от своей невостребованности — и на фиг он никому не нужен. А стоит только заинтересоваться им ушлому американцу — и тут же начинается... Это ваши люди его похитили?

— Не знаю, как у *вас*, — парировал генерал, — а у нас страна тяжело больна, мы лечимся, и это еще надолго... Поэтому и получается такое. К тому же учтите, насколько этот ваш будущий шурин неприспособлен к жизни... Под лежачий камень вода не течет... Сидит он у себя в трех комнатах, дуется от обиды и творит что-то гениальное — ну и как о нем узнать? Ему бы еще спасибо этому мистеру сказать, что звонком своим с места лежачий камень сдвинул.

— Но вы так и не ответили, — перебил его Игорь. — Федор Глебович у вас?

— У нас, у нас, — покивал генерал. — И уверяю вас, что с ним все в порядке, он очень рад общению с интеллигентными людьми. Причем мы не собираемся его вза-

перти держать. Скоро вернём домой, пускай трудится в привычной обстановке... но под присмотром.

Игорь откинулся на спинку стула. Зевнул. Вызов пришел неожиданно, не было времени выстраивать полноценный связной сон. Поэтому сейчас был только серый, с зеленоватым отливом туман, и голос князя доносился глухо, будто из глубокого колодца.

— Все довольно неплохо, Ильич почти готов. Дожимай решительно, не дай ему времени остыть. У него жена лежит в клинике на Каширке. Рак груди, третья стадия. Ты до нее не дотянешься отсюда, я сам все сделаю. После этого он будет наш с потрохами.

Генерал, кажется, ничего не заметил.

— Так все же, Игорь Михайлович, неужели ваш интерес к Таволгину объясняется только... скажем так, гуманитарными соображениями?

Игорь взял с тарелки очередной бутерброд, с удовольствием откусил.

— Не пойму я что-то вас, Роман Ильич, — сказал он, прожевав и запив глотком слегка остывшего чая. — Вы так озабочены мною, Таволгиным, Кроевым, еще бог знает кем... Неужели у вас нет более животрепещущих проблем? Касающихся непосредственно вас?

Генерал вытер ладонью лоб.

— Мои проблемы касаются только меня, — заявил он, бросив на Игоря быстрый взгляд. — И я не думаю, что реально...

— Вполне реально, — перебил его Игорь. — Позвоните в больницу, попросите сделать внеочередное обследование Виктории Павловны. Вряд ли это произойдет очень быстро, но дня через два вы будете приятно удивлены.

— Даже так? — Удолин уселся верхом на стул рядом с Игорем, сдавил ладонями спинку.

— Ну а почему нет? — хладнокровно ответил Игорь. — Такую малость можно сделать и попросту в знак доброй воли.

Генерал долго молчал. Лицо его налилось кровью, а пальцы, напротив, побелели. Игорь даже встревожил-

ся — а не кончится ли это инсультом? Но взгляд через Вторую Плоскость успокоил — до инсульта Ильичу было как до луны. Давление, конечно, изрядно прыгнуло, но от этого не умирают...

— Кто же вы? — медленно, слегка растягивая слова, произнес он в итоге. — Инопланетянин, член сверхсекретной масонской ложи, представитель иной формы разума?

— Вы еще бога и дьявола забыли перечислить, — в тон ему ответил Игорь. — Но ответ в любом случае окажется неверный. Для нас обоих будет лучше, если вы будете считать меня Игорем Михайловичем Ястребовым, московским журналистом, человеком широких интересов.

— Голова кружится, — признался генерал. — Это, знаете, как в горную пропасть поглядеть. Но я надеюсь, что когда-нибудь смогу преодолеть разделяющее нас расстояние... и в какой-то мере вписаться в круг ваших широких интересов...

Ну да, клиент готов, подумал Игорь. Еще бы сказал «плечом к плечу». Князь прав. Генерал — бесценный инструмент. Его сеть информаторов, его возможности... Только вот сколько он будет стоить? Сейчас-то ладно, сейчас Роман Ильич по-человечески размяк, сейчас он благодарен — но, если Игорь в нем не ошибся, очень скоро генерал захочет нового. И ведь наверняка думает, что это как раз он ловко завербовал могущественного гражданина. Впрочем, пускай.

— Сейчас вам вернут ваши вещи и доставят домой, — не глядя ему в глаза, добавил генерал.

— А Таволгин? — поинтересовался Игорь. — Мне он нужен.

— И не только вам... Да не волнуйтесь вы, он уже дома. Скоро увидитесь. Да, кстати... — тон генерала сделался сухим и ломким, как лист в гербарии, — мне не хотелось бы об этом говорить, но чтобы уж между нами не было недомолвок... Вы понимаете, Игорь, что я в любой момент могу вас уничтожить? Миллионом разных способов.

— Сегодня, завтра, вчера, — улыбнулся Игорь. — Но знаете что, дон Рома, — моя смерть ничего не изменит. Абсолютно ничего.

В дверь просунулся порученец.

— Проводите, пожалуйста, Игоря Михайловича, — велел генерал. — Господин Ястребов! — повернулся он к Игорю. — От имени Федеральной службы безопасности приношу вам глубокие и искренние извинения за ваше задержание. Мы были не правы. Наши товарищи ошиблись, подозревая вас. Всего вам доброго!

— И вам не болеть, — кивнул Игорь и шагнул вслед за референтом.

11

Федя сидел чисто выбритый, причесанный, в модном свитере тонкой вязки, и трудно было поверить, что всего несколько дней назад этого человека увели из собственной квартиры в домашних тапочках, не дав не только позвонить сестре, но даже свет выключить.

К нему применили ту же банальную систему «двух следователей». Первый, в описании которого Игорь без труда узнал майора Переверзенцева, кричал, ругался, обвинял в связях с американской разведкой и пугал пожизненным заключением. Второй, неизвестный Игорю полковник, наорал на бедного майора, извинился от лица всех чекистов разом, объяснил, что вышла ошибка, что на него, Федора Таволгина, наговорил один подследственный, с которым Федор когда-то вместе учился, — чтобы отвести следствие от действительных фигурантов. Потом они выпили чаю, от чая плавно перешли к коньяку — после чего разговор как-то сам собой вырулил на теоретические изыскания Федора. Полковник признался, что не очень все это понимает, но сбегал за человеком, который в науке ориентируется лучше. Человек оказался каким-то научным консультантом, звали его Антон Петрович, и вот с ним-то Федя почувствовал единение сердец. Тот все понимал с полуслова, высказывал собственные — и очень нетривиальные! — сооб-

ражения, набрасывал вслух программу исследований... В общем, Федю определили в некий ФИЦ — Физический исследовательский центр... Работать, сказали ему, можно и дома, во всяком случае, пока исследования не перешли в экспериментальную фазу. Оклад положили такой, о каком Фёдя и в лучшие времена мечтать не смел.

Сейчас в его спешно убранной квартире отмечалось счастливое обретение блудного брата. Историю Темкиного похищения Настя решила пока не рассказывать — не хотелось ей портить праздничное настроение. Да и сам Темка ничего не помнил — весь тот день Игорь ему стер сразу же. «Так бывает, — позже объяснил он Насте. — Это защитная реакция. Может, так даже и лучше. К врачам обращаться не стоит, разве только если ночные страхи появятся».

Впрочем, пока ни малейших признаков страха не наблюдалось. Темка при первой же возможности улизнул из-за стола и сперва пытался раскрутить скучного Матроскина на игру в прятки, а поняв тщетность этих попыток, отправился в дяди-Федин кабинет, разлегся там на полу и стал рисовать скриншоты к компьютерной игре собственного сочинения. В игре заметное место занимали драконы разного цвета и количества голов.

Отобедав, остались там же, в гостиной, которая играла и роль столовой. Настя заявила, что вид немытой посуды оскорбляет ее эстетическое чувство, поэтому пусть мужчины пока болтают о пустяках, а она займется серьезным женским делом.

Игорь и без всякой Второй Плоскости чувствовал исходящие от нее волны солнечной радости.

— Так вот, о пустяках, — вздохнул Игорь. — Помнишь, Федя, мы с тобой про бомбу как-то говорили? В смысле что какая разница, у кого первым появится. Так или иначе у всех будет. Ну и вот...Тебе не кажется, что именно в бомбу ты и вляпался? С этим твоим ФИЦ? Тут и ежику понятно: любое такое предложение гэбэшников — это приглашение в шарашку. В бомбу. Ты ж раньше не хотел. Что изменилось?

— Игорь, — терпеливо начал осчастливленный физик, — ты меня извини, но ты — журналист. Профессионал. И у тебя, как у любого профессионала, имеет место профессиональная деформация. Поясняю. Ты в силу специфики своей работы постоянно сталкиваешься с негативом. Купаешься в нем. Я понимаю, вам это необходимо, чтобы захватить внимание читателя. Но в результате ты сам невольно все начинаешь видеть в черном свете. Покажи тебе политика — скажешь, коррупционер, покажи врача — скажешь, взяточник, покажи милиционера — скажешь, тупой садюга. А уж тем более госбезопасность. Ты, разумеется, умный мужик, и твои штампы потоньше, чем «кровавая гебня», но все равно что-то в этом роде. Поэтому тебе всюду мерещится бомба. Но ты ошибаешься. Госбезопасность — контора, конечно, неоднозначная, но именно потому, что там есть разные группировки, разные силы. Одни — да, обогащаются, крышуют бизнесменов, все такое. А другие стремятся вытянуть страну из болота, они как трактор-тягач вкалывают. Хотят возродить культуру, науку, потому что понимают: истинная мощь страны не в бомбах, а в умах, в идеях. И наш ФИЦ, который они действительно опекают, — это никакая не шарашка, никаких бомб там не разрабатывают. Пойми, меня зовут в настоящую науку, фундаментальную, практических приложений, может, еще двести лет придется ждать.

Игорь вздохнул. Сколь же точно формулировала Настя: «В житейских вопросах бывает поразительно наивен». Но и заметно, как с ним поработали. Федор — ум, каких поискать, но весь ум уходит в физику, на жизнь почти и не остается.

— А ты уверен, что эти двести лет вообще будут? — свернул он на другое. — Точнее, что через двести лет то, над чем ты сейчас бьешься, вообще будет кому-то нужно?

— Ты в том смысле, что через двести лет это будет как пароход или дагерротип? — уточнил Федя. — Что все слишком быстро устаревает?

— Напротив. По-моему, цивилизация наша движет-

ся к безнадёжному тупику. Всякая глобализация, освоение космоса, коллайдеры эти — не более чем импульс прежней эпохи. Понимаешь, в истории не действует закон сохранения импульса. Всякий импульс гаснет, в том числе и тот, что подтолкнул когда-то европейскую цивилизацию. Но, боюсь, на смену ему не придёт никакого другого. И вот почему — в мире стало слишком много информации. На любой вкус. Если раньше человек стремился узнать больше, скрипел мозгами, яблоко по темечку стукало и озаряло — то теперь мы живём в пространстве, где куда ни кинь — бесконечно много смыслов, идей, мнений, подходов... Проще говоря — такое изобилие порождает отупение. Можешь назвать это интеллектуальной энтропией. Она возрастает. Финал — это потребитель, все потребности которого формируются и удовлетворяются искусственной средой обитания. В таком обществе не появляется новых смыслов и забываются старые. Просто за ненадобностью...

— Ну, — засмеялся Федор, — эк тебя заносит. Знаешь, в чем твоя ошибка? Ты предельно упрощаешь картину жизни, выхватываешь некоторые тенденции из всего бесконечного разнообразия и доводишь их до абсурда.

В комнату тихо вернулась Настя — очевидно, победила всю посуду. Пристроилась на краешек дивана и устало слушала.

— Может, ты и прав, Федя, но я не вижу, что способно вывести нас из тупика. Цивилизация — замкнутая система... я имею в виду всю земную цивилизацию, конечно. Извне энергия не придет. Мы ж с тобой не верим ни в инопланетян, ни в религиозные концепты. Вот так-то...

— Надеюсь, что-то все же изменится, — парировал Федор. — В общем-то, ребята в ФИЦ над тем и работают, чтобы появились новые горизонты какие-то. Смыслы, о которых ты говоришь, — они ж не из пустоты берутся. Открываем что-то — и вокруг открытия нарастают новые смыслы. Так было с ньютоновским тяготением, так было с квантовой физикой и относительно-

стью, так было с атомной энергией, с открытием генома. В общем-то, это наше, научников, дело — наполнять мир смыслом. Мы-то сами эти смыслы, может, и не видим — мы просто роем свою яму и роем. Из чистого любопытства. А яма меж тем заполняется водой...

— Знаешь, — Игорь задумался, стоит ли это говорить, и решил, что все-таки можно рискнуть, — когда-то я читал фантастический роман... Автора не вспомню, да и неважно. Так вот, там озвучивалась интересная концепция мироздания. Есть, понимаешь, некая реальность, некая суть вещей... но она напрямую неуловима человеческим разумом. Однако разум все-таки входит с ней в контакт и облекает в некие формы, уже доступные восприятию. Так вот, идея была в том, что формы эти меняются в зависимости от совокупных представлений человечества. Проще говоря, каков мир на самом деле — мы никогда не узнаем, но для нас он таков, каким его представляем. Когда люди верили, что земля плоская и стоит на трех китах, — так оно и было. Потом кому-то пришло в голову, что она — шар, висящий в пустоте. Пока так думал один человек, это оставалось лишь его глупой фантазией. Но чем больше людей заражалось таким убеждением — тем сильнее реальность прогибалась под эти представления. В какой-то момент, когда совокупное убеждение превысило некий предел, свершилось — нате вам шар в пустоте, вокруг него вращаются небесные сферы, планеты ходят по эпициклам. И долго так и было. Потом Коперник решил, что если Солнце в центр поместить, то вычислять положение планет проще. Написал свои «Диалоги об обращении небесных сфер», заразил своей идеей европейских гуманитариев — и пошло-поехало... Потом Эйнштейн...

— Угу-угу, — улыбнулся Федя. — Несообразно, но красиво, для фантастики потянет. А вообще помнишь стишок?

Был этот мир извечной тьмой окутан.
Да будет свет! И вот явился Ньютон.
Но сатана недолго ждал реванша,
Пришел Эйнштейн, и стало все как раньше.

— Помню, — кивнул Игорь. — Маршак, кажется? Но я не случайно про эту книжку вспомнил. Вот смотри, как интересно получается. Если принять на веру эту несообразную гипотезу, то получается, что мир меняется только пока есть люди, которые... Как там у классиков? Которые хотят странного. Иначе говоря, создают новые смыслы. Причем важно, чтобы они не оставались в одиночестве, чтобы у них находились последователи, единомышленники. Теперь вспомним про интеллектуальную энтропию. И закономерно приходим к тому, что с какого-то момента мир перестанет меняться. Но что, если изменения необходимы? Что, если вот эта истинная реальность, постичь которую мы не в силах, — тоже как-то меняется? Не получится ли так, что когда мы замрем на некой точке, наше восприятие настолько оторвется от истины, что просто разрушится? Заржавеет, осыплется, и ничего не придет ему на смену. Тогда мы останемся лицом к лицу с реальностью, которую не сможем вместить. С человеческой точки зрения это и будет концом света... небесная твердь поколеблется, звезды посыплются, вода отравится, земля сгорит...

Федор восхищенно посмотрел на него.

— Признавайся, Игорь, книгу пишешь? Под эту бредятину тебе еще сюжет бы динамичный забабахать — и будет бестселлер...

— А если серьезно? — спросила доселе молчавшая Настя.

— Если серьезно, — улыбнулся Федор, — то это бредятина в квадрате. Если насчет интеллектуальной энтропии хотя бы спорить можно, то космос, прогибающийся под мысли Васи Пупкина... да хотя бы Алика Эйнштейна... полная чушь.

Игорь натужно улыбнулся. Он и так уже сказал больше, чем хотел, но Федя так и не уловил связи. Сейчас он слишком счастлив, чтобы поверить, и уж тем более, чтобы, поверив, согласиться, наступить на горло собственной песне. Что же с ним все-таки делать?

— Ребята, все это ужасно интересно, — вмешалась Настя, — но время — десятый час. Завтра понедельник,

я работаю, Темка учится. Пора бы нам и по домам. Драконоборец наш, кстати, уже засыпает...

— Сны драконоборца — это святое! — согласился Игорь. — Я вас сейчас до дома подброшу.

— А я пойду провожу, — добавил Федя. — А то в подъезде у нас по вечерам всякая шелупонь ошивается. Когда-то ведь был приличный дом. А... — махнул он рукой.

12

Ремонта здесь не было, наверное, с брежневских, а то и с более древних времен. Побелка вся потемнела, потрескалась, местами даже штукатурка посыпалась. Стены выкрашены в ядовито-зеленый цвет. Правда, линолеум чисто протерт, окна тоже мытые — но это, по всей видимости, максимум, на что способен был персонал больницы.

Больница, впрочем, считалась хорошей — здесь работали медики старой закалки, не лишенные своеобразного дари. Игорь весной делал интервью со здешним главврачом, толстым сердитым стариком Арменом Григорьевичем Степанянцем — доктором наук, профессором и лауреатом государственной премии. Именно поэтому их сюда и взяли, хватило пары звонков.

Игорь повернулся к Насте. Была она сейчас как бумажный фонарик, по которому прошлась чья-то большая и равнодушная нога. Темка примостился рядом, положив голову ей на колени. Все-таки задремал.

— Настя, — мягко произнес он, — ну что толку сидеть тут всю ночь? Что от этого изменится? В реанимацию нас все равно не пустят, никакие мои журналистские корочки не помогут. Завтра Федю переведут в обычную палату, тогда и приедем, как раз лечащего врача застанем. Тут-то мы чем поможем?

Настя посмотрела невидящим взглядом.

— Ну как же так? — потерянно выдохнула она. — За что? Сперва эти дела с дачей, потом Федя исчез, по-

том... — кивнула на спящего сына. — А теперь вот и это...

Игорь ничего не ответил, только осторожно коснулся напряженного плеча. Да и что он мог ответить?

Все случилось как-то быстро и по-дурацки. Оделись, спустились вниз. Игорь забрался в машину — прогревать мотор, дареная «восьмерка» все-таки не могла сравниться с удостоившимся огненного погребения «паркетником». Надо бы, конечно, купить новый джип — но со всей этой чехардой последних дней было не до того. Деньги-то ладно, деньги были, их он сделал еще когда ожоги залечивал. Заодно и проверил, как пополняются силы, достаточно ли их уже для занятий Искусством.

Технология была несложной. Сперва входишь в Сон Действия, протискиваешься узким лазом, где со всех сторон тянутся из земли скрюченные корни, потом, отряхнувшись, выбираешься на свет, взмываешь над обрывом — и летишь над серой плоскостью, ищешь свое маленькое, чуть зеленоватое озерко. Теперь надо источник найти. Их полно, местность вся усеяна большими и малыми озерами, морями, прудами и бесчисленными лужами.

Вот это большое озеро — деньги Министерства внутренних дел, та лужа — состояние Ивана Геннадьевича Булкина, гендиректора строительной фирмы, вон то необъятное море — столичный бюджет, рядом океан Газпрома, плещутся волны, вода вся в радужных пятнах от бензина, а вон тут — какое-то мутное болотце: ага, игорный бизнес. Вот отсюда не стыдно и отсосать.

Игорь взял лопату и начал рыть канал от болота к своему озерку. Канал устроен был хитро — он пересекал множество прочих водоемов, воды смешивались и в родное озерко впадали уже вполне чистыми.

Со стороны это выглядело так: игорные деньги утекали с резервного счета, совершали сложное путешествие, число транзакций не поддавалось контролю, а в итоге все это падало Игорю на банковскую карту. Даже люди Ильича — и то не отследили бы всю цепочку.

Словом, деньги были *уже*, «восьмерка» была *еще*.

И, как всякое отечественное изделие, на морозе капризничало. Искусство тут почему-то не спасало. Пришлось открывать капот, разбираться с изделием по-родственному. Тем временем Федор пытался показать засыпающему Темке Большую Медведицу, но драконоборец к звездам оказался неожиданно холоден...

А потом, рассказывала Настя, к ним подошел невзрачный какой-то мужичок, одетый, впрочем, относительно прилично, попросил у Феди закурить. «Год как бросил», — недовольно ответил Федя. «Жалко. Лучше б не бросал», — спокойно ответил мужичок и неторопливо удалился куда-то за детскую площадку.

Через несколько минут Федя упал. Лицо его сперва потемнело, потом побледнело, на губах выступила пена — это Игорь уже видел сам, прибежав на Настин крик.

Кандидат наук Таволгин валялся на холодном асфальте, сучил ногами, из губ его вылетали бессвязные звуки. Пришлось нести его домой, укладывать на тахту, вызывать «Скорую».

Пока Настя, рыдая, накручивала старинный дисковый аппарат, а Темка на всякий случай аккомпанировал ей своим плачем, Игорь сел на корточки возле Федора, взглянул сперва через Вторую Плоскость, потом через Третью, Четвертую...

Все было очень плохо. Физически ничего с Таволгиным не случилось. Но вот мозг... вернее, то, что его наполняло... Память оказалась стерта начисто, до первых младенческих дней. Оставались только безусловные рефлексы. Федя и был сейчас младенцем — но, увы, не имеющим более никаких шансов на развитие. Это не медикаментозная амнезия, когда человек забывает личную историю, но сохраняет базовые знания и навыки. Чтобы стереть человека вот так, до чистого листа, нужно по меньшей мере быть Искусником восьмого круга. А лучше девятого.

Проникновение заняло у него секунду-другую, никто и не заметил, а потом пришлось включаться в неизбежную кутерьму, успокаивать Настю и Темку, объяс-

няться с молоденькой врачихой, договариваться насчёт нейрохирургического отделения у Степанянца. На самом деле, в какую больницу везти, уже не имело значения — но лучше уж к знакомым, да и для Насти хоть какое-то облегчение, пусть до поры до времени верует в чудесного доктора Армена Григорьевича.

Приходилось изображать прожженного, знающего в этой жизни все ходы и выходы человека, а внутри бушевал лесной пожар, и мысли метались, сталкивались друг с другом, словно стремящиеся вылететь из огня птицы. Кто? Зачем? Неужели?.. Очень уж не хотелось додумывать все до конца.

— Настя, надо ехать, — он прибавил голосу твердости. — Вам силы нужны для завтрашнего дня... Да и Темик должен нормально поспать. Что ж так-то...

Она покорно встала, передала Темку на руки Игорю. Похоже, признала его право заботиться о них.

Игорь обжегся чаем — и тут же забыл о такой смешной боли. Внутри было куда хуже, чем во рту. Если бы не он... если бы не зацепился он за «петровское дело» как за удобный повод... сейчас Федор наверняка был бы жив и здоров, максимум, чего лишился бы, — не слишком-то ему и нужной дачи. Не пускал бы он пузыри... и Настя не рыдала бы у Игоря на плече, и не скулил бы в ужасе Темка. Все было бы у них как у людей. У людей этой стороны.

Она сама предложила ему остаться. «Мне страшно, Игорь, — шепнула она не то в ухо, не то в щеку. — Не уезжайте... пожалуйста». Ее прерывистое дыхание... такое же теплое, как, наверное, и губы — замершие в сантиметре от его кожи. А в глазах плескалось отчаяние пополам с надеждой. И нельзя было ей сказать, что надежды нет.

Сейчас она в комнате укладывала Темку — тот проснулся в машине и с этой минуты плакал не переставая. «Дядя Федя умер, умер!» — всхлипывал он и отказывался верить, что ничего страшного не случилось, что дядя просто заболел и его скоро вылечат.

Игорь вдруг ясно увидел: после того как Толик, непутевый Настин супруг, слинял, место отца в Темкиной душе заменил дядя. Примерно так же, как и у него самого. Когда на охоте медведь сломал его отцу спину, Гаррану было четыре года... он почти и не помнил ничего, только как кололись жесткие отцовские усы и как высоко, к самому солнцу, тот подкидывал его. А потом уже был дядя Миэзерь, отцовский брат. Мама, наверное, понимала это... А после двенадцати, после Первых Экзаменов, место дядя Миэзеря занял совсем другой человек...

Он откинулся на спинку стула, медленно прикрыл глаза, освободил ум от звуков, красок и запахов.

Солнце клонилось к изрезанному гребенкой дальнего леса горизонту. Воздух еще держал дневное тепло, но что-то все-таки было в нем, какой-то намек на ночь. Отсюда, с крепостной стены — десять человеческих ростов, более чем достаточно против степных варваров, — он часто любил смотреть. Вот тянутся призамковые поля и огороды, вот непоседливой ящерицей вьется узкая речка Домильга, вот ближние деревни, слышится мычание коров — после долгого выпаса скот загоняют домой. А вон там, совсем далеко, у самого горизонта, — дом. Настоящий его дом. Не замок Аргуань, пожалованный ему после Третьих Экзаменов, не двухэтажный терем в столице, выделенный ему Вратами Надзора. И уж тем более не этот замок, где он сейчас оказался, — тут он всего лишь в гостях.

За спиной послышались шаги. Гарран нехотя обернулся.

— Желаю доброго здравия, мой князь, — поклонился он, прижав левую руку к губам, а правую — к сердцу.

— И тебе того же, — буркнул Вадим Александрович. — Давай все-таки без церемоний, ты же знаешь, где у меня сидит вся эта наша мишура...

Он был в потустороннем — кожаная куртка на меху, кепка, тщательно выглаженные коричневые в темную

полоску брюки, старомодные штиблеты. Пенсионер вышел за кефиром...

— Князь, — без церемоний начал Игорь. — Вы в курсе, что случилось с Таволгиным? Вижу, что в курсе. Так вот — чьих это рук дело?

— Сядь, Игорек, — велел старик. — Это разговор не на одну кружку...

Только тут Игорь обнаружил, что они уже в кабинете. Все тут было как всегда — висят на левой стене звериные шкуры, сабли и секиры, под высоким потолком горит люстра — семь негаснущих белых факелов, вдоль правой стены, почти до самого верха, тянутся книжные шкафы, на полу — ворсистый меаранский ковер.

— Так все же? — Игорь опустился в старинное черное кресло. Юноша-подзаботный подал ему на серебряном подносе кружку с медовым взваром, поклонился и исчез за меховым пологом.

— Да, Игорь, — кивнул Вадим Александрович. — Это я стер память нашему подопечному. И поверь, это самое лучшее, что можно было для него сделать.

— Самое лучшее? — прищурился Игорь. — Лишиться себя, жить как растение — это лучшее?

— Это все-таки жизнь... А ведь он мог сейчас лежать не на койке в клинике, а на полке в морге. И не факт, что только он...

Князь вдруг оказался совсем рядом с Игорем, в упор взглянул на него. Такого взгляда кто-нибудь мог и испугаться — но только не Гарран, слишком хорошо знавший князя Ваурами дари Алханая. Не гнев был в водянистых стариковских глазах, а боль. И, что совсем уж удивительно — страх.

— То, что я скажу, тебе сильно не понравится. Понимаешь, Гарран, ты — правильный мальчик, ты честный и прямой, у тебя настоящее дари... Я сам приложил к этому руку, ты помнишь... Но в некоторых вопросах ты наивен, как младенец, и это тоже оборотная сторона твоей правильности.

— К чему все это? — перебил Игорь. — Какое это имеет отношение к Федору?

— Прямое, — твердо ответил князь. — Вот смотри, кто ты? Ты — дари, Искусник пятого круга, Искатель. На той стороне ты работаешь уже пять с лишним лет. А кто я? Искусник девятого круга, Смотритель, ты трудишься под моим началом. Помимо меня есть и другие Смотрители, у каждого из них своя сеть Искателей, но все работают на общее дело, на благо миров Ладони. Все правильно, да?

Игорь молча кивнул.

— А на самом деле все закручено сложнее, — вздохнул Вадим Александрович. — Врата Надзора... да, конечно, там восседают такие же дари, как и все мы... там нет места низости, зависти, жестокости, алчности, властолюбию... словом, все как тебе объясняли на уроках первого класса Врат Мудрости. Но среди высших Искусников Надзора есть разные мнения, как лучше делать наше с тобой дело... И потому — там, на той стороне, точно так же, как и мы, трудятся другие Смотрители и Искатели. Мы с тобой и те, кого ты знаешь, — люди властителя Арамая дари Огран-Хиту, двенадцатый круг. А те, другие, — люди властителя Гуамы дари Халаару, тоже двенадцатый круг. Считается, что полную безопасность обеспечивают только независимые друг от друга сети. И, кроме того, между высокими властителями нет единства по поводу того, как действовать. Наш Арамай считает, что надо с максимальным милосердием, что прямые и легкие пути ведут к осквернению дари и в каком-то высшем смысле обесценивают смысл нашей работы...

— А властитель Гуама? — уныло спросил Игорь, уже предчувствуя ответ.

— А властитель Гуама считает, что слишком многое поставлено на карту, что от нас требуется максимальная эффективность, что по-настоящему запачкать дари можно только на своей стороне, со своими людьми, а та сторона... она и без того предельно жестока... Если в реку вылить ведро воды, наводнения не случится, если из реки зачерпнуть ведром, та не обмелеет. Поэтому он недоволен нами, людьми властителя Арамая. Мы, по его

мнению, слишком церемонимся, когда гасим светимости, у нас маленький охват, мы тратим массу сил на милосердные решения в ущерб смыслу нашего дела.

— Знаете, князь, — задумчиво протянул Игорь, — я и от вас часто слышал нечто схожее.

— А позиция властителя Гуамы не лишена здравого смысла, — кивнул князь. — Но где тот предел, перед которым надо остановиться, чтобы не потерять свое дари? Каждый решает сам, так?

— Наверное, — согласился Игорь. — И я чувствую, что слишком близок к этому пределу. Если только уже не переступил...

— А знаешь, кто стрелял в тебя с орбиты лазером? — сухо спросил Вадим Александрович. — Вот именно. Смотри, как оно выглядит со стороны. Есть столичный журналист Ястребов, человек яркий, популярный, его статьи пробуждают в людях совесть, достоинство, эту... как ее... гражданскую позицию. При взгляде через Вторую Плоскость светимость запороговая. Ну и вот... Им и в голову не пришло присмотреться к тебе поглубже, запросить архив Арамая, в конце концов. Нет человека — нет проблемы. Такая вот трагическая случайность...

— Значит, светимость у меня зашкаливает, — усмехнулся Игорь. — Ну-ну... не думал.

— А думать вообще полезно, — проворчал князь. — Подумай еще и над тем, как они, наши коллеги-конкуренты, поступили бы с Федором. А ведь информация у них есть, я все передал совету Врат, властитель Гуама уже знает, что тут есть человек, способный в скором времени построить Коридор... Это хорошо еще, если б они Федора Глебовича просто застрелили. А весь дом взорвать? Для надежности? Вместе с сестрой, племянником — если на момент операции те случайно рядом окажутся? Теперь понимаешь, зачем я так поступил?

— Но были же и другие способы... — глухо произнес Игорь. — Чтобы погасить ему светимость, можно много чего было сделать... Например...

— Можно, — согласился князь. — Мы бы тобой

именно так и сделали. Женили бы на стерве, навели бы галлюцинации и засунули в психушку, втянули бы в какой-нибудь скандал и намертво запятнали ему моральную репутацию... Только ты не забывай, что конкуренты предпочитают действовать наверняка. Тем более сейчас, когда нашего дядю Федю купила ФСБ. Слишком далеко все зашло.

— Как-то все это глупо выходит, — совсем по-детски вырвалось у Игоря. — Свои лупят по своим... Этак мы скоро ничем не лучше потусторонних станем.

— Только сейчас понял? — прищурился Вадим Александрович. — А я вот уже двадцать лет об этом думаю. Помнишь тамошнюю книжку, что я тебе давно подсунул? И помнишь, что я тогда тебе сказал?

— Что написано это про нас...

— Почти так. Только нам еще тяжелее. Трудно быть богом, да. Богом-прогрессором... Видеть зло — и оставаться наблюдателем. Но у них, по крайней мере, утешение было — могли спасать хотя бы самых лучших... тех, у кого запороговая светимость. А мы — наоборот, мы гасить должны. Богом, конечно, быть трудно. А вот чертом — куда труднее. Так-то, Игорек...

И вновь повисла долгая пауза.

— Интересно, что бы вы на моем месте сказали сейчас его сестре? — Игорь почувствовал вдруг, что на глаза наворачиваются слезы — совсем как в двенадцать лет, когда выяснилось, что сданные Экзамены означают столицу, долгое учение во Вратах Мудрости, разлуку с мамой...

Вадим Александрович помолчал, пожевал губами.

— Да, не хотел бы я оказаться на твоем месте, — сухо признал он. — Да ничего ей не надо говорить. Помогай чисто по-человечески... если сможешь удержаться в чисто человеческих пределах. Ты понимаешь. И я все понимаю, но смотри, как бы тебе не оступиться... Мне очень будет не хватать такого Искателя... и вообще. Подумай, что лежит на весах. Кстати, тебе пора. Там, на той стороне, уже минут десять прошло, нельзя же так долго спать!

Вадим Александрович встал с кресла, поправил сбившуюся набок кепку, вытянул руку с кружкой — и описал ею в воздухе овал. Удивительно, но ни капли взвара не пролилось на ковер. Вот что значит Искусник девятого круга!

13

Чай уже успел остыть, но снова греть чайник он не стал. Ничего не хотелось делать, ни о чем не хотелось думать. Вот есть этот застеленный белой в синий горошек скатертью стол, есть календарь на стенке — красивый вид, Петербург, Фонтанка, осень, кленовые листья колышутся в серых с прозеленью волнах — почти такого же цвета, как Настины глаза.

Что же, будем жить. Гонять чаи, писать статейки и, разумеется, гасить звезды в этом и без того мрачном небе. Ничего другого просто не остается.

Стеклянная дверь кухни скрипнула — некому тут петли смазывать, механически отметил Игорь. Настя молча прошла, села рядом. Под глазами тени, волосы заметно растрепаны, скулы заострились — так бывает, когда человеку приходится сдерживать зубную боль.

— Как Темка, уснул? — осторожно спросил он.

— Да, — помолчав, ответила Настя. — И я тоже немного... поспала.

И надолго замолчала. И никто из них двоих не решался первым разрушить тишину. Скажешь слово — и что-то обязательно сломается.

— Игорь, — наконец проговорила Настя, — объясните мне одну вещь. Я, может, сейчас немножко не в себе, столько было... ну, понимаете. Так вот, Темка уснул. И я тоже уснула. А потом мы проснулись, он заплакал. В общем, оказалось, что мы оба видели один и тот же сон. — Она вновь замолчала, потом все-таки решилась: — И сон этот был про вас, Игорь. Про вас и еще про одного человека, которого вы называли то князем, то Вадимом Александровичем. И этот человек... это был

тот человек, который тогда подошел к Феде и попросил закурить. Мы оба его узнали.

Голос ее был сух и ломок. Ни слез в нем не слышалось, ни криков. Но это не было спокойствие — это просто кончились силы.

— Настя, — глядя в сторону, произнес он. — Бывают просто сны...

Красивый все-таки на стенке календарь.

— Нет, Игорь, — помолчав, возразила Настя. — Можете считать меня дурой сумасшедшей, но я чувствую — это не просто сон. Темку я кое-как успокоила, но не себя.

Конечно, это был не просто сон. Игорь мысленно влепил себе затрещину. Идиот! Искусник пятого круга! Он ведь забыл тогда, после счастливого вызволения мальчишки, оборвать сонные каналы! Сквозь Настин сон пришел в Темкин — и оставил входную дверь открытой. Теперь они могли видеть его связные сны! Не любые, конечно, а только когда он рядом и когда они одновременно спят — на большее их обычной человеческой силы не хватило бы. Но так подставиться!

— И если это не просто сон, — спросил он тихо, — то что же?

— Я не знаю, Игорь, — столь же тихо ответила Настя. — Я много чего не знаю и не понимаю. Но кое-что поняла. Вы — не человек. Во всяком случае, не человек в том смысле, в каком я, Темка, моя начальница на работе... Вы — что-то другое. И еще вы как-то причастны к тому, что случилось с Федей... Игорь, я хочу знать правду.

Лучше бы она кричала, лучше бы щеки ее пошли свекольными пятнами, лучше бы летали по кухне тарелки... Но нельзя же разбудить Темку.

Ну и что ты теперь скажешь, Гарран дари Миарху, Искусник пятого круга, Искатель, владетель замка Аргуань? Что ответишь этой женщине, которую любишь — давай уж называть вещи своими именами. Что скажешь той, чью судьбу ты искалечил? Той, которая действительно вправе знать?

— Настя, — глухо произнес он, — соберитесь с силами и примите сейчас решение. Можно сделать так, будто этого разговора не было, не было ваших снов, вопросов... и жить как-то дальше. А можно и ответить — но после этого у нас с вами уже ничего больше не будет. Выбирайте.

Ему казалось, что он отгрызает себе руку — как лисица, угодившая в капкан. Больно, а надо.

— Игорь, я хочу знать правду, — твердо сказала Настя.

— Предупреждаю, что знать вы ее будете недолго, — мрачно сообщил ей Игорь.

— В каком смысле? А что случится потом? — В Настином голосе не было страха — только сухая обреченность.

— А потом вы забудете и свой сон, и этот наш разговор.

Он в который уже раз ощутил тухлый запах во рту.

— Я хочу знать правду, — повторила она.

— Что ж, — кивнул Игорь, — это ваше решение. Так вот, правда. Я — человек, но не из вашего мира... точнее, как у нас говорят, не с этой стороны. Примите как факт, что, кроме вашего измерения жизни, существуют и другие. Не параллельные миры, как в фантастике, нет, все намного сложнее. Мы живем на той же самой земле, у нас те же континенты и океаны, те же солнце и луна, тот же рисунок звезд над головой. А в остальном мы отличаемся.

Она помолчала, переваривая услышанное.

— Знаете, — сказала она наконец, — проще всего мне было бы не поверить, внушить себе, что вы меня разыгрываете... Но я не хочу ничего себе внушать. Мне нужна правда. Я хочу получить настоящие ответы.

— Спрашивайте, — обреченно кивнул Игорь.

— Зачем вы здесь, у нас? На нашей, как вы выражаетесь, стороне?

— Ответ будет долгим. Как у нас говорят, не на одну кружку. Поставьте, пожалуйста, чайник.

— Мы с вами очень по-разному воспринимаем мироздание, — начал Игорь. — Не конкретно даже вы и я, а вообще. Помните, сегодня... то есть уже вчера я рассказывал Феде про фантастическую книжку, вы как раз из кухни пришли и слышали. Так вот, нет никакой книжки, все так на самом деле. Мир — это непредставимая человеческому разуму реальность... То, что мы вокруг себя видим, и то, что мы про мир думаем, — это только те формы, которые она принимает, подчиняясь нашим мыслям. Вы считаете, что есть бесконечная вселенная, вакуум, в котором горят огромные газовые шары — звезды, вокруг звезд крутятся планеты, на планетах иногда зарождается жизнь, развивается, достигает разума. Обычный человек с нашей стороны, услышав такое, просто посмеялся бы — у нас ведь на мироздание смотрят совсем по-другому. А образованный человек сказал бы, что и вы правы, и мы.

— Но, значит, между нашими мирами можно гулять? — Настя на первый взгляд успокоилась, но Игорь чувствовал, что это временно. Никогда еще ему не приходилось рассказывать потусторонним людям правду. А правда — такая вещь, что может больно ушибить...

— Это не так просто, — вздохнул Игорь. — Каждое перемещение готовится долго и требует соединения сил высших Искусников...

— Кого? — не поняла Настя.

— Долго объяснять. Если на пальцах, то наше Искусство у вас приняли бы за магию. В общем, для нас Искусство — это то же, что для вас — наука и техника.

— А вы тоже, значит, Искусник? — усмехнулась Настя.

— Довольно слабенький, — признался Игорь. — Мой уровень достаточен для выполнения моей работы, но в глубины я не лезу — не хватает способностей.

— И что же за работа?

— Моя задача, — дипломатично произнес Игорь, — следить, чтобы на вашей стороне не сумели преодолеть грань... чтобы не перешли туда, к нам. Потому что иначе случится большая беда...

— Какая же? — Настя плеснула Игорю заварки, долила кипяток. Рука ее почти не дрожала.

Игорь вздохнул. Удастся ли объяснить, поймет ли она? Федя — и тот отмахнулся с легкостью. Федя, который был поразительно близок к истине.

— Я уже сказал, что устройство мира зависит от того, что насчет него люди думают, — пояснил он. — Если ваши люди придут к нам, на нашу сторону — они принесут свои представления о мире. Свои Смыслы. И наша сторона начнет меняться, прогибаться под чужой взгляд. Это катастрофа, Настя. Вот представьте, к вам сюда явится какой-то великий волшебник и превратит вашу планету в плоский блин, лежащий на спинах трех китов. Цунами, землетрясения, извержения вулканов, разломы земной коры, сдвиги континентов — это как минимум. Миллионы — да что там миллионы, миллиарды людей погибнут.

Настя молча смотрела на него.

— Я понимаю, трудно поверить, — продолжил он, — но это правда. У нас уже был печальный опыт, более двухсот лет назад. Ваша сторона ведь не единственная, есть и другие... В общем, тогда наши Искусники научились пробивать коридор между сторонами, и к нам пришли другие... со своими взглядами. А мы пришли в их земли... Много людей и там, и там погибло, пока не удалось наконец согласовать Смыслы, добиться единого описания мира. Теперь у нас с ними союз, он так и называется — Ладонь. Вот представьте, пальцы — это стороны, — помахал он кистью руки, — а ладонь — единая основа. Но у нас с нашими соседями исходные взгляды на мир не так уж сильно различались. И людей-то переходило со стороны на сторону не слишком много, так что сообща справились с бедой.

— А с нами так не получится? — поинтересовалась Настя. Себе она чай так и не налила.

— С вами — не получится, — глухо сообщил Игорь. — Во-первых, у вас очень уж своеобразные представления... Это надо же — бесконечный космос, звезды-солнца, холодные планеты, квантовая физика, гены...

Никак не состыковать. Во-вторых, если тут у вас найдут способ пробить к нам коридор — так это же все под контролем спецслужб будет. И когда они обнаружат огромный мир — тут же пошлют экспедиции, войска. Колонизировать, осваивать... Соблазн слишком сильный — у нас ведь полезные ископаемые, свободные земли, а главное — нет атомных бомб и установок «град». Мечей и луков генералы ваши не испугаются, посмеются только... Потом, конечно, локти станут кусать, если останется что кусать... да поздно уже будет. Нет, рисковать нам нельзя.

— Слушайте, — задумчиво протянула Настя, — несостыковочка выходит. Вы ведь сюда, к нам, пришли? И не вы один, как я понимаю. Начальник вот этот ваш... И другие, наверное, есть. Вы ж пришли со своими взглядами на мир, так? Может, вы звезды считаете шляпками серебряных гвоздиков? Почему ж у нас катастрофы не случилось? Где пожары, цунами? Почему Луна на Землю не упала?

— Потому что мы — Искусники, — терпеливо объяснил Игорь. — Мы умеем так перестраивать свое восприятие, чтобы не воздействовать на чужую сторону. Этому надо долго учиться, и далеко не каждый годится...

— А звать-то вас как? — устало спросила Настя. — По-настоящему?

— По-настоящему — Гарран дари Миарху, — покладисто ответил Игорь. — Непривычно звучит, да?

— Что такое «дари»? Это титул? Вроде как шевалье де Тревиль?

— Очень грубое сравнение, — хмыкнул Игорь. — Слово «дари» на русский адекватно перевести нельзя. Впрочем, на другие ваши языки тоже. Ближе всего будет «благородство», но дари не имеет никакого отношения к происхождению. И кроме того, тут еще есть оттенки — достоинство, способность меняться, возвышать душу... и только человек с дари может стать Искусником... но не всякий дари.

— Короче, что-то типа «ваше благородие»... — Настя

поправила ладонью волосы. — Так если я правильно поняла, у вас там до сих пор средневековье, феодализм?

Игорь усмехнулся.

— Наш образ жизни так же отличается от вашего феодализма, как наше Искусство от вашей магии. Да, у нас нет равенства. Все люди — в цивилизованных землях, конечно, — делятся на три разряда. Дари — те, кто управляет внешней жизнью и создает Смыслы. Мастера — те, кто лишен дари, но способен самостоятельно строить свою жизнь, принося благо остальным. Это свободные люди. Ремесленники, купцы, актеры, капитаны кораблей, водители караванов, ростовщики... И, наконец, подзаботные. Это, по сути, взрослые дети, неспособные предвидеть последствия своих поступков, отвечать за свои слова и дела. Они могут быть жестоки, глупы и крайне неосторожны.

— Ну, у нас таких, пожалуй, большинство, — хмыкнула Настя.

— У нас тоже, — с грустью признал Игорь. — Так вот, свобода подзаботных ограничена. Они подчиняются дари. Ну, как дети родителям. Потому и называются «подзаботные». Дари обязаны заботиться о них, следить, чтобы те были сыты, здоровы, исправно работали, не предавались дурным наклонностям...

— Крепостные, короче, — мрачно заявила Настя. — И у вас тоже есть подзаботные, Гарран?

— Да, — кивнул Игорь. — Правда, я уже пять лет их не видел, моим замком сейчас управляет человек, назначенный Вратами Надзора... Министерством, по-вашему говоря. Хороший человек, истинный дари...

— Ну а почему вы считаете себя исполненными благородства, а их, подзаботных, социально неполноценными личностями? — скептически поинтересовалась Настя.

— Ответ простой, — через силу улыбнулся Игорь. — У нас нет сословий в вашем понимании — ну, сын графа — тоже граф, сын сапожника — тоже сапожник. Все дети в возрасте двенадцати лет проходят некое испытание... лучше сказать, экзамены. По результатам эк-

заменов понятно, кто из них будет дари, кто мастером, а кто подзаботным.

— Можно подумать, у сына графа и у сына сапожника равные стартовые условия, — хмыкнула Настя. — Одного с детства учили лучшие учителя, другого если и учили, то гвозди в подметку забивать.

— Ошибаетесь, — парировал Игорь. — Наши Экзамены не имеют никакого отношения к образованию, к знаниям. Они совсем иначе проходят. Искусники высших кругов погружают испытуемого в особый вид сна... там, во сне, могут пройти месяцы и даже годы. Но это направляемый сон. Человек ставится в некие обстоятельства, специально для него сочиненные... и Искусники смотрят, как он с ними справляется. Что в нем возобладает — отвага или трусость, щедрость или жадность, милосердие или черствость, пытливость или приземленность.

— О как! — Настя натянуто улыбнулась. — Виртуальная реальность, да?

— Можно сказать и так, — согласился Игорь. — Но вот что еще важно. Экзамены сдают не единожды, а всю жизнь. Раз в пять лет обычно. Конечно, подзаботный может не сдавать, если хочет оставаться подзаботным. А вот мастера и тем более дари должны...

— А, — поняла Настя. — Подтверждение квалификации. Аттестационная комиссия.

— Ну да. И есть еще одно обстоятельство...

Игорь надолго замолчал. Говорить ли и об этом? Впрочем, хвост щенку по частям не рубят. Да и так уже ясно, что у них все сломалось...

— Что же за обстоятельство? — полюбопытствовала Настя.

— Дари не имеют права заводить семьи, — твердо произнес Игорь. — Как раз чтобы не сложилось сословие, чтобы кровная связь не затмила долг по отношению к Ладони, к земле, к подзаботным. Вы что думали, быть дари — это удовольствие? Барон нежится на перинах, жрет поросячий окорок и тискает сенных деву-

шек? Выкиньте из головы все эти картинки. Дари жертвует личным счастьем ради всего народа.

— А секс без брака тоже запрещен? — Настя посмотрела как-то непонятно.

— У нас нет секса, — грустно поведал Игорь, — у нас есть любовь. Но чтобы остаться дари, ты должен не доводить дело до появления детей. Поэтому... да, сложно...

— И как же лично вы обходитесь? Впрочем, извините, — спохватилась Настя, — вопрос бестактный, можете не отвечать.

— Искусство помогает, — просто ответил Игорь. — Это не так уж сложно — заглушить зов плоти. Несложно... но неприятно. И не всегда, кстати, получается.

— Знаете, раз пошла такая пьянка, — вздохнула Настя, — то должна вам признаться, что я некоторое время назад пошарила в Интернете, пособирала информацию на вас. Все-таки, уж простите, было у меня подозрение, что интерес у вас ко мне не чисто журналистский. Так вот, ходят слухи, будто бы вы переспали чуть ли не с половиной столичной богемы...

— И это правда, — признал Игорь. — Половина не половина, но девушки иногда попадались очень... липучие. Послать их подальше мне не позволяло воспитание... да и из образа выходить не стоило. Я привозил их к себе... и у них были восхитительные ночи. Им снились дивные сны о большом сексе. Уж на это моего владения Искусством вполне хватало. Утром они уходили счастливые... добились своего.

— И не стремились к продолжению?

— Стремились, конечно. Но тут уж отшить и без всякого искусства несложно. Я, как вы, наверное, прочитали на форумах, не любитель продолжительных связей...

— Бедный вы бедный, — рука Насти чуть было не коснулась его волос, но в последний момент отдернулась. — Скажите, а вот этот ваш вид — он настоящий? Вы, Гарран Миарху, действительно так выглядите? Или тоже прикрытие?

— Да как вам сказать, — замялся Игорь. — Видите ли, был действительно такой малоизвестный московский журналист Игорь Ястребов. Пять лет назад он попал в автокатастрофу и погиб. Ястребова подменили мною прямо в морге. Мы действительно с ним довольно похожи, одинаковое телосложение... а с помощью Искусства чуть изменили черты моего лица. Во мне все и стали видеть Игоря Ястребова. Тем более близких родных у него нет, женат тоже не был... Коллеги-журналисты знали, что сшили его буквально по кусочкам...

— А вы можете... — Настя замялась. — Показать свое настоящее лицо?

— Только на несколько секунд, — предупредил Игорь.

Он закрыл глаза, задержал дыхание...

— Спасибо, — вежливо сказала Настя. — Верните назад. Раньше, по-моему, было лучше.

— Уж какой есть, — Игорь попытался подбавить в голос обиду, но не вышло.

— Значит, истинный дариец, — подытожила Настя. — Ладно, я все поняла. Вы много чего интересного рассказали — кроме самого главного. В чем именно заключается ваша работа? Каким способом вы обеспечиваете безопасность своего мира? Ведь Федя...

Она не договорила. Все ее недавнее спокойствие потекло, как тушь от слез.

— Что ж, Настя, — вздохнул Игорь, — я отвечу. Мог бы и не говорить, но это было бы нечестно. Так вот, мы не только отслеживаем людей, способных пробить коридор на нашу сторону. Это лишь, так сказать, надводная часть айсберга. Гораздо важнее, что случится, если такой коридор все же пробьют. Кто к нам попадет? Приземленные, скучные обыватели — или люди высоких устремлений, живущие некими глубокими Смыслами... Такие наиболее опасны, потому что их ум сильнее прогибает мироздание. Один Эйнштейн, условно говоря, весит больше, чем миллион тинейджеров, чьи интересы — пиво, секс и компьютерные игрушки.

— То есть вы боитесь, что такие люди попадут к вам? — поняла Настя. — И заранее устраняете их?

— Мы не только их самих боимся, — терпеливо разъяснил Игорь. — Понимаете, такой человек — он как факел, от него могут загораться и другие. Те самые другие, которые придут к нам и принесут свои смыслы. Поэтому мы таких светящихся людей гасим. Поймите, мы не хотим вреда вашей стороне...

— Стойте! — перебила его Настя. — Вы, значит, ради своей безопасности изничтожаете наших лучших людей? Тех, кто хоть как-то светит в наших потемках? Втираетесь к ним в доверие, а потом — удар в спину? Я сейчас даже не из-за Феди, я вообще!

Оказалось, в ярости она не краснеет, а бледнеет. И зелень в глазах тает, остается только холодная сталь.

— Да, Настя, да, — подтвердил он. — Вам дорог ваш мир, ваши люди, а нам — наши. Мы не считаем вас врагами... скорее инфекционными больными. Мы — карантинный кордон...

— Сволочи вы, — Настя поднялась с табуретки. — Все сказали? Сейчас небось память мне сотрете?

— Да, — признался Игорь. — Последние полтора часа. Не будет ни вашего, ни Темкиного сна... Вы по-прежнему будете считать меня своим добрым другом, журналистом Ястребовым. И, надеюсь, будете смотреть более добрыми глазами.

— Вот потому и сволочи, — выдохнула Настя. Помедлила — и резко, без замаха, влепила ему пощечину. Стоя, она была немногим выше его, сидящего.

Щеку обожгло быстрой болью. Но эта боль игрушечная — по сравнению с той, главной...

— Да, Настя, — повторил он, вставая. — Да.

14

В мае темнеет поздно — уже одиннадцатый час, а полыхает перед глазами исполинский костер-закат, переливаются друг в друга воздушные краски — рыжая, лиловая, бирюзовая. И долго еще будет светло — ночь

не торопится. Знает, что возьмет свое. Возьмет, вызвездит высокий купол разноцветными огнями — хочешь, принимай их за шляпки серебряных гвоздиков, хочешь — за глаза давно почивших предков. А придет в твою голову совсем уж смешная фантазия — и считай их огромными сгустками плазмы, термоядерными котлами, тщетно согревающими пустой космос. В любом случае ошибешься.

Новый «паркетник» мог разогнаться и до двухсот, но Игорь так и не полюбил быстрой езды. Сотни ему вполне хватало. Еще до полуночи он будет в городе, заведет джип в подземный гараж — новая квартира была в современном доме. Сейчас Настя, видимо, начала дачный сезон. Посадила редиску, вскопала грядки под огурцы, обработала клубнику, оборвала отсохшие за зиму листья. За пару выходных много ли сделаешь, да и Темка ей пока не помощник...

Нет, глупости! Какая теперь дача? Теперь она возле Федора сидит, вытирает слюни, причесывает роскошную, но сильно побитую сединой шевелюру. В пансионат родственников пускают круглосуточно, но у нее же работа. Интересно, а когда Темка подрастет — как они будут уживаться в однокомнатной квартире? Впрочем, может, в Федину переселятся. И все равно — тяжело человеку быть одному.

Перевести ей денег — проще, чем канавку между лужами вырыть. Но толку? Сразу поймет от кого — и отдаст в какой-нибудь фонд больных детей. Такое уже было в январе...

Заиграл в кармане мобильный. «Наша служба и опасна, и трудна». Трудна — уж это точно.

— Здравствуйте, Игорь, — послышался взволнованный голос. — Вы, наверное, помните меня, это Алексей Кондратьев, из «Школы смысла». Вы очерк в том году о нас делали. Игорь, тут такая история неприятная... После того как в январе началась эта вакханалия... ну, вы понимаете, о чем я... В общем, закрывают нашу школу. Словом, Игорь, я что предлагаю... Можете взяться за

эту тему? Не уверен, что газетная статья нас выручит, но хоть как-то амортизирует удар...

Игорь секунду помолчал. Потом деловито произнес:

— Алексей Павлович, я сейчас в машине... Можете перезвонить в понедельник с утра? Я за это время подумаю, что для вас можно сделать. Вы, главное, не сдавайтесь. Не гасите огни... раньше времени. Ну, до связи.

И вновь полетели в глаза столбы электропередачи, елки и сосны, болота и огороды, серые домишки-развалюхи и четырехэтажные кирпичные коттеджи — вся эта огромная, удивительная, больная и опасная сторона. Пока она спала, но вполне могла проснуться.

А на лице все так же горел невидимый след от пощечины. Игорь давно мог бы его стереть — но не трогал последнее, что осталось у него от любви.

ОТЧАЯНИЕ

Да, это он, верхний предел,
апофеоз отчаянья!

М. Щербаков

Что, если, доверчиво блуждая в темных подземельях мироздания, вы обнаружите истины столь ужасные и отвратительные, что знание их обратит все ваше существование в бесконечный кошмар?

«Рильме гфурку»

Все маршруты ведут замерзших
В вечный холод и пустоту.

«Fleur»

В начале была тошнота. Не резкая тошнота отравления, подступающая к горлу рвотными спазмами, но и дающая в то же время надежду на последующее облегчение, а вязкая, муторная тошнота слабости после долгого тяжелого сна в душном помещении. Наполняющая едкой ватой грудь, сухой гадостью — рот и пульсирующим свинцом — голову. С одной стороны, меньше всего в таком состоянии хочется вставать и вообще шевелиться. С другой — понимаешь, что, если продолжать лежать, голова разболится уже по-настоящему. Так что надо все-таки пересилить себя и встать. И неплохо бы открыть форточку, даже если на улице зима...

Это были его первые осознанные мысли. Вслед за осознанием пришло удивление: он понял, что действительно не помнит, какое сейчас время года. Пока удивление превращалось в беспокойство, а беспокойство — в страх, он обнаружил, что не помнит, что было накану-

не... или до этого... или... он тщетно пытался выхватить из памяти хоть какой-то фрагмент своей жизни, но натыкался лишь на пустоту. Или (это ощущение пришло чуть позже) на глухую стену, отсекшую его прошлое. Впрочем, с настоящим дело обстояло не лучше. Он не знал, где он находится и как здесь оказался.

Не знал, кто он и как его зовут.

Усилием воли он придавил растущую панику. Надо проанализировать, сказал он себе. Он может мыслить, это уже хорошо. Я мыслю, следовательно, я существую... Фраза пришла откуда-то издалека, скорее всего, она не сама родилась в его мозгу. Значит, в стене существуют трещинки, через которые что-то просачивается, и если последовательно их расширять... расковыривать... раздирать...

Он открыл глаза.

Зрение подтвердило то, о чем уже информировало осязание: он лежал на довольно-таки жесткой койке, где не было ни простыни, ни одеяла, ни подушки. Только что-то типа клеенки... грязной и липкой клеенки под его голым телом. Впрочем, не совсем голым... кое-где на нем какие-то тряпки и лоскуты, но это непохоже на одежду. Рассмотреть подробнее было сложно — приходилось пригибать подбородок к груди, отчего сразу начинало ломить шею и затылок, и к тому же свет в помещении был слишком тусклым. Свет исходил из покрытого пылью прямоугольного плафона на потолке, горевшего явно вполсилы и к тому же неровно: дрожащее, агонизирующее освещение. «Аккумуляторы на последнем издыхании», — пришла еще одна чужая, «застенная» мысль. Аккумуляторы? Почему аккумуляторы? Разве дом не должен быть подключен к общей электросети?

Все же даже такое освещение позволяло разобрать, что комната совсем невелика. За исключением койки в ней были лишь шкаф у противоположной стены и столик у стены между ними. В четвертой стене находилась дверь, и еще одна — справа от шкафа. Окон не было во-

все. Пахло затхлостью, словно здесь никто не жил уже много лет.

Он наконец сел на койке (в висках и затылке сразу тяжело запульсировало), а затем встал на пол, с неудовольствием ощутив пыль и грязь под босыми ногами. Хуже того — стоило ему сделать шаг, как под пяткой что-то мерзко и влажно хрустнуло. Что-то, похоже, живое... точнее, бывшее живым за миг до того, как он на это наступил. Таракан? Очень может быть, что и таракан... бр-р-р, мерзость! Он брезгливо проволок пятку по грязному полу, стараясь счистить останки этой твари. Затем подошел к шкафу и открыл дверцу. Внутри обнаружилось несколько пластмассовых вешалок, но никакой одежды.

Он направился к двери возле шкафа; интуиция подсказывала, что за ней — не коридор, а туалет. Когда он открыл дверь, свет автоматически зажегся с громким щелчком, заставившим его вздрогнуть. Действительно, там оказался совмещенный санузел — совсем крохотный, но освещавшийся несколько ярче, чем комната. Слева был унитаз, справа умывальник, а прямо — задернутая непрозрачной голубой занавеской ванна. Когда-то все это, должно быть, сверкало фаянсом и хромом, но те времена давно миновали. Кафеля не было, его заменял какой-то пластик. В более ярком, хотя и здесь тоже неустойчивом свете еще яснее видна была грязь на полу и подозрительные пятна на стенах. Пахло плесенью.

Он повернулся к унитазу и поморщился: сиденье и дно были в бурых потеках, давно, впрочем, засохших. Почему-то мелькнула ассоциация между отверстым унитазом и нижней челюстью черепа. Некоторое время он стоял, ожидая свершения обычного физиологического ритуала, но из него так и не вышло ни капли. Просто не хотелось. А вот пить хотелось. Точнее, не столько даже пить, сколько избавиться от мерзкого привкуса во рту.

Он развернулся к раковине. Она была не в лучшем состоянии, чем унитаз; на дне — не то песок, не то че-

шуйки ржавчины, и кран заляпан какой-то засохшей дрянью. Да, пить из-под этого крана он точно не будет. Но хотя бы ополоснуть лицо и руки... Он повернул ручку смесителя. Послышалось сдавленное сипение, словно из горла умирающего астматика, но воды не было. Вместо нее из крана посыпалась серая пыль. Затем звук изменился, словно воздух встретил дополнительное препятствие. Человек уже протянул руку, чтобы вернуть смеситель в исходное положение, но тут кран фыркнул и выплюнул целую пригоршню тараканов. Ударившись о дно раковины, они бросились врассыпную; некоторые, впрочем, бестолково заметались и закружились на месте.

Его первой, рефлекторной реакцией было отскочить, пока хлынувшие через край раковины насекомые не начали падать ему на ноги, однако он тут же сообразил, что надо закрыть кран, откуда уже лезли новые тараканы. Едва он успел это сделать, как почувствовал мерзкое щекочущее прикосновение — несколько насекомых, упавших на пол, карабкались на его лодыжки. Он исполнил нечто вроде судорожного танца на месте, стряхивая их, и отпрыгнул к унитазу, с отвращением глядя на разбегавшихся по полу тварей. Будь он в обуви, непременно передавил бы всех — но сейчас мог лишь попятиться, насколько это было возможно в крохотной каморке, и надеяться, что они не полезут на него снова.

«Смешно, — подумалось ему. — Я, человек, загнан в угол какими-то жуками. Они ведь даже не ядовитые». Тем не менее он не мог превозмочь свою брезгливость. Эти твари всегда вызывали у него непреодолимое омерзение. Всегда? Кажется, это еще одно воспоминание, прорвавшееся из его неведомого прошлого...

Но тараканы, видимо, тоже боялись человека. Вскоре они разбежались — какие-то прошмыгнули в комнату, какие-то — под занавеску; куда делись прочие, он не уследил. Он поднял взгляд от пола и посмотрел в зеркало над умывальником. Оно тоже было пыльным и грязным, но посередине красовался неправильный овал бо-

лее чистого стекла (если это было стекло), словно кто-то торопливо протер себе окошко. Человек взглянул на себя издали, затем шагнул ближе, с неудовольствием изучая незнакомое нездорово-бледное помятое лицо с глубокими тенями под глазами и неопрятными клочьями торчащих над повязкой волос. Повязкой, да. Его голова на уровне лба была неряшливо обмотана чем-то вроде несвежего бинта. Впрочем, нет — он еще более приблизил лицо к зеркалу, — это был не бинт с подобающей ему ажурно-нитяной фактурой, а какая-то сплошная, плотная серовато-желтоватая ткань с рваными бахромчатыми краями. И такие же повязки и просто каким-то образом державшиеся — должно быть, присохшие — лоскуты были у него много где — на шее, на правом плече, на левом предплечье, на груди слева, на животе... а пальцы были в шрамах, словно в следах от колец...

Кажется, что-то проясняется. Он попал в аварию, получил травму головы (и не только), поэтому ничего и не помнит. Но где он в таком случае? В больнице? Архитектура здания явно отдавала чем-то казенным. Но если это и больница, то закрытая и заброшенная лет пятьдесят назад...

Крови на повязках не было. Боли под ними (он потрогал, сперва осторожно, потом сильнее) тоже. Однако попытка оторвать хотя бы длинный лоскут, сверху вниз пересекавший его живот, успехом не увенчалась. Сперва он просто потянул, увеличивая усилие до тех пор, пока не почувствовал боль, затем резко подергал, каждый раз расплачиваясь новым импульсом боли, — но повязка держалась намертво. Словно... словно вросла в его тело. Да нет, глупости, сказал он себе. Надо будет просто чем-нибудь ее отмочить... должна же здесь где-нибудь быть вода.

Он вновь поднял глаза к отраженному в зеркале лицу и вдруг отпрянул: по зеркалу (как ему показалось на краткий миг — прямо по его лицу) снизу вверх пробежал здоровенный таракан. На сей раз — в считаных сантиметрах от его глаз. И теперь он ясно увидел, что с этим насекомым что-то не так. Во-первых, таракан был

не рыжим и не черным, а каким-то бледным, тошнотворно-белесым. Во-вторых, он был слишком большим для домашнего таракана. И, главное, у него было семь ног. Не шесть, как у всех насекомых, и даже не восемь, как у паукообразных, а семь. Три слева и четыре справа.

Мерзкая тварь вдруг замерла посреди зеркала, словно специально давая изучить себя и убедиться, что никому ничего не мерещится. Превозмогая себя, человек некоторое время смотрел на выродка. Нога не была оторвана — конечности действительно росли асимметрично и, кажется, даже были разной длины. Человек беспомощно огляделся по сторонам в поисках предмета, которым можно пришибить уродца, затем сердито напомнил себе, что имеются и куда более важные проблемы. Он повернулся к еще не обследованной ванне. После всего уже увиденного особых надежд на работающий душ он не питал, но все-таки отдернул занавеску.

И замер. Стену над ванной пересекала размашистая надпись, явно сделанная пальцем, щедро обмакиваемым во что-то темно-красное. Только одно слово: «ОТЧАЯНИЕ».

От неряшливых букв вниз тянулись давно засохшие потеки. Невольно проследив их направление, он опустил взгляд в ванну — и вот тут ему впервые захотелось закричать.

На дне ванны, красно-буром от засохшей крови (да, он больше не мог трусливо убеждать себя, что это вовсе не кровь), лежал вниз лицом голый мертвец. Мужчина, судя по всему не старый и в неплохой физической форме, хотя это его не спасло. В том, что это именно мертвец, и притом не первой свежести, сомневаться не приходилось; синевато-бледную кожу покрывали пятна белесой плесени. В то же время трупной вони почему-то не ощущалось. Не видно было и каких-либо ран с задней стороны тела — но лишившийся памяти не сомневался, что спереди они есть, и еще какие. Похоже было, что этого несчастного в буквальном смысле утопили в его собственной крови (слив был заткнут пробкой). Сколько крови во взрослом человеке — кажется,

около пяти литров? Не так много, но захлебнуться можно и в тарелке супа... или же он раньше умер от кровопотери? Впрочем, смертельными могли быть и сами раны, из которых вытекло столько крови...

Отсутствие смрада, однако, вызвало мысль, что труп на самом деле может быть вовсе не трупом. А, скажем, манекеном. И вообще все это — какой-то идиотский розыгрыш, устроенный не в меру разошедшимися друзьями. Напоили, отвезли в какой-то заброшенный дом (но почему в заброшенном доме есть электричество и в какую эпоху строили дома без окон?), вымазали тут все краской, засунули куклу в ванну... А тараканы-мутанты? Что, среди его друзей есть специалисты по генной инженерии?

Однако даже это не объясняет потерю памяти. Человек, которого напоили, может напрочь не помнить, где и с кем он пил, — но ведь не всю свою предыдущую жизнь! Кстати, пил ли он вообще в той жизни? Может, он был идейным трезвенником? Он не мог вспомнить даже этого.

Все же он наклонился и неуверенно толкнул лежащее тело. Холодная скользкая кожа, покрытая редкими волосками, слегка поддалась под пальцами. Нет, это точно не резина или что-то подобное! Он брезгливо отдернул руку и, оглянувшись, вытер ее о занавеску — которая, впрочем, тоже отнюдь не производила впечатления стерильной.

От толчка правая рука мертвеца немного повернулась, и теперь ясно было видно, что ее пальцы в крови, особенно указательный — но не сплошь, а главным образом кончики. Видимо, зажатая между боком и стенкой ванны, рука не искупалась в кровавой луже на дне... тогда что получается — он специально макал ее в свои раны? Макал, чтобы сделать эту надпись? Если у умирающего есть шанс оставить последнее послание, хотя бы и таким способом, логичнее ожидать, что он напишет имя убийцы или что-то в этом роде...

Тот, в чьем сознании пронеслись теперь эти мысли, не решился вновь прикасаться к трупу и уж тем более

переворачивать его. Ему явственно представилось, что он может увидеть: кожа, сплошь покрытая кровью, жуткие резаные раны — судя по количеству крови, бедолагу буквально кромсали, — возможно, внутренние органы, вываливающиеся через эти разрезы... Нет, нет! Что бы здесь ни случилось, отсюда надо убираться как можно скорей, пока он не стал следующим!

Он выскочил обратно в комнату и рванул ручку двери, ведшей, по его представлениям, в коридор. Мелькнула ледянящая мысль, что дверь окажется заперта, — и точно: она не пожелала открываться ни наружу, ни внутрь. Но прежде, чем паника окончательно захлестнула его, он присмотрелся к двери повнимательней и сообразил, что та просто сдвигается вправо. С новой попытки трудностей не возникло. За дверью действительно оказался коридор, скупо освещенный все такими же тускло мерцающими плафонами. Окон не было и там.

Тут он вспомнил, в каком виде выскочил из комнаты, и решил все-таки найти хоть какую-то замену одежде. Выбор был невелик — пытаться что-то соорудить либо из клеенки на койке, либо из занавески в ванной. Ситуация осложнялась тем, что ничего режущего у него не было, а рвать синтетический материал было бы непросто. Однако клеенку, как оказалось, кто-то уже уполовинил. Неужели с той же самой целью? Так или иначе, он свернул себе из оставшейся половины что-то вроде юбки. Не слишком надежно — если придется бежать, наверняка размотается и свалится... впрочем, если ему действительно придется бежать, у него будут проблемы посерьезней голой задницы.

Уже есть. Он пытался гнать от себя эту мысль, но та лишь накатывалась сильнее. Добром это не кончится, не кончится, это не может кончиться добром... «Отчаяние». Отчаяние, тоска и страх... да, вся атмосфера здесь (где?) к этому располагала. Но было еще что-то, помимо осознания того, что он проснулся (очнулся!) черт знает где, ничего не помня, по соседству с захлебнувшимся в собственной крови мертвецом... Покопавшись в куцем обрывке своей памяти, он с удивлением понял, что этим

чем-то была мелькнувшая мысль о генной инженерии. Словно... словно он случайно задел больной зуб, до этого успокоившийся и не дававший о себе знать. Почему? Почему эта мысль вызывает у него такой страх? Может быть, эти повязки — результат не аварии, а биологических экспериментов? Каких-то операций, сделанных против его воли? Хотя при чем тут генная инженерия? Генетики... насколько он мог вспомнить, генетики никого не кромсают, они оперируют на микроскопическом уровне... Или дело было даже не в генной инженерии как таковой, а в чем-то, частью чего она являлась? В чем-то, чего (нет! нет! не надо!) он не мог вспомнить. Он снова попробовал, несмотря на разлившийся липким холодом страх. Нет. Не вспомнить. Пустота.

Он подошел к столику, до сих пор почему-то не удостоившемуся его пристального внимания, и обнаружил, что это не просто столик. Половину его занимал встроенный экран, а возможно, и еще какие-то устройства. Были ли там средства связи? Сейчас это уже трудно было сказать: все это было уничтожено, выломано и раскурочено с каким-то диким остервенением. Лишь сиротливо торчал из крошева оборванный световод...

Человек всмотрелся, насколько позволял тусклый свет. В оставшейся от экрана нише среди обломков электроники (фотоники, прорвалось из пустоты, электроника — устаревший термин) валялось нечто, что не походило на элемент схемотехники. Он поднял этот маленький, скругленный с одного конца предмет и поднес его к глазам. В следующий миг он с отвращением понял, что разглядывает сорванный человеческий ноготь; внутренняя сторона была в засохших кровавых лохмотьях. Неужели тот, кто здесь все ломал, орудовал ногтями? И дикая боль вырываемого с мясом ногтя его не остановила?

Потерявший память отшвырнул свой трофей и с тоской подумал, что ему не помешает хоть какое-то оружие. Тут же, впрочем, зловредное подсознание заменило «не помешает» на «не поможет», но он попытался отогнать эту мысль. Хотя бы стул... ведь должен был

быть в этой комнате стул? Но увы — стула нигде не было.

Он снова вышел в погруженный в мерцающий полумрак коридор, только теперь осознав, что коридор идет не прямо, а плавно загибается, образуя, по всей видимости, кольцо с довольно большим радиусом. В какую сторону идти — налево или направо? Куда ни пойди, все равно не разглядишь заблаговременно, что скрывается за поворотом... Он прислушался. Ни слева, ни справа не доносилось ни звука; гнетущую тишину лишь иногда нарушало электрическое потрескивание неровно горящих светильников.

Он пошел направо. Под ногами был все тот же грязный пол — сколько лет здесь не делали уборки? Впрочем, он уже не жалел, что приходится идти босиком, — это позволяло двигаться практически беззвучно. Слева тянулась глухая стена, справа — двери, подобные той, из которой он вышел. Или, может быть, не совсем подобные — судя по расстояниям между ними, не за всеми из них скрывались столь же маленькие каморки. Но у него не было желания заходить внутрь и натыкаться там... черт его знает, на что там можно наткнуться. Его задача — выбраться отсюда как можно скорее, а значит, надо идти к выходу. Должен же где-то здесь быть выход?

Тусклый дрожащий свет нарушал ощущение реальности, мешал ориентироваться, создавая впечатление, что все это — просто кошмарный сон, в котором он так и будет вечно шагать по грязному мрачному коридору, не имеющему ни начала, ни конца. На какой-то момент он настолько уверился в этом, что принялся себя щипать. Разумеется, без всякого результата. Впрочем, припомнилось ему, на самом деле щипать себя — это предрассудок, болевые ощущения тоже могут сниться, правда, обычно они слабее, чем наяву, но спящий об этом не догадывается — а щипок и наяву не очень-то болезненен... Но если он столь логично размышляет о сне, то, наверное, все-таки не спит. Однако что, если он и впрямь уже описал по этому коридору полный круг и пошел по

новой? Если выход за одной из этих одинаковых дверей... Или выхода нет вообще, тут же всплыло в голове. Да ну, бред! А разве не похоже на бред все то, что окружает его с тех пор, как он пришел в себя?

Эти мысли опутывали его липким холодным страхом, который он тщетно гнал от себя. Всему должно быть объяснение. Всему должно быть...

Да, конечно. Но кто сказал, что оно тебе понравится?

Он тряхнул головой. Надо было как-то пометить дверь, из которой он вышел, тогда бы он точно знал, пройден или нет полный круг. Пометить? Чем? Собственной кровью?

Да нет же, прикрикнул он на взметнувшуюся истерическую мысль. Оставить открытой, что может быть проще! А может, он так и сделал? Закрыл ли он дверь, когда вышел в коридор? В первый раз — точно да, естественное желание закрыться человека, сообразившего, что он голый... а вот во второй... он не мог вспомнить.

Тут же, впрочем, он получил доказательство, что еще не описал полный круг.

На очередной двери справа все в той же манере, буро-красным с потеками (кровью, признай уже это, кровью), было написано: «УБЕЙ СЕБЯ СЕЙЧАС».

— Обнадеживающе, — пробормотал он. Это было первое слово, сказанное им за то время, что он себя помнил. Обычно таким оборотом обозначают всю жизнь, но в его случае... черт, а ведь прошло, наверное, всего минут десять. Хотя у него ощущение, словно он блуждает по этому жуткому зданию не меньше часа... Ему не понравился звук собственного голоса. Какое-то хриплое карканье. Наверное, перед этим он молчал очень долго.

А может быть, наоборот — сорвал горло от крика?

Он замер в запоздалом испуге, прислушиваясь. Может, даже это его невразумительное бурчание привлечет каких-нибудь неведомых тварей из сумрака коридора? Или даже прямо из-за этой двери...

Но вокруг по-прежнему царила тишина.

Хр-р-р... щелк... хр-р-р... крак!

Человек вздрогнул от неожиданности. Один из плафонов впереди вдруг погас, погрузив свою секцию коридора во тьму. Что там за этой секцией дальше, не было видно из-за кривизны коридора. Очень легко было представить, что...

Человек напряженно ждал, вглядываясь в темноту. Нет, сказал он себе, плафон просто вышел из строя. При таком скачущем напряжении, явно далеком от номинала, это неудивительно. Он снова перевел взгляд на дверь. Вряд ли тот, кто оставляет подобные призывы, его друг. А если враг пытается тебя отпугнуть, глупо идти у него на поводу. Будь за дверью реальная угроза, едва ли его стали бы предупреждать о ней, даже таким экзотическим способом... Он дернул ручку — дверь покорно уехала в стену — и вошел.

Похоже, это была какая-то лаборатория. Вот именно что была. Здесь обнаружился тот же яростный разгром, что и на столике в его каморке, только в более крупных масштабах. Весь пол был усеян останками истерзанных, раскуроченных приборов, с мясом выдранных из стоек и стеллажей; теперь уже трудно было сказать, для какого вида исследований они предназначались. Тут же валялись обломки вращающегося стула, который неведомый вандал, видимо, пытался использовать в качестве кувалды, но пластик стула оказался слишком легким и непрочным для такого применения.

Потерявший память сделал несколько осторожных шагов, боясь поранить ноги. Но, кажется, осколков пробирок и предметных стекол здесь не было — насколько, конечно, можно было разобрать в таком хаосе и при таком освещении. Значит, скорее физика, чем биология или химия... хотя кто знает — отсюда могло осуществляться лишь дистанционное управление оборудованием в какой-нибудь герметичной камере... Среди обломков пластиковых корпусов и плат попадались какие-то металлические пластины, сердечники, катушки, обмотки — но, кажется, ничего, что можно было бы использовать в качестве оружия. И весь этот погром был учинен

давно, обломки успели зарасти пылью... пылью, почти скрывшей бурые пятна на полу. В углу возвышалась массивная металлическая станина некой установки, оказавшаяся не по зубам разрушителю. И на ее борту красовалась очередная надпись, сделанная все тем же образом: «ТЬМА БЫСТРЕЕ СВЕТА ХА ХА ХА». От последней палочки последней буквы «А» тянулась вниз струйка с каплей на конце. Прямо на этой капле сидел белесый таракан... нет, скорее жирный круглый паук, словно бы выползший попить крови. Но на самом деле и струйка, и капля давным-давно засохли.

Брезгливо кривясь — пауков он жаловал не больше, чем тараканов, — человек все же подошел поближе, желая рассмотреть членистоногое. Окажется ли представитель другого вида таким же мутантом-уродцем или все-таки нормальным пауком? То есть уродство здесь — отклонение или норма?

Он приблизился медленно, не желая спугнуть тварь, но предосторожность оказалась излишней. Паук не двигался. Он был давно мертв. Так и присох к кровавой капле — похоже, ему не хватило ума убраться, когда она начала загустевать... Человек поднял с лабораторного стола обломок прозрачного полимера, некогда, вероятно, бывший частью экрана, и ковырнул им высохшее белесое тельце. Паук упал на стол поджатыми ножками кверху. Ног, как и положено всем паукам, было восемь. Три справа и пять слева.

Человек вернулся в коридор. На сей раз он сознательно оставил дверь открытой. Для ориентации, сказал он себе, хотя на самом деле скорее для того, чтобы не видеть надпись на ней. Но стоило ему об этом подумать, как надпись со всеми ее потеками встала у него перед глазами. «Убей себя сейчас...» Что бы там ни было прежде, в этой лаборатории, пока что поводов для самоубийства он не видел. Для оптимизма, впрочем, тоже...

Внезапно человек вздрогнул, настигнутый новой волной липкого страха. Физика, лаборатория, мутанты — все это словно слилось вместе, выщербив из отсекшей его память стены еще одно понятие: радиация. Что, ес-

ли в этом все дело? Если это странное здание (исследовательский центр? клиника?) стало эпицентром некой ядерной аварии, поэтому здесь все давно заброшено и весь этот затхлый воздух пронизан медленной смертью. Если мутировали даже насекомые и пауки, куда более устойчивые к радиации (откуда-то он это знал), то человек здесь наверняка обречен. Поэтому и «убей себя сейчас» — пока еще можешь сделать это без больших страданий. От лучевой болезни умирают в жутких муках...

Но зачем персоналу, спешно покидавшему здание после аварии, крушить оборудование? Злость на технику, которая подвела, конечно, понятна, даже ученый может сорваться, но когда для спасения дорога каждая секунда... И все эти кровавые надписи? Голый труп в ванне? Кто-то, кто забрел в запретную зону уже после катастрофы и слишком поздно понял, что наделал?

А может, не было никакой эвакуации? Может... их просто списали? Власти желали скрыть правду о катастрофе и никого не выпустили... Или все-таки не радиация, а какая-то биологическая дрянь, и они все оказались заражены... заражены и опасны... Кстати, способна ли радиация предотвратить разложение? А может, какой-то вирус как раз способен...

Но он? Кто в таком случае он? Кто-то из брошенного здесь персонала или подопытный? Как он мог выжить здесь столько времени — ведь с момента катастрофы, похоже, прошел не один год? Что он пил, что ел? Не тараканов же... От этой мысли его передернуло.

Есть ли другие выжившие? И чем грозит встреча с ними? Кто оставляет эти надписи? Сначала он думал, что слово «отчаяние» написал перед смертью тот человек в ванне. Но он истекал кровью, он не мог добраться в таком состоянии оттуда сюда или наоборот... а все надписи сделаны словно одной рукой. Тогда логично предположить, что это рука убийцы, — но где новые жертвы, чьей кровью писали здесь? Куда-то утащены, может быть, еще живыми? Зачем? А зачем надписи, зачем громить технику? Безумие, безумие...

Он вдруг почувствовал себя очень усталым. Не столько даже физически, хотя голова оставалась тяжелой, — бесконечная, безнадежная усталость накатывалась от этих попыток рационально обдумать положение, мучителен был сам процесс мышления. «Никто не выжил», — вырвалось вдруг, словно выдох агонии, из глубин сознания. Катастрофа затронула не только это здание, все гораздо, гораздо хуже, на свете вообще не осталось людей, никого, только мутировавшие пауки и тараканы, и он никогда не выберется отсюда, никогда, никогда...

Он глухо застонал сквозь зубы, привалившись к покрытой чем-то липким стене, сам пораженный силой охватившего его отчаяния. Отчаяния, да. Не в таком ли состоянии делаются эти надписи? «Убей себя сейчас...»

Нет, он должен бороться. Он не позволит этому месту победить, чем бы оно на самом деле ни было. Надо искать выход («Нет! — испуганно пискнуло подсознание. — Не ищи, не надо, только ничего не ищи!») Надо искать, твердо повторил себе он и, собравшись с силами, заставил себя шагнуть во тьму неосвещенной части коридора.

Несколько мгновений он двигался вперед, осторожно переставляя ноги и каждый миг ожидая, что нечто холодное и скользкое из мрака вот-вот схватит его за лодыжку. Неосвещенный отрезок коридора оказался длиннее, чем он ожидал, — должно быть, произошло каскадное отключение нескольких светильников подряд. Но вот впереди из-за поворота забрезжил неровный свет. Еще несколько шагов — и...

Холодное и скользкое оказалось под его ногой и впилось ему зубами в ступню.

Пронзивший его импульс страха заставил его не отпрыгнуть, а замереть на месте — что было не слишком разумно. Однако паралич, длившийся пару бесконечно долгих секунд, позволил ему сообразить, что челюсти, разжавшиеся под его ногой, слишком вялые и совершенно не пытаются его кусать... и что он попросту наступил на лицо трупа.

«Убей себя сейчас». Неужели кто-то все же последовал совету? Или вернее все-таки, что кому-то помогли...

Голова мертвеца повернулась (не сама, запоздало сообразил он, это просто потому, что он давил на нее своим весом), и нога, соскользнув, ткнулась в пол. Но вместо привычной уже грязи и мусора он почувствовал под подошвой нечто иное. В следующий миг он понял, что стоит на длинных слипшихся волосах, раскинувшихся вокруг головы трупа. Это женщина?

Наверное, следовало более тщательно обследовать тело, хотя бы на ощупь, а лучше — вытащить на свет, но отвращение, а также страх, что убившее женщину может все еще таиться где-то здесь во мраке, перехлестнули любые рациональные соображения. Человек сорвался с места и помчался на свет, словно за ним гнались адские демоны. Его импровизированная юбка свалилась, но он рефлекторно успел подхватить падавшую клеенку. Через несколько мгновений он уже переводил дух, стоя под очередным мерцающим плафоном. Его никто не преследовал. В затхлом воздухе слышалось лишь его тяжелое дыхание.

Успокоившись — насколько это вообще было возможно в его положении, — он привел свое одеяние в порядок и снова двинулся вперед. Вскоре его усилия были хотя бы отчасти вознаграждены — справа открылся проход, уводивший, очевидно, к центру кольца. Но не успел он порадоваться этому зрелищу, как заметил нечто иное, далеко не столь обнадеживающее.

Это были кровавые следы босых ног, шедшие по коридору ему навстречу и сворачивавшие в этот самый проход. И не только ног... тут и там между отпечатками ступней темнели крупные кляксы, кое-где сливавшиеся в целые дорожки, похожие на следы огромных червей. Так что версию о том, что кто-то просто прошел по кровавой луже, приходилось отбросить. В этом случае, кстати, каждый следующий след был бы виден слабее предыдущего, чего отнюдь не наблюдалось. Нет, кровь текла ручьями по ногам шагавшего, но он упорно шел вперед, превозмогая боль...

«Ладно, — подумал человек, — что бы с ним ни случилось, оно случилось там, откуда он шел, а не там, куда», — и свернул в проход.

Здесь свет горел совсем тускло. Некоторые плафоны периодически гасли совсем, затем — вероятно, когда какие-то конденсаторы успевали накопить заряд — со щелчком вспыхивали на краткое время. Эти вспышки не столько помогали, сколько слепили, мешая глазам приспособиться к полумраку. Идущий почувствовал под ногой какой-то небольшой плоский предмет, скользнувший по полу; присев на корточки, он поднял эту штуку и встал под ближайшим плафоном, надеясь рассмотреть находку.

Это была небольшая, длиной примерно с ладонь, прямоугольная пластинка — скорее всего, металлическая, а может, и из твердого пластика. Определить точнее ее материал было трудно, ибо она вся была густо покрыта засохшей кровью. Кое-где к ней присохли короткие кудрявые волоски — скорее с тела, нежели с головы.

Когда нашедший разглядел это, его горло сжало коротким спазмом отвращения и он чуть было не отшвырнул пластину, но тут же заставил себя мыслить более здраво. Какое-никакое, а оружие... причем он, очевидно, был не первым, кому пришла в голову эта мысль. Один из углов пластины был остро заточен.

Человек принялся ногтями отскребать находку от крови. Пальцы почти сразу ощутили бороздки на одной из сторон. Кажется, на пластине была выдавлена некая надпись.

Наконец предмет был очищен целиком. Это оказалась табличка из золотистого металла (но явно не из золота, судя по весу). Надпись, сделанная определенно не вручную, состояла из единственного слова: «ГИПЕРИОН».

Он попытался вспомнить, что значит это слово. Поначалу сознание упиралось все в ту же глухую стену. Гиперион... гипер... гипер... кажется, это какой-то персонаж из греческой мифологии. (Минуту назад он не

подозревал о самом существовании греческой мифологии.) Но это объяснение не удовлетворило его. Оно возникло слишком поспешно, словно пытаясь заслонить его от непонятного страха, плеснувшего со дна сознания. Страха перед чем-то, что едва ли имело отношение к Древней Греции.

Да и место, где он находился, могло быть чем угодно, только не музеем Античности.

Впереди сверкнула очередная вспышка, выхватив из мрака лежащее на полу тело.

Живой с опаской подошел к мертвому. В том, что лежавший был мертв, не было никаких сомнений — как и в том, что это именно он оставлял кровавые следы. Тело скорчилось в теперь уже засохшей луже крови, спиной вверх, с подсунутыми под живот руками. Вероятно, пытался зажать рану...

Но не это произвело самое тяжелое впечатление на потерявшего память. Человек на полу был практически голый — единственную его одежду составляла импровизированная юбка, свернутая из чего-то вроде грязной клеенки.

Точно такой же. Возможно даже, это и была вторая половина той самой.

«Значит... значит, он очнулся в той же комнате и пошел... я пошел по кольцу направо, а он, видимо, налево... и там с ним сделали это...»

Ледяной холод пронзил внутренности того, кто был еще жив, словно лезвие, располосовавшее живот его предшественника. Одна маленькая ошибка, стоило ему свернуть не в ту сторону... Кстати, сообразил он, и тот необязательно пошел налево. Он мог также пойти направо, но не свернуть в проход, а двинуться дальше по кольцу...

К горлу подступала тошнота, а резко вспыхивающий и гаснущий свет отнюдь не способствовал осмотру — но все же нужно было обследовать труп. Если он надеется получить хоть какие-то ответы и, главное, избежать такой же судьбы... если ее, конечно, вообще можно здесь избежать.

Он попытался перевернуть мертвое тело, но то словно сопротивлялось его усилиям. Он сообразил, что окровавленная кожа прилипла к полу, и потянул сильнее. С влажным треском труп отклеился от пола и повернулся на бок, а затем вяло перевалился на спину.

Живот был распорот практически от солнечного сплетения до паха. Липко блестящие внутренности жирно колыхнулись, вываливаясь из раны; какая-то черная слизь полилась на и без того изгаженный пол. Живой не выдержал и согнулся в приступе рвоты. Впрочем, настоящей рвоты у него так и не получилось. Мучительные спазмы сотрясали и выворачивали его тело, но изо рта у него вышла лишь тонкая нитка кислой слюны.

«Сколько же времени я ничего не ел?» — мелькнуло в его сознании. Впрочем, голода он не чувствовал. Напротив, сама мысль о еде в таком месте чуть не вызвала новую серию спазмов.

Отдышавшись, он заставил себя вновь посмотреть на труп, то с беспощадной яркостью озаряемый очередной вспышкой, то снова становящийся едва различимым силуэтом во мраке. Вспыхивающий плафон каждый раз жутко отражался в вытаращенных глазах искаженного смертной мукой лица. И лицо, и грудь были перепачканы кровью, но, не ощупывая, трудно было понять, есть ли там раны. Однако, присмотревшись, потерявший память понял, что по крайней мере раньше они там были. На мертвеце тоже были присохшие повязки, как и на нем самом...

Но главную рану никто перевязывать не пытался — да и невозможно было бы сделать это, не зашивая. Он снова посмотрел на распоротый живот. Как же этот бедолага умудрился идти в таком состоянии?! Разве что потому, что поддерживал клубок вываливающихся кишок руками...

Очередная вспышка озарила эти багровые руки со слипшимися пальцами, и новая мысль пронзила мозг потерявшего память. Нет, непохоже, чтобы этот несчастный пытался по возможности зажать и закрыть свою рану. Его скрюченные пальцы стискивали слизи-

стые петли собственных кишок, впивались в них ногтями... Этот человек должен был причинять себе адскую боль. Но почему?! Совсем утратил разум на почве мучений, не контролировал себя в агонии? Однако реакция на боль — это уровень безусловных рефлексов, даже вцепившись в собственные потроха случайно, он должен был тут же отдернуть руку...

Внезапно в багровом месиве что-то дернулось и зашевелилось. Выживший подумал, что сейчас он точно сойдет с ума, если уже не сошел; ему показалось, что кишки мертвеца зажили собственной жизнью и вылезают наружу. В этот миг снова погас свет.

Человек в ужасе отшатнулся, готовый бежать, не разбирая дороги, и налетел на стену коридора. Внезапность этого удара едва не свалила его с ног. Он удержал равновесие, схватившись за стену (плечо заныло от боли), и, развернувшись лицом в сторону неведомой опасности, на миг застыл. В наступившей тишине он услышал мерзкий влажно-липкий звук, словно кто-то лизал грязный пол большим клейким языком.

Опять вспыхнул свет. Мертвец лежал на прежнем месте без всякого движения, как и подобает мертвецу. Звук издавало нечто, извивавшееся на полу неподалеку от трупа. В первый миг и впрямь могло показаться, что это вылезшая кишка, зажившая своей жизнью. Но это была какая-то червеобразная тварь длиной примерно с предплечье; ее черное кольчатое тело жирно блестело и оставляло на полу кровавые следы. При первой вспышке человеку показалось, что тварь ползет прямо на него; он беспомощно вжался в стену, хотя, вероятно, мог бы раздавить и это существо одной ногой. Свет снова погас, но когда он опять зажегся, стало ясно, что тварь спокойно ползет мимо, не обращая внимания на охваченного паникой человека. Насколько он смог разглядеть, у нее не было ни глаз, ни рта.

Вот в чем дело, подумал он. Эта гадина завелась у того парня в кишках, и он... возможно, он даже сам располосовал собственный живот, пытаясь от нее избавиться. Углом вот этой самой пластинки с надписью «Гипери-

он»... Человека передернуло при мысли об этом; на какой-то миг он очень живо представил себе, как проделывает это сам. Безумие, конечно... безумие пытаться оказать себе такую «помощь» и пытаться выдрать тварь из собственных внутренностей, а потом еще и куда-то идти... но, наверное, муки, причиняемые ползающим в кишках гадом, были совершенно невыносимы. Как оно попало внутрь? Заползло через рот? Через задницу?.. Смех был совсем неуместен, но он нервно хихикнул. Нет, скорее всего, как и всякий паразит, проникло в пищевод в виде крохотной незаметной личинки... Это еще более утвердило его в мысли, что даже если здесь и обнаружится какая-то еда, притрагиваться к ней нельзя. Впрочем (еще одно прорвавшееся воспоминание), кажется, есть какие-то микроскопические глисты, способные проникать в человека прямо сквозь кожу...

«Убей себя сейчас». Убей себя легким способом, пока с тобой не случилось вот такое... Это даже больше похоже на правду, чем версия с радиацией.

Но куда «легкий способ» девался потом? Почему этот человек не попытался, к примеру, просто вскрыть себе вены? Слишком медленно? Но так он наверняка промучился еще дольше... Все же надеялся остаться в живых? Или просто боль совсем лишила его способности мыслить здраво?

Потому что все бесполезно, пришла откуда-то (из-за стены?) невероятно тоскливо-усталая мысль. Мысль, показавшаяся древней, как само время. Все... бесполезно... отсюда нет выхода... даже такого... и следом накатывающей, нарастающей темной волной — отчаяние, отчаяние, ОТЧАЯНИЕ!!!

Человек хлестнул себя по щеке, дабы привести в чувство. Впился зубами в губу, пока не почувствовал соленый вкус крови. Спокойно, приказал он себе. Надо просто сохранять голову на плечах и рассуждать логически... Почему-то именно эта здравая мысль отозвалась новым всплеском ледяного ужаса у него в животе. Но он заставил себя задавить иррациональный страх и продолжил: «Об одной опасности я теперь знаю точ-

но — членистые паразиты. Единственная ли она? Вполне возможно, что и тот тип в ванне, и женщина в коридоре — или это все-таки был парень с длинными волосами? — умерли от той же причины. Откуда взялись эти твари? Все-таки биологический эксперимент? И мы... едва ли мы его организаторы, раз мы все оказались тут без одежды. Но отсюда еще не следует, что наше положение было одинаковым. Может быть, не все потеряли память. Этот человек, так упорно шагавший куда-то с распоротым животом... скорее всего, он все-таки знал, куда идет, и надеялся получить там помощь».

Обойдя труп, он зашагал в прежнем направлении и вскоре достиг, судя по всему, центра кольца. Здесь коридор разветвлялся, огибая толстую колонну, пронзающую пол и потолок. Подойдя ближе, человек увидел в этой колонне закрытую дверь и две треугольные кнопки рядом. Лифт? Очень может быть... но связываться с лифтом при полудохлом электропитании было глупо. К счастью, двинувшись в обход колонны по левому коридору, человек обнаружил выход на лестницу. Лестница оказалась винтовой; она обвивала гигантский цилиндр, внутри которого была заключена и лифтовая колонна, и огибающие ее проходы. Этот цилиндр, очевидно, был заключен в еще больший, судя по форме внешней стены; никаких окон не было и здесь, освещение — те же плафоны, на сей раз вертикально расположенные на внешней стене. В эту стену, умещаясь между витками лестницы, уходил коридор, по которому он только что пришел и который наблюдал теперь снаружи. Странная архитектура... Плафоны и здесь горели тускло, но не белым, а красноватым светом, что делало картину еще более угрюмой.

Куда же теперь? Витки лестницы полностью перекрывали пространство между внутренней и внешней стенами, не позволяя, таким образом, увидеть, как далеко вверх и вниз тянется эта «резьба». Обычный опыт, не затронутый амнезией, подсказывал, что выход из здания, каким бы причудливым оно ни было, должен быть внизу, и человек уже сделал несколько уверенных

шагов по ступенькам, но затем остановился. Что, если весь этот комплекс находится под землей? Отсутствие окон как раз наводило на такую мысль... особенно если речь о каком-то опасном и секретном проекте...

Он остановился, в нерешительности повернулся. И увидел на первой из ступеней, ведущих от площадки наверх, очередную кровавую надпись:

«НЕ ХОДИ ТУДА!»

Теперь у него уже не было прежней уверенности, что эти надписи оставляет некто, враждебный ему. Скорее всего — такие же жертвы неведомых экспериментаторов или же постигшей их катастрофы... что, впрочем, логично напомнил он себе, еще отнюдь не означает, что им следует безоговорочно доверять. Эти люди (жив ли кто-нибудь из них до сих пор?) могли ошибаться, могли, наконец, быть просто безумны... кто-то ведь крушил с остервенелой яростью приборы? И что там, кстати, было написано в разгромленной лаборатории — какая-то явная бессмыслица на тему тьмы и света...

Тем не менее он вновь развернулся и пошел вниз. Чуть было не побежал, тем более что лестница была достаточно крутой, но решил, что здесь надо все делать с осторожностью.

Лестница была такой же грязной и заброшенной, как и все в этом жутком месте. Может быть, даже еще грязнее — скорее всего в те времена, когда здесь все работало, персонал пользовался лифтом, а лестница предназначалась лишь для аварийных случаев. Оттого и освещение имело такой оттенок.

Он миновал несколько площадок с выходами (каждый раз замирая и прислушиваясь, прежде чем пройти мимо очередной двери), но решил дойти до самого низа. Если внизу окажется подвал, тогда он поднимется на уровень выше... Откуда-то возникла дурацкая мысль, что этот спуск неведомо куда по грязной лестнице сквозь зловещий красный полумрак напоминает сошествие в ад. Да, стало быть, концепцию ада он тоже вспомнил. Как, впрочем, и то, что никогда в нее не верил. «Чушь, — сказал он себе и на этот раз. — Здесь все

совершенно материально. Даже эти чертовы твари-мутанты». М-да, «чертовы»... Впрочем, для адских демонов и неправильные членистоногие, и даже поселяющиеся в кишках членистые черви как-то мелковаты.

Наконец он достиг самого низа. Последняя площадка упиралась в полуоткрытые створки высокой раздвижной двери, ведшей не внутрь цилиндра, а вовне. Должно быть, дверной механизм заклинило в таком положении, или же дело было опять-таки в дефиците энергии. Однако оставшаяся щель была достаточно широкой, чтобы в нее пролезть. За дверью было абсолютно темно.

А на правой половине двери красовалась еще одна надпись, сделанная тем же способом в той же манере: «НЕ ДУМАЙ». О чем именно предлагалось не думать, осталось загадкой, так как часть двери ушла в стену. Человек попробовал сдвинуть с места тяжелую створку, но с тем же успехом он мог бы дергать скалу. Ладно. В конце концов, как известно, призывы не думать о чем-то конкретном на практике ведут к прямо противоположному результату.

Он постоял, прислушиваясь, потянул носом — никакого свежего дуновения, та же затхлая мерзость запустения, что и повсюду здесь. Наконец, набравшись храбрости и сжимая в руке свое единственное оружие — табличку с острым углом, — он протиснулся во тьму.

Слабая надежда на то, что какая-нибудь автоматика включит свет, не оправдалась. Если такая автоматика здесь и была, то не работала. Вернуться и поискать другого пути наружу? Но кто сказал, что такой путь есть или что он более безопасен?

Он постоял еще немного, слыша в темноте лишь быстрые испуганные удары собственного сердца, а затем, вытянув левую руку и ощупывая пол босыми ногами, все-таки двинулся вперед.

Через несколько... мгновений? минут? он не поручился бы, что правильно определяет время в таких условиях, хотя уже понял, что оказался в действительно большом помещении — пальцы его руки коснулись сте-

ны. Стена была пыльной, но под пылью чувствовалась гладкость пластика или какого-то подобного материала. Он двинулся вправо, ведя по стене рукой, наткнулся на какую-то вертикальную металлическую штангу, обошел ее, и рука снова провалилась в пустоту. Он пошел туда, пока не уперся в очередное препятствие...

Поначалу ему казалось, что он соблюдает направление, но, в какой-то момент обернувшись, он не увидел щели в дверях, через которую должен был сочиться свет с лестницы. Ни там, где рассчитывал увидеть, ни вообще где-либо. С растущим ужасом он понял, что блуждает по лабиринту и забрел уже далеко от входа... а может быть, теперь окончательно погасло и аварийное освещение. Да что ж это за проклятое место?! Кому понадобилось строить здесь еще и лабиринт?!

Он снова попытался усилием воли задавить панику. Из любого лабиринта можно найти выход, нужно лишь все время идти вдоль правой стены... или вдоль левой, главное — раз решив, уже не менять это решение. Но стоило ему попытаться последовать этому принципу, как он убедился, что ходит вокруг огромного куба. Принцип работает только для топологически связного лабиринта... если он верно вспомнил, что такое топологическая связность...

В отчаянии он рванулся вперед, налетел в темноте на очередную стену и принялся бить по ней кулаком. Судя по звуку, стена была совсем тонкой (она даже слегка прогибалась под ударами), а за ней было пусто. Он попытался взрезать стенку углом таблички, но преграда, хотя и тонкая, оказалась слишком прочной.

«Это не лабиринт, — сообразил он. — Это какой-то склад, а я блуждаю между контейнерами!»

Впрочем, это открытие не сильно облегчило его положение. Он по-прежнему не имел понятия, как выбраться отсюда в полной темноте — хотя бы снова на лестницу, не говоря уже о том, чтобы наружу. Он попытался сдвинуть очередной контейнер, вставший у него на пути, но тот, конечно, оказался слишком тяжелым. А может, дело было в металлических штангах, на кото-

рые он периодически натыкался — кажется, они служили для того, чтобы фиксировать контейнеры на месте... Сообразил он это или вспомнил? Неважно! Штанги! Склад явно был заставлен не под завязку, причем контейнеры, судя по всему, не были размещены в строгом порядке — но вот штанги должны идти через равные промежутки и, скорее всего, образуют прямоугольную сетку. Значит, если идти от одной штанги до другой, отсчитывая их при этом...

Внезапно что-то круглое подвернулось ему под ногу, и он едва не упал. Было слышно, как этот предмет, вывернувшись из-под ноги, покатился по полу в противоположную сторону. Что это было? Какой-то небольшой цилиндр... может быть, просто мусор... Все же человек сделал несколько шагов туда, куда ему подсказывал звук, затем опустился на четвереньки, положил на миг свою табличку и принялся шарить руками по полу — осторожно, чтобы снова не отфутболить эту штуку. Да куда ж ты, гад, закатился... ага, вот!

Он ощупал находку. Гладкий круг на одном конце, а на боковой стенке вроде кнопка... Неужели фонарик?! Он нажал кнопку, и в руке у него вспыхнул неяркий свет, озарив подозрительные темные пятна на полу и стенку соседнего контейнера с каким-то многозначным номером. Повезло, наконец-то повезло!

Человек радостно вскочил и в тот же миг получил удар чем-то длинным и твердым по голове. Перед глазами сверкнула вспышка, и он бессильно повалился на загаженный пол.

Придя в себя, он несколько секунд лежал, тупо глядя на валяющийся рядом и продолжающий светить фонарик. Луч, практически параллельный полу, особенно рельефно подчеркивал всю грязь и пыль. Макушка болела, и человек подумал, что теперь наверняка будет преизрядная шишка. Затем его словно дернуло током: не о шишках надо думать, а о том, кто его ударил! Но все было по-прежнему тихо и, кажется, никто не собирался снова на него нападать. Человек очень осторожно повернул голову и увидел почти что прямо над собой

какие-то трубы. Не слишком толстые, сантиметров пять в диаметре, одним концом они уходили в стенку ближайшего контейнера — кажется, эта стенка была не сплошной, а дырчатой... Человек взял фонарик — ему по-прежнему никто не препятствовал — и, посветив на контейнер, убедился, что это в самом деле так. Затем он сел на полу и перевел взгляд и луч света в противоположную сторону, желая понять, куда ведут трубы.

В тот же миг у него перехватило дыхание от ужаса.

Луч выхватил из темноты безмолвную фигуру, стоявшую менее чем в паре метров от него. Фигура была облачена в (саван, показалось ему в первый миг) когда-то белый лабораторный халат (причем, кажется, это было ее единственное одеяние) и стояла недвижно, под неестественно большим углом наклонив голову к левому плечу; длинные черные волосы полностью скрывали лицо. Руки были бессильно опущены, на мертвенно-бледных голых ногах засохли протянувшиеся из-под халата струйки крови.

Казалось, что она (она, понял потерявший память, это женщина) молча разглядывает непрошеного гостя, улыбаясь под занавесом своих волос ничего хорошего не сулящей улыбкой. Сидевший на полу закричал бы под этим невидимым взглядом, но у него перехватило горло. Пальцы судорожно зашарили по полу в поисках оставленной где-то таблички. Но уже в следующий миг он понял, что его ужас и оторопь вызваны лишь неожиданностью. Едва ли эта женщина могла быть тем, кто его ударил.

Ибо он наконец обратил внимание на трубы, в нескольких местах вонзавшиеся сквозь халат ей в грудь и солнечное сплетение. Она была насажена на эти трубы, словно насекомое сразу на несколько булавок.

Тут же потерявший память сообразил, что никто не бил его по голове. Он ударился об эти трубы сам, когда вскочил, будучи прямо под ними.

Теперь он встал и подошел к мертвой женщине. Свободные концы труб, бурые от крови, торчали из ее спины не меньше чем на метр; на пол из них натекла лу-

жа. Сзади халат был запачкан красным гораздо сильнее, чем спереди, и человек отказался от идеи надеть эти пропитанные кровью тряпки (для чего, конечно, пришлось бы сначала снять с труб тело). Однако ему пришла в голову резонная мысль обыскать карманы халата.

Их было лишь два. Правый оказался пустым, зато в левом обнаружился сложенный листок. Человек развернул его и поднес к фонарику. Это был какой-то список, составленный от руки (к счастью, на сей раз не кровью):

д-р Калкрин — сам.
д-р Харт — инфаркт
проф. Поплавска — сумасшествие
д-р Зильбершмид — сам.
д-р Накамура — сам.
д-р Лебрюн — кома
проф. Вард — пожар в лаборатории, предпол. сам.
проф. Штрайхер — пок. с собой в псих. клинике
д-р Жирольдини — смерть в ДТП, предпол. сам.
д-р Вонг — инсульт
проф. Ковалева — ушла в монастырь, прин. обет молчания

Потерявший память вертел бумагу в руке. Загадочное «сам.», надо полагать, означало самоубийство («Убей себя сейчас!»). Но что значил весь этот список погибших ученых? Не все из них, правда, умерли физически, но, во всяком случае, погибли для науки... Возможно ли, что все эти трупы, которые он здесь видел, — это они и есть? А он сам в таком случае — один из выживших? Скажем, профессор Поплавска... хотя нет, это, кажется, женская фамилия (он вновь посмотрел на стоявшую рядом с ним мертвую). Тогда, возможно, Лебрюн, очнувшийся от комы... хотя это место меньше всего похоже на действующий госпиталь... да-да, он уже об этом думал... но возможен ли некий гибрид комы с летаргией,

при котором брошенный всеми на несколько месяцев пациент не только не умирает, но и способен самостоятельно прийти в себя? Кажется, это чистая фантастика... хотя он ведь до сих пор не знает, в чем заключался эксперимент — если это был эксперимент...

И остальные. Пожар в лаборатории, дорожная авария — как-то это мало похоже на то, что он здесь видел. Хотя он видел лишь четверых... точнее, троих, на четвертую он только наступил. Но если о смерти ученых известно, почему тела бросили здесь? А может, то, что написано в этой бумажке, отражает лишь официальную версию?

А может быть, все здесь заброшено именно потому, что все люди, знавшие об этом месте, умерли, сошли с ума, впали в кому? Да ну, чепуха, не может такое огромное здание быть инициативой небольшой группы лиц, не отраженной в правительственных или корпоративных документах... Хотя — что он может сказать наверняка? Он, не помнящий даже, как его зовут?

Он пошарил лучом по полу в поисках брошенной таблички, нашел, постоял, не зная, что делать с бумагой. За неимением карманов, нести в руках три предмета было неудобно. Может, заучить этот список наизусть? Есть ли в нем какая-то ценность? Единственный предмет в кармане женщины, умершей страшной смертью... Может быть, именно эта информация стоила ей жизни? С другой стороны, убийца эту бумагу не тронул...

Но был ли вообще убийца? Не похоже было, что жертва сопротивлялась: ее ноги стояли на полу, а не были подогнуты, как вышло бы, если бы ее, уже умирающую, толкали вперед, насаживая на трубы все дальше и дальше. А главное — как должен был располагаться убийца, чтобы трубы не помешали ему сделать то, что он сделал? Они бы уперлись в его собственную грудь...

Но еще сложнее представить себе, что она сделала это сама. Сама, прилагая немалую силу, насадила себя на трубы и шла вперед, скользя по пропоровшему ее тело металлу, пока хватало сил... Какую же чудовищную боль она должна была испытывать! Неужели на свете

существует нечто, способное заставить человека поступить таким образом?! Даже червь в кишках не казался достаточной причиной...

Однако этот фонарик — не она ли его выронила? Ведь убийца едва ли бросил бы его здесь, вдали от выхода!

Но мертвое тело уже ничего не могло прояснить. Возможно, будь он... как же это называется? патологоанатомом! — и имей при себе инструменты... Но он, хотя все еще не знал, кто он такой, почему-то был уверен, что точно не медик.

В конце концов он обмотал листок вокруг рукоятки фонаря и подобрал с пола табличку. Затем отправился на поиски выхода.

Фонарик светил тускло — как видно, его аккумулятор тоже был практически разряжен, так что с поисками определенно следовало поторопиться. Но все же хотя бы с таким источником света склад уже не казался чем-то вроде заколдованного леса. Контейнеры не были специально расставлены так, чтобы запутать оказавшегося здесь человека, так что он довольно быстро отыскал выход обратно на лестницу. Это его, впрочем, уже не устраивало, и он двинулся вдоль стены в поисках выхода наружу. Но, к своему удивлению, обойдя весь склад по периметру, так и не нашел больше никаких дверей. Некоторое время он стоял в недоумении — некоторые контейнеры были слишком велики, чтобы протащить их по уже знакомой ему винтовой лестнице. Как же они здесь оказались? Он с сомнением поглядел на тускнеющий фонарик и все-таки снова двинулся в глубь склада.

Мелькнувшая у него мысль оправдалась — через некоторое время он нашел их. Большие квадратные люки в полу — точнее, даже не люки, а площадки подъемников, посредством которых грузы поднимались откуда-то снизу. Значит, это все-таки не нижний уровень подземелья? Хотя, возможно, под зданием проходят туннели... Так или иначе, попасть туда он не мог. Никаких кнопок, приводящих в действие механизм подъемни-

ков, он не обнаружил. Попытки вскрыть на пробу несколько контейнеров тоже успехом не увенчались. Пришлось ни с чем возвратиться на лестницу.

Как и планировал, он поднялся на следующий уровень и вошел в проход, ведущий внутрь цилиндра. Здесь тоже было совсем темно, однако стоило ему сделать пару шагов, с натужным щелчком зажегся свет, причем более яркий, чем прежде, — это было так неожиданно, что он вздрогнул, но тут же понял, что просто кое-где еще работает автоматика. Желая поберечь батарею, он погасил фонарь.

Обогнув шахту лифта, он оказался в коридоре. Здесь тоже щелкнуло, но свет не зажегся. «Может быть, в следующей секции сработает», — подумал человек и сделал несколько осторожных шагов вперед. Повод для осторожности, похоже, имелся. Пол под ногами был не просто грязный — он оказался какой-то жирный, местами скользкий. Это не была кровь — ни засохшая, ни даже свежая. Это было нечто иное. И запах. К общей атмосфере затхлости и запустения здесь примешивалось что-то еще. Что-то тяжелое и неприятное. Не запах разложения, нет. Скорее так могло пахнуть нечто живое... нечто, что даже самый экзальтированный любитель природы не захотел бы видеть своим питомцем. Точнее, не захотел бы видеть вообще.

Человек остановился в нерешительности. Теперь он услышал и звуки. Тихие, едва различимые. Влажные. Скребуще-шевелящиеся.

Он поднял фонарь, держа его как рукоять меча. Но не включил — сделал еще один шаг, зная (откуда-то вынырнуло это знание), что окажется в зоне досягаемости датчика, отвечающего за освещение следующей секции. Эта надежда оправдалась. Щелкнуло, а затем зажегся свет.

Свет озарил коридор, выглядевший совсем не так, как другие помещения этого странного здания. То есть изначально, очевидно, он был выстроен и отделан в той же манере. Но если в прочих местах за время запустения скопились лишь пыль и сор, то здесь все выглядело

гораздо хуже. С потолка там и сям свисали какие-то бахромчатые сопли, лохмы чего-то вроде пыльной паутины и бледно-мясистые сосульки; на стенах жирно блестели студенистые потеки и мохнатились кляксы плесени; на полу, усыпанном мертвыми насекомыми, кое-где вспучив и разорвав искусственное покрытие, топорщились уродливые, покрытые слизью грибы, похожие на куски абортированных эмбрионов. Но не это было самым скверным. О нет, это был всего лишь фон, почти не отложившийся в сознании потерявшего память. Ибо тот, парализованный ужасом и отвращением, таращился на то, во что в темноте едва не уткнулся носом.

В каком-нибудь метре от его лица поперек коридора висел распятый труп. Конечно, это был уже не первый мертвец, увиденный им за этот день, — но предыдущим, какой бы жуткой ни была их гибель, сильно повезло по сравнению с тем, что должен был испытать перед смертью этот несчастный. Точнее, несчастная: хотя никакой одежды на теле не было, потерявший память не сразу понял, что это женщина. Кожу с нее содрали почти полностью, лишь в нижней части тела с багрового мяса кое-где свисали полуоторванные лоскуты — может быть, истязателю не хватило времени или его что-то отвлекло. Но особенно жутко выглядела круглая голова с выкаченными шарами лишенных век глаз и оскаленными в последнем крике безгубыми челюстями. Ног не было вовсе — от бедер осталось лишь месиво кровавых, в потеках жира лохмотьев, из которых торчали желтоватые кости, а все, что ниже, было, похоже, даже не отрублено, а попросту выломано из коленных суставов. Живот мученицы был вспорот, и кишки, вывалившись в разрез, свисали наподобие безобразного бугристого вымени. В ее растянутые в стороны руки впивалась тонкая, но, очевидно, прочная проволока, взрезавшая запястья практически до кости; левая была привязана таким образом к кронштейну, на котором, возможно, когда-то была установлена камера наблюдения, а правая — к вентиляционной решетке в противоположной стене.

Вентиляция здесь, кстати, не работала, как, похоже, и во всем здании.

Трудно сказать, сколько продлилась ее агония; но теперь в этом истерзанном и изувеченном теле вновь обреталась жизнь. Багрово-блестящая ободранная плоть местами уже обросла какой-то губчатой дрянью, но главное — вся была изрыта, изъедена мелкими дырками, точнее, прогрызенными ходами; из этих ходов вылезали, ползали по мертвому телу и вновь скрывались внутри многочисленные твари, похожие на помесь червяка с насекомым. У них были треугольные головы, членистые передние лапки — всего одна пара — и мягкие извивающиеся тельца. В длину они не превосходили трех сантиметров, но на трупе (и тем более, очевидно, внутри его) их было множество, и именно их копошение производило тот звук, который насторожил потерявшего память. В отличие от муравьев или термитов, они двигались вяло и неуклюже, нередко срываясь с мертвой плоти и шлепаясь на пол. Под их ужасным гнездом уже скопилась целая куча дохлых тварей; еще живые скреблись и извивались среди трупов товарищей.

Коридор был не настолько узок, чтобы распятый труп нельзя было обойти, но трудно было представить себе более наглядный знак, что дальше идти не стоит. Потерявший память попятился. Из открытого рта мертвой женщины вывалились сразу несколько членистоногих червей и, словно почуяв материал для нового гнезда, довольно шустро, насколько позволяло их уродливое строение, поползли в его сторону. Это стало последней каплей — он повернулся и бросился бежать. Бесстрастная автоматика определила, что свет в этой секции больше не нужен, и тьма снова скрыла оставшийся за его спиной ужас.

Но за мгновение до того, как свет погас, он успел увидеть кое-что еще. На двери лифта — как раз так, чтобы распятая могла это видеть и, вполне вероятно, ее же собственной кровью — была написана еще одна фраза. Фраза, которая менее всего соответствовала

увиденному в этом коридоре и вообще во всем этом проклятом здании: «СМЕРТИ НЕТ».

Он опомнился лишь тогда, когда почти совсем задохнулся от быстрого бега вверх по крутой лестнице. Он повалился на колени и уперся руками в ступеньку перед собой, шумно и тяжело дыша; сердце колотилось так, словно вознамерилось разломать ребра, прорвать кожу и шлепнуться мокрым шматком мяса на грязную площадку. С тем самым звуком, с которым шлепались сорвавшиеся с трупа псевдочерви...

Он вновь постарался выбраться из липкого омута паники и рассуждать логично. Чем бы ни было то, что он только что видел, ясно одно — уж это никак не самоубийство. И тот, кто это сделал — тот, кто любит убивать людей *таким* способом, — вполне возможно, все еще жив и где-то в этом здании... И, кстати, кто сказал, что он только один?

Наконец, отдышавшись (и с удивлением поняв, что совершенно не вспотел), он поднял голову — и уперся взглядом в надпись «НЕ ХОДИ ТУДА». Ага, здесь он уже был... получается, он взбежал опять до первоначального уровня... Но теперь он уже снова не был настроен принимать всерьез эти надписи. Убей себя сейчас. Смерти нет. Бред... вот именно, скорее всего, это просто бред. Наверное, это все же пишет убийца. Спятивший маньяк, у которого начисто снесло крышу. Во всяком случае, человек хоть с какими-то остатками здравого ума едва ли мог сделать то, что он сделал с той женщиной... Он или они, вновь напомнил себе потерявший память. С одним маньяком еще есть шанс справиться голыми руками, а...

Он посмотрел на свои руки. Ну, точно. Фонарик, все еще обернутый бумажкой, валялся на ступеньке рядом, а вот таблички нигде не было. Теперь он вспомнил, как на бегу с него стала сваливаться «юбка» и он машинально подхватил ее... Ну, разумеется, мрачно подумал он. Цивилизованный человек во всей красе — бросает единственное оружие, чтобы соблюсти никому не нужные условности приличий... Надо бы спуститься вниз и

поискать табличку. Но он не мог себя заставить. Ему мерещилось, что мерзкие черви с ногами уже ползут за ним снизу вверх по лестнице. Да и все равно, что он сделает этой жалкой табличкой? Она не способна заменить даже самый простенький нож. Ею невозможно нанести глубокую рану, и даже неглубокую получится лишь в том случае, если противник не сопротивляется... Все безнадежно, все. Ему никогда отсюда не выбраться. У него возникло желание написать прямо на полу «ВЫХОДА НЕТ». Если бы у него сейчас шла кровь, он бы, пожалуй, так и сделал...

Он тряхнул головой. Нет, надо бороться с этими приступами отчаяния. Надо... бороться... Он взял фонарь и поднялся. Вверх по лестнице? Или сначала все-таки обойти до конца тот уровень, на котором он очнулся, исследовать оставшуюся часть кольца? Он нашел там три трупа, да. Но теперь он убедился, что опасность может подстерегать не только там. И вообще, первый труп обнаружился в ванной за дверью той самой комнаты, где он лежал бесчувственный и беспомощный. Если рассуждать так, его должны были прикончить еще там, вместе с тем парнем... А может быть, он вообще избранный? Может, ему не грозит та же участь, что остальным, и именно поэтому он до сих пор жив? Впрочем, если и так, то не затем ли он избран, что ему уготовано нечто еще худшее?

Он тяжело вздохнул. Гадать бессмысленно. Он шагнул в проем, ведущий внутрь цилиндра, даже не зная, почему выбирает этот вариант, — может, просто потому, что не хотелось вновь карабкаться по крутой лестнице. На сей раз он обошел шахту лифта с другой стороны и двинулся по коридору, в котором еще не был.

Здесь никаких трупов не оказалось — если не считать нескольких попавшихся на полу дохлых тараканов (или пауков, или кем там они на самом деле были). Внезапно ему пришло в голову, что, пожалуй, в начале своего путешествия он бы не разглядел эти трупики в полумраке на грязном полу. Здесь было не менее грязно, но... выходит, свет, пусть и мучительно мерцавший, стал

гореть несколько ярче и стабильнее? Только в этом коридоре или на всем уровне? Почему-то он вовсе не почувствовал радости при этом открытии. Может быть, где-то отрубились большие секции плафонов — или другого оборудования — и за счет этого больше энергии стало поступать оставшимся? Тогда вся эта иллюминация ненадолго... Но даже такой вариант был не самым худшим. Может... может, все это место *пробуждается*? Не как больной, выходящий из комы, а как вурдалак, заворочавшийся в могиле...

Он дошел до конца коридора и снова оказался во внешнем кольце. И замер.

Откуда-то слева доносились глухие удары.

Он постоял на месте, вновь остро сожалея, что остался без всякого оружия (легкий фонарик на эту роль никак не годился). Но теперь возвращаться за табличкой тем более не хотелось. Подумав, он пришел к выводу, что между ним и источником этих звуков имеется преграда, иначе удары слышались бы более четко. Приложив руку к внутренней стене кольцевого коридора, он почувствовал, как она слегка вздрагивает в такт — впрочем, вибрация явно приходила издалека. Едва ли это кого-то бьют головой об стенку, хотя теперь он бы не удивился и этому. Скорее кто-то или что-то рвется наружу сквозь запертую дверь... но что будет, когда оно вырвется?

Все же он пошел налево, навстречу звукам. Лучше любая прямая опасность, чем неизвестность. Если там рвется на свободу такая же жертва, как и он сам, — он ее выпустит. Если же, напротив, окажется, что в ловушку попал убийца... или еще какая-то тварь, скажем, очередной мутант, только уже далеко не насекомых размеров... тогда он постарается, напротив, укрепить дверь, или что там удерживает эту штуку. Но как он это определит? Переговорив через дверь? А если убийца, каким бы безумным он ни был, убедительно прикинется жертвой?

Меж тем удары становились все ближе. Еще несколько шагов — и он увидел эту дверь. Она ничем не

отличалась от той, из которой не так давно вышел он сам, если не считать изувеченного и, видимо, наглухо заклиненного замка. Очевидно, кто-то хорошо постарался, чтобы эту дверь нельзя было открыть. И, возможно, старался не зря?

Однако он, похоже, переоценил прочность самой двери, которая вздрагивала и прогибалась под ударами изнутри. В нее не просто стучали руками и ногами — на нее, кажется, бросались всем телом. Потерявшему память даже показалось, что на двери уже можно различить грубое выпуклое подобие человеческого силуэта — и он почувствовал, что совсем не уверен в своем желании встретиться с тем, кто так неудержимо рвется наружу.

Однако пока он стоял в нерешительности (подпереть дверь было совершенно нечем, разве что собственным плечом), еще один отчаянный удар выбил дверь из проема на несколько сантиметров, а следующий вовсе опрокинул ее на пол. И следом в коридор вывалилось страшилище.

Из погруженных во тьму беспамятства глубин вырвалось подходящее слово: мумия. И уточнение: из старых фильмов ужасов. Фигура с ног до головы была в каких-то грязных повязках, кое-где они были порваны и в крови. Никакой иной одежды или обуви на ней не было. Из-под бинтов на голове в нескольких местах длинными уродливыми прядями выбивались черные волосы.

Потерявший память невольно отпрянул.

— Кто ты? — хрипло выдохнул он, вновь вскидывая перед собой бесполезный фонарик, словно меч.

Фигура, обретшая равновесие, резко обернулась в его сторону. Похоже, она была испугана ничуть не меньше.

— А ты? — спросила она. Голос был женский. Да и очертания тела на самом деле тоже.

— Хотел бы я сам это знать... — пробормотал он, запоздало подумав, что, возможно, стоило прикинуться более осведомленным. Или хотя бы потребовать соблюдать очередность вопросов и ответов.

— Ты ничего не помнишь? — поняла она; ее голос разочарованно понизился. — Я тоже. Давно ты здесь?

— Несколько десятков минут, — пожал плечами он. — А может, часов. Я не уверен, что правильно воспринимаю здесь время. И это от того момента, что я пришел в себя. А до того... — Он снова пожал плечами.

— И я. Очнулась в запертой комнате, вся в бинтах. Какое-то время думала, что за мной придут и что-то объяснят. Потом стала кричать и звать. Потом поняла, что никто не придет. Стала биться о дверь... Вот и все. А ты? Ты ведь был снаружи?

— Моя дверь была открыта.

— Но что там? То есть вокруг?

— Ничего хорошего, — помрачнел он. — Я не знаю, где выход, если ты об этом.

— Это ведь не больница?

— Разве что в аду могут быть такие больницы...

— Но и не тюрьма? Я имею в виду... — Она огляделась по сторонам. — Слишком уж тут все загажено, даже для тюрьмы. И я выбила дверь камеры — где надзиратели, где тревога? Такое впечатление, что здесь уже много лет нет никого живого...

— Мы есть.

— Да. Слушай, надо же нам как-нибудь друг друга называть...

— Просто «Эй!» не подойдет?

— Лично я не хочу, чтобы меня звали просто «Эй!» И потом, вдруг мы найдем кого-то еще...

Или он нас найдет, мрачно подумал мужчина, но вслух ответил:

— Ну, учитывая обстоятельства, можешь называть меня Адам, — и поправил свое единственное одеяние.

— Тогда я — Ева, — легко согласилась она. — Учитывая обстоятельства. — Кажется, она только сейчас сообразила, что на ней нет даже такой одежды. Впрочем, голой под всеми этими повязками она тоже не выглядела. Смутилась ли она, под бинтами опять-таки невозможно было разглядеть.

Он вспомнил про бумажку, которую все еще держал в руке вместе с фонариком.

— Слушай, тебе что-нибудь говорит фамилия Поплавска? Профессор Поплавска. Подумай.

— Нет, — покачала головой она. — А кто это?

— Тогда, может, Лебрюн? Харт? Ковалева, наконец?..

Нет, на монастырь это место уж тем более не похоже.

— Ты все-таки что-то знаешь? Кто все эти люди?

Он молча протянул ей листок. Некоторое время она изучала список.

— Думаешь, мы — кто-то из этих ученых? — Она вернула ему бумагу.

— Или жертвы их опытов. Не знаю. Ничего не знаю.

— Где ты это нашел?

— Ева, в твоей ванне... случайно... нет мертвеца? — вместо ответа спросил он.

— Мертвеца? В ванне?! — Она недоумевающе вытаращилась из-под повязок, затем до нее дошло: — Хочешь сказать, в твоей есть?

Он молча кивнул.

— И много их тут?

— Пока я видел пятерых. Но я побывал далеко не везде.

— И все в ваннах?

— Нет.

— И как они умерли?

— Так, как нам не стоит, — буркнул Адам. Перед глазами вновь возникло видение распятой в коридоре, и он содрогнулся. Впрочем, Еве, судя по всему, тоже основательно досталось. — Болит? — участливо спросил он, кивая на ее окровавленные повязки.

— Немного. Должно быть, поранилась, когда билась о дверь. Надо же, только теперь заметила.

— А старые раны?

— Нет, видимо, все зажило. Я даже пыталась снять повязки, но...

— Они не снимаются, — кивнул Адам. — Та же история.

— Я так боюсь за свое лицо, — призналась она. — Болеть-то не болит, но вдруг там, под бинтами, все изуродовано...

— Нам сейчас не о красоте думать надо, — проворчал он, подумав про себя: «Женщины!»

— Ладно, давай думать о том, как отсюда выбраться. Что ты все-таки знаешь?

Он коротко рассказал ей, что успел повидать, не слишком вдаваясь в подробности при описании трупов. Впрочем, Ева все равно поежилась — должно быть, обладала живым воображением.

— Гиперион, — произнесла она. — От этого слова веет чем-то жутким.

— Думаю, не от самого слова, а от того, что за ним скрывается. И что мы не можем вспомнить.

— Не можем или не хотим.

Он был вынужден признать, что она права. Каждый раз, когда он пытался вспомнить, со дна его души, словно потревоженный ил, поднимался страх.

— Ладно, — сказал он вслух, — пойдем наверх. На этом уровне выхода наверняка нет.

— Но ты ведь не весь его обследовал? Здесь могут быть другие выжившие. Раз мы оба очнулись здесь...

— Не хочу здесь задерживаться. — Еще недавно он колебался на сей счет, но теперь, обретя компаньона, решил, что от добра добра не ищут. — Если мы не отыщем выход, всегда сможем вернуться. А если отыщем — пошлем сюда спасателей или кого там еще.

— Может, ты и прав, — согласилась Ева. — От этого места мороз по коже. И мне совсем не хочется смотреть на мертвецов.

«Боюсь, ты их увидишь не только на этом уровне», — подумал Адам, но промолчал.

Они дошли до лестницы и, переступив через предостерегающую надпись, начали подниматься.

Дорога наверх оказалась намного короче, чем вниз. Всего два уровня. Войдя на верхний, они оказались между лифтом и еще какими-то раздвижными дверями; никакого коридора здесь не было. Некогда эти двери

были, очевидно, закрыты, но кто-то раскурочил их, вбив, судя по покореженным краям, какой-то грубый клин между створками, а затем раздвинув их с помощью рычага. В первый миг Адам обрадовался, что им не придется проделывать ту же работу (тем более что свое орудие штурмовавший унес с собой), но тут же понял, что если бы их предшественник таким образом выбрался на свободу, спасатели или кто там еще из внешнего мира уже побывали бы здесь. Судя по лежавшем на всем слое пыли, взлом произошел давным-давно...

Внутри было темно, но не совсем: во мраке светились какие-то огоньки. Неужели звезды? Снаружи ночь? Адам включил фонарик и решительно шагнул вперед; Ева последовала за ним.

Но это была не ночная улица и даже не окно на таковую. Светящиеся точки и впрямь напоминали звезды, но рядом со звездами в окне обычно не имеется никаких надписей. Очевидно, это было изображение на экране... точнее, как показал скользнувший луч фонарика, на стене, одновременно игравшей роль экрана. Ниже луч выхватил из темноты приборную консоль, протянувшуюся вдоль противоположной входу стены, а перед ней стояли два высоких кресла с подголовниками.

Задержав луч на левом кресле, Адам увидел неподвижно свесившуюся с подлокотника руку. Он уже ожидал увидеть нечто подобное.

Адам и Ева подошли ближе. В обоих креслах сидело по человеку. Слева мужчина, справа женщина. Почему-то в одном нижнем белье. Голова мужчины бессильно упала на грудь, голова женщины, напротив, была запрокинута. Тусклый луч фонаря высветил белое лицо, располосованное сверху вниз глубокими бороздами, словно следами от когтей, и пустые кровавые дыры на месте глаз. Ева невольно вскрикнула и схватилась за плечо Адама. Тот приподнял за волосы голову мужчины. Лицо этого мертвеца тоже было расцарапано, но не так жестоко. Зато рот и весь подбородок у него были в засохшей крови. Тускло блеснули зубы, но не все — некото-

рые из них были сломаны, один так и торчал под углом из десны.

— Что это? — брезгливо воскликнула Ева, наступив босой ногой на что-то мягкое, холодное и липкое. Адам посветил и наклонился.

— По-моему, человеческий язык, — констатировал он, глядя на пол.

— Вот гадость... отрезанный?

— Больше похоже на откушенный...

— А руки! Ты видишь, что с его руками?!

Адам провел лучом сперва по одной, затем по другой руке мертвого мужчины. Вид у них был жуткий. Их словно терзал взбесившийся зверь: из предплечий были вырваны целые куски мяса, видны были разодранные вены и сухожилия. Кровь залила подлокотники и застыла большой лужей под креслом...

— Они... сошли с ума и растерзали друг друга? — предположила Ева с дрожью в голосе.

— По-моему, хуже, — покачал головой Адам, присев перед креслами на корточки и рассматривая с фонариком окровавленные пальцы одного и второго трупа. — Каждый из них сделал это сам с собой. Он изгрыз себе руки и истек кровью. А она... она до кости разодрала себе ногтями лицо, выдавила глаза и, по-моему, воткнула пальцы через глазницы прямо в мозг.

— Да что же здесь такое произошло?! — Голос Евы был близок к истерике. — Может... здесь в воздухе какая-то дрянь, от которой у людей сносит крышу? — Она дернулась, чтобы убежать, но Адам поймал ее за руку:

— Если бы так, оно давно распространилось бы по всему зданию — двери-то вскрыты.

— Так и распространилось! Сам говоришь, туг везде изуродованные трупы!

— Но с нами-то все в порядке. Если что-то и было, значит, давно выветрилось.

— В порядке?! Это ты называешь «в порядке»?! — Она тыкала растопыренной пятерней в свои повязки.

— По крайней мере, в большем, чем с ними, — он

кивнул на мертвецов. — На них, кстати, никаких повязок нет. И когда это с ними произошло, они были в одежде, причем не пропускавшей кровь.

— Ну еще бы. Ведь это они здесь заправляли.

— Не знаю... Во всяком случае, те, кто их раздел, проявили уважение к телам. Усадили обратно в кресла, а не просто бросили на пол. — Он повернулся и посветил на консоль, не оживленную ни одним огоньком. — А вот пульт громили с тем же остервенением, что и в других местах... Только с экраном не справились, потому что картинку показывает само вещество стены, и оно, видимо, достаточно прочное... Что ж, не знаю, что здесь произошло, но, по крайней мере, понятно, что это за место.

— И что же это?

— Космический корабль. Мы не на Земле.

— Ты думаешь так, потому что эта картинка похожа на звездную карту?

— Это и есть звездная карта. Но не только. — Он снова посветил на кресла. — Видишь эти ремни? Плечевые, поясные... Если бы это было наземное сооружение, сидящим за пультом не нужно было бы пристегиваться.

— Здесь нет невесомости.

— Значит, мы летим с ускорением. Или здесь действует искусственная сила тяжести. Или еще какой-то физический принцип, о котором мы не помним.

— А может, мы уже сели?

— Может. Но это вряд ли.

Адам снова смотрел на большой экран. Он не помнил практически ничего из астрономии, но не сомневался, что подписи под яркими кружочками — это названия звезд. И все же эта карта была необычной. Плотность звезд понижалась от краев к центру, в центре же находилось довольно крупное пятно, очертаниями напоминавшее бабочку; четких краев оно не имело, но чем ближе к центру, тем было светлее. На периферии пятна еще виднелось несколько звезд, но в середине было совсем пусто. В первый момент это пятно показалось Адаму просто дефектом экрана — вполне объяс-

нимым, учитывая, в каком состоянии было все на корабле, — но затем он решил, что этот дефект носит слишком уж правильный характер. Затем его внимание привлекло какое-то мерцание в левом нижнем углу: там ритмично вспыхивал и гас красный кружок с надписью «Глизе 581». Еще левее и ниже горел желтый кружок, подписанный «Солнце».

— Тебе что-нибудь говорит название «Глизе 581»? — спросил Адам.

— Нет... не знаю. Мне кажется, я смогу вспомнить...

— Думаю, это и есть наша цель. Точнее, была. Только мы ее давно пролетели и сейчас здесь, — он указал пальцем в центр «бабочки».

— Разве люди уже научились летать меж звездами? Я ничего об этом не помню.

— Я тоже. Но, похоже, научились. Нас не похитили инопланетяне, это явно земной корабль, судя хотя бы по надписям...

— И что же, по-твоему, здесь произошло?

— Не знаю. Какое-то помешательство. Черт его знает, чем оно могло быть вызвано, но на разных членов экипажа это подействовало по-разному. Одни стали крушить технику и убивать друг друга. Другие — самих себя, причем не менее изуверски. Третьим повезло больше всего. Они всего лишь потеряли память.

— А повязки?

— Очевидно, мы пострадали в схватке с первыми. Но все же остались живы.

— Я не об этом. Должна быть еще четвертая категория. Кто перевязал нас, кто оказал нам помощь? Если кто-то из экипажа остался жив и здоров, то где они, почему не пытаются чинить корабль, почему бросили нас? Меня так и вовсе заперли...

— Не думаю, что кто-то остался жив, — покачал головой Адам. — Во всяком случае, нормальный. Слишком уж все здесь заброшено. Может быть, кто-то помог нам, но был убит потом. А может, потеря памяти была не мгновенной и мы еще успели перевязать друг друга. Теперь нам больше неоткуда ждать помощи.

— А зачем было меня запирать?

— Чтобы защитить от тех, кто еще бродил снаружи, — пожал плечами Адам. — Если это сделал я, то понятно, почему я не запер сам себя. Видимо, надежно это можно было сделать, только сломав замок, и я боялся, что потом не выберусь...

— Все-таки вдруг кто-то из безумцев еще остается в живых?

— Не знаю. У меня такое ощущение, что здесь нет никого, кроме нас, но ничего нельзя гарантировать. Корабль большой...

— А как насчет одежды?

— Что насчет одежды? — не понял Адам.

— Допустим, нас раздели, чтобы оказать медицинскую помощь — хотя непонятно, почему одежду не оставили в наших каютах, особенно если это делали мы сами... Допустим также, что безумцы срывали одежду со своих жертв. Но ты сам говоришь — тот, кто раздел пилотов, проявил уважение к их телам...

— Ну... не знаю. Может быть, это безумие настигало не всех одновременно...

— А я вообще не уверена, что твоя гипотеза с помешательством верна. И что все эти смерти и разрушения — дело человеческих рук.

— А чьих? Хочешь сказать, у нас на борту чужой? — скептически усмехнулся он.

— А почему бы и нет? Мы все-таки побывали на этой Глизе. И нашли там жизнь — или это она нас нашла...

— И какой-то монстр до сих пор бродит по отсекам и коридорам?

— Если никто не смог с ним справиться — а похоже, что так и есть... и если он не сдох сам...

— Нет, погоди. Допустим, какие-то смерти можно объяснить так. Особенно если этот монстр разумен — животное вряд ли способно распять человека на проволоке... Но эти пилоты явно покончили с собой, и не самым приятным способом!

— Мы не знаем, — возразила Ева. — Сломанные зу-

бы и ногти могут быть результатом борьбы. И раны тоже. То, что по форме следы укусов похожи на человеческие, ничего не доказывает... Мы ведь не знаем, как он выглядит.

— Или они.

— Да. Или они.

Адам некоторое время молчал, глядя на обезображенное тело мужчины. Затем увел луч фонаря в сторону, не в силах больше выносить это зрелище. Но так было еще хуже: откуда-то из самых темных глубин сознания, где даже у самого здравомыслящего человека таится иррациональное, поднималась ощущение, почти уверенность, что скрывшийся во мраке мертвец, пользуясь своей невидимостью, сейчас пошевелится, начнет беззвучно подниматься в кресле, протянет обглоданные руки к поживе, которую он наконец-то дождался... ведь недаром же было написано кровью поперек ведущей в рубку лестницы — «НЕ ХОДИ ТУДА»...

Адам попытался отогнать наваждение и заставить себя мыслить рационально.

— Пожалуй, ты права насчет посадки на Глизе или где-то еще, — медленно сказал он. — Все эти твари... Пауки и тараканы еще могли мутировать из обычных, хотя не могу себе представить, откуда им взяться на звездолете — не могли же его не продезинфицировать перед стартом. Но другие... Эти помеси червей с насекомыми... На Земле ничего подобного нет.

— Ты так хорошо помнишь, что есть на Земле?

— Нет... но есть разница между «забыл» и «никогда не знал». Во всяком случае, я ее смутно чувствую. И я совершенно убежден, что эти твари не из нашего мира. Предположим, их взяли на борт в качестве образцов местной фауны, а потом что-то случилось, и они смогли расползтись по кораблю... Не знаю, есть ли среди них что-то большое. Но и мелкие насекомые могут служить переносчиками инфекции, которая каким-то образом воздействовала на мозг...

— А теперь? По-твоему, у нас уже образовался иммунитет?

— Не знаю, — тяжело вздохнул он, — ничего не знаю. Кроме одного: нам отсюда не выбраться.

— Может быть, еще можно развернуть корабль к Земле, — сказала Ева без особой надежды в голосе. — Или хотя бы отправить сигнал бедствия.

— Как? — Адам безнадежно обвел лучом разгромленный пульт. — Даже если мы найдем инструменты... ты имеешь хоть какое-то представление о том, как тут все устроено? Мы даже не помним, что люди вообще умеют летать к звездам...

— Ну, может, мы найдем не только инструменты, но и инструкции, — неуверенно возразила Ева. — И потом, что-то нам все-таки удается вспомнить. Хотя... — Она замолчала.

— Что «хотя»?

— Мне страшно.

— Неудивительно.

— Нет, я не про то. Мне страшно вспоминать. Иногда мне кажется, что я уже почти подобралась к своему прошлому, и тут сразу такая жуть накатывает... Словно кто-то в голове кричит: «Нет, не надо, не вспоминай, не думай об этом!» У тебя так не было? Ну, с тех пор, как пришел в себя?

— Было, — сознался Адам. — Здесь нет никакой мистики, просто нам, очевидно, здорово досталось, особенно тебе... Естественная защитная реакция... Хм, «не думай», — припомнил он. — Это написано на двери склада на нижнем уровне. Кстати, тебе не кажется, что если бы экипаж боролся против монстров, то оставлял бы более осмысленные надписи? Даже если предположить, что им действительно нечем было писать, кроме как кровью... но тогда тем более надо писать только самое полезное и информативное. А тут... «Не ходи туда!» Ну, вот мы пришли, и что?

— Узнали, что мы на корабле.

— И что в этом плохого? Хотя... да, конечно. Узнать, что мы в миллиардах миль от Земли, на мертвом звездолете, неуправляемо несущемся все дальше и дальше в бесконечную пустоту... Если верить карте, здесь даже

звезд нет. Но если бы мы этого так и не узнали, разве наше положение изменилось бы к лучшему?

— Может, умерли бы в неведении, — вздохнула Ева.

— Как вот эти? И остальные? Едва ли хоть кто-то из них умер легко. И вообще, предупрежден — значит вооружен...

— Ладно, — перебила Ева. — Все эти разговоры только приводят в отчаяние!

Он вздрогнул, услышав это слово.

— Давай искать. Инструменты, инструкции, других выживших — хоть что-нибудь!

Они вышли из рубки, еще напряженнее вслушиваясь в тишину злосчастного корабля. Но до них по-прежнему не доносилось никаких звуков, если не считать электрического потрескивания агонизирующих плафонов. Впрочем... теперь Адам уже не сомневался, что их свет за последнее время сделался несколько ярче. Он не знал, чем это можно объяснить и чем это чревато — как, впрочем, и все то, что происходило на этом проклятом звездолете. Он поделился наблюдением со своей спутницей, но та лишь пожала плечами и предположила, что свет кажется им более ярким после мрака рубки.

Они спустились на уровень ниже. Здесь, похоже, тоже размещались какие-то посты управления, но и они были разгромлены самым беспощадным образом, так что об их предназначении оставалось лишь догадываться. Кое-где среди изуродованных обломков валялись дохлые тараканы-мутанты и вяло ползали их еще живые собратья.

— Я думаю — вдруг этот разгром учинили не безумцы и не чудовища? — сказала вдруг Ева. — Что, если все это сделано совершенно сознательно?

— Кем? — криво усмехнулся Адам, брезгливо выискивая место, куда поставить ногу. — Террористами-самоубийцами?

— Членами экипажа, которые поняли, что этот корабль не должен вернуться. Никогда не должен попасть на Землю... и вообще на какую-нибудь обитаемую пла-

нету. Поэтому они направили его в беззвездное пространство, а потом...

— Но зачем?!

— Чтобы на Земле не повторилось то же самое, что здесь, — пожала плечами она.

— Из-за этих тварей? Да ну, чушь. Даже если они заразны, существуют же карантинные меры... корабль можно держать на орбите, пока ученые не разберутся...

— А если эти меры недостаточны? Наверное, когда они... то есть мы... брали эту пакость на борт, то тоже не для того, чтобы развести ее по всему кораблю. Ты говоришь, что больше всего *этого* на втором уровне снизу... видимо, там и был наш зоопарк... или хранилище образцов, или как это еще называется... и мы были уверены, что оттуда не выскользнет ни одна бактерия...

— Ну, предположим, кто-то допустил ошибку, не закрыл вовремя дверь, не прошел дезинфекцию... но это ж не значит, что эта дрянь способна проникать сквозь стены корабля и космический вакуум!

— Не знаю. Может быть, тут дело вовсе не в химии, не в физическом прохождении сквозь стены...

— А в чем?

— Какое-то дистанционное воздействие, от которого не спасает никакая защита.

— Черви-телепаты? — скептически хмыкнул он, но тут же всерьез задумался над этой идеей. — Некрофаги, вызывающие у куда более крупных живых существ неконтролируемую тягу к насилию и таким образом обеспечивающие себя запасами падали... и квартирами. — Он вспомнил распятый труп женщины, превращенный в огромный... муравейник, улей? — и его передернуло. — Вообще-то такая гипотеза многое объясняет. Например, почему здесь не гниют трупы. Если эта фауна обрабатывает их каким-то консервантом... Но все равно, с какой стати крушить все приборы корабля, лишая последних выживших шанса?! Ведь если мы уцелели и остались нормальными, защитный механизм существует!

— Может, они не были уверены, что мы остались

нормальными. Мы были без сознания, а у них не было времени ждать, чем все кончится. Но есть и худший вариант.

— Хуже, чем лететь куда-то в межгалактическое пространство на преднамеренно лишенном шансов на возвращение корабле?

— Да. Если мы на самом деле не остались нормальными. Если эти твари уже внутри нас.

Адам замер, прислушиваясь к собственным ощущениям. Он и впрямь готов был почувствовать, как паразиты прогрызают себе дорогу в его внутренностях, — но чувствовал лишь липкий холод страха, разливающийся по животу. И этот страх не желал уходить, независимо от наличия материальных подкреплений.

— Ты не видела червя, что выполз из кишок того парня, — сказал он хриплым голосом, пытаясь убедить не столько ее, сколько себя. — Да и те, что с ногами... они достаточно крупные, чтобы мы их почувствовали, если бы...

— А если они просто ждут своего часа? — возразила Ева. — Личинки могут быть и мелкими. И они могут быть вовсе не такими тупыми, как может показаться. Они знают, что мы — последние на борту. И нас оставят жить до тех пор, пока мы не встретимся с новыми потенциальными носителями и не передадим заразу дальше...

— Все равно, — упрямо скривил губы он, — не может быть, чтобы люди, уже научившиеся строить межзвездные корабли, не умели бороться с какими-то паразитами! Да и нет в этих паразитах никакого особого ума... вон, видишь, из-под ноги убегать и то не торопятся, приходится смотреть, как бы не раздавить эту гадость! Да и сколько их уже передохло...

— Наверное, им тяжело адаптироваться в непривычной среде. Но у некоторых это все же получается, и даже слишком хорошо. — Ева вдруг присела на корточки, подобрала обломок какой-то платы и пошевелила им пару дохлых «тараканов», а потом опрокинула на спину их живого собрата. Тот вяло корячился, не имея ровно

никаких шансов вернуть себе нормальное положение. Ева с хрустом размазала его по полу. — Не пойму, откуда могли взяться такие твари, — сказала она. — Ты заметил, что у них разное число ног?

— Я же сразу тебе об этом сказал!

— Нет, я имею в виду — даже у тех, которые вроде бы принадлежат к одному виду. Вот у этого число ног все-таки четное... но они разной длины. Какая эволюция могла породить такое? И парность конечностей — это ведь не случайный каприз земной природы. Это действительно удобно, это целесообразность, закрепленная поколениями отбора для совершенно не похожих друг на друга видов... Как же должен выглядеть мир, в котором вот такое неуклюжее существо с непарными ногами разной длины получит эволюционное преимущество?

— Как мир ночных кошмаров, — пробормотал Адам и, чуть подумав, добавил: — Шизофреника. Слушай, а может, мы с тобой вовсе и не пришли в себя? Может, это все галлюцинации, а? Все бы отдал, чтобы проснуться сейчас в уютной психушке...

— Тогда и ты — галлюцинация, — заметила Ева. — С моей точки зрения, конечно. А с твоей — я...

— Лучше уж быть галлюцинацией, чем червивым изнутри. Я... я боюсь тараканов, — произнес он почти жалобно. — И пауков. И червей тоже не жалую... — Он беспомощно оглядывал свое облепленное намертво присохшими повязками тело, словно ожидая увидеть, как нечто шевелится и ползает под кожей. А может, под повязками как раз оно самое и есть — ходы, проделанные личинками... — Охота же тебе было высказывать гипотезу, которую мы не можем проверить! И без того тошно...

— Ага, а сам говорил — предупрежден, значит, вооружен, — припомнила ему Ева, но без всякого язвительного торжества в голосе. Тоска и страх грызли ее изнутри похуже любых червей. — Ладно, давай уже пойдем дальше и будем делать хоть что-нибудь, а то я и впрямь с ума сойду...

Они вышли в коридор, огибавший шахту лифта, и двинулись к следующей двери.

— Между прочим, ты заметила еще одну странность? — спросил Адам. — На таком большом корабле на дверях нигде нет табличек. Конечно, экипаж должен был и так знать, где что, — и все-таки здесь немудрено ошибиться дверью, особенно в кольцевых коридорах.

— Да, — согласилась она, — вряд ли так и было задумано.

Он приблизил лицо к двери, тщательно осмотрел ее с фонариком.

— Как я и думал, табличка была, — констатировал он, — ее следы еще можно различить. Кто-то поотдирал их со всех дверей. Зачем?

— А зачем крушили оборудование?

— Думаешь, чтобы мы не могли вернуться? Ну, уж отсутствие табличек тут мало что дает по сравнению с раскуроченными пультами. Все равно рано или поздно мы обследуем все помещения. Скорее верна моя версия насчет безумной ярости. Или...

— Что — или?

— Или кто-то хотел, чтобы мы разобрались в происходящем как можно позже. Не то чтобы не разобрались вообще — он должен был понимать, что отсутствие надписей на дверях нас не остановит, — но чтобы это произошло как можно позже... Не знаю. Бред. Бессмыслица.

— Может, и не бессмыслица, — возразила Ева. — Чем дольше мы будем разбираться, тем дальше улетим за это время и тем меньше у нас шансов вернуться. А значит, такие шансы все-таки есть!

— Ты сама-то в это веришь? — тяжело вздохнул Адам и взялся за ручку двери. — Ладно, посмотрим, что там.

Ничего хорошего там не оказалось.

Адам услышал за спиной мучительно-сдавленный горловой звук и понял, что это. Он уже сам оказывался в этом положении: желудок Евы скрутило рвотным

спазмом, но изо рта у нее не вышло ничего, кроме этого звука.

В этой комнате горел свет, и даже достаточно ярко. Здесь не было ни приборов, ни мебели, если не считать останков растерзанного в клочья стула на полу. Помещение было полукруглым в плане. Его вогнутая стена, противоположная входу, как догадался Адам, представляла собой панорамный экран, сделанный по той же технологии, что и карта в рубке. Вероятно, это помещение было гибридом библиотеки и кинозала; наверняка в то время, когда все здесь работало, доступ к информационным ресурсам корабля можно было получить и из других мест, но именно здесь условия для просмотра были наиболее комфортными. Щель в стене слева, из которой торчали мятые белые лохмотья, сейчас ассоциировалась скорее с отверстием для туалетной бумаги, но на самом деле здесь, очевидно, можно было получить распечатку необходимых данных. Никаких панелей управления нигде видно не было — видимо, здесь использовался голосовой или еще какой-то бесконтактный интерфейс.

Но на все эти технические подробности Адам и Ева обратили внимание не сразу. В первый миг в глаза им бросились многочисленные кляксы крови, испятнавшие экран и боковые стены — кое-где вместе с кровью к стенам присохли какие-то белесые комочки, — и скорчившийся труп на полу под экраном. Это был мужчина; на нем были трусы и ботинки, но больше никакой одежды. Его голова превратилась в бурое месиво, где между клочьями слипшихся от крови волос торчали острые обломки костей, доходившие максимум до висков; вся верхняя часть черепа была размозжена полностью, а покрывавшая ее кожа разорвана, и растерзанный мозг наполовину вытек на пол из этой жуткой дыры. На полу возле повернутой набок головы лежали полукруглыми слизистыми каплями и оба выбитых глаза; ниточки нервов еще тянулись от них в расколотые глазницы.

Пальцы мертвеца покрывала бурая корка засохшей крови... и, кажется, не только крови. А прямо над ним

по экрану наискось протянулась очередная надпись. Буквы были кривые, разной величины, наползали друг на друга и вообще выглядели так, словно их писал сильно пьяный человек, страдавший к тому же болезнью Паркинсона. Во многих местах к ним прилипли белесые комочки и волосы. Но все же написанное можно было прочитать.

— ТЬМАМИКРОКОМ=МАК, — разобрал Адам. — Боже... кажется, это написано его мозгом.

— В каком смысле? — Ева еще чувствовала дурноту, но уже могла говорить.

— В прямом. Он расколошматил себе голову о стены... или ему помогли это сделать... а потом некто, окуная палец в разбитый череп, как в чернильницу...

— Думаю, никто ему не помогал, — возразила Ева с дрожью в голосе. — Он сделал все сам, и надпись тоже. Поэтому она такая кривая.

— Неужели человек в таком состоянии еще способен писать? С каждой буквой выковыривая из своих мозгов по куску?

— Человеческий мозг обладает очень большим запасом надежности, — откуда-то эта информация всплыла в памяти Евы. — Может погибнуть целое полушарие, а личность все еще будет сохраняться, и даже без значительного ущерба, хотя и могут быть утрачены отдельные умения или понятия...

— Тут, очевидно, ущерб был. Может, когда он начинал писать, то и имел в виду что-то осмысленное, но к концу скатился в полный бред.

— По-моему, это не бред, — покачала головой Ева, прислушиваясь к своим неуверенным воспоминаниям. — Тьма... микроком... мне кажется, это значит «микрокосм». Микрокосм равен макрокосму — вот что он пытался написать. Когда-то давно я слышала эту фразу... но не могу вспомнить, что она означает.

— Что-то средневековое, — припомнил Адам. — Кажется, представление алхимиков о том, что человеческая природа тождественна природе вселенной. Только они это понимали не в том смысле, что законы физики

едины для всех, а более буквально и примитивно, ну и всякую мистику вокруг этого накручивали... Вот ведь черт! Как устроен звездолет — не помню, даже имени своего не помню, а всякую бесполезную чушь...

— Он, похоже, не считал ее бесполезной, — тихо произнесла Ева.

— Ну, ему она точно не помогла, — фыркнул Адам. — Ладно, к вопросу о пользе... — Он двинулся к трупу. Ева оставалась на пороге.

— Что ты хочешь делать? — спросила она.

— Во-первых, снять с него ботинки... Поделим по-братски? Тебе левый, мне правый?

Ева хотела ответить, что это глупая шутка, но поняла, что ее товарищ по несчастью совершенно серьезен.

— Едва ли будет удобно ходить в одном ботинке, — сказала она. — К тому же они мне явно велики. Забирай себе, если хочешь.

— Хорошо. — Адам снял обувь с трупа и обулся, попутно отметив, что на мертвеце нет носков. У него тоже были опасения насчет размера, но ботинки пришлись как раз впору.

— Вот, кстати, еще непонятно, — заметил он, — куда девалась вся одежда. Пока мы знаем только, что пилоты в рубке умерли одетыми — иначе их тела все были бы в крови. И что кто-то потом забрал их костюмы, не побрезговав тем, что они окровавлены. А вот все остальные, включая нас самих...

— Кстати, тех двоих мы пока не нашли, — напомнила Ева.

— Да. Но корабль большой. И, кстати, не факт, что их было двое. Они взяли два костюма, но это еще не говорит об их количестве...

— Может, они все еще живы?

— Вряд ли. Если они, как и мы, пережили катастрофу — могли бы оставить какие-то указания для других выживших. Осмысленные указания, не такую вот белиберду, — он кивнул на стену. — Скажем, «место сбора там-то»...

— А разве мы оставляем для кого-то указания?

— Хм... — смутился Адам. — А ведь верно. Мне это не пришло в голову.

— Так, может, начнем?

— Не думаю, — покачал головой он. — Если здесь и бродит кто-то, кроме нас, мы не знаем, кто это и в каком состоянии. И чем чревата встреча.

— Вот и они рассуждают так же.

— Ну может быть. Кстати... — Адам нагнулся и подергал обломок черепа, торчавший из размозженной головы мертвеца.

— Что ты делаешь?!

— Нам нужно оружие. Хотя бы такое. — Убедившись, что выломать кость не удается, он выпрямился и с силой топнул ногой в ботинке по лежащей на полу голове трупа. Громко хрястнуло и вязко чавкнуло. Ева с отвращением отвернулась. Адам вновь нагнулся. На сей раз ему удалось выломать довольно крупный кусок затылочной кости с остро торчащим зубцом, и, положив на пол фонарик, он принялся очищать свою добычу от остатков мозга, плоти и волос. Внезапно ему представилось, как это выглядит со стороны: межзвездный корабль, высшее достижение человеческого разума и науки — и полуголый дикарь, изготавливающий костяное рубило из черепа своего соплеменника. А ведь они оба наверняка получили высшее образование... может, даже ученые степени...

— Какой это по счету? — спросила Ева, по-прежнему не глядя в его сторону.

— М-м-м... восьмой. Не считая нас.

— А сколько в твоем списке?

Он ногой стряхнул бумажку с рукоятки фонаря, наступил на край, расправляя ее, и вгляделся, пересчитывая строки.

— Одиннадцать. Ну и что? Ясно же, что это не список членов экипажа. Каким бы большим ни был корабль, монастырей и автодорог здесь точно нет...

— Но как-то этот список связан с нами и с тем, что здесь творится! Может быть, это экипаж предыдущей экспедиции. Или наши дублеры. То есть наоборот — мы

их дублеры. Нас послали после того, как с основным составом случилось то, что там написано...

— То есть, по-твоему, все это началось еще на Земле?!

— Не знаю. Не могу вспомнить. Но я чувствую, что этот корабль был обречен с самого начала. Нет, даже не чувствую — знаю... знала раньше... не могу, когда я думаю об этом, меня охватывает такое отчаянье! Но и не думать тоже не могу! — Ева сжала руками голову, до боли впившись ногтями в виски между повязками. — Ну? Ты закончил тут?

— Я собираюсь проверить. Насчет паразитов. Теперь у меня есть чем сделать вскрытие. Конечно, я не собираюсь резать себя, хотя только это дало бы полную уверенность...

— Э... Адам! Ты что задумал?! — Ева резко повернулась в его сторону, глядя на него округлившимися от страха глазами. — Ты с ума сошел?! Вот так небось все и начинается! — Она сделала шаг назад, готовая сорваться с места.

— Ты что? — удивился он. — Ты... решила, что я собираюсь вскрывать тебя? Фу, чушь какая! Хотя...

— Что — хотя?!

— Да нет, это чисто теоретически... действительно, чтобы проверить, не заражены ли мы, следовало бы взять одного из нас... да говорю же, теоретически! Я не убийца! Я хочу вскрыть его! — он кивнул на мертвеца. — Если у него в кишках окажется такая же тварь, как у того парня, дело плохо... а если нет, значит, она заползла туда случайно.

— Даже если не окажется, личинки могут быть невидимы невооруженным глазом.

— Успокоила... Ну да, и даже если он внутри чист, это еще ничего не говорит о нас. Но все равно... — Адам сел на корточки и перевернул мертвеца на спину. «Вот уж никогда не думал, что мне придется вспарывать живот коллеге его же костью», — подумал он. Впрочем, строго говоря, он не знал, о чем думал в том своем прошлом, отсеченном стеной. Но вряд ли действительно об этом.

Он вонзил костяной зубец в неестественно бледный, покрытый курчавыми волосками живот. Плоть сначала глубоко промялась, не поддаваясь, и изо рта мертвеца вырвался тяжелый вздох. Адам вздрогнул и обмер, но тут же сообразил, что это просто вышел выдавленный им воздух. Он нажал еще сильнее, и кожа лопнула, разойдясь жутким багровым ртом. Крови не было, она давно свернулась.

Адам вновь почувствовал приступ тошноты, но теперь уже легко преодолел его. После всего увиденного ранее... Вспарываемая плоть поддавалась тяжело, словно была резиновой — а может, просто не хватало остроты его «инструменту». Приходилось прикладывать значительные усилия. Да, это совсем не то же самое, что разрезать ножом мясо на тарелке (от этой мысли к горлу снова подступил комок, и Адам подумал, что если когда-нибудь отсюда выберется, станет вегетарианцем). Наконец он дотянул разрез до самого паха и, взявшись за края, растянул их в стороны. Надо же, сколько внутри жира, а ведь покойный вовсе не выглядел толстяком... Так, вот этот мокрый мешок, очевидно, желудок... а вот и кишки, похожие на клубок огромных скользких червей. Настоящих червей — ни земных, ни, что самое главное, здешних — видно, однако, не было. Но, чтобы действительно убедиться в их отсутствии, придется все здесь порезать и заглянуть в каждую кишку...

— Ну что там? — потеряла терпение Ева. Несколько раз она бросала брезгливые взгляды в его сторону, но приблизиться не решалась.

— Пока вроде ничего... никаких личинок, яиц или что там еще бывает... Сейчас я вскрою его кишечник. О, это еще что?!

Из разреза, сделанного под самым желудком, высунулось нечто белесое. Рука Адама дрогнула, но он тут же понял, что ни на что живое это не похоже. Он расположовал покрытую слизью трубку дальше и двумя пальцами вытащил из нее смятый и слипшийся комок бумаги.

— Кажется, нам послание, — пробормотал Адам.

— Ты в самом деле так думаешь? — Ева все-таки пересилила себя и шагнула внутрь помещения.

— Да нет, конечно. Вряд ли он ожидал, что его будут вскрывать. Но зачем-то ему понадобилось глотать эту штуку.

— Не проще было разорвать?

— Ты меня спрашиваешь? Может, он сделал это просто в приступе ярости. И в том же приступе бился головой о стены. А может... не хотел, чтобы кто-то снова сложил листок из обрывков.

— Опять от нас что-то скрывают? Сможешь развернуть это так, чтобы не порвать?

— Постараюсь... Вообще, кажется, эта бумага прочнее обычной. Может, даже и не бумага вовсе, просто похожа... черт, мы даже не помним, на чем теперь пишут...

Ему и впрямь удалось расправить мокрый листок на полу. Ева, стараясь не смотреть на вскрытого мертвеца, присела на колени рядом и поднесла к листку включенный фонарь.

Буквы были достаточно хорошо различимы — на сей раз отпечатанные, а не рукописные. Текст не имел ни начала, ни конца.

«...щей теории темной материи-энергии Бернштайна-Вонга (Ноб. пр. по физике 2063), показавшей, что темная материя на самом деле не является некой особой материей, как считалось ранее, но представляет собой особое состояние, в которое может переходить обычная материя, причем переход является полностью обратимым [3]. Широко распространенное представление, что объекты в данном состоянии способны перемещаться со скоростями, многократно превышающими скорость света, на самом деле не вполне точно. В действительности тела в «темном» состоянии подчиняются уравнениям Обобщенной квантовой теории [5], откуда, в частности, следует, что такое тело не имеет фиксированной координаты в континууме (ни даже фиксированной проекции на континуум); его местоположение

представляет собой суперпозицию всех возможных координат, вероятность которых описывается некоторой трехмерной функцией распределения Ф, зависящей от кривизны континуума в каждой точке и конфигурации поля темной энергии. Полет «темного» корабля, соответственно, в действительности представляет собой переконфигурацию поля темной энергии таким образом, чтобы на момент схлопывания волновой функции корабля (что происходит при отключении поля) функция Ф имела значение выше порогового в окрестностях точки прибытия. Как было показано Козельским (2065), для любой конечной точности Е можно за конечное время (и при приложении конечной энергии) осуществить переконфигурацию поля таким образом, чтобы корабль вернулся в стандартное состояние в пределах заданных координат с точностью +/-Е [6].

Положения теории были экспериментально подтверждены группой Калкрина (2070, 2071), что стало отправной точкой для программы «Гиперион». В 2077 беспилотный зонд «Гиперион-1», оснащенный генератором Калкрина, обследовал систему звезды Глизе 581 и успешно возвратился на Землю.

Вместе с тем Общая теория темной материи-энергии, даже имея уже экспериментальное и практическое подтверждение, по-прежнему не дает ответа на ряд вопросов. Сущность темной энергии остается спорной. Остается нерешенной проблема космологической константы, согласно которой наблюдаемая в гравитационных взаимодействиях интенсивность темной энергии во Вселенной на 120 порядков ниже расчетной. Бернштайн объясняет это тем, что большая часть темной энергии не проявляет себя гравитационно. Для объяснения такого положения дел им был предложен ряд гипотез [3][7][8], ни одна из которых, однако, в настоящее время не является общепризнанной. Критике этих гипотез, в частности, посвящены работы Миллера (2065) и Бирнбаума (2069) [9][10]. Чань (2067, 2069) предложил альтернативное объяснение, согласно ко...»

— «Тьма быстрее света», — пробормотал Адам, дочитав. — Не такой это, выходит, и бред.

— Значит, мы на корабле с двигателем Калкрина, — сделала вывод Ева. — Но тут ведь сказано, что полет к Глизе 581 прошел успешно?

— Беспилотный, — напомнил Адам. — После этого послали пилотируемый корабль... и вот тут что-то пошло не так. Насколько я понимаю, мы не вышли вовремя из темного состояния в обычное пространство. Ну, в общем, неудивительно, если тут началось все это безумие и погромы... наверное, даже вывели из строя компьютер, который должен был вернуть нас автоматически... но генератор поля продолжает работать, унося нас все дальше. То есть изменяя вероятность нашего местонахождения таким образом, что...

— И чтобы вернуться в нормальный мир, достаточно просто его выключить? — перебила Ева.

— Да, но мы окажемся черт-те где. Помнишь «бабочку» на экране в рубке? Это и есть графическое представление функции Ф. Мы вынырнем где-то в ее пределах, скорее всего, ближе к центру. Не знаю, насколько изображение там соответствует линейным масштабам, но если соответствует, мы окажемся как минимум в сотнях световых лет от Земли. И, возможно, в десятках от ближайших звезд. А если масштаб логарифмический, вообще страшно представить...

— То есть надежды позвать на помощь нет.

— Никакой. Из темного состояния радиограмму тоже не отправить.

— Линейно... — пробормотала вдруг Ева.

— Что?

— Картинка в рубке. Если она и впрямь линейная... хотя бы приблизительно... и если провести линию через Солнце, Глизе 581 и центр экрана, то получается, что Солнце дальше от нас, чем Глизе. А если бы то, что случилось, произошло на обратном пути и мы проскочили бы Землю — было бы наоборот.

— То есть ты хочешь сказать, что мы не высаживались в системе Глизе 581?

— Именно. Трудно поверить, что мы там сели, а потом продолжили полет в прежнем направлении. Да и изображение на экране — ведь там была выделена именно эта звезда.

— Откуда же тогда эти твари?

— Не знаю.

Адам помолчал, затем снова взялся за обломок черепа:

— Так или иначе, они здесь есть. И мне надо довести проверку до конца.

Дальнейшее ковыряние в кишках мертвеца, однако, не принесло никаких открытий. Адаму попались еще несколько клочков бумаги, но совсем мелкие и расползающиеся — видно, часть распечатки этот человек все же изорвал на куски, прежде чем глотать. Возможно, профессиональный криминалист с соответствующим оборудованием и сумел бы восстановить полный текст, но Адаму это было не под силу. Его и без того мутило от того, что он делал, и главное, от нарастающего, наваливающегося сознания безнадежности всех попыток.

Никаких следов паразитов в мертвом теле не оказалось.

— Все же я думаю, что в системе Глизе 581 есть жизнь, — сказал Адам, поднимаясь. — Иначе нас бы туда...

— Жизнь в системе Глизе 581 обнаружена зондом «Гиперион-1», — произнес вдруг спокойный мужской голос.

Оба человека вздрогнули; Ева бросила дикий взгляд на мертвеца — ей показалось, что это заговорил он. Но оскаленные челюсти трупа оставались неподвижны, голос же продолжал звучать:

— Из семи планет системы к потенциально обитаемым относятся третья, четвертая и пятая. Орбитальное обследование, проведенное зондом «Гиперион-1», показало, что средняя температура на поверхности третьей планеты составляет около 360 градусов Кельвина из-за парникового эффекта, а количество свободного кислорода в атмосфере слишком мало, чтобы поддерживать

существование аэробных форм жизни. Вместе с тем состав атмосферы и уровень радиации не исключают наличия на третьей планете анаэробных форм...

— Кто ты?! — крикнула Ева, задирая голову к потолку.

— Спокойно, — тихо ответил Адам. — Каким-то образом активизировался голосовой интерфейс информационной системы.

— ...остается открытым, — продолжал голос. — Состав атмосферы и практическое отсутствие магнитного поля на четвертой планете делают ее, по всей видимости, непригодной для жизни; никаких признаков таковой не обнаружено. Условия на пятой планете более благоприятны. Средняя температура поверхности составляет 280 градусов Кельвина (значительно варьируясь в течение года ввиду высокого эксцентриситета орбиты, однако год длится лишь 67 дней, что, вкупе со значительной массой планеты и ее атмосферы, микширует температурные колебания); значительная часть планеты покрыта океаном, свободным ото льда в тропических широтах. Наличие в атмосфере двадцати шести процентов кислорода свидетельствует о его биогенном происхождении. Прямые доказательства наличия жизни на планете получены посадочными модулями А и Б, обнаружившими бактериальную флору в воде и почве соответственно. Орбитальные наблюдения позволяют предположить наличие обширных растительных массивов на суше тропического пояса и крупных форм жизни в океане, хотя, согласно мнению доктора Накамуры, сохраняется возможность иной интерпретации полученных данных. Необходимо дальнейшее исследование обеих планет с высадкой на поверхность. Однако сила тяжести на третьей планете составляет 2,7 g, а на пятой — 3,4 g, что затрудняет работу человека на поверхности. В связи с этим хотя корабль «Гиперион-3» рассчитан на одиннадцать членов экипажа, никто...

Что-то щелкнуло, и голос замолк.

— «Гиперион-3», — громко и отчетливо произнес Адам. — Информация о корабле «Гиперион-3». Ход экс-

педиции. Члены экипажа. Диагностика. Чрезвычайные ситуации на борту.

Но его призывы остались без ответа. Поврежденная система умерла так же неожиданно, как и пробудилась.

— Проклятая железяка, — устало выдохнул Адам.

— Да, — без выражения откликнулась Ева. — Проклятая. Мы прокляты с самого начала. Калкрин, Вонг, Накамура... все, кто имел отношение к этому проекту.

— Не все, — возразил Адам. — В распечатке упоминались и другие ученые. Бернштайн, Козельский... кто там еще... Миллер.

— Наверное, это теоретики, — ответила Ева. — Они не участвовали непосредственно в программе «Гиперион».

— И что? Что в этом такого? Я не верю во всякую мистическую чушь. Хотя... ну, допустим, те посадочные модули все же привезли какую-то заразу на Землю... Да нет, вздор. Нас бы тогда никуда не отправили.

— Ты лучше скажи, почему наш корабль называется «Гиперион-3». И никакого упоминания о втором. Только о первом зонде.

— Ну... наверное, второй послали обследовать какую-нибудь другую звезду, поэтому он и не имеет отношения к данной теме.

— Не думаю, что межзвездные экспедиции — такое дешевое удовольствие, а жизнь в космосе — такое частое явление, чтобы человечество могло себе позволить распылять силы. Уж если первый зонд нашел обитаемую планету, да плюс еще одну, где может быть хотя бы анаэробная жизнь... наверняка вся дальнейшая программа сосредоточилась на этом направлении. И «Гиперион-2» послали туда же. Только он не вернулся.

— И, не разобравшись в причинах этого, отправили нас? Как ты сама говоришь, слишком уж это дорогое удовольствие.

— Может быть, мы — спасательная экспедиция. Или им показалось, что они нашли причину. Но она была лишь следствием...

— Ладно, — тяжело вздохнул Адам. — У тебя есть

какие-нибудь идеи? Ну, кроме того, что все безнадежно?

— Ну... мы так и не обследовали до конца тот уровень, на котором очнулись...

— Хорошо. Идем. — Он кое-как обтер руки о свою «юбку» и вновь вооружился костяным орудием. Фонарик он отдал Еве, желая сохранить одну руку свободной.

Они вновь спустились по лестнице и прошли по коридору, который некогда привел Адама к узилищу Евы. Только теперь мужчина свернул не налево, а направо.

И почти сразу же оказался перед дверью с красным крестом.

— Медпункт, — констатировал он. — Ну, наконец-то. Совсем вылетело из головы, что где-то на корабле он должен быть. Надеюсь, там имеются антидепрессанты. Я бы очень даже не отказался, — с этими словами он открыл дверь.

— Бож-же... — выдохнула Ева, конвульсивно отворачиваясь.

Здесь тоже горел свет, озаряя медицински белые стены, пустые шкафы с распахнутыми прозрачными дверцами и стойки с разбитым оборудованием. На кушетке у стены лежал голый женский труп, обезглавленный и выпотрошенный. А в середине помещения, привязанные к креслам, сидели друг напротив друга еще два мертвеца в когда-то голубых, а ныне бурых и заскорузлых от крови комбинезонах (а вот обуви на них не было, только носки). Слева мужчина, справа женщина — о последнем, впрочем, можно было догадаться только по фигуре, ибо ее лицо скрывали окровавленные повязки. Точнее, то, что осталось от ее лица.

— Ну вот мы и нашли тех, кто раздел пилотов, — пробормотал Адам.

— Ты... ты видишь, чем они связаны? — выдавила Ева, стараясь не смотреть.

— Да, — спокойно ответил Адам. — Кишками. Но не их собственными. Ее, — он кивнул в сторону кушетки.

Действительно, на телах сидевших не было заметно

ран, во всяком случае, пока на них была одежда. Зато их головы были распилены практически пополам — неровный, неумелый горизонтальный разрез проходил над самыми бровями. Грязная хирургическая пила, которой это было проделано, валялась на полу между креслами. Неподалеку валялись и обе срезанные верхушки черепов, по-прежнему покрытые кожей и волосами, — кем бы ни был неведомый любитель трепанаций, обрить «пациентов» он не удосужился. Судя по крови, залившей их лица, они были еще живы, когда с ними проделывали это.

Но самым жутким было даже не это. По всей видимости, тот, кто распилил им головы, не тронул мозг, а лишь обнажил его — во всяком случае, в первый момент. А вот дальше... Ошметки мозгов, похожие на больших дохлых слизней, были расшвыряны по всему медпункту. И это не было сделано в один момент. Хорошо были видны инструменты, использованные для этого. Обычные столовые ложки. Одна из них торчала из черепа мужчины, словно из жуткого котелка. Вторая валялась под его бессильно повисшей рукой.

— Тот, кто это сделал... — начала Ева, бросив быстрый косой взгляд и снова отвернувшись.

— Нет никакого таинственного убийцы, — перебил Адам. — Они сделали это сами.

— Что... что ты говоришь?! По-твоему, сами себя связали, сами...

— Не сами себя. Друг друга. Взгляни, их головы крепко привязаны к подголовникам, но правые руки свободны.

— Здесь только одна пила, — заметила Ева, бросив еще один взгляд.

— Да. Очевидно, им пришлось пилить друг другу голову по очереди. А вот ложек хватило, чтобы вычерпывать друг другу мозги одновременно — ну, иначе бы и не получилось...

— По-твоему, — Еву передернуло, — они *это* ели?!

— Дай фонарик.

Адам подошел к мертвецам, посветил в вяло открытые рты.

— Нет, — резюмировал он, — не похоже. Просто старались уничтожить мозг друг друга.

— Зачем?!

— А зачем тот парень наверху бился головой о стену, пока не вылетели глаза?

Ева ничего не ответила. Она стояла, тяжело привалившись к косяку, и, кажется, снова боролась с тошнотой. Тошнотой, от которой не было спасения даже в рвоте.

— Думаю, он не просто бился о стены от ярости или боли, — продолжал рассуждать Адам, который тоже чувствовал себя препакостно. Взгляд автоматически прилипал к жуткому месиву в расположенных черепах. Наглядный ответ на вопрос, какой части мозга человек может лишиться, прежде чем утратит способность двигать рукой, — как выясняется, достаточно большой. Но слова помогали хоть как-то отвлечься от ощущения безнадежной жути, опутывавшей Адама, словно слои тяжелой мокрой резины, залепляющей нос и рот, не позволяющей дышать. — Он хотел именно разрушить собственный мозг. И рвал его пальцами, когда расколол череп. Но проделывать такое с собственной головой... не очень удобно. С чужой намного легче. Вот почему эти двое подошли к делу более основательно...

Он оглядывался по сторонам в поисках кровавых надписей, которые, возможно, могли бы хоть что-то прояснить. Но их не было. Здесь — не было ни одной.

На рукаве мертвой женщины, сидевшей левым боком к двери, еще можно было разобрать эмблему — темно-синий круг, опоясанный красным кольцом. По верхней части кольца выгибалась надпись «ГИПЕРИОН», на нижней стояла цифра III. В синем круге красовалась рука, протянутая к разметавшей лучи звезде. Должно быть, дизайнер эмблемы считал, что картинка получилась гордой и обнадеживающей. Адаму, однако, показалось, что это рука утопающего, тщетно хватающаяся за воздух в последнем отчаянном жесте.

На левом нагрудном кармане комбинезона тоже была эмблема, но ее было почти невозможно различить под коркой крови. Адам разобрал лишь крупные буквы МКА и вспомнил, что это значит «Международное Космическое Агентство». Ниже — прямоугольная нашивка с личным именем. Лида... нет, кажется, Линда... фамилию было совсем не разобрать. Он собирался попробовать отчистить нашивку, но услышал за спиной шлепающие звуки босых ног.

— Куда ты? — обернулся он. В проеме двери уже никого не было. — Ева! Стой!

— Я... не могу! — донеслось из коридора. — Не могу стоять на месте... мне кажется, я вот-вот вспомню... мне так страшно! Все, что угодно, только не этот ужас! Не думать! Недуматьнедуматьнедумать! — судя по звукам, она бросилась бежать по коридору в сторону лифта.

— Ева! Вернись! — кричал Адам. — Ты не должна бродить здесь одна! У тебя же совсем никакого оружия!

Но она, должно быть, уже и не слышала его — а может, не воспринимала слов.

«Нет, — угрюмо подумал Адам, — я не брошу все и не побегу за ней только потому, что у нее бабья истерика. Сначала надо обследовать все здесь».

Он положил осколок черепа на колени мертвой и расстегнул ее левый карман. Что тут? Расческа. Да уж, навести красоту — это для него сейчас самое важное... тем более что и зеркала-то поблизости нет. Он сунул бесполезный предмет обратно. А в правом что? Кажется, пусто... а нет, что-то есть. Ручка. Сейчас редко кому приходится писать от руки (это он помнил), но, очевидно, в экипировку космонавтов подобный предмет все-таки входит. Пригодится ли ручка ему? Кто знает, но у него нет ни третьей руки, ни карманов. Переодеться в комбинезон мертвеца? Натягивать на себя эти кровавые тряпки совсем не хотелось.

Тем более что все, кто проделывал это до него, умерли.

Адам понял, что вся эта кровь не принадлежала одному человеку или даже двум. Эти двое в медпункте не

были теми, кто раздел пилотов. Они явно сняли комбинезоны с других мертвецов, а те, вероятно, с других... И вот теперь эстафета дошла до последних выживших. Возможно ли, что одежда как-то влияет на то, что здесь творится? Да ну, бред. А что здесь не бред? Лучше он не будет повторять действий предшественников, какой бы бессмыслицей это ни казалось.

Адам повернулся к мертвому мужчине. Выдернул ложку из желтовато-багрового месива в его черепе — он не мог на это смотреть, возникало ощущение, словно эта ложка вгрызается в его собственную голову — и отшвырнул ее в дальний угол. Затем перешел к его карманам. Правый был туго набит и оттопыривался.

Там оказалось нечто вроде свитка, не просто туго скрученного, но и сложенного так, чтобы его можно было запихать в карман. Свитка с каким-то чертежом... или рисунком...

Разворачивая его, Адам сразу понял, что это не бумага. И не ткань, как показалось ему на какой-то миг. Свиток развернулся полностью, и в тот же момент Адам понял, что именно держит в руках.

Это была человеческая кожа, срезанная с живота. Был отчетливо виден дырявый пупок и верхний клок темных лобковых волос. Но на остальной площади кожа была лишена растительности. Живот был женский.

И на этой коже, когда она еще принадлежала своей хозяйке — живой хозяйке, у которой шла кровь, когда с ней это проделывали, — кто-то вырезал грубый чертеж. Запекшаяся кровь отчетливо обрисовала его контуры и несколько коротких надписей. В первый момент Адаму показалось, что это какая-то каббалистическая абракадабра, но затем он сообразил, что просто держит чертеж вверх ногами.

Теперь он понял, что перед ним упрощенная схема корабля. Не все отсеки были подписаны, а надписи походили на клинопись, но все же их можно было разобрать. «РУБКА», «ЖИЛ ОТС», «ГЕН», «БИОС»... БИОС — это, кажется, какая-то аббревиатура, связанная с компьютерной техникой. Но почему это было написано

напротив зараженного уровня с распятой женщиной? И что такое «ген», располагающийся, судя по схеме, точно в середине корабля? Что-то относящееся к генетике? Он вновь почувствовал приступ иррационального страха при этой мысли.

Нет, нет. «Ген» — это, должно быть, генератор. Генератор Калкрина, он же — двигатель «Гипериона». У кораблей прошлого двигатели располагались в корме, но у темного звездолета иной принцип движения, он путешествует за счет поля темной энергии, окутывающего корабль.

Адам бросил взгляд на безголовое тело на кушетке, затем, озаренный идеей, подошел ближе. Попытался свести вместе ободранные до мяса края распотрошенного живота, приложил «чертеж» сверху. Да. Кожу определенно срезали отсюда. Если этой женщине повезло, к тому моменту она была уже мертва.

Почему, кстати, чертеж перевернут? Ее что, подвешивали за ноги?

Адам не стал брать жуткую картинку с собой («А тот парень таскал ее в кармане... да, и теперь он мертв, ему вычерпали ложкой мозги»). В конце концов, схема достаточно простая, запомнить несложно.

Если только он снова не потеряет память.

Он бегло осмотрел медпункт в поисках скальпелей или чего-нибудь подобного, способного служить лучшим оружием, нежели острый обломок затылочной кости. Но увы — похоже, что большинство медицинских инструментов тоже было уничтожено вандалами, громившими корабль. Или, по крайней мере, куда-то унесено. Пила, которой вскрывали черепа, для нанесения быстрого эффективного удара явно не годилась. Вздохнув, он снова взял свое костяное орудие. Хотя он уже сам не знал, верит ли еще в бродящих по кораблю убийц.

Если только не взбесится сама Ева. А она, кажется, уже не так далека от этого.

Он вышел в кольцевой коридор, затем в проход к

лифту и несколько раз громко позвал ее. Ответом ему было молчание мертвого корабля.

Впрочем, не совсем мертвого. Двигатель, очевидно, по-прежнему работал. И освещение... вне всякого сомнения, оно стало ярче.

До лифта он добрался почти бегом. Евы не было и здесь. Ну и где ее теперь искать? По всему звездолету? «Ева!!!» — безнадежно крикнул он. С тем же результатом.

Он обошел вокруг шахты лифта, заглянул в противоположный коридор, теперь освещенный из конца в конец. Мертвец со вспоротым животом лежал на прежнем месте и, насколько мог судить Адам с такого расстояния, в прежней позе. Кольчатая тварь, конечно, давно уползла. Знать бы, где она теперь ползает... меньше всего хочется наступить на такое неожиданно.

«Если бы я был охваченной отчаянием и страхом женщиной, побежал бы я в сторону трупа? — спросил себя Адам и сам себе ответил: — Нет. Значит, все-таки на лестницу».

От выхода на лестницу он вновь позвал свою спутницу и мрачно подумал, что если на корабле все-таки есть кто-то еще, они делают все, чтобы облегчить врагу задачу. Ну, наверх или вниз? Вряд ли она решила спрятаться в рубке... хотя кто знает, на что она способна в таком состоянии. Подождав еще несколько секунд, он все-таки двинулся вниз, не имея ни малейшего понятия, что делать дальше. Ева могла забрести в любой из отсеков, в любое из помещений...

Он решил все же сначала пройти всю лестницу до конца, продолжая окликать пропавшую. Потом, если это не поможет, придется последовательно обходить уровни. Заодно и узнает, что делается там, где он еще не был... Впрочем, в том, что ничего хорошего там не делается, он уже не сомневался.

Он нашел Еву почти в самом низу, недалеко от входа на страшный уровень, где висела на проволоке женщина-улей. Ева лежала на ступенях, скорчившись в неестественной позе, головой вниз, как человек никогда не

лег бы по своей воле. Картина стала ясна Адаму с первого взгляда: бежала, не помня себя, споткнулась на крутых ступеньках, сломала шею.

А может, кто-то ей помог. Хотя если так, то она легко отделалась, учитывая состояние других жертв.

Так или иначе, Адам снова один. Один на один с этим жутким кораблем, и мысль об этом наполнила его такой безысходной тоской, что впору было самому броситься головой вниз на ступеньки.

Тяжело переставляя ноги, он спустился к телу, присел рядом и положил окровавленную руку на скрытое под грязными повязками плечо Евы. И тут же понял, что поторопился с выводами. Женщину била дрожь, но она была жива. Или это была дрожь агонии?

Но нет, она, упершись руками в ступени, медленно подняла голову и посмотрела на своего товарища по несчастью взглядом истязаемого детьми зверька. Изо рта на перевязанный подбородок текла кровь.

— Ты ранена?!

— Нет... — произнесла она пустым равнодушным голосом.

— А это что?

— Это? — она машинально лизнула губу. — Кажется, я кусала губы... — и она вновь замолчала.

— Я нашел карту, — сказал Адам, чтобы хоть что-то сказать. Что представляла собой эта карта, он, конечно, не стал уточнять.

— Ну и что? — так же бесцветно откликнулась Ева.

— Ну... теперь мы знаем, где генератор. Надо подняться на пять уровней...

— И что? — повторила Ева.

— Может быть, там есть какая-то дублирующая система управления. Раз уж мы не можем ничего сделать из рубки... Должно же быть аварийное отключение на месте. Скажем, специально для проведения ремонтных работ.

— Это не поможет, — покачала головой Ева.

— Ну, конечно, мы вывалимся посреди межзвездного пространства. Но по крайней мере перестанем тра-

тить топливо, или от чего там работает наш генератор... и перестанем удаляться от Земли. А потом, может быть, нам все-таки удастся разобраться и что-то починить... — Последняя фраза прозвучала откровенно фальшиво, и он сам это понял.

— Нам уже ничего не поможет, — устало произнесла Ева. — Неужели до тебя до сих пор не дошло? Господи, какой же ты осел...

— Ну ладно, — он решительно поднялся. — Мне надоело это нытье. Я иду разбираться с генератором. А ты, если хочешь, можешь и дальше валяться на лестнице и ждать, пока вон оттуда приползут червежуки и сделают в тебе гнездо, — и он двинулся вверх по лестнице, не оглядываясь. Через некоторое время по шлепающему звуку шагов он понял, что Ева все-таки идет за ним следом.

Схема не подвела. Двигательный отсек оказался именно там, где ожидалось. Но проход к генератору преграждала наглухо закрытая тяжелая дверь, выкрашенная в косую черно-желтую полоску. Вместо ручки у этой двери было матовое изображение ладони, слабо светившееся красным. На его гладкой поверхности заметны были следы ударов чем-то острым, но, как видно, материал был отменно прочным.

«Сенсорная панель», — догадался Адам и с досадой закусил губу. Очевидно, доступ разрешен отнюдь не любому члену экипажа, а только инженеру или кому-то вроде... И где теперь искать среди всех этих трупов инженера? А главное, не поможет: современные биометрические сканеры достаточно умны, чтобы не срабатывать от мертвой руки.

Оставалась надежда лишь на то, что хотя бы один из них двоих и есть инженер, имеющий допуск. Адам по-прежнему не помнил, каковы были его обязанности на борту, но вероятность не слишком велика. Он приложил руку к панели, мысленно готовясь, что сейчас придется просить о том же Еву, а когда и это не сработает...

Раздался мелодичный звук, и он даже сквозь пальцы

увидел, как панель засветилась зеленым. Стоило ему убрать руку, и дверь отъехала в сторону.

Они вошли в тамбур, за которым обнаружилась еще одна дверь с надписью «Внешний контур. Только для авторизованного персонала» и еще каким-то табло, которое не горело. А справа, на стене между двумя дверями, действительно находился резервный щит управления.

Взгляд Адама сразу приклеился к надписи «Аварийное отключение генератора» на панели с красной кнопкой. Но сама эта кнопка ничего не отключала — она лишь снимала блокировку с защитного кожуха. Адам без колебаний нажал ее. Кожух откинулся, под ним оказалась большая красная рукоять.

До упора повернутая вниз.

Это было неправильно. Адам мог потерять память, но нечто более глубокое, чем любые осмысленные воспоминания — выработанный бесчисленным повторением рефлекс, — говорило ему, что на любом летательном аппарате, от планера до зведолета, для любого переключателя «вверх» означает «включено», «вниз» — «выключено». Никак не наоборот.

Все еще не веря, он все-таки перебросил рубильник в верхнее положение — ровным счетом ничего не изменилось — затем вернул в нижнее. Ну да, правильно: именно напротив нижнего положения стоят буковки «ВЫКЛ». И лишь затем он обратил внимание на показания индикаторов на щите.

Мощность главного контура: 0
Мощность резервного контура: 0
Остаток топлива: 0
Система отключена

— Этого не может быть, — пробормотал он.

— Ну?! — воскликнула Ева с истерическими нотками в голосе. — Теперь ты понял наконец?

— Что понял? — рявкнул он в ответ. — Что я должен был понять?!

— То, что мы покойники!

— Положение у нас хреновое, — согласился Адам, — но все-таки...

— Что — все-таки?! Мы уже мертвы, понимаешь? Мы умерли, и это — наш ад!

— Что за чушь ты несешь...

— Господи, ну я же говорила, что ты — осел! Чем ты слушал?! Это одиннадцатиместный корабль!

— Ты имеешь в виду тот список?

— При чем тут список?! Сколько трупов мы нашли?

— Восемь плюс в медпункте... одиннадцать, — ошарашенно проговорил Адам.

— Вот именно.

— Нет, — он потряс головой. — Этого не может быть.

— Чего не может быть, так это зайцев на межзвездном корабле. В городской автобус и то без карточки не войдешь.

— Я не знаю... должно быть какое-то рациональное объяснение... — бормотал Адам, а перед глазами его стояла кровавая надпись, которую он видел только одно мгновение, прежде чем ее поглотила тьма: «СМЕРТИ НЕТ».

— За то время, что ты себя помнишь, у тебя возникало желание есть? — дожимала Ева.

— Издеваешься? В такой-то обстановке?

— А пить? А в туалет?

— Просто прошло еще недостаточно времени...

— Да мы даже проблеваться не можем, когда выворачивает! И не потеем, когда бегаем! Скажешь, у тебя не так?

— Ну...

— А вот это? — она ткнула рукой в щит. — Как может корабль лететь, если у него давным-давно закончилось топливо?! И не могло не закончиться! Глизе 581 всего в двадцати световых годах от Солнца, — должно быть, она вспомнила это. — А мы? Ты видел, как далеко

мы забрались. Первый звездолет просто не мог быть рассчитан на такой далекий путь!

— Может быть, изображение в рубке — ошибка? Сбой компьютера, тем более учитывая, как здесь все крушили? И на самом деле мы давно вывалились в обычное пространство и дрейфуем там с досветовой скоростью... мы ведь не знаем, что на самом деле творится снаружи...

— А свет? Откуда здесь электричество? Если все мощности по нулям — я так понимаю, это относится не только к работе двигателя!

— Просто аккумуляторы еще не сели...

— Ты сам говорил — свет стал ярче. Кто их заряжает?

— Солнечные батареи. Может, мы на самом деле рядом с какой-нибудь звездой...

— Кстати, если мы свободно дрейфуем, где невесомость? Только не говори мне, что эта штука вращается. Тогда бы сила тяжести в разных ее местах была разной, а мы были уже много где, и...

— Я уверен, все можно объяснить.

— Идем.

— Куда?

— В медпункт.

— Ты же сама убежала оттуда.

— Да. А теперь хочу кое на что повнимательней посмотреть. Да и тебе показать.

Она развернулась и пошла к лестнице, и теперь уже он вынужден был поспешить следом.

— Между прочим, — язвительно заметил он, шагая вверх по крутым ступеням, — если мы призраки, то почему топаем по лестнице? Почему не воспарим сквозь стены и потолки? Может, у нас и нарушились какие-то физиологические реакции, но лично я чувствую свое тело, и оно вполне материально.

— Может, так и должно быть, — ответила она, не оборачиваясь. — Откуда ты взял, что призраки летают по воздуху, — из мультиков? Если бы мертвецы ничего не чувствовали, откуда бы взялись мучения в аду?

— Я не верю в ад.

— Я тоже раньше не верила.

Через пару минут они вновь вошли в помещение медпункта. На этот раз Ева решительно подошла к мертвой женщине в кресле и принялась отчищать от крови бирку с ее именем. Адам пожал плечами и занялся тем же по отношению к мужчине.

— Линда Эверетт, — прочитала Ева, закончив работу.

— Виктор Адамсон.

— Сказала бы, как положено, «очень приятно», но это не слишком подходит к ситуации.

— Ты хочешь сказать, что... это и есть мы? То есть наши тела? — Адам уже успел привыкнуть к трупам и прикасался к ним без особых эмоций, но тут вдруг поневоле отшатнулся от сидевшего в кресле. — Только потому, что их фамилии похожи на...

— Не только фамилии. Повязки у нее на лице, как у меня. И, думаю, под комбинезоном то же самое.

— Повязки не...

— Не доказательство, знаю. Как насчет этого? Придержи-ка ему голову ровно.

Ева, пересилив себя, подняла с пола верхнюю часть черепа мужчины и опустила ее туда, где та пребывала до вмешательства пилы. Получилось не совсем ровно, но голова вновь стала выглядеть как голова, а не как чаша из кошмарных снов.

— Не знаю, насколько хорошо ты помнишь свое лицо, — сказала Ева, — но можешь поверить моему женскому взгляду со стороны — сходство потрясающее.

Кровь, залившая лицо мертвеца, сделала это не столь очевидным, но теперь, всмотревшись, Адам вынужден был признать сходство с тем, что он увидел в зеркале вскоре после пробуждения. Вот только там, где у него на лбу была повязка, здесь багровела жуткая щель распила.

— Так ты это увидела, прежде чем убежала отсюда?

— Да. Ну и у меня как щелкнуло, все стало сходиться... Только не говори, что в экипаже у тебя был брат-

близнец, — добавила Ева. — А это что, ручка? Тоже кстати. Ты сохранил бумагу с именами?

Адам хотел ответить отрицательно, но, взглянув на фонарик в своей руке, убедился, что его рукоятка по-прежнему обернута исписанным листком. Должно быть, он прихватил его машинально перед уходом из информатеки.

— Пиши... — начала Ева, но тут же перебила себя: — Хотя нет, там скорее женский почерк. Диктуй, — она с ручкой в руке подошла к столику возле кушетки и приготовилась записывать на его белой поверхности.

Адам развернул листок. Тот был замусолен и залапан кровью, но буквы еще можно было разобрать.

— «Д-р Калкрин — сам. Д-р Харт — инфаркт...»

— Видишь, я даже не смотрю, что пишу, — комментировала Ева, — чтобы ты не сказал, что я пытаюсь имитировать почерк... Ну вот, теперь давай сюда свой листок.

Адам подошел и положил список рядом со свежими надписями на столе. Комментарии не требовались — было очевидно, что оба перечня написаны одной рукой.

— Стоп, — произнес Адам. — Не сходится. Ведь этот листок я нашел не здесь, а в кармане у мертвой женщины в склад-отсеке. Если ты здесь, а не там, как он там оказался? И кстати, даже если предположить, что мы — это они, — он ткнул пальцем в сторону трупов в креслах, — то эти имена не могут быть нашими. Ведь это не наши, то есть не их комбинезоны. Они сняты с пилотов в рубке...

— То есть это мы так предположили. Но может быть, как раз здесь мы не правы. Мы все еще не знаем, что случилось с одеждой большинства членов экипажа...

— Как и с самим экипажем, — напомнил Адам. — И еще. Ну, допустим, мы умерли. И наши души заперты здесь, как на «Летучем голландце» — вот уж действительно летучем... Но где в таком случае остальные? Где еще девять призраков?

— Может быть, они попали в рай. И только мы оказались так грешны, что...

— Рай, ад — чушь собачья! Лететь на межзвездном корабле и принимать всерьез эти средневековые глупости!

— Может быть, — не слушала его Ева, — может быть, на самом деле это именно мы... мы всех и убили! А в конце концов — друг друга...

— Ага, — скривился Адам, — и я лично грыз руки пилоту...

— Почему нет? Мы предполагали, что либо это сделал он сам в каком-то припадке, либо некий инопланетный монстр с похожей на человеческую челюстью. Но есть ведь третий, наиболее простой и вероятный вариант — другой человек...

— И мы ничего не помним. Почему? Если даже принять версию, что мы прокляты, то разве наказываемый не должен знать, за что он наказан?

— Вот мы постепенно и узнаем.

— Не верю, — упрямо повторил Адам, глядя на распиленное пополам лицо своего двойника. — Чушь. Бред. Не может быть.

— Ну давай пойдем в рубку. Осмотрим пилотов тщательней, чем в прошлый раз.

— Ты еще предложи следственный эксперимент. Выгрызть кусок из руки трупа и сравнить следы... — Его передернуло.

— Я ни на чем не настаиваю, Виктор...

— Не называй меня так!

— Двигатель не работает, топливо на нуле, корабль неуправляем, и весь экипаж мертв, — устало перечислила она. — И мы заперты здесь без выхода и надежды. А верить или не верить — это твои трудности.

— Ну ладно, — беспомощно пожал плечами Адам. — В рубку так в рубку. Все равно я не знаю, куда идти и что делать дальше.

И они снова поднялись в рубку. Свет здесь по-прежнему не горел, но у Адама возникло твердое ощущение, что фонарик, уже почти было разрядившийся, стал светить ярче. Это уже не укладывалось ни в какие разум-

ные объяснения — уж его-то точно ни от каких батарей не подзаряжали.

Адам остановился перед креслом первого пилота (первый — тот, что слева, всплыло из глубин отрезанной памяти), внимательно осмотрел с фонарем изуродованные руки трупа, затем направил луч ему в лицо, на которое в прошлый раз бросил лишь беглый взгляд (а Ева, кажется, на это лицо вообще тогда не смотрела).

— Что ты там говорила насчет близнецов? — хрипло спросил он.

Ева встала рядом, не веря собственным глазам. Если не брать в расчет царапины, выломанные зубы и отсутствие шва на лбу, на нее смотрело закатившимися глазами то же самое лицо, что и в медпункте.

— Ничего не понимаю, — пробормотала женщина. — Который же из них ты?

— Я — это я! — агрессивно рявкнул Адам, тыкая себя в грудь. — А эти... я не знаю, кто они такие! Может быть, — добавил он уже более рассудительным тоном, — может, в экипаже действительно были братья? Или, что более вероятно, клоны...

— Никто не пошлет клонов в дальнюю экспедицию, — возразила Ева. — Там нужны разные специалисты, а не копии одного и того же.

— Но клоны, как и природные близнецы, похожи только внешне, а специальности у них могут быть разные...

— Все равно. Их наличие на борту может породить психологические проблемы, — обрывки когда-то читанных наставлений по космической психологии всплывали в ее сознании. — Начиная от обычной путаницы, в том числе злонамеренной, и кончая....

— Но даже если твоя безумная версия верна и я умер, я же не мог умереть два раза!

— Не знаю. Теперь уже ничего не знаю. Все это кажется каким-то мороком...

— Я реален, черт подери! — заорал Адам и с размаху ударил труп кулаком в лицо. Несколько плохо державшихся зубов провалились в мертвый рот, один из них

повис под губой на кровяной прожилке. — Слышишь, ты, дохлятина?! Реален! Реален!.. — Он молотил снова и снова, а в голове его билось осознание того факта, что лица всех обнаруженных здесь мертвецов были либо не видны, либо обезображены, либо искажены и запачканы. И все-таки, даже несмотря на это, он мог бы обратить внимание на сходство раньше — если бы его подсознание не противилось до самого последнего момента, пока его не ткнули носом. — Я не хренов призрак!!!

— Виктор! Адам! Прекрати! — Ева пыталась хватать его за руки, но он отшвырнул ее. Живая женщина, не удержав равновесия, упала на колени мертвой, сидевшей в правом кресле, и та от толчка уронила ей голову на плечо, клацнув зубами. Адам ударил беспомощный труп пилота еще дважды, затем бессильно уронил руки. В разбитом лице мертвеца теперь уже трудно было узнать его собственное, но это не спасало. Приступ ярости схлынул так же внезапно, как и начался, уступив место чему-то куда более страшному — гигантской и неотвратимой, как цунами, волне отчаяния. Самого черного и беспросветного отчаяния, многократно превосходившего, он был в этом совершенно уверен, любые горести его прежней забытой жизни. И чувствуя, как эта волна обрушивается на него всей своей тяжестью, он побрел прочь из рубки — не видя, куда идет, шатаясь как пьяный.

— Адам! — Ева выбралась из объятий покойницы и нагнала товарища у выхода из рубки. Почти силой она развернула его, чтобы он не уперся лбом в полузакрытую дверь.

И тут в тишине раздался звук, которого они менее всего могли ожидать. Открылись двери лифта.

Адам и Ева, едва не столкнувшись головами, уставились в просвет между дверями рубки. В освещенном проеме лифтовой кабины, привалившись к его краю, стоял человек. Босой, в грязном и окровавленном нижнем белье.

Тот, кого здесь никак не могло быть. Просто потому, что он был двенадцатым.

Впрочем, простоял он недолго, какую-то долю секунды. А затем повалился вперед и, никак не попытавшись смягчить падение, грянулся на пол. Звук, с которым его лоб с размаху ударился об пол, заставил вздрогнуть обоих свидетелей.

Адам первым протиснулся между дверями и присел рядом с упавшим. Затем поднял безнадежный взгляд на Еву.

— Мертв? — поняла та.

— Причем давно. Видимо, застрял в лифте, когда отрубилось питание. И так и умер, привалившись к дверям, которые не смог открыть.

Говоря это, Адам смотрел на лицо мертвеца. Лицо, которое он видел уже как минимум трижды, включая отражение в зеркале.

Но Ева уже смотрела на другое.

— Господи... Ты только взгляни на его руки!

Адам посмотрел. Потом тяжело поднялся и заглянул в кабину лифта, которая все еще стояла открытой, ибо ноги покойника оставались между дверями.

Все стены кабины изнутри были исписаны красным. И это уже не были отдельные фразы крупными буквами. Это был сплошной текст (не разделенный даже знаками препинания), покрывавший стены по спирали, начиная от высоты, до которой писавший мог дотянуться, и почти до самого пола. А на полу валялись куски того, что он использовал вместо фломастера.

— Он откусывал себе пальцы, — констатировал Адам. — По кускам. Чтобы написать это. Когда кровь переставала течь, наступал черед следующей фаланги... А последние фразы, — он всмотрелся в широкие и размазанные, почти нечитабельные буквы в считаных дюймах от пола, — мне кажется, он дописывал языком. Макая его в кровь, текущую из запястий.

— И... по-твоему, это ответ? — спросила Ева, испуганно глядя на кривые строки.

— Думаю, да.

— Мне так страшно... мне кажется, нам не надо это читать!

Но Адам, конечно, уже шагнул внутрь кабины. Начало текста, видимо, обозначала большая клякса, от которой протянулась вниз засохшая струйка почти по всей высоте кабины — на тот момент у писавшего было еще много «чернил»:

отчаяние тьма это действительно тьма темная энергия отчаяние единственный смысл и суть вселенной боже бога нет есть только отчаяние создавшее мир какие мы идиоты мы ничего не поняли когда стали загибаться исследовавшие зонд мы верили только приборам даже когда оно сожрало обезьяну слишком поздно сдавать назад сказали ошибка компьютера только изменили численность все равно биосинтезатор два идиота добровольца спасают престиж программы ради науки дебилы дебилы лучше бы мы в самом деле были дебилами хотя не поможет оно в итоге поглотит все ибо оно есть альфа и омега закон возрастания отчаяния

Для Адама это отнюдь не было бессвязной тарабарщиной. С каждым прочитанным словом стена в его сознании рушилась с треском и грохотом прорванной плотины, истина неудержимо рвалась наружу, и он говорил, говорил, даже понимая, что не должен этого делать, что обрекает Еву, то есть Линду, на преждевременную — хотя все равно неизбежную — муку, но его собственная мука не позволяла ему остановиться, и вскоре ему уже даже не нужно было смотреть на кровавые буквы, один вид которых наполнял болью шрамы на пальцах...

— Мы называли это темной энергией. Энергией вакуума, рождающего частицы и античастицы. Силой, препятствующей разбеганию галактик. В общем-то все это так. Но ее истинное имя — Отчаяние. Сущность Вселенной и ее основополагающая сила. Когда-то люди считали, что главный закон мироздания — закон неубывания энтропии. Но будь это так, была бы невозможна никакая эволюция, никакое движение от простого к

сложному, от межзвездного газа — к звездам и планетам, от неорганических молекул — к живым клеткам и организмам. Тогда было постулировано, что процессы самоорганизации могут протекать в незамкнутых системах, где есть приток энергии извне. Но тогда выходило, что и сама Вселенная — незамкнутая система, иначе откуда может черпать энергию она? Теперь мы знаем, что это за энергия и какой закон мироздания действительно является главным. Закон возрастания отчаяния. Можно сказать, что отчаяние — это сила, заставляющая галактики в ужасе жаться друг к другу...

— Но разве галактики могут что-то чувствовать? — перебила Ева, чье сознание все еще противилось воспоминаниям. — Они же не живые!

— Это всего лишь вопрос терминологии. Можем ли мы сказать, что камень чувствует жару или холод? Но ведь они действуют на него вполне объективно, заставляя трескаться или даже плавиться... Но действительно, неодушевленные предметы неспособны ощутить отчаяние в полной мере. Поэтому все процессы во Вселенной протекают в конечном счете в направлении эволюции жизни и разума. Ибо жизнь и в особенности разум есть не что иное, как отчаяние, способное осознать себя. И тем замкнуть положительную обратную связь и реализовать единственную цель и смысл существования Вселенной — достижение абсолютного, бесконечного отчаяния...

— Но ведь отчаяние — это просто эмоция! Возникающая в нашем мозгу в ответ на удары судьбы. Оно субъективно! Как оно может быть какой-то фундаментальной космической силой?!

— Если сильно ударить человека по голове, он увидит краткую вспышку. Пресловутые искры перед глазами. Это — субъективная иллюзия, но она не значит, что объективного света не существует. Вот аналогия того отчаяния, что мы испытывали в быту. А теперь сравни эту вспышку с необходимостью смотреть глазами, лишенными век, глазами, не способными ни моргнуть, ни отвести взгляд — смотреть на солнце... нет, на тысячи,

на триллионы солнц, разом на все звезды Вселенной! По сравнению с этой мукой, с силой отчаяния, на сто двадцать порядков превосходящей силу гравитации, любые самые страшные физические страдания — лишь желанный способ хоть как-то отвлечься, хоть на миг получить облегчение! И мы сами, сами приближали это! Развивая науку, совершенствуя наш разум, стремясь постигнуть мир — то есть постигнуть отчаяние... Хотя мудрецы еще в древности чуяли неладное и предупреждали, что во многом знании — много печали. И статистика четко показывала, что самый высокий уровень самоубийств — в наиболее высокоразвитых странах. Но мы не сделали выводов даже тогда, когда вернулся «Гиперион-1». Очередной триумф земной науки... автоматика отработала безупречно... а потом ученые, работавшие с вернувшимся зондом, начали один за другим кончать жизнь самоубийством, сходить с ума или впадать в кому. Это при том, что они ощутили лишь остаточные эманации темной энергии. Но приборы не зафиксировали никакой угрозы для жизни за все время полета, и даже имевшиеся на борту образцы простейших, червей и насекомых были в порядке. Их организмы были слишком примитивны, чтобы испытать отчаяние... Поэтому, конечно же, участь ученых предпочли замять «во избежание шумихи в желтой прессе и урона имиджу программы», объяснив все серией трагических совпадений. Но все-таки, прежде чем посылать к звездам людей, отправили еще один зонд, на борту которого был шимпанзе. И «Гиперион-2» бесследно исчез. Если бы он вернулся с мертвой или безумной обезьяной, вероятно, наш полет все же не состоялся бы. Но он просто исчез, и никому не пришло в голову, что дело могло быть в живом существе, не имевшем никакого доступа к системам управления. Все списали на сбой бортового компьютера. Запуск «Гипериона-3» был уже слишком широко разрекламирован, в проект были вложены огромные средства, отступать было поздно. И все-таки из-за этой череды несчастных случаев в программу полета были внесены изменения. С самого начала планировалось,

что люди не будут высаживаться на слишком массивные планеты Глизе 581. Эта роль была отведена биороботам, создаваемым и модифицируемым в соответствии с возникающими задачами прямо на борту, в биосинтезаторе с запасом протоплазмы, размещенном на втором снизу уровне. Чудеса земной генной инженерии... Экипаж должен был лишь обрабатывать собираемые и доставляемые ими данные. Но под давлением скептиков, говоривших об опасности полета для людей, было решено, что большая часть этих данных будет обработана на Земле. Корабль был уже спроектирован и построен в расчете на одиннадцать членов экипажа, но полетели только двое... Ты все еще не вспомнила, Линда? Здесь не двенадцать трупов, а гораздо больше, этот корабль набит ими. Но на самом деле здесь нет никого, кроме нас!

— Ты... хочешь сказать, все эти мертвецы — биороботы?

— Нет, нет, все гораздо хуже! Наши технологии не позволяют нам создавать точные копии человека! Биологические модели, на которые рассчитан наш синтезатор, намного примитивнее. Но *ему* не требуется посредник в виде синтезатора, ибо *оно* само есть сила, творящая жизнь. И *оно* не отпустит нас...

— Оно?

— Отчаяние! Чем ты слушаешь? Отчаяние! Оно способно организовать жизнь из неживой материи, но на это уходят миллионы лет, ибо оно само не обладает никаким разумом. Но с таким подарком, как готовая протоплазма, все происходит гораздо быстрее. Все эти ползучие твари — жизнь, самозародившаяся у нас на борту! Поэтому они такие уродливые и неуклюжие — они не проходили естественного отбора, кажется, большинство из них даже не способны питаться и размножаться... Но главное — это мы, Линда, мы! Микрокосм есть подобие макрокосма! Душа на самом деле существует, и это вовсе не бесплотный ангел с крылышками. Это устойчивая матрица темной энергии, или, что то же самое, структурированное отчаяние... Все то время, что

мы пытались исследовать темную энергию в глубинах космоса, она была в нас самих! Но точности наших приборов не хватало, чтобы ее заметить, — мы ведь искали лишь гравитационную составляющую, которая в десять в сто двадцатой степени раз слабее истинной сущности... Понадобился генератор Калкрина, чтобы перевести нас в состояние темной материи и тем ввести наше отчаяние в резонанс с великим отчаянием Вселенной. Теория предсказывала, что при отключении генератора произойдет самопроизвольный возврат в исходное состояние, но это было верно лишь для неодушевленного зонда. Когда на борту есть одушевленные существа, генератор Калкрина лишь запускает процесс, который затем становится самоподдерживающимся. В темном состоянии нам не нужно ни есть, ни пить, ни даже дышать — темная энергия питает нас напрямую...

— Я дышу! — перебила женщина.

— Я тоже, потому что рефлекс — но не уверен, что теперь нам это действительно необходимо. Это как парусный корабль, на который поставили мотор... И все системы звездолета питаются энергией нашего отчаяния, поэтому когда оно растет, свет становится ярче и включается то, что ранее отключилось...

— Но трупы...

— В том-то все и дело! Мы не можем умереть! Мы пытались уже множество раз! Но всякий раз, когда мы убиваем тело, по матрице нашей души воссоздается новое! Закон возрастания отчаяния не позволит нам ускользнуть! Ни нам и никому другому. Рано или поздно в отчаяние провалится все. Сначала — экипажи межзвездных кораблей вроде нас, потом — целые цивилизации, чей разум достигнет такого уровня, чтобы войти в резонанс с вселенским отчаянием напрямую. Наверное, рано или поздно до того же самого доэволюционируют даже звезды и галактики, и во Вселенной не останется ничего, кроме темной материи, объятой бесконечным отчаянием... То есть на самом деле этот процесс уже ближе к концу, чем к началу, — темной материи

уже вчетверо больше, чем той, которую мы считаем обычной...

— А повязки? — Линда цеплялась за соломинку. — Ну, допустим, мы воскресали без одежды, это логично, но кто-то же нас перевязывал? И почему мы вообще в этом нуждались?!

— Это не повязки, — вздохнул Виктор. — Это мертвая кожа. Наше подсознание пыталось спасти нас от правды, представляя это просто присохшими повязками... Смотри! Смотри на них внимательно!

Женщина поднесла к глазам перевязанную руку. Теперь она видела, что края «бинтов» на самом деле представляют собой уродливые шелушащиеся рубцы, а на трупно-серой поверхности самих «повязок» можно разглядеть поры и отдельные невыпавшие волоски. Значит, и ее голова... ее лицо на самом деле не было замотано — оно *превратилось* в эти жуткие лоскуты...

— Душа — это не просто личность, — продолжал объяснять Адамсон. — Энергетическая матрица хранит информацию и о теле, иначе воскрешение было бы невозможным. Естественно, никакой информации об одежде там нет, и о гнилостных бактериях тоже — поэтому тела здесь не разлагаются... Небольшие ранения не затрагивают эту матрицу, но действительно серьезные и причинившие особо сильную боль отражаются на ней — поэтому мы воскресаем с мертвой кожей или как минимум со шрамами на месте таких ран. Однако и это не позволит нам умереть. Мы пытались. О боже, сколько раз мы пытались...

Линда вздрогнула и со стоном рухнула на колени, сжимая руками голову. Теперь и она не могла спастись от хлынувших потоком воспоминаний. Воспоминаний, как она разрывала себе лицо и выдавливала глаза... изо всех сил отталкивалась ногами от пола, насаживая себя животом и грудью на трубы... вырезала чертеж проклятого корабля на собственном теле... висела, растянутая на проволоке, в то время как человек, говоривший сейчас с ней, медленно сдирал с нее кожу...

— Ты помнишь, как распинал меня? — глухо спросила она.

— Нет, — ответил он. Должно быть, это воспоминание было слишком ужасным, и подсознание все еще пыталось скрыть хотя бы его. — Неужели это я... хотя, конечно, кто же еще... зачем?

— Я сама упросила тебя. Подвергнуть меня максимально долгой и мучительной пытке. У меня самой это не получилось бы, я уже пробовала... Я надеялась, что сойду с ума. Что такая боль разрушит мой рассудок и я больше не воскресну.

— И я согласился, хотя понимал, что уже некому будет оказать ту же услугу мне... Но все равно не вышло. А потом мы пытались добиться того же, уничтожая собственный мозг. Но и это не помогло. Лишь амнезия после воскрешения оказалась более глубокой. Может быть, дело в том, что нервная ткань мозга сама по себе не испытывает боли.

— Зачем мы крушили всю технику? Просто от отчаяния?

— Не только. Приборы быстро бы раскрыли нам истину. Мы пытались продлить блаженство неведения после следующего воскрешения. Ведь для того, чтобы ощутить всю силу отчаяния, надо в полной мере осознать его...

— А сейчас? Мы осознаем? Мне очень плохо и страшно, но я бы не решилась снова на то, о чем просила тебя тогда...

— Пока еще в полной мере не осознаем. Нужно какое-то время... Это как автоматическая настройка. Но позже даже та боль покажется тебе меньшим злом, чем отчаяние! Мы уже избавлялись от инструментов из страха перед болью, которую причиним с их помощью себе потом, — а когда приходило «потом», проклинали себя за то, что сделали это...

— Говорила же тебе, не надо это читать!

— Рано или поздно отчаяние все равно накрыло бы нас. Даже без подсказок. Так уже бывало. Начиная с самого первого раза, когда мы еще не знали, что к чему...

И более того — с каждой новой смертью и воскрешением этот срок сокращается.

— Значит, у нас мало времени, — Линда поднялась на ноги. — Мы должны что-то сделать!

— Мы ничего не можем сделать, — покачал головой Виктор. — Ни мы и никто во Вселенной. Отчаяние — это не бог, не какая-то разумная сущность, с которой можно было бы договориться. Самого жестокого бога можно задобрить молитвами и жертвами. Но мы имеем дело с абсолютно тупой природной силой. С фундаментальным законом, определяющим направление процессов во Вселенной. Против него все бесполезно...

— В прошлый раз мы заклинили двери нескольких кают, где я обычно воскресала, — вспомнила Линда, — но я все равно появилась в одной из них. Как оно это делает?

— Думаю, тут проявляются свойства темной материи. Вспомни, что наши координаты фактически размазаны по Вселенной...

— Так мы что, все-таки можем проходить сквозь стены?

— Сознательным образом — нет, — Виктор стукнул кулаком в стену для убедительности. — Но смерть, видимо, аналогична переходу в квантовое состояние, а воскрешение — схлопыванию волновой функции. Только не в пределах Вселенной, а в пределах корабля.

— Наши души могут существовать без тел?

— Насколько я понимаю, нет — во всяком случае, такое состояние неустойчиво. Поэтому всякий раз образуются новые тела.

— Но это происходит только на корабле, введенном в темное состояние генератором Калкрина. Покинуть корабль мы ведь не можем?

— Нет. С нашей точки зрения, пространство замкнуто в пределах поля, созданного генератором.

— А если мы взорвем корабль?

— Не думаю, что это разрушит поле. Я же говорю, его уже давно стабилизирует не генератор, а мы сами.

— Но при взрыве мы погибнем одновременно! До

сих пор нам не удавалось это сделать, даже когда мы пытались. Возможно, в таком случае поле ослабнет? И, главное, будет уничтожен биосинтезатор с его протоплазмой! Новым телам просто неоткуда будет возникнуть!

— Что ж, — медленно произнес Виктор, — может, у нас и есть еще надежда умереть. Теоретически. Ибо на практике мы не сможем уничтожить корабль. Это только в идиотской старой фантастике звездолеты оборудовались системами самоликвидации. Хотелось бы мне спросить у авторов этой чуши, снабжались ли такими системами их собственные автомобили, поезда, самолеты. И если нет, то ради какого дьявола конструкторы космических кораблей, по их мнению, должны были поступать иначе?

— Топлива у нас нет, — рассуждала Линда, — но это если говорить о реакторе, питавшем генератор. А у нас на борту еще должны быть посадочные модули для доставки биороботов на планеты и обратно. И у них свои двигатели... я правильно помню, на химическом горючем?

— Да, — кивнул он. — Мы же не хотели нанести ущерб биосферам планет, поэтому — никакой радиации... но для хорошего взрыва и химических компонентов должно хватить. Не знаю только, сумеем ли мы... Ладно, терять все равно нечего, идем. Ангарная палуба на третьем уровне.

Пользоваться вновь заработавшим лифтом они все же не рискнули, помня, чем это закончилось в прошлый раз. Подгоняемые надеждой и страхом — надеждой умереть и страхом не успеть сделать это до того, как отчаяние вновь обрушится на них в полную силу, — они побежали вниз по лестнице. Когда они наконец выскочили на ангарную палубу, после этого бега по спирали у них слегка кружилась голова — хотя в прежние времена тренированные астронавты даже не заметили бы столь легкого испытания. Видимо, все пережитое все же высосало у них немало сил.

Здесь тоже была сенсорная панель идентификации,

и Виктора уже не удивило, что она опознала его. Зажегся зеленый индикатор, подтверждая, что люк в открытый космос закрыт и доступ на ангарную палубу разрешен, а затем дверь отъехала в сторону.

Конусовидные спускаемые аппараты стояли на разграфленном полу, удерживаемые дырчатыми кронштейнами. В высоту каждый аппарат не достигал и метра. Двух не хватало.

— Проклятье, — обреченно произнес Виктор.

— Мы не смогли бы улететь на них, даже если бы нам было куда, — уныло согласилась Линда. — Теперь я вспомнила. Биоинженерия — это как раз моя специальность. Биороботы, которых мы собирались синтезировать, размерами где-то от жука до большого краба. Для сбора образцов и съемки больше и не надо, а каждый лишний грамм при доставке на орбиту... особенно учитывая повышенную гравитацию...

— Это неважно, все равно нам не вырваться за пределы поля, — перебил Адамсон. — Главное, что мы уже пробовали использовать зонды, — он указал на пустые места. — И у нас, очевидно, ничего не вышло.

— Мы все еще помним не все, — поняла Линда. — А что, если мы попадаем в ловушку собственных представлений? Приходим, видим, что уже пробовали... и уходим, не пытаясь снова. Раз за разом. А этих зондов, может, вообще не было. Сократили, как и численность экипажа.

— Нет, вот как раз зонды сократить не могли, — возразил Виктор. — Без них вся экспедиция теряла смысл. Мы пытались использовать их для взрыва... но не здесь. Здесь у них только маломощные движки, позволяющие плавно залететь в ангар и вылететь из него. А вот снаружи находятся ракетные ступени с топливом и настоящими двигателями, с которыми аппараты стыкуются при отправке...

— Мы можем до них добраться? Снаружи ведь вакуум? Хотя должны же где-то быть скафандры. Программа полета не предусматривала наш выход из корабля, но на аварийный случай...

— Я не удивлюсь, если в нашем нынешнем состоянии мы можем выжить даже в вакууме, — мрачно изрек Виктор. — Но в любом случае это позволит нам разве что постучать кулаком в стенку ракеты. И даже если бы мы взорвали ее там — ущерба звездолету это не нанесло бы. В вакууме нет взрывной волны. Поэтому ракетные ступени и вынесены наружу... Может быть, в прошлые разы мы забыли как раз об этом! Но если нам удастся протаранить ракетой корабль, особенно в районе биосинтезатора... может, и получится.

— Как мы сможем управлять ракетой?

— Напрямую — никак. Только запрограммировать компьютер спускаемого аппарата.

Линда подошла к ближайшему посадочному модулю и поскребла ногтями по его гладкой поверхности. Тонкие, как волос, щели обрисовывали очертания нескольких лючков, но они, конечно, и не подумали открыться.

— И как мы доберемся до компьютера?

— Без инструментов внутрь не влезть, — мотнул головой Виктор. — Но это необязательно. Помимо рубки есть еще резервный пост дистанционного управления, прямо в этом отсеке... — Он замолчал на несколько секунд, вспоминая, а затем решительно повернулся и указал на дверь в дальнем углу: — Вон там.

— Если он тоже не разбит... — пробормотала Линда, шагая вслед за Адамсоном.

Ее подозрения оправдались. Громоздкий пульт был взломан, а из стены справа от него торчал оборванный провод.

— Не думала, что у нас тут есть такие старинные кабели, — сказала Линда; эта часть ее памяти тоже еще оставалась во тьме. — Вроде же сейчас везде используют проводящие наноканалы прямо в стенах?

— Это же резервная система, — пояснил Виктор. — Здесь все специально сделано на примитивной, зато надежной элементной базе. Сломать труднее, починить легче...

— Думаешь, мы еще сможем это починить?

— Попробую. Я, кажется, уже вспомнил достаточно.

Он с усилием снял погнутую крышку пульта и полез в электрические внутренности. Линда ходила взад-вперед по тесному помещению поста, не в силах оставаться на одном месте. Ей казалось, что она физически чувствует, как отчаяние, подобно черному яду, расползается по ее телу, разъедает ее изнутри.

— Кажется, шанс есть, — произнес вдруг Виктор. — Не помню, кто из нас ломал этот пульт, но он справился с задачей не слишком хорошо — возможно, из-за нехватки инструментов. В общем, учитывая повышенную прочность и неоднократное резервирование... контакты, конечно, получаются на соплях, но... хотя бы несколько минут, думаю, проработает. — Он еще некоторое время ковырялся внутри, затем развернулся к Линде: — Есть только одна проблема. Выдран слишком большой кусок кабеля. Может, ты помнишь, куда мы его дели?

— Нет, — покачала головой она.

— Тогда... Здесь нет ничего проводящего подходящей длины. Чтобы подать напряжение, нам нужен проводник длиной минимум в полметра...

— Я поняла. Я сделаю это. Возьмусь за концы провода.

— Вообще я хотел предложить жребий...

— К черту жребий! Я биоинженер. Я тоже проходила пилотскую подготовку, но первый пилот — ты. Бортокомпьютеры — твоя епархия.

— Ладно. Но там высокое напряжение, я не гарантирую, что ты выдержишь.

— Виктор, это смешно. Ну, сдохну в очередной раз, какая разница? Цепь останется замкнутой. Давай скорее, я не могу больше это выносить!

— Хорошо. Тогда берись здесь и здесь.

Она встала на колени возле пульта. Отодрав изоляцию, обмотала оборванный конец провода вокруг пальца правой руки и стиснула ее в кулак, а левую руку сунула внутрь пульта. Адамсон помог ей всунуть палец в разъем, затем кое-как приладил крышку пульта — полностью она, конечно, на место не встала, но подключить

экраны и клавиатуру удалось. Здесь даже клавиши были настоящие, как в старину, а не изображаемые на сенсорной поверхности экрана.

— Включаю, — предупредил Виктор и соединил ранее разомкнутые перемычки.

Тело Линды выгнулось дугой, и она попыталась закричать, но острая судорога, скрутившая все ее мышцы, не позволила ей открыть рот. Она могла лишь мычать через округлившиеся ноздри. С сухим треском зашевелились уцелевшие клочки волос на ее голове. Отвратительно запахло паленым.

Но Адамсон не мог отвлекаться на это, не мог даже позволить себе думать о ее страданиях. Экраны осветились, побежали надписи самодиагностики. Виктор торопливо прервал тест и отключил все предупреждения. Он и сам знал, что в таком режиме пульт проработает в лучшем случае несколько минут, пока не перегорит первый соединенный встык контакт или не загнется от нарушения номиналов еще какой-нибудь элемент. Человеческое тело — все же плохая замена сертифицированному кабелю.

Виктор попытался активировать компьютер первого зонда. «Связь не установлена», — зажглось на экране. Где проблема — в пульте, в самом зонде, где-то между ними? Нет ни времени, ни возможности разбираться! Второй зонд... «Связь не установлена». Третий... похоже, он все же поторопился, сочтя пульт полностью работающим! Тем более что... да, точно — к запаху сожженной человеческой кожи примешивался запашок горящих элементов плат. Все-таки запустить полную диагностику? Это минуты три в лучшем случае...

Линда продолжала мычать; ее тело выгнулось так, что, казалось, вот-вот хрустнут сломанные позвонки. Виктор бросил на нее мгновенный взгляд и вновь яростно защелкал кнопками. Пятый зонд... нет, все бесполезно... если только каким-то чудом не оживет шестой, последний... есть!!!

Пальцы Виктора заскользили по сенсорной панели. Несмотря на архаичный вид, пульт все же не был таким

примитивным, как на заре космической эры. Для программирования полета не требовалось вводить десятки и сотни строк кода — достаточно было указать цели на поворачиваемой и масштабируемой схеме. Вылет из ангара и стыковка с ракетой — вообще базовые операции, не требующие отдельной программы... теперь разворот и...

— Сейчас, Линда, — сказал он, нажимая на кнопку подтверждения.

«Выбранный курс угрожает безопасности корабля. Программа отменена».

Тупая железяка! То есть, наоборот, слишком умная...

Линда все еще мычала и, значит, была жива. Лучше бы она умерла, подумал Виктор. Умерла и опять возродилась в блаженном неведении в своей каюте...

— Потерпи еще немного, — беспомощно пробормотал он, вызывая на экран настройки. Изменить уровень безопасности...

«Введите пароль».

Пароль! Проклятье! Ну конечно же, он знал пароль... когда-то... много смертей назад...

Жуткое мычание оборвалось, сменившись захлебывающимся хрипом. Пахло горелым мясом. Но она все еще была жива.

И вдруг, словно вынырнув из самых черных глубин отчаяния, буквы и цифры пароля встали у Виктора перед глазами. Он начал вводить их так поспешно, что сбился. Еще раз, не торопись, не обращай внимания на звуки и запахи... Есть! Проверка не предельную перегрузку — отмена, проверка на остаток топлива — отмена... отменить, все отменить...

Проверки на столкновение со звездолетом в настройках не было. Ее нельзя было отменить. Как совершенно справедливо заметил Адамсон ранее, никакому нормальному конструктору не могла прийти в голову ситуация, когда экипажу понадобится разрушить собственный звездолет. Рисковать зондом — да, даже уничтожить зонд... но не сам корабль!

Виктор протянул руку, чтобы выключить питание. Ничего не выйдет. Они обречены. Обречены снова и снова принимать на себя вселенскую тяжесть космического отчаяния, искать облегчения в физических муках, умирать и возрождаться для нового страдания, навечно запертые в этом проклятом корабле...

Стоп! Он отдернул руку. Пространство, замкнутое в коконе поля... компьютер зонда ничего не знает об этом! Он не рассчитан на запуск из темного состояния — разумеется, ведь такой запуск лишен смысла. Он считает, что за пределами ангара обычный континуум, где разгоняться, развернувшись кормой к кораблю, значит удаляться от него...

Пальцы Адамсона вновь скользили по панели и тыкались в кнопки. Только бы успеть! Запах паленых деталей становился все сильнее, пульт мог вырубиться в любой миг. Так, максимальное ускорение на старте — правильно отменил все ограничения по перегрузкам и топливу, — тогда, когда звездолет внезапно окажется перед носом ракеты, маневровые двигатели не успеют развернуть ее и избежать столкновения.

«Программа подтверждена. Стартовая последовательность инициирована».

Зажегся красный транспарант, показывающий, что выход в ангар блокирован, и включился еще один экран, отображающий вид с камеры зонда. В нормальных условиях на откачку воздуха из ангара ушло бы несколько минут, но из-за отмененных настроек безопасности широкие двери разошлись сразу, выпуская воздух в космическое пространство. Впрочем, снаружи была не обычная чернота космоса, а какой-то тошнотный серо-бурый полумрак, разумеется лишенный всяких звезд. Посадочный модуль, развернутый при помощи подвижного кронштейна носом к выходу, включил свои двигатели.

Виктор предпочел бы проследить процесс стыковки с ракетой и дальнейший ее путь до самого конца, но Линда была все еще жива, и он не мог мучить ее дальше. Компьютер должен справиться с задачей. Адамсон

вновь протянул руку, чтобы отключить пульт. В этот миг, как полагалось при любых операциях в околокорабельном пространстве, снаружи включились бортовые огни, и в их свете сквозь приближающийся к модулю дверной проем Виктор увидел россыпь каких-то мелких предметов, летевших за бортом. Он понял, что это такое, — выброшенные ими инструменты (поле сконфигурировано так, чтобы создавать силу тяжести внутри корабля, но не за его пределами, вспомнилось пилоту). Если зонд столкнется с ними, не повлияет ли это на его курс? Вроде не должно, слишком мелкие...

— Все, Линда, — выдохнул он, когда зонд оказался за бортом, но прежде, чем он успел разорвать цепь, в недрах пульта раздался короткий треск электрического пробоя. Успевшие зарядиться конденсаторы удерживали изображение на экране еще пару секунд. И за эти секунды в поле зрения камеры модуля попал еще один предмет, дрейфовавший в облаке мусора, но заметно более крупный. Тело, раскинувшее руки и ноги. И Виктор даже успел разглядеть, чье именно. Экран погас, а перед его глазами еще стояла оскаленная гримаса его собственного трупа...

Линда рухнула навзничь, деревянно ударившись затылком об пол. Почерневшие пальцы дымились. Из носа текла кровавая слизь. Виктор нагнулся над женщиной. Признаков жизни она не подавала. Все-таки умерла? Но даже если так, это не тот случай, когда о мертвой можно сказать «отмучилась»... во всяком случае, пока ракета не выполнит свою задачу.

Но если она сейчас возродилась в носовой части корабля, то погибнет ли она, когда ракета врежется здесь, в районе кормы? Возможно, что и нет. Но если будет уничтожен биосинтезатор со всей протоплазмой, череда перерождений закончится и на полуразрушенном корабле ей в любом случае останется недолго. Как он только что убедился, в вакууме они все-таки не выживают. Хотя... уверен ли он, что тогда его убил именно вакуум? Может быть, он долго не мог покончить с собой, пока не поймал один из летевших рядом предме-

тов? По тому, как нехорошо стало Виктору от этой мысли, он понял, что скорее всего угадал.

Ну, где же взрыв? Виктор почувствовал, как тяжелая усталость, верная спутница безнадежного отчаяния, наваливается на него снова. Он привалился к стене и закрыл глаза — как оказалось, как раз вовремя, чтобы услышать передавшуюся через стенку короткую тупую дробь ударов. Ни один из них не был достаточно силен, чтобы заставить громаду корабля хотя бы слегка вздрогнуть. Конечно же, это не мог быть взрыв ракеты. Столкновение с инструментами, или что там еще они выбрасывали? Но где же, где эта проклятая ракета? Неужели промазала? Если он неверно оценил кривизну того псевдопространства, в котором они находятся... впрочем, деваться ракете все равно некуда, слишком уж тут мало места, рано или поздно... Вот только куда придется удар?..

Если Линда мертва, можно снова подключить ее тело к проводам и попробовать опять установить связь с ракетой. Он уже взял ее за руку с этой мыслью, но в этот момент тело женщины вдруг конвульсивно дернулось, она кашлянула так, словно давилась собственным языком, снова содрогнулась, а потом тяжело подняла голову.

— Мы еще... здесь? — хрипло выдохнула она.

— Какие же мы идиоты! — воскликнул Виктор, осознав вывод из своей последней мысли. — Тебе не надо было хвататься за провода! Мы могли притащить сюда любой труп и использовать его!

— Ничего... — Она неловко вытерла лицо тыльной стороной правой ладони, стараясь не коснуться ничего обожженными пальцами. — Лучше уж это, чем *оно*...

— *Оно*, — убито кивнул Адамсон. — Может быть, *оно* влияет даже на наши решения, заставляя нас выбирать те, которые служат его закону — закону увеличения отчаяния...

— Ракета. Что с ракетой? Тебе не удалось ее запустить?

— Удалось, но... Я понял. Мы дважды идиоты, —

угрюмо констатировал Виктор. — На корабле нет системы самоуничтожения. Но на беспилотной ракете — есть! И когда компьютер понял, что столкновения не избежать... до нас долетели лишь мелкие обломки.

— И мы никак не можем это отключить?

— Нет. А если бы даже и смогли — это был единственный модуль, с которым мне удалось наладить связь. Да и пульт, боюсь, больше не заработает...

Линда сидела на полу, глядя на свои почерневшие пальцы. Страдальческая гримаса кривила ее изуродованное лицо, выглядевшее в результате особенно жутко — слои мертвой кожи, наползая друг на друга, сминались жесткими складками и кое-где даже трескались.

— Очень больно? — спросил Виктор. — Может быть, тебе, ну... новый цикл?

— Смерть как лучшее лекарство, убийство как первая помощь... — пробормотала она. — Нет. Не хочу опять сначала. Опять все вспоминать... переходить от надежды к... тем более все короче... Слушай, я знаю, что нам делать. Мы все-таки взорвем этот проклятый корабль. Во всяком случае, второй уровень точно.

— Как?

— Водород. Гремучий газ.

— И откуда мы его возьмем, тем более в таких количествах?

— Заставим эту дрянь саму создать свою погибель. Запустим вирус в протоплазму. Ее клетки очень пластичны. Способны служить материалом хоть для отдельных человеческих тканей, хоть для анаэробных биороботов... а выделение биогенного водорода — это рутинный биохимический процесс. Его совсем несложно запрограммировать. Сейчас протоплазма растет за счет темной энергии, как растительная биомасса Земли за счет солнечной — ну и пусть растет, чем больше, тем лучше. Вирус встроится во все ее клетки. И заставит их вырабатывать водород.

— Ты сможешь создать такой вирус?

— Я все-таки биоинженер.

— Да, но... все разгромлено...

— На втором уровне тоже есть резервный пост.

— Если он в таком же состоянии, как этот...

— Что мы теряем? Идем.

— Ладно, — бесцветным голосом согласился Адамсон. — Пошли. Если ты настаиваешь...

— Ты не веришь, что у нас получится?

— Оно не отпустит нас. Не знаю как, но не отпустит.

— Виктор, не говори так! Это оно заставляет тебя так думать! Ты ведь сам говорил — это абсолютно тупая сила, а не какой-то хитрый враг! Мы должны бороться!

— Ты еще можешь... на что-то... надеяться? — волна апатии и бессилия, накатившая на него, была так сильна, что он едва заставлял себя шевелить губами.

— Боль. Думаю, дело в ней. Пока я думаю о боли, я не могу полностью сосредоточиться на отчаянии. Но оно, конечно, будет становиться сильнее... Идем же, пока еще можем это выносить! — Видя, что Виктор не двигается с места, она с размаху влепила ему пощечину, затем еще одну — и застонала от боли в собственных пальцах. Адамсон нехотя положил руку на панель, открывающую выход. Ангар уже вновь заполнился воздухом, и автоматика позволила им покинуть диспетчерский пост.

На втором уровне мало что изменилось со времени последнего визита Адамсона — разве что омерзительная жизнь, похоже, расплодилась еще сильнее. Но, как и в тот раз, Виктор глядел не на слизистые грибы и свисавшие с потолка мясные сталактиты, а на изуродованный труп, распятый поперек коридора. В мертвой плоти все так же вяло копошились получерви-полужуки; кажется, их стало больше и их трупиков на полу — тоже. Теперь он знал, что это тело Линды и что чудовище, сотворившее с ней такое, — он сам.

Воспоминание о происходившем тогда резко выплеснулось в сознание, породив ощущение почти физического удара. Адамсон вздрогнул и крепко зажмурился, но от этого кошмарная сцена только яснее проступила перед глазами.

— Я тоже это помню, — тихо сказала Линда. — Идем, — и она решительно двинулась боком мимо собственных изувеченных останков, поднырнув под вспоротую проволокой руку. Виктор двинулся следом, стараясь одновременно и не глядеть на тело, и не коснуться его. Под ногами влажно хрустели и чавкали мертвые насекомоподобные твари, во многих местах уже покрывшие пол сплошным ковром; ботинки липли и оскользались в слизи. Он порадовался — насколько этот глагол вообще был применим в такой ситуации, — что все-таки надел обувь мертвеца... то есть, конечно, свою собственную. Но Линда шагала по всей этой гадости босиком и, кажется, даже не обращала на это внимания. Меж тем коридор вокруг них все менее походил на конструкцию, созданную человеком, и все больше — на внутренность какой-то чудовищной, пораженной полипами и язвами кишки. Свет уже не мог проникать сквозь все, что наросло на плафоны, пришлось снова использовать фонарик. В одном месте дорогу им преградило что-то вроде мягкого бревна; Линда наступила на это (раздался звук, похожий на хлюпающий вздох) и пошла дальше, а Виктор споткнулся в темноте. Он посветил под ноги и скривился, когда понял, что это такое. Это был труп, ставший теперь частью общей массы, облепившей стены, пол и потолок; он оброс так густо, что уже невозможно было понять, мужской он или женский, не говоря уже о причине смерти. Можно было различить лишь дыру отверстого рта — черный провал в сплошной бугристой корке, полностью скрывшей прочие черты лица. Виктор почувствовал опасение, что дальше проход вообще зарос наглухо и им придется едва ли не прогрызать себе путь в помещение поста...

Тем не менее до заветной двери они добрались без особенных проблем. По всему периметру двери из щели между ней и стеной выперла какая-то губчатая дрянь, а сенсорная идентификационная панель заросла зловонной черной плесенью — но, похоже, работала и, насколько можно было различить, светилась красным. Адамсон брезгливо стер плесень локтем, затем привыч-

но приложил ладонь. Ничего, однако, не изменилось — меж его пальцами пробивался все тот же зловещий красный свет.

— Пусти, — велела Линда и, почти отпихнув его, приложила руку. — Здесь мое королевство.

В подтверждение ее слов панель озарилась зеленым, а затем дверь, разорвав губчатую массу, ушла в сторону.

Помещение поста управления биосинтезатором оказалось загажено меньше, чем коридор возле него. Больше всего наростов было на стенах возле двери, а на самом пульте — лишь небольшие лужицы маслянистой слизи, кое-где поросшие плесенью. По стенам и потолку, однако, во множестве ползали псевдотараканы, периодически срываясь и падая на пол. Упавшие на спину не могли перевернуться и так и валялись белесым брюхом кверху, вяло шевеля лапками. «Сейчас меня стошнит», — подумал Виктор, хотя и знал уже, что ничего из этого не выйдет.

Но главное — пульт работал! На нем не было никаких следов сознательного разрушения.

— Похоже, сюда мы еще не добирались, — произнес Адамсон. — Должно быть, отвращение оказалось сильнее всего прочего...

Линда потрогала́ липкое сиденье кресла — когда она отнимала палец, за ним потянулись клейкие нити — и, отодвинув кресло в сторону, встала перед пультом на колени. Экраны ожили, повинуясь ее прикосновениям; Виктор различил на одном из них пупырчатую цепочку какой-то сложной органической молекулы. Другой экран, транслировавший изображение с камеры наблюдения, показывал что-то вроде круглого бассейна, заполненного жирной и вязкой пузырящейся массой. Это и есть протоплазма, понял Адамсон.

— Ты уже знаешь, что именно делать? — спросил он.

— В общих чертах я продумала схему вируса, ну а конкретику сейчас доведу до ума... в системе есть все нужные средства.

— Много времени это займет?

— Программирование или синтез?

— Весь процесс до конца. До того момента, как мы сможем все тут взорвать.

— Не знаю. Минимальный естественный интервал между делением клеток — около двадцати минут. Мы используем всякие катализаторы, чтобы его ускорить, но все равно для того, чтобы инфицировать всю биомассу, а потом еще выработать достаточно газа, потребуется как минимум много часов. Возможно, дней...

— Дней?! Мы не выдержим! Я чувствую... чувствую *его* силу уже сейчас!

— У нас нет выбора. Придется терпеть. Если мы убьем себя или друг друга на полпути, придется все начинать сначала.

Что-то закопошилось у Виктора в волосах; он машинально стряхнул это на пол. Это оказался упавший с потолка таракан. Адамсон брезгливо раздавил тварь ботинком.

Он не знал, сколько времени он расхаживал по помещению поста, кусая губы и вцепляясь руками в волосы, когда все более страшные волны невыносимого отчаяния накатывали на него. Линда продолжала колдовать над своим пультом; ей было полегче — она была занята делом, и к тому же ее отвлекала боль ожогов: когда становилось особенно плохо, она специально давила на пострадавшие пальцы. Адамсон понимал, что она страдает меньше, чем он, и почувствовал, что ненавидит ее за это. В какой-то миг эта ненависть стала столь сильна, что он уже готов был наброситься на нее, чтобы рвать, зубами и ногтями рвать ее плоть. Вместо этого он несколько раз с силой ударил себя кулаком по лицу, пока не ощутил на губах кровь, бегущую из расплющенного носа.

— Сколько еще?! — заорал он. — Сколько ты будешь копаться?!

— Все, — мертвым голосом выдохнула Линда. — Я запустила синтез. Сейчас прогоню тесты и смогу примерно сказать, сколько нам ждать.

Виктор сел на грязный пол, впившись ногтями в ладони и сдавливая кулаками виски.

— Уровень водорода... — бормотала Линда. — Нет. Не может быть!

— Что еще? — простонал Виктор. — Ты ошиблась? Все напрасно? Я знал, знал, что...

— Нет. Наоборот. Там полно водорода! Синтезатор весь заполнен гремучим газом. Но этого же не может быть! Прошли только считаные минуты, никакой вирус не размножается с такой скоростью!

— Значит, приборы врут.

— Нет. Не врут. Кажется... кажется, я знаю, в чем дело. Это как с ракетами. Мы не помнили, что пытались уже дважды. Мы сломали пульт, чтобы предотвратить третью безнадежную попытку, но тебе все-таки удалось заставить его работать...

— Хочешь сказать, что идея с вирусом тоже не в первый раз приходит тебе в голову? — понял Адамсон.

— Да. Это же естественно, что мы раз за разом придумываем одно и то же. Только эта идея не была безнадежной. Мы просто поняли, что не дотерпим до конца процесса... Но он уже шел автоматически, наше участие не требовалось. Главное было — не мешать. Не разнести здесь все в очередном приступе отчаяния, особенно еще не вспомнив, что к чему...

— Значит, — потрясенно сообразил Виктор, — значит, мы... то есть я... повесил тебя в коридоре в качестве... знака «Вход запрещен»?!

— Да. К этому времени мы уже знали, что кровавые надписи типа «Не ходи туда!» не действуют. А увидев *это* — ты ведь не пошел дальше? И я бы не пошла... нет, я действительно надеялась, что боль убьет мой разум и для меня все кончится, но если нет... как оно и вышло...

— И сколько еще до конца процесса?

Линда вновь посмотрела на экран.

— Он завершился. Вся протоплазма инфицирована.

— Значит, мы потеряли кучу времени, пока ты создавала вирус заново! — вновь взорвался Виктор. — Мы уже давно могли со всем покончить!

— Не кричи. Осталось чуть-чуть. Идем.

Им не понадобилось возвращаться в коридор — в резервуар синтезатора можно было пройти прямо из поста управления. Спустившись по пологой лесенке и миновав вешалку, на которой когда-то висели защитные костюмы (где они были теперь, на каких из так и не найденных трупов?), астронавты оказались перед еще одной покрытой наростами дверью. Под наростами еще можно было разглядеть значок биологической опасности — что, разумеется, уже не могло остановить пришедших. По идее, за дверью должен был находиться герметичный тамбур, но как тогда вся эта живность оказалась снаружи? Благодаря парадоксальным свойствам темной материи — или же они выпустили ее сами?

Линда вновь приложила руку к сканеру, и они, преодолев тамбур, вышли на балкон, опоясывавший изнутри большое круглое помещение, которое они уже видели на экране. Вблизи колыбель жизни производила еще более отталкивающее впечатление, чем на мониторе; вязкие пузыри медленно вздувались и громко лопались в паре метров у них под ногами, в воздухе стоял густой тяжелый запах какого-то тухлого варева. Теперь Виктор понял, что означают эти пузыри, — это выделялся водород. Сам по себе, конечно, лишенный запаха.

— Ну и? — осведомился Адамсон. — Как мы это подожжем?

— Ой, — смутилась Линда, — действительно, совсем вылетело из головы. У нас были электрозажигалки, но где их теперь искать?

— Подозреваю, что за бортом.

— И тут, — она оглядывала стены, — нет никаких проводов, до которых мы могли бы дотянуться...

— Хоть бы эта хрень была из металла! — Виктор ударил кулаком по перилам балкона. — Был бы шанс высечь искру. А тут кругом сплошной пластик...

— Химически инертный и пожаробезопасный, — мрачно кивнула Линда. Затем вдруг уткнулась взглядом в первого пилота. — Подожди. Есть идея. Я сейчас принесу.

С этими словами она выскочила за дверь, оставив Виктора в бессильной тоске стискивать круглые перила. Что еще за идея? Круг прогресса замкнулся — на борту самого передового достижения человеческой науки встает та же проблема, что и в первобытной пещере: проблема добычи огня. Только здесь он нужен не для того, чтобы выжить, а для того, чтобы умереть. И сделать это гораздо сложнее — предметы под рукой у древнего дикаря не изготавливались по канонам повышенной безопасности, исключающим любую случайную искру... Но пусть, пусть она уже возвращается скорее и принесет все, что угодно! Он больше не может выносить это отчаяние! Еще немного — и он прыгнет в это булькающее внизу дерьмо, даже зная, что ничем себе не поможет, а только начнет все сначала...

Когда наконец запыхавшаяся Линда прибежала обратно, Адамсон даже не заметил ее. Он глухо скулил, раскачиваясь на месте, стиснув зубы и закрыв глаза. Ей пришлось дважды окликнуть его, чтобы привлечь внимание.

— Принесла? — жадно спросил он.

— Вот.

Она протягивала ему расческу. Самую обыкновенную, лишенную каких-либо высокотехнологических наворотов, некогда пренебрежительно оставленную им в кармане ее комбинезона.

— Это еще что?!

— Причешись.

— Какого хрена?

— У меня осталось слишком мало волос. А твои почти не пострадали. Их должно хватить.

— А-а... — наконец сообразил он, беря расческу. — Электростатика?

— Именно.

Он принялся яростно драть расческой спутанные волосы. Наверное, подумалось ему, ни один школьник с таким остервенением не наводит красоту перед первым свиданием. Каким было его первое свидание? Да и было ли оно у него вообще или его интересовала только

наука? Оказывается, в его памяти еще слишком много провалов. Но теперь это уже и неважно...

— Виктор.

Он остановился. Его волосы слегка потрескивали. Линда неуверенно заглядывала ему в глаза.

— Мы ведь с тобой были... не просто коллегами? Между нами... что-то было?

— Не помню, — честно покачал головой он. — Если и было... отчаяние стерло все. Я даже не могу вспомнить, как ты выглядишь на самом деле. То есть я видел твои трупы, но...

— Я тоже помню об этом очень мало. Но мне кажется, что... я чувствую... Скажи, а ты бы хотел, чтобы между нами все началось снова? Если бы не все это... — Она беспомощно провела рукой в воздухе, указывая то ли на свое изуродованное лицо и тело, то ли на стены резервуара.

Он посмотрел на жуткую лоскутную маску, ставшую ее лицом. Маску, почти лишенную мимики... и лишь в глазах жила мольба.

— Да, — сказал он, думая, что произносит лишь ни к чему не обязывающую утешительную ложь. Однако с удивлением понял, что это не совсем так... а может быть, даже совсем не так. Эта часть его памяти оставалась во тьме, но нечто совсем смутное, практически неосязаемое проступало оттуда... нечто столь контрастировавшее с нынешней безнадежностью... с безнадежностью участи всей Вселенной... — Да, хотел бы, — повторил он уже тверже и даже попытался улыбнуться.

Она ответила на эту улыбку, насколько позволяло ее теперешнее лицо, и протянула к нему руку. Он протянул руку навстречу, понимая, что это значит. Их пальцы встретились.

Сухо щелкнула искра, ужалив их мгновенной взаимной болью.

Грохота взрыва они уже не услышали.

Вначале не было ничего, кроме слепого ужаса. Потом стали возвращаться ощущения... ощущения собственной телесности. Испугавшие его еще больше, чем их

отсутствие. Он понял, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни единым пальцем — и в то же самое время он не был парализован. Он чувствовал свое тело — большое и тяжелое, просто огромное... и при этом он не мог бы сказать «здесь находится тот орган, а здесь — этот»; не мог бы даже сказать, где верх, а где низ. Это было просто ощущение чудовищной инертной массы. Но веки все-таки повиновались ему, и он открыл глаза.

Вокруг не было ничего, кроме серо-бурой пустоты, и в этой пустоте находился он. Или они. Или оно... Его голова торчала из огромного шарообразного кома плоти, грубо слепленного из человеческих трупов, а также губчатой массы, слизи и останков прочих форм жизни, порожденной синтезатором. Все это было отныне единым целым, словно некая могучая сила сжала и скатала вместе фигурки из пластилина. Впрочем, некоторые мелкие червеобразные и членистоногие твари, пережившие катастрофу, не стали общим строительным материалом и теперь свободно ползали по шару, забираясь в затянутые кожей ложбины между сросшимися телами, телесные полости и рваные дыры.

То тут, то там из общей массы изуродованной плоти выступали мертвые головы — иногда целиком, иногда лишь до половины или меньше, отчего их лица сделались растянутыми и перекошенными. Всего в каком-нибудь метре от лица того, кто прежде звал себя Виктором Адамсоном (и кто теперь вспоминал свое прошлое куда быстрее, чем после прошлых воскрешений), незряче пялилась шарами глаз и скалилась безгубым ртом ободранная до мяса голова Линды-улья. А немного левее от нее торчала еще одна голова — Линды-мумии. Но эта голова не была мертвой. Ее веки задрожали и мучительно поднялись...

Даже ни с чем не сравнимые ужас и отчаяние не помешали Виктору осознать, что в произошедшем нет никакого зловещего умысла, покаравшего непокорных грешников. Только законы физики, которые, как он справедливо заметил ранее, беспощаднее любых тем-

ных богов. Когда одновременно погибли оба ретранслятора отчания и был уничтожен материал для их регенерации, произошел спонтанный качественный переход. Резкое падение темной энергии вынудило поле схлопнуться до минимального объема и наиболее энергетически выгодной шарообразной формы. При этом вся неодушевленная материя корабля, бесполезная для поддержания отчаяния, оказалась выброшена за пределы поля и рассеялась в континууме. В замкнутом объеме внутри осталось лишь то единственное, что еще могло послужить носителем жизни, — неразложившаяся плоть мертвых тел...

И теперь у него осталось совсем немного, что он еще может противопоставить отчаянию (Отчаянию, ОТЧАЯНИЮ!). Сжевать собственные губы. Потом язык. А потом оно обрушится на него всей своей тяжестью, на сто двадцать порядков превосходящей силу гравитации.

Он смотрел в глаза живой Линды, вытаращенные от ужаса почти так же широко, как у мертвой Линды рядом с ней, и понимал, что отныне он и она всегда будут вместе и что они никогда не умрут. И тогда он закричал — закричал так, что, казалось, его собственные барабанные перепонки должны лопнуть, а легкие разорваться и с кровью выплеснуться из горла. Но из его рта не вырвалось ничего. Во-первых, у него больше не было легких. А во-вторых, его окружала безвоздушная пустота.

Изо рта освежеванной головы Линды-улья выбрался первый таракан и, неловко ковыляя, пополз к его лицу.

РАССКАЗЫ

ПОПРЫГУНЬЯ СТРЕКОЗА

Звезд в ковше Медведицы семь.

Осип Мандельштам

Он положил трубку и почувствовал, что сейчас заплачет. Удастся ли позвонить еще раз? Если нет, то маминого голоса ему больше не услышать. Разумеется, он ничего не сказал ей, да и вряд ли бы смог, поскольку любой разговор прослушивался. Стоит заикнуться о главном — связь наверняка прервется. Поэтому беседы приходилось вести исключительно о погоде и самочувствии.

В стеклянную дверь постучали — за ней уже успела скопиться небольшая очередь. Человека четыре. Все гражданские — со смены. Сотики были под запретом (якобы создавали помехи), и комнатенка с телефоном, так называемая переговорная, оставалась здесь единственным местом, откуда простой смертный мог связаться с внешним миром.

С внешним обреченным миром.

Взялся за переносицу, изображая усталость и озабоченность, вышел. Выбравшись на свежий воздух, проморгался, ослабил галстук, потом и вовсе сорвал, сунул в карман.

Может быть, следовало плюнуть на все, в том числе на собственное будущее (какое теперь, к черту, будущее?) и заорать в трубку: прячься, мама! Под землю, в метро... Нет. Во-первых, больше одного слова не прорешь, а во-вторых, от того, что грядет, ни в каком метро не укроешься.

Он с тоской оглядел территорию части: акации защитного цвета, плакаты вдоль асфальтовых дорожек, плац. Двое солдатиков с грабельками, поглядывая иско-

са на расхлюстанного штатского, доводили газон до совершенства. Они тоже ничего ещё не знали. Не положено рядовым.

Или даже не так: знали, но не знали, что знают...

Воздух шуршал и потрескивал, как наэлектризованный. Стрекозы. Говорят, вылетели они в этом году неслыханно рано и дружно, да и вели себя необычно: вместо того чтобы барражировать парами, роились, собирались в армады, стелились над озерцами.

Зато ни единого комара. Всех выстригли.

Грозное апокалиптическое солнце висело над бетонной стеной, почти касаясь проволочного ограждения на ее гребне. Такое чувство, что время остановилось и вечер никогда не наступит.

Когда бы так...

Он присел на скамеечку перед урной, закурил. Слева розовато поблескивала решетчатая громада радиотелескопа, и смотреть туда не хотелось.

— Разрешите присутствовать, товарищ ученый?

Глеб поднял глаза. Перед ним, благожелательно улыбаясь, возвышался Ефим Богорад. Белая рубашка, галстук, на груди — ламинированная картонка, где каждое слово было заведомой ложью. Разве что за исключением имени и фамилии.

— Скорбим? — задумчиво осведомился он, присаживаясь рядом.

— Да нет, — помолчав, ответил Глеб. — Сижу, завидую...

— Кому?

— Вот ей. — И Глеб указал окурком на стрекозу, украшавшую собой краешек урны.

Богорад с интересом посмотрел на молодого технаря, потом на предмет зависти. Граненые глазищи насекомого отливали бирюзой.

— Вы со стороны затылка взгляните, — посоветовал Глеб.

— А где у нее, простите, затылок?

— А нету. Одни глаза. Под ними, как видите, пусто.

— Это что же вы... безмозглости завидуете?

— Да, — отрывисто сказал Глеб, гася окурок о край урны, причем в непосредственной близости от стрекозы. Та не шелохнулась. — И дорого бы отдал, чтобы стать безмозглым.

Взгляды их снова встретились. «Да знаю я, кто ты такой... — устало подумал Глеб. — А уж ты тем более знаешь, что я знаю... Тут жить-то осталось всего ничего, а мы комедию ломаем!»

Такое впечатление, что Богорад прочел его мысли. Дружески улыбнулся («Так ведь и ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь...») и вновь сосредоточился на стрекозе, пристально изучая то место, где фасетчатые глаза неплотно прилегали к тулову.

— Действительно, пусто, — согласился он. — Тем не менее одно из самых древних существ. Динозавров пережило...

— И нас переживет, — мрачно закончил Глеб.

— Без мозгов?

— Именно поэтому...

Над бетонной стеной вдалеке вздулся гигантский прозрачный купол. Он менял форму, то опадая и становясь византийски покатым, то яйцеобразно вздымаясь на манер итальянского. Затем распался.

— Ни хрена себе стайка! — заметил Богорад. — Как будто предчувствуют, правда?.. А что, интересно, по этому поводу говорит наш общий друг Лавр Трофимович?

— Ничего не говорит. Стрекозы — не его специальность.

— Да? А мне казалось, он и со стрекозиного переводит...

Глеб насупился и не ответил. Видя такое дело, боец невидимого фронта решил сменить тактику.

— Хотите пари? — неожиданно предложил он.

— На что?

— На коньяк, разумеется. Не на шампанское же.

— Нет, я имел в виду: о чем спорим?

— Если с нами ничего не случится, вы ставите мне бутылку «Хеннесси». Дайте руку...

Глеб подал ему вялую руку.

— Разбейте.

Глеб разбил. Пари было заключено.

— Ну-с, молодой человек, — ликующе объявил Богорад, — вот вы и попались. Если планета уцелеет, вы мне ставите коньяк. А если и впрямь взорвется... Кто вам коньяк ставить будет, а?..

Все это было настолько глупо, что Глеб не выдержал и улыбнулся.

— Вот и славно, — сказал контрразведчик. — А то сидит тут... бука такая.

* * *

Собственно, Богораду и ему подобным надвигающийся конец света особых забот не прибавил. Секретная информация имела настолько сенсационный характер, что ее, чуток приукрасив, можно было безбоязненно выкладывать в Интернете. Да и выкладывали все кому не лень. Учиняли ток-шоу, приглашали уфологов, экстрасенсов, прочих проходимцев. Иногда на телепередаче присутствовал отставной космонавт. Сидел со страдальческим видом и откровенно ждал конца представления.

Официальные источники хранили брезгливое молчание, а если какой-либо особо прыткий журналюга, окончательно утратив стыд, прямо просил представителя власти выразить мнение относительно угрозы из Космоса, тот обыкновенно морщился и либо оставлял без ответа, либо срывался: какой Космос? О насущном думать надо! Нефть вон опять дешевеет...

Ученые также вели себя согласно инструкциям. С академическим спокойствием признавали, что да, обнаружен на внешних границах Солнечной системы излучающий объект, движущийся приблизительно в нашем направлении, каковой следует, пользуясь случаем, всесторонне изучать, а не устраивать по этому поводу неподобающей шумихи. Что же касается самочинных попыток расшифровки так называемых радиопередач, то тут затруднительно что-либо сказать наверняка. Это не к астрофизикам. Это к психиатрам.

А что еще оставалось делать? Взять и объявить во всеуслышание, что Земля, скорее всего, просуществует от силы месяц... неделю... день... Привести в полную боевую готовность все имеющиеся вооруженные силы... Зачем? Для борьбы с паникой, которую ты сам и вызвал дурацким своим признанием?

* * *

— Как насчет того, чтобы ящик посмотреть? — полюбопытствовал Богорад. — Вы ведь, насколько я понимаю, смену свою на телескопе сегодня отбыли...

Глеб сделал над собой усилие и разомкнул губы.

— Настроения нет, — безразлично выговорил он.

— А его и не будет, — утешил Богорад. — Вставайте, вставайте! Помните притчу о двух лягушках? В банке со сметаной.

Притчу Глеб помнил, однако смолчал.

— Одна сообразила, что из банки им ни в каком разе не выбраться, сложила лапки и утонула, — напомнил жизнелюбивый собеседник. — А вторая продолжала барахтаться. И сбила из сметаны масло...

Интересно, когда лопнет земная кора, хлынет магма, полыхнут города — он и тогда останется живчиком? Кстати, вполне возможно. Их ведь там наверняка специально школят: что бы ни стряслось, храни спокойствие, внушай уверенность, пошучивай себе...

— Да, господин ученый, — назидательно продолжал контрразведчик, — сбила твердое масло. Оттолкнулась от него и выпрыгнула из банки...

— Так это ж, наверное, деза, — с натужной ухмылкой предположил Глеб.

— Конечно, деза, — бодро согласился Богорад и, оглядевшись, конспиративно понизил голос. — Только между нами: вторая тоже утонула. Зато, пока барахталась, мышцы накачала во-от такенные... Ну вставайте-вставайте, хорош сидеть!

Поднял силком и повел к зданию. Розовое солнце, проплавив проволочное ограждение, наконец-то косну-

лось стены. Шуршали стрекозы, шаркали грабли. Мирный летний вечер.

— А кому вы сегодня звонили? — как бы невзначай поинтересовался контрразведчик.

— Маме...

— Понимаю... — Богорад кивнул. — Только галстук все-таки наденьте. Или засуньте поглубже. Как-то он у вас из кармана больно уж по-фрейдистски свешивается...

* * *

В комнате отдыха было прохладно и пусто, под потолком завелось крохотное эхо. Надо полагать, все отбывшие смену толпятся сейчас возле переговорной. Может, пойти да еще раз позвонить? Нет, не стоит... Мама наверняка встревожится. Чтобы ее оболтус и начал вдруг названивать по два раза в день? Значит, что-то и впрямь стряслось. Или вот-вот стрясется.

— Даже здесь! — сказал Богорад, беря пульт. — Сюда-то она, скажите на милость, как попала? Не через кондер же...

На правом верхнем углу плоского телеэкрана всерьез и надолго обосновалась крупная стрекоза.

— Дверь открывали — и влетела. Их же там снаружи — тучи.

— Да уж... Чистый апокалипсис.

— В апокалипсисе саранча была, — хмуро поправил Глеб. — В броне и с копытами...

Они воссели на диванчике, и Ефим нажал кнопку.

На экране возник отставной космонавт. С горестным выражением лица он неспешно наматывал на указательный палец какую-то ниточку. Намотал. Помедлил. Потом так же неспешно принялся разматывать. А вокруг бушевало ток-шоу.

— Ну?! — торжествующе взвизгивал взятый крупным планом кадыкастый подросток с худым костистым лицом. — И каких еще вам доказательств?

Кадр сменился. Объектив охватил аудиторию целиком. Кстати, обнаружилось, что привизгивающий моло-

дой человек сидит в кресле, снабженном парой велосипедных колес.

— А что это вы нам тут показываете? — насмешливо звучало в ответ. — «Звездные войны» Лукаса мы все смотрели!

Действительно, то, что было предъявлено аудитории, сильно смахивало на искусственный планетоид Галактической Империи. Однако бойкого молодого инвалида смутить оказалось трудно. Если вообще возможно.

— Да! Похоже! Очень похоже! И о чем это говорит? Только об одном: Лукас предвидел! В силу своего художественного таланта он предвидел!..

Отставной космонавт отвлекся на секунду, взглянул на изображение планетоида и, вздохнув, вновь принялся размеренно наматывать ниточку на палец.

— Хорошо! Вернемся к первому варианту расшифровки! К тому, что вы имеете дерзость называть расшифровкой!..

Оператор сосредоточился на говорящем. Уверенный в себе мужчина с упрямым подбородком и прекрасно вылепленным черепом. Естественно, бритым наголо. Грешно прятать такое совершенство под шевелюрой. В руке скептика трепыхалась бумажка с текстом.

— Итак, вот оно, это выдающееся послание инопланетного разума... — Мужчина сделал паузу и любовно оглядел собравшихся в студии, как бы предлагая насладиться вместе. — «Мы Вас уничтожим, — с удовольствием огласил он. — (Вариант — взорвем вашу планету.) Вы нанесли нам ущерб. Вы стали мельче. (Вариант — выродились.) Вы не сможете нам противостоять...» Из какого космического телесериала, позвольте спросить, выкопали вы эту ахинею, милый юноша?

Половина аудитории протестующе завопила.

— И обратите внимание, — возвысил голос бритоголовый скептик. — «Вас», «Вам» — все с прописной! Так, видимо, и передали из глубин Космоса. Стало быть, агрессивны, вежливы и безграмотны...

— Почему безграмотны?

— Потому что «Вы» с большой буквы употребляется

только в эпистолярном жанре при обращении к какому-либо уважаемому лицу! А не к группе лиц!

— Так это же перевод!!!

— Простите, но если переводчик не владеет собственным языком, много ли он поймет в чужом?

— Значит, вы все-таки согласны, что это послание чужих, а не просто импульс?!

Глеб покосился на Богорада. Тот был задумчив и внимателен, словно не телевизор смотрел, а донесение изучал. Работал человек. Не исключено, что кто-то из их агентуры участвует в ток-шоу, мороча голову добрым людям. Который же из двух? Бойкий молодой инвалид или напористый бритоголовый скептик? Или оба разом?

— К черту подробности! За что они собираются нам мстить? Что мы им сделали?

— Мы? Ничего! Но до нас на Земле существовало как минимум четыре сверхцивилизации, чьими выродившимися потомками является современное человечество. — Юноша в инвалидном кресле торжественно загнул первый палец: — Атланты...

Сидящая на краешке экрана стрекоза вспорхнула, затрещала крылышками под потолком. Должно быть, и ее замутило.

Интересно, первый вариант перевода был умышленной утечкой в прессу или просто прошляпили американские богорады?

— Пойду я... — с тоской сказал Глеб. — Курить хочется.

— Сидите-сидите, — машинально отозвался Богорад. — Скоро кончится... А курить вредно. Особенно перед Армагеддоном.

Ну да, скоро... Судя по всему, склока на экране только еще заваривалась. Стрекоза, пометавшись по комнате, уяснила, что выхода нет, и присела на подлокотник.

— Третий вариант расшифровки еще пикантнее! — неумолимо гнул свое бритоголовый. — Вместо «Вы нанесли нам ущерб» следует читать: «Вы уничтожили наш военный корабль». Мне комментировать этот бред или

как? Такое впечатление, что уровень дури растет от перевода к переводу... И что это значит: «стали мельче»? Ниже ростом, что ли? А как же акселерация?

— Да?! А кроманьонцы? У них средний рост был под два метра!..

— Так это, выходит, кроманьонцы корабль уничтожили? Чем?! Каменными топорами?..

«Господи, о чем они?.. — мысленно проскулил Глеб. — И почему я должен сидеть здесь и все это слушать?..»

Спасение пришло внезапно. Богорад со скучающим видом заправил мизинец в правое ухо — и замер. Пробыв в таком положении секунд пять, встрепенулся, взглянул на часы.

— Чуть не забыл, — озабоченно сказал он. — Мне ж еще... Извините, Глеб, вынужден вас оставить...

Не иначе пешеходная гарнитура сотика таилась непосредственно в правом ухе контрразведчика. Хорошо устроились! А тут дежурь возле переговорной, жди, когда трубку освободят...

Совпадение, конечно, но, стоило Богораду подняться, вспорхнула и стрекоза. Зависла на миг посреди комнаты, затем метнулась к открывшейся двери и покинула помещение вместе с представителем спецслужб.

Неужто ему и стрекозы стучат?

* * *

Стоило остаться одному, страх навалился вновь. Не за маму, не за человечество — за себя. Потом стало очень стыдно.

— Х-х-х... — сказал Глеб.

Он всегда так говорил, когда ловил себя на нехороших мыслях. Возможно, это было робким подступом к матерному слову, каковых он, кстати сказать, не употреблял никогда. Разве что в письменном виде.

На полпути к переговорной Глеб столкнулся в коридоре с Лавром Трофимовичем. Породистое лицо академика выражало крайнее неудовольствие. Губы и брови — пресмыкались.

— Зря идете, — брюзгливо предупредил он Глеба. — Сдох телефон.

— Отключили? — беспомощно спросил тот.

— Нет... Смею заверить, нет. Сам...

— Вы это точно знаете, Лавр Трофимович?

— Точно... Вообще, насколько я слышал, со всей аппаратурой творится что-то непонятное.

Глеб вспомнил, как Богорад шерудил мизинцем в правом ухе. Может, и у него тоже связь накрылась? Не зря же он так стремительно откланялся.

— Вы полагаете, Лавр Трофимыч... — Глеб не договорил и несколько боязливо указал глазами на потолок.

— Тоже вряд ли, — буркнул маститый собеседник. — Далеко они еще от нас. Далеконько... Хотя... — Он задумался.

— Что? — сдавленно спросил Глеб.

— А?.. — Академик очнулся. — М-м... Да понимаете, Глеб... Если не ошибаюсь, вояки собирались запустить им навстречу ракеты противокосмической обороны...

— Чьи вояки? Наши?

— А?.. Да. И наши в том числе... Вот я и думаю: может, нам помехи ставят?.. Впрочем, не берите в голову! — решительно прервал он сам себя. — Поскольку вопрос не из моей области, предположений мне лучше не выдвигать. А вам их лучше не слушать...

— А когда собирались?

— Запустить ракеты? Ну, думаю, точного времени вам никто не назовет. Даже те, кому оно известно... Скорее всего, давно уже запустили...

Они вышли из здания — и оказалось, что снаружи вечер. Небо над стеной еще рдело, колючая проволока на розовом фоне чернела особенно выразительно. Чуть выше обозначилась Венера. На плацу мерно рушился строевой шаг, солдатиков вывели на прогулку. Вскоре они рявкнули песню, причем с такой страстью, что показалось, будто кто-то в отдалении оглушительно чихнул. Изначально объект был гражданский, а воинскую часть подселили примерно месяц назад — ради вящей безопасности.

— Странно... — с неожиданной грустью произнес Лавр Трофимович. — Не помню, в каком фильме... А может, во многих фильмах... Словом, кто-то кого-то спрашивал: если завтра конец света, как бы ты провел этот свой последний день?.. — Качнул головой, невесело посмеялся. — И вот выясняется, что точно так же. Ничего особенного...

— А он завтра? Конец света...

— Сегодня в ночь, — все с той же интонацией сообщил Лавр Трофимович — и Глеб обмер.

— Но... вы же сами говорили, что они еще далеко!

— Издалека чем-нибудь и шарахнут, — сказал академик. — Не думаю, чтобы они шли на таран...

— А... откуда вы...

— Откуда знаю? — Академик усмехнулся. — Вообще-то я давал подписку о неразглашении... Ну да какая уж теперь подписка!.. Радиосигналы с планетоида, как вам известно, поступают через равные промежутки времени и ничем друг от друга не отличаются. Кроме заключительного сигнальчика, который раз от разу идет на убыль. Таймер, Глеб. Таким образом они дают знать, сколько еще осталось жить.

— Зачем?

— Понятия не имею. Возможно, подергать нервы напоследок. Но суть-то не в этом, Глеб. Суть в том, что сегодня часа в два ночи сигнальчик станет равен нулю...

— И?!

Вместо ответа академик пожал плечами и поднял породистое свое лицо к темнеющему небу.

— Вон они, кстати...

В вышине проступала Малая Медведица, в которой теперь насчитывалось уже не семь, а восемь звезд. Восьмая — тот самый планетоид, по поводу которого недавно бранились на ток-шоу. На секунду бледные светила затуманились, словно по ночному небосклону прошел порыв пурги. Стрекозы.

— Ну? — скорбно молвил им Лавр Трофимович. — Мечетесь теперь?

Странные эти слова Глеб едва расслышал сквозь на-

хлынувший ласковый звон в ушах. Часа в два ночи... То есть жить осталось часа четыре...

Академик хмыкнул.

— А уж лягушкам-то, лягушкам раздолье! Слышите, заливаются? Харчатся... напоследок...

* * *

Кое-как справившись с предобморочной слабостью, Глеб обнаружил, что бредет по асфальтовой дорожке за Лавром Трофимовичем по направлению к солдатской курилке. «Так и не позвонил... — бессмысленно кувыркалось в опустевшей от страха голове. — Так и не позвонил...» Над громадой радиотелескопа стояла полная луна, делаясь все ярче и ярче. В зеленоватом полусвете были хорошо различимы и урна, и скамейка, и некто на ней сидящий. Светлая рубашка, ссутуленные широкие плечи...

— Это не приятель ваш там медитирует?

— Вы о ком? — обессиленно выдохнул Глеб. Губы не слушались.

— Ну, кто вас опекает постоянно? Богорад...

— Д-да... кажется, он...

— Обо мне часто спрашивает?

— Кто?..

— Богорад.

— Д-да... иногда...

Услышав шаги, сидящий поднял голову.

— Так и знал, что вы сюда вернетесь, — сказал он Глебу. — Добрый вечер, Лавр Трофимович...

— Скорее, ночь, — заметил академик, присаживаясь с краю. — Не помешаем?

— Напротив... — Богорад достал из-под скамейки наплечную сумку, раздернул замок. — «Хеннесси», простите, не нашлось. Как насчет армянского, Глеб? Примете?

Глеб непонимающе посмотрел на него, потом вспомнил про недавно заключенное пари.

— Вы же вроде зажилить хотели... — процедил он, закуривая.

— Хотел. — Богорад извлек из сумки блеснувшую в лунном свете бутылку и стопку пластиковых стаканчиков. — Потом раздумал. Не люблю оставаться в долгу... Лавр Трофимович, вы как?

— Спасибо, Ефим, не откажусь. Очень кстати.

Шагистика на плацу к тому времени прекратилась, бравые песни смолкли. Отбой.

— За что? — хрипловато спросил Глеб, принимая стаканчик из рук контрразведчика. — За удачу?

— За чудо, — угрюмо поправил тот. — За удачу пить поздно. Теперь только за чудо...

Выпили за чудо. Богорад достал из бумажного пакета пластиковую тарелочку с нарезанным наспех сыром. Закусили.

— То есть, насколько я понимаю, — подал голос академик, — ракеты нам не помогли?

— Прошли мимо, — сипло сообщил контрразведчик. — Хоть бы одна попала! А он, сволочь, даже курса не изменил. Прет и прет по прямой...

Все трое подняли головы. Звезда Полынь. С виду она почти не отличалась от прочих звезд Малой Медведицы. Чуть потусклее Альфы, чуть поярче Беты. Самое забавное, никто до сих пор даже предположить не смог, что за чудовища ведут ее к Земле. Впрочем, почему обязательно чудовища? Вполне вероятно, что такие же милые интеллигентные люди... В конце концов, какая разница, кто именно тебя взорвет!

Темнота трепетала от лягушачьих трелей. На горлышко бутылки с коротким шорохом опустилась стрекоза. Лунный свет просеребрил сеточку крылышек.

— Можно подумать, для тебя покупали! — сказал ей Богорад.

— А представляете, — задумчиво произнес Лавр Трофимович, тоже глядя на стрекозу. — Они ведь были когда-то громадные. В карбоновом или в каком там периоде... Метровый размах крыльев, а? М-да... — Оки-

нул горестным взглядом осветлённый луной пейзаж. — И мнили себя царями природы. Как мы сейчас...

Все вновь взглянули на лишнюю восьмую звезду.

— Ну что? За упокой мира сего вроде рановато...

— Лучше заранее. А то можем и не успеть.

— До двух часов ночи? На троих бутылки не хватит.

— У меня там еще одна... — успокоил Богорад. — На всякий счастливый случай... Лавр Трофимович!

— А?.. — рассеянно откликнулся тот.

— Не хотите поделиться кое-какими научными сведениями?

Несколько мгновений ученый и контрразведчик внимательно смотрели друг на друга. Вдалеке над стеной всплыл огромный шарообразный рой, просвеченный луной насквозь, но ни тот, ни другой на него даже не покосились.

— Странно, — изронил наконец Лавр Трофимович. — А я-то полагал, что контрразведка знает все...

— Контрразведка — да, — согласился Богорад. — А отдельно взятый контрразведчик знает только то, что ему положено.

— А вам положено это знать? То, о чем вы спрашиваете.

— Нет.

— Тогда зачем это вам?

— Из любопытства.

— Послушайте! — взмолился Глеб. — Ну что вы тут словеса плетете? Вот же она, вот! — И он воздел к звезде-убийце пустой пластиковый стаканчик. — Нас уничтожать летят... Понимаете? Нас! Людей! Человечество!

Оба собутыльника сочувственно поглядели на Глеба.

— Бедный мальчик, — как бы про себя молвил Лавр Трофимович. — Все еще надеетесь умереть с гордо поднятой головой? Боюсь, нам даже этого не удастся...

После таких слов Глебу стало совсем жутко.

— Что... еще?.. — еле выпершил он.

— Видите ли, — несколько даже виновато сказал академик. — Человечество, Глеб, тут вообще ни при чем. Уничтожать-то летят не людей... Вернее и людей тоже, но... так, за компанию...

Глеб моргал. Окурок обжег пальцы. Выронил. Поднимать не стал.

— Позвольте... А радиосигналы?

— А радиосигналы, которые мы перехватили и частично расшифровали, судя по всему, адресованы совсем другим существам.

— Но на Земле нет других разумных существ!

— Получается, есть...

Глеб очумело огляделся.

— Кто?!

— Вы будете долго смеяться. Стрекозы.

Лягушачьи трели за бетонной стеной, казалось, стали громче. И шорох бесчисленных перепончатых крылышек — тоже.

— Налейте-ка по второй, Ефим, — попросил Лавр Трофимович. — Глебу — побольше...

— Иди-иди отсюда, — пробормотал Богорад, сгоняя стрекозу с горлышка бутылки. — Нечего подслушивать...

Глеб машинально подставил стаканчик и так же машинально его принял. В три глотка. Помогло. Во всяком случае, оглушило.

— Я вас слушаю, — напомнил Богорад академику. — Как вообще раскопали, что это именно стрекозы?

— Видите ли, — сказал тот. — Монстрики наши... Или кто они там?.. — Он мельком бросил взгляд на Малую Медведицу. — Словом, они используют аналитический язык...

— Поясните.

— М-м... Как бы это попроще? Представьте знаковую систему, где каждый знак тоже состоит из знаков. И те, в свою очередь, состоят из знаков. Представили?

Контрразведчик хмыкнул — и задумался.

— Хорошо. Берем знак, соответствующий нашему обращению «вы», разнимаем его на составные. На знаки следующего уровня. Так вот уже на втором уровне становится ясно, что обращаются отнюдь не к людям... Вам в самом деле интересны эти подробности?

— Пожалуй... нет.

— А коли так, извольте поверить на слово.

— Верю, — сказал Богорад. — Но в таком случае возникает масса вопросов.

— Задавайте.

— Как им удалось уничтожить боевой космический корабль? И когда?

— Когда? Да скорее всего в карбоне... Задолго до появления людей. А вот как? Право, не знаю. Но уничтожен он был еще на подлете к Земле...

— Вы что, издеваетесь? — заикаясь от злобы, вмешался Глеб, утративший всякое почтение к возрасту, заслугам и службам государственной безопасности. — Какие стрекозы? Ими вон лягушки харчатся! Детишки сачками ловят!

— Выродились... — тихонько напомнил Богорад. — Мельче стали... Пока все по тексту.

— Ага! Мельче стали... Мозгов-то все равно нету! И не было никогда!

— Есть другое объяснение, — известил Лавр Трофимович, кажется нисколько не обидевшись на вспышку Глеба. — Одна стрекоза вообще ничего не значит. Так же, кстати, как и один отдельно взятый контрразведчик. Пусть ее хоть лягва ест, хоть юннат на булавку накалывает...

— То есть?

— Коллективный разум, возникающий на уровне стаи. Роя.

— Х-х-х... — сказал Глеб и снова полез за сигаретами.

— Что с вами? — спросили его.

— Да кто когда видел эти разумные стрекозиные стаи?!

— Не исключено, что мы с вами как раз это сейчас и наблюдаем, — с академическим спокойствием отозвался Лавр Трофимович. — Взгляните-ка...

Огромный плотный рой в вышине менял очертания. Казалось, чьи-то незримые руки пытаются вылепить из него подобие объемной лежачей восьмерки.

— И это, по-вашему, свидетельство разума?

— Скорее, его остатков. Так сказать, последние су-

дороги. Между прочим, импульс «выродились» можно истолковать именно как «утратили разум».

— Нет, ну а смысл-то, смысл этих их... танцев под луной?!

— Предположим, ставят помехи.

— Кому?

— Ну не нам же! Хотя... Электроника-то — забарахлила. Любопытное совпадение, правда?

— Бред... — пробормотал Глеб, тщетно чиркая зажигалкой. Сдохла. Очень вовремя!

— Ну ладно... — снова вмешался Богорад. — А что за существа сидят в планетоиде?

— Не знаю.

— Нет, позвольте! Если удалось раскодировать импульс «вы», то, стало быть, импульс «мы» тоже, скорее всего, расшифрован...

— Импульсом «мы» занимался не я.

— А кто?

— Точно сказать не могу. Какая-то группа в Швейцарии...

— Давайте лучше выпьем, — угрюмо предложил Глеб, так и не закурив. — Устроили, блин, ток-шоу... напоследок!

Внезапно мелькнула догадка, что ток-шоу в курилке устроено старшими товарищами неспроста. Нарочно злят. А иначе пойдут истерические всхлипы и причитания, что так и не успел позвонить в последний раз... Мама! Боже мой, мама... Глеб задохнулся.

— Два наряда вне очереди! — неистово раздалось в отдалении.

Обернулись, посмотрели. На плацу угадывались три фигуры в камуфле. Две стояли навытяжку, одна жестикулировала.

— Звездочеты, блин! Астероида ни разу не видели? Бегом... марш!

Двое подхватились, кинулись к зданию казармы. Третий помедлил и, хищно оглядевшись, замер. Потом двинулся к курилке.

— Так, — зловеще молвил он, приблизившись. —

А вы, орлы, что тут... — осекся, крякнул. Луна тускло высветила звездочки на пятнистых матерчатых погонах. — А-а... — разочарованно протянул старлей. — Товарищи ученые? Доценты с кандидатами... О! Еще и колдыряют! Гауптической вахты на вас нет...

— Выпьешь, лейтенант? — прямо спросил Богорад.

— Так а я к чему веду?.. — оскорбился тот, беря протянутый стаканчик. — Армянский? Хорошо живете... — выпил, закусил сыром. — Ну что? — осведомился он, поглядывая на Малую Медведицу. — Точно говорите, не столкнемся мы с ним?

— Точно...

— Ну я на вас надеюсь. А то ведь мне в отпуск с завтрашнего числа... Так! — перебил он себя, вглядываясь в лунный сумрак. — Еще один звездочет...

Действительно, на втором этаже казармы открылось окно, и в нем смутно обозначился бледный солдатский торс. Старлей вернул опустевший стаканчик и устремился к зданию. Окно захлопнулось.

— Стрекозы, блин... — донеслось издали. Должно быть, сошелся с насекомым лоб в лоб.

Трое в курилке дождались, пока дверь за офицером закроется, и разлили по последней. Впрочем, Богорад сказал, у него в сумке есть еще одна бутылка. На всякий счастливый случай... На какой, интересно? Неужто он надеется, что на планетоиде тоже что-нибудь откажет?..

— Ну что? — произнес со вздохом Лавр Трофимович. — Хорошая была планета. Давайте помянем...

— Тогда уж не чокаясь, — негромко добавил Богорад.

Трое примолкли, оглядели напоследок подлунный мир, а в следующее мгновение порывисто встали, расплеснув коньяк.

— Что это?!

Шорох стрекозиных крылышек стал пугающе громок. Он заглушил все — даже лягушек в прудах. Луна словно подернулась дымкой. Свет разом иссяк. Над головами вскочивших проносились нескончаемые потоки стрекоз. А вдали, на горизонте, куда, собственно, стремились эти несметные полчища, образовывалось пос-

тепенно что-то вроде гигантской призрачной воронки. Ворочаясь, увеличиваясь в размерах, она обретала подобие слегка наклонённой чаши. Если, конечно, слово «слегка» может быть приложимо к этакому диву, достигавшему по меньшей мере нескольких километров в диаметре.

Затем (трое в курилке по-прежнему стояли оцепенев) из центра чашеобразного круговорота, состоявшего, очевидно, из мириад стрекоз, вскинулась наискосок всклокоченная борода молний, сквозь которую скорее угадывался, чем просвечивал некий темный луч, уходящий в звездное небо.

Земля под подошвами прыгнула — и на территорию части обрушился грохот. А через несколько секунд ударил ветер...

* * *

Казалось, страшный этот порыв никогда не кончится. Распластанный на бетонном дне курилки Глеб из последних сил цеплялся за железную опору скамьи, чувствуя, что, отпусти он ее, ветер сковырнет его с бетона и ударит либо о стену, либо о дерево. А вокруг трещало и выло. Примерно так и представлялся ему конец света.

Все прекратилось, когда пальцы почти уже разжались. Сообразив, что остался цел и даже относительно невредим, Глеб в ватной тишине стал на колени, потом, придерживая ушибленную руку, кое-как поднялся на ноги. Судя по тому, что кроны акаций еще бурлили, а на плацу крутились мусорные смерчи, причиной тишины была временная глухота.

В лунном свете постепенно проступали подробности. С казармы сорвало часть крыши. Ближайшую акацию вывернуло с корнем. Радиотелескоп напоминал груду металлолома.

Потом рядом возник Богорад. Лоб — рассечен, выражение лица — ошарашенно-восторженное.

— Ни хрена себе выродились!.. — скорее прочел по губам, нежели расслышал Глеб.

Вдвоем они извлекли из-под пластиковых обломков навеса оглушенного Лавра Трофимовича и лишь потом уставились в лунную серую даль.

Горизонт был чист. Куда делись стрекозы, сказать трудно. То ли разлетелись, то ли большей частью сгорели в момент разряда.

Из разоренной казармы и чудом уцелевшего общежития выбегали в панике люди. А с вышины на весь этот человечий переполох смотрели семь звезд Малой Медведицы. На месте лишней восьмой расплывалось крохотное тускнеющее пятнышко.

ВИКТОР КОЛЮЖНЯК

БУКВАРЬ ЯНКИ

— А если... — начала было Янка.

— Без «если», — прервал Бричиков. — Кстати, если хочешь — кури.

Янка достала из сумочки пачку и закурила, закинув ногу на ногу.

— Все будет хорошо, — сказал Бричиков и улыбнулся.

Естественно, Янка ему ни черта не поверила. В свои шестнадцать она уже научилась не верить. Однако улыбнулась в ответ, затянулась и покорно кивнула.

Банк был маленьким, уютным. Это успокаивало и настораживало одновременно.

Янке захотелось выругаться, и она чертыхнулась. Затем, поддавшись настроению, выругалась еще раз. Сидевшая неподалеку мадам посмотрела на нее, поджала губы, но ничего не сказала. Специально для нее Янка выругалась в третий раз.

Бричиков должен был прийти с минуты на минуту, а она так и не начала действовать. «Твою же ж мать», — вздохнула Янка и пошла к стойке, почти коснувшись по пути охранника. Тот вздрогнул, но в ее сторону так и не

посмотрел. Продолжая играть роль богатой испорченной девочки, Янка наклонилась к операционному окну.

Кассир улыбнулся ей, кося глазами в вырез.

— Скажите «а», — попросила она.

— Что?

— Скажите «а».

— А, — улыбнулся кассир. — Это шут...

Глаза его стали круглыми. Безо всяких метафор. Два идеальных белых круга, в каждом из которых горела буква А.

— Молодец, — прошептала Янка, обернулась, поймала взгляд охранника и улыбнулась ему, после чего вновь развернулась к клерку. — Давай, быстро складывай деньги. Еще быстрее! Ну! — торопила она.

Кассир старался изо всех сил. Наконец деньги кончились, и он тщательно завернул их в пакет, передавая Янке.

— Бинго! — сказала она.

Тотчас в глазах кассира «Б» сменило «А». Он развязно посмотрел на нее и подмигнул. «Забавно, — подумала Янка. — Надо запомнить».

Чья-то рука опустилась ей на плечо. Янка повернула голову и увидела перстень с иероглифом

— Все нормально? — спросил Бричиков.

— У нас все в ажуре, папаша, — ответил кассир и подмигнул.

Бричиков спрятал деньги в карман и показал ему перстень.

— Нормальная печатка, — одобрительно кивнул кассир, и глаза его помутнели.

— Уходим, — сказал Бричиков.

Янка шла и чувствовала взгляд охранника. Он ничего не сказал, а только продолжал пялиться на ее ноги.

Вася нравился всем, а не только Янке. Красивый, добрый, соблазнительный до дрожи в коленках.

— Можешь помочь? — спросила Янка, поймав его после школы.

— Чем?

— Дома надо шкаф переставить. Я одна не справлюсь.

— Конечно.

Предлог был удобный. После смерти матери Янке все приходилось делать самой. Бричиков помогал только с «заработками».

— Сейчас идем?

— Нет, приходи вечером. Часов в пять.

— Хорошо.

Янка купила вино и фрукты. Убралась в квартире и подгадала так, чтобы выйти из душа к приходу Васи.

— Ну, и где шкаф? — спросил он.

— В спальне.

На столике стояла бутылка вина и фрукты. Свет был приглушен. Янка в халатике присела на кровать.

Вася был красивым, добрым, соблазнительным до дрожи в коленках, наивным и ни черта не понимал намеков.

— Куда двигать? — спросил он.

— Никуда. Иди сюда, — попросила Янка.

Вася подошел и встал рядом с кроватью.

— А долго стоять? — спросил он. — Меня дома ждут. Я к ЕГЭ готовлюсь.

Янка встала, обхватила его руками и притянула к себе.

— Бинго! — прошептала она, глядя ему в глаза, и поцеловала.

Сильные руки сжали ее и полезли под халатик.

— Покувыркаемся, детка, — утвердительно сказал Вася.

Они кувыркались часа три, пока Янка не поняла, что уже больше не может. Тело устало и болело, а агрессивный Вася нравился ей все меньше и меньше.

— Хватит, — попросила Янка.

— Еще нет, — он притянул ее к себе.

— Прекрати!

— Только когда захочу!

— Все! — крикнула Янка, всматриваясь в горящую «Б» в безумных глазах.

На миг ей показалось, что там уже «В». Затем Вася их закрыл и упал на кровать.

— Ты чего? — спросила Янка. Вася не отвечал. — Ты спишь? — она подвинулась чуть ближе. — Что случилось?

Пульс не прощупывался. Искусственное дыхание и массаж сердца Янка делать не умела, но честно пыталась. Не помогло. Тогда она набрала номер Бричикова и сказала: «Приезжай!»

Ушла в ванную, включила душ, усердно скоблила себя мочалкой и плакала.

Бричиков выслушал ее, вынес труп на улицу и несколько раз ударил по голове найденной возле мусорки палкой, не забыв очистить карманы.

Гроб стоял на двух табуретках. Янка долго не решалась подойти, а как только сделала шаг, перед ней появилась Васина мать.

— Уйди! — почти прошипела она. — Уйди, гнида! Это к тебе он пошел. Это из-за тебя все!

Янке хотелось плюнуть ей в глаза, но она сдержалась.

— Он ушел. Сказал, что все будет нормально, — она старалась, чтобы голос не дрогнул.

— Уйди! — не сдавалась мать.

Накатила усталость, и Янка почувствовала облегчение. Не надо стоять здесь и мучиться из-за того, что произошло. Но уйти просто так было слишком.

— Гори в аду, — сказала Янка. Повернулась и вышла.

Через три дня женщина умерла. Каждый день температура повышалась, и сбить ее было невозможно. Медики качали головами, разводили руками и устраивали дискуссии. Янка пыталась вспомнить, слышал ли кто-нибудь разговор. Вроде бы нет

Она позвонила Бричикову и сказала, что хочет переехать. Пускай подсуетится. Опекун как-никак.

— Дом, — сказала Янка. — Мне нужен дом.

— Ну, дом так дом, — пожал плечами Бричиков. — Только сначала надо будет еще одно дельце провернуть.

— Хорошо, — Янка кивнула.

В квартиру она не возвращалась, жила у Бричикова. Школу тоже забросила: считать-писать умеет, а диплом, если понадобится, купит.

— Делишки делать будем. Да, — сказала Янка. — Но сначала мне нужно подстричься.

Она распустила волосы и показала Бричикову, как именно. Он пожал плечами и фыркнул. У него это здорово получалось.

— Еще, — попросила Янка.

Бричиков посмотрел на нее, но все же налил коньяку в стакан. Янка выпила залпом, скривилась и закурила, развалившись в кресле.

Сегодня она убила трех человек.

Простое слово «все» убивало идеально. Главное только — смотреть в глаза. Инкассаторы посмотрели.

Она не хотела их убивать, но Бричиков сказал, что иначе нельзя. Могут вызвать подмогу. «Заставить сказать «А» куда сложнее, — убеждал он. — Их надо убить. Ты же хочешь дом?»

Дом Янка хотела, но не до такой степени. А сейчас ей и вовсе было на него наплевать.

— Я так и не выучила других слов, — сказала она.

— И не надо, — Бричиков махнул рукой. — Этих четырех хватит. Даже двух. Вряд ли нам понадобится, например, «Бинго!».

— Сука.

Бричиков улыбнулся. Янка ненавидела, когда он улыбался.

— Все! — сказала она, глядя ему в глаза.

В ответ ей погрозили пальцем.

— Не забывайся. Ты колдуешь, а я расколдовываю.

— Я могу справиться и без тебя.

— Уже справилась пару раз, — Бричиков опять улыбнулся.

— Сука, — повторила Янка. — Налей еще.

Он налил. И наливал до тех пор, пока она не отключилась.

елка стояла посреди комнаты. В мешке с песком, как положено. На ней висели какие-то старые игрушки, которым было больше лет, чем Янке.

А под елкой лежала мама. Узел завязанного сзади халата торчал, и казалось, что мама не умерла, а притворяется подарком.

В тот раз, в прошлом, Янка так и подумала. Сейчас, во сне, она уже знала правду.

Мама умерла. Врачи сказали, что это был сердечный приступ. Оно устало, износилось, и все.

Янка знала, что бывает от слова «все». С этой мыслью она и проснулась.

Голова пульсировала. Хотелось пить, а может, даже выпить.

Янка встала — Бричиков ее так и оставил в кресле, не раздевая и не укладывая, — и прошла в туалет. Посмотрела на себя в зеркало, усмехнулась и почувствовала, что боль усилилась. «Ну тебя», — подумала она.

Бричиков был на кухне. Пил кофе с тостами и читал газету. Он всегда так завтракал. Одинаково до абсолютизма.

— Бричиков, — позвала Янка.

— Что, хреново? — спросил он, не отрываясь от газеты.

— Бричиков, это ты мою маму убил?

В этот раз на нее посмотрели. Целую секунду.

— Дура, — прокомментировал он. — Оно мне надо? Я бы сейчас жил куда спокойней.

Янка кивнула и пошла в душ. Она тоже так думала.

Жизнь налаживалась постепенно.

Бричиков купил Янке дом в частном секторе. Она не ходила в школу, а устроилась на курсы парикмахеров. Как-то встретила на улице бывшего одноклассника. Тот

заметил ее, поменялся в лице и поспешил скрыться в ближайшем переулке. Сначала Янке стало смешно, а потом сразу и резко — грустно. Но она сдержалась.

Дни шли, а деньги инкассаторов не кончались. Янке даже начало казаться, что они будут всегда, а значит — больше не понадобится никого убивать. Можно работать в парикмахерской, затем подружиться с кем-нибудь, выйти замуж. Прожить нормальную человеческую жизнь без горящих в глазах букв.

Она думала так три месяца, пока однажды не заявился Бричиков. Растерянный и суетливый. Янка сразу поняла, что сейчас он скажет что-то плохое.

И Бричиков ее не подвел.

— Зачем? — опять спросила она. — Ну, на хрена ты туда поперся, а?

— Я же не знал, — огрызнулся Бричиков. — Я не всемогущ и не всеведущ.

— Зато строишь из себя!

— Ты тоже!

Они сверлили друг друга взглядами. Первым сдался Бричиков.

— Ладно, — сказал он. — Надо сваливать. В другой город или другую страну — неважно. Денег хватит. А там уже придумаем что-нибудь.

— Что-нибудь! — передразнила Янка и почувствовала, как накатывают слезы. — Идиот ты, Бричиков. Идиот, каких мало.

В очередной раз за последний год жизнь рушилась. Приходилось сгребать обломки в кучу и надеяться, что ничего не потерялось.

Идиотизм Бричикова заключался в том, что его позвали на ток-шоу и он пошел. Видный специалист по НЛП и гипнозу все-таки.

В какой-то момент, устав слушать байки и домыслы, он рассказал им, что это все суета сует и томление духа. НЛП и гипноз лишь жалкое подобие древнего человече-

ского умения управлять людьми. Название его потеряно в веках, но сила порой пробуждается стихийно. И человек может сам не осознавать, что он делает. Но его будут слушаться.

Это складывается из жестов, интонации, тембра, визуального контакта — из всего. Человек думает, что ведет себя естественно, а между тем заставляет других выполнять свои приказы. И неосторожно брошенное им слово способно даже убить.

— И такие люди появляются до сих пор, — сказал он, присаживаясь.

Но тут же пришлось встать. Аудитория принялась задавать вопросы, перекрикивая друг друга. Бричиков получил свою минуту славы.

А после передачи неприметный молодой человек подошел и пригласил Бричикова прийти завтра и пообщаться. «Об одном нашем общем знакомом», — как он выразился.

И Бричиков сразу все понял. И, что еще хуже, молодой человек тоже понял, что Бричиков понял. Улыбнулся и сказал, что будет ждать встречи.

Телезвезда запаниковал, собрал вещи, долго петлял по городу и приехал в итоге к Янке, чтобы вместе с ней убежать еще дальше.

Йошкар-Ола Янке не понравилась. Совсем. Город красивый, чистый, но вместе с тем какой-то вялый.

Бричиков снял квартиру для себя и дом для Янки. Но это было уже не то. Настолько не то, что хотелось плакать.

Она и плакала.

Костя появился в жизни Янки настолько естественно, что не вызвал никакого удивления.

Однажды она осознала, что идет домой, а пакеты несет незнакомый парень. Короткая стрижка, чуть худощавый, смеющиеся глаза. Потом он приготовил ужин на двоих, сделал расслабляющий массаж и ушел.

Это оказалось полной неожиданностью для Янки. Она понимала, к чему идет вечер, и даже внутренне была готова, но Костя ушел.

Янка ходила по дому и пыталась придумать причину, которая бы его оправдывала, но ничего не получалось. У него просто не было повода уходить.

— Что-то с тобой не то, — сказала Янка непонятно в чей адрес.

Два дня спустя она обнаружила Костю возле дома. Он сидел на лавочке и листал журнал. Янка заставила себя пройти мимо, поминутно ожидая оклика, но его не последовало.

Когда она вернулась через несколько часов, стопка журналов увеличилась. Янка поставила пакеты на землю и села рядом. Еще минут двадцать она ждала, когда он обернется.

— Что там? — спросил Костя, указывая на пакет.

— Картошка, лук, свекла, мясо, зелень, колбаса, сыр... — начала перечислять Янка.

— Борщ? — перебил Костя.

— Борщ.

Он встал и опять ушел, а Янка пошла готовить борщ.

Когда Костя пришел с вещами, она как раз накрывала на стол.

— Люблю, — сказала Янка. — Просто люблю.

Костя улыбнулся.

— А ты мне не говоришь, что любишь, — обиделась Янка.

— Я не знаю.

— Ну вот!

Янка вылезла из-под одеяла и, ступая на цыпочках, подошла к окну.

— Не обижайся. И не усложняй. Нам хорошо, так есть ли разница, как это называть — любовь или что-то еще?

— Демагог, — сказала Янка.

— Еще какой, — согласился Костя.

— Самовлюбленный эгоист?

— Возможно.

— Боишься признаться самому себе?

— Боюсь впасть в зависимость.

Янка обернулась и медленно прошла назад, присела на кровать. Внимательно посмотрела на Костю. Тот продолжал улыбаться.

— Тогда ладно, — сказала она наконец. — Хватит того, что я впала в зависимость от тебя. Но если ты вдруг захочешь сказать мне «люблю», я с удовольствием это выслушаю.

— Хорошо, — ответил Костя, перестав улыбаться. — Обещаю.

Он протянул руку и попытался дотронуться пальцем до носа Янки. Девушка поймала палец губами и чуть прикусила. Костя несколько секунд любовался получившейся картиной.

— Дурочка, — наконец сказал он и тихо засмеялся. — Ай! Янка, мне же больно!

— Сейчас я тебе покажу, что такое боль! — пообещала она.

И обманула.

Мама оставила Янке квартиру, сиротство и Бричикова в качестве опекуна. Он приехал, пахнущий чем-то противно-приторным, и замелькал «по делам». Организовал похороны, поминки, уладил все «бумажные вопросы», со всеми обо всем договорился и лишь тогда нашел время поговорить с Янкой.

— Привет, — сказал он.

— Ага, — кивнула Янка.

— Я вроде как теперь твой опекун. Не в смысле по бумажкам, а так. Лезть к тебе в жизнь — не собираюсь. Доживешь до восемнадцати, и помашем друг другу ручкой. А пока буду помогать, если попросишь.

— А если не попрошу?

— Значит, не буду. Я и без того занятой человек. Просто когда-то я знал твою мать и был ей кое-чем обязан, потому и приехал.

— Чем обязан?

— Может, когда-нибудь расскажу.

— Точно не будешь лезть?

— Обещаю.

— Тогда договорились.

Они пожали друг другу руки, и Янка впервые со смерти матери вздохнула чуть свободней.

— Нам он только помешает! — убеждал Бричиков.

— Мне не мешает.

— Это пока. А как ты ему объяснишь, откуда у тебя деньги?

— Он не спрашивает!

Янка сложила руки на груди и отвернулась.

— Пойми, сейчас не то время. Нам остался всего один рывок. Последний. Большой куш, и разбегаемся в разные стороны.

— Так чем Костя нам в этом мешает?

— Он поедет за тобой куда угодно, не задавая вопросов? — Бричиков испытующе посмотрел на Янку. Она промолчала. — Не знаешь? Рекомендую узнать.

— Посмотрим, — буркнула Янка. — И вообще: это не твое дело.

— Мое! — жестко отрезал Бричиков. — Сейчас это наше общее дело. Мы с тобой пока еще в связке. Хочешь ты того или нет.

Янка хотела сказать, что не хочет, но не смогла. Бричиков в свое время изменил ее жизнь, и сейчас она уже не представляла ее другой.

Осень на целую неделю решила сделать перерыв, неожиданно подарив ноябрьское потепление. Костя и Янка гуляли по парку, а под ногами шуршала опавшая листва.

— Ты можешь ответить мне на один вопрос? — спросила Янка чуть отстраненно.

— Могу.

— Тогда ответь честно: если бы я тебе предложила убежать вместе со мной неизвестно куда и, самое глав-

ное, ни о чем не спрашивать и делать всё, что я скажу... Что бы ты тогда сказал?

— Не знаю. Ты же не спрашиваешь.

— Считай, что спросила.

Она остановилась и развернула Костю лицом к себе. Он улыбался, как обычно. Янка нахмурилась и требовательно посмотрела ему в глаза.

— Я жду.

— Такие вопросы так сразу не решаются.

— Дурак! — Янка отвернулась.

— Ну вот, опять ты все усложняешь.

— Да, усложняю! Потому что у тебя все выходит как-то слишком просто. Ты вообще хоть раз сделал что-нибудь, чтобы усложнить?

— Я переехал к тебе, — сказал Костя.

— О, да! Это, наверное, было суперски сложно!

Костя промолчал, и Янка поняла, что он не пойдет за ней. Слишком много сложностей. Куда больше, чем просто переехать к одинокой девчонке, которую он смог заинтересовать. Косте хотелось просто жить вместе и чтоб было хорошо, а Янке хотелось большего.

— Иди-ка ты на хрен! — сказала она.

— Что?

— Что слышал! Иди. На. Хрен... Хотя нет. Я сама пойду. Вещи как-нибудь зайди забрать.

Янка высвободила руку и пошла. «Ну, давай же! — думала она. — Догони, останови, скажи все, что хотел сказать! Ну!»

А Костя не догонял. Янка знала, что он все еще стоит и смотрит ей вслед. Это ведь так просто.

Приехавший Бричиков застал ее погруженной в меланхолию. Янка сидела возле телевизора и таращилась в экран. Там рассказывали про пауков.

— Познаешь мир?

— Бричиков, ты паук, — сказала Янка, не отрываясь от экрана.

— На чем основан вывод?

— Ты заманил меня в свои сети и теперь высасыва-

ешь кровь. Но не сразу, а потихоньку, чтобы я подольше помучилась.

— Я смотрю, телевизор прививает тебе образность мышления.

Бричиков поставил стул напротив Янки и уселся, загородив экран. Снял очки, протер, вернул на место. Стекла сверкнули, отразив свет люстры. Янке почудилось в этом что-то зловещее.

— Мне не видно!

— Посмотришь в другой раз. Надо поговорить.

— О чем?

— О деле. Я так понимаю, твой драгоценный возлюбленный с нами не едет? — Бричиков обвел комнату рукой.

— А вдруг он просто вышел?

— Ага. И ты в ожидании его смотришь телевизор с таким видом, будто из тебя действительно что-то высосали.

Янка попыталась улыбнуться, но, судя по реакции Бричикова, получилось не очень.

— Мы расстались.

— Отлично! Ой, прости, я не это хотел сказать.

Девушка устало посмотрела на него. Это подразумевало: «Слушай, ну мне-то можешь не врать. Ты сказал именно то, что хотел».

Бричиков поспешил перевести разговор в другую плоскость:

— Так вот. О деле. Рискованно, но если все пройдет так, как надо, то больше нам ничего не понадобится. И можно будет зажить спокойно. Правда, сначала придется уехать куда-нибудь подальше.

— Это я с радостью, — сказала Янка. — С превеликим удовольствием свалю.

Рана была не опасной, но болезненной. Бричиков хромал, а Янка шла рядом, придерживала и изображала не то дочку, не то молодую жену. Рану обмотали Янкиной блузкой, а кровь на черных джинсах почти не выделялась. Зато было видно дырку от пули.

А началось все неплохо. Они вошли в банк, попросили отвести их к управляющему, сказав, что собираются открыть счет. Бричиков продемонстрировал деньги, которые у них оставались. Этого хватило, чтобы клерк осознал серьезность клиентов и их намерений.

Управляющий подробно рассказывал им об истории банка, о знаменитых вкладчиках, о перспективах и о том, конечно же, что здесь деньги будут в сохранности. В этом Янка серьезно сомневалась и все косилась на Бричикова, ожидая, когда он подаст сигнал.

Наконец Бричиков улыбнулся и поднял руки вверх, показывая, что сдается и принимает предложение.

— Скажите «а», — попросила Янка.

Управляющий посмотрел на нее и улыбнулся.

— Зачем тебе?

— Просто, интересно.

— Ну а.

— Без «ну», пожалуйста.

Управляющий посмотрел на Бричикова. Тот развел руками: мол, вот такая она у меня.

— А.

И в его глазах зажглась «А», от которой Янка уже успела отвыкнуть.

— А сейчас ты проведешь нас внутрь хранилища, — сказала она.

Управляющий кивнул, встал и пошел, а они пошли за ним, пытаясь выглядеть естественно. Глупое слово. Никогда не нравилось Янке.

— Сука! — выкрикнула Янка, когда охранник выстрелил в ногу Бричикову. Откуда им было знать, что управляющий не имеет права никого сюда водить?

— Сука! — еще раз повторила Янка, смакуя. Охранник навел на нее автомат.

— Не то, — прошипел Бричиков сквозь зубы. — Не то говоришь!

И тогда Янка сказала: «Все!» И говорила на обратном пути, если кто-нибудь только смел взглянуть в их сторону. Ее трясло от злости и запоздалого страха.

Когда они вышли из банка, в живых там мало кто остался. Орала сирена, а они продолжали идти. Прохожие уступали дорогу, стараясь не смотреть в глаза.

«Это вы правильно, — думала Янка. — А не то я вам тоже все скажу. Скажу «все», и вас не станет». Она не видела себя со стороны, но чувствовала, что левая часть лица живет своей жизнью. Дергается и щерится в усмешке. Правую Янка контролировала и держала спокойной.

— Бесполезно, — сказал вдруг Бричиков. — Беги, я их задержу.

— С чего это?

— Там были камеры. Они с легкостью поймут, кто это был. Беги. Одна, может, спасешься.

— Я ни хрена не представляю, что дальше делать, — произнесла она медленно. — Понимаешь? Ни хрена! Так что если хочешь, чтобы я спаслась, — будь добр, думай.

Бричиков усмехнулся, и Янка поняла, что он почти сдался.

Три минуты спустя они зашли в какой-то торговый центр, чтобы раздобыть новую одежду. Пока Бричиков переодевался, Янка успела купить им обоим черные очки. Он вернулся в ярко-красном спортивном костюме и желтых кроссовках. По мнению Янки, это был верх безвкусия.

— Зато вряд ли кто будет разглядывать лицо, — сказал Бричиков в ответ на ее критический взгляд. — И тебе советую подобрать что-нибудь в таком духе. — Он повертел в руках темные очки. — В ноябре месяце, когда на улице пасмурно?

— Судя по одежде, мы с тобой два придурка, которым как-то параллельна погода и все прочее.

Бричиков пожал плечами, надел очки и забрал у нее сумку с деньгами.

— Я поищу аптеку, — сказал он и захромал куда-то в сторону.

Янка поняла, что он держится из последних сил. Еще немного, и Бричиков даже не сможет никуда идти.

«Ничего. Отсюда мы поедем на такси. Деньги есть», — подумала она, рассматривая нечто кислотно-зеленое, что в итоге оказалось осенней курткой. Вскоре нашлись и фиолетовые зауженные штаны, и оранжевые кеды. Янка накинула капюшон куртки, надела очки и не узнала себя в зеркале. «Это хорошо», — подумала она. Расплатилась и пошла искать Бричикова.

Он сидел за столиком местного кафе и о чем-то говорил по телефону.

— Я наглотался лекарств и теперь вообще ничего не чувствую, — сказал Бричиков.

— Хорошо. Я вызываю такси.

— Не волнуйся, я вызвал, — он кивнул на телефон и спрятал его в карман. — А сейчас я хочу тебе кое-что рассказать.

Янке это не понравилось. Бричиков словно готовился к чему-то плохому, а потому спешил выговориться.

«Мы еще повоюем», — подумала она со странной нежностью.

— У меня, как ты помнишь, были кое-какие дела с твоей матерью.

— Помню. Надеюсь, ты сейчас не станешь изображать Дарта Вейдера и утверждать, что ты мой отец?

— Нет. Хотя я знал его, но он умер.

— Мне так жаль.

— Не паясничай, — Бричиков поморщился.

— Ладно. Так что у вас с ней было за дело?

— Она работала медсестрой в психушке и позволяла мне ставить кое-какие эксперименты над больными. За хорошие деньги, разумеется. Мой папаня вовремя подсуетился при перестройке, и я себе вполне мог это позволить.

— Понятно. И зачем мне это знать? — Янка действительно не понимала.

— Меня что-то в последнее время напрягает, что я использовал и дочь, и мать.

— Совесть проснулась?

— Не знаю.

— Забудь. Оно того не стоит. Ты мне помог, так как считал нужным. У меня был выбор, принимать помощь или нет. Как и у матери. Разве не так?

— Так.

Янка кивнула.

— Вот видишь, так что не стоит волноваться из-за ерунды.

В этот момент зазвонил телефон. Бричиков выслушал, кивнул, словно его могли видеть, и сказал: «Выходим».

Фары старенькой «Мазды» подсвечивали падающий снег. Бричиков открыл дверь, помог Янке сесть, а сам пошел к водителю. Что-то тихо ему сказал, и машина резко рванула с места.

В первую секунду Янка ничего не поняла, зато во вторую поняла все и очень отчетливо.

«Тоже мне герой», — подумал она.

— Остановите! — приказала Янка водителю. Тот и не подумал тормозить, наоборот, прибавил скорость. — Остановите, я сказала!

Она пыталась поймать взгляд водителя, но с заднего сиденья это было трудно. Вдобавок он предпочитал не смотреть в зеркало заднего вида.

Тогда Янка вцепилась ему ногтями в шею. Водитель не отреагировал. Она надавила изо всех сил, стараясь задушить, и по хриплому дыханию поняла, что у нее это получается.

Ее руки все сжимались и сжимались. На шее стали видны следы от ногтей, и вскоре водитель остановился. Янка тут же дернула дверь — заперто.

— Выпусти! — крикнула она.

Водитель промолчал, а машина вновь тронулась с места. Янка нашла какую-то железку, валяющуюся под ногами, и принялась бить в стекло, которое покрылось сеткой трещин. На светофоре водитель все же притормозил, и тогда Янка ударила его. Он вскрикнул, схва-

тился рукой за голову, и она ударила второй раз, открыла дверь и вылезла на улицу.

Машина уже почти выехала из города.

Хозяин «жигуленка», который остановился ее подвезти, почему-то заволновался, выслушав адрес.

— Тебе зачем туда?

— Просто. Встреча назначена, — осторожно сказала Янка.

— Там сейчас от ментов не протолкнешься. Какого-то грабителя схватили. Так он такое там устроил, что его прямо на месте и положили. И денег до сих пор не нашли. Не надо туда ехать.

— Хорошо, — покорно согласилась Янка. — Тогда высадите где-нибудь у автовокзала.

Она купила билет на первый же автобус, даже не задумываясь, куда он идет. Села и молчала всю дорогу.

А когда приехали, Янка встала и пошла. Куда-то. Теперь было все равно. Для нее наступило свое персональное: «Все!» И можно было даже ничего не говорить.

«Целым мир не будет никогда» — мысль, мелькнувшая в краткий миг возвращения сознания. Янка прогнала непрошеного гостя, и все опять стало никак.

Человек, который принес ей деньги, был какой-то бесцветный. Он сам нашел ее, серой тенью скользнув рядом. Передал чемодан и сказал, что в нем все. Что именно «все» — не уточнял. Только добавил, что это от Бричикова.

— Его похоронили там, в Йошкар-Оле, — добавил он. — Было бы хорошо, если бы вы его навестили.

По голосу нельзя было понять — хочется ли этому человеку, чтобы Янка навестила Бричикова, или нет. Он просто сказал и ушел.

А Янка решила, что лично ей как раз хочется.

...Штакетник покосился, хотя прошло всего лишь несколько месяцев. Янка очистила от снега памятник и с удивлением узнала, что Бричикова звали Иван. Нет, на самом деле когда-то она это знала, но привыкла называть его по фамилии и забыла.

— Дурацкое у тебя было имя, Бричиков, — сказала она.

Янка положила на снег одинокую белую лилию. Бричиков никогда не говорил, какие любит цветы, но его одеколон, по мнению Янки, пах именно лилиями.

Щеки мерзли. Стянув перчатку, она провела по ним пальцами и нащупала корочку льда. «Я плакала, — подумала Янка. — Наконец-то».

Знак был твердый, сделанный из железа. Надпись на нем сообщала, что до ближайшей остановки пятьсот метров. Янка ударялась в знак головой и твердила: «Вспоминай! Вспоминай! Вспоминай!»

Три месяца ее жизни куда-то делись. Пропали и растворились. Раньше ей было все равно, но сейчас она решила вспомнить. Ради Бричикова.

— Ы-ы-ы-ы-ы, — говорит Янка, пытаясь вдохнуть. — Ы-ы-ы-ы-ыа-а-а-ау-у-у-у.

— Крепко дерет, да? — спрашивает грязный мужик, забирая у нее кружку. — Но зато согрелась. А сейчас еще больше согреешься.

Он начинает расстегивать штаны, но торопится и никак не может справиться. Янке смешно, и она себя не сдерживает.

— Заткнись! — злится мужик.

— Пошел ты...

Резкий удар по щеке. Что-то соленое во рту. Внутри просыпается злость.

Янка резко хватает мужика за грудки и смотрит ему в глаза. «Все!» — выдыхает она.

И все.

Мягкие знаки она вставляет практически в каждый глагол, не утруждая себя проверкой.

— Голубушка, — говорит доктор, забирая у нее бумагу. — Голубушка, если у вас проблемы с орфографией, это не значит, что вам нужна помощь врача.

Доктор смеется, и Янка смеется вместе с ним.

— А вы клевый, — доверительно говорит она.

— Знаю, — отвечает доктор. — А теперь можно я вернусь к работе? Насколько я понял, с вами все нормально.

— Хорошо, — говорит Янка. — Просто люди вокруг твердили, что я больная.

— Завидовали, — усмехается доктор. — Здоровье у вас — дай бог каждому.

Янка выходит из больницы и идет дальше. Просто так. Надо же что-то делать.

Эклер она берет в тот момент, когда продавщица отворачивается. Люди подсознательно хотят, чтобы у них что-то украли, и сами создают возможность. Надо только разглядеть и воспользоваться.

Янка и пользуется.

Она бредет, откусывая по чуть-чуть, и размышляет, где сегодня переночует. Вариантов много. Все квартиры города. Нужно только попросить сказать «А». Вот только расколдовывать назад Янка не умеет, а потому, уходя, говорит — живите, как обычно. Хотя многие и без этого так живут.

Неожиданно из пустоты выныривает серый человек и останавливается рядом с ней. И Янка не помнит, куда она идет и зачем ей эклеры. Зато вспоминает, что Бричиков мертв.

Пакостно.

«Юность окончена», — подумала Янка.

Она не знала, какой вывод должен последовать за этой фразой. Может, и никакого. Сидела на остановке,

мерзла и ждала автобус. Вокруг мерзли другие люди, но Янке не было до них никакого дела.

Юность окончилась, и автобус, который ждала Янка, должен был отвезти ее во взрослую жизнь.

«Если красный — все будет хорошо. А если синий — плохо», — загадала Янка.

Автобус оказался серым, и она этому не удивилась.

Янка старательно рисовала последнюю букву. Окончив, критически ее осмотрела, но осталась довольна. Рядом она изобразила штакетник, табличку и лилию на снегу.

Сидя на кровати, в гостинице, Янка меланхолично перелистывала страницы и смотрела.

Напротив «А» — пустые глаза. Напротив «Б» — обнаженная девушка. «В» — могила с крестом...

Дойдя до последней страницы, Янка заплакала. Неожиданно осознание всего того, что она сделала, вся ее недолгая история, уместившаяся в тонкой тетради, ударила с силой, сломав какую-то внутреннюю преграду.

Это был очень долгий урок, ценой во множество жизней. И теперь надо было сделать правильные выводы.

«Главное, чтоб не зря. Чтобы Бричиков и другие не зря...»

МАЙК ГЕЛПРИН

ЧЕЛОВЕКО-ГЛУХАРСКИЙ

По времени корабля радиограмма категории «безотлагательно» пришла за полночь, когда оба члена экипажа уже спали. Сопутствующий радиограмме код, однако, инициировал зуммер общей тревоги, так что через минуту Марат Гуляев, чертыхаясь спросонья, приступил к расшифровке.

Закончив, Марат помянул непотребную мать и взглянул на напарника.

Поль Бушар, остролицый, черноволосый, с длинным хрящеватым носом над тонкими щегольскими усиками, ожесточенно протирал глаза и невнятно бранился. По его виду можно было смело определить, какого Поль мнения о полуночных радиограммах и в особенности о тех, кто их посылает.

— Можешь радоваться, дружище, — с кривой усмешкой сказал Марат, — нам тут счастье привалило. Не было печали, глухонемые накачали. Приказано сменить курс и гнать в сопредельный квадрат на помощь — там у них какая-то заварушка.

Поль в ответ разразился бурной бранью на родном французском. Марат, хотя разобрал из пространной речи лишь слово «дерьмо», сочувственно покивал. Глухонемыми, а чаще глухарями, называли гуманоидов со Свана, четвертой планеты в системе беты Лебедя. Официально у Земли со Сваном был мир, взаимопонимание и теплые дружественные отношения. На практике же о взаимопонимании и дружбе не было и речи. А вот конфликтов в пограничных зонах и на периферийных планетах как раз хватало. Дипломаты с обеих сторон из кожи вон лезли, чтобы не допустить перерастания конфликтов в нечто большее. И приходилось дипломатам нелегко — несмотря на внешнее сходство, расы разнились едва ли не во всем остальном, и разнились кардинально. Упрямство, вздорность и спесивость глухарей вошли у землян в пословицу. Об их этических и поведенческих нормах травили анекдоты.

— Что за заварушка? — Поль перешел наконец на английский. — И при чем здесь мы?

— Да похоже, на базе сами ни черта не знают, — Марат пробежал глазами расшифровку. — Какая-то планета на расстоянии полупрыжка, координаты уточняются. То ли глухари терпят там бедствие, то ли бедствие терпит их. Возможно, понадобится спасательная операция. А возможно, надо понимать, и не понадобится.

— Ясно, — Поль обреченно вздохнул. — Ладно, пойду сварю кофе. Авось успеем позавтракать.

Позавтракать, однако, не удалось. Повторная радиограмма не заставила себя ждать.

— Час от часу не легче, — сказал Марат, закончив расшифровку. — Координаты поступили вместе с приказом двигать туда незамедлительно. Планета необитаема. У глухарей там что-то типа лаборатории или экологической станции. Насколько я понял, там наводнение, то ли все уже затопило, то ли скоро затопит. В общем, нам предписывается локализовать здание станции по сигналу радиомаяка, персонал эвакуировать и принять на борт, дальше они полетят с нами. Ну а самое интересное в конце.

— Мне отгадать с трех раз или так скажешь?

— Скажу, скажу. Нам сообщают, что персонал станции состоит из двух особей. Обе — женского пола.

— Этого только не хватало! — Поль в сердцах садануул кулаком по столу. — Вот же невезуха! Ладно, следи за кофе, я пошел прокладывать курс.

Насчет невезухи Марат был согласен. «Антей», грузовоз-тысячетонник класса гамма, совершал плановый шестимесячный рейс на базу с аграрной планеты, где несколько сотен землян-квартирьеров боролись со строптивой флорой и агрессивной фауной. После рейса экипажу полагался отпуск, и Марат с Полем давно уже сговорились закатиться на Эрос и просадить там премиальные в игорных заведениях, если, конечно, не удастся раньше истратить их на девочек. Каждый новый день это событие неукоснительно приближал. Теперь же фешенебельные казино со сговорчивыми хостессами откладывались, и предстояло тащиться бог весть куда выручать чертовых глухарей. Которые к тому же оказались глухарками, существами, по слухам, злобными, сварливыми и стервозными. Не говоря уже о том, что асоциальными.

Посадочный модуль отделился от борта «Антея» и вошел в стратосферу. Трясло немилосердно, через динамики шлемофона Марат явственно слышал, как у Поля стучали зубы.

— Интересно, глухари нам выплатят премиальные? — проговорил Марат, когда тряска несколько улеглась. — От наших деятелей награды точно не дождешься.

— Да, как же, — буркнул Поль. — Получишь в награду собачьи уши. Как хотя бы называется эта планета?

— А пес ее знает, — Марат пожал плечами. — Не успел посмотреть.

— Болван.

— Согласен.

— Хоть что-то ты посмотреть успел?

Марат, потративший полчаса на изучение справочников, пока Поль готовил корабль к прыжку, с важностью кивнул.

— Успел, — сказал он. — Выяснил, что нам нужен АЦП.

— Чего нужно?

— Для не отягощенных излишками интеллекта повторяю: АЦП — аналого-цифровой преобразователь. И к нему акустический ресивер. Будь у нас эти приборы, мы могли бы услышать, как токуют глухари. Они, оказывается, болтают между собой почище нашего. И, соответственно, прекрасно друг друга слышат. Только голоса у них лежат в ультразвуковом диапазоне. Поэтому мы не слышим их. А они, соответственно, нас.

— И что с твоей информации толку? — завелся Поль. — Ресивер, спесивер! У нас этого добра все равно нет. Ты бы лучше подумал, чем мы будем глухарок кормить. Не говоря уж о том, где содержать.

— Ну, содержать — это просто. Освободим для них твою каюту. Ты вполне можешь пожить в трюме.

— Остряк хренов.

— Согласен.

— Ладно, где этот чертов маяк? — Поль вгляделся в экран сканера. — Ага, вот сигнал. Запускай локашку.

Марат задействовал локатор, подключил его к сканеру, и на экране появились координаты.

— Минут сорок лету, — Поль ввел координаты в ав-

топилот. — Так что ты там говорил насчёт глухарского языка?

— Насчет языка я ничего не говорил. А говорил лишь о том, что без ресивера и АЦП мы глухарок попросту не услышим. А они нас — без акустического трансмиттера и ЦАПа. Для невежд — это тоже преобразователь, только обратный, цифрово-аналоговый.

— Умник хренов.

— Согласен.

— Похоже, приплыли, — Марат подался вперед и глядел теперь через смотровое стекло. — Причем заметь, в буквальном смысле. Два вопроса, дружище. Где мы их будем искать, во-первых. И если найдем, то как сядем, во-вторых.

— Н-да. — Поль присвистнул. — Их запросто может не оказаться в живых, лабораторию наверняка затопило.

Внизу, насколько хватал глаз, была вода, из которой поплавками выглядывали, покачиваясь на ветру, верхушки деревьев.

— Радиомаяк прямо под нами, — Марат сверился с показаниями локатора. — Тоже затоплен. Что будем делать?

— Придется летать на малой высоте по спирали, пока не обнаружим их или не выработаем запас топлива. На сутки лету его хватит. Однако если не найдем их в ближайшие два-три часа, то не найдем вообще.

На третьем часу лету Марат устало вздохнул и сказал:

— Знаешь, Поль, не дает мне покоя одна мысль.

— Не сомневаюсь, что только одна. Сообразно количеству извилин.

— Само собой, — Марат покивал. — Так вот, в извилине у меня бродит мысль. О том, почему послали сюда именно нас.

— Обдумай ее как следует. Может, придет в голову, что мы оказались к этой планетенке ближе всех прочих.

— А мне вот сдается, не поэтому. Дело в том, дружище, что двух других таких ослов, как мы, в ближайшем

космосе попросту нет. Ослов, которые вместо того, чтобы немедленно навострить отсюда лыжи, будут искать иголку в стогу сена, и все для того, чтобы, если найдут, основательно осложнить себе жизнь. Не говоря уже о том, что глухари наших точно бы спасать не стали.

— Проклятье, а ведь похоже, — Поль Бушар скривился. — Действительно, нормальные парни уже давно бы отсюда снялись. Н-да... Эй, а ну-ка посмотри вон туда. Километра полтора к северо-северо-западу.

Марат посмотрел. Вгляделся. И поспешно навел оптику. Размытое белесое пятно на сине-зеленом фоне превратилось в прилипшую к верхушке ствола и размахивающую белым полотнищем фигуру. В полуметре ниже по стволу обнаружилась еще одна.

Через минуту посадочный модуль дал над затопленным деревом круг. Оттуда не переставая размахивали белой тряпкой, и Марат определил, что раньше тряпка была, по всему видать, чем-то вроде балахона.

— Ну что там? — напряженно спросил поглощенный управлением Поль.

— Да ничего. Девки как девки, — Марат вгляделся пристальней. — Вполне себе не уродливые, длинноволосые. Иллюстрация для «Плейбоя» — брюнетка и блондинка. Можно сказать, даже смазливые. Не знал бы — никогда б не подумал, что другой расы. Впрочем, они в какой-то робе, возможно, под ней у них вовсе не так, как у людей. Хотя... — Марат вновь вгляделся. — Сиськи вроде на месте. Если это, конечно, сиськи.

— Ладно. Садиться придется вон на тот прыщ на юго-востоке, — Поль махнул рукой туда, где на горизонте выпирал из воды одинокий пригорок. — Это километров пять будет. Надуем спасательный плот и поплывем, другого выхода не вижу.

— Мы можем надуть его здесь и сбросить им.

— Угу. И как ты объяснишь им, что с плотом делать?

— Догадаются, чай, не обезьяны.

— Это, во-первых, неизвестно. Во-вторых, им там внизу просто не увидеть, куда именно мы сядем. В-третьих, еще неясно, какая дрянь водится в местной водичке.

Вполне возможно, что такая, которая возьмет и прокусил плот местах этак в сорока, соответственно количеству зубов.

— Знаешь, дружище, — Марат усмехнулся, — прокусить оно может и когда на плоту окажемся мы с тобой, а не эти девицы.

Поль, пожав плечами, отвечать не стал.

Посадочный модуль набрал высоту и пошел на юго-восток.

— Я, кажется, понимаю, как несладко жилось древним гребцам на галерах, — Марат, отдуваясь, взмахнул очередной раз веслами. Плот мотало, он рыскал по водной поверхности и упорно не желал плыть прямо. — Спроси этих леди, не хочет ли одна из них меня сменить.

Поль, которому по жребию выпало грести первым, на обратном пути расслаблялся. В сбитых до кровавых мозолей ладонях он сжимал ствол импульсного разрядника и бдительно всматривался в воду в поисках объекта для его применения.

Глухарки ютились на корме, прижавшись друг к дружке и ощутимо дрожа то ли от холода, то ли от страха. Пакеты с сухим пайком были ими осмотрены и отвергнуты, а содержимое бесцеремонно выброшено за борт.

Выглядят как обычные земные женщины, думал Марат. Лет по тридцать, блондинке, может быть, чуть меньше. Серые глаза, прямой нос, длинные светлые волосы на пробор. Не красавица, но весьма и весьма. Такая вполне могла уродиться где-нибудь в Рязани или во Владимире. Брюнетка выглядит более экзотично — смуглая кожа, большие черные глаза, вороная челка на лоб, острый подбородок, пухлые губы. Однако пройдись такая по улицам Афин или Иерусалима, никто бы не удивился. Только вот ведут себя... Марат сплюнул за борт. Тоже мне королевы.

— Мой недалекий друг спрашивает, не желаете ли вы поработать веслом, сударыни? — Поль для наглядно-

сти совершил возвратно-круговое движение стволом разрядника. — Понятно, я почему-то так и знал, что никакого желания у вас нет.

— Те еще цацы, — шлепнув в сердцах лопастью весла по воде, сердито сказал Марат. — Знаешь что, давай не будем мы их кормить. Доберемся до «Антея», покажем, как работает пищевой процессор, а там пускай сами кашеварят. И сами ищут, где спать, что мы, в конце концов, няньки?

— Согласен, — без лишних раздумий буркнул Поль. — Все, мадемуазели, полное самообслуживание на ближайшие несколько месяцев. Жалобы и упреки не принимаются. Что, молчим? Воспринимаю как знак согласия.

Утром по корабельному времени Марат проснулся не оттого, что пора, а оттого, что замерз. В трюме было холодно, даже портативный фотонный обогреватель вырабатывал недостаточно тепла.

— С добрым утром, — приветствовал из своего спального мешка Поль. — Знаешь, я думаю, ты ошибся, когда сказал, что во всем ближнем космосе двоих таких ослов, как мы, больше нет. Их и в дальнем тоже нет, мы единственные. На чемпионате по ослизму заняли бы уверенное первое место.

— Да уж, — сказал Марат, — уступить каюты этим фифам было не слишком удачной идеей.

Слово «уступить», впрочем, к ситуации подходило мало. Экскурсия по жилому пространству корабля завершилась демонстрацией крошечных кают членов экипажа. Отчаянно жестикулируя, Марат пытался втолковать пассажиркам, что пользоваться каютами отныне следует посменно, так же, как расположенными в каждой из них санузлами. Удалось втолковать или нет, осталось неизвестным. Часа три Марат и Поль попеременно колотили в запертые изнутри двери кулаками, а потом и ногами. Затем, умаявшись, посмотрели друг на друга, и Поль покрутил указательным пальцем у виска. Марат сказал, что согласен, и оба отправились ночевать в трюм.

— Одна надежда, что они околеют с голода, — ска-

зал Поль. — В твоем справочнике не написано, сколько глухари могут прожить без пищи?

— Увы.

Статья, посвященная обитателям планеты Сван, нашлась в электронном «Справочнике космолетчика». Было в ней страниц сорок, половину из которых занимали чертежи и диаграммы. Оставшуюся половину Марат добросовестно проштудировал. Теперь, вдобавок к подробностям о кодировке и раскодировке ультразвуковых волн, он обладал знаниями об экономической, геополитической и социальной структурах планеты. Никаких бытовых подробностей статья не предоставляла. И, в частности, причины категорического отказа глухарок от приема пищи не объясняла.

Накануне, прежде, чем неосмотрительно расстаться с каютами, экипаж «Антея» попытался пассажирок накормить. Пищевой процессор одно за другим извлекал из себя вполне съедобные и даже деликатесные блюда. Поль с Маратом по очереди таскали их в кают-компанию и плюхали на стол. Инопланетные девицы не притронулись ни к чему.

— Отправлю запрос на базу, — сказал Марат. — Авось ответят раньше, чем они тут у нас загнутся.

— Мне почему-то кажется, что раньше загнемся мы.

— Не каркай. В общем, так или иначе, с глухарками нам надо как-то общаться. Вот же незадача — мало того, что говорим на разных языках, так еще эти языки не слышим. Можно, конечно, попробовать рисовать. Самые азы, видимо, удастся изобразить на бумаге и идентифицировать. Только дальше азов дело не пойдет, слишком мала скорость обмена информацией. Ну что, у тебя есть хоть какие-нибудь идеи?

— Есть. Вернуть их откуда взяли.

— Остроумно. — Марат, кряхтя, вылез из спального мешка наружу. — Значит, так: вербально мы до них не достучимся. На бумаге тоже вряд ли получится. На пальцах тем более. Нужно что-то общее. Какой-то промежуточный, доступный и достаточно наглядный предмет.

— Вот что, красавицы, так дальше дело не пойдет, — объявил Марат строго. В крошечной кают-компании вчетвером они едва помещались, поэтому Поль примостился в дверях. — Вот ты, — ткнул Марат пальцем в блондинку. — Кстати, надо тебя как-нибудь назвать, согласна? Раз молчишь, выходит, согласна. Значит, ты будешь у нас Бло. А она, — Марат повернулся к брюнетке, — Брю. Поздравляю с крещением. Теперь скажи-ка мне, Бло, какого черта ты ни хрена не жрешь? Вот это называется бифштекс. С картофелем фри, капустой и зеленым горошком, объедение. Прекрасное натуральное мясо, размороженное, никаких бактерий или там, боже упаси, глистов. Ну, давай, давай, будь хорошей девочкой.

Быть хорошей девочкой Бло не желала. Она, пряча глаза, индифферентно глядела в пол.

— Ты, конечно, тоже не любишь бифштексы? — повернулся Марат к брюнетке. — Не любишь? Ну и дура. Я после двух суток голодовки не отказался бы и от маринованных гвоздей. Ладно, как знаете.

Марат подвинул тарелку с бифштексом к себе и, вооружившись ножом и вилкой, живо его ополовинил. Поднял голову и вдруг увидел покатившуюся по щеке у блондинки слезу. Марат поперхнулся мясом. Обернулся к брюнетке — та мгновенно отвела взгляд, но Марат мог бы поклясться, что она смотрела на полупустую тарелку едва ли не с вожделением.

— Ты и вправду дура, Брю, — сказал Марат проникновенно. Он растерянно посмотрел на вторую тарелку, стоявшую между Брю и блондинкой. — Вижу ведь, что хочешь. Может, ты думаешь, что у нас жратвы мало и мы того и гляди оголодаем? Даже не надейся. Я могу умять столько бифштексов, сколько захочу. Вот, смотри.

Марат пододвинул к себе вторую тарелку и оттолкнул первую. Она заскользила по столу к блондинке. В следующий момент Марат опешил — Бло набросилась на еду, и остатки бифштекса были сметены за считаные секунды.

— Ты что-нибудь понимаешь? — обернулся Марат к Полю.

— Понимаю, что ты осел. А ну-ка, вставай.

Усевшись на место Марата, Поль аккуратно расправился с половиной оставшейся порции и двинул тарелку по столу к брюнетке. Секунд через двадцать тарелка была пуста.

— Похоже, придется нам поработать, — вздохнул Поль. — Челюстями. Ну, чего стоишь! — прикрикнул он на напарника. — Тащи сюда пудинг.

— Будем надеяться, обычно они едят как приличные люди, — Марат двинул на поле вперед ферзевую пешку. После завтрака они с Полем играли традиционную партию в шахматы. — Мне кажется, я сейчас лопну.

— Не ты один, — Поль сделал длинную рокировку. — Интересно, что за обычай. Женщине позволяется есть только после того, как насытится мужчина?

— Скорее, хозяину положено делить хлеб с гостем. — Марат рокировал в короткую сторону. — Напополам. И поглощать свою половину первым. Видимо, чтобы гость, не дай бог, не подумал, что его хотят отравить.

— Ладно, неважно. Теперь надо как-то вразумить этих особ, что каюты принадлежат нам. А они в них в лучшем случае постояльцы.

— Боюсь, что это тоже обычай. Шах. Например, хозяину положено отдавать свою спальню гостю. А если забывает отдать, тот ее забирает сам. Ровно как наши гостьи — без всяких там церемоний. Вот, кстати, и они, легки на помине. И кто бы мог сомневаться — выряди лись. В мою, между прочим, лучшую рубашку. И, кажется, в твой джемпер. По-моему, он теперь несколько растянут ввиду некоторых выпуклостей на фасаде. Весьма, надо сказать, впечатляющих.

Бло по-прежнему прятала глаза. Брю, обладательница впечатляющих выпуклостей на фасаде, держалась от нее слева и бросала короткие взгляды исподлобья.

— По-моему, она строит тебе глазки. — Марат под-

нялся. — В общем, девочки, дальше так продолжаться не может. Нам ещё лететь и лететь. Надо учиться понимать друг друга. Например... — Марат задумался, потом решительно смахнул фигуры с доски и выудил из общей кучи белого короля. — Марат, — сказал он и правой рукой заколотил себя в грудь на манер Кинг-Конга, а левой с силой припечатал короля к доске. — Поняли, нет? Белый король — это я. Теперь чёрный, — Марат установил королей на соседних клетках. — Это он. Поль, обозначь себя.

— Какого черта я черный?

— Извини, других нет.

— Н-да, — Поль снял короля с доски и повертел его в руках. — Поль, — отрекомендовался он, коротко поклонился и водрузил короля на место.

— Теперь вы, — Марат нашел ферзей. — Тут все очевидно. Белая королева у нас, разумеется, Бло. На, держи, — он протянул ферзя блондинке. — Тебе, Брю, остается черная. Теперь ставьте их на места, — Марат постучал костяшками пальцев по доске. — Ну, смелее.

Бло нерешительно ткнула белого ферзя на d8. Секунду спустя на e8 оказался черный.

— Так, — Марат потер руки, — поехали дальше. Поль, а ну-ка пройдись.

— Какого?..

— Пройдись, тебе говорят.

Поль, сердито сопя, зашаркал вдоль стены.

— Ходить, — объяснил Марат и двинул черного короля с e1 на e2. — Поль ходит. Теперь пробегись.

Поль ускорился. Марат вернул короля на e1 и стремительно двинул его на e4.

— Поль бежит, — констатировал он. — Теперь полетай.

— Ты явный придурок.

— Согласен. Ты будешь летать или нет?

Поль отчаянно замельтешил руками. Марат описал черным королем дугу с e4 на e6.

— Летает, — объявил он. — Поль летает, поняли?

Теперь вы, — Марат двинул белого ферзя с d8 на d7. — Ну?

Бло робко шагнула раз, затем другой и вопросительно посмотрела на Марата.

— Умница, — похвалил тот и сыграл черным ферзем с e8 на e5.

Брю сделала три быстрых шажка.

— Ну, кто из нас придурок? — торжествующе вопросил Марат. — Так, переходим к более насущным вещам. Изобрази, что ешь.

Поль проворчал нечто невразумительное, но послушно принялся черпать в рот со стола воображаемой ложкой.

— Отлично, отлично. В пищу у нас, несомненно, годятся слоны, — Марат установил белого слона на h1 и быстро смахнул его с доски черным королем. — Король e4 бьет слона h1, — объявил он. — Месье Поль отобедал.

— Просыпайся, филолух, — Поль затряс Марата за плечо. — Что толку с твоих упражнений? Девчонки нагло дрыхнут в наших каютах, а мы бедуем тут в трюме.

— Не все сразу, — Марат протер глаза и пригладил растрепавшиеся русые вихры. — Ну и холодина, мать-перемать. Пошли, я тебе кое-что покажу.

Кое-чем оказался лист бумаги, испещренный отпечатанными на нем значками.

— Составил, пока ты храпел, — гордо сказал Марат. — Распечатал и размножил в четырех экземплярах.

— Что за галиматья? — изумился Поль.

— Это не галиматья, друг мой, а первый человеко-глухарский разговорник. Уникальная вещь.

— Ты псих.

— Согласен.

— Что означает «Ч Кр e8-e8 ур. — сп.»?

— Разве не очевидно? Черного короля уронить на месте — означает, что Поль лег спать. Вчера же проходили, но ты, конечно, по нерадивости забыл. Так вот, это тебе памятка.

— А это «Б Ф d5 : С h6, К л — х е?» — что за ахинея?

— Дружище, включи уже извилины, — Марат тяжело вздохнул. — Белый ферзь d5 бьет слона h6, конь на любую клетку. Переводится так: «Бло, есть хочешь, вопросительный знак».

— Ну-ну. Погляжу, как ты будешь объяснять девицам, что означают эти вот «х е».

— С тобой все в порядке? — осведомился Марат участливо. — Ну нельзя же быть настолько бестолковым. В шахматной нотации не больше дюжины кодов. Разучат, запомнят и добьют перевод своими значками. Буквами или иероглифами, на чем там глухари пишут.

— Хм-м... Знаешь, возможно, что-то в этом есть.

— Не возможно, а точно есть. Так, пошли к доске, будешь заниматься упражнениями.

— Сегодня проходим наречия, — Марат уселся за доску и придирчиво оглядел аудиторию. — Для этого у нас имеются пешки. Начнем с азов — «хорошо-плохо». Поль, изобрази, что тебе хорошо.

Поль расплылся в блаженной улыбке, закатил глаза и заелозил ладонями по животу. На доске появилась белая пешка.

— Теперь что плохо.

Поль скривился, обмяк и вывалил язык. Белую пешку сменила черная.

— Отлично. Переходим к «тепло-холодно».

Поль расстегнул ворот рубахи и принялся обмахиваться памяткой для нерадивых. Марат описал круг белой пешкой.

Поль мелко задрожал, скукожился и натянул ворот рубахи на уши. Черная пешка проделала на доске зигзаг.

— «Красиво-уродливо». — Марат кивнул на Бло и поскакал белой пешкой по клеткам. — Это было «красиво», теперь рассмотрим антипода. — Черная пешка закачалась и рухнула. Марат ткнул пальцем в сторону Поля. — Уродливо, — прокомментировал он.

— Ну, ты и скотина.

— Согласен.

К вечеру объем разговорника вырос до четырех листов. К определительным наречиям присоединились обстоятельственные, сравнительные и наречия превосходных степеней. К глаголам добавились «дружить», «враждовать», «драться», «жить» и «умереть». С существительными дело обстояло бедновато, но Марат надеялся в ближайшие дни заняться ими вплотную. Прилагательные еще не трогали, а без прочих частей речи Марат собирался пока обойтись.

— Сегодня последний раз ночуем в трюме, — обнадежил он напарника и залез в спальный мешок. — Завтра словарного запаса должно хватить, чтобы установить посменный распорядок и при этом не нарушить никаких обычаев и ритуалов. Только знаешь что... Их вдвоем без присмотра оставлять нельзя, еще натворят чего. Поэтому так: восемь часов я сплю в своей каюте, Бло в твоей, вы с Брю болтаете, совершенствуетесь в человеко-глухарском. Затем ты отправляешься дрыхнуть к себе, Брю — ко мне. Или наоборот: возможно, имеет смысл сделать одну каюту мужской, другую — женской. Не суть. Оставшиеся восемь часов бодрствуем вчетвером. Питаемся, притираемся друг к другу, опять-таки трепле...

— Она тебе что, нравится?

— К-кто? — Марат поперхнулся.

— Неясно кто? Блондинка.

Марат помолчал.

— Знаешь, дружище, — сказал он наконец, — была бы она обычной девушкой, я бы, наверное, сказал «да». Тем более что я ни разу не ксенофоб. Только вот какое дело: час назад пришел ответ на мой запрос с базы. Довольно пространный, я бегло его проглядел. Во-первых, девицы наши особы не простые, а весьма ученые. Одна из них экзобиолог, другая — этнограф. Так что будь они даже земными девушками, в нашу с тобой сторону, вполне возможно, и не посмотрели бы. А во-вторых, поступила некоторая информация о гендерных отношениях, принятых на планете Сван. Так вот, института брака

и семьи там нет. Вообще нет. Женщина подпускает к себе мужика, только если хочет от него зачать. А от желания этого мужика практически ничего не зависит. Его задача — вкалывать, большинство мужиков либо работяги, либо вояки, а интеллектуальным трудом занимаются женщины. Так что там что-то вроде матриархата. И потому как очевидно, что от нас зачать не удастся...

— Кстати, — прервал Поль, — ты уверен, что не удастся? Чисто теоретически, разумеется.

— Если бы ты побольше читал, то знал бы, что увы, увы. Геном, видишь ли, разный. И в связи с этим, mon cher ami Поль, можешь не пялиться на сиськи милой Брю, тебе один черт ничего не обломится.

— С чего ты взял, что я на них пялюсь?

— Ну а на что же тебе смотреть, бедолаге? Хотя еще пару месяцев воздержания в таких условиях, и я, возможно, буду с вожделением поглядывать на тебя.

— Идиот.

— Согласен.

Со дня спасательной операции прошло две недели. За это время разговорник разросся до дюжины листов, и Марат вменил каждому в обязанности регулярное его изучение.

Каюты удалось поделить, и жили теперь на корабле посменно. Дежурная пара проводила время за беседой, пока вторая спала. В третью смену в кают-компании встречались все четверо...

— Поговорим? — Марат улыбнулся и уселся за доску.

Белый ферзь падает, белая пешка, конь.

— *Хорошо ли Бло спала?*

Бло опустилась на стул по противоположную сторону от доски.

Ладья a8-a7, сыграла она, белая пешка, слон.

— *Спасибо, хорошо!*

Фигуры и пешки задвигались по доске, и вскорости Марат с некоторым удивлением обнаружил, что ни он, ни собеседница почти не заглядывают в пособие для нерадивых.

— *У Бло есть мужчина?*

— *У Бло есть много мужчина. Очень много. Женщина возможно выбирать между всякий мужчина.*

— *Бло не поняла. Есть ли один мужчина? Который только у Бло. Который...* — Марат щелкнул пальцами, глагола «любить» они не проходили за невозможностью объяснить его значение. — *Который делать Бло мальчика или девочку?*

— *Нет, Бло еще не находить сильный красивый мужчина.*

— *Зачем Бло красивый? Бло нужен умный мужчина.*

— *Бло не нужен умный. Сильный мужчина — сильный мальчик. Красивый мужчина — красивая девочка.*

— *Поль — сильный красивый мужчина,* — сыграл Марат.

Бло беззвучно рассмеялась, но в следующий момент смутилась и покраснела.

— *Поль очень умный мужчина. Сильный красивый мужчина — Марат. Бло возможно жалеть.*

Марат едва не сверзился со стула. Настала его очередь краснеть.

— *Бло жалеть Марата?* — сыграл он.

— *Бло возможно жалеть Марат и Бло — не мочь мальчик. Не мочь девочка.*

На этом беседа оказалась прервана появлением новой пары игроков.

— Давайте, слезайте, — проворчал Поль и выполнил на доске рокировку. — Меняемся, — прокомментировал он. — Наша очередь точить лясы.

Марат неохотно поднялся.

— Пойду спать, — сказал он. — С вас дюжина-другая новых глаголов, разучите и не забудьте записать в разговорник. Кроме того, неплохо бы ввести модальности и времена. Хотя бы будущее, иначе я чувствую себя косноязычным.

На пятом месяце полета человеко-глухарский разговорник раздался, распух и превратился в словарь.

Фигуры от постоянного использования потускнели, лак на них облупился, и их приходилось подкрашивать.

Регулярные шахматные беседы вошли в привычку и занимали теперь большую часть дня. Пальцы игроков приспособились, обрели сноровку, сейчас скорость обмена информацией лишь ненамного уступала вербальной. В остальном на корабле ничего не изменилось. Так же, в две смены, спали, так же добытчики-хозяева расправлялись с первой половиной порций за обедом и оделяли второй половиной гостей. И так же не употребляли глагол «любить» за отсутствием такового в лексиконе женской части экипажа.

— *Бывает ли так, что мужчина и женщина живут вместе?* — переставлял фигуры, жонглировал ими Марат. — *Вместе спят, вместе растят детей, вместе...*

— *Да, такое бывает,* — сыграла Бло. — *Это следствие болезни, расстройства половой функции. Его лечат, больных помещают в специальные стационары. В неизлечимых случаях лишают гражданства и выселяют на отсталые варварские планеты.*

— *Такие, как, например, Земля?* — улыбнулся Марат. Одновременно он описал дугу ладьей вокруг белой пешки — знак улыбки на человеко-глухарском.

— *Да,* — Бло наморщила носик и сдвинула брови, подтвердив отрицательную эмоцию ходом черной пешки. — *У нас считается, что ваша цивилизация...* — Белый ферзь закачался на f3, означая заминку.

— *Брутальна,* — подсказал Марат, набычившись, скроив свирепую рожу и сбив с доски черной пешкой b8 белую g1. Новое слово пополнило человеко-глухарский.

— *Да. Я изучала ваши обычаи, моя профессия — этнограф. Мужчины Земли осуществляют геноцид по отношению к женщинам. Главенствующие роли во всех областях играют мужчины. Интеллектуальная элита — мужчины. Управленческие структуры — тоже мужчины. Даже в литературе и искусстве полно мужчин. Кроме того, мужчины превалируют в спаривании, иногда не считаясь с желаниями женщин. Не говоря о том, что выбор партнерши для соития тоже осуществляют мужчины.*

— А тебе не приходило в голову, что так называемое соитие — это не только необходимый для зачатия, не очень гигиеничный физиологический акт? А еще и...

— Нет, — Бло смахнула фигуры Марата с доски. Черная пешка вычертила на ней крест. *— Не приходило. Хотя я знаю, что ваши суеверия предполагают обратное.*

— Суеверия, говоришь?

— Хорошо, пусть будет обычаи. Ритуалы. Поведенческие нормы.

— Брю, конечно, считает так же?

— Разумеется. Хотя Брю... — Белый ферзь вновь закачался на f3.

— Что насчет нее?

— Она биолог. Вернее, экзобиолог.

— И что же?

Бло внезапно сделалась пунцовой.

— Брю полагает, есть шансы, что наши расы произошли от единых предков. И тогда геномы обеих рас могут оказаться совместимыми. Правда, шансы эти небольшие. Но мне пришло в голову...

Марат откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки.

— ...пришло в голову, что мы с тобой могли бы попробовать. При одном условии. Если ты никому не скажешь об этом. Даже Полю. Не станешь этим гордиться и хвастаться, как у вас принято.

Кровь бросилась Марату в лицо. Он чувствовал себя так, будто получил пощечину. Марат поднялся, навис над доской. По ней замелькали фигуры и пешки.

— Даже не думай об этом, — сыграл Марат. *— Для плановых соитий у нас существуют шлюхи.*

За неделю до прибытия спящего Марата растормошил Поль.

— Вставай уже, лингвист, — монотонно бубнил над ухом Поль. — Сколько можно храпеть?

— Случилось чего?

— Да как сказать... Брю беременна.

— Что?! — Марат подскочил на койке. — Ты что же, с ней?..

— Ну да. Один раз всего, она попросила, я не мог отказать даме. А теперь ходит счастливая, мне даже спасибо сказала. Тоже всего один раз.

— Ни себе хрена! И когда это вы?

— Две недели назад. Они чувствуют беременность на ранних стадиях, без всяких анализов.

— Может, она тебя дурит?

— Зачем ей? У них понятие отцовства чисто номинальное. О детях заботятся исключительно матери, отцы после этого самого могут идти лесом.

— Одуреть можно. — Марат уселся на койке. — Тебе хотя бы понравилось? Ну, это...

— Сложно сказать. Она совсем неопытная. Я, знаешь ли, завелся, потерял голову, ну, сам понимаешь, с голодухи. Да и нравится девчонка, чего греха таить, — Поль смущенно потеребил усы. — А она после всего взяла и выставила меня за дверь. И больше к себе не подпускает. А ты со своей что?

— Какой, к черту, своей! Она меня тоже просила. Вернее, снизошла. Давай, мол, попробуем, так и быть. Как в морду плюнула. Ну, я и послал куда подальше. Может, теперь подкатится с этим к тебе, тем более после того, как у подружки все так славно вышло. Ты ведь не сможешь отказать даме?

— Дурак ты, Марат. Недоумок.

— Согласен.

— Правильно, что согласен. Ты ей как раз нравишься, это я нашей биологине как прибор одноразового пользования.

— С чего ты взял, что нравлюсь?

— Вот же олух, не видно, что ли! Да и потом, мне Брю сказала. Что, мол, Бло ходит сама не своя и проплакала двое суток подряд. Брю даже хотела поговорить с тобой.

— Какого черта поговорить! Только сводни мне не хватало. Извини.

— Да ладно. Я к тому, что ты бы мог оказать ей эту

услугу. Нормальная девочка, чего там. Привыкла к тебе, считает, — Поль усмехнулся, — красивым и сильным мужчиной. Это она, конечно, не от большого ума, ну, да что взять с инопланетянки. В общем, не понимаю, чего ты артачишься. Кто ж виноват, что у них такие кондовые нравы?

— Знаешь, дружище, я лучше застрелюсь. Нашли, понимаешь... бычков-производителей.

— Кретин.

— Согласен.

— *Завтра мы прилетаем,* — сыграл Марат, короли один за другим описали на доске дуги. — *Пришла радиограмма, что вас уже ждут. Вот радости-то будет.*

— *Что ты станешь делать потом? У тебя будет перерыв между рейсами?*

— *Конечно. Нам полагается отпуск. Месяца три. Мы с Полем полетим на Эрос, это такая планета, где нормальному парню можно перекинуться в картишки и подцепить лихую девчонку.*

— *Я тут подумала... Вернее, мы с Брю подумали,* — Бло привычно покраснела и опустила глаза. — *Нам тоже полагается отпуск. И мы подумали, может быть, вместо лихих девчонок вы подцепите нас?*

— *Что?!* — опешил Марат.

— *Ты разве не понял? Мы хотели бы полететь туда с вами.*

Марат ошарашенно потряс головой. Помедлил, затем взялся за фигуры.

— *Мы полетим одни,* — сыграл он. — *Можешь на меня обидеться, я стерплю. Но я по горло сыт вахтовым методом. И вообще... Если мужчина делит жилище с женщиной, то они находятся в нем в одно время и вместе, а не посменно и по отдельности. И испытывают друг к другу чувства. Как правило — оба.*

— *Ты будешь со мной в одном помещении,* — Бло низко опустила голову, светлые волосы закрыли лицо. — *Ты... Я... Мы с тобой...* — Белый ферзь закачался на месте. — *Я хочу... Я... Мне кажется...*

— По-моему, ты говорила, что за подобные желания у вас полагается изолятор, а в неисправимых случаях выдворение в захолустье?

Бло подняла голову, откинула волосы с заплаканного лица.

— Я, наверное, больна, — сыграла она. *— Мне кажется, со мной происходит то, о чем ты говорил. Понятие, для которого у нас нет глагола.*

Поль Бушар по-прежнему пилотирует звездолеты, только с другим напарником. Поль не женат и не обременен детьми. Правда, на одной из периферийных планет живет его пятнадцатилетняя дочка. Однако мать в традициях своей расы растит ее одна и скрывает, кому принадлежит отцовство.

А вот у Марата Гуляева двое детей. Полю двенадцать, он прекрасно говорит на четырех языках. С отцом по-русски, со своим тезкой дядей Полем, который частенько наведывается в гости, — по-английски и иногда по-французски, а с матерью и сестрой — на человеко-глухарском.

В отличие от полиглота Поля десятилетняя Брю всего лишь двуязычна. Слова на языке ее матери отец и брат не слышат, зато на человеко-глухарском Брю готова трепаться дни и ночи напролет, она вообще страшная болтушка.

Гуляевы живут на Сване. Марат с женой работают переводчиками при посольстве Земли, а по вечерам трудятся над вторым изданием человеко-глухарского словаря, улучшенным и дополненным.

Бло по-прежнему при разговоре прячет глаза и стесняется откровенных тем.

От лечения в стационаре она отказалась, и гражданства Свана ее лишили. Марату пришлось изрядно похлопотать, прежде чем удалось добиться для жены земного.

У Марата есть теория. Он считает, что в весьма специфических отношениях полов на родине Бло виноваты не женщины, а мужчины. Некоторые связанные с фи-

зиологией подробности он пытался разъяснить жене, но не уверен, что та правильно его поняла: всё-таки человеко-глухарский, при всей его гибкости и разнообразии, допускает некое расхождение в толкованиях. Особенно когда дело касается понятий, в глухарской части языка изначально отсутствовавших.

Человеко-глухарский повсеместно начинают преподавать в спецшколах для космолетчиков, коммивояжеров и дипломатов, как на Земле, так и на Сване. Гуляевых частенько приглашают для консультаций и решения непростых лингвистических проблем.

На Земле новый язык, впрочем, называют бугу, по первым буквам фамилий его создателей. Как называют его на Сване, Марат не знает. Так же, как не знает настоящего имени своей жены — ведь он его ни разу не слышал.

СЕРГЕЙ ТУМАНОВ

НЕТ МЕСТА ДЛЯ ЖИВЫХ

— Счастливый ты человек, Быков, — сказал ему вечером начальник отдела, перед тем как сдать дежурство. — Отпуск, понимаешь. Море, юга.

— Я не на юг, Петр Михалыч. Я к себе на малую родину, в деревню. Полтысячи километров от Москвы, в лес. Озера, речка. Рыбалка.

— Тоже неплохо. Но море лучше. Главное в отдыхе — смена обстановки.

Начальник назидательно потряс толстым указательным пальцем и вышел из зала.

Иван Быков, старший научный сотрудник Центра Контроля, остался один. Тихо гудели вычислительные комплексы, где-то в соседних помещениях стрекотали магнитные диски. За окнами уже наступала ночь и зажигались огни в расположенном через пустырь микрорайоне. Там, в новеньких панельных девятиэтажках,

люди садились за стол ужинать, играли с детьми, проверяли их домашние задания. Молодые пары занимались собой, а старые смотрели телевизор. Неженатый Иван Быков завидовал и тем и другим. Особенно во время ночного дежурства.

Во всем здании кроме него оставались только охранники и несколько таких же бедолаг, как он. Примерно по одному на каждый из семи этажей комплекса.

Иван машинально куснул огромный бутерброд с толстым, почти полуторасантиметровым кругом докторской колбасы. И снова посмотрел на стол, где были разложены листы машинных распечаток с его сегодняшней гордостью. С приблизительными координатами его гордости, сравнительно точной траекторией, выделенной пунктирной линией. И даже со схематичным рисунком, неровными линиями показывающим, как его гордость выглядит. Эдакая неправильной формы загогулина с утолщением на севере, то есть сверху. Иван некоторое время любовался бледными пятнами многоугольной формы, изображающими рытвины и впадины. Все вместе походило на живопись каких-то новомодных художников. Можно скопировать и повесить на стену в гостиной. Сделать рамку и показывать девушкам. Ты видишь, дорогая? Да, это он самый, да. Мой астероид. Сижу я как-то в операторской, рассматриваю последние данные с радиолокации и вдруг вижу...

Он отхлебнул лимонада. Вытащил из ящика стола потрепанный блокнот, который всегда брал с собой в походы. Блокнот был увесистый, с твердой обложкой, со специальным местом для шариковой ручки и необычайно белой бумагой. Бумага оставалась белой даже при свете костра.

Потом нащупал бензиновую зажигалку (надо бы заправить). Бинокль (совсем новенький призменный «Беркут»). Засунул все это богатство в боковой карман рюкзака. Взвалил рюкзак на плечи. И вышел в коридор.

Когда он спустился, в вестибюле было уже темно и пусто. Только Никифоров сидел в своей будке и смот-

рел телевизор. Судя по прорывающемуся сквозь помехи стадионному реву, в телевизоре был футбол.

— Привет отпускникам, — Никифоров помахал ему фуражкой. — Загружаешься?

Иван кивнул.

— Да. Последние приготовления. Не хочу утром с вещами возиться. Пусть в машине ночь поваляются.

— Это дело. Покурим? Здесь все равно ничего интересного.

— Кто ведет?

— «Шахтер», естественно. Узбекам даже ничья не светит. Против Старухина у них никаких шансов. — Никифоров накинул форменную куртку и уставился на рюкзак, будто только что его увидел. — Та-ак, гражданин. Выносим с режимного объекта? А ну-ка предъявим!

Иван картинно поднял руки и попятился к выходу.

— Стой, стрелять буду! Пых-пых!

— Ай, не стреляйте, дяденька милиционер! Все расскажу, ничего не утаю!

— Конечно, не утаишь. А ну, быстро говори, что курим?

Иван сгрузил рюкзак рядом с перилами, достал пачку сигарет.

Никифоров выпятил нижнюю губу.

— Не, своему «Юеломору» я с фильтром не изменю. Никогда не понимал, что вы все находите в этих дамских цидульках. Одно слово, ученые.

— Дурак ты, лейтенант. Фильтр полезнее.

Они стояли внизу, на первых ступенях широкой лестницы. Где-то недалеко стрекотали насекомые. Никифоров оставил дверь открытой и прислушивался к футбольным звукам. Иван смотрел на звезды и выдувал в их сторону сигаретный дым.

— А ты знаешь, — наконец не выдержал он, — я сегодня астероид обнаружил.

— Да ну.

— Ага. Какой-то неизвестный. Вынырнул из-за Луны, как черт из табакерки. Наши эрэлэсники его про-

шляпили, а я гляжу, возмущение какое-то... И данные неправильные.

— Герой. С тебя стакан. Когда поставишь?

— Вот вернусь и поставлю. Правда, там еще многое неясно. Утром должно подтверждение прийти.

— Придет. Его обязательно назовут в твою честь. Астероид Быков. Звучит. Главное — ударение не перепутать.

Никифоров заперхал, подавившись от смеха. Иван развернулся и отвесил ему подзатыльник. Фуражка съехала на нос.

— Э! Нападение при исполнении!

— Будешь знать, как издеваться над наукой.

— Да ну, какая у вас наука. Вот мой дядя институт прикладной физики охраняет, вот там наука. А вы только в бумажках роетесь да вверх таращитесь.

Иван выбросил в траву окурок и подхватил рюкзак за лямки.

— Ну, все, лейтенант, ты договорился. Теперь война. Сейчас загружу вещички, и будет драка. Ты не забыл, что у меня разряд по боксу?

— У тебя разряд, а у меня пистолет. Помочь?

— Давай.

Никифоров подхватил рюкзак с другой стороны.

Машина стояла в десяти шагах, новая бежевая «двойка», универсал. Иван получил ее всего месяц назад, из салона еще не выветрился свежий заводской запах.

— Хорошая железяка, — сказал Никифоров. — Удобно в сад ездить.

— Ага.

— Я такую же хочу. А батяня рогом уперся, «Москвич» хочет. Говорит: «Я в молодости на «Москвиче» ездил, дед твой на «Москвиче» ездил». Традиция, говорит.

Иван открыл заднюю дверцу.

— Не бери «Москвича». Сыплются. Раньше были нормальные, а сейчас совсем труха.

— Ну вот и я... Ого!

Никифоров замолк. Иван утрамбовал рюкзак между палаткой и огромной дорожной сумкой с вещами и подарками родне. Поднял голову.

На дороге, ведущей от города к комплексу, вытянулась длинная вереница приближающихся автомобильных огней.

— У нас, кажется, гости.

— Кто?

— Не знаю, — ответил Никифоров. — Но, судя по количеству машин, наверняка начальство. — Он засуетился. — А ну-ка, давай быстрее. Я должен быть на посту. А ты на своем этаже. А то огребем по полной.

Он убежал, нагнув голову, как под обстрелом. Иван замешкался, закрывая машину. На широкую площадь перед входом уже вылетали одна за другой черные «Волги».

У крыльца они с визгом тормозили, виртуозно выстраиваясь одна за другой.

Из двух первых вылезли неприметные люди в одинаковых костюмах. В них даже ночью с полувзгляда угадывались сотрудники курирующего ведомства. Из третьей вышел директор Центра Контроля Пал Палыч Смирнов. Был он в своем полковничьем мундире, отчего Иван сразу понял, что случилось нечто официальное.

Последней машиной была длинная «Чайка» с блистающими в фонарном свете хромированными элементами. Из нее выбежал коренастый крепыш в черном костюме, предупредительно открыл заднюю дверцу. На асфальт вальяжно ступил грузный человек, по всему виду которого становилось ясно, что он здесь самый главный. Человек угрюмо и не спеша огляделся вокруг. Остановил взгляд на Иване.

— Это он? — голос у него был глухой и тяжелый, как замшелый булыжник.

— Да, Александр Николаевич, — тихо ответил директор.

Колючие маленькие глаза большого человека, казалось, сверлили в черепе Ивана дырку.

— Допуск у него есть?

— Нет. Но он единственный, кто...

— Ясно.

Большой человек двинулся к дверям. Свита потянулась следом.

— Что случилось, Пал Палыч? — шепотом спросил Иван.

Директор глянул на него грустными собачьими глазами. В темноте он еще больше походил на породистого сенбернара.

— У-у, Ваня... много что случилось. Плохие новости. В том числе для тебя. По всему выходит, что в отпуск ты, наверное, не поедешь. По крайней мере, не завтра. Может, в понедельник я тебя и отпущу. Но не завтра.

— Астероид?

Директор покачал головой.

— Нет, Ваня, никакой это не астероид. Не открывал ты астероида сегодня утром, вот в чем печаль.

У Ивана внутри разом вспухла темная пустота, как бывает всегда, когда надежды и мечты рушатся с вершины в пропасть.

— Как?.. А подтверждение?

— Нет подтверждения. Есть опровержение.

Иван понял.

— Что, слишком маленький?

— Маленький, да. Метров двадцать-тридцать в диаметре по новым данным. Не пролезает по классификации в астероиды. Но дело не в этом. — Смирнов выдержал театральную паузу, глядя на своего подчиненного долго и печально. Он вообще любил подобные станиславские спецэффекты. — Это не астероид, Ваня. Это космический корабль.

— Что?.. Как это? — Иван машинально глянул в черное небо. — Это что получается? Это... *они*?

Директор, фыркнув, покривился.

— Ну что ты, Иван, какие они? Нет никаких «они». Пора бы тебе уж завязывать с фантастикой.

— Американцы?

Смирнов вздохнул.

— К сожалению нет. К сожалению, это наш корабль. Пойдем, нам с тобой предстоит кое-какая ночная работа.

* * *

— Подписывайте, Быков.

Генерал бросил на стол несколько бумаг с цветным гербом Союза и машинописным текстом. Судя по шапке, это был документ о неразглашении гостайны. Только непривычно подробный, с десятками пунктов мелким шрифтом. Иван попытался вчитаться. Буквы прыгали перед глазами.

— Подписывайте, подписывайте! Нечего тут пялиться. Времени кот накакал.

Генерал повернулся к Пал Палычу.

— У вас что тут, Смирнов, все госбезопасности не доверяют? Все читать пытаются? Читари.

— Подписывай, Иван, — тихо сказал директор.

Иван подписал, чувствуя, как делает себя невыездным даже за пределы области. Хоть бы в деревню отпустили.

Они сидели втроем в директорском кабинете. Остальные разбежались по лабораториям, в том числе зам Смирнова, пригнавший почему-то на милицейском «уазике», растрепанный, в домашних брюках и чуть ли не в шлепанцах.

Окна были занавешены тяжелыми шторами. В приемной через открытую дверь были видны четверо неприметных товарищей в одинаковых серых костюмах. Они рылись в секретарских документах, переворачивали толстенные папки с отчетами. Один выстукивал на машинке какое-то письмо.

Директор закрыл дверь.

— Допуск у тебя теперь, Иван, серьезный, — сказал он. — Так что сам понимаешь.

Иван кивнул.

Генерал, кряхтя, поднял тяжеленный портфель, бухнул на стол, так что зазвенели стаканы. Откинул крышку. Портфель был аккуратно и под завязку набит какими-то документами.

— Это новые данные, Быков. По твоему «астероиду». — Генерал стал доставать бумаги, кожаные футляры с распечатками. — Мы подключили еще две стан-

ции, на Кавказе и Таймыре. Вот они нас и обрадовали. Полюбуйся.

Перед Иваном легла большая фотография, размером с половину ватманского листа.

Это была негативная глянцевая распечатка, темные пятна звезд на молочно-белом фоне. Внизу полукругом выгибалось что-то размыто-черное. Иван не сразу узнал Луну при сильном увеличении. В центре фотографии находился странный объект правильной треугольной формы. На астероид он действительно был мало похож. Аппарат типа «несущий корпус». Картинка была качественной, такие появились совсем недавно, после установки на нескольких станциях новейшего оборудования. Можно было разглядеть даже загнутые плоскости на крыльях. И волны обтекателей там, где располагался отсек управления.

Иван почувствовал, как холодная испарина покрывает лоб.

— Узнал? — тихо спросил его Смирнов.

— Этого... не может быть.

Генерал комитета молча сверлил его глазами.

— Но... этот проект был закрыт, — прошептал Иван. — Еще десять лет назад. Я сам был на том заседании. Мы не будем развивать эту программу, она не имеет перспектив, так нам было сказано.

— Вот потому ты и здесь, раз был на том заседании. Отцы этой штуковины далеко и прибудут только завтра к обеду. А нам надо срочно рассчитать его возможную траекторию. Учитывая особенности строения.

— Но этого не может быть! Это не может быть «Спираль». Все работы были свернуты на первом этапе разработки! Откуда она?

Генерал поднялся из-за стола. Шумно засопел, словно собираясь с мыслями.

— Это не «Спираль», Быков. Ваша «Спираль» действительно была закрыта десять лет назад по прямому указанию министерства обороны. Это «Ураган». Второй проект мобильной орбитальной системы. Их изначально было два. Ваш был прикрытием, пылью в глаза аме-

риканцам. Как только мы его прикрыли, они успокоились и тоже свернули все похожие работы. Переключились на шаттл, — генерал невесело усмехнулся. — «Ураган» был основным проектом. И его сделали. И он полетел. Один раз. Восемь лет назад.

Иван потряс головой.

— Ничего не понимаю. А как он возле Луны оказался?.. — Он вдруг осекся. — Постойте. *Восемь* лет назад?! Он что, восемь лет... там?

Генерал молча толкнул к нему стопку серых папок с грифом «Совершенно секретно».

— Здесь краткая информация об этом проекте, Вань, — вступил в разговор Смирнов. — Спецификации, теххарактеристики. Отчеты. Все, что понадобится. Выжимка. Времени, сам понимаешь, мало. Если в двух словах, был совершен пробный полет. Что-то пошло не так, при отделении второй ступени вышли из строя маневровые двигатели. Ускорение оказалось выше расчетного. Намного. Видимо, не учли какие-то факторы при старте из стратосферы. В общем, точно никто ничего не знает. Связь пропала сразу. А «Ураган» ушел на совсем другую орбиту. Не геоцентрическую.

Генерал хмыкнул. Достал из внутреннего кармана кителя пачку сигарет. Руки у него заметно дрожали.

— У Луны... Если б он торчал все восемь лет у Луны, его бы уже давно заметили. Он был дальше, Быков. Намного дальше.

— Тогда были проведены приблизительные расчеты, — сказал директор. — Большинство склонялось, что корабль выйдет за пределы орбиты Юпитера и либо будет им захвачен, либо вернется обратно во внутренние области системы. По модели выходило, что вернется он лет через пятьдесят. И пройдет в полумиллионе километров от Земли.

— А он вернулся раньше, — добавил генерал. — И видимо, не собирается проходить от нас так далеко. — Он толкнул Ивану еще одну папку. — Здесь предварительные данные по траектории. Вероятность входа в атмосферу девяносто девять процентов. Время — завтра

примерно в час ночи по Москве. Твоя задача рассчитать как можно более точно координаты. И где нам искать его обломки. И радиус поисков.

Иван рассматривал столбики цифр, постаравшись загнать шок подальше в глубь сознания.

— При такой скорости и траектории от него, скорее всего, ничего не останется. Сгорит.

— Мы не можем рисковать. Если «Ураган» попадет в лапы Вашингтону, про разрядку можно будет надолго позабыть.

Иван подвинул к себе папку с техническим описанием. В голове у него крутились обрывки воспоминаний десятилетней давности, когда он был совсем еще зеленым лаборантом и думал, что занимается делом всей своей жизни. «Спираль» казалась ему верхом совершенства, главной перспективой земной космонавтики. Когда проект закрыли, для него перевернулось небо. Полгода он пил не просыхая.

Конструктивно «Ураган» был почти копией «Спирали». Только увеличенной практически в полтора раза и с другими операционными задачами. «Спираль» задумывалась как разведчик, в крайнем случае истребитель спутников. «Ураган» проходил по коду семь, с припиской «орбитальный бомбардировщик». Десять тонн полезного груза. Иван поежился, представив, что за груз в данном случае именовался полезным. Выход в стратосферу. Выход на орбиту. Маневровые двигатели. Спуск посредством планирования в атмосфере. Приземление на любой аэродром, в том числе четвертой категории с грунтовым покрытием. Экипаж два человека. Внешне орбитальный модуль «Урагана» отличался от своей незадачливой родственницы только хищно заостренным носом. У «Спирали» нос был похож на тупой, загнутый вверх лапоть.

Иван осекся.

— Постойте... А экипаж?

— Модуль был оснащен эвакуационной капсулой. Но ею почему-то не воспользовались, — глухо ответил

генерал. — Видимо, это было связано с неполадками в двигателях.

Иван снова посмотрел на фотографию членов экипажа. Стараясь не думать, что чувствовали эти двое парней, когда корабль уходил все дальше от Земли. И как они выглядят сейчас, там.

Он долго рылся в старых бумагах, сверяя цифры. Генерал нервно курил одну сигаретину за другой. Директор бродил взад-вперед у занавешенного окна. Потом Иван наконец оторвался от груды папок и сказал, что пора считать. Они отправились в вычислительный центр, Иван впереди, начальство в середине и четверка рыцарей в костюмах, без плащей и кинжалов — в арьергарде. Откуда-то вынырнул смирновский зам, уже успевший сменить домашние брюки со шлепанцами на синий костюм тройку. Он шепнул что-то директору. Тот виновато развел руками и удалился. Ивану было не до того. Светало. Стрекотали и гудели комплексы, выдавая из прорезей распечатки с данными. Генерал сидел в кресле у окна и сверлил глазами. Его адъютант уже в третий раз бегал за сигаретами. Когда около девяти утра стало ясно, что примерные координаты не выходят за пределы Средней Азии, генерал заметно подобрел и распорядился привезти «герою этой ночи» полноценный обед из городского ресторана. Иван похлебал уху с семгой, изо всех сил пытаясь не заснуть.

К полудню к зданию подкатил очередной кортеж из пяти черных «Волг» и даже одного «Мерседеса». Прибыли отцы «Урагана», вызванные срочно из какого-то новосибирского ящика, куда их сослали после неудачи с детищем. Два седовласых профессора, шумный толстяк и пятеро из молодняка, почему-то в лабораторных халатах. Иван устало сдал толстяку все расчеты вместе с кипой генеральских папок. Присел на диван и тут же провалился в сон.

Ему снился белый космос с темными пятнами звезд и черный катафалк, нарезающий круги вокруг Юпитера. Красный глаз Большого Пятна следил за этими маневрами пристально и недобро. При этом глаз пел пе-

сенку на мотив какого-то детского мультфильма: «Я ураган и ты ураган. Оба мы с тобою ураганы». Из задней дверцы катафалка высовывался цилиндрический гроб, похожий на вторую ступень ракетного ускорителя.

Ближе к полуночи его разбудили. Он спустился в главный зал Центра Контроля, на ходу жуя бутерброд, перехваченный у директорской секретарши. В зале было светло и тихо. Десяток человек бродили от одного оператора к другому, разглядывая бумаги и переговариваясь шепотом. До часа икс оставалось не более часа. Иван поговорил с новосибирским толстяком, узнал, что все его предварительные расчеты оправдались с минимальной погрешностью. Вход в атмосферу над Чукоткой, разрушение большей части корпуса. Падение обломков в районе Мангышлака. Радиус сто километров. Это хорошо, подумал он про себя, это значит, я умный. Значит, меня повысят. Дадут лабораторию. Или еще что приятное.

Генерал уже распорядился выдвинуть поисковые группы в намеченный квадрат и теперь сидел как на иголках. Увидев Ивана, он приветственно поднял свою красную лапу. Это тоже хорошо, начальство заметило, начальство не оставит.

— Молодец, Вань, — тихо сказал ему подошедший Смирнов. Его сенбернарские глаза были красными от усталости. Ивану тут же вспомнился давешний сон и Большое Красное Пятно. — Скоро все закончится. И можешь ехать в свою деревню. Отпускаю. Заслужил.

— Спасибо, Пал Палыч. Я, с вашего позволения, как только, так сразу. А то опаздываю уже.

Директор потрепал его по плечу и отошел к операторам.

Чем ближе приближалось расчетное время, тем нервознее становилась обстановка. Начальство бегало по залу и требовало всего, что ему приходило в голову, подчиненные огрызались, насколько им хватало наглости. Иван тихо сидел на диванчике у входа, удобно скрестив ноги и улыбаясь. Он всегда улыбался, когда ему было плохо. Вычитал в какой-то психологической

книге и с тех пор пользовался. Даже внушил себе, что это помогает.

Он думал о корабле. О том, что совсем скоро где-то далеко на востоке исчезнет, сгорит в атмосфере великая тайна советского космоса. Сгорит и не оставит после себя даже воспоминаний. Только несколько оплавленных кусков. Которые тут же засекретят, обернут в пластик и отправят в какой-нибудь подземный бункер, чтобы их там не увидели даже крысы. Он посмотрел на новосибирцев и попытался представить себе, каково это — дважды переживать гибель собственного детища. И в сотый раз порадовался, что ушел из конструкторов в наблюдатели. Гордости меньше, зато нервы в порядке.

— Время, — сказал один из операторов по громкой связи. — До точки десять... девять...

И останутся у нас одни древние «Союзы», шумные старты с ржавеющего Байконура, бессмысленные программы «отправим в космос очередного представителя дружественной страны».

— ...шесть...

И гордость за покорение уйдет навсегда, превратившись в тупую рутину. А я буду сидеть в своем кабинетике, руководить лабораторией и наблюдать, как мусорят в околоземном пространстве наглые янки.

— ...четыре...

Впрочем, у них тоже все пожрет бессмыслица. Оседлают свои шаттлы и не слезут, пока они под задницами не развалятся.

— ...два...

Красивая машинка. Остроносая, стремительная. Такие рисуют в иллюстрациях к фантастике. «Звездолет опустился на планету». Жалко. Почему у меня такое чувство, что тебя предали?

— ...один...

Аминь.

— ...контакт. Цель с радаров исчезла.

Наступила ватная тишина. Все молчали.

Иван встал и, ни с кем не прощаясь, вышел в коридор.

Через несколько минут, после того как зал один за другим покинули все понаехавшие в Центр Контроля гости, к директору Смирнову подошел его заместитель.

— Пал Палыч, извини, — отчего-то смущаясь, сказал он. — Но, думаю, надо еще раз посмотреть записи. Последние, где-то начиная с минус первой минуты.

— Зачем?

Зам выглядел виновато и растерянно. И это было на него совсем не похоже.

— Я не уверен... Но мне показалось, что незадолго до входа в атмосферу объект изменил траекторию полета. И скорость сближения. Надо сверить цифры.

Смирнов долго смотрел на него, пытаясь понять то, что услышал.

Потом молча опустился на диван и закрыл глаза.

* * *

Было раннее утро, то время суток, когда петухи уже орали, но на улицах еще никто не появился. Только на той стороне реки протарахтел древний грузовик с деревянными бортами и желтой бочкой на прицепе. На бочке было написано «Квас», но все мужики Белогорска знали, что это неправда. В бочке было пиво.

Тим в очередной раз клюнул носом, встрепенулся и пошевелил спиннингом.

— Если мы этого твоего сома не поймаем, Клюква нас убьет, — сказал Генка, глядя на приятеля чуть ли не с ненавистью.

Тим кисло кивнул. Он сам уже сто раз пожалел, что рассказал Клюкве про сома. Мол, видел на пруду, рядом с аэродромом. Огромный такой, килограмм под сто. Лежит как бревно, усами шевелит. Кто же знал, что хулиган Клюква этой байкой заинтересуется. Наверное, вранье почувствовал, вот и заинтересовался. Чтоб в очередной раз брезгливо поиздеваться.

— Еще меня с собой потащил, — бурчал сзади Генка. — Мать убьет, если увидит.

— Да ладно тебе, — виновато сказал Тим. — Убьет,

убьет. Никто никого не убьет. Может, побьет, да и то не сильно.

Солнце только показалось из-за края обрыва и теперь играло бликами на воде и стеклах двухэтажных щитковых домов, расположенных на противоположном берегу. На крыльцо ближайшего дома вышел пузатый мужик, потянулся, глянул на малолетних рыбаков и помахал им рукой.

Вода у камышей чуть всколыхнулась, плеснула.

— О! Смотри! Может, он?

— Да не, — грустно ответил Тим, — не он. Мелочь какая-нибудь. Окунь.

— И кто тебя за язык тянул. Похвастаться захотелось?

Издалека послышалось дребезжание деревянных мостков, и Тим скукожился, будто стараясь вжаться в сырую землю.

— Ну, все, Тимофей, — прошептал Генка. — Теперь держись. Ты, главное, голову не подставляй, он по голове бить любит.

Кусты наверху зашумели, задергались, взлетели какие-то мелкие птахи, и появился старшеклассник и хулиган Клюква.

Был он, как всегда, в своих облезлых узких джинсах (настоящая фирма, ливайс, чтоб вы понимали), в черной майке с какой-то непонятной надписью и огромных зеркальных очках на пол-лица. За лохматыми рыжими патлами виднелся гриф старой гитары, с которой Клюква, говорят, не расставался даже в бане. Правда это была или нет, но гитара действительно выглядела не лучшим образом. Потертая, потрескавшаяся, с царапинами и следами то ли от наждака, то ли от напильника. Струн на гитаре было с недавних пор три, и поэтому Клюква предпочитал те мелодии, где без остальных струн можно было обойтись. По вечерам он сидел в заброшенном парке на окраине Белогорска, в окружении своей малолетней свиты, и немелодично орал что-нибудь якобы английское, с удовольствием объясняя каждый раз, что это — самые запрещенные песни, внесенные в списки

Политбюро, и намного более антисоветские, чем всем известная «Москва, Москва, закидаем бомбами». Школьники млели, приобщаясь к тайне.

Клюква спрыгнул на берег, лениво оглядел сваленные снасти, ведерко с опарышами. Почесал грудь, сплюнул сквозь зубы. Его зеркальные плошки уставились на Тима.

— Здорово, мелюзга. Ну, давай, показывай своего сома. Где?

Тим нахохлился, ткнул спиннингом в воду.

— Вот. Тут видел. На прошлой неделе. Тень такая под водой, огромная, метра два. А потом вниз ушла, — и добавил для пущей достоверности: — Тут излучина, глубоко. Сомы такое любят.

Клюква наклонился, разглядывая темную воду. Зеленая муть плескалась у самого берега, цепляясь за стебли камышей.

— Сом — это хорошо, — сказал Клюква. — Сом моему батяне нравится. Он его с картошечкой да лучком очень уважает. Как услышал про сома, так и обрадовался. — Клюква обернулся. — Тебе привет передает.

Тим совсем вжал голову в плечи. Клюквин батяня был пострашнее самого Клюквы.

Клюква стащил с плеча гитару, сел рядом с Тимом, обнял за плечи.

— Ну что, малявка? Сразу каяться начнешь? Или тебе помочь?

Тима затрясло.

— Сом, говоришь? Два метра? А чего ж ты двухметрового сома на спиннинг с опарышами ловить вздумал?

— Так мы это... — начал было Генка.

— Молчи, дятел. И до тебя дело дойдет. — Клюква поднял очки на прыщавый лоб. Глазки у него были выцветшие и злобно-колючие. — В общем, так, пионеры. Скоро сюда батяня завалится, на сома посмотреть, и если того к этому времени не будет...

Тим рванулся. Клюква с размаху двинул его по затылку.

— А ну, стоять! Базар развел, за базар ответишь.

Тим поднял выпавший спиннинг, размазывая по лицу сопли. Ткнуть бы в глаз, да так, чтоб сразу окочурился. Генка нервно разглядывал окрестности в поисках чего-нибудь отвлекающего.

— Ой, смотрите! Самолет!

Клюква глянул.

Это и впрямь был самолет. Или вертолет. Черная точка, вынырнувшая из-за дальней лесополосы.

— Чего это он? — спросил Генка. — Сегодня ж воскресенье. Аэродром не работает.

Клюква не ответил, приложил ладонь ребром к бровям, разглядывал.

— Заблудился, наверно. — Тим шмыгнул носом.

— Это ты у меня сейчас заблудишься, на дне, вместе со своим сомом! — пообещал Клюква.

Точка приближалась, хорошо видная на фоне безоблачного неба, но не было слышно ни гула, ни стрекота.

— Я знаю, — сказал Генка. — У него двигатели отказали. Теперь к нам планирует.

— Дельтаплан какой-то хренов, — выругался Клюква.

Теперь можно было разглядеть темный корпус, бесшумно пронесшийся над домами. Самолет снижался, плавно, по широкой дуге, заходя на посадку.

До Тима вдруг дошло:

— Пацаны! Да тут же рядом!

Клюква вскочил.

— Кто последний, тот гномик!

Подхватил гитару и за пару секунд вскарабкался наверх.

— А при чем здесь гномик? — спросил Генка.

Тим пожал плечами. Про сома забыли — уже хорошо.

* * *

Единственная взлетно-посадочная полоса белогорского аэродрома начиналась метрах в двадцати от берега, за редким лысым кустарником. Почти километровая, из свежего асфальтобетона, с белыми и желтыми полосами разметки. Сейчас летное поле было пустым, толь-

ко далеко у одноэтажного здания аэровокзала виднелся грузопассажирский «кукурузник», отдыхающий от ежедневных рейсов по районным деревням.

Со стороны леса к полосе приближался новый гость. Он планировал, задрав острый нос и заметно раскачиваясь.

— Что-то он какой-то огромный... — нерешительно сказал Клюква. — На нашу полосу такие еще не приземлялись.

— Надо бежать в город, предупредить. Вдруг авария?

Тим посмотрел в сторону аэропорта. По выходным там дежурил только сторож и по совместительству диспетчер дядя Вася. Который сейчас наверняка дрых без задних ног.

— В зале ожидания телефон есть, — сказал Генка.

— Ша, малолетки, — поднял руку Клюква. — Сперва посмотрим.

Самолет коснулся полосы точно в начале, раздался дикий скрежет железа о бетон, полетели искры.

— Черт, да он без колес! — Клюква даже подался назад. — Первый раз такое вижу.

Вместо шасси были длинные широкие полозья, смахивающие на лыжи. Они протащили странный аппарат по бетону, подняв ветер, увлекая за собой пыль и скопившийся у краев мусор. Снопы искр били не переставая, скрежет резал уши и вызывал мурашки, как писк стали по стеклу или скрип ногтя по мелу. Потом раздался оглушительный хлопок, и позади хвостового оперения вспухло облако парашюта.

— Ого! — просипел Клюква. — Вот это тормоз! Мелюзга, да он военный!

— А раскраска какая-то странная, — сказал Тим. — Вся в пятнах.

— Я ж говорю, военная. Защитная, дятел.

Тим воочию никогда не видел военной раскраски, но покрывающая самолет мешанина черных, серых и рыжих разводов мало походила на раскраску. Скорее было похоже на то, что его вообще не красили.

Парашют в последний раз взвился и опал. Самолет окончательно замер в облаке темной пыли.

— Ну что, пионеры? Идем знакомиться? — сказал Клюква.

— Может, не надо? — робко спросил Тим. — Военные все-таки, вдруг нельзя?

Клюква брезгливо глянул на него, приподняв очки.

— Тогда можешь идти ловить сома.

И зашагал к полосе. Тим двинулся следом.

— Эй! — позвал сзади Генка. — Я тут останусь. Вдруг чего, так я сразу...

Тим пожал плечами.

Пыль у самолета не оседала. Она вилась вокруг, увлекая за собой прошлогодние серые листья, тополиный пух и белесый пар, облизывающий корпус, словно тот был раскаленный. Только сейчас стало видно, насколько изуродована обшивка. Ее покрывали бесчисленные вмятины, рытвины, они налезали друг на друга, практически превращая фюзеляж в решето. Ближе к хвосту виднелась даже целая пробоина, за рваными краями которой не было ничего, кроме темноты.

Клюква в нерешительности остановился метрах в пяти от крыла.

— Товарищи пилоты!

Никто не ответил. Самолет казался мертвым. За черными стеклами кабины ничего не было видно. Темнота словно разрасталась от дымящейся машины, заслоняя солнце и небо.

Клюква снял солнцезащитные очки и отдал их Тиму:

— На. А то ничего не увижу.

Тот недоуменно повертел их в руках (Клюква со своими зеркальными окулярами обычно не расставался) и нацепил себе на нос.

Самолет действительно был большим, метров двадцать в длину, не меньше. Под ним можно было даже стоять не пригибаясь. Клюква обогнул посадочную стойку, посмотрел вверх, на днище.

— Гляди-ка. Тут люк. — Он обернулся. — Чего встал? Иди сюда.

Тим словно уткнулся в стену. Рядом с Клюквой, под люком, он увидел вдруг невесть откуда взявшуюся темную фигуру. Она словно сгустилась из витков пыли.

— О! — Клюква отступил на шаг. — Привет. А я уж было подумал, что вы все умерли.

Стоявший рядом с Клюквой человек казался черным пятном, без деталей одежды, теней, складок. Человек что-то сказал, и Тим не сразу понял, откуда навалилась вдруг жуткая паника.

Он смотрел, как старшеклассник и хулиган Клюква, гроза школы и подворотен, исчезает, смешиваясь с вьющейся вокруг него пылью. Сперва исчезли руки и ступни. Клюква рухнул на колени, корчась от боли. Наверное, он орал, но Тим его не слышал. Он просто смотрел и не мог оторваться. Когда в пыльной мгле растворилась голова и часть туловища хулигана, обнажив вывалившиеся на бетон внутренности, черная тень обернулась к Тиму.

И тогда он побежал, истошно вопя, срывая связки и не слыша своего голоса.

Потом что-то подвернулось ему под ноги, и он полетел вниз, с обрыва, в реку.

* * *

Площадь Ленина как две капли воды походила на другие такие же площади в маленьких советских городках. Небольшой квадрат с памятником Ильичу в центре. За ним — трехэтажный желтый горком с белыми колоннами. Напротив — серое жилое здание с магазином на первом этаже.

Иван медленно объехал площадь, вертя головой во все стороны.

Площадь была пуста, как и улицы городка. У горкомовского крыльца стояли две запорошенные мелким снегом черные «Волги». По заиндевевшему асфальту было ясно, что здесь уже давно никто не ездил и не ходил. Единственными следами были следы шин, остающиеся за Ивановой «двойкой».

Больше всего это напоминало последствия эвакуации. Что-то рядом грохнуло, людей в спешном порядке выселили, побросав все, что не успевали вывезти. Мусор на улицах, выбитые стекла, перевернутые машины. Смог над городком, кучки серой пыли на обочинах и снег в июне наводили на мысли о чем-то химическом. Иван попытался вспомнить, не было ли в районе Белогорска какого-нибудь химкомбината. Но не вспомнил. В конце концов, даже если и был, то наверняка засекреченный.

Но тогда почему на шоссе не оказалось застав и бравых вояк в комбинезонах и противогазах? Даже постовых не было. Шлагбаумов. Табличек с надписью «Опасная зона». Езжай не хочу. Иван вспомнил длинную фуру, маячившую перед ним всю дорогу от районного центра. Фура свернула к какой-то деревне незадолго до поворота на Белогорск, оставив Ивана в полном одиночестве. Следующей повстречавшейся ему машиной был пассажирский «рафик», лежащий на боку в кювете.

Иван остановился у магазина, заглушил мотор. Принюхался и прислушался. Тишина была мертвой, воздух — обыкновенным. Судя по витринам, магазин хоть и назывался «Колобок», но торговал всем подряд — от хлеба и колбасы до трусов и плащ-палаток. Наверняка в нем можно было найти и автозапчасти. По крайней мере, на последней витрине виднелись какие-то объемистые железяки.

Позаимствовать колесо и дунуть отсюда как можно скорее. Письмо оставить, чтобы не подумали, будто украл. Или деньги. Нет, деньги ветром сдует. Мыши унесут. Лучше письмо. Приколоть к стенду. Так, мол, и так, взял колесо от «ВАЗ-2102», адрес, телефон, подпись, обязуюсь оплатить. И — прочь отсюда, только пыль столбом. Мало ли что не пахнет. Кто его знает? Химия — дело страшное.

Он открыл дверцу и вышел, стараясь дышать пореже. Иней скрипел под летними ботинками. То, что в этой дыре может не оказаться нужного колеса, ему и в голову не приходило. Это было бы слишком несправед-

ливо — пыхтеть еще двести километров на железе до следующего населенного пункта.

Человека он заметил сразу, как только шагнул к магазину. Тот стоял спиной к нему, метрах в двадцати, одетый в серую бесформенную хламиду.

— Ну, наконец-то. Эй! Уважаемый! — Иван ринулся к незнакомцу чуть ли не вприпрыжку. — Запасное колесо где можно купить?

Человек даже не шелохнулся.

— А то представляете, кто-то разбросал по дороге железные шипы, прямо на въезде в город. Два колеса накрылось. Одно поменял, а второе... Ну кто ж с двумя запасками-то ездит? А? Может, тут, в магазине...

Он не успел договорить. Человек стал медленно, механически поворачиваться, какая-то тень мелькнула над левым плечом Ивана, и тут же над ухом раздался резкий грохот. В нос ударил запах пороха. Серую фигуру впереди отбросило к стене, как тряпичную куклу.

В голове звенело, плавали круги перед глазами, и Ивану вдруг почудилось, что человек у стены рассыпается в пыль.

Кто-то резко схватил его за плечо, дернул назад, так что он еле удержался на ногах.

— А ну живо внутрь, очкарик! — прошипел бугай в камуфляже и с дробовиком в руке. — Времени мало. Сейчас остальные подтянутся!

Схватил Ивана за шиворот и потащил к магазину.

* * *

Внутри было так светло, что Иван даже ослеп на мгновение.

— Привыкай, — сказал бугай. — Они электрический свет не переносят. На солнце им начихать, а лампы Ильича всякие, фонарики...

Когда белая пелена с радужными пятнами наконец растворилась, Иван огляделся. Магазин был большой, длинный и залитый ярким светом. Горели люминесцентные трубки на потолке. Горели светильники на сте-

нах. А прямо напротив входа между двумя массивными колоннами стоял большой прожектор, за решетчатым стеклом которого тлели, угасая, нити накаливания. Рядом с прожектором сидела на стуле женщина с гладко зачесанными, собранными в пучок волосами и в больших круглых очках. Женщина была в строгом отутюженном костюме и походила то ли на заведующую библиотекой, то ли на директора школы.

— Вот как, — сказала она. — Первый человек за два дня.

Иван вырвался наконец из лап камуфлированного амбала.

— Вы его убили!

Дама важно поднялась со стула.

— Да что вы такое говорите, гражданин! Кто убил? Кого? Где?

Амбал хрюкнул.

— Там! — сказал Иван. — На улице. Вы что, выстрела не слышали? Что здесь происходит?!

К ним медленно подтягивались люди. Человек пять. Пузан в хорошем костюме с красным флажком депутата на лацкане. Продавщица необъятных размеров в синем фартуке. Какой-то изможденного вида ханурик в рабочей робе. Даже школьник, в летней цветастой рубашке и почему-то в пионерском галстуке.

— Что вы такое и что здесь делаете? — важно спросил толстый депутат. — И как сюда попали?

— Приехал. На машине. Иван, — оторопело ответил Иван. — Ой! — Он потер уколотое запястье.

Продавщица подняла к глазам шило с каплей крови на острие.

— Кровь, — сообщила она собравшимся. — Человек, значит.

— Да это сразу было ясно, что человек, — сказал амбал. — Слишком розовый. А вот как сюда попал, это вопрос.

— Сразу не сразу, а помнишь того стилягу в джинсах вчерашнего? Тоже был розовый и с нормальными глазами.

— По какой трассе ехали? — спросил депутат.

— Со стороны райцентра.

— На шипы напарывались?

— Да. Потому и...

— Из машины выходили, чтоб колесо поменять?

— Ну конечно!

— Тогда почему вы до сих пор живы?

Иван замолчал, не зная, что сказать. Горожане смотрели на него, явно ожидая ответа.

Дама в очках подошла ближе.

— Ну что ты к нему пристал, Бревнов. Видно же, что он ничего не соображает. — Она подала Ивану длинную тонкую ладонь. — Галина Андреевна. Завуч местной школы. Была.

— Слышь, Андревна, — подал пропитой голос ханурик, — если этот приехал, значица, мы могем выехать?

— Можешь попробовать. А мы посмотрим.

Иван пожал завучу руку.

— Иван Быков. Э-э... Турист. — Сфера деятельности и подписки о неразглашении постоянно накладывали на Ивана ограничения в подобных беседах.

Депутат сопливо хмыкнул.

— Турист! Знаем мы таких туристов. Американцы небось подослали.

Завуч поморщилась.

— Какие американцы, окстись, Бревнов.

— Подождите, — наконец собрался с мыслями Иван. — Я ничего не понимаю. Что вы вообще здесь делаете? Что с городом? Что происходит?

Горожане переглянулись.

— Если коротко... — начала было завуч. И тут с улицы послышался какой-то звук — словно скребли железом по стеклу. Завуч резво отпрыгнула в сторону, и в ее руках вдруг оказался обрез охотничьей двустволки. Камуфляжный амбал пробормотал что-то вроде «Ну, я же предупреждал» и передернул дробовик. Дети, депутат и ханурик шумно бросились в сторону прилавков. Продавщица медленно вытянула из-за спины старый «калашников» и сказала:

— Вообще, Андревна, лучше не рассказать, а показать. Так нагляднее.

— И то верно, — одобрила завуч, загоняя в обрез красные цилиндрики. — Очки!

Амбал достал из широкого нагрудного кармана большие зеркальные очки и отдал их Ивану:

— На, возьми мои пока.

Иван повертел их в руках. Солнцезащитные очки он носил только на курортах.

— Зачем?

— Затем, что без них околеешь, — ответила Андревна. — А теперь осторожненько подойди к витрине, вон туда, там дырочка есть. И посмотри.

Только сейчас Иван заметил, что все витрины в магазине плотно заклеены темной бумагой, а кое-где фольгой.

— И что я увижу? — спросил он.

Никто не ответил.

Иван покачал головой, нацепил очки на нос и шагнул к витрине.

* * *

Из ступора его вывел крик амбала:

— Эй, оторвите его кто-нибудь! Он же не знает, что долго смотреть нельзя!

Иван с трудом отвернулся от узкого отверстия между двумя листками пищевой фольги. Шагнул в сторону, прислонился затылком к холодной стене и медленно сполз на пол. Потом снял зеркальные очки и спросил хрипло:

— А что у них с глазами?

Амбал хохотнул:

— Вот чудила! Тебе только это показалось странным?

— Точно неизвестно, — ответила Андревна. — Какое-то новое оружие. Вроде излучателя. Если смотреть им в глаза без защитных очков, наступают неминуемые кранты. В очках тебе просто видения мерещатся, а без очков погибаешь. Зеркальная поверхность, видимо, нейтрализует значительную часть излучения.

Иван вспомнил сверкающие белые глаза на темно-серых лицах тех, кто неподвижно стоял сейчас там, на улице, и его передернуло. То, что ему *казалось* в те бесконечные мгновения, лучше было загнать поглубже и никогда больше не вспоминать.

— Кто это вообще такие?

— Это горожане, Быков, — пожала плечами завуч. — Бывшие горожане. Скорее всего мертвые, но я не уверена. По крайней мере, они ходят и даже иногда бегают. Звучит бредово, но уж как есть.

— Слышь, Андревна, — сказал ханурик, подняв голову из-за прилавка. — Давай ему фокус с пулей покажем. А то ведь не поверит.

Завуч покачала головой.

— Опасно. В конце концов, без разницы, поверит он или нет. Что вы намерены делать, Быков?

— Колесо. Возьму колесо. — В голове до сих пор крутилась дикая картина безмолвно стоящей вдоль магазина серой шеренги, грохот пальбы и лохмотья грязной взвеси, в которую превращались странные существа при попадании. От автоматных очередей их разваливало на темные куски, от крупного калибра отбрасывало назад и размалывало в мелкую пыль. — Возьму колесо, и все.

— Из города ходу нет. Не знаю, как и почему они вас пропустили, но обратно наверняка не выпустят. Долго они тут, конечно, стоять не будут, разбредутся скоро. Но на улицах достаточно ловушек, чтобы вырубить любой двигатель, остановить любую машину, заблокировать двери. И тогда вы будете просто сидеть и ждать, когда они за вами придут. Позавчера ночью полгорода сидело так в машинах и автобусах. Тоже хотели уехать. Вы счастливый человек, раз не слышали их крики. Били стекла, пытались выбраться, бежать... Те, за кем пришли на дом, оказались более везучими. Особенно во сне. Они хотя бы не мучились.

— Вторжение это, — подал голос депутат. — Американцы. И самолет американский был. Вон, пацан не даст соврать. Он его вблизи видел.

— Какой самолет? — насторожился Иван.

Пионер в галстуке высунулся из-за колонны:

— А такой самолет, дяденька. Большой, ржавый. Как сел, так все и началось. И Клюкву прямо по аэродрому размазало...

— Какую клюкву?

— Михаил Клюквин, — пояснила завуч. — Девятиклассник, местный хулиган. Двоечник. Первая жертва, видать. Если верить этому оболтусу.

— И как выглядел этот самолет? Можете вспомнить? Подробности?

— А чего вспоминать-то, — депутат вышел наконец из-за прилавка. — У меня шофер его даже сфотографировать успел, прежде чем... Вот, хотели отправить в райцентр, да не успели. — Он достал из-за пазухи несколько карточек. — Говорю же, американцы. У нас таких точно нет. Да еще без опознавательных знаков. Диверсия это. Новое оружие. Третья мировая. Надо срочно выбираться и предупреждать. А мы тут прохлаждаемся. Войска пусть посылают, спецназ. Три дня прошло, а никого...

— Да какой спецназ, батя, — сказал камуфлированный амбал. — С ним будет то же, что и с нашим взводом. Линять отсюда побыстрее, и пусть сверху сыплют. Прогрессивным методом коврового бомбометания. Чтоб даже пыли не осталось.

Иван уже не ничего не слышал. Он смотрел на размытые серые фотографии.

* * *

— Ну как, турист, — сказал депутат, — знакомо?

Иван помолчал, для вида разглядывая фотокарточки и чувствуя, как стекает по спине холодный пот. Потом вернул их, стараясь, чтобы не особо дрожали руки.

— Не. Никогда таких не видел. Что-то старое, судя по состоянию. Летучий голландец какой-то. Он точно сам прилетел?

— Зуб даю, — сказал пионер. — Спланировал, тихо так. Без двигателей. Как дельтаплан.

— Ничего себе дельтаплан, — проворчал депутат. — Размером с Як-40 будет, не иначе. Как он мог без двигателей-то, а?

Иван пожал плечами.

— А как они могут глазами-то?.. Так же и самолет без двигателей. Телефонировать хотя бы успели?

Депутат помотал подбородками:

— Связь сразу исчезла. Все телефоны, телетайпы, телеграфы, будто провода обрезали. Вон, солдат говорит, у них даже рация перестала работать, как только в город въехали. Будто колпаком накрыли. Ни выбраться, ни сообщить. Единственная надежда, ведь целый город без связи, наверняка уже кого-то посылали из райцентра. Они, скорее всего, не вернулись. Значит, скоро забьют тревогу. Должны, по крайней мере. Я вроде бы слышал утром, вертолет стрекотал неподалеку.

Из левого крыла магазина, шаркая, приплелся ханурик.

— Ушли, кажется, — хрипло сообщил он. — Опять пустая площадь.

— Что-то их раз от раза все больше, — сказала Андревна. — А патронов все меньше. И бензин на исходе. Когда генератор заглохнет, света не будет. И тогда им ничто не помешает.

Иван поднялся.

— Да, надо выбираться. Где здесь автозапчасти?

Кто-то отодвинул засов и открыл дверь. В магазин хлынули холодный воздух и белая снежная мука.

— Ушли, уроды, — сказала продавщица. — Подтверждаю. А тебе, родной, автозапчасти уже ни к чему.

Иван протолкался к выходу, чуя неладное.

Его стоявшая у крыльца новая «двойка» напоминала теперь страшное ржавое решето — с выбитыми стеклами, сгнившими колесами, провалившейся крышей и дырами в кузове размером с кулак.

— Да, — сказал за его спиной депутат, — это они умеют. Иногда постоят рядом, и ничего. А иногда вот так. Словно машина лет пятьдесят под водой плавала. Едят они их, что ли. Глазами.

— Эй! — крикнула внутрь магазина завуч. — Шланг несите быстро! Бензин сливать надо! У тебя в баке много?

— Много, — Иван был будто в трансе. — Полный. Заправлялся недавно.

— Это хорошо. Сколько там? Литров сорок есть?

— Да. И еще в багажнике. Канистра.

Ханурик споро потащил к автомобильным останкам шланг с баком.

— В багажнике еще! — крикнула ему завуч.

Ханурик вдруг бросился обратно, пригибаясь.

— Очки! — скомандовала завуч.

Рядом с машиной, там, где лежали серые кучи грязных ошметков, оставшиеся после боя, закручивался пыльный вихрь. Он вертелся все быстрее, поднимая с асфальта темные бесформенные куски и стремительно увеличиваясь в размерах. Словно во сне, Иван видел, как возникает из небытия серая фигура. Когда она обрела четкие очертания, а смерч уже лепил голову, завуч на негнущихся ногах шагнула вперед и, не целясь, выпустила оба патрона. Выстрел снова разнес существо в серые куски, раскиданные по заснеженной дороге.

— Ну вот, — сказала Андревна, повернувшись. — Это и есть фокус с пулей. Стреляй не стреляй, а пулей их убить нельзя. Наверно, их вообще убить нельзя. Восстанавливаются. Когда быстро, когда через час. Могут через сутки. Единственный способ — разбросать их остатки на как можно большей площади. Тогда шанс есть. — Она добавила, глянув на столпившихся у входа: — Ну, что встали? За работу! Тут у нас пара десятков пыльных покойников разбросано. Опять хотите тир устроить?

Из-за спин вынырнула продавщица с веником и тремя метлами. Работа закипела.

* * *

— Если бы не этот пионер, нас бы здесь не было, — сказала Ивану Андревна, когда они сидели за прилавком бакалеи и поедали приготовленные на керосинке

пельмени. — Он с двумя приятелями был на аэродроме, когда прилетело то ржавое чудо. Приятели погибли, а у него оказались очки. Совершенно случайно. От него мы и узнали, как защищаться.

Иван посмотрел на пацана в галстуке. Тот дрых у отопительной батареи, пуская сопли. Был уже поздний вечер.

— Он шел по улицам и видел, как все вокруг превращается в труху. Люди, животные, деревья, машины. А ему хоть бы что. Идет, глазеет. Обратил внимание, что на улицах даже зелени не осталось? Тоже их работа. Все перемалывается, ничего не остается. Даже воздух исчезает, дышать трудно, если они близко. И холодно. Что это за твари, непонятно, но вряд ли американцы. И ведь главное, когда они из этой своей пыли собираются, их можно узнать. Лица-то знакомые, хоть и серые, как у булыжников. Вот тот последний, например, был моим учеником. Десятиклассник Антонов, отличник, кстати. Очень математику любил.

— Может, еще кто в городе живой остался, не только вы?

— Может. Раз пять стреляли где-то вдалеке. Кричали опять же. Но уже давно не кричат и не стреляют. Нам повезло с этим магазином. Запасов много, еда, вода, топливо. Свет врубил — и можешь не беспокоиться. Электричество их почему-то пугает. Как чеснок вампиров.

— Все равно долго тут не протянете.

— Не протянем, — согласилась завуч, — а что делать? Машины все в труху. Видел «Волги» у горкома? С ними вообще странно. Внешне целые, а один из наших под капот заглянул, а там черная пустота, будто космос. Представляешь? Нас тогда гораздо больше было. Даже очков на всех не хватало. Десять человек погибло, пытаясь до этих «Волг» добраться. С тех пор здесь сидим, не рыпаемся.

— А пешком? Тут до леса километров пять всего, не более. Сами же говорите, с очками хоть бы что. Идем гуськом, отстреливаемся.

Андревна хмыкнула.

— Это в первый день было хоть бы что. Они каждый день что-нибудь новое придумывают. Это же пыль. Она способна забиваться куда угодно, во все щели и дыры. Что ей какие-то очки? Они только от излучения спасают, от глаз. Да и то не всегда. А из пыли иногда такие агрегаты собираются, что уж и не знаешь, на какой ты планете. Особенно по ночам. Прошлой ночью, к примеру, какое-то угловатое чудище на окраине ходило. Размером с десятиэтажный дом. Даже здесь было и видно, и слышно. Можешь, конечно, смеяться, но я думаю, это вторжение, но только не американское. Фантастику читал? Во-от, это самое оно и есть. А если и американцы, то они подобными экспериментами такую свинью всему миру подложили, что куда там атомной бомбе.

Иван промолчал, решив не рассказывать о том, что приземлившееся на аэродром Белогорска ржавое чудо не имело отношения к американцам, зато имело отношение к советской космической программе. Как оно умудрилось очутиться здесь, сгорев в верхних слоях атмосферы, он старался не задумываться. В конце концов, это было не самым странным.

— Вирус какой-то, — сказал он исключительно для того, чтобы что-нибудь сказать. — Вроде гриппа. Только хуже. Жрет не только живое, но и металлическое.

— Угу, — кивнула Андревна. — Но ты прав. Надо отсюда выбираться. Хоть как-нибудь.

И тут во входную дверь магазина громко и решительно постучали.

Всех разом смело с места. Даже спавший пионер-спаситель тут же проснулся и уполз под прилавок. Клацнули затворы. Включили и направили на дверь прожектор.

— Открывайте! — послышалось снаружи бодрое. — Быстрее!

— Ты кто? — спросил депутат, осторожно подойдя к двери.

— Человек, как это ни странно. Я же разговариваю!

— Магнитофоны тоже разговаривают, — резонно заметил депутат. — Василий, глянь, кто там.

Стоящий рядом ханурик убрал за плечо охотничий карабин и выглянул в оконную дырку.

— Вроде живой, — сказал он наконец. — Руками машет. Темно, правда. Ночь на дворе.

Лязгнул засов, и в магазин вместе с пургой ввалился человек в зимнем маскхалате.

— Закрывайте живо, они рядом!

Депутат налег тушей на тяжелую дверь. Где-то совсем близко раздался протяжный скрип. Ханурик просунул в оконное отверстие дуло и пальнул для острастки.

Гость осмотрелся, щурясь и помаргивая. Потом лениво козырнул.

— Спецназ ГРУ, майор Фомин. А вы, я так понимаю, последние оставшиеся в живых белогорожане?

— Белогородцы, — поправил депутат.

— Один хрен. Ладно, не белогвардейцы. — Он прошел к прилавкам, отряхиваясь от снега. — Хорошо устроились. Тепло, светло. А меня вот подбили у вас тут, на окраине. Еще утром. Вылетела с пустыря какая-то размытая чушка. Вертолет вдребезги, пилот в пыль, я еле спасся...

— Так это вы утром на вертолете? — спросил депутат, повеселев. — Я думал, мне показалось.

— Я. Разведка местности, сбор информации.

— Так, значит, наши в курсе? — встрял амбал. Иван до сих пор не знал, как его зовут. — Мы с ребятами на дембель уже, решили в городок заехать, а тут...

Майор глянул на него колюче. Амбал вытянулся.

— Старший сержант Бутырко, сто девятнадцатый гвардейский воздушно-десантный...

— Вольно. Так что же ты, вэдэвэ, здесь прохлаждаешься? Выводить гражданских надо было! Устав не для тебя писали?

— Так это... Виноват, трищ майор!

Майор прошелся вдоль прилавков, разглядывая стеллажи.

— Жратвы у вас тут много. В Москве меньше. А спирт есть?

— Водка, — ответила Андревна. — Хотите выпить?

Майор взял бутылку «Столичной», стянул зубами пробку, плеснул в один из стоявших на прилавке стаканов.

— Значит, так, граждане гражданские, — начал он. — Советская армия в курсе. Проводятся подготовительные работы. Стягиваются войска. Враг будет разбит. Это хорошая новость. Но. У нас с вами есть пять часов, чтобы покинуть место конфликта. Ровно, — он посмотрел на часы, — в четыре утра начнется спецоперация. И от города Белогорска, к сожалению, останутся одни дымящиеся развалины. Эта новость — плохая. К сожалению, другие варианты отвергнуты. Решено действовать с максимальной эффективностью, учитывая противоречивость сведений.

— Во! — подал голос амбал Бутырко. — Я ж говорил. Так и надо!

Майор посмотрел на него устало-неодобрительно, как, наверное, в Первую мировую глядел солдат на вошь. Продолжил:

— На сборы час. Берем с собой фонарики. Минимум сухого пайка. Воду. Оружие. И спирт. За неимением спирта берем водку.

Ханурик довольно хлюпнул.

— А водку-то зачем? — спросила продавщица. — Пить, что ли, по дороге собираетесь?

— И это тоже. В качестве профилактики. По сведениям разведки, человек в легкой и средней степени опьянения нашему врагу малоинтересен. Практически все спасшиеся из города были пьяны. Поэтому советую перед уходом выпить. Немного. Так, чтобы держаться на ногах и соображать, куда идти. Но это не все, для чего нужен спирт. Часть бутылок необходимо перелить в пластиковую тару. Желательно из-под шампуня. В пробке делаем отверстие. Узкое, но достаточное для полноценного напора. Можно кончиком шила. Идеальный вариант — вставить верхнюю часть от шариковой ручки. Но в таком случае место стыка придется конопатить пластилином, а на это времени нет.

— Это че, — высунулся пионер, — брызгалка получается?

— Да. При нажатии на корпус пластиковой тары из отверстия вылетает струя спирта. Спирт разъедает структуру противника, мешая ему восстанавливаться. Поэтому алгоритм действий при боевом контакте таков: выстрел — струя. Выстрел — струя. Можно просто струя, но с оружием эффективнее.

— Ну вот, — сказал ханурик. — А я, как это все началось, подумал, белочка. Пить перестал. — Он налил полный стакан водки и тут же выпил, не закусив и не поморщившись.

— В меру, граждане, — предупредил майор. — В меру. Никто никого тащить на себе не собирается. — Он снял с плеча и положил на прилавок автомат. — Довожу до вашего сведения, что о противнике известно крайне мало. Способен он на многое. Но кое-чего боится. Боится электричества. Вы это уже, я смотрю, поняли. Особенно эффективен направленный луч в полной темноте. Чем темнее вокруг и чем ярче луч фонаря, тем лучше. Вспарывает врагов по всей дальности, пока не рассеивается. Также враг боится воды. Поэтому наш маршрут пройдет вдоль реки. Если что, смело бросайтесь в воду. Однако есть сведения, что противник как-то добился обмеления близлежащих водоемов. Вода исчезает вместе с зеленью и механизмами. Третье, чего боится враг, — открытый огонь. Пожары, огнеметы, даже костры. Эффективность огнестрельного оружия связана именно с тем, что оно огнестрельное. То есть — горячее. — Майор расхаживал вдоль прилавков, держа в одной руке стакан, в другой бутылку. — Про спирт повторяться не буду. Вопросы?

— А чего ж это вас три дня не видно не слышно было? — спросила Андревна, явно недовольная тем, что у нее так быстро отобрали власть в маленькой колонии.

— Потому что войсковые операции не делаются на пустом месте, гражданка. Они подготавливаются. Делаются попытки провести переговоры.

— Переговоры? Они, эти серые, что, умеют разговаривать?

— Серые не умеют. Но есть сведения, что кроме серых, то есть обращенных бывших людей, существуют еще и другие. Они, впрочем, тоже не выходят на контакт. И о них ничего не известно.

— Ну вот, я же говорила, — повернулась завуч к Ивану. — Эти, зеленые. С антеннами. Марсиане.

— Никаких марсиан, — сказал майор. — Официально считается, что это провокация американской военщины. МИД уже подготовил ноту протеста. ТАСС был уполномочен заявить о роли Пентагона в событиях и о готовности советского руководства пойти на любые крайние меры для защиты территориальной целостности СССР.

— Вот, — удовлетворенно заявил депутат. — И я говорил — военщина. А они все — марсиане, марсиане.

— Слушайте, майор, — сказал Иван, — вы замполитом, часом, не работали? Прямо как по газете шпарите.

— Работал. Но это не важно. Важно отсюда выбраться. Инструктаж закончен. Кто лучше всего знает магазин и где что лежит?

— Я! — по-военному рявкнула продавщица. — Клава. Продавщица. Второй разряд.

— Нужна водка и шампунь. Пионер! Какой шампунь нужен?

— Ну... Лучше «Селена», она литровая.

— За работу, граждане гражданские!

* * *

«Селены» в магазине было мало, пришлось добивать запасы спиртовых брызгалок шампунем «Кря-кря». Когда взятые в туристическом отделе брезентовые рюкзаки ломились от ровных штабелей баллонов из-под шампуня, консервов, бутылок с водкой, фляг с водой, патронов и фонариков, майор Фомин разлил по стаканам последнюю «Столичную». Пионеру дали пива.

— Ну, на дорожку. Будем.

Выпили, закусили разогретой тушенкой.

Ханурик Василий закусывать опять не стал. Зато он рассовал по карманам пузырьки с одеколоном «Шипр».

— Они ж природу ненавидят, — ответил он на недоуменные взоры. — А там — спирт и травы.

Запахнулись в длиннополые ватные куртки, нацепили очки, на головы натянули вязаные шапки. Теперь все были похожи на альпинистов, только с ружьями вместо ледорубов.

Пол под ногами вдруг содрогнулся, зазвенели тарелки в посудном отделе и люстры в «товарах для дома». Майор кинулся к окну, осторожно выглянул наружу.

В дальних концах магазина стали лопаться люминесцентные трубки. Тьма приближалась.

— На площадь нельзя, — сказал майор, обернувшись. — Запасной выход где?

В подвале натужно завыл генератор.

— Сейчас сдохнет, — сказала продавщица Клава. — Идем за мной.

Они гуськом потянулись в подсобные помещения. Когда впереди замаячили двухстворчатые ржавые ворота, генератор в последний раз фыркнул и затих. От мигающих на потолке ламп заплясали тени. Позади раздался глухой удар в дверь

— Бегом! — крикнул майор.

Задний двор встретил их тьмой и колючим снегом в лицо.

— От дома к дому! — майор пытался перекричать воющий ветер. — Пригибаясь!

Из-за угла вылетела пара призрачных теней. От длинной очереди продавщицы Клавы они смешались с вьюгой.

Ближайший дом был метрах в тридцати, темный, еле видный за бешеной пеленой. Иван пару раз поскользнулся, едва не потеряв выданный ему майором дробовик. Под ногами уже были доски крыльца, когда земля снова содрогнулась, и Иван посмотрел назад.

Над сталинской пятиэтажкой с магазином поднималась в белесое ночное небо жуткая конструкция из бес-

численных ломаных линий. Ее сверкающие части переливались друг в друга, исчезали и вытягивались, подобно иглам огромного бесформенного ежа. Сияли белые звезды на стыках, вибрировали, расплываясь.

Сержант схватил Ивана за шиворот и втащил в подъезд.

— ек... Майор, что это за хрень?!

— Не знаю, — майор сосредоточенно чистил от снега «калаш». — И знать не хочу.

В темноте подъезда раздался тихий скрежет, луч фонаря выхватил на пролете серое и мутное, разрубая его пополам. Майор достал из кармана брызгалку, струя спирта ударила в кучу пыльных ошметков, превратив их в дымящуюся грязь.

— Эффективно, — сказала завуч.

— Вперед, — скомандовал майор. — Нельзя останавливаться. Первыми идем я и Клава с фонарем. Фонарь держать так, чтобы луч очищал дорогу, по ходу движения. Сзади прикрывают сержант и Василий.

Ханурик кивнул, выудил из кармана бутылку и приложился.

— Не напиваться!

— Ага, — Василий глянул на майора осоловело.

Хорошо, что подъезд оказался проходным. В соседних домах все подъезды были проходными. Только пару раз пришлось сбивать с задних дверей ржавые амбарные замки. Несколько раз людей догоняли мелкие тени, но тут же растворялись в пурге, сбитые выстрелами, лучом или водкой.

— А они нь такий уж и страшные, оказвца, — заплетающимся языком объявил ханурик в очередном темном подъезде. — Посикал, и готово.

— Да, посикал, и ффсе, — согласился с ним депутат. — Но вот та, которая большая, это да-а... Послушй, мйор, — депутат облокотился на маскхалатное плечо и дыхнул в ухо, — а почему если они воды боятся, то снег идет? И им хоть бы хрен? А? Вода же — тоже снег?

Майор скинул его руку, шагнул к двери, высунул на-

ружу ладонь. Вернулся и ткнул ее толстяку под нос. На перчатке лежало несколько белых хлопьев.

— Этот снег не тает. Это вообще не снег.

Депутат клюнул носом.

— Действтльно... Не тает. А что это?

Майор тихо зарычал.

— Все. Пора. Перемена дислокации. Эти двое пьяниц — в центре. В арьергарде — сержант и турист. Поехали.

Они оказались на широкой улице. По обеим сторонам были двухэтажные длинные дома с темными слепыми окнами. Дико выл ветер, гоняя белые хлопья. Метель полностью скрывала все вокруг, и только далеко слева над домами угадывались какие-то огромные движущиеся тени.

— Нам туда, — кивнул майор в их сторону. — Там река.

С крыши дома напротив вдруг свалилось нечто бесформенное, ощетинившееся конечностями. Оно вспухло, заскрежетало и кинулось через дорогу.

— Пригнулись! — Майор кинул что-то прямо в кучу приближающихся белесых ногорук. Вспух белый шар, рванул обжигающий ветер.

— Последняя граната, — сказал майор. — Больше нет.

В подъезде он в первую очередь достал планшет, развернул карту.

— Не нравится мне эта дорога, — сказал он. — Слишком большая активность. Придется идти через канализацию. Тут недалеко есть люк.

— Через канализацию? — опешила Андревна. — Да вы что?!

— Я надеюсь, она еще не совсем замерзла. Если там тепло и влажно, нам повезло.

— Если там тепло и влажно, мы задохнемся или утонем!

— Не-е, мйор, — включился депутат. — Кнлизация — это говно. Это плхая идея. Пойдем лучше пъ дороге, я тя как друга пршу.

Майор молча отодвинул его в сторону и вышел во двор. Канализационный люк виднелся тут же, в двух шагах, черный, древний, с какими-то чугунными вензелями по периметру.

— Не-не, мйор! — Депутат вцепился ему в воротник. — Я те друг иль нет? Я тя туда не пущу! Там темно, сыро и влажно. Друг или не?! Скажи «друг», тогда пройдешь!

Майор двинул его в челюсть. Депутат грохнулся на асфальт, взбрыкнув ногами.

— Спускаемся в прежнем порядке. Толстяк остается здесь. Он меня достал. — Майор сдвинул тяжелую крышку.

— Да вы что! — снова возмутилась Андревна, почувствовав, что может вернуть часть власти. — Никого мы здесь не оставим. Не позволяйте себе лишнего!

Майор безнадежно махнул рукой и стал спускаться в темноту.

* * *

В канализации было темно, холодно и неуютно. С толстых труб, тянущихся вдоль потолка, свисали какие-то заледеневшие тряпки и сосульки подозрительно темного цвета. Воняло сероводородом. Ханурик то и дело обливал себя «шипром». Это помогало всем. Стены были покрыты ледяной коркой. В некоторых проходах виднелись белые ошметки, а за сливными решетками клубилась пыль. Пару раз из темноты боковин вываливались полусформировавшиеся тени, которые тут же успокаивались после доброй порции «Столичной» из брызгалок.

— А я думала, канализация — это большая труба, заполненная дерьмом, — сказала завуч, оглядываясь.

— Все так думают, — ответил бугай Бутырко. — Нас как-то послали на задание, а там хоть и горы с пустыней, в Кабуле-то, а канализация все равно...

— Старший сержант! — прикрикнул на него майор.

Они вышли в помещение главного коллектора.

— Виноват, — Бутырко замолчал.

— Ой-вей! — раздался из темноты голос. — Да все таки знают, что в Кабуле наши контингенты!..

Ханурик заорал и стал палить на голос. Грохот дребезжал в ушах, отражаясь от высокого бетонного потолка. Майор одним движением отобрал у него карабин и двинул локтем в грудь. Ханурик сел.

— Ну вот, я же так и думал, — печально сказал голос. — Незачем внезапно говорить старому еврею, его обязательно начнут расстреливать.

Пять фонарей, в панике порыскав по темным стенам, уткнулись в сидящую напротив человеческую фигуру.

— Кто таков? — крикнул майор. — Чего здесь делаешь?

Человек, кряхтя, поднялся, отряхнул черное замызганное пальтецо, снял шляпу, обнажив голову с жидкими седыми волосами, свисавшими подобно сосулькам.

— Это очень сложно объяснить кто я таков и что здесь делаю, гражданин начальник. Фамилия моя Вундермахер, зовут Моисей Лазаревич, а здесь я сижу. Сидеть — это мое постоянное занятие. Я сидел при Владимире Ильиче, сидел при Иосифе Виссарионовиче. При Георгии Максимилиановиче меня ненадолго выпустили, но при Никите Сергеиче снова посадили. А все почему? А все потому, что кому-то пришло в голову, что я не люблю советскую власть. Кто-то решил, что сидя я буду любить ее больше. А теперь я сижу здесь, и мне совсем не нравится, что происходит у вас там, наверху.

— Это местный безумец, — тихо объяснила Андревна майору. — Его недавно из психушки выпустили.

— Ясно, — ответил майор. — Так, гражданин... э-э... Махер. Производится эвакуация населенного пункта. Собирайтесь. Пойдете с нами.

— И вы таки думаете, что я как несмышленый елед обрадуюсь вашему предложению? Здесь тепло и не слишком воняет. А наверху радостно бродят огромные шлимазлы, и мне совсем не хочется с ними встречаться...

— Это не обсуждается, — сказал майор. — У меня

приказ очистить местность от посторонних. И я его выполню...

— А меня хотел оставить, — пробурчал протрезвевший от запаха депутат.

— ...если посторонние меня не слишком напрягают, — добавил майор, глянув на него.

Вундермахер развел руками и снова надел шляпу.

— Собирайте вещи.

— Вы видите здесь какие-то вещи? Вот когда меня забирали в первый раз, рядом таки действительно были вещи!

На бетонном полу лежала только газета с какими-то объедками.

— Тем лучше. Клава, выдай ему запасные очки и пару брызгалок из своих запасов. Так, гражданин Махер, как только увидите что-нибудь серое и клубящееся, пускайте струю. Поможет.

— Да, — согласился тот. — Струю пускать мне даже в лагере иногда помогало.

— Значит, так, — обратился майор к своему маленькому отряду. — Теперь нас девять. — Он посмотрел на депутата. — Точнее, восемь с половиной. И половина — это далеко не пионер. И даже не Махер. Идем дальше колонной строго по два человека, исключая гражданина еврея. Авангард — я, Клава. Арьергард — турист и сержант. Пионер, завуч — вторые за нами.

— А можно мне пистолет? — спросил пионер.

— Нельзя. Затем — безумец и алкоголики. Смотреть в оба, особенно на развилках и при наличии боковых коридоров. Фонарики и спирт наготове. Выдвигаемся.

Метров через сто, после двух стычек с мелкими тенями, судя по их виду, бывших когда-то крысами или собаками, майор посветил фонариком на потолок.

— Сыро, — объявил он. — Река близко.

— Сдается мне, граждане начальники, зря вы туда идете, — сказал Вундермахер. — Там же самое что ни на есть логово главного кипода. И он совсем не обрадуется вашему появлению.

Тоннель упирался в бетонную стену, по которой

медленно стекала полузамерзшая вода. Рядом были металлические скобы, наверху виднелся люк.

— Пришли, — сказал майор. — Там река. Она наверняка холодная, но это лучшая защита от нападения. Даже лучше спирта. Если что — ныряйте с головой. Потом отогреетесь. В полутора километрах на восток первые заставы. Для нас главное — добраться туда. После этого забудете все, как страшный сон. Старайтесь не смотреть назад. Там аэродром. И то, во что он сейчас превратился.

Ивана передернуло, и он с ужасом понял, что обязательно посмотрит.

* * *

Они вылезли на потрескавшийся холодный асфальт, продуваемый со всех сторон. Берег реки начинался шагах в десяти от люка, за голыми прутьями какого-то мертвого кустарника. Даже отсюда было видно, что река наполовину обмелела, а вдоль берегов бугрится кромка странного голубого льда.

— Ой, гражданин начальник, вы бы таки сразу предупредили бедного Мойшу, что ваш предок служил Сусаниным! Вы же нас прямиком вывели в самый центр этого ледяного кибуца! Гляньте, гляньте! Ну, что я вам говорил?!

Вокруг на пределе видимости носились взад-вперед странные тени, со всех сторон выло и скрежетало, а над ближайшими домами плясали, ежесекундно изменяясь, какие-то колючие сооружения.

— Тихо вы, жертва режима, — злобно прошептал майор. — Все на землю, легли, ползком, по кустам, вдоль реки... живо!

Они вжались в асфальт. Только Вундермахер полз на коленках, придерживая шляпу. Один за другим они скатились с дороги. Жесткие прутья мешали ползти, громко трещали, но в вое и скрежете этот звук терялся. Тогда Иван не выдержал и осторожно глянул назад, за реку.

Он увидел белесое небо над летным полем, испещренное ломаными линиями, во все стороны торчали гигантские сверкающие иглы. Они закрывали все вокруг, и яркие пятна чужих глаз сверкали на их сочленениях. Глаза расплывались, становясь то ярче, то темнее, собираясь в созвездия и галактики, и Ивану казалось, что их свет проникает в душу. А внизу, далеко на аэродроме, он увидел сияющую каплю и понял, что это «Ураган». Самолет мало походил на свои фотографии, казалось, он соткан из звездного света, лившегося на него сверху. Он был там и вернулся. Он принес нам нечто важное, такое, ради чего стоило умереть. Ведь любая жизнь — ничто по сравнению с упорядоченным великолепием космоса. И тогда Иван вдруг понял, что жуткая вакханалия в небе подчинена строгим законам, каждая игла имеет смысл, каждое изменение необходимо, а сверкающие глаза — лишь вход туда, где каждый займет свое место. Не об этом ли мечтали все поколения ученых — упорядочить мир, понять его до конца, проникнуть в самый дальний его угол? Вся Вселенная открыта теперь перед тобой, Иван Быков! Все ее тайны и дороги! Но в ней нет места жизни. Жизнь — это лишь хаотичный паразит на теле холодного порядка, навсегда привязанный к телу заболевшей планеты. В космосе нет места живым. В космосе есть место только для мертвых. Это мы поняли в тот момент, когда пересекли орбиту Марса и растворились последние связи, порожденные паразитом. Нам пришлось вернуться, чтобы объяснить это вам. Теперь настал твой черед...

Грохот выстрела ударил по барабанным перепонкам. Сержант передернул затвор, и Иван увидел, как вставший на колени депутат ползет назад, к реке, в сторону «Урагана». Он размахивал руками и что-то вопил, подняв голову вверх, туда, где над ним уже нависали, переливаясь, белесые отростки.

— Там же система! Система! — кричал депутат. Его очки полетели на асфальт, и тут же серой коркой стали покрываться руки, лицо, а в следующее мгновение он уже рассыпался на серые куски.

— Бегом в реку! — заорал майор, поднимаясь на ноги и толкая к берегу всех, кто попался ему на пути.

Голубой лед проломился, и холодная стая брызг ударила Ивана в лицо.

* * *

Он выбрался из воды на излучине, один, держась за камыши и зеленые ветки ивы, еле тронутые инеем. Здесь была зелень, были цветы, а где-то даже пели птицы.

Приближалось утро, на востоке светлело небо, и Иван только сейчас вспомнил, что стоит июнь. Когда он, дрожа, прислонился к теплому трухлявому пню, невдалеке раскатисто громыхнуло, и в безоблачное небо ушли дымные следы от десятка ракет. Было четыре часа утра. Ракеты описали параболу, встретились с кристаллическим щитом, окружившим к тому времени Белогорск со всех сторон, и исчезли, не причинив никакого вреда. Иван поднялся и побрел прочь от города, спотыкаясь о корни и распугивая мелких грызунов.

На заставу он вышел спустя час. Угрюмые парни в плащах увели его в бытовку, дали горячего чая и сухую одежду. На вопросы не ответили, а когда на заставу вылетел военный «уазик», быстро посадили на заднее сиденье, дали в дорогу сухой паек и отправили в расположение своей части.

Едва впереди показались железные ворота с красными звездами, из леса на дорогу вышел человек и остановил машину. Иван с трудом узнал майора.

— Не надо туда, — сказал тот хмуро.

Водитель что-то лениво объяснял о приказах и субординации, но майор, не слушая его, открыл заднюю дверцу и вытащил Ивана. «Уазик» уехал к открывающимся воротам.

— Как наши? Все выбрались? — спросил Иван.

Майор что-то буркнул и, махнув рукой, мол, следуй за мной, убрел обратно в лес.

Они долго шли по затхлым логам, и Иван почуял неладное, увидев, что чем дальше, тем больше инея на

стволах и мертвой растительности под ногами. Наконец майор вскарабкался на очередной пригорок и сказал:

— Смотри.

Они обошли воинскую часть со стороны, и теперь она лежала внизу, в долине, как на ладони. Ровные ряды одноэтажных бараков, офицерских домов, пулеметных вышек. На площади для построений было много людей, стояла техника и вытянулись по периметру ряды солдат. И Иван не особо удивился, когда увидел, что напротив выстроившихся частей мерно и спокойно клубится, завиваясь в спирали, серая пыль. Она то собиралась, обретая форму стоящего человека, то снова рассыпалась в труху.

Майор надел очки. Иван последовал его примеру. Когда тень на плацу окончательно сгустилась, он забрал у майора бинокль и пригляделся, стараясь не обращать внимания на сияющие нечеловеческие глаза. Это лицо он видел, давно, в папке с техническим описанием «Урагана», на странице с данными об исчезнувшем экипаже. Ивана вдруг затрясло, он ткнулся носом в траву.

— Смотри, — толкнул его в плечо майор. — Это только начало.

Вперед выходили какие-то генералы, в мундирах с большими звездами, неприметные личности в штатском, а потом Иван заметил стоящие в тени черные «Волги» и людей рядом. И худую сутулую фигуру Пал Палыча Смирнова, директора Центра Контроля. Его суетливого заместителя. Ученых из новосибирского ящика.

Сверкающая пыль у ворот взвилась спиральным столбом, и тогда люди один за другим стали покорно снимать защитные очки. Асфальт замело белесой метелью, и через мгновение уже ничего не было видно.

Майор тронул Ивана за плечо и пополз обратно. Больше делать здесь было нечего.

Они выбрались на дорогу за поворотом, чтобы не попасться на глаза охране, если она еще могла видеть. У дерева они нашли оставленный майором заранее мотоцикл с коляской. Майор молча вывел его на дорогу, потом не выдержал, повернулся к Ивану и сказал:

— Да! Жизнь я люблю больше.

— И куда мы теперь?

— Посмотрим.

Сзади послышались шаги, и Иван обернулся. Из-за поворота показался Пал Палыч, начальник и хороший человек. Под его ногами уже завивались серые спирали, а кожа становилась темной из-за разраставшихся пятен. Он еще был человеком, но уже переставал им быть.

— Иван! Быков! Какое счастье!.. Вселенная, целая Вселенная! И она открыта для нас! Представляешь?..

Его руки уже исчезали, втягиваясь в белесую пургу.

Иван, не целясь, разрядил дробовик. Голова Пал Палыча лопнула, как перезревший серо-красный арбуз.

Они уехали не оглядываясь.

Через километр, на развилке, увидели сидящего на обочине Вундермахера. Тот встал, отряхиваясь.

— А я таки думал, что вы забудете про старого Моисея, — сказал он.

Майор молча кивнул ему на коляску.

Становилось теплее по мере того, как они уезжали все дальше.

* * *

Нужный самолет они нашли километров через двадцать, на сельском аэродроме, поросшем мелкой травой. Красно-белый «кукурузник», почтово-пассажирский, с полным баком и уже закрытым грузовым отсеком.

— Ну как, все погрузили? — спросил майор, оставив мотоцикл неподалеку.

— Все, — ответила Андревна. — Запасы на месяц примерно, топливо, оружие, боеприпасы. Гранат побольше, как просили. Огнемет. Все наши на борту. Ждут.

— Отлично, — сказал майор. — Тогда пора.

Прошел в кабину, кивнув своему маленькому отряду, сидящему в неудобных креслах.

— Дяденька майор, порулить дашь? — спросил пионер.

— Нет, — ответил тот и включил зажигание.

Они летели на восток, ненадолго обгоняя расползающуюся по стране белесую плесень. Садились для дозаправки исключительно на сельских аэродромах, ибо большие города покрывались космическим льдом стремительно и в первую очередь. Судя по истерическим воплям в радиоэфире, порядок успел покорить половину Европы и уже перебрался через океан. Где больше цивилизации, там всегда ценили упорядоченность.

Ханурик Василий пил не просыхая. Иван играл с Моисеем в шахматы и всегда выигрывал. Сержант с Клавой чистили оружие, а иногда — картошку.

Месяц они летели от деревни к деревне, пересекая леса и поля, Уральские горы, великие реки, тайгу, тундру. На Камчатке, недалеко от долины гейзеров и вдали от крупных человеческих поселений, майор посадил «кукурузник» на относительно ровное, заросшее высокой травой поле.

Здесь было все.

Здесь был открытый огонь в вулканах. И много воды в океане. И много спирта. Весь путь они только и делали, что собирали по деревням ящики с водкой. Не было только электричества. Зато был позаимствованный где-то на Чукотке брошенный генератор, способный работать хоть на керосине, хоть на угле. Они были уверены, что без электричества точно не останутся.

Здесь они собирались жить дальше.

ОЛЕГ ОВЧИННИКОВ

ТОВАР МЕСЯЦА

— ONE!

Толпа бесновалась. Ревела. Смеялась. На то она и толпа.

Сотни голосов. И только один — знакомый. Зато и самый назойливый.

— Вставай!

Не могу.

— TWO!

— Вставай, Павел! Вставай, родной!

Алексеич. Глупый. Не могу же.

Разве ты не видел, как я качал головой?

Или собирался покачать?..

— THREE!

— Ну вставай же, Па-а-ша! Я поставил на тебя!

Он потряс бы меня за плечи, если б мог дотянуться. Хорошо, что не может. Руки у Алексеича сильные, но вообще-то короткие.

— Не на того... поставил, — пробормотал я.

Всегда мечтал сказать эту фразу. Правда, не в такой ситуации.

— FOUR!

— Ты не понял, я поставил все наши деньги: командировочные, твой аванс, все! Мы не улетим, если ты сейчас не встанешь!

Над этим уже стоило подумать. Я перекатился на спину.

Лежать на спине было еще удобнее.

— FIVE!

— Павел! Добром тебя прошу... — страшным голосом начал тренер.

Я не дослушал. Провалился куда-то.

Казалось, на целую вечность, но когда открыл глаза, рефери только-только объявил:

— SEVEN!

И потолок, кстати, уже почти не кружился.

— РЯДОВОЙ СМИРНОВ, ВСТАТЬ! СМИР-Р-РНО!

Это подействовало. Это всегда действует.

Я зацепился левой рукой за канат и сел. Потом встал.

Окружающий мир качнулся, но удержался в фокусе.

— EIGHT!

— Вот так... Умница! Молодец! Герой!

Алексеичу легко говорить. Самому небось не прилетало в морду пылесосом.

Хотя кто знает, что ему там прилетало. Вон какой. Шрамов больше, чем морщин.

— NINE!

Коротышка в белой рубашке и «бабочке» внимательно посмотрел мне в глаза, зачем-то проверил кисти рук и спросил о чем-то. Скорее всего, интересовался, готов ли я продолжить бой.

Я пожал плечами. Получилось только левым. Тогда я кивнул.

— FIGHT! — рявкнул в микрофон рефери и махнул рукой.

Крики зрителей волной пронеслись по залу от галерки к первым рядам. На гребне волны отчаянно балансировал голос Алексеича:

— Порви его, Паша!

Легко сказать.

Кореец выдвинулся из своего угла, легкий, как кошка. Пылесос, увлажнитель воздуха, ионизатор и черт-те что еще в его руке напоминал огромный стальной кулак.

Я шагнул навстречу, понятия не имея, смогу ли вообще двигать рукой. Шагнул раз, другой, третий...

Гонг.

Полминуты назад я назвал бы его спасительным. Теперь... наверное, тоже спасительным. Хоть пара минут, да мои.

Я рухнул на выдвижной стул. Тренер немедленно оказался рядом. Брызнул на лицо водой, протер полотенцем. Осторожней, чем обычно. Должно быть, видок у меня был не очень. Спросил только:

— Что ж ты, а? Паш?

— Не ожидал, — признался я. — Он такой... прыткий.

— Как сам?

— Кажется, ключица сломана.

— Эта?

Я утвердительно простонал.

— Я те дам — сломана! — беззлобно пригрозил Алексеич. — На-ка вот это в рот. Зажми зубами. И приготовься, дерну на счет «три», понял?

Он дернул на «раз». Слезы брызнули из глаз, как у клоуна.

— ... ! — сказал я.

— Не ... , а спасибо, Василий Алексеевич! — поправил меня тренер. — Плюй.

Я выплюнул обломки карандаша в эмалированный тазик.

— На водички. Не пей, снова плюй. И плечом давайка подвигай. Та-ак. Та-ак. Ну, вот. А то — ключица сломана!

Когда тренер улыбался, он становился еще больше похож на потертого жизнью Шрека.

— И про дистанцию не забывай. Держи китаезу на расстоянии, — наставлял Алексеич.

— Он кореец.

— Да какая разница! Главное, близко не подпускай. Вон у тебя какие ручищи, — Алексеич вздохнул. — Тебе б еще прибор побольше.

— Нормальный у меня прибор, — обиделся я за свой «мессер».

— Нормальный. Только очень уж... миниатюрный, — тактично высказался тренер. — Ладно, давай. Не посрами Россию!

— Вообще-то Германию.

— Да какая разница!

— Космополит, — пробормотал я.

— Чего?

Повторить мне помешал гонг. Начался второй раунд.

Я присел, и двенадцатикилограммовая капля «самсунга» пронеслась над моей головой, едва царапнув лоб. Пока корейца разворачивало по инерции, я успел трижды садануть его в район подмышки ребристым торцом «мессера». Кореец в три прыжка оказался на другой стороне ринга и остановился, потирая ушибленное место, однако улыбаться так и не перестал.

Как же я ненавидел его улыбку!

Пока три — один в мою пользу. Это если по очкам.

Беда в том, что в этих боях редко доходит до подсчета очков.

Правая рука от плеча и ниже двигалась нормально, но поднять ее над головой не получалось, поэтому я перевесил ремешок «мессера» на запястье левой.

Выпускали бы его на цепочке, в который раз посетовал я, на метровой стальной неразрывной цепочке. Вот было бы пространство для маневра! Хочешь — лупи с раскрутки, хочешь — души цепью. Но Правила гласят: никаких прибамбасов сверх стандартной комплектации. Поэтому приходится довольствоваться тем, что есть: размером в 105 х 45 х 12 миллиметров, весом в 95 граммов и маленькой петелькой для запястья. Хорошо хоть прочной. Если и оторвут, то только вместе с рукой.

Кореец, похоже, решил перейти к решительным действиям. Мелкими шажками он двинулся на меня, перебрасывая ручку пылесоса из одной руки в другую и вращая его то в горизонтальной, то в вертикальной плоскости. По мере приближения ко мне скорость вращения возрастала. Кореец жонглировал пылесосом с поразительной легкостью, только улыбка на его лице, казалось, окаменела.

Мне оставалось только отпрыгивать от этой шагающей мельницы, уклоняться от ударов ее лопастей и радоваться тому, что по Правилам боец должен удерживать прибор одной рукой. Будь в свободной руке корейца телескопическая трубка пылесоса с какой-нибудь особо негуманной насадкой — и преимущество моих длинных рук сошло бы на нет.

Можно было попробовать ударить в спину или засветить промеж ног. Правила этого не запрещали. Бей куда хочешь, лишь бы прибором. Но после десяти лет, проведенных в школе бокса, некоторые табу нарушить очень сложно. Практически невозможно. Никаких ударов в затылок, по почкам или ниже пояса. И полгода занятий в секции самообороны подручными средствами под руководством Василия Алексеевича мало что изменили.

Поэтому я только отступал, уклонялся и надеялся,

что всесокрушающая корейская машина рано или поздно выдохнется. Или допустит оплошность.

В начале третьей минуты второго раунда такой момент наступил.

Кореец начал уставать. Его «стальной кулак» вращался с прежней скоростью, а вот свободная рука заиграла: ушла вниз, вместо того чтобы страховать подбородок. Тут-то я и высунулся. Кореец как раз выбрасывал руку с пылесосом из-за головы. Я оказался рядом и — не ударил даже, а просто слегка приподнял «мессером» подбородок корейца. Остальное довершили он сам, инерция вращения и надежность корейской бытовой техники.

Мой противник ударил себя по гордо поднятой голове собственным пылесосом.

И тут же поплыл. Опустил руки вдоль тела, закатил глаза к потолку, но на ногах устоял. И, что самое жуткое, не перестал улыбаться.

Вот так и стой, мысленно попросил я. Не падай сразу.

Я отработал «мессером» четыре раза по корпусу, дважды несильно ткнул в челюсть, потом опомнился. Какого черта я набираю очки? Чтобы этот cleaning boy оклемался в перерыве и в третьем раунде снес мне башку своим агрегатом с двенадцатью степенями воздушной фильтрации? Чтобы моя первая «Битва» закончилась для меня в первом же бою?

Нет уж, дудки! Не для того я тринадцать часов страдал в полете от тесноты, турбулентности и невозможности закурить!

— Только не падай, — пробормотал я, снимая «мессер» с запястья и пристраивая на запрокинутый лоб корейца, прямо над переносицей.

Потом подпрыгнул и врезал по прорезиненному корпусу локтем. Со всей дури.

Кореец рухнул как подкошенный. Зрительный зал взорвался овацией. А я подобрал «мессер» и направился в свой угол, даже не взглянув на поверженного противника.

Честно говоря, меня немного подташнивало. Зато

мандраж наконец отпустил. Трудно это — подготовиться к соревнованию по видеозаписям. В жизни все совсем другое. Но первый бой я отработал чисто. Удар был нанесен прибором, сам я бедолагу и пальцем не тронул, так что тут не придерешься.

— Вот это молодец! Вот это умничка! — встретил меня Алексеич.

После объявления победителя я сразу двинулся в раздевалку. Поднимался по узкому огороженному проходу, не реагируя на крики зрителей и вспышки фотокамер и стараясь не обращать внимания на приветственные хлопки по плечам. Особенно по правому.

На середине подъема меня нагнал Алексеич. Спросил бодрым голосом:

— А что, на девчонок не хочешь посмотреть?

— Я сейчас упаду, — признался я.

— А, ну как хочешь. Только учти, тебе с одной из них драться.

После этих слов я, естественно, обернулся.

На ринг уже вызвали следующую пару, крайнюю в первом туре «Битвы».

В красном углу расположилась высокая, атлетического вида блондинка в тесных шортах и исчезающе узком лифчике. Она бы, вероятно, вышла и топлес, но тогда буквы W и D пришлось бы колоть прямо на ее внушительные молочные железы. К правому предплечью блондинки было прикручено что-то вроде скворечника.

Противницей блондинки была миниатюрная... Тьфу ты! Вот ведь Алексеич! Опошлил хорошее слово... маленькая азиатка в сплошном купальнике. Кого там она представляет? Я с трудом разобрал надпись на купальнике: Transcend. И что у нее за прибор? Ну-ну! В общем, черт-те что и сбоку флешка.

Что можно сделать крошечной флешкой, пусть и террабайтной? Разве что глаз выбить, если хорошо прицелиться.

Бывают ситуации, когда компактность устройства перестает быть достоинством.

Я мысленно попрощался с китаянкой и снова уста-

вился на буквы W и D, разделенные тонкой ниточкой. От них было трудно оторваться.

Надо бы остаться. Посмотреть бой. Изучить... тактику.

Но усталость была сильней.

В раздевалке я сразу присел на кушетку.

— Чего хочешь? — спросил Алексеич. — Водички? Поесть чего? Сигарету?

— Можно, я лягу? — попросил я.

— Ложись, конечно, ложись, — засуетился тренер. — Вот тебе полотенчико под голову. Подремли чуток. Сейчас минут пятнадцать девчонки будут драться, потом перерыв перед вторым туром. А ты подремли, подремли. Ты, кстати, не заметил, что у девчонок за приборы?

— Это у меня прибор, — уточнил я. — И у корейца был прибор. А у девчонок — устройства, гаджеты.

— Чего?

— Гад-же-ты! — по слогам произнес я.

— Сам ты гад! — обиделся Алексеич. — Ладно, спи уже.

Вообще-то тренер добрый. Кроме тех моментов, когда на него находит.

Помню, как-то после тренировки мы вдвоем отмокали в сауне. Алексеич был весел, травил анекдоты, какие-то байки из жизни, а потом вдруг ощерился. Вот тебе, говорит, две зубочистки и расческа. С их помощью ты за минуту должен выйти из комнаты.

А у самого в руках — шайка с кипятком.

То есть добрый-то он добрый, но дело для тренера превыше всего.

Особенно когда на это дело он поставил все бабки, полученные от наших немецких спонсоров.

Если, конечно, не врет.

Рестлерша, определил я, когда после традиционного приветствия в центре ринга блондинка, вместо того чтобы просто отойти на пару шагов, крутанула сальто назад. Технично, но без изящества. Бывшая рестлерша.

Звали ее, кстати, Кровавая Мэри. Прозвище как

прозвище, ничего особенного. Я, например, значился в турнирной таблице под именем Железный Ганс. Бог знает почему. Псевдоним выбирали спонсоры.

Шесть раз участвовала в «Битве», дважды доходила до финала. Тоже ничего особенного. Этот мой кореец, как оказалось, вообще был дважды чемпион. Хорошо, что я узнал об этом только после боя.

Информацию про рост, вес и прочие параметры моей противницы я пропустил мимо ушей, зато заинтересовался, когда начали объявлять тактико-технические характеристики ее «скворечника». То есть не «скворечника», конечно, а универсального устройства для хранения информации, по совместительству — медиаплеера, роутера и чего только не, примотанного к запястью блондинки кабелем с универсальным же, надо думать, разъемом. Причем интересовали меня, естественно, не модель чипа, не емкость диска или скорость записи данных, а исключительно вес.

Пять с половиной фунтов. Сколько же это, если по-человечески? Килограмма два, не меньше. А то и два с половиной.

Можно ли таким «скворечником» человека убить? Да запросто!

Ну вот, Павел Смирнов, ты и дорос до драки с женщиной, поздравил я себя, когда мы закружили по рингу в традиционном приветственном танце.

Двигалась партнерша быстро, легко, но чересчур увлекалась внешними эффектами. Картинные стойки, удары наотмашь из позиции боком, а то и спиной к противнику. Причем каждый выпад сопровождался громким боевым кличем. Боксерских табу Кровавая Мэри не соблюдала, и после третьей ее атаки я перестал страховать подбородок, сосредоточившись на том, что важнее. Спонсорском логотипе на моих шортах.

После первого раунда я проигрывал семь или восемь очков. Причем всухую.

— Ну ты чего? — супил брови Алексеич и обмахивал меня влажным полотенцем с таким остервенением, словно хотел надавать пощечин.

— Не могу, — признался я. — На женщину рука не поднимается.

— Ты это брось! Тут нет ни женщин, ни мужчин, только враги! Ты пока спал — знаешь, что она с той кореянкой сделала? Ее прямо с ринга на носилках увезли! Так что соберись и сделай все правильно. Понял?

Я кивнул.

— Только она не кореянка, а китаянка.

— Тьфу ты! На тебя не угодишь.

Он крикнул мне что-то еще, уже после гонга. Наверняка что-то ободряющее. Я машинально обернулся на крик, потому что не расслышал, и немедленно за это поплатился.

— Р-р-р-р-р-рха! — раздалось за спиной, и пятифунтовый «скворечник» с отвратительно острыми ребрами рубанул меня под коленку.

Я начал заваливаться на спину. Кровавая Мэри крутанулась вместе со мной и опрокинула меня на себя. Я глазом не успел моргнуть, как оказался в жестком захвате.

Мощные бедра блондинки обвились вокруг моей талии, левая рука вцепилась в волосы, а правая поднималась и опускалась, обрушивая удары «скворечника» на мой затылок и плечи. При этом моя собственная рука оказалась зажата между ее... Черт! Когда они вот так обхватывают твою руку и чуть ли не берут на излом, их уже не назовешь молочными железами.

— Эй! Убери сисяндры! — проорал я прямо в лицо блондинке.

Ответа я не расслышал, но по губам прочел интернациональное «фак ю».

Что ж, захваты, как и блоки, разрешены любые. Но не настолько же!

Кулак с зажатым в нем «мессером» застрял в горячем и влажном промежутке между буквами W и D, как в капкане. Относительную подвижность сохранил только большой палец.

В этой ситуации я сделал первое, что пришло в голову. Наугад нажал кнопку на боку корпуса. «Мессер» ти-

хо взвыл и завибрировал. Блондинка оцепенела и захлопала своими взращенными на анаболиках ресницами. Что, нравятся ощущения? Как бы то ни было, ее хватка ослабла, и мне удалось освободить руку.

Я откатился в сторону и поднялся. Кровавая Мэри зарычала, как тигрица, у которой отобрали добычу, оттолкнулась от ринга руками и приземлилась на ноги рядом со мной.

Ударила раз. Я уклонился. Ударила второй. Я отступил. Ударила третий. Я выставил локоть.

От удара «скворечник», который давно уже держался на честном слове, развалился на части.

Блондинка тупо уставилась на ссыпавшиеся к ее ногам обломки. Я тоже остановился. По Правилам боец, прибор которого в ходе боя пришел в полную негодность, должен признать свое поражение. Кровавая Мэри задумчиво потерла запястье. Я сделал глубокий выдох и мысленно скомандовал себе: «Вольно!»

В следующее мгновение я услышал свист рассекаемого воздуха, обернулся на звук — и получил удар тонким полутораметровым кабелем с универсальным разъемом. Прямо по глазному нерву! Я упал на четвереньки и заскулил. Боль была настолько невыносимой, что я почти не чувствовал, как сильные руки блондинки волокут меня куда-то и зачем-то разворачивают.

Мне понадобилось секунд десять, чтобы начать соображать. Я по-прежнему стоял на четвереньках. Левый глаз сочился слезами и ничего не видел. Зато правый, кажется, не пострадал. Им-то я и заметил, как Кровавая Мэри взбирается на канаты в углу ринга, по всей видимости готовясь завершить бой эффектным сокрушающим ударом.

Рестлерша, что с нее возьмешь.

Навряд ли я смог бы ударить женщину. Другое дело — помочь ей завершить глупость, которую она сама и начала.

Просто сместиться на шаг в сторону, а когда дама с криком «Р-р-рй-й-й-йаху-у-у-у-у-у-у!» будет пролетать

мимо, немного докрутить ее, подтолкнув «мессером» между лопаток.

Казалось бы, какая разница, одно сальто или полтора? Однако вот она, разница, лежит на мягком брезенте ринга, хлопает ресницами и тщетно пытается вдохнуть.

— Только не вставай! — предупредил я. — Не доводи до греха!

Но когда рефери досчитал до десяти, Кровавая Мэри все еще пыталась вдохнуть, а аббревиатура Western Digital на ее лифчике подрагивала мелко, часто и завораживающе.

— Как глаз? — озабоченно спросил Алексеич.

— Да ничего. Проморгаюсь. Вправлять не надо! — поспешно добавил я. — Можно мне сигарету?

— Конечно, кури на здоровье, — с пониманием откликнулся тренер. — После такого грех не покурить. Классно ты ее завалил. У тебя, кстати, губа разбита.

— А-а... — Я махнул рукой. — До свадьбы заживет.

Верхнюю губу мне разбивали всегда. В каждом спарринге. Что с капой, что без капы.

— Кто там после нас? — спросил я.

— Сперва какой-то «Аппле» против какого-то «ЭнЭр», — ответил Алексеич, сверившись с турнирной таблицей. — Потом «Канон» против «Никон».

— Понятно...

По иронии судьбы во втором полуфинальном поединке сошлись два американских производителя планшетных компьютеров. А в третьем двум японским бойцам предстояло выяснить, что круче, самая продаваемая зеркалка или самая продаваемая мыльница.

Американцы уже были на ринге. «Apple» представлял здоровенный негр с похожей на микрофон прической. Боец «Хьюлет Паккарда» был светлокожим, лысым и, на мой взгляд, заранее обреченным на поражение.

— Чернокожего спортсмена можно легко отличить по надкусанному яблоку на трусах, — пробормотал я.

— Чего?

— Да так, ничего. Цитата.

— А! — одобрительно кивнул Алексеич. — Буря мглою небо кроет...

— Я пойду еще полежу, ладно? — отпросился я. — Все равно ведь iPad победит.

— Какого черта... Какого черта... Какого черта...

Когда взрослые ругаются, маленьким лучше переждать в сторонке.

Такую тактику я избрал для финального боя.

И успешно придерживался ее — секунд пятнадцать, не меньше.

Потом, когда сумоист своим необъятным пузом прижал меня к канатам, а громила-негр из-за его спины принялся отвешивать подзатыльники, я мог только повторять, как заведенный: «Какого черта...» — и тыкать наугад своим «мессером». В ответ мне прилетало то планшетом «Apple iPad Ultima», то зеркалкой «Canon EOS 850D». Причем с такой частотой, что я даже не мог закончить фразу:

— Какого черта вы на меня ополчились? Это потому, что я белый, да?!

Трижды чемпион «Битвы» и четырежды чемпион «Битвы». Не считая достижений в основных видах спорта.

И я. Мальчик для битья.

И куда, интересно, смотрят рефери? Даром что в финале их всегда два. Ждут, пока я упаду? Так я при всем желании не упаду. Даже после нокаута останусь стоять, пока этот японский турист с фотокамерой от меня не отлипнет. Покуда гонг не разлучит нас.

Так оно и случилось.

Я опустился на выдвижной стул с твердой уверенностью, что никогда больше с него не встану. Ни за какие деньги. Ни за какие титулы. Ни за что.

На этот раз Алексеич вылез на ринг без бутылки с водой и без полотенца. Не утешал, не подбадривал, не пересчитывал синяки. Просто присел передо мной на корточки, обхватил мое лицо своими короткими, но во-

обще-то очень сильными руками и сказал голосом злого-презлого Шрека:

— Сдашься — убью.

Я не помнил, как закончил бой. Как я продержался еще три раунда.

Два рефери, три бойца, четыре раунда по пять минут — не ищите во всем этом логики. Это ведь в первую очередь шоу на радость спонсорам. Затянувшаяся на часы рекламная пауза.

Кажется, мы с негром завалили-таки сумоиста. Потом мы с сумоистом отомстили негру. Потом они оба наваляли мне. Я падал три или четыре раза — и каждый раз вставал. Вспоминал глаза недоброго Шрека — и вставал.

Я бы и мертвый, наверное, встал. Лишь бы не видеть, как Василий Алексеевич сердится.

Как любит повторять тренер, ежели человеку все правильно объяснить, он что хошь сделает. А объяснять он умеет, как никто.

Я ведь и из той сауны вышел за пятьдесят пять секунд. Со сломанной расческой и без зубочисток. Зато с ожогом второй степени.

Когда на ринг поднялся ведущий в черном смокинге, породистый, как Джеймс Бонд, я понял, почему в финале рефери работают по двое. Раньше я думал, это потому, что одному глаз не хватит за всем уследить. А теперь сообразил: не глаз — рук! Чтобы держать нас. Не давать нам упасть.

Мы выстроились в цепочку и взялись за руки: негр, рефери, я, второй рефери и японец. И мужественно продержались минуты три, пока боковые судьи подсчитывали очки и совещались.

Потом с потолка спустился микрофон и ведущий объявил, что победителем девятнадцатой «Битвы брендов» ста-а-а-ал... Железны-ы-ы-ый Г-г-г-г-ганс!

Никогда прежде я не слышал, чтобы букву Г так долго тянули.

Ну вот, подумал я, значит, все-таки Железный Ганс. Повезло мужику.

И только пару секунд спустя, когда обе моих руки взлетели над головой, до меня дошло, что Железный Ганс — это я.

Я!

В горле сразу запершило. Глаза наполнились влагой, как будто по ним снова врезали кабелем с универсальным разъемом.

Секунд пять я простоял в отупении, потом бухнулся коленями в пружинящее покрытие ринга.

Меня пытались поднять, тянули в разные стороны, но я отмахивался от протянутых рук, потому что так было удобнее.

Господи, молился я, спасибо тебе за все!

За то, что производителям брендов стало мало размещения логотипов на футболках спортсменов, на корпусах болидов и бортах хоккейных коробок.

За то, что запустили «Битву брендов», в которой каждый товар может в честном бою показать, чего он на самом деле стоит.

За то, что «Siemens» выкупил свое подразделение у «BenQ» и возобновил выпуск «мессеров» под собственным логотипом.

За то, что новый «мессер» вошел в дюжину самых продаваемых товаров по итогам месяца.

За то, что не ожидавшие такого успеха немцы не успели подготовить своего бойца.

За то, что пригласили меня. Все-таки не чужие люди. Какие-никакие, а славяне. В смысле европейцы. В смысле... Ну, вы поняли.

Вот, кстати, и спонсоры набежали, машут флажками, лезут в камеры. Железный Ганс, Железный Ганс...

Какой я вам Ганс? Я Павел! Павел Смирнов.

И еще раз, Господи. Спасибо за все!

— Дайте мне телефон! — попросил я, отталкивая микрофоны. — Мне нужно позвонить. Эй, у кого-нибудь есть телефон?

— Телефон! — захихикал за спиной Алексеич, обни-

мая меня за плечи. — Позвонить ему! Ну ты, Паш, даешь! Глаза-то разуй... чемпион!

Я разжал ладонь и посмотрел на «мессер», с которым, кажется, успел срастись.

Серый, с прорезиненным корпусом. Противоударный, влагонепроницаемый. Хочешь об стену кидай, хочешь в луже топи. А хочешь — морды бей.

А еще — почему-то это совсем вылетело из головы — по нему можно звонить.

Мой «мессер». Мой новенький «Siemens ME-145». То есть уже не новенький. Видавший виды.

С этой минуты и до следующей «Битвы» — товар месяца.

— Эй, потише там! — крикнул я гомонящей толпе и набрал номер.

Свободное ухо я заткнул пальцем и все равно елеле услышал, как после семи длинных гудков в трубке раздалось знакомое: «Алло?»

— Привет, любимая, — сказал я. — Кажется, я победил.

МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО

ЖУК

— Тебя зовут Дмитрий Романов. Ты учился в сорок седьмой музыкальной школе.

В тонированной «Мазде» сидела женщина лет сорока, худая, как узник, и смотрела взглядом прокурора.

— Да, — сказал Дима, невольно отступая от кромки тротуара. — Это было давно, надо сказать, больше двадцати лет назад... А что?

Он попытался улыбнуться. Женщина помнила его в детстве. Он знал, что бывшие знакомые девочки узнают его, в то время как он их — нет.

Женщина вышла из машины, но дверцу закрывать не стала.

— Ты хорошо пел в ансамбле. — Она смотрела, будто прицениваясь.

— А вы, простите, кто? Не узнаю...

Из кармана обширной мешковатой куртки женщина вытащила пистолет. Глаза ее остекленели; Дима понял в течение секунды, что она безумна, а он — труп.

— Садись в машину, — прошелестела женщина.

Ее рот превратился в косую полоску на прямоугольном лице; растрескавшиеся губы не знали помады. Дима не двинулся с места.

— В машину!

Сумасшедшая баба ткнула его пистолетом под ребра. Ствол мог оказаться газовым, травматическим, игрушечным — но если такой штукой ткнуть в живот, устройство оружия не важно. Дима повалился на переднее сиденье «Мазды». Сзади обнаружился молчаливый квадратный мужчина.

— А...

— Заткнись!

Женщина села за руль. Ствол болтался во внутреннем кармане ее расстегнутой куртки.

— Извините, — сказал мужчина за спиной. — Нет времени вас уговаривать. Каждая секунда на счету.

Машина рванула с места.

* * *

За минуту до происшествия он заметил майского жука, ползущего по тротуару. Над липой с трансформаторным низким гулом вились тучей жучьи собратья, а этот отлетался и полз. Дима поднял его (с детства не испытывал неприязни к насекомым), посадил на палец и дождался, пока жук взобрался на самый ноготь.

Потом жук начал взлетать. Давным-давно, в детстве, Дима запускал жуков именно ради этого зрелища.

Жук начал раскачиваться. Щетки усов завибрировали; он молитвенно кланялся, выпускал и втягивал под хитин острый хвост, а может быть, яйцеклад. Он впадал в транс, он дрожал, будто мост, по которому в ногу идет

рота красноармейцев. Амплитуда его колебаний становилась все большей, и наконец, раскачавшись, жук взлетел, описал круг и ушел по спирали в небо.

У Димы в этот момент было чувство, что он сам взлетает. Наблюдая за жуком, сопереживая предполетному ритму, он будто примерил крылья. И только когда жук пропал, слившись с летучей толпой, Дима понял, что стоит на земле.

Был вечер. Из тонированной «Мазды» у обочины выглянула тощая женщина:

— Тебя зовут Дмитрий Романов. Ты учился в сорок седьмой музыкальной школе.

И все случилось.

* * *

— Деньги? Что вам могло понадобиться, ведь я...

— Заткнись, — она говорила, не разжимая рта. — Нам нужно, чтобы ты пел. И еще кое-что.

— Но я не пою со школьных лет!

— Прекратите панику, — сказал мужчина за спиной. — Никто вас не тронет. Просто делайте, что говорят.

Машина углубилась в спальный район. Смеркалось с поразительной быстротой. Дима потихоньку протянул руку и нащупал в нагрудном кармане мобильный телефон.

— Перестань, — сказала женщина, не отрывая взгляд от дороги. — Тимоха, придуши его, если дернется.

Забившись в темный двор, она снова вытащила пистолет, а потом изъяла телефон у Димы и перебросила сообщнику. Будь на ее месте мужчина, сколько угодно опасный и сильный, Дима попытался бы освободиться. Но его завораживало лицо этой женщины — лицо законченной безумицы, цели которой смутны, а тормозов и рамок не существует вовсе.

Вошли в вонючий темный подъезд. В молчании поднялись на пятый этаж; Дима чувствовал, как лезет из груди сердце. Надо было вырываться раньше, не надо было садиться в машину, надо было...

Открылась дверь, без стука, без звонка — просто открылась. Парень лет восемнадцати отступил в коридор, освещенный желтоватым светом из кухни:

— Наконец-то...

— Садимся, — не здороваясь, пробормотала женщина. — Начинаем.

— А его... научить?

— В процессе.

— А если он оборвется?!

— Делай! — она рявкнула на парня, и тот отскочил. — Давай... метроном, вот что. Посадим его на метроном, так легче.

Тимоха, все еще стоявший у Димы за спиной, толкнул его в квартиру, и Дима вошел. Это была облезлая малометражная «трешка» без мебели, не то бомжатник, не то перевалочный пункт.

В пустой комнате с выломанной балконной дверью собрались пятеро: тощая женщина, Тимоха, нервный парень и еще двое, в полумраке Дима не рассмотрел их лиц. Тимоха по-прежнему держался у Димы за спиной. Женщина, не снимая куртки, прошла в центр комнаты и опустилась, скрестив ноги, на старый вытертый ковер.

— Сели все, — сказала глуховато и отрывисто. — Где метроном?

Парень торопливо поставил рядом с ней на пол старый метроном, из тех еще, что жили когда-то в Диминой музыкальной школе. Повозился с ним; началось тиканье.

Тимоха потянул Диму вниз. Дима почти упал, сел на пятки и почувствовал, как подошвы туфель врезаются в зад.

Все молчали. Только метроном цокал, покачивая стрелкой.

— Значит, так, — сказала женщина, глядя на Диму. — Ты будешь держать платформу... То есть ты просто будешь тянуть «бом» на соль малой октавы.

Она достала камертон. Ударила железной вилочкой

о браслет на руке. Послушался звук, похожий на гудение жука.

— Повтори.

Дима молчал.

— Повтори! — Она вытащила пистолет, разорвав при этом карман куртки.

— Бом, — протянул Дима.

— Точнее!

— Бо-ом...

— На четыре удара метронома. Потом снова. И снова. И если ты, сволочь, собьешься, или у тебя пересохнет горло, или ты сфальшивишь — я тебя пристрелю, выбью твои мозги на ту вон стенку, ты знаешь, я сделаю.

Дима судорожно глотнул.

— Есть синхрон, — тихо сказал один из мужчин.

— Я знаю, — женщина по-прежнему в упор смотрела на Диму. — Покажи, как ты будешь это делать!

Снова зазвучал камертон; Дима набрал воздуха:

— Бо-ом... Бо-ом-м-м...

— Хорошо, — голос женщины вдруг смягчился. — Хорошо, сынок, ты с нами споешь и пойдешь домой. Это же просто, ты хорошо пел в ансамбле... Начинай по сигналу.

Дима перевел дыхание. Цокал метроном.

— Давай, — одними губами сказала тощая женщина.

— Бом, — начал Дима, чувствуя себя идиотом. Голос его звучал хрипло, но навыки сохранились: слышал он хорошо и, однажды взяв ноту, не сходил с нее ни на долю тона. — Бо-ом... Бо-ом-м...

Мужчина, сидевший напротив, коротко стриженный, круглоголовый, вступил со своей партией в терцию. Как будто вокруг напряженного каната — Димино «бом» — мелко завился ярко-синий шнурок. Так они пели вдвоем несколько тактов; Дима успел облизнуть губы, подхватывая дыхание. Женщина смотрела на него сощурившись, рука ее лежала на пистолете.

Вступил третий голос. Этот был высокий, высочай-

ший тенор, его партия была похожа на морзянку, на длинный нервный сигнал: светящаяся желтая нитка выписывала узоры на основе каната и синего шнурка. Дима услышал мелодию — и сразу же вступил четвертый голос, шелестящий, как змеиная шкура, очень сложный ритмически, повторяющий мелодию, как изломанная тень повторяет движения танцора.

Вступил пятый: он тоже был тенью третьего, но сдвинутой по времени: то запаздывая, то вырываясь вперед, он оттенял мелодию, вступал с ней в диалог. Дима тянул свое «Бом» из последних сил: у него страшно разболелось горло. Он знал, что через несколько секунд голос откажет ему и ни пистолеты, ни гаубицы, ни атомная бомба не заставят смыкаться голосовые связки.

В этот момент женщина расслабила руку, сжимающую оружие, закатила глаза и начала свою партию.

У Димы остановилось сердце. Голос женщины был огнем, бьющимся внутри колокола, или не огнем, а птицей, или не птицей, а насекомым, звенящим о свет за мгновение до гибели. Она выписывала не мелодию даже — производную от мелодии, где были скрежет по стеклу, ангельское пение, грохот обвала, похоронный звон, патетические рыдания оркестра, крики детей в парке и визг несмазанной двери, собачий лай, и все это, объединенное высшим представлением о гармонии, соединилось, слилось с пятью голосами, образовав новое целое.

Дима только несколько секунд слышал шесть голосов сразу. Слившись, они приобрели другое качество, и звуков не стало. Бесшумно водил стрелкой метроном. Шестеро людей, сидя в облезлой комнате, раскачивали незыблемое. Как рота, идущая в ногу, раскачивает мост.

И внутренний Димин жук взлетел.

В комнате сделалось светлее. За окном взошло солнце, луч пронесся по полу из угла в угол, и солнце село. И тут же снова взошло. Пронесся луч. Установилась полутьма, гораздо более светлая, чем раньше. Облезлые обои срослись, как молодая кожа, и стали ярче. Появи-

лась мебель. Дима сидел, по шею утопая в журнальном столике.

Обои снова потемнели и скукожились. Опять наросли. Вошел мальчик лет девяти в пионерском галстуке, остановился, глядя в окно. Справа от него разошлась стена, промелькнули розовые лоскуты, показалась и пропала голова рабочего в каске. Стена снова затянулась, и обои из полосатых сделались узорчатыми в цветочек. Мальчик уронил что-то на пол, вышел из комнаты, на ходу делаясь выше и взрослее. В этот момент женщина вскинула вверх руки, в правой зажат был пистолет; через долю секунды она резко опустила их, и все прекратилось.

Дима сидел, слепой в густейшей полутьме, чувствуя, будто горло ему залили свинцом. Моталась стрелка метронома, но звука не было. Из выломанной балконной двери тянуло сквозняком.

— Иди, — беззвучно сказала женщина с пистолетом.

Он не понял. Тогда она с трудом поднялась и, подталкивая его стволом, вывела на лестничную площадку.

— Иди!

Захлопнулась старая дверь.

* * *

Он вернулся домой за полночь. Мать встретила его упреками и причитаниями:

— Где ты был?! Почему телефон не отвечает?

— Телефон...

— Господи, что у тебя с голосом?!

— Про... простыл.

— Ты сипишь, я ничего не слышу... Где твой телефон? Украли?

Дима кивнул.

— Что с тобой? На кого ты похож? Ты что-то пил?

Он помотал головой.

— Тебе нужно горячего чаю... Фервекса или растворимого аспирина, а лучше того и другого.

Дима закивал, жестами показывая, что справится,

но мама, конечно, не оставила его в покое. Она задавала вопросы, сама на них отвечая, рылась в аптечке, ругала Диму, ругала и жалела себя, приводила в пример знакомых и родственников. О том, что с ним случилось на самом деле, Дима ни слова не сказал. Да и не мог — голос пропал окончательно.

Он лег в постель, наглотавшись таблеток. Мама уснула, приняв снотворное. Ближе к трем часам ночи Дима встал, проверил, плотно ли закрыта дверь комнаты, и включил настольную лампу.

Огромная постельная тумба была заполнена бумагой — старыми фотографиями в альбомах, журналами, подшитыми квитанциями, которые следовало хранить три года. На самом дне ее, под жесткими картонными папками, лежали самые что ни на есть архивные архивы — в том числе выпускное фото сорок седьмой музыкальной школы.

Беззвучно чихая от пыли, Дима развернул тонкий планшет в пластиковом чехле. Его отроческая физиономия, заключенная в овал, помещалась в третьем ряду, справа: «Дмитрий Романов, класс фортепиано».

Он поднес фотографию к свету. Преподаватель сольфеджио был очень стар уже в те времена, и очень строг. А учительница по хору, наоборот, была добрая. Она вечно отправляла голосистого Диму на прослушивания в детские вокальные коллективы. И его даже куда-то взяли, но как раз начал ломаться голос, и карьера закончилась, не начавшись.

Он переводил взгляд с лица на лицо. Девчонки казались старше, смотрели отчужденнее; вот и она. Подпись: «Изабелла Бабушкина». Бледная, бесцветная, эта девочка была примечательна только именем. Изабелла Бабушкина.

Или все-таки не она?

Девочка на фото не была такой худой. Хотя... Столько лет прошло.

Она или не она?

Он закрыл тумбу, выключил свет и снова лег, положив фотографию у кровати. Стоило опустить веки —

перед глазами появлялся жук, готовый взлететь. Каждый ус его, каждое крылышко раскачивались, меняя амплитуду, и низкое гудение сменялось щелканьем метронома.

* * *

Итак, под дулом пистолета он навестил шайку наркоманов в их притоне. Неведомо как — распыляя? — они вместе потребили неизвестный галлюциноген. Дима сорвал голос, участвуя в ритуальных камланиях, получил новый опыт и слава богу, что вообще остался жив. Телефон пропал, и шут с ним; единственное, что Диму по-настоящему тревожило, — как распорядится безумная Изабелла Бабушкина его телефонной книгой?

Там ведь был и домашний номер. Бесхитростно названный «Дом».

Он оповестил знакомых и коллег, что телефон украли. Через несколько дней восстановил свой номер. Вытащил из ящика стола старую трубку — поцарапанную, хлипкую, но рабочую; жизнь входила в колею, новых неприятностей не случалось.

И радости тоже не было.

Он тихо сидел в своем офисе, верстая брошюры и методички, и с начальством объяснялся в основном знаками, а с мамой — усталым шепотом. Иногда открывал тайную папку на домашнем компьютере и перечитывал свои стихи — пафосные, фальшивые, без единой свежей метафоры. Иногда, совсем загрустив, сочинял новые — еще хуже.

Все равно этот позор некому было показать.

Он привык каждый день, возвращаясь с работы, покупать чекушку в универсаме на углу — вместе с яблоками, кефиром, хлебом — и потихоньку от мамы выпивать ее перед телевизором. Тогда становилось легче.

Он не был толстым, но ощущал себя поросшим тоннами душевного сала. Он не был стариком, но видел в зеркале усталое злое лицо. Он ждал, что что-то изменится в жизни, — но не менялось ничего.

Прошла неделя, другая, третья. Голос его кое-как восстановился — хотя не было надобности петь или говорить о чем-то стоящем. Связки поправились, но Дима по привычке изъяснялся знаками — безмолвный, безгласный офисный червь среди миллионов таких же.

Но по ночам ему снился взлетающий жук. Сон этот из тяжелого, почти кошмарного вырастал в грандиозное ночное представление: нагудевшись и надрожавшись крыльями, жук отталкивался от Диминого пальца и по спирали уходил в небо, светлое и по-летнему легкое, и Дима понимал, что летит вместе с ним, что у него крылья, а тяготения не существует... И он летал, как младенец, во сне и просыпался каждое утро обалдевший, минут на тридцать счастливый, и так длилось, пока однажды вечером в его квартире не прозвучал звонок.

На городской телефон обычно звонили маме; она взяла трубку и сразу после «алло» отозвалась довольно сухо:

— Дима не может говорить. У него пропал голос.

Дима замахал руками. Он ждал звонка от заказчицы и допускал, что она позвонит по городскому. Мама поджала губы; не проходило недели, чтобы она не вздохнула по случаю: «А я думала, внуков успею понянчить», но если сыну звонила женщина — мама хищно подтягивалась, как матерый волк при виде соперника.

— Алло? — хрипловато спросил Дима, завладев телефоном.

— Тебе нужна твоя трубка?

— Какая? — он не зразу узнал голос. С заказчицей они были на «вы».

— Мобильник! — рявкнула собеседница.

— Нет, — сказал Дима и разозлился, потому что голос его прозвучал испуганно. А он вовсе не считал себя трусом. — Уже не нужна!

— Да ладно, — примирительно отозвалась Изабелла Бабушкина, или кем она там была, на другом конце провода. — Скажи адрес, кину тебе в почтовый ящик.

Дима замотал головой, забыв, что собеседница его не видит:

— Не надо! — И добавил, не желая казаться напуганным: — У нас ящик без замка. Проще в урну выкинуть.

Женщина хмыкнула на том конце связи:

— Тогда как?

Дима замер. Жук внутри его дрогнул крыльями; жуку, наверное, тоже страшно в первый раз взлетать, но крылья сами принимают решение.

— На прежнем месте, — сказал Дима. — Я имею в виду, встретимся. Как тогда.

— Как тогда? — В ее голосе звучал сарказм.

— Там, у остановки сорок шестого, — он помолчал и добавил: — Изабелла.

* * *

Они еще гудели в зеленой кроне. Но короткий сезон прошел, и жизнь подходила к концу. Тише сделался гул, и асфальт под липой покрылся пятнами — многие, упав с неба, нашли свою смерть под колесами.

Дима взял на руку большого, еще сильного, но уже потерявшего небо жука. Вот он, отлетался, навсегда приземлился; навсегда?

Дима вытянул руку. Щекоча и царапая лапами, жук поднялся по его руке, по указательному пальцу до самого ногтя и там, почуяв трамплин, стал раскачиваться.

Он молился жучиным богам. Он читал, ритмично кланяясь, свою священную книгу. И вот — коричневые жесткие крылья поднялись, выпуская длинные, пепельно-прозрачные крылья для полета. Жук загудел, отрываясь от опоры, и взмыл в небо по спирали.

И Дима на секунду взлетел вместе с ним.

— Привет, — сказали у него за спиной.

Он обернулся. Изабелла Бабушкина, тощая, как узник, в джинсах и футболке, стояла перед ним с телефоном в руках.

— На. И чтобы не говорил, что тебя ограбили.

— Я не говорил, — он невольно попятился. — Спасибо... Изабелла.

— Меня зовут Ирина, — сказала она с нажимом. — Запомни.

— А, — Дима поперхнулся. — Извини... те.

— Струсил? — она прищурилась.

— Ага, — признался Дима.

— И правильно, — она помолчала. — Кофе будешь?

* * *

— Ты хорошо держишься.

Они сидели в «Шоколаднице» у окна, за которым катились машины, текли прохожие и полная женщина с плакатом на животе рекламировала парикмахерскую эконом-класса.

— Скажи честно, это... какая-то химия?

— Нет, — она вытащила пачку сигарет. — Куришь?

— Не курю.

— Это хорошо, — она щелкнула зажигалкой. — Это правильно... Ты меня прости, у меня не было выбора. Мы остались без платформы за час до синхрона... При том что — вопрос жизни и смерти... Понимаешь?

— Нет.

Официантка поставила на столик две чашки кофе и очень сложный, цветастый и навороченный десерт. Дима смотрел, как курит собеседница, и гнал от себя воспоминания: двор бывшего детского садика, где музыкальная школа снимала помещение. Стайка девочек с футлярами и папками, Иза Бабушкина с сигаретой — вместе со старшими пацанами, дымит, хохочет и слова не может сказать без забористого мата...

«Что эта девочка делает в музыкальной школе? — громко недоумевала завуч. — Вы знаете, кто ее родители?!»

— Я поменяла имя, и даже в паспорте, — она наблюдала за ним, прищурившись.

— Задразнили?

— Нет. Особая примета. Изабелла Бабушкина — такое не скоро забудешь.

— Я не забыл, — сказал Дима.

— Вот видишь. Если бы не имя — не вспомнил бы.

Он понял, что она права, и смутился:

— Мы ведь не дружили...

— Да не оправдывайся, — она курила торопливо, будто привыкла к очень маленьким перекурам, строго по часам. — Была Иза, стала Ира... А ты подумал, мы торчки?

Дима пожал плечами:

— А кто?

— Хорошо держишься, — повторила она и прищурилась. — Ты чувствуешь... как это надо делать. Да?

— Это... петь?

Она хмыкнула. Поболтала ложкой в чашке кофе.

— Я понимаю как, — признался Дима. — Я не понимаю что.

— Тем не менее, — она затянулась. — Ты сам видел.

— Я не понял, что я видел. Это было... сумасшедшее кино.

— Ладно, — она кротко вздохнула. — Если очень сильно раскачать качели — они повернутся вокруг оси, сделают «солнце». И наступит невесомость — на какой-то момент... Мне кажется, мы раскачиваем какие-то... нити. Связи.

— Зачем?!

— Ни-за-чем, — она улыбнулась краешком рта. — Просто мы часть этих связей. Мы струны.

— И кто вас назначил? — Дима снова сильно охрип.

— Никто. Мы сами... добровольно отдали под это дело свои души. Кто-то купился на исполнение желаний. Кто-то захотел исправить старую ошибку. А кто-то — я, например, — тащится от самого процесса.

— Вы что, бумагу кровью подписали? — Он с трудом ухмыльнулся.

— Нет, — она глядела с откровенной насмешкой. — Нет здесь нечистой силы — только законы природы. Беда только, что, когда открывается синхрон, отступать никуда нельзя. Надо идти на точку и работать. Иначе в команде будет труп.

Дима сильнее сжал губы. Сердце заколотилось — беспорядочно и наивно:

— Это что, медитативная практика, секта, психотренинг?

— Нет. Ты видел.

— Что я видел?

— Метод воздействия на реальность. Не на восприятие реальности, как наркотик или транс. Нет — на реальность, на мир. Мы умеем в какой-то точке изменять свойства пространства-времени.

— Зачем?!

— А тебе никогда не хотелось заглянуть за забор? Узнать, что там? Прогуляться по потолку? Полетать?

— Детский сад, — сказал он в сердцах.

— Чего ты хочешь? — Иза скомкала пустую сигаретную пачку с грозной надписью «Курение убивает».

— От тебя? Ничего.

— Чего ты хочешь в жизни? Денег, славы, секса?

— А что, твой хоровой кружок способен дать мне денег?

— Разве что на бутылку, — она улыбнулась. — Нет. За деньгами — не к нам... За исполнением желаний, вообще-то, тоже. Но исполнение желаний — это крючок, на который нас ловят.

— Кто ловит?

— В данный момент я ловлю тебя, — сказала она серьезно. — Здоровье я делала людям, это было. Ребенка хорошего — это было. А ты чего хочешь?

— Молодости, — вырвалось у Димы.

Иза подняла брови:

— Сколько тебе? Сороковник?

— Иза... то есть Ира, — он отодвинул чашку. — Я старый, слабый, бездарный человек. Это нельзя вылечить. Я подозреваю, этому даже деньги не помогут.

Она прищурилась. Теперь смотрела по-новому, без насмешки.

— Вот если бы ты могла вернуть мне молодость, — сказал Дима, — я добровольно отдал бы на это дело душу. Только без кровавых подписей, пожалуйста.

* * *

Они собрались в звукозаписывающей студии, взятой в аренду на час. Метронома не было. Аппаратуру отодвинули к стенам, устроились на полу, вплотную друг к другу.

— Три минуты до синхрона, — сказал нервный мужчина по имени Игорь.

— Отлично, — Иза преобразилась. Вместо джинсов и футболки на ней было летнее платье, короткое, с открытыми плечами. — Ты как, Вася?

Бледный парень с рукой на перевязи изобразил улыбку. В прошлый раз накануне синхрона Васю сбила машина, и потому Изе пришлось ловить человека на замену буквально на улице; впрочем, эта женщина никогда ничего не делала случайно.

— Вася садится на вторую ступень, а Славик на платформу. Работаем сегодня для Димы... вот для него. Как выйдет, наперед не знаю. Дима, готов?

Он кивнул.

За несколько дней, прошедших после встречи в кафе, его желание стало неврозом. Пусть армия, пусть дедовщина. Пусть неверные девяностые годы. Верните мне молодость, шептал Дима по ночам, неизвестно к кому обращаясь. Молодость мою, бестолково потраченную — верните...

— Тридцать секунд до синхрона, — предупредил круглоголовый Славик.

— Отлично. Начинаем по сигналу. Расслабились, продышались... Десять, девять, восемь, семь...

Дима огляделся. Теперь, когда на него не был направлен пистолет, собрание странных, разных, молчаливых людей вдруг показалось ему особенно пугающим.

— Бом, — низко, протяжно начал Вася. — Ом-м...

Славик вступил в терцию.

Через несколько тактов зазвучал Игорь — высочайшим тенором, скачущим вокруг двух первых голосов, как огненная белка. Дима услышал мелодию — и тут же

вступил четвертый голос шелестом осенних листьев; и пятый.

А потом запела Иза, и в ее голосе были колокола и вопли, младенческий смех и звон бокалов, визг и ангельское пение. Кто ты такой, Дима, спрашивал ее голос, чего ты хочешь, кем ты будешь, чего ты достоин...

А потом мироздание, раскачиваясь и раскачиваясь, вдруг распалось на атомы, разложилось стеклышками в калейдоскопе, и сделалось темно.

* * *

Темнота. Неустанное движение вверх.

Свет! Разлетаются комья земли, осыпаются песчинки. Он смог, добился, прорвал оболочку, выбираясь из куколки. Он прорыл себе ход в глиноземе. Из темного подземелья он вылетает — в первый раз — под солнечные кроны дубов и берез.

Он молод, это первый солнечный день после долгих месяцев под землей. Тысячи запахов — усики-щетки дрожат, предвкушая, впитывая; девять пар дыхалец — он полон воздухом изнутри, он пахнет весной. И глаза — восемь тысяч глаз, достаточно, чтобы смотреть на солнце и зелень. Двадцать, а может быть, и сорок дней полета, любовь, страсть, лето...

И целая жизнь впереди.

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

ПЕРЕСЕЧЬ ГРАНИЦУ

— Девушка, повторяю вам еще раз — у вас нет паспорта гражданина Российской Федерации. Без него я ничем не могу вам помочь.

Офицер регионального консульства, плотный мужчина лет сорока с редеющей шевелюрой и седеющей щетиной, говорил равнодушно и смотрел утомленно. За

последние месяцы таких, как эта девчонка, он перевидал немало, и несчастные лица измученных, испуганных людей его уже не трогали.

Как только начались внутренние чистки в стране, у стен консульства образовалась огромная очередь. Она разрасталась и медленно свивалась во все новые и новые кольца вокруг здания. Люди не расходились ни днем, ни ночью. Стояли неделями.

— Послушайте, но как же так? — чуть не плача, повторяла Алекс. — Я же русская. Вот, видите, мне и бумагу прислали — я больше не американская гражданка. И мама у меня была русская...

Офицер безразлично смотрел на нее и монотонно бубнил:

— Доказательством гражданства Российской Федерации является наличие паспорта гражданина Российской Федерации. У вас его нет и не было. Но поскольку ваша мать, как вы утверждаете, гражданка России, вы имеете право подать заявление на признание гражданства. Необходимые формы можно заполнить непосредственно на сайте российского посольства. Процедура рассмотрения занимает около года.

— Я не могу ждать год. Никак не могу.

— В таком случае вы можете обратиться на гостевую визу — ее выдают за два-три месяца. Все, что необходимо, — это вызов от гражданина России.

— У меня никого нет в России. Совсем.

— Значит, я ничем не могу вам помочь, — ровно закончил офицер.

Алекс подавленно молчала. И что ей делать теперь?

Расколовшаяся Америка лишила гражданства всех тех, чья национальность казалась им подозрительной. Разумеется, русские туда попали сразу же.

Но Алекс-то ведь родилась и всю жизнь прожила в Штатах! Да, у нее была русская мама, студенткой приехавшая в Америку на заработки и, как это делали многие в то время, решившаяся остаться. После рождения Алекс ее депортировали из страны. Зато отец был аме-

риканец — и неважно, что она никогда в жизни его не видела.

Да, Алекс росла в русской общине и прекрасно владела русским языком. Но ведь она закончила школу, отучилась два года в местном колледже, платила налоги и даже один раз голосовала! И никогда не задумывалась над вопросом гражданства — пока внезапно не разразилась вторая гражданская война между Севером и Югом.

Ну, разве мог кто-то предположить, что дебаты в парламенте и на общественных форумах по поводу признания однополых браков перерастут в уличные бои? Что они разрастутся и перейдут в самую настоящую войну? Что она так затянется?

Давно признавшие однополые браки Канада и Скандинавия поддержали Север; Югу помогали религиозные страны Азии и Европы. Помогали — но не просто так. Слишком часто США вмешивались во внутренние дела других государств, слишком многое приходилось терпеть от Штатов, чтобы сейчас не воспользоваться возможностью и не внести свою лепту в распад великой державы. Потому, поддерживая и Север, и Юг, «союзники» внимательно следили, чтобы ни у одной из сторон не появилось явного преимущества — чем дольше идет война, тем меньше остается от Америки. От этого выигрывают все.

Все — кроме тех, кто не являлся американцем хотя бы в третьем поколении. Именно они, американцы первого и второго поколения, проснувшись однажды утром, обнаружили, что их стали считать угрозой для внутренней безопасности государства.

Вот и Алекс на двадцатом году жизни в одночасье признали русской и дали три месяца на выезд из страны, пригрозив, что в случае отказа ее ждут изоляционные лагеря. И она пришла в российское консульство — куда же еще податься девушке с именем Александра Вареева? Да только здесь ей, кажется, помогать не собирались.

— Но вот же, мне прислали бумажку, — снова попыталась убедить офицера Алекс.

— Эх, девочка, — вдруг криво усмехнулся он. Так усмехаются бородатым шуткам. — Это ты для американцев стала русской. А для нас ты — американка.

— Послушайте, — Алекс крепко схватила его за руку ледяными ладонями, — если я не уеду через два месяца, меня отправят в изоляционный лагерь. Вы же знаете, что там творится! Да я... я... куда угодно, только не в лагерь!

Слухи о лагерях ходили самые разные, один другого невероятнее. Но даже если люди и преувеличивали, дыма без огня не бывает. Да и призрак Абу-Грейб до сих пор заставлял дрожать от ужаса, хотя прошло с той поры уже без малого полвека. В любом случае лагерь для лиц, которых считают политически неблагонадежными, не окажется курортом.

Алекс покосилась на визитки, аккуратной стопкой лежащие на краю стола, — прищурилась, стараясь прочитать имя офицера. Потом снова взглянула на него — с отчаянной мольбой и надеждой:

— Владислав Николаевич, помогите мне! Ну, пожалуйста! Я очень вас прошу!

Офицер молчал, и его глаза долго оставались равнодушными и безразличными. Потом он внезапно высвободил руку и грузно поднялся из-за стола. Подошел к двери, приоткрыл. Измученные люди жались в душном коридоре, терпеливо ждали.

— Технический перерыв, — буркнул офицер.

Плотно закрыл дверь, повернул ключ в замке. Медленно обернулся — и Алекс увидела его глаза. Они больше не были равнодушными и безразличными — нет. Но Алекс подумала — пусть бы они оставались холодными и бесчувственными. Пусть. Все лучше, чем новый взгляд. От него закачался, будто лодка на волнах, пол под ногами. Поплыл вверх потолок, закрутились стены узкого кабинета.

Алекс вскочила со стула. Ударилась об угол стола и

не заметила. Сделала шаг назад. Еще один. И еще. Спина встретилась с холодной стеной.

Офицер по-прежнему стоял у дверей — он не сделал ни шагу. Только смотрел на нее с усмешкой и молчал. Молчал, но Алекс прекрасно слышала непроизнесенные, но такие отчетливые слова:

— За стенами нашего консульства тебя ждет изоляционный лагерь. Не будь дурой — думаешь, там тебя не тронут? А за дверью, у которой стою я, — дорога в Россию. Сама догадаешься, как через нее пройти, или мне подсказать?

Какой может быть выбор, когда на тебя наваливается беспомощность, когда бессилие прижимает тебя к стене? И когда они смотрят — смотрят тебе прямо в лицо. Глазами офицера из консульства.

Не может быть — этого просто не может происходить на самом деле.

Не должно.

Не здесь.

Не в самый первый раз.

Не так.

Не с ней.

Алекс крепко зажмурилась.

Отчаянно пытаясь унять бьющую ее дрожь, она желала только одного — ничего не запомнить.

* * *

Алекс никогда не любила Норфолк. Он уродовал белесое песчаное побережье океанского пляжа Вирджинии своими неказистыми небоскребами, загазованными трассами и грязными, дымящими трубами заводов. А теперь, когда она уже полтора месяца дневала и ночевала в порту, она возненавидела его еще больше.

Здесь не редела толпа людей. Не могли разогнать ее ни военные, ни грохот взрывов, ни оглушающая стрельба спешно пригнанных после падения Ричмонда установок ПВО. Потому что корабли оставались самой послед-

ней надеждой для тех, кто не мог иначе выбраться из страны. Таких, как Алекс.

За полчаса унижения в консульстве она получила наспех закатанную в пластик карточку, подтверждавшую статус беженки. Оставалось только пересечь российскую границу, но как раз это оказалось практически невыполнимым.

Цены на авиабилеты взлетели до небес; купить себе место на самолет Алекс не могла. Зато ходили слухи, что заходящие в порт корабли иногда соглашаются взять на борт пассажиров. За куда более умеренную плату, а если повезет, то и бесплатно.

Так и оказалась Алекс в порту. Все это время она отчаянно боялась даже на минутку отойти от причала. Страх, прочно засевший в груди и постоянно сжимающий сердце — страх пропустить спасительное судно преследовал ее днем и ночью.

За полтора месяца в порту побывало много кораблей. Но мало кто из них принимал пассажиров. Если какое-то судно и соглашалось, люди штурмовали его с отчаянностью обреченных, насмерть давя друг друга в толпе. Ни на одно из них, разумеется, Алекс не попала.

Надежда на то, что международные организации озаботятся судьбой беженцев и примутся их вывозить, давно умерла. Алекс перестала ходить в здание порта, чтобы посмотреть новости. Самое главное она уже уяснила.

НАТО развалилось, растеряла свои позиции ООН. На опустевшую международную арену ринулись новые игроки — делить освободившуюся территорию, и сейчас им было не до помощи нуждающимся.

У Алекс в запасе оставалось две недели. Изо дня в день предъявляя документы военному патрулю, она с ужасом думала о том, что в конечном итоге все-таки окажется в лагере. И тогда то, что пришлось вытерпеть в консульстве, покажется ей сущей ерундой.

* * *

За неделю до рокового срока в порту появилось российское судно.

На погрузившемся в сумерки причале собралась толпа: она дрожала, нервничала и сталкивала стоявших слишком близко к краю в воду. Тяжелой волной ударила в высокий борт пришвартовывающегося судна. Мощным потоком рванула на спустившийся трап. Потом замерла, дрогнула и стала медленно отходить назад. Команда корабля оказалась хорошо подготовлена к тому, что ее ждет, — по ступеням плотным строем с оружием в руках спускался экипаж.

На причал сошел капитан — подтянутый темноволосый мужчина лет сорока пяти с седыми висками и удивительно ясными глазами. Сообщил, что примет на борт только двадцать пять человек. В первую очередь — граждан России.

Люди и не подумали расходиться и сдвинулись с места только после того, как моряки, оцепившие корабль, приподняли дула автоматов.

Ждать чуда бессмысленно. Но Алекс все равно не ушла. Да, у нее нет российского паспорта, а в очереди — куда больше двадцати пяти человек. Но у нее осталось всего шесть дней, и если есть хоть малейшая возможность попасть на борт, она ею воспользуется.

Прошло около часа, когда над причалом разнеслись слова:

— Больше мест нет. Повторяю, больше мест нет.

Раздались крики и плач. Кто-то с причитаниями ринулся вслед за поднимавшимся по трапу командиром, кто-то отчаянно цеплялся за жесткие рукава черной формы моряков, просил, умолял.

Алекс не сдвинулась с места и не сводила взгляда с корабля. Вот оно — ее спасение, совсем рядом. Протяни руку — и дотронешься.

Матросов оцепления почти не было видно — их черная форма растворялась в черноте ночи; слабый лунный свет выхватывал из темноты только белые фуражки.

Моряки сновали между кораблем и зданием порта,

деловито бегали вдоль причала. Перекидывались между собой короткими фразами. Потом стали не спеша бродить между не сводящими отчаянных глаз с корабля людьми. Перед некоторыми останавливались, что-то говорили.

Вот одна белая фуражка повела за собой кого-то. Из оцепления раздались редкие смешки и неразборчивые реплики. Белая фуражка остановилась на нижних ступенях трапа, и до Алекс донеслись слова:

— Какая, к чертовой матери, дисциплина? Когда мы отчалим, будет уже поздно. Не за борт же ее выкинут. Да если и за борт — она согласна на риск. Она вообще на все согласна. Так ведь? — обратился он к почти неразличимой фигуре, не отходящей от него ни на шаг.

Мгновенно ожившие люди бросились к оцеплению. Алекс, не раздумывая, рванулась вслед за ними.

Мимо нее проходили черные фигуры в белых фуражках. Некоторые останавливались, брали за подбородок, поднимали голову, заглядывал в глаза, что-то спрашивали. Она молчала, крепко стискивая зубы.

Лишь бы уехать. Лишь бы уехать. Лишь бы уехать.

Когда чья-то рука сжала ее ладонь и настойчиво потянула к кораблю, Алекс не колеблясь пошла вслед, низко опустив голову. Лучше не смотреть. Да и какая разница?

Она споткнулась на ступенях трапа и почти упала, но ее резко дернули вверх. Хрустнули суставы, заныло плечо.

Винтовые лестницы, люки и снова лестницы. Тяжелая дверь, крошечная полутемная каюта.

Ее подвели к узкой койке — она неуклюже села. Голову так и не подняла. Чья-то ладонь настойчиво надавила на ноющее плечо, и Алекс послушно легла.

— Спи, — услышала она тихий голос.

* * *

Моряк, забравший ее с причала, оказался худощавым и молчаливым, со светло-карими глазами и коротко стриженными волосами. Ему было двадцать пять лет, он

был помощником командира БЧ-1, что бы это ни означало, и звали его Герман.

В первый день он заглянул в каюту ближе к обеду, кинул на стол термопакет с едой и поманил Алекс за собой. Проводил по короткому коридору к ничем не отличающейся от прочих двери и коротко пояснил:

— Гальюн.

Алекс молча смотрела на него. Видимо, недоумение отразилось в ее взгляде, потому что он спросил:

— Ты русская?

— Наверное, — неуверенно ответила Алекс.

Он хмыкнул и пояснил:

— Туалет. И старайся никому не попадаться на глаза.

Вечером снова принес еду. Почти ничего не говорил. А Алекс ничего и не спрашивала.

На второй день Алекс немного пришла в себя и поняла, что не может оттягивать неизбежное. Оно висело над ней дамокловым мечом и не давало покоя.

— Герман, — первой заговорила она, когда тот принес термопаек, — Герман, спасибо.

Долго молчала. Наконец выдавила из себя — через силу:

— Я не знаю, как тебя отблагодарить.

Неправда. Она знала.

Отвернулась. Ну вот и все.

Герман не отвечал.

Тишина уже звенела от напряжения, когда Алекс не смогла больше выносить затянувшуюся паузу и обернулась.

Герман встретил ее взгляд и усмехнулся — криво и недоверчиво. Вышел, ничего не сказав. А Алекс, обжегшись о его холодный колючий взгляд, забилась в самый угол жесткой койки. В отчаянии глядела на закрывшуюся за Германом дверь, прекрасно понимая, что ничего не сможет ему объяснить. Не поверит он — не после того, как она с готовностью пошла вслед за ним с причала.

Герман появился уже под вечер, с тощим матрасом в руках. Алекс все-таки не выдержала:

— Герман, — начала она. Помолчала, пытаясь подобрать слова. — Послушай... Понимаешь, я...

Слова не шли.

Герман долго стоял, пристально глядя на нее сверху вниз — словно старался что-то разглядеть. Потом неожиданно кивнул и вышел.

Вернулся поздно ночью. Тихо, стараясь не шуметь, закрыл дверь. Раздевался, не включая свет. Только Алекс все равно не спала. Зная, что предстоит, она не могла заснуть. Дождалась, когда Герман улегся на тощий матрас на полу, глубоко вздохнула — и спустилась к нему с жесткой койки.

* * *

Замкнутое пространство полностью изменяет течение времени. То, на что в обычной жизни требуются месяцы, в крохотной каюте происходит за какую-то неделю.

Прошло всего несколько дней, и Алекс перестала вздрагивать при звуке открывающейся двери, а Герман перестал отмалчиваться и смотреть словно бы мимо нее.

Долгие часы они скрашивали разговорами. Сначала Алекс рассказывала Герману про маленькую Россию — несколько кварталов на окраине индустриального города Вирджинии, в которых она росла. Про маму, которую она никогда не видела, про далекий грохот взрывов, к которому привыкаешь. Про порт, про бессонные ночи, про ожидание корабля. И гораздо позже — про консульство.

Герман всегда внимательно слушал. Потом стал рассказывать сам. Про семью, про то, как четырнадцать лет назад его младшего брата вместе со всеми семилетними детьми забрали в ВУЗТы, воспитательные центры закрытого типа, призванные заменить семью, не справляющуюся с воспитанием детей. Там, в изоляции от пагубного влияния окружающей среды, подальше от наркотиков и преступности, их растили до полного совершеннолетия, прививали ответственность, порядоч-

ность, сознательность, патриотизм и прочие бесценные качества. Герман говорил, что за прошедшие годы связь с братом как-то потерялась, что он ничего не слышал от него больше двух лет. Вспоминал, что первого сентября не увидишь больше на улицах взволнованных нарядных первоклашек с ранцами за спиной и гладиолусами в руках — ведь теперь ВУЗТы забирают детей каждый год.

Рассказывал про службу. Про то, как их крейсер патрулировал пролив Крузенштерна, когда разразился третий конфликт с Японией из-за Курильских островов. Про то, как в составе миротворческих сил они курсировали вдоль берегов Коста-Рики, Панамы и Колумбии во время карибских нарковойн. Про эвакуацию российских дипломатов из Нигерии в разгар вооруженного передела африканского нефтяного рынка после развала мультинациональных корпораций. Про сопровождение кораблей Красного Креста в погибающую от СПИДа Замбию, у которой не хватило денег купить у фармацевтических компаний лицензию на производство лекарств от ВИЧ-инфекции.

Прошло две недели, и равнодушный, чужой и безразличный человек стал для Алекс почти родным, а его незаметная забота и сдержанное внимание располагали к себе все больше. Даже по ночам Алекс наконец перестал мерещиться на его месте седеющий офицер российского консульства. Только вот что стояло за этим — благодарность, привычка или что-то еще, она не могла понять. Да и не хотела.

А Герман дал ей новое имя, и оно навсегда заменило «Алекс». Сашенька. Саша.

* * *

Когда жизнь дарит тебе что-то хорошее, никогда не следует расслабляться, потому что за ее щедрость непременно придется расплачиваться.

Герман вернулся с дежурства на взводе, бросил термопаек, с размаху плюхнулся на койку и сцепил руки за головой.

— Черт! — с чувством выдохнул он.

Страх холодными пальцами вцепился в сердце и резко дернул вниз.

— Что случилось?

— Пришел приказ сменить курс. А мы всего в пяти днях от Питера!

— А что с нами?

Герман покачал головой. Потом ответил:

— Завтра утром к нам подойдет сторожевой крейсер и заберет тех, кого мы приняли... Тех, кого приняли официально.

— А нельзя?.. — начала было Саша, но он ее перебил:

— Нет. Никак. Иначе кавторанг потеряет должность.

— Кавторанг?

— Командир Устинов, — пояснил Герман. Встретил ее непонимающий взгляд и слабо улыбнулся: — Кавторанг. Капитан второго ранга. — Потом помрачнел: — Устинов — хороший мужик. Он с самого начала знал, что у нас нелегалы на борту. И решил, что в порту мы вас как-нибудь незаметно высадим, а там — кому какое дело, на чем вы приехали... Не с собой же вас брать, в самом деле! Зато теперь, понимаешь, если он сдаст вас сторожевому крейсеру, то в штабе ВМФ об этом непременно узнают. А за такое нарушение его как минимум снимут с должности.

Саша не понимала.

— Неужели нельзя объяснить?.. Неужели не поймут?

Герман криво усмехнулся:

— Эх, мало ты о нашем флоте знаешь!

Саша подавленно молчала. Ну почему, почему от нее ровным счетом ничего не зависит?

Герман опустился рядом, укутал Сашу покрывалом, обнял. Он больше ничего не мог поделать — он и так уже сделал больше, чем мог.

* * *

Саша проснулась оттого, что Герман осторожно, но настойчиво тряс ее за плечо. В иллюминатор был виден краешек мутно-серого неба. Раннее утро? Или поздняя ночь?

— Вставай. Быстрее!

— Что, что такое? — бешеный стук сердца громом отдавался в ушах.

— Мы заходим в ближайший порт. Официально — на дозаправку. Кавторанг придумал. Для вас это единственный шанс сойти.

Саша бестолково заметалась по каюте. Она не совсем проснулась, да еще этот оглушающий стук в ушах!

Надо столько всего спросить!

Да, что-то надо спросить — непременно. Что-то очень важное...

Что?

Герман, кажется, понял ее состояние — стал говорить простыми короткими фразами:

— Это не Россия. Это латышский порт Лиепая. Тебе надо добраться до Риги. До Риги. Запомнила? Отсюда до Риги идет поезд. В Риге садись на любой монорельс в Россию. Поняла? Показываешь карточку беженки, говоришь, что у тебя — право транзита. — Герман сунул ей в руки небольшую, плотно набитую чем-то сумку. Потом помахал перед лицом тонкой папкой. — Здесь все твои документы. Смотри, вот я кладу их во внутренний карман. Здесь, — он показал бумажник, — деньги. Наличные. Все, что смог собрать. Положи себе. Не потеряй. Саша, ты все поняла?

Она кивнула в ответ, отчаянно стараясь не разреветься. Опять земля уходит из-под ног, снова она стремительно падает, падает в никуда...

— Сашенька, слушай меня, — Герман крепко взял ее за плечи, — Саша, все будет хорошо. Главное — пересечь границу с Россией. Пойдем, у нас очень мало времени.

Воздух серых сумерек оказался холодным и неожи-

данно тяжелым. Трап уже спустили, и в густом тумане по нему тихо скользили вниз призрачные фигуры.

— Постарайтесь держаться вместе, — напутствовал Герман, — так безопаснее. Ты все запомнила? Тебе надо в Ригу, а оттуда — на любой монорельс в Россию.

Саша кивала, с трудом заставляя себя делать каждый шаг. Воздух резко пах йодом. Плеск волн растворялся в густом тумане. Сырость пробралась за воротник, холодными струйками потекла по спине. Дрожали руки.

Трап. У поручней — несколько размытых фигур. Да и вообще — все вокруг расплывается дрожащими кляксами. Наверное, из-за тумана.

Лицо Германа совсем близко. Оно не расплывается — оно очень четкое. Кажется, оно никогда еще не было таким четким.

Надо — надо что-то сказать на прощанье. Ох, сколько всего надо сказать — а времени нет. Почему же она ничего не говорила — ведь у них было столько долгих дней? А оставшихся мгновений едва ли хватит на самое главное. Да и что оно — самое главное?

— Герман, мне надо тебе сказать...

Слова не шли. Так уже было.

Герман помнил. Кивнул.

— Я знаю.

Теперь надо заставить себя отпустить рукав его жесткого кителя и шагнуть на первую ступеньку.

Надо.

Надо!

Шаг вниз. Как в бездну.

Спустившись на причал, Саша обернулась. Ей показалось, что там, наверху, все еще стоит Герман. Но наверняка она сказать не могла — палуба растворялась в колеблющемся тумане сырых сумерек.

* * *

До Москвы Саша не доехала.

Ее ссадили на границе, не обратив внимания на карточку беженки, и оставили в буферной зоне. Вместе с теми, кто ждал своей очереди попасть в Россию.

Здесь были беженцы и вынужденные переселенцы, мигранты и сезонные работники, нарушители иммиграционного режима и нелегалы. Все они ждали. Ждали собеседования, суда, выдачи или продления визы, амнистии. Были здесь и граждане России — те, кто отказывался платить налог на бездетность или не желал лечиться от наркомании и алкоголизма. В буферных зонах находились все те, кто не был достаточно хорош для того, чтобы жить в новой России, активно занявшейся своим возрождением после едва не уничтожившего ее полвека назад демографического кризиса.

Теснившиеся по несколько семей в крохотных квартирах, стоящие часами в очереди у единственного продуктового магазина или у банкомата в день выдачи соцпособий, днюющие у биржи труда в надежде, что вдруг появится хоть какая-то вакансия — а какие могут быть здесь вакансии? — постоянно боящиеся не успеть убраться с улиц до наступления комендантского часа, люди мечтали о том дне, когда их наконец выпустят из буферной зоны в Россию. А там — там одобренным переселенцам помогают с жильем, там есть работа, там получаешь хороший социальный пакет. Там не патрулируют улицы вооруженные отряды соцнадзора. Там порядок, спокойствие и свобода, такие редкие в бурлящем от перемен мире. Там — совсем другая жизнь.

Надо только дождаться этого дня.

И Саша ждала. Ждала всего второй месяц, но уже изнемогала от жизни в буферной зоне. От беспорядков, от очередей, от грязи и шума, от постоянного напряжения, от состояния подвешенности между небом и землей. От того, что в который раз от нее ничего не зависит. Но больше всего — от страха, что ожидание может затянуться на несколько лет, а такое случалось сплошь и рядом.

Вообще-то предполагалось, что дела беженцев попадают в приоритетные списки и, соответственно, рассматриваются быстрее. Но здесь все упиралось в крохотный пробел законодательства и в принципиальность того человека, от которого зависела ее дальнейшая

судьба, — в участкового соцнадзора северо-западной буферной зоны Андрея Степанова.

Серьезный, ответственный, вежливый, выдержанный, умный — он был из самого первого выпуска ВУЗТов. Человек нового поколения.

— В инструкции четко сказано: «беженцы, имеющие гражданство другой страны». А у вас, Саша, вообще нет гражданства. Значит, придется ждать в общей очереди, — раз за разом повторял ей участковый.

Говорил ровно и терпеливо. Саше поначалу казалось, что вот уж он-то, такой вежливый, такой предупредительный, войдет в ситуацию, вот ему-то можно объяснить, вот он-то поймет.

Как сильно она ошибалась! За его участливым тоном и понимающей улыбкой не было ни участия, ни понимания.

— Робот, — шептала она про себя, с ненавистью глядя на сероглазого юношу. — Машина — холодная и бездушная...

Отчаяние требовало действий. Любых. Каких угодно. Ведь выбралась же она из Штатов — без денег, без документов.

В памяти сразу всплывали липкие глаза и редеющая шевелюра офицера консульства. Неужели опять? Неужели все на этом свете решается только таким образом?

Каждый раз, когда появлялся Степанов, она смотрела в его серьезные серые глаза, и ей казалось, что его ничем не проймешь.

Но и тут она ошиблась.

Да, участковый не проявлял инициативу и не делал намеков. Но пусть и выпускник ВУЗТа, здоровый молодой мужчина и не думал отказываться, когда смертельно бледная Саша сама сделала первый шаг.

Впрочем, очень скоро она о том сильно пожалела. Пленум Верховного Суда в очередном постановлении устранил крохотный пробел законодательства, и Сашины документы немедленно перевели в приоритетную очередь.

Несмотря на это, одним разом встречи с Андреем, к большому сожалению Саши, не ограничились.

И снова воскрес и постоянно присутствовал рядом с ней четкий — до самых мелких деталей — образ седеющего офицера российского консульства.

* * *

— Думаю, через два месяца вам назначат собеседование. Тем временем предлагаю уладить последние формальности.

Несмотря на все, что между ними было, участковый продолжал вести себя как прежде, даже когда находился с Сашей наедине, — вежливо, корректно и отстраненно, и непременно обращался к ней на «вы». Это безмерно ее раздражало.

— А разве еще не все?

Саша уже заполнила бесчисленное количество форм. Сдала отпечатки пальцев, сетчатки и ДНК. Прошла медосмотр. Пришли положительные результаты исследования слепка ее психологического состояния.

— Нет, не все. Мне необходимо знать, что вы будете делать — стерилизацию или генетическую коррекцию?

— Извини, я не понимаю.

— Новая демографическая политика России не приветствует увеличение числа темнокожих граждан. А вы — носительница гена темной кожи, и он непременно проявится в одном из последующих поколений.

Носительница гена темной кожи? Как это?

Саша недоуменно наморщила лоб. Потом в памяти всплыли те немногие фотографии отца, которые сохранились от матери. Ах вот, значит, почему он такой смуглый! Только ей никогда и не приходило в голову, что он — цветной; у нее-то кожа светлая.

Андрей, кажется, понял, что не дождется ответа, и продолжил:

— После стерилизации вы не сможете иметь детей и, соответственно, не передадите этот ген по наследству. Генетическая коррекция сохранит вашу репродук-

тивную способность, направленно уничтожив только этот ген. Разумеется, если вас не устраивает ни один из вариантов, вы можете остаться жить в буферной зоне.

— Нет уж, спасибо, — ответила Саша, поежившись. — Я за генетическую коррекцию.

— Очень хорошо, — кивнул Степанов. — Но есть одна проблема. Стерилизацию вам сделают за счет государства. А вот генетическая коррекция — процедура новая и дорогостоящая, и проводится она исключительно на личные средства.

— И сколько стоит эта процедура? — спросила Саша, заранее зная, что таких денег у нее не будет.

Андрей ответил.

Лучше бы не отвечал.

Саша помолчала, а потом тихо спросила:

— Андрей, скажи мне — а зачем вообще давать на выбор два варианта, если заранее известно, что один из них — невозможен? Ну откуда у беженца такие деньги?

На лице участкового появилась понимающая улыбка, та самая, за которой — Саша точно знала! — нет понимания:

— По закону я обязан уведомить вас обо всех вариантах, чтобы вы могли свободно сделать выбор.

«Робот! Самый настоящий робот!»

— Так что вы будете делать?

Свободный выбор, ничего не скажешь! Всю жизнь — в буферной зоне? Нет уж! Вот только цена...

— Стерилизацию, — выдавила из себя Саша.

— Хорошо, — кивнул Степанов, — Будете сейчас делать или подождете до рождения ребенка? Учтите, ребенку тоже придется делать или стерилизацию, или коррекцию. Причем не ранее, чем по достижении им двухлетнего возраста.

Так в детстве она падала вниз на американских горках, и небо с землей менялись местами...

— Какого ребенка?

Голос участкового доносился откуда-то издалека и казался несколько удивленным:

— Вы не знали? Вы ждете ребенка. Девятая неделя.

* * *

— А нельзя разрешить мне переселиться в Россию, а я, как только накоплю денег, сделаю генетическую коррекцию?

— Нет.

— А нельзя ее сделать в кредит?

— Нет.

А нельзя?... А нельзя?.. А нельзя?..

Нет. Нет. Нет.

Тупик.

— Андрей?

Участковый сидел напротив и ждал. Да как он может быть так спокоен, когда вся ее жизнь того и гляди разобьется на мелкие осколки?

— Андрей, ну подскажи мне что-нибудь! Хоть что-нибудь!

Степанов смотрел на нее участливым и понимающим взглядом, за которым нет ни участия, ни понимания.

— Саша, в вашем случае единственный вариант — стерилизация. Если не хотите делать аборт, рожайте ребенка и отказывайтесь от него. Оставите в соцприемнике в буферной зоне.

«Робот! Самый настоящий робот!»

— Да как же я могу отказаться от своего ребенка?

— Значит, рожайте, делайте стерилизацию, переселяйтесь в Россию. А как накопите денег, сделаете ребенку коррекцию и заберете его отсюда. Если, конечно, его не усыновят до вас.

«Ненавижу!» — подумала она, глядя в серые серьезные глаза.

— Андрей, ну не могу я так! Ну должен же быть хоть какой-то выход! Неужели ты совсем ничем не можешь мне помочь? После всего...

Саша замолчала, не договорив — словно споткнувшись о хорошо знакомый участливый взгляд.

— Нет, — покачал головой он. — Или стерилизация, или же вы найдете деньги, чтобы заплатить за генетическую коррекцию.

— Интересно, где же это я их найду? — вздохнула Саша и закрыла лицо руками.

Степанов поднялся, пошел к выходу. В дверях остановился. Обернулся. Ровно и бесстрастно сказал:

— У меня дежурство заканчивается в семь. Подходите ко мне домой полвосьмого — как обычно.

* * *

Саша поджидала Степанова у подъезда его дома, хотя тем утром решила, что больше ни за что на свете к нему не придет.

А привела ее сюда последняя, отчаянная надежда. Вдруг ей сможет помочь Герман? Вдруг она все-таки не была ему уж совсем безразлична? Ну а если и так, может, его не оставит равнодушным судьба собственного ребенка?

Хотя не проходило и дня, чтобы Саша не вспоминала Германа, и хотя она сильно по нему скучала, ей не хотелось быть навязчивой и самой искать встречи с ним. Особенно при таких обстоятельствах.

Но других вариантов у нее не было.

— Андрей, — начала она, едва они переступили порог его квартиры, — мне нужна твоя помощь.

— Конечно, — любезно ответил он.

Саша скривилась — ах, как она ненавидела его фальшивое участие!

— Мне нужно разыскать отца моего ребенка. Думаю, он может мне помочь.

Участковый покачал головой и открыл было рот, но Саша перебила его:

— Слушай, ну имей совесть! Это ведь не противоречит твоим драгоценным инструкциям! Хоть в этом-то ты можешь мне помочь. За все, что я соглашаюсь терп... делать.

Кажется, впервые ей удалось задеть его за живое. Одним-единственным словом. Тем самым, которое она не договорила.

* * *

Андрей разрешил ей воспользоваться компьютером и даже ввел свой пароль доступа в программу поиска.

Саша выяснила, что судно, на котором служит Герман, находится на стоянке в Калининградском порту. Отыскала его электронный адрес. Долго, очень долго мучилась над письмом. Еще дольше не решалась отправить.

Отправив, металась из угла в угол, мучаясь ожиданием.

В ответ пришла короткая записка: «Не имею права покидать территорию порта. Попробуй приехать сюда сама».

Рванула к Андрею.

— К сожалению, по правилам покидать территорию буферной зоны запрещено, — ответил он. Как обычно — сочувственно.

На этот раз его слова Сашу не остановили. Она направилась на прием к начальнику соцнадзора. Терпеливо стояла в очереди под дверью. Готовая на все.

И не могла отделаться от ощущения, будто она снова в консульстве.

Впрочем, за двери приемной Саша не попала. Степанов вытащил ее из толпы и сообщил:

— Начальник соцнадзора получил ходатайство от командира корабля, на котором проходит службу отец вашего ребенка, и дал разрешение на кратковременный выезд с сопровождением. Завтра мы с вами едем в Калининград.

Саша почувствовала, как больно ударило о ребра сердце, и вдруг стала медленно сползать по стене вниз.

Степанов подхватил ее, довел до своего кабинета, дал воды. Молча смотрел, как прыгает пластиковый стаканчик в ее дрожащих руках, как выплескивается вода через край. Потом неожиданно спросил:

— Вы его любите?

Саша долго молчала, глядя в серьезные серые глаза. Потом опустила голову и глухо ответила:

— Не знаю.

* * *

В порту монорельс делал только одну остановку — у Вольной гавани.

Выйдя из вагона под мелкую серую морось, Андрей сразу предупредил, что идти придется далеко, и уверенно повел Сашу через грузовые терминалы, мимо огромных цилиндров-резервуаров и длинных причалов, у которых размытыми призраками высились громады кораблей.

Саша с бьющимся сердцем вглядывалась в каждое судно.

Шли и правда долго. Сердце устало биться от ожидания, ботинки промокли, ноги замерзли, а сырость, забравшись под одежду, ледяными пальцами водила по спине.

Наконец участковый остановился у очередного причала, ничем не отличающегося от всех тех, мимо которых они уже прошли.

— Кажется, здесь, — сказал он, кивком указывая на корабль. Отстегнул от предплечья мобильный компьютер: — Сейчас уточню.

Саша пристально смотрела на высокий трап и дрожала — от промозглой сырости, от волнения, от нервного напряжения.

Размытая фигура появилась на верхних ступенях и стала торопливо спускаться вниз.

Когда Андрей оторвался от экрана, чтобы сообщить Саше о том, что они на месте, к ним уже подходил человек в черной морской форме.

Саша отчаянно хотела броситься ему навстречу и удержалась лишь невероятным усилием воли.

Моряк приближался. Саша отметила, что на нее он даже не смотрел.

Грудь болезненно сдавило. А она-то, дура, размечталась!.. Ну что ж, тогда, может, хоть ребенку поможет?

Искоса взглянула на участкового и с удивлением заметила, как побледнел Андрей. Даже не побледнел, а буквально побелел. Не поворачивая головы, спросил:

— Это он — отец вашего ребенка?

— Да, — ответила Саша, и сердце вдруг сжалось от непонятного предчувствия беды. — Ты его знаешь?

— Да, — никогда еще голос участкового не был таким механическим, неживым. — Это мой старший брат.

* * *

Герман подходил все ближе, и выражение неуверенности на его лице сменялось широкой улыбкой.

— Андрюха! — воскликнул он и обнял участкового. Потом взял его за плечи, отстранился немного и, радостно его разглядывая, продолжил: — Вот это да! Слушай, сто лет тебя не видел и столько же ничего от тебя не слышал! Ты, значит, у нас в соцнадзоре теперь! Саш, вот это повезло так повезло!

Саша нервно всхлипнула. Да уж, повезло.

Герман отпустил Андрея, обнял Сашу за плечи одной рукой, другой провел по мокрым волосам.

Как же мало, оказывается, надо для счастья. Всего один короткий жест, даже без слов. На глаза навернулись слезы, и Саша уткнулась головой в жесткую ткань кителя.

— Ну, вот и все — считай, проблема решена. Правильно, Андрей?

Участковый, все такой же бледный, спрятал дрожащие руки за спину и молча переводил взгляд с Саши на брата.

— Ты ведь сможешь решить нашу проблему? — спросил Герман. Радостная интонация в его голосе сменилась беспокойством. Он пристально смотрел на Андрея. Тот отвел глаза. Немножко отстранил Сашу и взглянул на нее. Она съежилась и опустила голову.

— Та-ак, — протянул Герман и отпустил Сашины плечи. Отступил на шаг.

— Я, — начал было Андрей, но слова застряли в горле. Натужно кашлянул и, не поднимая глаз на брата, ответил: — В этой ситуации я ничем не могу помочь.

Саша взглянула на него с ненавистью. Сколько раз

за последние два месяца она слышала от участкового эти слова!

Герман перехватил ее взгляд. Прищурился.

— Саша? — обратился он к ней.

— Герман, я...

Слова не шли. Так уже было.

Герман помнил. Кивнул.

— Андрей?

Участковый тяжело сглотнул. Он по-прежнему не смотрел брату в глаза — не мог выдержать его взгляда.

— Герман, в инструкции все прописано предельно четко, и я не могу выходить за ее рамки. Я не имею права одобрить Сашины документы на въезд в Россию, пока не разрешится проблема с ней и с ее... с вашим ребенком.

— С моей зарплатой я накоплю на одну генетическую коррекцию в лучшем случае за два года. Значит, пусть мой ребенок живет в буферной зоне? Так?

— Герман, я не имею права, — тихо, но твердо ответил Андрей.

— Хорошо же в ВУЗТах над вами поработали, — поморщился моряк.

Горькая ирония прозвучала в его голосе так отчетливо, что участковый вздрогнул. Но, кажется, не понял ее причины.

Герман повернулся к Саше. Взял за подбородок, приподнял голову. Долго вглядывался в глаза, словно что-то искал.

Нашел. Крепко взял за руку.

— Пойдем, — только и сказал он и развернулся к трапу.

Свободной рукой Саша схватилась за рукав жесткого кителя, изо всех сил сжала грубую ткань. Ни за что не отпустит. Потому что в рассыпающемся вокруг нее мире это единственное, за что ей можно держаться.

— Герман, она должна вернуться на участок!

Моряк не оборачивался.

— Ты слышал меня, Герман? Она должна вернуться в буферную зону. Ты не можешь ее так просто взять и

забрать. К тому же нельзя приводить гражданских лиц на военный крейсер. Герман? Герман, ты слышишь меня?

Герман продолжал подниматься по ступеням, крепко держа Сашу за руку.

— Герман, я буду вынужден поставить в известность командира корабля!

— Не трудитесь, молодой человек, я уже в курсе, — раздался голос откуда-то сверху.

Герман вытянулся и отдал честь. На причал спускался подтянутый темноволосый мужчина с седыми висками и удивительно ясными глазами.

— Можете не беспокоиться — ситуация под контролем, — сказал он, встав напротив участкового.

Безусловно, Андрей видел две звезды на погонах. И все-таки продолжил:

— Но ведь и вы не имеете права санкционировать нахождение гражданских лиц на вашем крейсере. Я... — на миг запнулся, потом продолжил: — Я вынужден буду доложить об этом инциденте в соцнадзор, а те доведут это до сведения генштаба ВМФ.

— Сколько вам лет? — спокойно спросил командир, не обратив внимания на его речь.

— Двадцать один... А что?

— Ничего, — вздохнул Устинов. — Первый выпуск ВУЗТов, да?

Участковый коротко кивнул. Капитан покачал головой.

— Что ж, теперь я знаю, *что* сделают из моего младшего сына... — Отвернулся. — Герман, можешь идти. Мы на стоянке еще две недели. Думаю, я успею оформить тебе кредит. Если понадобится, то выделю внеочередной отпуск.

— Спасибо, товарищ командир, — отсалютовал Герман и быстро направился к трапу, по-прежнему крепко держа Сашу за руку. Она не отпускала жесткий рукав его кителя и не отставала от него ни на шаг. Торопилась — и беспокойно оглядывалась.

Под дождем все еще стояли капитан и участковый, и последний упрямо продолжал:

— Это же прямое нарушение... Я вынужден буду доложить...

Устинов смотрел на участкового недоуменно и разочарованно и, казалось, вообще его не слушал, а затем внезапно перебил и задумчиво сообщил непонятно кому:

— Так вот оно какое — наше новое поколение.

Потом развернулся и стал не спеша подниматься по трапу.

А с сырого причала серьезными серыми глазами участкового Андрея Степанова вслед кавторангу Устинову еще долго смотрело будущее.

ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ

СБОЙ СИСТЕМЫ

Черная жирная земля так и летела из ямы — Олег копал с энтузиазмом, вкладывая в работу все силы. Лопата с хрустом входила в слегка влажный грунт, поворачивалась, устремлялась вверх, сверкала в лучах заходящего солнца и, расставшись с очередной порцией выкопанной земли, падала вниз. Иногда, впрочем, Олег не бросал грунт вверх сразу, а внимательно рассматривал его. Ничего особенно интересного на лопате не оказывалось: земля, мелкие камушки, корешки.

— Любо-дорого наблюдать за твоим рвением, — прокомментировал старания Олега подошедший к яме Игорь. — Червей, что ли, копаешь?

Олег грязной рукой вытер со лба пот, едва не сбив очки, и, прищурившись, поглядел на Игоря снизу вверх. Потом оперся на лопату и коротко выдохнул:

— Бот?

— Что «вот»? — не расслышал Игорь.

— Да вот размышляю, бот ты, Лимарев, или нет, — заявил Олег. — Похоже, что нет, хотя в таких делах никогда нельзя быть уверенным полностью.

— Ты в шутеры переиграл, что ли? — насторожился

Игорь, косясь на лопату в руках приятеля. Сейчас как звезданет ею по голове... Главное при таком развитии событий — не тратить время на увещевания, а вовремя смыться. Потому что драться с Олегом у Лимарева не было совершенно никакого желания.

— Какие уж там шутеры, — спокойно ответил Олег. — К игровому компьютеру уже два дня не подхожу.

— А к рабочему?

— По мере надобности.

— Ну а роешь что? Окоп?

— Все тебе то черви, то окоп, — фыркнул Олег, выбираясь из ямы и отряхивая порядком испачканные землей джинсы. — Я артефакты искал. Понимаешь?

Тут Игорю стало по-настоящему не по себе, и он даже сделал шаг назад. Да, Лимарев был весьма успешным архитектором, ездил на хорошей машине, имел влиятельных друзей — но тем больше он не любил конфликтные ситуации. Хулиганов и гопников обходил десятой дорогой, да и с сумасшедшими дел старался не иметь.

Убегать Игорю было как-то не к лицу, да и приятелю, возможно, требовалась помощь, поэтому он пересилил себя и осторожно спросил:

— Что ты искал, не понял?

— Артефакты. Сразу заявляю: к компьютерным играм они не имеют совершенно никакого отношения. Если оставить сам термин «артефакты» в покое, можно сказать, что я хотел посмотреть, как устроен грунт на глубине.

— Как устроен грунт? — совершенно растерялся Игорь. — Да ты здоров, Горбатов?

Земля лежала около ямы большой черной кучей, и даже то, что Олег называл ее «грунтом», было странно, не говоря уж о том, что грунт как-то должен быть устроен. Равно странным казалось и то, что его приятель испортил отличную клумбу перед домом. Можно сказать, полностью уничтожил. Только несколько оранжево-черных бархатцев уцелели на краю ямы метровой глубины.

— Не знаю, здоров ли я, — честно признался Горбатов. — Меня какие-то сомнения одолели. Насчет себя, да и насчет всех остальных тоже. Вот порой смотришь на человека — и понимаешь, что он не живет, а номер отбывает. Губами шевелит, рассказывает что-то, ходит. А на самом деле — кукла. Массовость создает, и только. Одним словом — бот. Хочешь, пойдем ко мне, чаю выпьем. Поговорим.

— Ну, пойдем, — не слишком охотно согласился Игорь. — Хотя я чаю не хочу. Лучше бы пива.

— У меня аллергия, — сообщил Олег.

— На пиво?

— Нет, на пыльцу. Но алкоголь способствует. Представляешь, как оно все устроено?

Заявления приятеля Лимарев не понял, но счел нужным кивнуть. Вообще-то хороший парень Олег: всегда компьютер мог посмотреть, программу нужную установить — и цену не ломил, почти бесплатно все делал. Характер у него мягкий, не скандальный. А что парень со странностями — так у кого их нет? Правда, сегодняшние странности казались совсем уж странными...

Горбатов между тем кинул лопату в яму, проводил ее взглядом и как-то горестно покачал головой.

— Надо же, лопата — копательный инструмент. И конструкция совсем простая, — ни к селу, ни к городу заявил он. — А поди придумай такую лопату, разработай под нее грунт...

Прошли в дом — благо Олег решил выкопать яму в десяти метрах от крыльца. Скрипнули деревянные доски в прихожей, заскрипели дверные петли. Дом Горбатова, хоть и не был слишком старым, весь поскрипывал. Даже выключатели работали с какими-то скрипучими щелчками.

— Так, значит, чаю не хочешь? — осведомился Олег.

— Почему, налей, если сам будешь, — Игорь решил поддержать товарища, чего бы ему это ни стоило. Тем более лопата осталась в яме, а худой и щуплый Олег вряд ли мог причинить ему серьезный вред в рукопаш-

ной схватке. Впрочем, Лимарев искренне надеялся, что до этого не дойдет.

Горбатов включил электрочайник, присел на табурет рядом с кухонным столом и как-то вымученно улыбнулся. Игорь, не дожидаясь приглашения, уселся в кресло. Большая комната служила Горбатову и кухней, и столовой, и гостиной, соответственно, мебель в ней имелась самая разная. Пахло здесь старым деревенским домом: немного воском, немного медом, чуть-чуть известкой и довольно сильно — сухими травами.

— Функция — налить чаю. Функция — чай, — проговорил Олег. — Понимаешь, как все это выглядит, Игорь? Понимаешь, как выглядим мы с тобой? Обмениваемся информацией в реальном времени, беседуем, словно два античных мудреца. Есть ли в этом смысл? Пристойно ли это? Почему мы должны пить чай и мило беседовать, вместо того чтобы просто обменяться пакетами информации?

— Давай обменяемся пакетами, — хмыкнул Игорь. — Какую информацию ты хочешь получить?

— Так ведь это ты подошел поинтересоваться, зачем я копаю яму. А я тебя не трогал.

— Ну да, мне любопытно стало. Не каждый день ты раскопками занимаешься. Да и яма посреди палисадника выглядит экстравагантно, а?

— Я и хотел выкопать ее в неожиданном месте.

— Тебе удалось, — подтвердил Игорь.

— Позволь тогда задать вопрос тебе, — Горбатов снял очки и прищурился. — А не было ли в твоем интересе умысла? Не затем ли ты спросил, чтобы отвлечь меня от работы, чтобы я не докопался до истины? Может, мне оставалось до истины два удара лопаты — и тут появился ты и заставил меня прервать в высшей степени интересное и познавательное занятие?

Закончив говорить, Олег рывком поднялся и направился к раковине. Открыл кран, принялся мыть руки и умываться — словно только сейчас вспомнил о том, что порядком испачкался.

— Поверь, я нисколько не хотел тебе помешать, —

тон Игоря стал поистине умиротворяющим. — Если хочешь, мы можем вернуться к яме и продолжить раскопки. Правда, у меня что-то нет настроения копать. Много работал, устал.

— За компьютером весь день просидел?

— Да. Такой дом проектирую — приятно посмотреть.

— Конечно, конечно. На все вокруг посмотреть приятно. Ты не замечал? Даже на то, что с первого взгляда выглядит совсем неприятным, — отозвался Горбатов. — Все так функционально, так эстетично. Эстетика, правда, разная, но даже в дохлой кошке есть что-то притягательное, не так ли?

— У тебя кот, что ли, умер? — спросил Игорь.

— Никогда в жизни не держал кота. Аллергия. Но, мне кажется, все могло бы быть по-другому — если бы прежде были заданы другие параметры. Другие граничные условия. Если меня запрограммировать по-другому.

В глазах Горбатова горел сумасшедший огонек, а губы растянулись в легком намеке на улыбку. Лимарев еще раз оглядел гостиную приятеля, заполненную вычислительными машинами и прочей электронной техникой. Два стационарных компьютера на столе, ноутбук на полке, игровая приставка под телевизором, ни к чему не подключенный сканер на стуле. А ведь была еще и спальня... Олег был программистом до мозга костей и мыслил соответствующими категориями.

— Ты рассматриваешь наш мир как компьютерную модель? — тихо рассмеялся Игорь, осознав, куда клонит приятель. — Слушай, Олег, такие мысли рано или поздно посещают каждого. Но, как мне кажется, вопрос о первичности нашей реальности остается и всегда будет оставаться открытым. Такие вещи нельзя изучить изнутри. Мы можем только верить или не верить.

Горбатов тщательно вытер мокрые руки льняным полотенцем, открыл тихонько скрипнувшую дверцу деревянного шкафчика и достал круглую зеленую банку с чаем.

— Цейлонский, — сообщил он. — Есть ли такая страна — Цейлон?

— Нет. Есть страна Шри-Ланка. Цейлоном она называлась раньше, — сообщил Игорь.

— Ты умный. Скорее всего, не бот, — с усмешкой поглядев на приятеля, констатировал Олег. — Или супербот, искуситель. Но в суперботов я не верю. В конце концов, глобальной программе, Системе, нет никакого дела до наших чувств, и подозревать, что она тщательно следит за тем, чтобы мы не докопались до истины, глупо и самонадеянно. В центре мира — не мы, точнее, не я. Но даже если и я — окружать меня элементами, которые тормозят мои попытки узнать что-то каждый раз, когда я пытаюсь выйти за флажки, малоэффективно. Такие неэстетичные решения — не в духе архитектора.

— Ты имеешь в виду великого архитектора? — спросил Игорь.

— Ну, не тебя же, — хмыкнул Горбатов. — А насчет чая — я не шучу. Может быть, цейлонский чай программируют где-то в Америке. Или в Европе. Например, в Швейцарии. Лично я не встречал человека, который бывал на Цейлоне. Скорее всего, этот участок карты еще недостаточно разработан.

— А как же поставщики чая? — Игорь решил принять правила игры. — Точнее, импортеры?

— Вряд ли чай программируется прямо на складах. Не исключено, что на кораблях. Согласись, корабль с чаем запрограммировать гораздо проще и надежнее, чем огромный остров. Корабль приплывает ниоткуда и уходит в никуда. Весь экипаж — ни о чем не задумывающиеся, не склонные к общению боты. Чай запрограммирован.

— Где тогда снимают фильмы о Цейлоне? — не сдавался Лимарев.

— Не смеши меня. Разве можно сравнить плоские демонстрационные мультики с созданием реальной картины? Сфабриковать программными методами фильм или телепередачу — пара пустяков. Ни объема, ни запахов, ни фактуры. Не то что корабли с чаем... Хотя на са-

мом деле я шучу. Скорее всего, Цейлон есть. И даже Луна есть. Искать нужно в другом направлении.

— В каком же? Копать ямы в своем палисаднике?

Горбатов кивнул, но пояснить свою мысль не успел — в дверь громко постучали. Мужчины невольно вздрогнули, но ничего страшного за дверью, конечно, не обнаружилось. Вежливо подождав после стука несколько секунд, в гостиную вошла Леночка — хорошенькая продавщица из магазинчика, торгующего разными необходимыми для дачников продуктами. Миниюбка Леночки выглядела вызывающе, стрижка каре подчеркивала красивую шею и приятный овал лица.

— Олег, я вам тростникового сахару принесла, который вы заказывали, — защебетала девушка с порога. — И спирта. А вот спиртовок нет — на складе и не слышали о том, что их сейчас выпускают. Керогаз можно заказать, только ждать придется пару недель.

Девушка часто улыбалась, то и дело поправляла непослушный локон. Было заметно, что хозяин дома ей нравится, и пришла она специально — иначе вполне можно было дождаться, когда он сам появится в магазинчике. На Лимарева Леночка тоже поглядывала — оценивающе. Он в ее магазин заходил редко, а парень был хоть куда.

— Ничего страшного, Леночка, я из Москвы сам привезу, — сказал Олег, поднимаясь и забирая у девушки коричневый бумажный пакет. — Чаю с нами хотите выпить?

— Нет, нет, не могу, — засмущалась Леночка, разглаживая рукой невидимые морщинки на блузке. — Работы по дому много. А у вас что, с водопроводом проблемы? Яма во дворе такая огромная...

— Мы с другом решили кое-что закопать, — изобразив на лице простодушие, заявил Горбатов. — Чтобы никто не узнал. До леса нести далеко и тяжело, вот мы и остановились на палисаднике.

Тихонько ахнув, Леночка попятилась к двери и неслышно выскользнула на улицу — даже половицы не заскрипели.

— Вот как ты считаешь — она бот? — спросил у приятеля Олег.

— Понятия не имею. Реакция на твое заявление вполне естественная. Даже больше скажу: зря девушку обидел.

— У ботов должны быть естественные реакции. Даже очень естественные, — улыбнулся Горбатов. — Но ты представь, каково это — тратить свое время на бота. Что может быть глупее?

Чайник щелкнул — вода вскипела. Олег насыпал заварки прямо в чашки и залил ее кипятком.

— Может быть, еще глупее заваривать чай таким способом, когда у тебя на полках стоит замечательный сервиз с чайником? — предположил Игорь.

— Заваривать чай глупо в любом случае. И пить его. Равно как и есть какие-нибудь пряники. Но еще глупее — ехать в Непал или Новую Зеландию, ведь можно посмотреть тамошние пейзажи по телевизору. Глупо покупать разнообразные деликатесы, когда можно обойтись хлебом, овощами и ограниченным набором белков. А любое общение — это прежде всего изучение самого себя. И неважно, с ботом ты общаешься или нет.

Игорь взял чашку, вдохнул аромат чая. Что бы ни рассказывал Олег о программировании жизни и тщете всего сущего, чай у него был хорошим, дорогим.

— Никак не могу понять, чего ты хочешь. Ты сам себе противоречишь.

— Чего я хочу? — хмыкнул Олег. — Да ничего особенного. Я хочу найти доказательство того, что наш мир запрограммирован. Какой-то артефакт, который выдаст компьютерную модель. Например, стальной лист под слоем почвы. Причем такой, который не пробьешь ни ломом, ни динамитом.

— Ну, откуда ему там взяться? Люди бурят скважины, добывают нефть, уголь. Метро строят, в конце концов. А ты хочешь найти ограничение по глубине у себя в палисаднике, в метре от поверхности?

Олег слегка смутился.

— На самом деле, может, и нет никаких шахт, — предположил он.

— Нет, шахты есть. Я даже опускался под землю — почти на километр, видел, как добывают уголь. А в метро ты и сам, полагаю, не раз ездил.

— Так-то оно так, но структура грунта, полагаю, при детальном исследовании может оказаться однородной. Должны существовать какие-то повторы, чередующиеся пласты. Зачем программировать грунт на много метров вглубь детально?

— Разве тут есть серьезная проблема? — спросил Игорь. — Так себе задача, достаточно ввести функцию случайного распределения. Нет, в земле ты артефактов не найдешь. Вот в небе — дело другое.

Горбатов довольно засмеялся:

— Ага, ты тоже понял, что к чему! И что же можно увидеть в небе?

— Скажем, спутники Юпитера. Ты их когда-нибудь наблюдал?

— Не доводилось.

— И мне тоже. А по их положению даже скорость света определяли. Читал?

— Что-то смутно припоминаю, — кивнул Горбатов.

— У меня дома есть подзорная труба. Пойдем посмотрим?

— На спутники?

— Ну да.

— Если спутников не окажется, это будет сильно.

— Еще бы.

Приятели оставили недопитый чай и вышли на улицу. Солнце уже село, но небо оставалось светлым. Звезд пока видно не было. Быстро холодало.

Лимарев зашагал к своему дому, Олег спешил за ним. Где-то вдалеке лаяли собаки. Потом послышался стук колес проходящей в километре от поселка электрички.

— Если собак программируют — да что там собак, комаров всяких, мух, — какие проблемы могут быть с

грунтом? — раздумчиво сказал Игорь. — Да и спутники, наверное, хорошо видны. Не так много в небе звезд.

— Не скажи. Каждый программист прокалывается в малом, — ответил Олег. — Насчет спутников ты здорово придумал. И, кстати, ты заметил, что комары почти все одинаковые?

— Да нет, разные бывают.

— Количество типов — не более ста, — уверенно заявил Горбатов. — А все оттого, что незачем на них тратить вычислительные мощности. И функции комаров очень ограничены — зудеть и кровь пить. В лампочку иногда тыкаться.

— Муравьи так вообще бессмысленно движутся, — поддержал мысль приятеля Лимарев.

— Точно. Вокруг муравейников — абсолютно невменяемая суета.

Дача Игоря была двухэтажной, на втором этаже имелся балкон. Но сразу на балкон приятели не пошли. Игорь включил компьютер, запустил программу имитации картинки звездного неба в реальном времени. Юпитер вечером ожидался на востоке, градусах в двадцати пяти над горизонтом.

— Еще было бы неплохо самим вычислить движение луны и рассчитать время затмений, — заявил Горбатов. — Мы ведь знаем о затмениях только со слов астрономов.

— Уверен — здесь противоречий не возникнет, — покачал головой Игорь. — Луна и Солнце — слишком крупные объекты. По их движению календарь рассчитан.

— Если следовать этой логике, то и спутники Юпитера слишком известны...

— Посмотрим.

Игорь установил на балконе высокий штатив, закрепил на нем подзорную трубу.

— Купил по случаю, — пояснил он. — Это вообще-то охотничье приспособление, не телескоп.

— Отлично, — криво усмехнулся Горбатов. — Гораздо лучше, чем телескоп.

— Почему?

Олег не ответил.

В ожидании темноты и появления Юпитера Игорь достал из бара бутылку двенадцатилетнего виски, и Горбатов, несмотря на аллергию, продегустировал живительную влагу. Виски не был похож на запрограммированный — пах вполне натурально и очень даже приятно.

Наконец в небе загорелись звезды. Юпитер было легко узнать — яркий, желтый, немигающий.

Игорь повозился с трубой, наводя ее на звезду, выдохнул:

— Здорово.

— Нет? — с замиранием сердца спросил Горбатов.

— Мне кажется, есть.

Лимарев уступил товарищу место у окуляра, и Олег увидел вокруг большой звезды четыре маленькие звездочки. Все они выстроились в линию. Три были рядом с Юпитером, одна — на приличном по сравнению с другими удалении.

— Наличие спутников ничего не доказывает, — заявил Олег.

Выглядел он расстроенным.

— Ну да, спутники не так сложно прописать. Четыре точки в небе.

— Их даже необязательно прописывать. В каждой подзорной трубе, в каждом телескопе можно ввести функцию дополнительного программирования. Недаром спутники не видны невооруженным глазом. Если бы мы могли сами построить телескоп, собрать его из линз, то увидели бы другую картинку неба. А телескоп — функция, он строит ту картину, которая требует от него система.

— Резонно.

Олег постучал по трубке импровизированного телескопа, нехорошо улыбнулся и сказал:

— Что, если мы тебя разберем, а потом опять соберем?

— Лучше не стоит, — встрепенулся Игорь. — Может, совсем это никакая не функция, а замечательная

подзорная труба, которую я только на прошлой неделе купил!

— Интересно, интересно, — продолжал размышлять Горбатов. — Микроскоп — тоже функция? Если смотреть на бактерий — действительно ли они будут существовать? Понятно, что в микроскоп мы их увидим, как и спутники в телескоп, но если мы сами изготовим линзы и соберем их — будут ли существовать бактерии?

— Для этого достаточно посмотреть на грязную тарелку, забытую в мойке на несколько дней.

— У меня грязных тарелок не бывает, — совершенно серьезно сказал Олег. — А что, правда плесень растет?

— Еще как.

— Может быть, может быть. Впрочем, ты ведь можешь быть ботом. И все твои доводы — доводы Системы. И подзорная труба твоя настроена специально — так, чтобы видеть спутники Юпитера, которых на самом деле и нет.

— Согласись, это уже смешно, — без улыбки заметил Игорь.

Они вернулись в комнату, Игорь взял с полки пачку сигарет, закурил. Горбатов поморщился, но промолчал.

— И зачем ты меня подозреваешь? — выдохнув дым, спросил Лимарев. — Можно подумать, я тебе что-то плохое сделал. Или в тебе мизантропия разыгралась?

— Нет, Игорь, к тебе я отношусь очень хорошо — даже если ты бот. Извини, конечно... Я совсем не хочу тебе обидеть. Мне просто нужно докопаться до истины.

— И ты хочешь достичь этого экспериментальным путем?

— Да.

— Не выйдет.

— Почему?

— Потому что Система — если она существует — должна быть серьезно защищена. На мелочах ее не поймаешь. Разве что на какой-то системной ошибке. Понимаешь, что я имею в виду под системной ошибкой?

Горбатов фыркнул. Он понимал.

Игорь вдохновился, глубоко затянулся и продолжил:

— Мы можем выйти на улицу и отправиться куда глаза глядят. Скажем, совершенно случайно выбрать улицу, на ней — чей-то дом, в доме — совершенно неизвестную нам квартиру. И выяснить, живет ли там кто-нибудь. Вполне возможно, что и нет. Если Система еще недостаточно проработана, боты на улицах не привязаны к ботам в жилье. По улицам бродят одни и те же люди, а квартиры пустуют.

— Я как раз полагаю, что система старая и проработана отлично, — сказал Горбатов. — И поймать ее можно на хранении информации. Точнее, на ее утере.

— Как?

— Назови мне самого бестолкового жителя нашего поселка.

— Зачем?

— Ты назови, потом объясню.

— Откуда же я знаю, какой из них самый бестолковый? — хмыкнул Игорь.

— Ну, любого, по своему выбору. Кто в Интернет не выходит, по телевизору смотрит только сериалы, книг не читает...

— Тогда, полагаю, тетя Шура. Соседка моя. Через дом живет. По скандальности с ней может поспорить Ангелина Павловна, но, может, она профессор на пенсии — близко я ее не знаю.

— Отлично. Сейчас тетя Шура дома?

— Понятия не имею. Может быть, в город уехала.

— Еще лучше. Пошли.

— Куда?

— К тете Шуре. Зачем — узнаешь. Ты не должен ее предупреждать.

— Хорошо, — вздохнул Лимарев.

На улице оказалось совсем холодно, к тому же поднялся ветер. Ледяные порывы хлестали в лицо. Деревья скрипели и раскачивались на ветру, небо затягивало тучами.

— Осень, — прокомментировал Игорь.

— Нас не хотят пускать, — проговорил Горбатов. — Мы на верном пути.

Окна одноэтажного деревянного домика не горели. Тети Шуры дома не оказалось. Игорь предположил, что она легла спать, но Олег покачал головой и ткнул пальцем в навесной замок на входной двери.

— Надо пробраться внутрь.

— Зачем? — страшным шепотом спросил Игорь.

— Там узнаешь.

Горбатов прокрался мимо палисадника к темному окну, зашуршал пыльной сиренью. Послышался стук и шепот:

— Форточка открыта!

— Ну, мы же не форточники, — попытался протестовать Игорь. — И — вдруг она вернется?

— Не вернется! Подсади меня. Я открою шпингалет.

Окно распахнулось настежь меньше чем через минуту. Можно было подумать, что Горбатов — профессионал в делах тайного проникновения в чужое жилье. Перелезть через низкий подоконник труда не составило.

Пахло в доме тети Шуры едой. Чем-то тушеным, вполне съедобным и в то же время — какими-то подгнившими овощами. Запах не был приятным или неприятным — просто чужим. Ориентируясь только по запаху, тайный посетитель мог почувствовать себя котом, забравшимся на незнакомую кухню.

— Тарелки с плесенью хочешь поискать? — спросил Игорь.

— Нет. Как ты думаешь, есть у нее книги?

— Вряд ли.

— И все же, если есть — нам может повезти.

— Ох, проклятый табурет! — голос Игоря раздался вслед за грохотом падения чего-то деревянного.

Олег достал из кармана фонарик — словно заранее готовился к акции, — включил его, поводил из стороны в сторону.

— Этажерка, — тихо сказал он. — Книги.

Книг оказалось всего несколько штук. Одна, «По пути чрезвычайного комиссара», выделялась толщиной и

броским названием. Горбатов передал фонарик Игорю, снял книгу с полки, открыл и нервно рассмеялся. Между страниц лежало несколько сторублевых купюр.

— Если бы мы искали их специально, никогда бы не нашли. Похоже, тетя Шура действительно считает, что такая глупость, как заглядывать в книги, не придет в голову никому.

— А что мы ищем? — спросил Лимарев.

— Сейчас, сейчас...

Олег снял с полки неприметную книжечку. Названия на коричневом переплете не было. Горбатов открыл ее, судорожно выдохнул:

— Вот он. Поврежденный файл.

— Что?!

— Какие-то файлы рано или поздно повреждаются. Люди и животные умирают, пища портится, снег тает... Но так запланировано, к этому мы привыкли. А книги, которые долго не берут в руки, файлы, к которым не обращаются, оказываются поврежденными.

— Что за чушь? Да это и не книга, наверное, а просто блокнот, — предположил Лимарев, сжимая фонарик до белизны в пальцах.

— Нет...

Горбатов снял с полки следующий том. Здесь на обложке можно было прочесть только несколько букв. Внутри книги попадались пустые страницы, абзацы, заполненные тарабарщиной из знакомых букв или какими-то непонятными символами.

— Вот! Вот! — с ужасом и восторгом повторял Олег. — Эти файлы никто не должен был открыть! Но мы оказались не в то время и не в том месте, наши действия не были просчитаны Системой. Мы нашли доказательство! Понимаешь?

— Я не знаю, — пробормотал Игорь. — Не знаю.

Вид книги с полустертыми, неправильными страницами его потряс. Неужели и правда ошибка Системы? Неужели Система существует?

Игорь перевел луч фонарика с книги на Горбатова — и обнаружил, что тот пошел рябью, как картинка

на телевизоре с плохой антенной, а потом словно бы потек.

С диким криком Лимарев отшвырнул фонарик в сторону, ринулся к едва видимому светлому проему окна. По дороге сбил столик, споткнулся о табуретку и вывалился на улицу. Там он не догадался пробежать вдоль стены, но с воем проломился через куст сирени и помчался прочь от дома тети Шуры, от страшного приятеля, который рассказал ему о ботах, но, по-видимому, оказался ботом сам.

Но чем бот отличается от настоящего человека? Что такое настоящий человек, если мир запрограммирован, а книги — не более чем файлы? Если на самом деле в природе нет ничего твердого, реального и надежного, если можно менять предметы изменением кода, словно с помощью магии — воздействием откуда-то извне системы. Или даже изнутри?

Может быть, настоящий бот — программа, устраняющая ошибки системы? Но каким образом она их устраняет?

Мысли Лимарева мчались галопом, а сзади раздавался топот. Игорь почувствовал, что ноги скользят по мокрой траве, что его настигают...

* * *

Александра Петровна, вернувшаяся из города поутру, обнаружила в своем домике разор и беспорядок. Мебель опрокинута, книги разбросаны, из открытого окна натекла лужа воды, в которой плавали несколько сотенных купюр. Уже через полчаса несчастная женщина делилась своими переживаниями с соседкой, Ангелиной Павловной:

— Страшно жить! Какие-то подонки ночью залезли, Линочка. Мебель сломали, окно нараспашку бросили, а деньги не тронули. Наркоманы, наверное.

— Наркоманы бы деньги забрали, — равнодушно отозвалась Ангелина Павловна. Глаза ее были совершенно стеклянными, старушка даже не моргала. — Сама небось напилась да накуролесила.

— И как у тебя язык поворачивается такое говорить, бесстыжая? — возмутилась тетя Шура. — Подумаешь, зять у нее непьющий, да еще и инженер! У меня дети тоже путевые — дочка вон в типографии работает, даже тебе сколько раз книжки бракованные на растопку приносила! А ты — тварюка неблагодарная, меня рюмочкой попрекаешь!

Очкарик с лопатой на плече, проходивший мимо, услышав разговор кумушек, дико захохотал.

— Олежка Горбатов, учительницы, Марины Владимировны сын, — мгновенно переключилась на новый объект Ангелина Павловна. — Вчера ямищу у себя в палисаднике выкопал, сегодня уже закопал. И цветочки сверху посадил — можно подумать, примутся они сейчас. Нечем людям заняться.

— Совсем беспутная молодежь пошла, — поддержала соседку тетя Шура. — Дармоеды. Ни картошку посадить, ни помидоры — только в телевизоры да компьютеры целыми днями таращатся, плееры из ушей не вынимают. Самыми умными себя считают, а что они понимают в жизни-то? Жизнь — штука сложная.

АЛЕКСАНДР СИВИНСКИХ

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Викуся перекатилась на живот, подставив солнцу румяные, замечательной формы ягодицы и узенькую спину с трогательно выпирающими лопатками, щелкнула ногтем по дужке инфоочков и с выражением процитировала: «Так кто же мы, эффективные менеджеры или банальные предатели?!» Минуты две шевелила губами, по-видимому читая статью, и капризно скривила губки.

— А ответа-то и не дал! Тоже мне, видный писатель!

Она повернула лицо к Герману (из-за плеча виднелись только серебряные купола инфоочков, полоска загорелого лба да задорно торчащие пучки желтых и голубых волос) и сказала:

— Слушай, а почему бы тебе не обнародовать свое мнение по этому поводу?

Герман скромно улыбнулся и заморгал, не проронив ни звука. Ему было очень тяжело смотреть девушке в глаза — но не из-за скрывающих их зеркальных полусфер, а из-за того, что смотреть хотелось на загорелые... В общем, на ее спину.

— Кончай отмалчиваться, — строго сказала Викуся. — Отдают твоих соплеменников-то. А вдруг их сейчас безжалостным образом расчленяют? Или того хуже — едят! Ты видел этих рьятто? Жуть, что за твари. Настоящие каннибалы!

Герман тяжело вздохнул. Сложившегося мнения по поводу живой дани каннибалам из космоса у него не было. В конце концов, отдавали всяких бродяг. Может, так даже лучше... Зато было у Германа желание. Необоримое. Он подобрался ближе к девушке и с трепетом лизнул ее в пятку. Викуся дернула ногой и засмеялась.

— Блин, чувак, если бы ты был человеком, я бы решила, что ты ко мне пристаешь.

«Если б я был человеком, так и случилось бы», — подумал Герман и лизнул Викусину икру.

— Уйди, безобразник!

В Германа полетела горсточка песка. Он ловко отпрыгнул.

— Ну нет, так просто ты не отделаешься!

Следующие десять минут они носились по пляжу, радостные, как дети на дне рождения. Страшная дань космическим каннибалам была напрочь забыта.

Потом вспотевшая, перепачкавшаяся в песке Викуся отправилась поплавать, а Герман остался охранять одежду.

Тогда-то его и поймали фурманщики.

* * *

В фургоне, куда два мужика с рожами дегенератов и ручищами молотобойцев забросили Германа, оказалось просторно. Блестящий железный пол с низкими гофрами резко пах какой-то химией. Должно быть, антисеп-

тиком. На пластиковых стенах виднелись неглубокие следы когтей — прошлые пленники зачем-то пытались оставить память о себе. В углу, постанывая, жалось несколько товарищей по несчастью, явных бродяг. На Германа они взглянули искоса и тут же отвели глаза — не то боясь, что он воспримет прямой взгляд как вызов, не то по трусости, въевшейся в тело глубже, чем грязь подворотен. Он пренебрежительно фыркнул и демонстративно повернулся к бродягам задом. Ложиться не стал, широко расставив ноги, утвердился в центре камеры. Он был совершенно уверен, что это идиотское недоразумение скоро разрешится. Под кожей на груди у него находился чип, помимо прочего содержавший полную информацию о хозяевах.

Фургон качнулся и поехал. В кабине загрохотала музыка — нейротранс пришельцев. Викуся говорила, что на человеческих самцов он действует как стероиды: вызывает прилив сил, подъем либидо и неодолимую ярость.

Похоже, так оно и было. После сравнительно недолгой поездки фурманщики резко изменились, причем не в лучшую сторону. И без того грубые, они сделались совсем бешеными. Бродяг вышвырнули пинками, а Германа схватили за лапы, раскачали и с гоготом метнули наружу.

Упал он на мягкое, но порадоваться такой удаче не успел. Потому что увидел, что это было.

Шерсть.

Огромная куча собачьей шерсти, испачканной кровью, мочой и экскрементами, чей запах пробивался даже сквозь вонь вездесущего антисептика.

* * *

Те же уроды, ценители нейротранса, долго поливали пленников химикатами из шланга с двумя наконечниками, похожими на головки хищных птиц. Растворы несколько раз менялись — как по цвету, так и на вкус, но пахли практически неотличимо. Бродяги во время мытья дважды обгадились; оба раза одновременно, точно

по команде. У Германа тоже крутило живот, но он стоически терпел. Затем фурманщики вышли из камеры, и она начала быстро наполняться горячим воздухом. Включились вентиляторы. Шкура высохла практически мгновенно, а еще через несколько секунд Герман почувствовал сильное головокружение и потерял сознание.

Очнулся он в алюминиевой клетке, дрожащим от холода. Шерсти на теле не осталось ни клочка. Сбривали ее, видимо, как придется — саднили многочисленные мелкие порезы. Почему-то сильно болела левая задняя лапа. Герман попробовал ею шевельнуть и едва не провалился в беспамятство снова — был вывихнут сустав. Похоже, чертовы подонки опять швыряли его, раскачивая за конечности. Однако самым худшим было не это. На груди отсутствовал приличный кусок кожи. Рану залеплял плевок скверного дермогена — коричневато-желтого и склизкого на вид, но на ощупь сухого, будто пемза.

Чип, вживленный Герману в раннем детстве, не только идентифицировавший его личность, но также стимулировавший мозговую деятельность и тем самым возвышающий над миллионами сородичей, отсутствовал.

Вот тут-то он не сдержался. Завыл.

Сначала он слышал только себя, но вскоре к его плачу начали присоединяться новые и новые голоса. Очень скоро вокруг стоял дикий, панический вой, и лай, и скрежет зубов о решетки. Эта какофония отрезвила Германа. Он захлопнул пасть и осмотрелся.

Вокруг возвышались штабеля однотипных клеток, составленных буквой П в пять рядов. Там, где клетки отсутствовали, располагались широкие ворота, под которые уходили рельсы вроде трамвайных. Верхние ряды пустовали, однако нижние были заполнены почти под завязку. Сотни псов всевозможных пород и размеров бились голыми телами о стенки узилищ.

Это было дико, это было жалко и — омерзительно. Ни капли благородства не осталось в бедных животных, ни пылинки самоуважения. Никчемный сброд горевал о своей бесполезной жизни. Герман вспомнил, что именно он стал катализатором этого безобразия, и со стыдом прикрыл лапой глаза.

Распахнулись ворота. В помещение вошли деловитые люди в масках, несущие баллоны с длинными узкими раструбами. Обитателям ангара баллоны были наверняка хорошо знакомы. Вой будто отрубило.

Сделалось страшно.

* * *

Четыре дня не происходило ничего примечательного. Пленников кормили безвкусной едой, поили водой с привкусом хлорки, а иногда «развлекали». Давешние дегенераты выпускали в центр помещения течную суку, нескольких кобелей — нарочно намного больше или меньше дамы размером — и, покуривая папиросы, набитые совсем не табаком, наблюдали за происходящим под ревущие пульсации инопланетной музыки. К своему ужасу, Герман чувствовал, что все это — техно-транс, принудительные собачьи свадьбы, раздражающий ноздри дым — начинает доставлять ему что-то вроде извращенного, злобного удовольствия. Ему уже почти мечталось поучаствовать в оргии, но вывихнутая нога лишала малейшей надежды на роль жениха.

А на пятый день все кончилось. В тюрьму заявились чужие. Рьятто. Восемь особей. Они и впрямь выглядели кошмарно. Двухметровый рост, багровая кожа, усеянная мучнистыми пятнами наподобие лишая, тонкие конечности. Вдавленные, но чрезвычайно широкие грудные клетки; животы, похожие на шапки пульсирующих пузырей. И в довершение, как квинтэссенция абсурда, крошечные головки херувимов.

Рьятто пересчитали пленников и залопотали тонкими голосами, неистово жестикулируя. Кажется, они были недовольны. Сопровождающий их мужчина в белом с зелеными накладками комбинезоне прижимал руки к груди, низко кланялся и бегло лопотал в ответ. Видимо, он умел убеждать. Интонации мало-помалу стали спокойнее, а вскоре разговор и вовсе прекратился.

Мужчина достал коммуникатор и сказал в него:

— Ну, вроде все. Пошумели, конечно. Четырнадцать

шавок лишних. Это же чудовищное нарушение договора! — Он хихикнул. — В общем, загоняй транспорт. Да поскорее. Сам знаешь, как тут воняет...

В помещение по рельсам вполз миниатюрный состав — несколько ярко раскрашенных вагончиков с открытыми боковыми стенками. Едва состав остановился, рьятто начали отпирать клетки и выхватывать оттуда псов. Каждого внимательно осматривали, прижимали к голове какое-то устройство, раздавалось низкое гудение, и обмякшее тело укладывалось в вагончик.

Удивительно, но ни один из пленников даже не пытался оказывать сопротивления.

Наконец очередь дошла и до Германа. Он оскалился, готовясь вцепиться в руку чужого, — а дальше будь что будет. Однако тот, едва взглянув на опухшую заднюю лапу, перешел к соседней клетке.

Вскоре все закончилось. Вагончики, нагруженные неподвижными собачьими телами, уехали, весело постукивая колесами. Следом отбыли рьятто. Человек в белом комбинезоне окинул взглядом четырнадцать клеток, чьи обитатели по тем или иным причинам приглянулись чужим меньше остальных, и произнес странную фразу:

— Эх, не повезло вам, бедолагам.

* * *

Зловещий смысл его слов прояснился к вечеру. В ангар пришли двое. Некрасивая пожилая женщина с хорошо различимой бородкой и усами и молодой человек в инфоочках. Очки были куда как поплоше, чем у Викуси. Бородатая женщина бесспорно главенствовала. Очевидно, именно поэтому движения у молодого человека были нервными, а голос визгливым. Герман и раньше замечал, что человеческие самцы, несмотря на многолетнюю историю феминизма, по-прежнему воображают себя вожаками стай и очень переживают, когда реальность беспощадно расходится с грезами.

— Берем этого! — Нервный очкарик устремился к одной из клеток.

— Не пойдет, — отрезала женщина и присела на корточки возле Германа.

— Почему? — склочно воскликнул очкарик. — Посмотрите, какой крупный экземпляр!

— Сереженька, — ласково сказала женщина, — бросьте валять дурака. Экземпляр, который вам приглянулся, сука. Притом беременная. А мне нужен кобель. И думается, я нашла как раз то, что требуется.

— Этот? Но, Диана Григорьевна, он же больной! Посмотрите, какая язва на груди. И нога сильно повреждена.

— Ногу мы ему вылечим. А то, что вы называете язвой, — след от извлеченного чипа.

— То есть? Хотите сказать, этот пес — модификант? Эй, Бобик, ты что, умный?

«Да уж не глупее тебя», — подумал Герман, приблизился к дверце клетки, взглянул сквозь решетку в добрые карие глаза Дианы Григорьевны и улыбнулся.

Женщина открыла защелку и поманила Германа наружу. Тот вышел, стараясь прихрамывать как можно меньше. Получалось не очень.

— Вот именно, модификант. Я давно ждала возможности поработать с таким экземпляром. К счастью, здешние работнички пошли мне навстречу.

— Так вы выбрали его заранее?

Диана Григорьевна не ответила. Поднялась с корточек и сказала:

— Возьмите его на руки, Сереженька. Видите, как ему больно.

Нервный Сереженька не слишком почтительно подхватил Германа под живот и грудь.

— Забираете красавца? А куда остальных? — спросил один из фурманщиков, когда они вышли из ангара.

— Усыпить, разумеется, — безразлично сказала Диана Григорьевна.

— Во, блин! Оказывается, и у собак тринадцать — несчастливое число!

Фурманщики загоготали.

Герман вздрогнул и зажмурился.

* * *

Следующие две недели его к чему-то готовили. Брали бесконечные анализы, пичкали инъекциями и микстурами, били слабыми электрическими разрядами и светили в глаза сильными световыми импульсами. Герман постоянно находился в пограничном состоянии между сном и бодрствованием. Он представления не имел, к чему идет дело. Без чипа мозг его стремительно возвращался в первобытное состояние. Инстинкты выходили на первое место. Герман почти перестал понимать сложную человеческую речь.

— Диана Григорьевна, вам не кажется, что мы не приближаемся к результату, а отдаляемся от него? — спросил как-то очкастый, с тревогой разглядывая пса, добрый десяток минут гоняющегося за собственным хвостом.

— Сереженька, — ответила женщина мягко, — вы прекрасный ассистент, лучший из всех, что у меня были, но никудышный ученый. Не обижайтесь, это в самом деле так.

— Я не обиделся. — Ассистент надул губы. — Кстати об ученых... Вы знаете, что движение «Молодая гвардия» объявило эксперименты с биологическими трансформаторами рьятто вивисекцией, а тех, кто ими занимается, — врагами человечества? Возле института Петра Денисовича третий день пикеты.

— Плевать я на них хотела. Клоуны и провокаторы.

— Да, но за ними стоят серьезные политические силы.

— На них я тоже плевать хотела. — Диана Григорьевна задумчиво потеребила волоски на подбородке и кивнула. — Впрочем, вы правы, эта возня мышей в сухом навозе может поднять в воздух немало едкой пыли. Стало быть, нужно спешить. Трансформацию запустим завтра.

* * *

Герман сидел за столом и пытался обуздать взбесившиеся вилку и нож. Проклятые приборы скакали в его руках, как блохи на дворняжке, и уже успели разнести

вдребезги миленькое фарфоровое блюдце с пастушком и гусями. Диана Григорьевна невозмутимо кушала пирожок и наблюдала за страданиями подопечного со вниманием экспериментатора старой школы, а Сереженька полностью погрузился в инфосеть: его ногти барабанили по дужкам очков-коммуникатора в ритме нейротранса.

Наконец руки Германа прекратили дергаться. Он начал поспешно загружать в рот мясное рагу. Сереженька сдвинул очки на лоб и объявил дрожащим голосом:

— В блогах сообщают, что институт Петра Денисовича подвергся нападению. Разрушены два из пяти биотранов. Погибло несколько питомцев. Имеются жертвы и среди сотрудников. Господи, — он помотал головой, — я сейчас есть не смогу!

— Я вам уже сто раз говорила, не читайте блогов перед едой.

— А что же читать?

— В ресторане — меню. — Диана Григорьевна отправила в рот остатки пирожка и промокнула губы салфеткой. — Здесь — вообще ничего.

— Кажется, я этот диалог уже где-то слышал, — сказал Герман. Он редко решался говорить, язык слушался не лучше, чем столовые приборы, но сейчас рискнул — и был вознагражден. Фраза прозвучала идеально.

Женщина усмехнулась.

— Не поверишь, все украдено до нас.

В этот момент снизу донесся звон бьющегося стекла.

— Ну вот, мыши добрались и сюда, — преувеличенно спокойно заметила Диана Григорьевна. — Идемте, Герман, я вас выведу.

— А как же я? — испугался Сереженька.

— А что вы? Вам ничего не грозит. В самом худшем случае дадут по морде.

— Морда у него, — крикнул ассистент, тыча трясущимся пальцем в Германа, — у меня лицо!

— Разумеется, — согласилась Диана Григорьевна. — Так постарайтесь не терять его, мой друг.

Она быстро повела Германа к черному ходу. Лифта

там не было, пришлось спускаться по лестнице. Затем они бежали через лабораторию (у Германа при виде коконов и манипуляторов биотрана в груди сжался болезненный ком), затем — долго — по каким-то пыльным коридорам. Наконец через низенькую дверь вышли в огромное помещение, заполненное мобилями. Кажется, это была стоянка под гипермаркетом. Диана Григорьевна уверенно прошагала к зелененькому «Смарту», открыла его и отдала ключи Герману.

— Теперь эта машина ваша. В бардачке — документы. Кредитка, водительские права, магнитный ключ от квартиры, инфоочки. Адрес квартиры заложен в память очков.

— Я не умею водить, — сказал Герман.

— Ничего сложного. Намного проще, чем управляться с вилкой и ножом.

— А как же вы?

— Со мной все будет в порядке. Я скоро свяжусь с вами. Ну а если нет... недельку постарайтесь никуда не высовываться. Продуктов в холодильнике достаточно. Дальше — решайте сами. Ну же, поезжайте. Мне надо возвращаться. Прощайте. — Диана Григорьевна зашагала назад.

— Зачем вы создали меня? — спросил Герман у сутулой женской спины.

— Не знаю. Из любопытства. Из чувства противоречия. А может, просто хотелось почувствовать себя матерью. Хотя бы суррогатной.

Она ушла, так и не обернувшись.

* * *

За неделю с ним никто не связался. Очки были настроены лишь на несколько официальных новостных лент. Об «антививисекторских» акциях молодогвардейцев в лентах сообщалось скупо, да и то преимущественно в восхищенных тонах. Герман пытался запустить поиск альтернативной информации, но тут, на беду, его настиг очередной приступ пляски Святого Витта. Когда

судороги утихли, от очков осталась только блестящая пластиковая крошка да искореженные проволочки дужек.

На восьмой день Герман решился выйти из квартиры. На десятый, одиннадцатый и двенадцатый приводил в нее девушек, так или иначе напоминающих Викусю, а на тринадцатый не успел. В середине дня к нему заявились рьятто. Восемь особей. Один из пришельцев, чье ангельское личико уродовали чешуйчатые накладки, а гроздь пузырей свисала с живота почти до пола, умел говорить по-человечески. Герман молча выслушал все, что ему рассказал чужой, после чего так же безмолвно указал рьятто на дверь. Они ушли, но обещали вернуться.

На четырнадцатый день (похоже, это число становилось для него счастливым) Герман вплавь добрался до пляжа, где любила загорать Викуся.

Она и в этот раз оказалась там. Из одежды на ней были только инфоочки. Все те же роскошные зеркальные чаши, стоившие, как знал теперь Герман, не меньше, чем его «Смарт».

— Привет, — сказал он, выходя из воды. На нем не было даже очков, лишь крошечные наклейки аудиодермов на ушных раковинах. В голове пульсировал нейротранс, в крови — все то, что эта музыка возбуждает в мужчинах. — Разрешишь позагорать рядом с тобой?

— Привет... — Викуся в первый момент растерялась, но быстро успокоилась. Человеческая внешность Германа была крайне эффектной и производила на женщин исключительно благоприятное впечатление. Как в одежде, так и без. Особенно без. За последние дни он уверился в этом абсолютно. — Ну, загорай, если не маньяк.

— О нет. Всего лишь андалузский пес, бегущий краем моря.

— Подозреваю, это цитата, — сказала Викуся. — Проверяешь мою эрудицию?

— Что ты! Скорей демонстрирую свою. Кстати, я Луис. Хоть и не Бунюэль. А ты?

— Виктория. Слушай, Луис, мы не встречались рань-

ше? Как будто промелькивает что-то знакомое... — Она навела на Германа очки, провела ногтем по оправе, запуская поиск.

— Вряд ли. Такую девушку я бы запомнил.

Герман был спокоен. В Викусиной базе контактов его новая внешность отсутствовала совершенно точно.

— Мсье, вы льстец! — Девушка очень откровенно потянулась. — А я, похоже, ошиблась. Искупаемся?

— С удовольствием...

В воде они пробыли полтора часа, из которых собственно плаванье заняло не более минуты. Ровно столько времени Викуся «удирала» от Германа. Потом они лежали на берегу. Герман слизывал с кожи девушки кристаллики соли.

— Ты точно щенок! — со смехом сказала она.

Герман дурашливо зарычал, тявкнул и куснул ее за плечо. Викуся от неожиданности дернулась.

— Но-но, нежнее! Я из-за тебя чуть очки не повредила.

— Прости дурака. Очень уж аппетитно выглядит. — Герман приподнялся на локте. — Кстати, откуда у тебя это чудо? Они же дорогущие как черт знает что. Ты дочь миллионера?

— К сожалению, нет. А, долгая история...

— Я никуда не тороплюсь. Зато слушать твой голос могу вечно!

— Ну... — Викуся замялась. — Короче, у меня был ретривер. Не обычный, а модификант. С чипом, повышающим интеллект. Отец на шестнадцать лет подарил. Надоел он мне жутко — гуляй с ним, корми его, ухаживай...

— Отец? — спросил Герман.

— Молодец, смешная шутка. — Викуся потрепала его по голове. — А тут эти рьятто объявили, что хотят получить сто тыщ миллионов собак и можно сдавать своих питомцев за деньги. Я ради интереса узнала, сколько стоит псина с чипом. Оказалось, до фига. Вот и заключила договор. Рьятто выплатили деньги вперед. На них и купила очки. А чтоб родителей не расстраивать,

договорилась с фурманщиками. Те ретривера у меня и увели. То есть как бы увели. Сейчас он, наверное, уже в глубоком космосе.

— Или в консервной банке.

— Вот, кстати, да. Никто ведь толком не знает, зачем им наши собаки.

— Знакомые в клубе говорили, что для колонизации. Слышала о биологических трансформаторах? Рьятто собираются превратить собак в гуманоидов и заселить какую-то планету.

— Глупо, по-моему. Заселялись бы сами.

— Нельзя. Там уже имеются аборигены. Развитая цивилизация, все дела.

— И рьятто, конечно же, хотят этих аборигенов извести или поработить с помощью своих собакошпионов. Верных и преданных новым хозяевам, как псы!

— Точно! — Герман вымученно улыбнулся.

— Ох, мужики, какие же вы дети! — Викуся расхохоталась. — Ладно, пойдем еще поплаваем.

— Беги, я догоню.

В ушах ревел нейротранс. Биение инопланетного ритма складывалось в одну и ту же фразу. «А ты не верил. Ты не верил. Не верил...»

Герман встал на четвереньки, запрокинул лицо к небу и беззвучно завыл.

ОЛЕГ БОНДАРЕВ

ЗВЕЗДНОЕ НАСЛЕДСТВО

Многие мои друзья собирают марки. Они души не чают в этих чертовых квадратиках с рифлеными краями, на которых изображено все, что только на ум придет недалекому художнику, — от коалы до самолета братьев Райт. Мои друзья таскают на заседания идиотских клубов огромные толстые альбомы, которыми при желании можно сокрушать головы или гвозди в стены

вбивать. Даже чертов миллион марок не весит столько, сколько весит этот гигантский альбом.

Но кто-то готов отвалить целую кучу зеленых за крохотное изображение панды, раскачивающейся на ветке.

По мне, так это полный идиотизм.

Недалеко ушли нумизматы — собиратели старинных монеток. Еще чуть дальше — те, кто срывает горло на аукционе, где торгуют антиквариатом, и с довольной улыбкой уносит домой бездарную мазню бездарного маляра, купленную за три миллиона зеленых.

И ближе всего ко мне те, кто тратит суммы с кучей нулей за единицей на накладные усы Курта Кобейна, которые на самом деле вчера сделал находчивый продавец. Сделал как раз для таких идиотов.

И все же я считаю свой труд в большей степени интеллектуальным. Это не просто мания — это разумные шаги. На что это похоже? Игра на бирже — в яблочко. Когда ты не можешь просто стоять на месте, ты должен делать умные ходы по всем фронтам, не пытаясь развить успех на одной узенькой дорожке.

Так и здесь.

Начинать лучше всего с похорон — пока другие фэмилисты не насели на несчастное семейство... до меня. Нет, разумеется, не я один такой умный: другие опытные коллекционеры тоже начинают оттуда. Каждый раз, как я иду на кладбище, чтобы скорбеть о мистере Джонсоне или мистере Джеймсе, я знаю, что встречу как минимум двух конкурентов.

Впрочем, они редко доставляют мне хлопоты, потому что я слишком хорош.

Наверное, вам интересно, кто такой — этот таинственный я?

Как сказано выше — фэмилист.

Все еще неясно?

Я коллекционирую семьи знаменитостей.

Скажу сразу — это развлечение не для бедных. Фэмилисту приходится немало тратить, прежде чем он получит вожделенное семейство: сначала вы платите за

билет до, скажем, Марса, где проходят похороны, по дороге в космопорт покупаете шикарный венок, а когда поближе знакомитесь с вдовой и ее милыми детишками, вас начинают трясти, как свинью-копилку. То есть сначала осторожно, потом сильней и сильней... Если вы вовремя не остановите их, в конечном итоге вас попросту разобьют на десяток осколков и отберут последнюю мелочь. Скажу по секрету, останавливаются далеко не все — многие становятся жертвой азарта. Как в рулетке — вы ставите, ставите, ставите... пока в один прекрасный момент не осознаете, что ставить уже нечего и что последние три кона вы толкали на двойное зеро оторванную пуговицу.

Слава богу, со мной такого никогда не случалось.

Впрочем, вас далеко не всегда трясут. Трясут лишь те, кто не любит — из вредности. У звездных вдов, как правило, имеется нехилое наследство, оставленное богатеньким муженьком, и, если женщины вас полюбят, они будут купать вас в роскоши. Вам не дадут потратить даже полцента — если вас любят.

Признаюсь честно, целью игры является именно она — любовь.

Потому что только любящая жена может вписать мужа в завещание.

И вот, когда вас официально туда вписывают, вы ждете месяцок-другой и звоните в контору Билли Дрейка.

— Билли, — говорите вы. — У меня есть для тебя три жизни.

И Билли ухмыляется — так, как умеет только он один. Вы договариваетесь, во сколько ему подъехать, и в назначенный час он у вас, и он забирает их жизни — жены и двух малышей, дочки и сына. Все выглядит чисто, хоть и странно — будто бы у всех троих разом отказало сердце. Никаких следов насилия, отравления, в них никто не стрелял и не бил их ножом. Да, это подозрительно. Но никто не сможет доказать, что это убийство, потому что следов насилия нет, а Билли Дрейк официально не существует. Билли Дрейка не видят камеры и фотоаппараты, не слышат диктофоны и другие средства

записи, и у него нет отражения — как у вампира из глупого ужастика, только взаправду. Подобные ему типы встречаются очень редко, вот в чем проблема. Таких, как Билли, один на два миллиона. Или на три.

Сложно сказать, как он вынимает жизни. Он просто достает три контейнера, делает движение бровью, и три тела шумно падают на пол. После Билли закрывает контейнеры, убирает их обратно в сумку и, получив свое вознаграждение, уходит.

Не знаю, связан ли Билли с кем-то еще из фэмилистов. Ему я этот вопрос задать не решаюсь. Впрочем, просматривая утреннюю газету, я не нахожу никаких иных «обезжизненных», кроме тех, которых для меня приготовил Билли.

Я нашел Билли случайно. Случайно увидел, как он лишает жизни двух бродяг в переулке, и решился подойти. Заинтересованный, я завел с ним беседу — прекрасно понимая, что это игра с открытым огнем, но не в силах удержаться от вопросов.

Мы быстро сдружились. Билли отлично знал свое ремесло, а я готов был хорошо заплатить — тогда я только-только стал фэмилистом и уже порядком устал от первой вдовы, с которой свела нас судьба. Билли был идеальным инструментом для удаления надоедливой супруги и ее сорванца-сына из моей жизни, и я, не задумываясь, этим инструментом воспользовался.

Для остальных фэмилистов успех предприятия — в самом завещании, в том, сколько они получат после смерти жены. Для меня важней количество завещаний. Остальные фэмилисты чертовски завидуют мистеру Джонсу, мистеру Уильямсу, мистеру Лестеру, которые все на самом деле являются мной одним, потому что у всех этих трех ипостасей в разное время скончались их богатые жены.

Остальные фэмилисты занимаются этим, чтобы прийти в бар и за кружечкой пива сказать, обняв коллегу за плечи: «Ты знаешь, а меня ведь вписала в завещание вдова Зига Рурка. Наверное, я стану чертовски богатым, когда она умрет!» Обычно спустя год-другой такие ти-

пы пытаются собственными силами приблизить этот заветный момент под названием «когда она умрет», попадаются и получают пожизненное — за мошенничество, за убийство, за весь букет своих преступлений.

Я же не жду, пока мне надоест быть чьим-то мужем. Я подхожу к этому с холодной головой. Едва я в завещании, я звоню Билли. Мне незачем хвастаться перед другими. Я знаю, что я — лучший в своем деле, и мне вполне хватает собственного признания.

Честно сказать, с каждым годом работать все сложней и сложней. И дело тут не в возрасте, потому что возраст давно научились скрывать за множеством всевозможных операций. Дело в том, что звездные вдовы, наслышанные о прогоревших фэмилистах, либо становятся чересчур подозрительными, либо, напротив, чересчур приветливыми. В первом случае они не хотят иметь с вами ничего общего. Во втором — напротив. Однако будьте готовы к тому, что однажды эта приветливая мордашка, все также солнечно улыбаясь, разобьет вас, как свинью-копилку.

Я, признаюсь, нередко ввязывался в авантюры, пытаясь подобрать ключики и к первой категории, и ко второй. В начале моей карьеры фэмилиста я тяготел к простым вариантам, когда вдова сама ищет утешения у первого встречного... но эта простота вскоре наскучила, и я стал воротить нос от женщин, которые сами бросались мне на шею.

Благо пока что я побеждал, хотя попадались мне и крепкие орешки, и настоящие акулы. Опыт делал свое дело, Билли — свое, и мы втроем неплохо справлялись.

История, которую я хочу вам поведать, началась через два месяца после моего пятидесятилетия. Я отлично спраздновал его с очередной моей пассией, внучкой Адама Сэндлера, и миллионами моих друзей, получил массу хорошего настроения и огромное количество самых разнообразных подарков... Но главный мне преподнесла, конечно же, Лана — вечером, когда мы остались одни в нашей огромной спальне ее шикарного

трехэтажного особняка, она наклонилась к самому моему уху и прошептала:

— Поздравляю тебя с третью жизни, дорогой.

И вложила в мои руки завещание, где значились мое имя и фамилия. Мне оставалось только поставить подпись, что я и сделал, отблагодарив Лану поцелуем. После был жаркий секс, после она, обняв меня, уснула, а я, потянувшись к телефону, набрал номер Билли и сказал:

— Десятого сентября в семь. Керри-роуд, двадцать три, две жизни.

Он сказал «угу» и отключился. Я положил трубку на рычаг и обнял Лану. Она была мягкая, теплая и податливая. Прижавшись ко мне всем телом, она замурлыкала во сне.

Я вздохнул и, чмокнув ее в темя, закрыл глаза.

И все же с каждым разом все сложней.

С годами трудней избавиться от привязанностей. Чем дальше, тем горше на душе, тем чаще думаешь, какая же ты лицемерная сволочь. И тем крепче прижимаешь ее к себе в последнюю ночь.

Или это ты сам прижимаешься к ней, потому что тебе так страшно от собственных действий, что в одиночку стерпеть просто невыносимо?

Черт, кажется, я становлюсь сентиментальным. А это для моей профессии недопустимо.

Мы славно провели те два месяца — слетали на Венеру, отдохнули, Маргарита даже с пареньком каким-то познакомилась и теперь перезванивалась с ним по Скайпу...

А потом мы вернулись в особняк, и я стал ждать Билли.

Ждать звонка в дверь, который раздастся десятого сентября точно в семь — ведь Билли никогда не опаздывает.

И тогда Лана и ее дочь Маргарита лишатся жизней.

Я никогда не говорю «умрут», когда речь идет о Дрейке. Билли не убивает. Он просто лишает жизней.

Он, скорее, грабитель или вор, но уж точно не убийца.

* * *

Звонок в дверь разбудил нас. В этом доме жильцы не привыкли вставать раньше десяти, потому что не знакомы со словом «работа».

— Кто это, черт бы его побрал? — пробормотала Лана.

В общем и целом она была вежливой девушкой, однако в подобные моменты людям обычно не до вежливости: спросонья даже интеллигент может ругнуться.

— Не знаю... — вяло пробормотал я, и лишь потом меня клюнуло: это ведь Билли! — Я посмотрю.

Облачившись в атласный халат, я влез в мягкие тапки и, насвистывая, отправился вниз. Я волновался, как и всегда в такие моменты, однако это был, скорее, не страх, а предвкушение момента.

Провернув ключ в замке, я открыл дверь. На пороге стоял Билли со знакомой сумкой «Найк» на плече. Он улыбнулся мне своей щербатой улыбкой и сказал:

— Утро, мистер Чистер.

Это имя придумал я. Мы с Билли договорились, что он будет звать меня именно так и никак иначе. Хотя на самом деле это были всего лишь строчки из дурацкой рекламы моющего средства, а вовсе не моя фамилия.

— Утро, Билли, — сказал я, вытирая заспанные глаза и потягиваясь. — Проходи. Детская на втором слева, наша спальня — в правом крыле.

— Вы снова не составите мне компанию?

— Нет. Я пойду умываться.

— Выглядите растерянным, — заметил Билли.

— Это спросонья.

— Да ладно! — фыркнул Дрейк. — Что-то случилось?

— Да нет, все в порядке.

— Ну, как знаете, мистер Чистер, — пожал плечами Билли и стал медленно подниматься по лестнице.

Я проводил его взглядом, покуда он не скрылся из виду, шмыгнув за дверь детской. Постоял чуть и пошел умываться.

Открыв синий кран, я сунул голову под струю ледя-

ной воды. Зажмурившись, стал фыркать и плеваться. Перед глазами расплывались красные круги, а затылок будто онемел, но я упорно не выключал воду.

Это здорово освежает — холодный душ ранним утром. Мысли, которые сплелись за ночь в тугой клубок, разлетаются в разные стороны, а потом начинают осторожно, аккуратно, по порядку, размещаться в ячейках мозга.

Когда я остановил ледяной поток и выпрямился, мое сознание было ясным, как никогда. Я насмешливо смотрел на себя самого пятиминутной давности — трясущегося, раздираемого волнениями придурка, который забыл, зачем он здесь. Который вел себя как дичь, а не как охотник.

Теперь я смеялся над собой пятиминутной давности. Смеялся, выходя из ванной. Смеялся, поднимаясь вверх по ступенькам, на второй этаж.

Я закончил смеяться, когда толкнул двери нашей спальни и вошел внутрь.

Все было кончено.

— Вот так вот, мистер Чистер, — Дрейк хлопнул меня по плечу и улыбнулся своей чертовой улыбкой. — Чистая работа, как всегда.

Для него это всегда было игрой. Веселой, беззаботной. Если бы кто-то назвал его убийцей, он бы искренне удивился.

В такие моменты я понимал, что Билли — дегенерат. Если вы смотрели классический фильм позапрошлого столетия «Я, Сэм!», вы знаете этот вид недоразвитых людей — тех, кто остановился в развитии на десяти годах.

Билли умел подходить к телефону, готовить яичницу с беконом и отбирать жизни. Еще он умел ездить на мотороллере. И на этом, пожалуй, все. Немного талантов, прямо сказать. Но умение вынимать жизни компенсировало многие недостатки. За эту способность я платил Билли баснословные деньги, и он жил как король. Мы оба жили как короли — благодаря наследствам, полученным мною от прежних жен.

Я подошел к Лане, поправил одеяло и направился к двери. Эта комедия нужна была для камер. Чтобы потом копы ни в чем не могли меня заподозрить. Затем я проводил Билли до двери, украдкой сунул ему в карман пухлую пачку зеленых и, распрощавшись, вернулся в спальную.

Теперь комедия превратилась в драму. «Поняв», что Лана не дышит, я закричал, заметался по комнате, потом разрыдался, присев на край кровати, и судорожным движением набрал номер службы спасения.

Через час у моего дома было две машины — полицейская и «скорой помощи». Я растер глаза, чтобы казалось, будто я действительно плакал, как девчонка: в этот раз я играл этакого размазню, лишенного мужского начала подкаблучника, большого ребенка, который, если бы мог, женился на собственной маме, чтобы до конца жизни прятаться от мира под подол ее юбки. Такого меня вы, будучи главным хулиганом класса, ежедневно колотили и запирали в шкафчике; такого меня вы, будучи первой красавицей школы, доводили до экстаза одним подмигиванием; такого меня вы бы полюбили, когда я вырос и стал красивым, стройным... ребенком.

Я лил слезы над мешками, в которые упаковали мою жену и приемную дочь, бежал за носилками до самой машины и бил кулаками в закрытые створки дверей, но, поняв, что переигрываю, отступил назад. Впрочем, для ротозеев, которые называли себя полицейскими и врачами, мои фальшивые эмоции были самыми что ни на есть натуральными. Одна медсестра даже слезу пустила, наблюдая, как я страдальчески заламываю руки. Наверняка у нее дома муж-алкоголик, который колотит ее, придя домой с очередной попойки, и пара маленьких симпатичных детишек — мальчик и девочка, из которых, усилиями отца, ничего путного не выйдет.

Типичная женщина-мать.

Такой была Лана.

Такой была моя мать...

Полицейские снова задавали те же самые вопросы. Вспоминали случай на Венере, где один богатый джентль-

мен во время фуршета в своем загородном доме обнаружил жену и приемного сына мертвыми. К счастью для джентльмена, он недолго горевал в одиночестве: едва продав дом и все имущество, напоминавшее ему о дорогих Мэри и Джиме, он отправился на прогулку в зоопарк и случайно свалился в вольер к львам. Очевидцы утверждают, что его смерть была поистине ужасной; двое свидетелей после случившегося вынуждены были обратиться к психиатрам — до того серьезное потрясение они испытали в мирном местечке под названием «зоопарк». Я, разумеется, всякую связь с этим случаем отрицал и лишь ужасался тому, как судьба поступила со мной... то есть с тем досточтимым джентльменом с Венеры и его несчастной семьей.

— Простите, мистер... — окликнули меня.

— Декс, — сказал я, оборачиваясь к незнакомцу. — Чарли Декс.

Незаметно для меня к дому подъехала еще одна машина. Это был старый «Мерседес» кремового цвета с помятой эмблемой на капоте. Сейчас, судя по всему, я разговаривал с ее владельцем — мужчиной в коричневом плаще, широкополой шляпе того же цвета, серых брюках и черных туфлях, кое-где заляпанных грязью. Мужчина смотрел на меня, прищурив левый глаз; при этом он курил дешевую сигарету с фильтром, которые сейчас тоннами привозили в Америку из России находчивые дельцы. Здесь их курили низшие слои населения, к которым, видимо, и относился нежданный гость моего дома.

— Мистер Чарли Декс, — повторил мужчина, щурясь и дымя сигаретой. — Значит, это вы — несчастный вдовец вдовы Сэндлер?

Мне почудилась ирония в его голосе. Как можно более холодным тоном я сказал:

— Она уже два года как миссис Декс, мистер Каверзный Вопрос.

— Забавно. Мы не общаемся и двух минут, а вы уже присвоили мне кличку, — выдавив из себя фальшивую улыбку, сказал незнакомец. — Но в чем-то вы правы,

мистер Чарли Декс, — мне действительно стоило представиться сразу. Меня зовут Шелдон Макги, и я — частный детектив и близкий друг покойного мистера Деппа.

— Вы имеете в виду Джонни? — сухо полюбопытствовал я.

— Да вы остряк, мистер Чарли Декс, — покачал головой Шелдон. — Нет, разумеется, я не мог быть знаком с Джонни, потому что он умер в середине прошлого столетия. Я с детства знал его внука, Фрэнка. Мы дружили еще со школы. Представляете, каким потрясением для меня стало известие о его смерти? А ведь ему не было и шестидесяти... И вот теперь, спустя три года, умирает пятидесятитрехлетняя Лана и — что еще ужасней — малютка Кейт!

— Маргарита, — поправил я.

— Ах да, точно! И как я мог забыть?.. — делано посокрушался детектив, однако я прекрасно понимал, что он меня проверяет. — Так что же случилось, мистер Чарли Декс?

— Я проснулся рано утром и обнаружил, что моя жена мертва, — начал я. — И вот...

Я поведал, как я не находил себе места, как метался по комнате и сходил с ума, как бросился, не разбирая дороги, в детскую к Маргарите и что со мной стало, когда я увидел, что девочка тоже мертва. Полицейские слушали раскрыв рты.

Они уже видели все это на пленке, но мои слова усилили трагизм ситуации.

Они уже видели все это.

Кроме Билли, который улыбался своей дегенератской улыбкой и запечатывал контейнер.

Мистер Макги оставался спокоен, а левый его глаз — также прищурен.

— Великое горе посетило ваш дом, мистер Чарли Декс, — сказал он так эмоционально, как мог сказать только переполняемый чувствами робот. — Или это все же дом миссис Ланы Сэндлер?

Я с трудом сдержался, чтобы не лязгнуть зубами. Проклятый ублюдок, несмотря на полное отсутствие со-

става преступления, упрямо рыл под меня. Он если не знал, то уж точно догадывался, что Лана включила меня в завещание. Что в случае ее смерти все имущество отойдет ко мне, а в случае моей смерти — к Маргарите. Таким образом, если первое и третье звено этой цепи улетает в бездну, остается только второе, и это второе — я.

Он был неглуп, этот грубый и неотесанный ублюдок, с его идиотским прищуром и дешевой русской сигаретой во рту. Но у него отсутствовали улики, так что толку от его ума не было никакого.

— Это *наш* дом, — сказал я, снова выдавливая из глаз слезы. — Мой и миссис Ланы Сэндлер. А теперь, я надеюсь, вы оставите меня наедине с моим горем?

— У меня есть еще пара вопросов... — начал было Шелдон, но сержант полиции, стоявший за его спиной, поспешно положил руку ему на плечо и с укором сказал:

— Имейте совесть, мистер Макги! Позвольте человеку побыть наедине с его горем.

Макги посмотрел на него с неодобрением, однако вслух сказал:

— Что ж, мистер Чарли Декс, я все понимаю. Понимаю ваше горе и очень вам соболезную, поэтому предпочту больше не донимать вас сегодня. Однако я бы попросил... — Он вложил в мои руки холодный пластиковый прямоугольник. — Я бы попросил вас не уезжать из города и тем более не покидать Землю в течение месяца. Это моя визитка, и если вы вдруг что-то вспомните... что-то необычное, то обязательно мне позвоните. А я, если что-то вспомню, обязательно позвоню вам, договорились?

Я ненавидел его уже в те минуты, даже не представляя, что за сюрпризы ждут впереди. Он, думаю, испытывал ко мне схожие чувства.

— Договорились.

Я пожал его сухую и холодную ладонь, мозолистую и противную на ощупь, после чего он забрался в свой «мерс» и укатил в неизвестном направлении, не сказав ни слова на прощанье.

Потихоньку разъехались все, и ближе к вечеру я остался один. Я бродил по шикарным комнатам с высокими потолками, мимо антикварных ваз, установленных на антикварные же тумбочки, и размышлял о Шелдоне Макги.

Неужели мне как фэмилисту настал конец? Неужели после этого дела придется навсегда завязать с моим увлечением?

Черта с два!

Я сжал кулаки и что есть мочи, с размаху ударил в боковую стенку книжного шкафа. С верхней полки выпрыгнул толстый черный томик. Сделав двойное сальто, он ударился корешком о паркетный пол, и желтые страницы полетели в разные стороны, подхваченные сквозняком из открытого окна.

Я наблюдал этот полет с чувством глубокого самоудовлетворения. Иногда это очень нужно мужчине — знать, что он еще в силах что-то сокрушить. Пусть это всего лишь древний фолиант, который сам рассыпался бы в труху годика через три.

Я много думал о Макги. Сначала мне показалось, что я никогда не перехитрю его. Что он при первой же возможности подловит меня, любая улика, которую я случайно оставлю, будет им найдена. Однако спустя время, немного успокоившись и придя в себя, я усмехнулся. Какой-то оборванец, насмотревшийся детективных сериалов, прижмет меня, человека, который обокрал добрую половину всех вдов галактики?

Бред.

Этот парень — никто, и у него нет никаких улик, которые помогли бы ему раскрыть это дело. Билли Дрейк безупречен и невидим. Никто не знает о главной особенности Билли Дрейка, и речь, разумеется, не об умении водить мотороллер!

Я опустился в кресло и облегченно вздохнул. Остеохондроз, решивший навестить меня после сорока, периодически напоминал о себе приступами ноющей боли в пояснице.

Завтра же утром позвоню доктору Гебсу, моему пла-

стическому хирургу. Старик, как всегда, сделает из меня кого-то другого, и я в образе этого другого зацеплю очередную роскошную вдовушку, которая только-только проводила в последний путь своего звездного муженька.

И ни черта, ни черта этот идиот Макги мне не сделает!..

* * *

Гебс и Петров — мои ангелы-хранители.

Если Билли спасет меня от «счастливых» лет брака, то Гебс и Петров, по сути, спасают меня от Билли — или, точнее, от последствий его визитов. Первый делает мне новое лицо, второй делает новый паспорт.

За то время, что я занимаюсь фэмилизмом, я успел побыть два раза русским, три раза арабом, пять раз евреем и бессчетное число раз американцем. Я был худым и толстым, лысым и волосатым — любым, каким меня делал доктор Гебс согласно выбранной жертве. Петров же исправно поставлял документы, благодаря которым вы могли видеть меня летом в Европе, зимой — в Азии, а весной — гребущим в каноэ по Амазонке, но так и не понять, что это я.

Я — это сотни разных людей.

Вы даже сейчас не узнали бы, с кем имеете честь. Я перенес сотни операций, и все ради этой страсти под названием «фэмилизм».

Доктор Гебс и Петров прибыли около девяти вечера. Первый — на большом фургоне, который более походил на передвижной притон хиппи, чем на вместилище самой современной медицинской аппаратуры, второй — на мотоцикле «Урал», который запрещен на Марсе.

— Проходите, друзья! — сказал я, отступая от раскрытых дверей.

Они молча переступили порог, прошли к диванчику в гостиной и расположились на нем. Взгляды их были равнодушными; они выходили из полудремы лишь на время работы.

Я подбивал клинья к богатым вдовам, Билли забирал их жизни. Затем в игру вступал Гебс. Он выбирал из со-

тен эскизов самый привлекательный из неприметных, или, скорее, самый неприметный из привлекательных, и переносил на меня. Петров, согласно моей новой внешности, подбирал мне национальность, имя с фамилией, прописку и семейное положение.

Хотя нет, последнее всегда было одно и то же.

«Холост».

— Что вы выберете, мой друг? — спросил Гебс, наклонившись ко мне, лежащему на его хирургическом столе. — Средних лет француз или молодой русский? Типаж для госпожи Срна или для госпожи Ухряченко?

Подумав, я ответил:

— Русский.

В Юпитер-сити, главном и единственном городе Юпитера, умирал от рака знаменитый миллиардер Константин Ухряченко. Кроме молоденькой очаровашки-жены, он оставлял этому миру скромную сумму с девятью нулями после цифры «сто пятьдесят два». Многие ломали голову, как он умудрился столько наворовать, но ответа так и не обнаружили. Сейчас все гадали, кем будет тот счастливый паренек, который женится на прекрасной вдовушке после смерти Ухряченко и приберет к рукам миллиарды старого прохвоста.

Я улыбнулся уголками рта. Этот счастливый паренек будет мной.

Утром такси доставило меня в космопорт. Я сел на шаттл «Земля — Юпитер», занял место у окна и, вставив в уши шарики наушников, откинулся на спинку. Когда пилот объявил, что мы отправляемся, я посмотрел наружу и чуть не подскочил на кресле: на втором этаже здания космопорта, возле огромной стеклянной стены, стоял, сложив руки за спиной, мой давешний знакомый Шелдон Макги. Я невольно втянул голову в плечи, хоть он смотрел не конкретно на меня, а просто на шаттл.

Лоб мой стал влажным от холодного пота.

Как? Как он узнал, что сегодняшний я и вчерашний — одно и то же лицо? Еще утром в шесть я за смешные деньги — тридцать миллионов долларов — продал особняк Ланы какому-то богачу. Он сомневался, стоит ли

брать дом, в котором только вчера умерли две невинные девушки, однако я разыграл для него настоящую драму. Я умолял его, просил избавить меня от воспоминаний... и все же он сопротивлялся до последнего. Лишь когда я назвал цифру — тридцать — он согласился.

Черт, да особняк стоит все восемьдесят, если не больше!.. Конечно, этот скряга не мог не согласиться!

Мы быстро оформили все через интернет-агентство. Агенты получили свои тридцать процентов со стороны покупателя — девять миллионов — и объявили акт купли-продажи официально завершенным. Дом перешел во владение к богачу, я получил тридцать миллионов и, переведя все имеющиеся у Ланы средства на свою тайную карточку, облегченно вздохнул.

Теперь, сидя в шаттле, я снова был напряжен. Откуда взялся этот сыщик? Неужели он меня раскусил? Неужели это конец?

Но как? Где я совершил просчет? У меня новое лицо, новый паспорт, я теперь Николай Гаврилов, а не мистер Чарли Декс. Как меня можно спутать с тем хлюпиком? Я настоящий русский мужик, могу разгибать подковы и таскать коней на плечах!

Да и бедняга Чарли Декс погиб в автомобильной катастрофе в восемь часов ноль семь минут, когда ехал от Керри-роуд в центр по Мэдисон-авеню.

Но не зря же он здесь, этот проклятый Макги!..

Значит, я действительно прокололся.

Или это — лишь подозрения, а доказательств никаких нет? Ну да, похоже на то. Иначе он попросту снял бы меня с рейса, а не стоял в окне второго этажа, своим грозным видом пытаясь вынудить меня сказать правду.

Я усмехнулся. Чертов оболтус! Не дождешься!

Мы пошли на подъем. Я хотел помахать ему на прощание ручкой, однако удержался от этого жеста. Подобные трюки ни к чему хорошему не приводят.

Лучше я спокойно отвернусь, запрокину голову, закрою глаза и подремлю часок, пока будем лететь...

О да, детка...

Так хорошо...

* * *

Через два часа, когда мы приземлились в космопорте Юпитера, первым, что я услышал, была новость о смерти Ухряченко. Рак окончательно доконал старика, и он ушел в иной мир. Одному богу известно, поднялась ли его душа на небеса или канула в бездну, но факт оставался фактом — живым старого пройдоху уже никто никогда не увидит.

Едва заметная улыбка тронула мои губы. Похоже, я прибыл как раз вовремя.

Похороны Ухряченко, как сообщалось в новостях, начнутся завтра в двенадцать пополудни. Все желающие могут проститься с этим выдающимся человеком, любящим мужем, мудрейшим, величайшим и бла-бла-бла.

Об умерших всегда говорят хорошо, если, конечно, речь не о подонках вроде Гитлера. Но Ухряченко не был нацистом. По бумагам он действительно был выдающимся человеком.

Но в бумагах не описывается содержимое его шкафа. Готов поспорить, что если хотя бы приоткрыть дверцу, оттуда посыплются чертовы скелеты, да так много, что вас просто завалит.

Впрочем, сейчас это никого не волнует. Сейчас и на ближайшие пару недель любой, кто хотя бы краем уха слышал о Константине, при упоминании его имени будет заламывать руки и приговаривать: «Боже, какая потеря!..»

Если бы меня попросили честно ответить, что я думаю о смерти Ухряченко, я бы сказал: «Очень своевременно!»

В принципе, я мог бы не дожидаться чьей-то смерти каждый раз, а просто засылать к ублюдку Билли и, когда дегенерат сделает свою работу, приниматься за свою часть развлечения. Но, во-первых, богачи и так умирают чуть ли не каждую неделю, а во-вторых, Билли все-таки работает не за спасибо — и его услуги, стоит признать, не из самых дешевых во Вселенной.

Ну и с недавних пор мне становится плохо, когда я

вижу на его губах эту дурацкую детскую улыбку после очередного наполненного жизнью контейнера.

Честно — едва сдерживаюсь, чтобы не стукнуть его по голове кулаком.

Носильщик помог отнести мой худой чемодан до стоянки такси, и я отправился в ближайшую гостиницу. Свободные номера там, по счастью, имелись, причем за вполне приемлемые деньги. Я взял одноместный люкс на четыре дня и велел коридорному доставить мой багаж наверх, вложив в его черную руку, обтянутую белой перчаткой, десять баксов. Он пробормотал «Спасибо, сэр!» и убыл довольный.

Вечером, стоя у окна с чашкой горячего чая в руке, я смотрел с высоты десятого этажа на ночной Юпитер-сити. Огромный город, превосходящий площадью любое поселение Земли, недавно отпраздновал пятидесятилетие. Благодаря роботам-строителям все эти высотки выросли за пять лет. Конечно, здания продолжали возводить и после, но уже не так активно — основная масса построек отпразднует круглую дату уже на следующий год.

В целом Юпитер-сити ничем не отличался от того же Нью-Йорка — небоскребы, небоскребы, небоскребы, миллионы людей, миллионы пустых пакетов и банок, разбросанных по ярко горящим и темным улочкам, миллионы рекламных плакатов и баннеров, светящихся неоном вывесок и высоких фонарей...

Словно я и не улетал с Земли.

Почему Юпитер-сити считается русским поселением? Потому что эта земля принадлежит русским. Русские наняли американских архитекторов, те пригнали роботов и возвели чертову кучу зданий. Вот почему русский город больше похож на Нью-Йорк, чем на Москву или Санкт-Петербург.

Хотя с каждым годом эта разница постепенно улетучивается. Скоро весь земной шар обрастет городами-близняшками, в которых даже улицы будут называться одинаково.

Да и не только земной...

Я подул в чашку и сделал осторожный глоток, боясь обжечь язык. Горячо... но сойдет.

Завтра — важный день. Нужно непременно подрулить к очаровательной вдовушке еще в самом начале церемоний. Показать свою заинтересованность.

Наверняка она даже не любила этого Ухряченко. Вышла замуж за его деньги, а не за него самого.

А теперь я женюсь на ее.

На ее деньгах в смысле.

Я позволил себе сдержанную улыбку и залпом допил остатки чая. Пора отправляться ко сну.

* * *

— Как вы сказали? Николай... Гаврилов?

— Именно, госпожа Ухряченко.

— Гаврилов, Гаврилов... Нет, что-то не припоминаю, — наморщив чудесный лобик, покачала головой Лариса.

— Ну не вру же я, в самом деле?

— Нет, конечно! Зачем вам это?

— Вот и я о чем. Ну да не беда. Можно для надежности познакомиться еще раз.

— Да, разумеется.

— Николай Гаврилов, госпожа Ухряченко.

— Лариса Ухряченко.

— Очень приятно.

— Мне тоже.

Она была глупа, наивна и... глупа. Мне не составило никакого труда внушить ей, что я был у них на вечеринке два года назад, что прекрасно знал Костю и что это такая потеря для меня... Она заглотила червяка и не заметила крючочка, который засел у нее в жабрах и терпеливо ждал, покуда я натяну леску.

Мы беседовали в автобусе, одном из десятка. Первые два везли самых близких — родственников, друзей, коллег по работе. В остальные набилась всякая шушера — от реально соболезнующих до парней, которые ходят на похороны, чтобы зацепить какую-нибудь подругу или слопать халявный бутерброд.

По идее, я относился к последней категории. Вот только зацепить мне требовалось не какую-нибудь, а именно Ларису. Поэтому я просто забрался в первый автобус и внаглую уселся рядом с ней.

— Вы выглядите чертовски подавленной, Лариса, — заметил я.

— А какой я должна быть? — удивилась она. — У меня ведь муж умер, сегодня похороны.

Мне понравилась формулировка вопроса: «Какой я *должна* быть?»

Действительно, все немало удивились бы, если посреди церковной службы за упокой души Лариса неожиданно вскочила бы с места и, пританцовывая, стала напевать: «Я богата, наконец-то старый хрен скопытился!»

Все все понимают, но черная зависть заставляет осуждать подобные проявления честности.

Она *должна* горевать. Точка.

— Ушел любимый вами человек, но жизнь продолжается. Вы должны выдавить из себя улыбку, иначе горе поглотит вас и вы зачахнете, а потом просто отправитесь вслед за Константином на тот свет. А вы ведь этого не хотите?

Она покачала головой и с трудом улыбнулась.

— Вот и славно, — похвалил я. — Вот и хорошо. Нельзя так убиваться, правда. Все понятно, горе, но Константин наверняка не хотел бы, чтобы вы последовали за ним через месяц, или полгода, или даже через пару лет. Он хотел бы, чтобы вы продолжали жить и радоваться жизни.

— Вы так интересно и правильно все рассказываете, — призналась Лариса.

Время для дежурного комплимента...

— Видя, как столь красивая девушка плачет, любой истинный джентльмен стремится избавить ее от слез.

Она с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться. И хорошо — ведь сзади сидели завистники, готовые в клочья порвать за веселый смешок посреди мрачного торжества смерти.

Мы болтали всю дорогу до кладбища. Когда автобусы уже подъезжали к месту, где до скончания лет предстояло обитать останкам Константина Ухряченко, я предложил вдове поужинать со мной завтрашним вечером. Она, подумав немного, согласилась.

Естественно, ей этот ужин виделся скорее утешительным, чем романтическим — вроде как старый друг семейства помогает овдовевшей женщине пережить смерть мужа. Хотя крохотная частичка ее птичьего мозга все же понимала, что я хочу совсем другого.

Покинув автобус, я затерялся в толпе, чтобы не донимать Ларису почем зря. У меня был ее мобильный, время — семь вечера — и название ресторана, который новоиспеченная вдова именовала «лучшим в Юпитерсити».

Разгуливая между родственников и друзей умершего, я в один из моментов поймал на себе чей-то пристальный взгляд. Обернувшись, я увидел того, кого опасался и даже боялся обнаружить здесь.

Макги!

Однако мгновением позже я понял, что мне показалось. Мужчина, которого я принял за детектива, походил на последнего лишь коричневой шляпой да плащом.

Облегченно вздохнув, я вслед за остальными отправился от автобуса в глубь юпитерского кладбища.

* * *

Без пяти семь желтая машина такси остановилась точно напротив входа в ресторан «Нега», и из салона вышел я — в белом смокинге, брюках и мягких замшевых туфлях. В правой моей руке была щегольская черная трость, которую я приобрел только из-за странной прихоти — с ногами у меня всегда был полный порядок.

Неспешно пройдя по ковровой дорожке к дверям, я подождал, пока услужливый швейцар мне откроет, после чего шагнул через порог. В мгновение ока я оказался в царстве чудесных ароматов, тихих голосов и звенящих о посуду вилок и ножей. Подозвав официанта, я

попросил проводить меня к восьмому столику, заказанному мной еще вчерашним вечером.

Пока что столик пустовал, но я не сомневался, что Лариса придет с минуты на минуту. Было всего лишь без двух семь, а симпатичные девушки так любят опаздывать.

— А вот и я!..

Изобразив приветливую улыбку, я неспешно обернулся на голос. Однако когда я увидел сопровождающего Ларису типа, лишь недюжинное самообладание позволило мне сохранить улыбку на лице.

— Здравствуйте, Лариса, — сказал я. — Как зовут вашего спутника?

— Это Шелдон Макги, старый друг Кости, — сказала девушка. — А это Николай Гаврилов... тоже друг Кости.

— Вот как? — делано удивился сыщик, пожимая мою руку. — Бывает же — два человека дружат с третьим, но никогда не виделись до его смерти! Поистине, судьба — странная штука!

Рукопожатие было жестким. Негодяй словно хотел переломать мне все пальцы.

Разумеется, вслух я об этом говорить не стал. С той же приветливой улыбкой на лице я предложил им садиться.

— Чего изволите? — поинтересовался подошедший к нашему столику официант с небольшим планшетом.

— Лариса? — спросил я.

— Мне, пожалуйста, вот это, это и... это, пожалуй. — Тонкий пальчик прогулялся по странице меню.

Официант зафиксировал заказ Ларисы и обратился ко мне. Я назвал блюда, он записал и их тоже, после чего вопросительно посмотрел на сыщика.

— Чашку кофе, — бросил Макги, вынимая из кармана пачку русских сигарет. — У вас здесь курят?

— Нет, но...

— Но мне вы готовы позволить, верно? — Шелдон уже закуривал сигарету.

— Вообще-то...

— Вообще-то никаких проблем, да? — Шелдон выпустил облако дыма прямо в лицо растерянному официанту.

— Я могу...

— Вы можете идти. Чашку кофе. Все. Просто чашку кофе. Не надо всего того, что заказала госпожа Ухряченко и мистер Ди...

Я вздрогнул.

— Как вы сказали? — спросил я.

— Господин Гаврилов. — Шелдон пристально посмотрел на меня. — А вам что послышалось?

В его взгляде я прочел: я знаю все, но мне нравится играть в кошки-мышки. Тем более что в данном случае мышка — это ты, мистер Ди, господин Гаврилов и еще три десятка всевозможных мистеров и господ.

— Мне послышалось «господин Панфилов», — со слабой улыбкой пояснил я. — Вот я и удивился.

— Ха-ха! — неожиданно громко хохотнул Шелдон и пристукнул кулаком по столу.

Пепел упал на белоснежную скатерть и моментально проделал в ней дыру. Обитатели ближайших столиков обернулись, чтобы осуждающе взглянуть на смеющегося детектива.

А ему было плевать. Полминуты спустя он утер проступившие на глазах слезы и, шумно выдохнув, сказал:

— Черт, что-то меня прямо накрыло. Ну вы и хохмач, господин Гаврилов.

Лариса виновато улыбнулась мне через стол. Судя по всему, поведение Макги даже для нее стало сюрпризом.

— Стараюсь, — пожал плечами я.

— Нет, ну вы действительно хороши, — покачал головой он. — Черт, где же мой кофе?

К нашему столику спешил давешний официант в сопровождении полного мужчины в черном пиджаке. Судя по всему, это был администратор или управляющий.

И я даже знал причину, по которой они спешили к нашему столику. Причина эта сидела справа от меня,

дымила русской сигаретой и дурно пахла дешевым виски.

— Вот этот господин, сэр, — сказал официант, указывая на Макги. — Он спросил: можно ли покурить в общем зале? Я ответил, что нет, но он, как вы видите, снова закурил.

— Я вынужден попросить вас уйти, — сказал администратор, хмуро оглядывая нашу троицу.

— Что? — не поверил своим ушам я. — Уйти?

— Да.

— Нас всех?

— Да.

— Из-за одной сигареты?

— Черт побери, господин Гаврилов! — воскликнул Макги, проводя рукой по моим волосам. — К черту этих раздутых снобов. Пойдемте отсюда, и пусть они подавятся моим чертовым кофе!

С этими словами Шелдон затушил сигарету о край стола и бросил бычок в графин с водой. После этого наше дальнейшее пребывание в ресторане «Нега» стало действительно невозможным.

— Похоже, что сегодня действительно неудачный вечер, — сказал я Ларисе, когда мы поджидали такси снаружи.

— Простите его, Николай, — виновато улыбаясь, попросила девушка. — Он сегодня будто с цепи сорвался. Обычно Шелдон себе такого не позволяет.

Ну да, про себя сказал я. Обычно Шелдон не сидит рядом с аферистом, на чьей совести добрая сотня жизней, которые он разрушил.

Но сегодня действительно неудачный вечер.

Теперь я понимал, что разоблачение моего инкогнито — всего лишь вопрос времени. Мне оставалось лишь морально готовиться к этому моменту, искать хорошего адвоката, который мог бы уменьшить срок с десяти пожизненных хотя бы до трех...

...и дальше ухаживать за Ларисой. Если уж мои дни на свободе сочтены, пусть роман с ней станет моей лебединой песней, решил я.

В этот момент подъехало такси, и я, махнув сыщику и Ларисе на прощанье, забрался в просторный салон.

— Надеюсь, это не последняя наша встреча, — бросил Шелдон, когда я захлопывал дверь.

Через тонированное стекло, к счастью, не было видно, как мое лицо перекорежила маска страха и ненависти.

— Куда? — спросил таксист.

— В гостиницу «Орбитальная», пожалуйста, — сказал я.

Такси тронулось и, выехав на дорогу, смешалось с потоком машин.

* * *

Наш роман с Ларисой развивался по проверенной старой схеме. Потихоньку мы становились все ближе и ближе, благо назойливый Макги после того случая в ресторане куда-то запропастился. На всякий случай я выслал на его поиски одного знакомого специалиста по устранению надоедливых ублюдков и велел сообщить сразу, как с сыщиком будет покончено.

Однако за последние несколько месяцев ни жертва, ни охотник не подавали признаков жизни, и вскоре я совсем о них позабыл.

Спустя полгода я сделал Ларисе предложение. Она, недолго думая, согласилась.

Мы поженились в маленькой церквушке на краю города, без всяких пышных торжеств и миллионов гостей на свадьбе. Многие друзья Константина хотели дружить с Ларисой после смерти мужа, однако я объяснил ей, что ими движет банальная корысть. Раньше, когда Костя был жив, они подлизывались к нему, потому что он был богат и уважаем. Теперь, когда он умер, к Ларисе перешло его богатство, а вместе с ним — и все те стервятники, так называемые «друзья» и «товарищи», которые просто любили халяву.

Первая брачная ночь, медовый месяц на Венере, а затем — семейная жизнь, которая легка и непринуж-

денна, когда у твоей жены лежат в банке сто пятьдесят два миллиарда зеленых, а на твоем потаенном счету — в два раза больше.

А если бы я сам забирал жизни, делал себе пластические операции и документы — в пять.

Впрочем, большинство жителей Вселенной и помыслить не могло о трех сотнях миллиардов.

Такая привычная жизнь богатея...

Дни летели, шли недели... Мы ездили на курорты, в парки развлечений, путешествовали по планетам, в разные уголки Земли, от Ниагары до Ватикана. Прожигали жизнь.

Макги как сквозь землю провалился. Это было удивительно, но он, похоже, решил оставить меня в покое. Не знаю, что стало причиной — личные проблемы или те, что устроил мой специалист, но факт оставался фактом: сыщик исчез, и ничто более не омрачало мою жизнь.

Я, если честно, надеялся, что его пристрелили. Или что он гулял по зоопарку и свалился в вольер ко львам — как некий господин с Венеры.

Прошло еще семь месяцев, и Лариса вписала меня в завещание. Я поблагодарил ее за доверие тремя часами бурного секса, после чего встал с кровати и спустился на кухню — выпить воды и заодно позвонить Билли Дрейку, старому знакомому дегенерату.

— О, мистер Чистер! — радостно воскликнул Билли, едва заслышав мой голос. — Сколько лет, сколько зим!

— Здравствуй, Билли, — поприветствовал его я.

— Какие дела, мистер Чистер? Снова кого-то подгрести?

Я скривился от омерзения. Кого-то подгрести? Что за ублюдочный жаргон?

Однако вслух я сказал:

— Да, Билли, надо кое-кого подгрести. Сможешь двадцатого октября в восемь? Мы на Юпитере, дом сорок по Дубравскому шоссе.

— Но это через три месяца...

— И что?

— Обычно вы просите через два.

— А сейчас надо через три, что здесь такого?

— Ладно. Это ваше дело, вы правы. Двадцатого октября... — Он записал себе дату и время. — Сколько?

— Одна жизнь.

— Всего одна? Не похоже на вас, мистер Чистер. Как-то совсем уныло — всего одна.

— Черт бы тебя побрал, Билли Дрейк! Я не могу привести к тебе целый табун вдов! — воскликнул я зло. — Она одна, больше никого нет. Ты сможешь забрать ее чертову жизнь двадцатого октября или мне искать другого мастера?

— Смогу, смогу, мистер Чистер, не кипятитесь! — успокоил меня Дрейк. — Двадцатого октября в шесть утра сяду в скоростной шаттл и прибуду к вам ровно в восемь.

— Это я и хотел услышать, — сказал я и повесил трубку.

Чертов Билли бесил меня все сильней и сильней. Интересно, он отнимет мою жизнь, если я хорошенько вдарю по его дегенератской физиономии?..

* * *

Звонок в дверь разбудил меня. Я нехотя продрал глаза, чтобы посмотреть на часы.

Восемь ноль-ноль. Кто это в такую рань?

Рядом запыхтела Лариса. Она все еще спала.

Я бросил взгляд на календарь. Двадцатое октября.

Точно. Это же чертов Билли Дрейк, чертов дегенерат, отнимающий души.

Я надел халат, подпоясался атласным ремнем и пошел открывать.

На пороге ждал Билли.

— Здравствуй, Билли, — тихо сказал я.

— Здравствуйте, мистер Чистер! — воскликнул он.

Меня всегда удивляло, как он умудряется узнавать меня в разных ипостасях. Раньше я почему-то не решался задать этот вопрос вслух, но теперь спросил:

— Как ты узнаешь меня, Билли? У меня ведь каж-

дый раз новое лицо, но ты всегда безошибочно кричишь «Здравствуйте, мистер Чистер!».

— Я вижу глубже, чем вы, мистер Чистер, — пожал плечами Дрейк. — Я вижу вашу истинную сущность. Так я забираю жизни. Оболочка не главное, главное — что под ней.

Впервые я слышал от Билли нечто более осмысленное, чем дебильные «здравствуйте, мистер Чистер» и «кого-то подгрести?».

— Где она, мистер Чистер? — спросил Дрейк.

— Наверху. Второй этаж, прямо посередине. Там спальня, она — на кровати.

Билли кивнул и первым устремился наверх.

— Сегодня вы со мной, мистер Чистер? — спросил Дрейк, остановившись на полдороге.

— Да... Черт с ними всеми, да! Уже иду. — Я взялся за перила и пошел вверх следом за Билли.

Мы поднялись, вошли. Лариса все еще спала.

Билли неспешно выудил из сумки контейнер, открыл его.

— Пусть спит? — спросил он тихо.

— Да... Не забывай, меня снимают камеры.

Дрейк хмыкнул, а в следующий миг Лариса перестала дышать. Будто бы ничего не изменилось, но ее аккуратная грудь больше не вздымалась при вдохе и не опускалась при выдохе — не было ни вдохов, ни выдохов, ничего.

— Готово, — улыбнулся Билли и закрыл контейнер.

Я пустым взглядом смотрел на бездыханную Ларису. Черт побери, и сколько еще это будет продолжаться? Я что, всю жизнь буду гоняться за богатыми вдовами?

Когда ты первый раз пробуешь печенье, оно, как известно, очень вкусное и очень тебе нравится. Когда ты пробуешь его второй раз, третий, пятый или десятый, оно нравится тебе меньше, но все еще нравится.

Когда ты жрешь печенье всю жизнь, тебе хочется блевать при виде новой пачки.

Так и здесь. Разные девушки, разные судьбы, но одинаковые романы с одинаковым концом. И всегда одина-

ковый Билли, который, как мне кажется, ни капли не вырос с тех пор, как мы впервые с ним встретились и он лишил жизни первую мою пассию. Все то же идиотское наивное выражение лица и все та же дебильная улыбка.

Я сжал кулаки, намереваясь врезать по его прыщавой физиономии, но чертовски знакомый голос за спиной сказал:

— Браво, мистер Чарли Декс. И вы, господин Кое-Кого Подгрести. Это ведь вы, верно?

— Макги, — сказал я, оборачиваясь.

Билли уже потянулся за контейнером, когда я жестом велел ему обождать пару минут.

Сыщик ничуть не изменился со времен нашей последней встречи. Тот же хитрый прищур, та же вонючая русская сигарета в уголке рта, тот же отвратный запах дешевого виски. Правда, в прошлый раз он не держал в правой руке миниатюрный бластер, стилизованный под револьвер середины позапрошлого столетия.

— Да, это я, — сказал сыщик и пристрелил Билли.

Удивленно хлопая глазами, я смотрел, как Дрейк с привычной идиотской улыбкой на губах падает на пол. Как из дыры у него в голове течет густая алая кровь, растекаясь лужей по дорогому ковру ручной работы, которым был устлан пол нашей с Ларисой спальной.

— Что ты делаешь?! — воскликнул я.

— Я не очень хочу, чтобы твой дружок-дегенерат подгреб меня, как Ларису. Ну или как Лану с Маргаритой, да? Механизм ведь всегда один, верно?

Отпираться было бесполезно, это я уже понял. Теперь, после смерти Билли, я стою перед решительно настроенным Макги совершенно безоружный и не знаю, что предпринять, кроме как развлекать его беседой.

Мне страшно. У него бластер, а у меня — ничего. Даже мой привычный инструмент — чертов дегенерат Билли — лежит на полу мертвый и истекает кровью, потому что Макги просто продырявил его голову лучом из бластера.

И то же самое он легко проделает со мной, стоит мне только сделать что-то не так.

— Вам это с рук не сойдет! — воскликнул я дрожащим от волнения голосом. — В комнатах установлены камеры! Полиция посмотрит записи с этих камер и...

— Не посмотрит, — покачал он головой. — Я их отключил.

Крыть мне было нечем. Бессильный, я стоял и смотрел на него, ожидая, что следующая секунда станет для меня последней.

Однако он не спешил. На прощание он решил поведать мне, как ему удалось раскрыть мое инкогнито.

— Я нашел массу похожих друг на друга случаев. Перерыл все архивы и нашел около тридцати подобных дел. В них, разумеется, фигурируют разные имена, но суть одна и та же — некий джентльмен завязывался с богатенькой вдовушкой, женился на ней, некоторое время они счастливо жили, становились так близки, что она вписывала его в завещание... а потом — все. Финита ля комедия. Через месяц, два месяца или год она и ее дети неожиданно умирали, врачи гадали, что стало причиной смерти, а тем временем джентльмен, ставший единственным счастливым наследником всего звездного богатства, неожиданно погибал в аварии... или падал в вольер ко львам... или еще что-то... не забыв предварительно перевести все деньги на одному ему известный счет. Кроме того, тяжело переживающий смерть жены и приемных детей досточтимый джентльмен успевал также продать дома, виллы и вообще все принадлежащее семейству имущество, «потому что оно напоминает ему о бедняжках». Вот по такой схеме все происходит в этих тридцати историях с печальным концом, господин Гаврилов или мистер Чарли Декс.

— Что вы хотите этим сказать? — хриплым от волнения голосом поинтересовался я.

— Что я вас раскусил, мистер Чарли Декс. Все это — вы.

Я шумно сглотнул.

— Однако вы чертовски везучий ублюдок, мистер

Чарли Декс, — расхаживая по комнате от камина к дверям и обратно, продолжал говорить детектив. — К сожалению, я никак не могу повесить на вас все эти дела за неимением улик.

Мне стало немного свободней дышать, однако я все еще понимал, что так просто сыщик от меня не отстанет.

— Все не смогу, — медленно повторил Шелдон. — Но убийство Ланы и Маргариты Сэндлер, а также Ларисы Ухряченко — вполне. Потому что у меня есть запись телефонных разговоров с доктором Гебсом, с господином Петровым. Есть обрывки разговора с Билли Дрейком — его голос по странным причинам на пленке представлен шумом, но он в общем-то и без того был странный тип! А еще у меня есть письменные признания доктора Гебса и господина Петрова.

— Чего же вы хотите?

— Я хочу справедливого наказания для вас, мистер Чарли Декс. По крайней мере, хотел.

— Я могу предложить вам миллион. Или даже миллиард... или даже два.

— Этого мало, мистер Шелдон.

— Мало? Миллионы, миллиарды людей во Вселенной никогда не видели и половины этой суммы!

— Состояние одной лишь Ларисы Ухряченко составляет сто пятьдесят два миллиарда долларов. Состояние Ланы Сэндлер — десять миллиардов. А если взять других, тех, с кем я не могу связать вас уликами? Двадцать восемь вдов, их дети, мальчики, девочки... Неужели это стоит ваших миллиардов? Вас надо сорок раз поджарить на электрическом стуле, мистер Чарли Декс, и после этого упечь на двадцать пожизненных, и то это не станет достойным наказанием для вас.

— Что вы хотите? Половину всего моего состояния? Я готов отдать его вам...

— Нет, мистер Чарли Декс, — покачал головой Макги. — На кой черт мне половина? Если я возьму половину, я стану, по сути, вашим соучастником. Вы спасетесь

благодаря моей корысти. Я не могу так поступить, сами понимаете.

— Значит, вы сдадите меня полиции? — пробормотал я.

— Вы знаете, нет, — признался Шелдон. — Полиция ведь наверняка конфискует ваши деньги, а мне достанется дешевая газетная слава и пара долларов «за усердие, инициативность и храбрость при исполнении общественного долга». Так что нет, этот вариант мне тоже не подходит.

— Что же вы хотите сделать?

— Наказать вас и счастливо проматывать ваши миллиарды где-то на Венере.

И тут я понял, что он собирается делать.

— Но ведь тогда вы не получите ее сто пятьдесят миллиардов! — воскликнул я.

— И что же?

— Но сто пятьдесят миллиардов...

— Знаете, мистер Чарли Декс, а ведь вас именно это и погубило, — сказал Макги, качая головой. — Ваша алчность — она не знает границ. У вас на счетах в банках сотни миллиардов, а вы все шепчете «еще, еще, еще» и в итоге оказываетесь в полной заднице. — Он прошел к креслу у стены, развалился в нем, закинув ногу на ногу, и сказал: — Вы свихнулись, мистер Гарри Кэмбл.

Я похолодел. Он знал, кто я. Действительно знал.

— Я поднял ваше дело. У вас был отличный отец, но никудышная мать. Он зарабатывал, она лишь тратила. Он вкалывал, она пила и била вас. Вы любили их обоих... до тех пор, пока отца не застрелили. После его смерти мать бросила вас, укатив куда-то с богатеньким джентльменом на новеньком «Опеле»...

Мои кулаки невольно сжались.

— И вот с тех самых пор вы решили мстить вдовам. Всем, кто угробил своих богатеньких мужей. Вы не убивали их быстро. Вы выбрали долгий и кропотливый путь, чтобы лишить этих дамочек всего — потомства, денег... Вы планомерно устраняли их, не пачкая при этом своих рук, и богатели.

— Это называется «фэмилизм». Это мое хобби.

— Что? Фэмилизм? Никакого фэмилизма не существует. Есть альфонсы, вроде вас. Или маньяки, вроде вас. Но первые не стремятся убивать своих богатеньких жен, а вторым не нужны деньги. Так что вы, мистер Гарри Кэмбл, странная помесь первого и второго.

Дуло бластера смотрело мне в грудь.

— Я не скажу вам код своей карточки.

— За то время, что я слежу за вами, мистер Чарли Декс, я успел узнать его. Помните, во время нашей встречи в ресторане я погладил вас по волосам?

Я вспомнил.

— Так вот, тогда я прицепил к ним совсем крохотную пика-камеру, и с тех пор ни одно ваше действие не прошло для меня незамеченным. В общем, у меня есть все необходимые реквизиты, чтобы пользоваться вашими деньгами. Так что вы мне больше не нужны.

— Ах ты грязный ублю... — прорычал я.

Он выстрелил в меня. Луч пронзил мне висок, и я рухнул на пол как подкошенный.

Вот и все, мистер Гарри Кэмбл. Конец игре под названием «фэмилизм». Прощайте, миллиарды. Прощайте, дорогие особняки и машины. Прощайте, грязный ублюдок Шелдон Макги и предавшие меня Гебс и Петров.

Я ухожу навсегда.

Последним, что я увидел, было сосредоточенное лицо Макги, который, обтерев рукоятку бластера, вложил его в мою правую руку. После этого сыщик подмигнул мне на прощание, вытащил из висящих на стуле брюк мой бумажник, проверил, все ли карточки на месте, и, спрятав его в карман плаща, покинул мой дом.

В завтрашних юпитерианских газетах на первой полосе непременно будет заголовок типа «Мужество и преданность». В статье, расположенной ниже, доблестные репортеры расскажут читателям о храбром джентльмене, который прикончил ублюдка, порешившего его жену, после чего, не в силах пережить утрату, приставил бластер к собственному виску и нажал на курок.

А сто пятьдесят миллиардов достанутся глухой и

слепой троюродной бабке из Арканзаса, которая в считаные минуты станет богатой и привлекательной красоткой, и очередной фэмилист, пригладив волосы, отправится покорять ее сердце...

Но это буду не я, а кто-то другой, более молодой и глупый, который в итоге не оставит после себя ничего.

Даже настоящего имени на могильной плите.

Потому что свет высшего общества слепит и делает нас идиотами.

АЛЕКСАНДР ШАКИЛОВ

КОНТРАКТ-Я

Поздний ужин — по понятиям: никакой курятины, ибо курицу, как известно, топчет петух. Аньяш, женушка моя, однажды умудрилась-таки подсунуть мне окорочка под майонезом. Пришлось устроить легкий скандал с непринужденным мордобитием. Посему: йогурт — скоромное; свининка жареная — пока Аллах не видит; две тарелки борща — ну люблю я борщ; и три чашки кофе, чтоб лучше спалось. Поррядок! — и баиньки-баю; завтра ох какой денек предстоит тяжелый.

Завтра?

Сегодня!

Будильник бьет по пяткам, злобное устройство. Подъем — нехотя, лениво, сопя в две дырочки. Сигаретку в зубки, крестец на стульчак. Потом: умыться, побриться. Лаваш и плов — гор-рячие! — это на завтрак. Ай-я-яй, пальчик болит! Все, пора на работу. А не хочется. Спать хочется. А надо.

Шагом ма-а-арш-ш!!

И мы уже в офисе. Здрасьте, дорогие, рад, рад. И вы? Ну так взаимно, бывает, да уж, бывает, приятно, да-да, приятно.

Что? Оп-паньки! Уже ждут-с?!.

Присаживайтесь, угощайтесь, зайка, принеси нам

чифирчику, Василий Петрович любят с молочком, да-с, любят, да-да, Василий Петрович, о-хо-хо, ну шутник, ну озорник, ну... А попочка у нее, Вы правы, ничего, у меня же вкус! — отменная малышка, сам выбирал, сам проверял, да-с.

Адвокаты, подписи, печати? Обсудим? Как скажете, Василий Петрович, как скажете. В баньку? Помыться? И секретаршу с собой? О, Вы правы, кто же будет стенографировать?! Хо-хо, она прекрасно стенографирует в баньке, да-с, хо-хо, ну Вы и шутник! Зайка, нам бы попариться, подготовь документики и купальничек, да-да, мой любимый, да-да, синенький, с ниточкой сзади и без ниточки спереди, да, зайка, да-да, зайчонок, понимаю, ну конечно, ты замужем, а кто не замужем? Ну-у, не будь бякой, Василий Петрович хотят, мы не можем отказать Василию Петровичу, ведь правда? и лишить фирму контракта? хорошего контракта?

В девять? А не поздно? Заодно и поужинаем? Залететь за Вами? Как скажете, Василий Петрович, как скажете... Увидимся, обсудим, не прощаюсь.

* * *

Крыша небоскреба, одного из многих, вросших в асфальт от мечети на Пушкинской до станции монорельса у Госпрома. Вертолет чмокнул-хлюпнул посадочными присосками в центр разметки. Тютелька в тютельку. Пилот — профессионал, а не кусок фекалий, это уж точно, за это мы можем поручиться.

Мы спустились по — клац-клац-ступеньки — трапу. Естественно, после Василия Петровича. Василий Петрович всегда в авангарде. А то, серьезный клиент, три срока, два побега, возраст опять же, корона, статус, контрольный пакет в общаке, меценат к тому же: семь мечетей за свои бабки — разве это не серьезно? Куда нам, после малолетки...

Потому и пресмыкаемся, но в меру. Нас тоже блюсти надо. Не пальцем деланы, суры изучали, на нарах лежали.

Красные фонари: шелк и бумага, тонкие рисунки, иероглифы.

Встречают. Киваем — снисходительно, мол, ша, креветки, я здесь купаюсь. Не мы, но я. Уяснили?

Уяснили, кланяются, лепечут — хорошие, правильные гейши. Спецзаказ как-никак, без ерунды, но с наколками — драконы на причинных местах, очень эротично, очень. Но под кимоно не видно. А жаль, ага, очень жаль. Главное, от профсоюза юдзе никаких нареканий и быть не может: все — уровень! — чинно, прилично. Ну-у, почти прилично.

— Сначала пусть ноги раздвинут, а потом и голоса послушаем? — Василий Петрович смеются: хи-хи-хи, ха-ха-ха. И я смеюсь. А чего не посмеяться? Шутка хоть и добротно бородата и пылью рассыпалась, такая древняя, но... смеюсь: ха-ха-ха, хи-хи-хи!

— Конечно, конечно, Василий Петрович! Сорок восемь поз! Каждая девочка знает, каждая умеет!

— Поживем — увидим.

Юная кидо ласкает струны обтянутого собачьей кожей сямисена. Музыка нежна, как лепесток лотоса, прожеванный мясорубкой. Для юной кидо искусствогей неотделимо от самой жизни. Впрочем, так изначально и задумывалось — по высшему разряду. Черный лак деревянных гэта... кажется, сейчас малышка улыбнется: «Счет отправьте мне домой», и, веселая и беззаботная, побежит мыть ручки перед осяка: чашки ждут, сакэ уж стынет.

Почему кажется? Так и есть! Уверенно: побежит-побежит! С низкого старта, но не сегодня. Ведь почетная миссия: она же в воротах, гостей встречает-принимает.

— Прошу!

— Не проси, не бойся и не верь... — по привычке, рефлекторно бурчит Василий Петрович Заповеди. — Не проси... Мальчишка... Я помню, под конвоем оправлялись: полчаса утром, полчаса вечером — дважды в день, и больше не проси. И не просили! Бегом, конвоиры на подарочки не скупятся, овчарки поводки рвут,

слюной захлебываются... А ты, малец, небось даже параши не застал? Сразу на канализацию попал?

— Ага, Василий Петрович, сразу.

Свирепость тигра. Ненависть обманутой пантеры. Василий Петрович хватают ближайшую кошечку-нэко за локоть и швыряют спиной на бамбуковую циновку:

— Что ты мне шлюшек-дзеро подсовываешь?! Чайный домик?! Я сказал: в баню! Хочу в баню!!!

* * *

Василий Петрович предпочитают портер, а все равно какой. И копченого угря. А мы любим светленькое, «Туборг», холодненькое. И крабовые палочки. И копченого угря, чтоб Василию Петровичу не скучно одному трапезничать.

Василий Петрович молодца-бойца: перчик торчком сразу, без задержек и дополнительной стимуляции. Скоренько засеменил к моей зайке-секретарше. Старый ловелас — полотенце содрал, нагнул девочку рачком, шлепнул по попке, погладил бока — и засадил без предисловий. Да так, что у маленькой слезы брызнули и тушь поплыла.

Коммерсант! Уважаемый человек! Грудки лапает, кряхтит, доволен, старый козел, костлявой обвисшей задницей вертит, наслаждается.

— Ох, побаловал дедушку: давно я так глину не месил. Ты женат?

— Сходняк одобрил.

— Зря. Сам — себе хозяин. И чист перед Законом. Отдыхал от мирской суеты?

— А как же, Василий Петрович, а как же.

Кустистой бровью:

— Точнее?

— Одна ходка.

— Мало. Опыту, считай, никакого. Где?

— Сибирь-матушка. Усиленный.

— Статья?

— Влажная.

— Э?

— Выжил, падла. Но под себя ходит.

— Эх, пацанва, ничего от вас путного. Однако не валет и работать умеешь, признаю. Наслышан, хвалили твою контору: не барышник, баян по боку, дело знаешь, грамоте обучен.

— Приятно. От Вас-вы. Вдвойне.

— Ну и?

— Бумаги?

— Давай.

— Даю.

Шелест страниц. Беглый просмотр:

— Молодец, хоть и молод, а молодец: скидки правильные, условия без понтов. Уважаешь Закон?

— Уважаю. И заслуги, и годы, эполеты тоже.

— Поставки?

— Четко.

— Форс-мажор?

— Исключен, головняк. Неустойки, сроки — за наш счет.

— Выхлоп? Чистый?

— Сто два процента.

— Приемлемо. И весьма.

— Здесь и здесь. И печать.

— Что? Печать?! Мальчишка! Зуб даю!

— Зуб — это серьезно. Слишком. Нам бы попроще, мы же помельче, печать нам бы...

— Лады. Понравился ты мне. Все ты — мне-нам. А что производить будем?

— Воздух.

— Воздух? А продавать?

— Воздух.

— Н-да...

— А контору назовем «Оксиджен ЛТД».

* * *

Ушел. Ушли. Много их, Василия Петровича. Центр и десяток телохранителей-копий. Центр дряхлый, морщинистый; хранители в соку, крепкие — сразу видно, ка-

ким центр был в молодости. Сильным был — физически. И не только — до сих пор.

Пар, пустые бутылки, и всхлипывает зайка моя, плоть от плоти моей, кутается в полотенце, а коленки кругленькие наружу все равно вываливаются. Красивые коленки. Красивая зайка.

— Аньяш? Ну, не плачь, Аньяш. Это же работа. Бизнес. Так дела делаются. Иногда приходится...

— Я же замужем... а ты меня... под него...

— Аньяш, я тоже женат. Хватит, милая. Поехали домой. Заберем сына, устроим небольшой семейный праздник. Милая, я люблю тебя. Помнишь, в горе и радости, да? Ты же обещала?

* * *

Сонная мордашка сына — точная копия моего-я детского фото. Единственного фото. Лучший клон-я-он из проданных мне-я фермой «Деус Митс». Женушку мне вообще делали почти три года: тщательно выращивали костяк, формировали необходимый характер. Я-я сотню раз изменял требования к параметрам фигуры. Я-я продумал я-она до мелочей, до родинки в подмышке и реакции на продолжительную стимуляцию эрогенных зон.

Аньяш, как же ты-я прекрасна! Ты-я — идеал!

А ведь после сегодняшнего я-я не смогу с ней-я жить. Больше. Ну никак. Уж больно — больно!!! — реально ощущение крепкого члена в... Никак. Больше. Жить. Я-я же не отключался, я-я чувствовал каждую фрикцию. Я-я всегда должен контролировать ситуацию, обязан знать, что обо мне-я думают мои-я подчиненные, мой-я сын, я-гейши, я-я-я-я-я...

Нэко-я тоже обидно, но она-я перетопчется — бывает, работа такая, профэссия. И соединение у меня-я с ней-я значительно слабее, чем с Аньяш. Жена — напрямую. Утром готовила пожрать, пальчик обожгла, а я-я на свой дую. Дура-я! Наш-я пальчик обожгла! Внимательней надо!

Плачет.

Я-я-то знаю, что она-я думает и зачем копается в аптечке. Она-я решилась. Ну и ладно, все равно я-я подумывал заказать новую жену. Или я-любовницу. У меня-я давно не было стоящей любовницы-я. И сына-я пора сменить, у этого-я слишком идиотская улыбка.

Ну и ладно.

Зато контракт.

Плачет. Две упаковки сожрала каких-то голубеньких, по таблетке, с перерывами, запивая, чтоб не сблевать. Все...

А вот это чувствовать я-я ну совсем не хочу. Отрубаю всех-я, кроме Я.

Иногда МНЕ так хочется побыть одному.

Совсем одному.

Без себя.

АЛЕКСАНДР МУН

ШАНС

1

Ветер дул справа, ровный и сильный. Он взвивал кирпично-красную пыль, которая причудливо стелилась, огибая вездеход, от чего тот катился будто в эфемерном тоннеле. Где-то наверху угадывалось рыжее небо.

Полвека назад принято было считать, что как только атмосфера достаточно прогреется, а под поверхностью вскроются карманы с водой, цвет неба изменится. Влага притянет пыль из воздуха, превратив ее в грязь, а потом, когда примутся растения, — в почву. Увы, краснолицый бог оказался не согласен с оптимистами. А может, просто не обратил на них внимания.

Пыль. Главное проклятие Марса — мелкая, словно тертый мел, невероятно летучая, пыль проникала в лю-

бую щель, выводила из строя механизмы машин, а в самом начале, говорят, даже забивала сочленения скафандров. Она висела в воздухе круглые сутки, окрашивая полуденное небо оранжевым, а восходы и закаты — оттенками голубого. Это было невероятно красиво и так же невероятно чуждо. Пятнадцать лет назад Поллак на своей шкуре ощутил эту чуждость и впервые задумался, правильно ли поступил, переселившись сюда. В конце концов, планетологам хватало работы и на Земле, данные приходили регулярно... Но он был молод, он с четырнадцати лет твердо знал, что его место на Марсе, и терпеливо шел к этому. Сначала пришлось уехать из родных мест, потом покинуть родную планету. Отступать было поздно и стыдно.

За последние двадцать лет вскрылось восемь карманов. Парниковые газы в атмосфере и тысячи обогревающих термоядерных станций медленно, но верно делали свое дело. Миллиарды тонн воды, веками томившиеся под панцирем смерзшихся пород, теперь искали выход. Уступая бешеному напору, истончившаяся мерзлота вскрывалась, и над поверхностью, расшвыривая громадные глыбы льда и камня, мгновенно вспухал циклопический пузырь супергейзера. Вновь наполнялись древние русла, образовывались новые... Знаменитые каналы, добрых полсотни лет служившие предметом споров для наблюдателей с Земли, кипели бешеным течением. Потом карман иссякал, вода скапливалась в кратерах и впадинах, создавая стоячие моря и озера. Именно поэтому в проект станции «Эллада» в последний момент была добавлена плавучая подушка-фундамент. Весьма своевременно, как оказалось, — достраивать пришлось уже на воде. Прошло больше двадцати лет, четырехкилометровая платформа бороздит просторы Элладийского моря, занявшего место одноименной впадины, а пыль продолжает висеть в воздухе.

Нет, по берегам грязи и впрямь хватало. Вот только вода против ожиданий оказалась мертвой. В ней не удалось обнаружить даже бактерий, и с каждым новым

вскрытым карманом надежд оставалось все меньше. Хуже того, что-то не то в грунте, не то в самой воде упорно убивало все экспериментальные посевы. Не помогали ни разнообразные удобрения, ни генетические изменения семян. В любой момент можно было начинать монтаж установок для насыщения атмосферы кислородом, однако без растений это не имело смысла.

Поллак помнил, как Алиса еще месяц назад, трогательно переваливаясь, спешила по утрам в лабораторию. Ей очень хотелось на берег — увидеть посевы своими глазами, может быть даже разглядеть то, что не давало растениям выжить. Но врачи в один голос заявили: на девятом месяце ни о каких выходах со станции и речи быть не может. А потом...

Поллак почувствовал, как все внутри сжимается, и стиснул штурвал крепче. Хотелось с силой бросить его вправо, ставя вездеход мордой навстречу ветру, взрывая невесомую пыль широченными резиновыми катками и утяжелителем на брюхе. Чтобы собственной задницей прочувствовать каждую кочку, вмазаться головой в низкий потолок кабины, прикусить язык...

Он хорошо помнил тот день, когда его, изнемогшего от бессонницы и кошмарного ожидания, впустили к жене. Лицо ее страшно осунулась, на скулах натянулась кожа; это от лекарств, сказал кто-то. Поллак так и не решился коснуться безвольно лежащей поверх простыни руки с присоской капельницы на предплечье. А потом Алиса с усилием повернула голову и открыла глаза.

Секунду они смотрели друг на друга, и вдруг это стало невыносимо. Почти физическая дурнота выворачивала наизнанку: жгучий стыд, смешанный с острым ощущением бессилия и ненавистью к себе самому. Поллак закрыл лицо руками и, пошатнувшись, попятился к дверям, оттолкнул спиной сиделку и побежал, побежал, не разбирая дороги...

То есть ничего такого он не сделал, конечно, — наоборот... они даже сказали друг другу несколько полагающихся фраз. Но это ничего не меняло.

Алису выписали через неделю, назначив еще месяц постельного режима и приходящую сестру. Поллак начал избегать своей квартиры. Он искал маршруты подальше, надолго улетал с «Эллады», в одиночку колесил до «Причала» и обратно, отговариваясь необходимостью лично принять груз. Если вариантов не было, сидел в баре, опрокидывая стопки одну за другой. Потом шел сдаваться патрулю, чтобы переночевать в камере. Однажды растерянные охранники скрутили его около шлюза на «Причале» при попытке выйти наружу без кислородной маски. Хуже всего было — Поллак никому об этом не говорил, — что на самом деле он был тогда не так уж и пьян...

Все чаще его останавливали в коридорах — главу экспедиторской службы знала, без преувеличения, вся планета, — тревожно заглядывали в глаза, задавали осторожные вопросы; он отмалчивался или бессильно злился, не в силах облечь в слова те чувства, которые до сих пор будил в нем взгляд жены.

Она мало говорила теперь. Чаще просто смотрела. И от этого опять хотелось убежать подальше в пустыню и перерезать кислородный шланг.

Поллак криво усмехнулся. Да уж, выбрали не самого подходящего переговорщика. Сам он никогда не отправил бы человека в таком раздрае. Вот только старик уже успел послать по спутниковой к чертям всех, включая официального представителя IMCA, и вариантов у Сандерса, видимо, не оставалось...

Шлюз в вездеходе был тесный. Рослый Поллак привычно скорчился, упершись подбородком в грудь, а макушкой в один из верхних углов. Потом нащупал локтем кнопку — никаких сенсоров и другой излишней электроники в поверхностный транспорт отродясь не ставили, рассудив, что архаичный рубильник проще отремонтировать, случись поломка посреди промерзшей пустыни. За спиной с легким шипением задвинулась панель, он опустил на глаза пылезащитные очки и пошарил на груди, ища повисшую на ремешках кислородную маску.

Снаружи мело уже не так сильно — громада купола заслоняла вездеход от ветра, и пыль крутилась ленивыми смерчиками на уровне колен. Поллак пристегнул баллон к поясу и несколько раз высоко подпрыгнул, широко взмахивая руками, чтобы размять затекшие мышцы. Собственно, до купола можно было добежать и без маски, просто задержав дыхание; плотность атмосферы давно уже практически равнялась земной. Преобладала углекислота — кислорода, вытопленного из полярных шапок планеты, все еще недоставало, а в Пояс куда чаще попадались астероиды, состоящие из аммиачного льда или кристаллов двуокиси углерода. Поисковики запускали глыбы к Фобосу, где их ловили и аккуратно сбрасывали по ходу вращения планеты на экватор. Сорок лет подряд. Сейчас это уже прекратили, и в Пояс ходят только рудные поисковики...

Эта станция была когда-то единственной на Марсе и называлась «Нова». Самая маленькая, тесная, почти аскетичная, построенная сеттлер-десантом. Простой, как лом, механизм: с орбиты опускается автономный модуль с двумя сотнями строителей, сотней единиц монтажной техники и разделенной оболочкой будущего купола. Работяги живут в модуле, продовольствие им сбрасывают с орбиты. Оболочку нужно закрепить на поверхности и поддуть воздухом из баллонов. Потом в дело идет «сухой лед», челнок привозит еще несколько партий кислорода, воду, земную почву, и в получившейся атмосфере на громадных клумбах высаживаются трава и деревья — самая надежная система регенерации.

Все это было еще до рождения Поллака, он знал историю «Новы» по снимкам и записям. И хорошо помнил, кто командовал первопроходцами американского модуля «Поль Баньян».

Кастор Цвиллинг. Бессменный смотритель и главный техник первой марсианской станции вот уже четыре с половиной десятка земных лет. Живая легенда. Проклятый упрямый старикашка. Впрочем, в год высадки ему еще и тридцати не было...

Поллак широко зашагал к куполу. Налетел порыв ветра, все опять заволокло ржавой дымкой. Он нырнул под козырек у входа и приложил к считывателю личный ключ. Допуск главы экспедиторов позволял свободно войти в пределы любой из четырех станций. Однако на этот раз индикатор остался тусклым.

Это было неожиданно. Еще пару секунд он продолжал прижимать ключ к панели. Наконец, поняв, в чем дело, убрал карту, тщательно застегнул карман и поднял глаза, ища объектив укрытой в прозрачной сфере камеры. И практически сразу пискнул в ухе динамик рации. Поллак, прижав горошину пальцем, переключился на прием.

— Уходите, — металлически-гнусаво прозвучало из наушника. Не дожидаясь ответа, собеседник разорвал связь.

Поллак подождал немного, гипнотизируя камеру взглядом. Потом демонстративно развел руками и зашагал к вездеходу. Через минуту он вновь появился у люка, держа наперевес обшарпанный отбойный молоток. Шевельнул переключателем, извергнув короткий рев, и начал примериваться жалом к стыку пластин под считывателем.

В ухе снова пискнуло.

— Кончайте балаган, — произнес голос.

— Вот еще, — отозвался Поллак жизнерадостно. — Я только начал!

— Андраш, не ведите себя как ребенок. Погубите купол! — лязгнуло в наушнике. Поллак с удовлетворением уловил раздраженные нотки. Хорошо, подумал он, пускай лучше злится.

— Это еще вопрос, кто тут ребенок, — он опустил молоток. — А насчет купола и вовсе помолчали бы. Откройте шлюз, Кастор. Не съем я вас, в самом деле.

Собеседник долго молчал, в наушнике потрескивали помехи. Потом люк медленно уполз вверх, открывая внутренности шлюзовой камеры. Поллак вошел, прислонил молоток в углу и с наслаждением содрал маску с

очками, подставляя бока подвижным вакуумным соплам.

Отсюда шел короткий изогнутый коридор, заканчивающийся еще одним люком, ведущим непосредственно в купол. Странно было в полном одиночестве шагать по узким дорожкам между клумбами, в которых неподвижно застыли приземистые деревья. Он знал, что население эвакуировано, но подсознание упорно твердило: станция должна быть людным местом, тем более такая небольшая. Если бы не кроны деревьев, прямо отсюда был бы виден противоположный край купола.

Он миновал пару жилых пятиэтажек, круглый пруд в центре, а потом в легкой оторопи остановился перед небольшим домиком с матовыми окнами и табличкой «Центр управления» рядом с входом.

Кажется, здесь собрались все мобильные роботы внутреннего обслуживания. Угрожающе топорщились секаторы садовников; кабельщики, похожие на больших серебристых жуков, сплошным ковром облепили дверь; с периферии матово поблескивали боками неповоротливые тумбы уборщиков. Воинство было неподвижно, и это нагоняло жуть.

О том, чтобы пройти здесь, не могло быть и речи.

Поллак опустился на край клумбы и привалился спиной к стволу огромного тополя. Оживил рацию и спросил, не сомневаясь, что на другом конце слушают:

— Это мне за отбойный молоток?

Собеседник отозвался с некоторой задержкой.

— Это чтоб вы не дали старому человеку по голове и не поволокли спасать.

— Да уж, вы изобретательный самоубийца, — протянул Поллак. — Но я же один пришел. Может, как-то... менее театрально?

На этот раз пауза была гораздо длиннее. Поллак ждал. Боится. Все эти фортели с радио и роботами мог выкинуть только сильно напуганный человек. И не просто боится, а боится выглядеть глупо. Неудобно ему, неловко от задуманного. Пожалуй, старик и сам не рад происходящему...

— Ладно, — неожиданно сказал голос в наушнике, и задумавшийся Поллак едва не подпрыгнул. — Я отведу роботов, и вы зайдете. Но учтите, общаться мы будем через стекло. И у меня будет оружие.

Поллак решил промолчать. Мало ли что.

* * *

Револьвер был черный, громоздкий, с уродливо торчащим шестигранным барабаном. То, как старик держал чудовище, наводило на мысли, что рукоять не отличается удобством.

Эта комната громко именовалась «залом машинного тестирования». Неизвестно, что именно здесь предполагалось тестировать, но толстое армированное стекло, делившее помещение пополам, явно способно было выдерживать серьезные удары. Из мебели имелся только пыльный пластиковый стул. Впрочем, Поллака больше занимал револьвер.

— Слушайте, Кастор, — произнес он почти восхищенно, — а зачем вам эта... штука? И откуда она у вас вообще?

Цвиллинг растерянно моргнул набрякшими веками. Он явно уже очень давно не спал.

— Роботы могут сделать очень многое, если знать, как этого добиться, — сказал он, осторожно массируя висок пальцами свободной руки. — Порох тоже не проблема: селитра из удобрений, уголь, сера. А зачем... Если честно, сам не знаю. Это все утомление. Оставили бы вы меня в покое, Андраш. Все равно ничего у вас не выйдет.

Его голос шел из динамика на стене. Поллак подтянул носком сапога стул и уселся верхом.

— Давайте хотя бы просто поговорим, — как мог мягко сказал он. — Я ведь приехал поговорить.

— Не о чем нам с вами говорить. Я уже сказал все, что хотел и кому хотел.

— О да, — Поллак хохотнул. — Я слышал. Кстати, я

еще и видел, как вытянулась физиономия Сандерса во время вашей краткой, но эмоциональной беседы.

Старик глянул на него затравленно.

— И все-таки, — резко посерьезнев, продолжил Поллак, — главного вы ему так и не сказали. Чем вам так насолила эта станция, что вы решили ее уничтожить?

— Станцию уничтожит Марс.

— Ну, это все слова. Под «Новой» вскрывается карман, и если купол не свернуть, то его в труху перемелет. Я это знаю, вы это знаете. Бездействие тоже может быть активным...

— Вы для этого приехали? Читать морали и оглашать банальности?

Поллак осекся, сбитый с толку неожиданно злым и резким тоном собеседника, но решил не упускать инициативу.

— Я приехал спасти восемьсот тонн ценного оборудования и одну человеческую жизнь.

Он сказал и тут же понял, что ошибся. Сощуренные выцветшие глаза смотрели на него холодно, как на таракана.

— Восемьсот тонн оборудования. — Цвиллинг произнес это со странной интонацией, будто цитируя неведомый текст. — Сорок шесть лет работы. Одна никчемная жизнь. Чувствуете, как снижается уровень ценности?

— Вы напрасно...

— Помолчите, Андраш. Странное дело: ни Администратор Сандерс, ни Земля не удосужились спросить, зачем я это делаю. Удивительно. Может, они попросту знали причину? Знали, отчего у этого маразматика Кастора Цвиллинга случился срыв? Почему старый пердун сидит на ледяном супергейзере и не желает слезать? Может, потому, что старый Кастор Цвиллинг слишком старый? Он износился, бедный лысый марсианин, и ему пора на свалку истории, к боевым треножникам! К черту Кастора Цвиллинга! Давайте спасем хотя бы ценное оборудование, которого восемьсот тонн! И по-

этому к экстремисту отправляют лучшего друга всей планеты, Андраша Поллака, чтобы уговорить его уладить дело миром!..

— Хватит! — заорал Поллак, теряя контроль. — Я не понимаю, что вы несете!

— Прекрасно понимаете, Андраш, просто не хотите осознавать! Карман вскрывается очень вовремя, Сандерс давно уже точит на меня зуб! Вы разберете станцию, а потом ее построит кто-то другой — помоложе, поглупее, посговорчивее! И все кончится! Это!.. Это...

Он вдруг с задушенным всхлипом потянул воздух и, выронив револьвер, неловко полез за пазуху. Поллак бросился вперед, совершенно не представляя, что делать.

Старик неверным движением извлек трубочку с мелкими двухцветными капсулами и принялся откупоривать ее над трясущейся ладонью.

— Ничего, ничего... Сейчас пройдет...

Закинув наконец таблетки в рот, он прошаркал к стене и, тяжело привалившись плечом, в два приема сполз на пол. Казалось, морщины на длинном бледном лице стали глубже, состарив его еще сильнее, и тускло отсвечивала огромная восковая лысина, покрытая крупными бисеринами пота. Повисла тишина.

— Кастор, — тихим, дрожащим от напряжения голосом позвал Поллак, навалившись на стекло. — Впустите меня.

— Это не нужно. Просто дайте мне пару минут...

Донеслось негромкое деловитое жужжание. Из бокового коридора за спиной Цвиллинга выкатился передвижной медицинский модуль, похожий на старомодное инвалидное кресло. Старик вытянул руку, и суставчатый манипулятор змеиным движением ужалил его под локоть.

— Не думал, что они могут покидать медицинскую зону, — пробормотал Поллак.

Цвиллинг бросил в его сторону насмешливый взгляд.

— Это моя станция, — отозвался он вновь окреп-

шим голосом, с отчетливой ноткой гордости. — И это мои роботы.

Он посидел на полу еще немного, а потом, держась за стену, перебрался в кресло. Там старик запрокинул голову и замер. Только правая рука рассеянно, как собачий загривок, оглаживала подлокотник. Поллак поднял упавший стул и снова оседлал его.

— Вас хотят отправить на Землю? — спросил он.

— Даже не знаю, — отозвался Цвиллинг, не открывая глаз. — С одной стороны, это слишком дорого. С другой, останься я здесь, последствия могут оказаться неприятными... для определенных лиц. На месте Сандерса идеальным вариантом было бы дать мне закончить. Но ему нужна станция.

— Какие еще неприятные последствия? Для кого?!

— Андраш... Бросьте притворяться слабоумным. Это вам не идет. Взгляните сами: Марс, станции, Пояс. Неужели никогда не представляли, чем все это кончится?

Поллак честно задумался.

— Ну, как же... — начал он осторожно. — В конце концов экологи найдут способ высадить растительность, запустят полноценный цикл. Почва, озера. Города. Все то, что в дефиците на старой Земле. Часть тамошнего населения отправится сюда. Здесь будет жизнь, уже не загнанная под купола — настоящая. Марсианская.

Сухие тонкие губы старика сложились в сардонической усмешке.

— Вы забываете, что такое власть. Даже выйдя в космос, дотянувшись с грехом пополам до соседней планеты, государства Земли так и не нашли общего языка. До сих пор, как и сто лет назад, каждое держит фигу в кармане против остальных. И наш Сандерс в общем-то не лучше. Конечно, он бывший астронавт, но за сорок лет человек меняется... Когда здесь вырастут города, вряд ли Администратору будет нужна гиря на ноге в виде третьего камня от Солнца. И это, будьте уверены, не понравится Земле. Я точно знаю, что случится. Отсюда слишком дорого возить ресурсы. Даже букси-

ровка астероидов из Пояса обойдется чуть ли не дороже их собственной стоимости. Часть населения, говорите? У старой Земли только один выход — всеобщее переселение. А мы тем временем уже начинаем потихоньку плодиться, Андраш. Нам тесно в куполах. Не думаю, что Марс сразу станет райским уголком, но как только на поверхности можно будет выращивать злаки и свободно ходить без масок, население подскочит в десятки раз. Известно, в экстремальных условиях человек размножается особенно активно. Не удивлюсь, если за три-четыре поколения мы основательно заселим планету. Но это будет потом, если вообще будет. А гораздо раньше начнется первая в истории человечества межпланетная война. Война загнившей метрополии с зазнавшимися колонистами. Не в первый раз и, поверьте, далеко не в последний.

Поллак выбил на спинке стула замысловатую дробь и с силой потер ладонью подбородок. Все-таки плохой я переговорщик, подумал он, изо всех сил стараясь сохранить бесстрастное лицо.

— Вы... далеко заглядываете. Оставим пока в стороне мое отношение к вашим выкладкам. Но мне все равно непонятно, почему за эти высказывания вас должны высылать с планеты или желать вам смерти. Всего лишь версия, и вполне промарсианская, кстати...

— Не всего лишь версия, а крайне вероятный сценарий развития событий! И вы неверно оценили мою точку зрения. Во-первых, я очень надеюсь не дожить до начала войны. А во-вторых, мне равно противны обе стороны. Лично я хотел бы одного — увидеть, как моя станция сбросит купол и начнет спокойно превращаться в город. Спокойно! Направлять, оберегать, вовремя отступать и строить прозорливо, учитывая все возможные ошибки. Я создал этот купол. Я прожил в нем жизнь, и у меня нет никого и ничего кроме. Это моя территория. И я полагал, что могу говорить здесь все, что хочу, не оглядываясь. Но Сандерс счел мои речи несвоевременными. Что ж, он знает мой ответ. Лучше

пусть будет Марс без «Новы». И — да, я эгоист. В мои годы это можно себе позволить... Вы меня слушаете?

— Да, конечно, — как ни в чем не бывало отозвался Поллак.

Только что он заметил, что в местах соединения массивного стекла со стеной выступают едва заметные губки из плотного полимера. Динамическая герметизация. А это могло означать, что стекло на самом деле — дверь, способная при необходимости убираться в стену или потолок. И поэтому... Он не дал себе додумать, понимая, что молчание может оказаться подозрительным.

— Я понял, что вы эгоист. Но вы еще и ценный эгоист, Кастор. Вы не допускаете мысль, что все может оказаться не так плохо? Такой специалист, как вы, может пригодиться, пусть и не в качестве смотрителя станции...

Не важно, что говорить, — пусть просто слушает, думал Поллак. Главное, чтобы он не заблокировал аварийное обращение к системе. Наверняка закрыты средства управления внешними шлюзами, да и не удалось бы отдать команду снаружи — компьютер воспринимает только сигналы с территории станции. Да, но я-то уже внутри... Десять лет назад был изменен распорядок действий в чрезвычайных ситуациях. Теперь в случае нарушения целостности купола здания больше не герметизируются, как это было в самом начале. Вместо этого автоматика должна открыть все внутренние люки, а населению предписывается получить дыхательные маски в аварийных хранилищах, расположенных у входов. За оболочкой купола следят датчики, однако на случай их отказа поднять тревогу может лицо руководящего ранга. Например — начальник экспедиторской службы, со своего личного терминала.

— Для вас Марс — это противник, хитрый, упорный, слабо поддающийся пониманию, — говорил тем временем Цвиллинг, выпрямившись в кресле. — Он строит каверзы, вы их преодолеваете. Это противостояние длится уже почти полвека. А для меня эта планета давно стала живым существом. Я первый ступил на ее

поверхность. Я люблю ее больше, чем можно любить женщину. Я построил первый купол. И вот теперь я должен наблюдать, как все валится в тартарары. Мне стыдно, Андраш. Я думал, что подарю Марсу жизнь, которой у него не было, может быть, никогда. А станция оказалась первым метастазом, предвестником крови, горя и смерти. Как я могу теперь ходить по этой планете?..

Интересно, может ли старик управлять станцией или для этого нужно быть у главного пульта? И что, если это все-таки не дверь? Придется рискнуть. Поллак привстал, словно пытаясь устроиться на стуле удобнее, и незаметно снял с пояса терминал. Старик еще продолжал говорить, что-то совсем уже невыносимо возвышенное, когда Поллак, набрав ощупью код тревоги, утопил клавишу. Он ждал, чувствуя, как на лбу выступает испарина, а потом коротко мигнул свет, с потолка раздался механический голос, и стекло, с натугой дернувшись, поползло вверх, обнажая выступы нижней кромки.

Поллак вскочил, отшвырнув стул. Медленно росла щель над полом. Вот она стала с ладонь, с две ладони... Он прыгнул, выставив руки, как ныряльщик. Прокатился на животе по полу, сильно ударился плечами, но прорался на другую сторону, чувствуя, как расползается ткань на плечах. Оскальзываясь, вскочил. Старик еще ничего не успел понять — прошло всего несколько секунд, — и Поллак с размаху впечатал ему в шею присоску мини-инъектора, спрятанного на запястье.

Какую-то долю секунды они молча смотрели друг другу в глаза. Наконец Цвиллинг потрясенно и очень отчетливо произнес: «Schweinehund!», и глаза его закатились.

2

В отсеке малого конвертоплана было тесно. Видимо, предполагалось, что в полете пассажиру положено сидеть, а после посадки организованно, мелкими шажками, двигаться на выход. Сейчас, впрочем, пассажир был

всего один. И усидеть на месте он был просто не в состоянии.

«Почему так долго?» — вновь всплыла раздраженная и донельзя глупая мысль. Сандерс понимал: ожидание, возможно, только началось. Неизвестно, о чем сейчас говорят эти двое, и узнать нет никакой возможности. Он сам, опасаясь датчиков станции, велел Поллаку не брать ничего, кроме штатной рации.

На Земле Администратор весил бы сейчас не меньше полутора центнеров. Некогда стройное тело астронавта за тридцать лет на поверхности превратилось в обрюзгший цеппелин. Он усилием воли заставил себя остановиться и медленно повернулся в проходе, перебирая руками по спинкам кресел.

Кастор и Поллак. Оба они были очень дороги ему. И оба ухитрились пойти вразнос одновременно.

Сандерс вдруг вспомнил давнюю, сорокалетней давности ссору. Они собачились тогда из-за поставок оборудования. Кастор сыпал непроизносимыми немецкими ругательствами, казалось, готов был расколотить экран... и вдруг замолчал, а потом сказал очень тихо: «Тут небо на закате голубое... Как дома». И к вечеру Сандерс лично забрался в модуль и отправился на поверхность с грузом, наплевав на расход горючего. И они стояли вдвоем у пропыленного борта «Поля Баньяна», ловя взглядами голубую полоску над горизонтом, в которой медленно тонуло такое непривычно маленькое солнце. И уже перед самым его отлетом Кастор сказал: «Нам всем предстоит еще очень многое принять». Эти слова Сандерс запомнил.

Отсюда нет пути назад. Слишком дорого отправлять кого-то на Землю, да и не на чем — редкие транспорты ходят только в одну сторону, а потом переходят на баланс колонии. Все об этом знают, и официально никто не жалеет. Вот только официальность на Марсе значит немного. Очень трудно осознавать, что голубая полоска на горизонте утром и вечером — это все, что напоминает о Земле. Трем тысячам марсиан необходимо безостановочно повторять, каким важным делом

они заняты. И никакие радио- и телевизионные трансляции здесь не помогут. Нужно уметь говорить с людьми. Как Кастор.

И как Поллак. Мальчишка с горящими глазами, по уши влюбленный в Марс. Такое встречается нечасто. Помнится, потребовался год, чтобы уговорить его бросить планетологию и заняться распределением грузов, не выдав при этом настоящей причины...

Не то чтобы Сандерс всерьез верил, что жизнь в колонии держится на этих двоих. Просто они были единственными настоящими друзьями, до конца понимавшими его мысли, его страсть. И, может быть, поэтому ему стало так не по себе, когда, вынырнув из очередного периода отчетности, он обнаружил, что Поллак после выкидыша у жены провалился в глубокую депрессию, а Кастор третий месяц не показывается на людях, запершись в своем центре управления и не отвечая на вызовы. Несколько дней Администратор и сам находился в некотором помутнении, не зная, что делать, а потом Марс подкинул еще один сюрприз — сейсмологи объявили, что под «Новой» готов вскрыться водяной карман. Сначала Сандерс даже обрадовался — это был повод наконец поговорить с Кастором. Но достучавшись до станции по экстренной спутниковой, он совершенно неожиданно для себя обнаружил вместо старого друга полусумасшедшего параноика. Это было так страшно, что он непростительно потерял голову. Только этим и объяснялась отчаянная попытка устранить одну проблему с помощью другой.

Теперь оставалось только ждать.

Лязгнула дверца. Он медленно поднял глаза и тяжело уставился на просунувшего голову в отсек пилота.

— Пыль на три часа, сэр, — сообщил тот. — Думаю, это они.

Сандерс поморщился. Почему-то официальное «сэр» его раздражало. Казалось бы, бывший астронавт, еще раньше — военный летчик, а поди ж ты...

— Вызови Поллака.

— Не получается, — качнул головой пилот. — У него что-то с рацией.

— Ладно, подождем...

Пилот скрылся.

Они. Мальчишка уверен, что Поллак привезет Кастора. Жаль, нельзя одолжить хотя бы часть этой уверенности.

Он пробрался к иллюминатору и откинул металлическую заслонку. За толстым стеклом тускло светилась красная равнина, закиданная громадными причудливыми глыбами. Сандерс прилип щекой к окошку и разглядел на горизонте медленно ползущий столб пыли. Они... Вряд ли кто-то еще в здравом уме будет раскатывать по сейсмически опасной территории, рискуя неожиданно оказаться на дне новорожденной реки. А значит, пилот прав, это вездеход Поллака.

Снова навалилось глухое раздражение. Нет ничего хуже последних минут ожидания. Ему вдруг остро, впервые за пятнадцать лет, захотелось сигарету. В куполах табак был запрещен, но особенно ярые курильщики все равно протащили семена, и делянки время от времени обнаруживались в укромных уголках клумб. Сам Сандерс бросил курить еще в академии, но здесь, перестав подниматься на орбиту, тайком начал снова. Об этом знали немногие: личный секретарь да Кастор. Поллак не знал — второй раз Администратор бросил еще до его прилета...

— Это все нервы, — сказал он вслух и принялся вдавливаться в кресло.

Теперь он мог, чуть склонив голову, наблюдать за пыльным хвостом. Потом взгляд упал на кусочек поверхности перед самым окошком. Здесь бродили маленькие смерчики: сталкивались, развеивались и воскресали вновь, уже в других местах. Он так и просидел, поглощенный бесконечным движением, впав в странное оцепенение, а когда прямо на место танцев пыльных столбиков вкатился вездеход, даже слегка расстроился. Надо взять себя в руки, отстраненно подумал он, и тут из вездехода вывалился Поллак.

Куртка на нем висела лохмотьями, маски на лице не было. Он выволок, уцепив под мышки, изможденное тело и торопливо потащил к борту конвертоплана. Сандерс рванулся. Кресло жалобно скрипнуло, выпуская его из своих объятий.

Перед шлюзом уже топтался пилот. У мальчишки были дикие глаза, и он все тыкал одеревенелым пальцем в клавиши, пытаясь набрать несуществующий код. Сандерс молча отшвырнул его в сторону и ударом кулака своротил тумблер экстренного выхода, раскрошив пломбу. Крышки шлюзовых люков разбежались в стороны, волосы шевельнуло воздухом, потекшим наружу. Сандерс, глубоко вдохнув, шагнул вниз по трапу. На зубах заскрипела невидимая пыль. Подбежавший Поллак забросил безвольное тело Кастора ему на руки и сам тут же начал слепо заваливаться вперед. Толстяк подхватил его за шиворот изодранной куртки и, надрывно замычав сквозь сцепленные зубы, втащил обоих в шлюз.

* * *

— Почему без маски? — звенящим от ярости голосом спросил Сандерс.

— Потому что маска была на нем, — с бледной усмешкой отозвался Поллак. — Свою я раздавил, когда лез к нему с инъектором, запасная в вездеходе только одна, а со станции их все позабирали во время эвакуации.

Сандерс поднялся и сердито зашагал в проходе, цепляясь жирными боками за тесно стоящие сиденья.

— Вы бы видели, как мы грузились, — вновь подал голос Поллак. — Здоровенный кислородный баллон на тележке и два шланга с намордниками. Жалко, пришлось бросить — в вездеход такое богатство никак бы не поместилось.

— Ты мог просто вызвать меня и попросить выйти!

— Да чего ждать? Два шага же... И рацию я тоже угробил.

— И личный терминал? — вкрадчиво поинтересовался Сандерс, пристально вглядываясь ему в глаза. Поллак потупился.

Повисла тишина, нарушаемая только легким посвистыванием выставленной на максимум системы регенерации и приглушенным лязганьем металла — это пилот загонял вездеход в грузовой отсек.

— Меня окружают психи и самоубийцы, — в сердцах сказал Сандерс и прошел к ряду задних сидений со сложенными подлокотниками.

Здесь лежал Кастор, освобожденный от кислородной маски и раздетый до пояса. На впалой груди раскинулся, запустив лапки под кожу, антрацитово-черный паук наномедик. Черт его знает, чем аппарат сейчас занимался, но бледность уходила со старческого лица прямо на глазах. Стоимость устройства была близка к стоимости среднего звездолета — учитывая затраты на пересылку с Земли. Таких роботов на планете было всего два, и этого Сандерс лично выкрал утром из госпиталя на «Олимпе». Именно благодаря ему Администратор в свои восемьдесят еще не превратился в развалину окончательно.

— Как все прошло? — угрюмо спросил Сандерс, опускаясь рядом с Кастором.

— Ужасно. Как в Диснейленде. Мрачный замок черного властелина и сонмы слуг его...

— Давай без фиглярства.

Поллак вздохнул, помолчал и начал рассказывать, стараясь не смотреть на мрачнеющего все больше Сандерса. Заглянул пилот, сообщил, что можно взлетать. Был он мокрый и взъерошенный. Сандерс неопределенно махнул рукой, пилот помялся, но решил не переспрашивать и скрылся в кабине.

— Так это правда? — спросил Поллак. — Будет война?

— Андраш... — Сандерс не глядел на него. — Когда ты последний раз интересовался событиями на Земле?

Поллак неопределенно дернул плечом. Снаружи глухо взвыли двигатели, раскручивая плоскости винтов;

машина оторвалась от поверхности и начала набирать высоту.

— А зря. Тогда бы ты знал, что Земле мы сейчас почти не интересны. Конечно, есть IMCA, большая международная организация, на нужды которой тратится несколько миллиардов евро в год. Но помимо этого существует много других вещей, на которые уходит куда больше. Население Земли снизилось за полвека на полмиллиарда человек — институт брака практически изжит, женщины не рожают, предпочитая карьерный рост и развлечения. Америка продолжает бороться с организованным терроризмом, и обе стороны получают огромное удовольствие. Волна преступности захлестнула Европу, там благополучные граждане в ужасе прячутся по домам и покупают пистолеты. Россия тщится не растерять территории и ведет переговоры с Японией о поставках ресурсов. В Китае раскручивается маховик бархатной революции. Продолжить? Средний землянин и не помнит о каких-то жалких трех тысячах марсиан под четырьмя куполами. Правительства играют в свои игры, как и многие века до того. Всю эту массу почти невозможно покачнуть. Война? Переселение? На чем?! Земля до сих пор не располагает технологиями для переброски больших масс пассажиров оттуда — сюда и, более того, не желает их разрабатывать. Им не нужны наши ресурсы. Им не нужна эта, на их взгляд, гиблая планета. Там свои проблемы, и даже космос не в силах отвлечь людей.

Поллак рассеянно смотрел куда-то в угол, теребя застежку привязного ремня на животе.

— Мы слишком заняты, чтобы интересоваться новостями с родины, — с кривой усмешкой произнес Сандерс. — Да и какое нам до них дело? Я не могу вспомнить ни одного колониста, у которого на Земле остались бы родственники. Сюда уходят навсегда, сжигая все мосты. Так легко прижилось наше самоназвание... Мы уже настоящие марсиане. Строим свой мир, точно зная, что нам предстоит в нем жить. Наживаем психозы, понимая, что не увидим плодов своего труда. Женимся и

рожаем детей без надежды показать им земное небо. Я не знаю, что будет со старой Землей дальше. Может быть, именно нам суждено стать последним осколком человечества. Доказательством того, что оно бессмертно и неистребимо.

Сандерс пошарил в кармане на спинке впереди стоящего кресла и, достав бутылку с газировкой, принялся скручивать крышку. Рокот двигателей неуловимо изменился, и на миг они провалились в невесомость свободного падения. Переведя винты в горизонталь, конвертоплан легко клюнул носом, а потом упруго рванулся с места, выравниваясь в движении. Их вдавило в спинки кресел. Встревоженный паук замигал разноцветными огоньками, и Сандерс заботливо придержал голову Кастора.

— Когда он очнется, я попробую объяснить ему. Может быть, он еще поймет меня. Старики вообще понимают друг друга лучше молодых. Они знают, что еще один шанс есть всегда. Вот только сил уже может не хватить...

Он еще раз посмотрел на Поллака. Тот молчал.

3

Вездеход Сандерс не отдал. Собственно, имел полное право — это был его вездеход. Кроме того, Администратор, кажется, боялся, что после его отлета Поллак развернется и упылит куда-нибудь в пустыню.

Винты взревели, и конвертоплан, мелькнув на фоне восходящего Фобоса, унесся на запад, к «Олимпу». Поллак задумчиво покачался с пятки на носок, борясь с совершенно мальчишеским негодованием. Вот возьму сейчас и пешком уйду. Тоже мне — Администратор...

Он усмехнулся и тряхнул головой. Вышло донельзя фальшиво. Ему очень не хотелось на «Элладу». Правда, до платформы надо было еще добраться по воде; эта отсрочка несколько спасала ситуацию.

Фобос поднялся уже на ладонь. С востока ему навстречу высунулся крохотный Деймос. Вокруг каждой

из лун едва заметно светился красноватый туманный ореол. Когда Поллак только прилетел, он каждый вечер старался выкроить момент полюбоваться на невероятное для землянина зрелище. Ему было прекрасно известно, что причина в излишней торопливости Фобоса, чей период обращения вокруг планеты составлял всего восемь без малого часов. Но наяву видеть встречающиеся в ночном небе луны...

Когда-нибудь Фобос упадет на Марс. Точнее — упал бы, оставайся все как раньше, однако теперь в дело вмешался человек.

До морского терминала было рукой подать. Он подошел к воротам, и створки медленно разъехались перед ним, пропуская в гигантский шлюз для грузовиков. Из будки навстречу уже шел дежурный.

— Вы Поллак? — спросил он с сильным непривычным акцентом.

— Ай-ай! — дурашливо рявкнул Поллак на американский манер и расхохотался, заглянув в оторопевшие глаза за стеклами защитных очков.

Они прошли в ангар.

— Нам сообщили, вас надо доставить на «Элладу», — сообщил дежурный, неуверенно косясь на Поллака.

Без маски стало видно, что ему от силы лет двадцать пять.

— Правильно, — серьезно кивнул Поллак. — Прямые приказы Администратора Роберта Сандерса не обсуждаются. Андраша Поллака, главного экспедитора Марсианской колонии, препроводить в супружеское гнездо, не слушая никаких отговорок. При сопротивлении применять силу! Верно я говорю?

— Н-нет, — парень выглядел совсем сбитым с толку. — Просто доставить. Катер уже готовят... сэр.

Поллак запрокинул голову и с хрустом расправил плечи.

— Ладно, — произнес он устало, таращась во тьму под запредельно высоким потолком. — Согласен на

транспортировку, чинить препятствий не намерен... Да успокойся, в самом деле. Здесь тебе не армия.

Они пошли вдоль фасадов складских ячеек и гаражей.

— Когда с Земли? — спросил Поллак.

— На прошлой неделе, борт Y46/53t-m, — отрапортовал дежурный, а потом вдруг добавил с чувством: — Четыре месяца летели, думал — подохну там от скуки. На весь транспорт десять пассажиров и экипаж.

— Пятьдесят третий... — протянул Поллак задумчиво. — Так это же я вас встречал.

— Не помню, — признался дежурный. — Я последние дни, как на орбиту начали заходить, будто вареный был. Невесомость проклятая...

— А теперь?

— Честно? Странно. Но здорово — луны эти, пустыня, море. Я сам из Красноярска, вообще столько воды никогда не видел.

— Так ты русский? — Поллак взглянул на спутника по-новому. До сих пор на Марс прибывали только европейцы и американцы.

— Ну да, — смущенно подтвердил дежурный.

Впереди раздался протяжный металлический стон.

— Это, наверное, катер ваш спустили.

Они вышли на причал. Приземистый кран складывал телескопическую стрелу, а у стенки и правда покачивался, поблескивая колпаком кабины, пассажирский катер.

— А у вас почему имя такое? — спросил вдруг русский, снова мучительно застеснявшись. — Вы венгр? Как это... мадьяр?

— Марсианин, — усмехнулся Поллак и, хлопнув его по плечу, быстро зашагал к воде.

Катер плавно поднимался и опускался на встречных волнах. Машину к станции вел автопилот, и сейчас это было очень кстати. Хотелось одиночества.

Что я ей скажу? Что вообще можно сказать после всего, что произошло?..

Береговые огни потерялись где-то позади, и в небе,

перечеркнутом извилистой полосой Млечного Пути, ярко горели созвездия. Те же, знакомые с детства. Слишком мало для Галактики расстояние между двумя пылинками, на которых теперь обитает человек — самодовольный, уверенный в собственном превосходстве... Но что же я ей скажу?

Медленно надвинулся и поглотил половину неба купол станции, усеянный по основанию габаритными огнями. Катер снизил скорость, а потом нырнул в открывшийся шлюз.

После заброшенной «Новы» казалось, что на «Элладе» слишком людно. Поллак миновал порт, в зоне клумб забрался в одноместную транспортную кабинку и устало откинулся на сиденье. Пятнадцать минут до жилой зоны. И совершенная пустота в голове. Внизу проплывали ярко освещенные дорожки, скамейки, темные макушки деревьев. Там гуляли, отдыхали после смены, тайком целовались в тени. Как когда-то они с Алисой.

Клумбы закончились, потянулись жилые корпуса.

Наконец кабинка опустилась и откинула люк, но Поллак еще долго сидел, не решаясь выйти. Потом на панели тревожно замигала лампочка, призывающая не быть эгоистом и освободить транспортное средство. Тяжело вздохнув, он полез наружу.

Окна в их квартире не горели. Перед дверью Поллак остановился. Ключ, зажатый в окостеневших пальцах, никак не хотел попадать в скважину, и тут дверь открылась ему навстречу.

Алиса стояла в проеме, близоруко щурясь на свет. Она только что легла и сама, кажется, не понимала, что заставило ее встать, завернуться в халат и пойти к двери.

— Ты вернулся? — спросила она неуверенно, и тогда Поллак, переламывая тягучее чувство беспомощности, ставшее таким противоестественно привычным в последние недели, шагнул ей навстречу, протягивая руки.

Кажется, он плакал.

НАВЬ VISION

Крэй, Баркер и Мартышка повисли на ржавых скобах вентиляционной шахты. Лучше всех устроилась Мартышка — все-таки у нее было шесть рук.

Внизу сборщики распяли отчаянно орущую и дергающуюся Рут. С каждым взмахом дисковых пил она кричала все тише, пока наконец вопли не превратились в пульсирующее повизгивание. Закончив работу, сборщики загрузили демонтированные блоки и конечности в корзины за спинами. Альфа-сборщик вытянулся на щупальцах над остальными. Верхняя половина блестящего шарообразного тела завертелась, бросая блики по стенам.

— Конец ей, — протянул Баркер. — Всю механику выдрали...

На пыльном полу, в луже грязных слизистых потеков, остались лежать извивающиеся останки Рут. Органическая оболочка с конвульсивно бьющейся головы содралась, обнажив металлический череп.

— Ну почему всегда так? — всхлипнула Мартышка. — За что? Почему мы не послушались тех, кто был против ухода из деревни?

— А то они до нас там добраться не могли, — огрызнулся Баркер. — И вообще, никто тебя силой не тянул. Ты сама громче всех орала, что нужно идти.

Одна из скоб, на которой он повис, вдруг лопнула с сухим треском, и Баркер едва не сверзился на сборщиков. Выругавшись, он поднялся повыше, где металл не так проржавел.

Крэй оказался нос к носу с Мартышкой.

— Э-э... — протянул он. — Она ведь все равно вернется. Просто Машине понадобились находящиеся в ней элементы.

— А тебя сколько раз разбирали? — спросила Мартышка.

— Не знаю, наверное, много... У меня платы памяти все время рассыпаются. Никогда хорошие не достаются.

Альфа-сборщик внизу наконец получил сигнал от Машины и опустился. Выпустив манипуляторы, он ухватил Рут за голову и принялся откручивать ее. Шея отчаянно заскрипела, но уступила напору полиуглеродных мышц. Отшвырнув кольчатый цилиндр, когда-то бывший телом Рут, сборщик снял с головы крышку и принялся копаться в платах памяти.

— Все, приплыли, — в ужасе прошептала Мартышка. — Им платы нужны, а у Рут почти все горелые были. Сейчас за нас возьмутся...

Бежать из шахты было некуда — сверху она оказалась заварена. Они и сюда-то чудом успели вскочить, когда из стен посыпались сборщики. Но, выбрав с пяток плат, сборщики выбросили голову Рут и убрались.

Крэй и Баркер спрыгнули вниз. При приземлении у Баркера подломилась одна из ног, и он рухнул набок. Мартышка, цепляясь руками за все, что торчало из стен и потолка, спустилась гораздо удачнее.

— Вот нас всего трое и осталось, — пробормотал Крэй, рассматривая покрытую подсыхающей слизью голову Рут с погасшим фасетчатым глазом.

Подошедшая Мартышка поежилась.

— Больно... — пробормотала она. — И ведь захочешь, не забудешь. Как ни придешь в себя — хоть в одной плате, но запись про разборку есть.

— На то оно и чистилище, — назидательно произнес Баркер. — Чтобы мы страдали за свои земные грехи, пока не очистимся.

— У тебя свои мысли есть? — огрызнулся Крэй. — Или ты все за проповедниками повторяешь? В соседнем квадрате считают, что мы уже в аду и никакого чистилища не существует.

Мартышка в ужасе прикрыла рот руками и забормотала: «Очистимся и спасемся, очистимся и спасемся». Она была страшно набожной и вспоминала формулу

очищения при каждом удобном случае. Крэй иногда удивлялся тому, что она вообще в чистилище делает.

— А чего ты с нами поперся, если проповедникам не веришь? — не остался в долгу Баркер. — Чего тебе Старик наплел?

— Ничего такого, что ты хотел бы знать.

— Да он и не знает ничего! Он даже ходить не может! Надо проповедников слушать, а не его. Каждому отмерено по его грехам! Мы жили в последние дни Земли. Потому и мы, и наше чистилище отражает то, что мы сделали с Землей. Или ты сомневаешься в этом?

Баркер выпростал одно из щупалец и повел им по сторонам. Тоннель, в который они забрели, загромождали отвалившиеся от стен плиты и искореженная арматура. Кое-где выщербленный бетон пробила неведомая сила, и из проломов свешивались оборванные провода. Огромные вентиляторы под потолком покрывались пылью, и ни у кого на платах не осталось воспоминаний о том, что они когда-либо работали. Впрочем, местами еще горели световые панели.

А вот обрывочные сведения о последних днях Земли у некоторых проповедников еще сохранились. Правда, как давно они наступили, никто не помнил. Крэй знал, что Землю сгубил прогресс. Человек так и не изобрел межзвездный двигатель, а собственные ресурсы планеты кончались слишком быстро. Все уходило на тяжелую промышленность, вооружение, машины и компьютеры. Сначала за ресурсы воевали. Потом перестали — на войну тратилось больше, чем удавалось захватить при победе. Но было поздно: планету выпотрошили полностью, и она умирала. Остатки людей попрятались под поверхность, в убежища. В ход пошли технологии вторичной переработки. Говорят, у кого-то была плата с записью о том, как люди пытались добраться до секрета бессмертия. Но все равно умерли и попали в чистилище.

Старик всегда соглашался с идеями проповедников. Но всех сразу, а не только своих. За это его и не люби-

ли. Но на самом деле Крэй знал, что он не верит ни тем, ни другим.

Проповедники в их квадрате говорили, что чистилище было всегда. И из него достойные попадут в рай, отстрадав за свои грехи и освободившись от них. Но произойдет это только когда рассыплется последняя плата с воспоминаниями и прошлое будет отринуто. Отсюда и душеспасительная формула — очистимся и спасемся. А пока они должны страдать в своих уродливых оболочках и сносить издевательства сборщиков и Машины. Это когда-то давно все было просто — праведников в рай, грешников в ад. Ангелы — с арфами, черти — с вилами. Чистилище посередине — те же вилы и черти, только не навсегда. Но Господь всемогущ и идет в ногу с техническим прогрессом. Теперь вместо геенны огненной — бесконечные темные туннели и разруха. Память пересаживают из одного набора плат в другой. С бессмертной душой от этого ничего не сделается, а вот воспоминания на испорченных платах теряются постоянно. Краткие вспышки забвения, потом сборка и снова безумие чистилища. Вместо вил — розетки питания. Зарядка всегда была адской мукой. Драться запрещено, чуть что — сразу налетают сборщики и начинают разбирать тех, кто подрался. Попытаешься вскрыть свою оболочку — то же самое. Когда сборщики начинают резать, становится по-настоящему больно... Чистилище жило по своим законам, и Крэй очень сомневался, что они имеют что-то общее с библейскими канонами.

Но втайне каждый верил в то, что рано или поздно у него рассыплется последняя плата и память опустеет. Тогда в хаос лабиринта спустятся сияющие ангелы и унесут счастливца ввысь. Вот только Крэй никогда не слышал о спасенных.

Так что в конечном итоге даже проповедникам надоело дожидаться полного очищения. Смутные слухи о том, что из чистилища есть выход, бродили уже давно, но никто не решался их проверить. Слухи так и оставались слухами, пока Пий, главный проповедник деревни, не заявил, что сидеть на месте и ждать божьей милости

негоже. Он сколотил группу единомышленников, уговорив их идти с ним к вратам, через которые дошедших выпустят из чистилища раньше срока. За настойчивость. Якобы Господь руками сборщиков в последний раз ввернул ему в башку плату с путем к оным вратам. Остальные проповедники хоть и усомнились в божественном происхождении платы, но идею похода поддержали. Однако же сами не пошли.

Пий и те, кто соблазнился идеей досрочного очищения, покинули деревню несколько тысяч часов назад. Сейчас их осталось только трое — Крэй, Баркер и Мартышка, стоящие над останками Рут. Пия разобрали часов сто назад, но он успел рассказать им, что любой ценой надо продвигаться наверх. С тех пор они не видели ни одной целой или незаваленной лестницы.

— Пойдем отсюда, а? — предложил Крэй.

Вид останков Рут его раздражал.

— Поздно, — пробормотал Баркер, пятясь к нему.

Их окружили сборщики. Другие, не те, что разобрали Рут. Мартышка тоненько взвизгнула.

Сборщики деловито подобрали останки Рут и принялись прикручивать к ее телу манипуляторы. Манипуляторы были нестандартные, не все подходили к разъемам. Неподходящие сборщики выбрасывали прямо на пол. Один из них снова вскрыл многострадальную головную коробку Рут и принялся ловко всаживать в нее платы памяти, изымая лишние. Сборка закончилась за считаные минуты, после чего сборщики облили тело органоидом и разбежались.

— Чего это они?

— Где-то высвободились мощности. Чертова Машина восстанавливает баланс.

Баркер осторожно обошел начинающее дергаться тело.

— Это не Рут.

— А кто?

— Похоже, проповедник Пий, — сообщил Баркер.

Пий поднялся на ноги и окинул присутствующих мутным от слизи взором. Его шатало.

— Очистимся и спасемся, дети мои! Сколько меня с вами не было?

— Тебя разобрали сто часов назад, проповедник, — мрачно сообщил Крэй.

— Аллилуйя, Господи, — воздел все три руки к потолку Пий. — Воистину, мудр ты и всемогущ и указываешь дорогу своим чадам!

— Ты чего несешь? Память закоротило в новой башке?

— Крэй, ты всегда был неверующим. Я удивлен тому, что Господь благоволит тебе и позволяет твоим платам памяти стираться так быстро. А радуюсь я тому, что мы в двух шагах от врат чистилища. Неужели это не чудо, что Господь позволил мне сохранить эту драгоценную запись в новом теле?

Мартышка и Баркер как зачарованные забормотали формулу очищения.

— Идите за мной, чада, — Пий ринулся в тоннель.

В одном из темных проулков он принялся обшаривать руками стену, нетерпеливо приплясывая на месте. Спустя пару минут раздался щелчок и стена разошлась. Из открывшегося проема ударил яркий свет.

— Вот оно! — завопил Пий, благоговейно рухнув на колени.

Впрочем, припадок благочестия длился у него недолго, и, отряхнув пыль, Пий засеменил внутрь. Следом двинули Крэй и Мартышка. Баркер зайти не рискнул и топтался на границе света.

Перед ними, освещенный по кругу такими яркими лампами, каких они в тоннелях никогда не видели, высился огромный люк. Надпись «ВЫХОД» пересекала его наискосок.

— Очистимся и спасемся, — в благоговении пробормотала Мартышка.

Крэй подошел к люку и погладил его пальцами. Металл на ощупь был холодным и не походил на мертвое ржавое железо тоннелей. На нем не было даже следов вездесущей пыли. Отвечая на его мысли, где-то над головой взвыло. Память услужливо подсказала, что так

звучат гигантские вентиляторы, вроде тех, что навеки застыли в тоннелях.

Осмелившийся зайти Баркер, Мартышка и Пий столпились за спиной у Крэя.

— Эй, проповедник, а открываются-то они как?

— Не знаю. Про это у меня в памяти ничего нет. — Похоже, так далеко осенившая Пия благодать не распространялась.

Крэй запустил руку под два плохо состыкованных сегмента на боку и вытащил подарок Старика — прозрачный цилиндр с черной полоской внутри. Хорошо, что его за это время ни разу не разобрали, а то бы цилиндр сгинул в бесконечных тоннелях.

— Что это у тебя? — заинтересовался Пий.

— Отпущение грехов, — огрызнулся Крэй. — Господь до такой степени все автоматизировал, что это теперь делается без ангелов.

Место для цилиндра Крэй присмотрел сразу, как только вошел, — справа от люка бугрился выступ с единственным круглым отверстием. Цилиндр Старика легко проскользнул внутрь, озарив пальцы Крэя красной вспышкой.

Люк бесшумно откатился в сторону, явив темную шахту, по стене которой вверх уходило множество скоб.

— Ну, кто со мной?

К Крэю подошла Мартышка. За ней, хромая, приблизился Баркер.

— Эй, проповедник, а ты?

— Иди, сын мой, — Пий весь сжался и не отрывал взгляда от пола. — Потом расскажешь мне, сколько нам осталось.

— Ты боишься, что ли? — удивился Крэй.

Проповедник чуть заметно кивнул. Крэй пожал плечами и шагнул в шахту.

Скобы кончились быстро — над головой Крэя оказался люк со штурвалом. Цепляясь ногами за лестницу, он с трудом несколько раз провернул колесо. Люк дер-

нулся вверх, едва не оставив его без рук. Внутрь шахты со свистом хлынул ледяной ветер.

Крэй перелез через уплотнитель и вытащил за одну из рук Мартышку. За ней наружу перевалился Баркер.

Мир вокруг был залит багровым светом, исходившим от нависающего над непривычно далеким горизонтом огромного красного шара. Крэй не сразу догадался, что это солнце. На его фоне вырисовывались какие-то покореженные конструкции. И все, все было покрыто смерзшимся песком и камнями.

— Что это? — прошептал Баркер.

— Земля, — мрачно усмехнулся Крэй. — Нет никакого чистилища, Баркер. И рая нет. И нас тоже, понял?

— Как это? — Баркер задрожал.

— А вот так. Старика никогда не разбирали. А из-за того, что он не двигается, платы у него почти все целые. Он догадывался, что мы не люди. Но надеялся, что ошибается, поэтому и уговорил меня идти с вами. Ему важно было проверить это, понимаешь? Помнишь, проповедники говорили о том, что люди пытались стать бессмертными? Знаешь как? Они переписывали свое сознание в машины. И оно жило в механических телах.

У них под ногами взметнулась красноватая поземка — подул ветер. Крэй подумал было, что так выглядит снег, но оказалось, что это всего лишь пыль.

— Так, значит, мы не настоящие люди?

— Все люди умерли. Мы их копии. Машина может перезаписывать нашу память до бесконечности. Только платы постоянно рассыпаются, и мы помним все урывками. Машина собирает нам новые тела из того, что еще работает. Когда-то люди построили ее для этого, и с тех пор она не останавливается. А если у чертовой Машины возникают какие-то сбои, она использует нас вместо своих запчастей. Так что проработает она еще очень долго. Видишь, Баркер, нет у нас никакой души. Как у тени.

Мартышка села на нижние руки и всхлипнула. А с Баркером случилось что-то странное. Он закрутился на месте, схватившись щупальцами за горло, начал пускать

снопы искр и упал. Из песка тут же выскочил здоровый металлический червь и склонился над ним. Изучив тело, червь раскрыл пасть, утыканную присосками, проглотил Баркера и вновь ушел в песок.

— Что мы теперь будем делать? — спросила Мартышка. — Обратно в деревню пойдем?

— Зная это? — Крэй махнул рукой в сторону кровавого шара. — Что мы им скажем? Ты видела, что стало с Баркером? Мы же в них последнюю надежду убьем. Ни души, ни шанса на спасение... Ты бы хотела так жить?

— Хотела бы я так жить?! — взвизгнула Мартышка. — Идиот! Мне теперь придется так жить! Зачем мы вообще сюда дошли?! Сволочь твой Старик! Он-то и дальше сомневаться будет, а мы что?..

Все сегменты тела Мартышки дрожали.

— Давай просто уйдем, — Крэй тронул ее за плечо.

Они побрели к люку, поднимая фонтанчики красноватой пыли.

— Может, нам повезет и нас сборщики где-нибудь разберут, — сказал Крэй, придерживая крышку люка и пропуская Мартышку. — У меня платы плохие, наверняка при сборке все это забуду. Может, и ты тоже...

Перед тем как спрыгнуть вниз, Крэй прихватил увесистый на вид булыжник. Вполне хватит, чтобы расколоть головную коробку, если знать, куда бить. И тогда, возможно, он успеет размолотить в песок платы памяти Мартышки до того, как налетят сборщики.

Люк захлопнулся.

ДЖОРДЖ ЛОККАРД

DE SUI[1]

Кардинал Вито Дори нервно перебирал четки. Его грызли сомнения, страх мокрыми каплями скапливался под сорочкой. Идея американца уже не казалась такой

[1] De Sui (*лат.*) — О свинье.

замечательной. Впрочем, мосты были сожжены еще вчера. Теперь все в руках Господа...

Вито передернуло от мысли, какое наказание его ждет, если случится ужасное и план окажется греховным. Конечно, до сих пор все говорило об обратном, но кто может знать истину в подобном деле? Пути Господни неисповедимы, а проклятый американец не иначе как самим Сатаной был обучен искусству искушения.

— Здесь сверни! — погрузившись в ужасные думы, кардинал едва не пропустил нужный проселок. Сомнения вновь голодными драконами впились в его сердце. — Отче наш, на тебя одного уповаю... — зажмурившись, прошептал Вито. — Спаси и сохрани, Господи, не дай согрешить...

— Сюда, падре? — молоденький водитель, светящийся от гордости, что возит самого кардинала, притормозил у въезда в деревню.

— Да, Луиджи, — усилием воли Вито заставил себя улыбнуться. — Высокий дом, на окраине.

— Си, падре! Моменто!

Грузно покачиваясь на ухабах, бронированный «Мерседес» кардинала подъехал к большому одинокому зданию. Во дворе уже стоял джип охраны.

— Как скоро вас ожидать, падре? — спросил водитель.

Вито вздрогнул.

— Что? О нет, можешь ехать в город. Я переночую здесь.

— Падре? — удивленный Луиджи обернулся. — Вы будете в безопасности?

Вито улыбнулся.

— Не волнуйся, сын мой.

— Когда за вами вернуться?

— Я позвоню.

— Как скажете, падре... — Луиджи склонил голову.

Выходя из машины, Вито, не глядя, перекрестил его.

Солнце палило нещадно. Поднимаясь на третий этаж, кардинал не раз утер со лба пот. Господи, ну что им стоило купить кондиционер?

Наверху, в кабинете, священника уже ждали. Вито кивнул присутствующим, отметив двух охранников, замерших у стены. От них потом придется избавиться...

— Как долетели, падре? — участливо спросил Хукер.

Вито неопределенно махнул рукой.

— Жарко.

— Это Израиль, падре. Здесь всегда жарко.

— Я знаю, — с раздражением ответил кардинал. — У вас все готово?

Второй американец, сидевший рядом с Хукером, энергично подался вперед:

— Си, падре. Вы привезли... Ее?

Вито молча поставил на стол саквояж и вынул оттуда тяжелый молибденовый бокс. Все, кто был в комнате, невольно вздрогнули.

— Падре, неужели вы... — Хукер сглотнул. — Вы привезли Ее... целиком?!

— Не стройте из себя дурака! — резко ответил кардинал. — Прежде чем решиться на ваше безумие, я консультировался с лучшими специалистами Италии. Здесь лишь малая частица... Ее. И холодильник.

Второй американец довольно улыбнулся.

— Браво, падре. Мы не ошиблись, доверившись вам.

— Надеюсь, я тоже не ошибся... — пробормотал Вито. — Итак, сколько времени займет ваш план?

Хукер нервно пожал плечами.

— Первая стадия, вероятно, меньше недели. А затем...

— Что будет затем, я и без вас знаю, — оборвал кардинал. — Итак, неделя. Я буду жить здесь, Хукер, вместе со своими людьми.

— Иного мы и не ждали, падре, — учтиво ответил американец. — Ваши апартаменты давно готовы, мы даже купили фонтан.

Вито улыбнулся.

— Мне хватило бы и ванны. Однако дело превыше всего: я хочу видеть Йоханнона. Он здесь?

Американцы переглянулись.

— Конечно, падре, он в лаборатории, — осторожно ответил Хукер. — Но...

— Отведите меня к нему.

* * *

Барак Йоханнон бен Малахи, сдвинув очки на нос, оглядел кардинала с плохо скрытым раздражением.

— Господин Дори, я понял все еще в первый раз. Незачем повторять.

— Я лишь хочу объяснить вам, сколь важно и уникально задание, — Вито утер пот со лба кружевным платочком. В подземной лаборатории было жарко и душно, несмотря на несколько кондиционеров. — Дорогой Йоханнон, речь идет о поворотном пункте истории...

— Это не первый человек, которого я клонирую, — спокойно ответил ученый.

Кардинал поперхнулся.

— Д... да, я в курсе, — выдавил Вито. — Вы понимаете, как представитель Церкви, я всячески осуждаю ваши... поступки, однако...

— Однако я лучший в мире. — Йоханнон усмехнулся. — И единственный, кому удалось восстановить фрагменты ДНК мумии. Кстати, ваше преосвященство, позвольте полюбопытствовать — как им удалось вас уговорить?

— Йоханнон, я не думаю... — начал было нервничающий Хукер, однако Вито поднял руку:

— Я отвечу. Что именно вас интересует?

— Церковь категорически против клонирования, — проговорил генетик. — Даже я, хотя и работаю на правительство, вынужден проводить эксперименты в обстановке, больше подходящей торговцу наркотиками, а не ученому. И вдруг мои американские друзья сообщают, что им удалось уговорить самого кардинала Вито Дори, уговорить на неслыханное — клонировать Христа! — Йоханнон покачал головой. — Простите мое любопытство, но это весьма странно.

Вито глубоко вздохнул.

— Я понимаю вас. Действительно, человеку, несведущему в делах Церкви, трудно понять наши мотивы.

— Это еще мягко сказано, — усмехнулся генетик.

— Видите ли... — кардинал пригубил шампанское из бокала и поморщился, поскольку оно было теплым. — Если бы речь шла о простом человеке, ни о каком клонировании, естественно, не могло бы быть и речи. Душа дана человеку Господом, и ваша «наука», — Вито не удержался от легкого сарказма, — творя жалкие копии истинных людей, играет на руку Сатане, ибо сказано: отец лжи не властен создавать. Вы, как и Сатана, лишь извращаете творения Господа.

— Продолжайте, — на скулах Йоханнона играли желваки.

— Иисус, — кардинал Вито перекрестился, — не простой человек, но Сын Божий. Тело его — лишь бренная оболочка. Когда мне поступило предложение господина Хукера, первой моей мыслью, как и у вас, стало недоумение: ведь более нелепой идеи, чем клонировать Сына Господа нашего, Иисуса Христа, представить трудно!

— Согласен, — Йоханнон натянуто улыбнулся.

— Однако, вдумавшись, я внезапно узрел Промысел Божий, — с необыкновенной серьезностью сказал кардинал. — В 2000 году, как вы помните, все ожидали Второе Пришествие, и когда его не случилось, отдельные... недобросовестные служители, — Вито вздохнул, — объявили, что слова Откровения следует понимать иносказательно и две тысячи лет, упомянутые там, могут означать любой срок.

— А что вам еще оставалось, — фыркнул генетик.

Кардинал сделал вид, словно ничего не заметил.

— Но когда идея господина Хукера пробила путь в мое сердце, я внезапно осознал: Второе Пришествие не может случиться так же, как Первое, — Вито поднял палец. — Две тысячи лет назад Господь в милости своей отправил нам Своего Сына, дабы очистить нас от греха.

Люди же, по наущению Сатаны, лишили Иисуса жизни, отобрав у Него бренную оболочку. — Вито подался вперед. — Отцы Церкви не раз задумывались над причинами нынешнего падения нравов. Господь всеведущ, и развитие науки не могло идти вопреки Его Воле, а значит, даже вам, с вашими богомерзкими опытами, в Плане Господнем уготовано место. И лишь месяц назад, встретив господина Хукера, я осознал бесконечную мудрость и предусмотрительность Господа.

Йоханнон растянул губы в улыбке.

— Итак, вы полагаете, что две тысячи лет люди развивали богомерзкую науку лишь затем, чтобы — когда настанет время — искупить с ее помощью свою вину и вернуть Сыну Господа тело, отобранное у него на Голгофе?

— Именно! — просиял Вито. — Вы поняли верно.

— То есть когда я клонирую Христа, Господь вновь вселит в Него истинную душу Своего Сына, и тем самым мы вместо греха совершим богоугодное дело? — уточнил генетик.

— Я верю в это, сын мой.

— Я не ваш сын, — жестко оборвал Йоханнон. Схватив свой бокал, он залпом выпил шампанское и со стуком поставил бокал обратно на стол. — Вы сознаете, что частицы крови с Туринской плащаницы могут принадлежать вовсе не Христу?

Кардинал улыбнулся.

— Это невозможно.

— Подлинность вашей «святыни» столько раз опровергали, что верить в ее святость могут лишь дети и слепые фанатики.

— Я не намерен с вами спорить, дорогой Йоханнон.

— То есть вы готовы взять на себя риск? — Генетик прищурил глаза. — Если кровь на плащанице принадлежала не Христу, вместо второго пришествия вы получите обычный человеческий клон и погубите свою душу. Вы к этому готовы?

Кардинал невозмутимо огладил бороду.

— Туринская плащаница подлинна. Сомневаться в этом — все равно что сомневаться в существовании Господа.

— О да, мысль и правда нелепая, — Йоханнон вздохнул. — Что ж, вы дали мне исчерпывающий ответ на все вопросы. Теперь, если не возражаете, я бы хотел получить фрагмент плащаницы и приступить к работе.

— Да пребудет с вами благословение Господне, — очень серьезно сказал Вито Дори.

* * *

Проблемы начались на второй день. Рано утром спящего кардинала — неслыханно! — разбудил бледный Хукер. Выражение лица у американца было таким, что Вито проглотил лекцию, которую собирался ему прочитать.

— Что случилось?

— Падре, я думаю, вам лучше спуститься в лабораторию, — выдавил Хукер.

Кардинал побледнел.

— У него не вышло?

— Он сам вам расскажет...

Вито вскочил. Охранники нервно переглядывались — очевидно, они уже были в курсе дела.

Лаборатория сегодня не так пылала жаром, однако воздух в ней был пропитан запахами эфира и медикаментов. Барак Йоханнон сидел возле терминала электронного микроскопа; сдвинув очки на лоб, он протирал красные от недосыпания глаза. Когда полуодетый кардинал вбежал в лабораторию, генетик даже не повернул головы.

— Что случилось?! — воскликнул Вито.

— Кровь, — сухо ответил Йоханнон. — Кровь на плащанице принадлежала свинье.

— Что?!

— То, что вы слышали. Я легко восстановил ДНК, но это ДНК свиньи, а не человека. Ваша «святыня» — дешевая подделка.

Кардинал пошатнулся.

— Невозможно!

— Доверьтесь науке, ваше преосвященство. У нас, — Йоханнон подчеркнул это слово, — двояких толкований не бывает.

— Это невозможно! — Вито топнул ногой. — Вы атеист, не так ли, Йоханнон?

— Какое это имеет отношение к...

— Самое прямое! — кардинал стиснул зубы. — Вы лжете! Вы не хотите терять почву под ногами и выдаете кровь Сына Господа за свиную!

Генетик опустил очки на глаза и некоторое время молча смотрел на священника.

— Вы правы, — согласился он внезапно. — Прошу прощения. Мне не хотелось воскрешать Христа, но теперь вы поймали меня на лжи. Другого выхода нет; я проведу клонирование.

Ошеломленный кардинал Вито отступил назад.

— Так вы действительно солгали?

— Какая разница? — Йоханнон криво улыбнулся. — Вы настаиваете, что кровь с плащаницы принадлежала вашему святому. Что ж, я клонирую его. Уходите! — Генетик повысил голос. — Теперь моим людям нельзя мешать. Операция будет сложной и длительной. — Он повелительно указал на нервничающего американца. — Хукер, вы останетесь. Мне потребуются кое-какие материалы.

— Я тоже останусь! — резко возразил кардинал.

Йоханнон усмехнулся.

— Тогда не мешайте. Хукер, — он обернулся к американцу, — езжайте на ближайшую ферму и купите трех молодых свиноматок. Выбирайте таких, у которых уже был приплод, но не более одного.

Вито Дори с трудом удержался от яростного крика:

— Зачем вам свиньи?!

— Мне нужна суррогатная мать, — холодно отозвался Йоханнон.

— Вы намерены... Намерены... Заменить Деву Марию на свинью?!

Генетик сдвинул очки на кончик носа.

— А вы предпочитаете пробирку?

Кардинал задохнулся. Видя, что его может хватить удар, охранник поспешно протянул Вито стакан воды. Священник жадно выпил.

— Иисус должен быть рожден от женщины, — сказал он, немного придя в себя. — Это не обсуждается. И рождение должно состояться в Вифлееме.

Йоханнон тяжело покачал головой.

— Город Бет-Лехем — палестинская территория, — сказал он. — А о женщине забудьте раз и навсегда. Клонирование производится из соматических клеток; это значит, нам предстоят две очень сложные операции на разных стадиях развития эмбриона. Каждая операция потребует убить суррогатную мать и пересадить эмбрион в другую. Не волнуйтесь о свиньях; их репродуктивная способность намного превосходит человеческую, и ребенку в их утробе будет безопаснее.

— Но это... это... — Кардинал воздел руки к небу. — Это неслыханное святотатство!

— Неужели? — едко спросил генетик. — Уверяю, если Господь не покарает нас за клонирование Своего Сына, ему будет глубоко плевать, чья утроба произведет на свет новую бренную оболочку.

* * *

Шесть месяцев спустя, поздно вечером, кардинал Вито отдыхал в бассейне своего летнего домика. Ему пришлось отправиться на воды, чтобы восстановить пошатнувшиеся нервы. Священник полулежал в бассейне, с наслаждением потягивая из трубочки безалкогольный ликер, когда прямо на его глазах, высоко в небе, мягко зажглась ярко-белая звезда. Одновременно два метеора прочертили светящиеся полоски чуть ниже звезды, и в тот же миг зазвонил мобильный телефон.

Стакан с ликером выпал из пальцев оцепеневшего кардинала.

— Господи... — прошептал Вито. — Господи, это невозможно... — Рука с трудом нашарила телефон. — С... с... слушаю...

— Он родился! — Голос Хукера в трубке дрожал. — Падре, он родился!

— Разве еще не рано? — слабо спросил Вито.

— Нет, падре! Родился поросенок!

— Что?! — взревел кардинал.

— Поросенок... — дрожащим голосом повторил Хукер. — Падре, здесь такое творится...

— Я вылетаю. Слышите? Ничего не делайте, пока я не прилечу!

— Мы... Мы бы и не рискнули, падре... — почти прошептал американец.

Выбираясь из бассейна, кардинал пару раз падал, но даже не заметил этого.

По дороге в аэропорт Вито Дори немного успокоился. Попросив Луиджи включить встроенный телевизор, кардинал с огромным облегчением выслушал сводку новостей о неожиданной вспышке Сверхновой. Конечно, все в руках Господа, но иногда совпадения бывают уж слишком странными. Хорошо, что это лишь совпадения...

Пять часов полета показались кардиналу пятью годами. В Иерусалиме он едва дождался, пока для охраны раздобудут джип — визит не был заранее согласован. Подъезжая к деревне, Вито уже кусал губы.

И первое, что он увидел, — пастухов, с криками и воплями разгонявших огромное стадо коров. Машины с трудом пробились к воротам.

— Что здесь происходит? — срывающимся голосом спросил кардинал, выбравшись из «Мерседеса».

Хукер, ожидавший его у подъезда, дрожал мелкой дрожью.

— Мы не знаем, падре. Это продолжается с тех пор, как... С самого рождения.

Вито с силой втянул воздух.

— *Что* продолжается, Хукер? — спросил он, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие.

Американец уронил зажигалку, пытаясь закурить, поднял ее, уронил снова. Отбросил сигарету.

— Животные, падре. Они тянутся сюда со всех деревень. Стада покидают поля и ломятся к нам, лошади в стойлах безумствуют...

— О чем вы говорите?! — голос кардинала сорвался на визг.

Хукер беспомощно развел руками.

— Мы не понимаем.

— Где Йоханнон? Где он?!

— Здесь, падре. В лаборатории.

— Я хочу его видеть! Немедленно!

Хукер кивнул.

— Да, падре. Он тоже очень хочет вас видеть.

* * *

Барак Йоханнон бен Малахи был бледен, и это сразу лишило кардинала желания кричать. Вито молча подошел к генетику, и тот, к полной неожиданности всех присутствующих, опустился на колени и поцеловал край алой мантии.

— Вижу, ваше неверие пошатнулось, — натянуто произнес кардинал.

Йоханнон сглотнул.

— Падре... Я не знал. Я не верил ни на секунду, но... то, что происходит...

— Расскажите мне все. Исповедуйтесь.

Йоханнон содрогнулся.

— Я клонировал сына божьего, падре.

— Об этом я догадался, — Вито глубоко вздохнул.

— Но он поросенок!

— Ч-ч-что?!

— На плащанице была свиная кровь, падре, — тяжело сказал Йоханнон. — Я говорил вам об этом, но вы не

желали слушать. Вы обвинили меня во лжи, и тогда, чтобы доказать вам правду, я решил завершить работу и клонировать того, чьей кровью была пропитана плащаница.

Кардинал почувствовал, как почва уходит из-под ног.

— Свинья? — спросил он слабеющим голосом.

— Да, падре, — подтвердил генетик. — Я не властен менять факты. Из ДНК свиньи мог родиться только поросенок, он и родился.

Потеряв силы стоять, Вито грузно рухнул на стул. Йоханнон присел рядом.

— Расскажите подробно, — выдавил кардинал.

— Хорошо, — генетик сглотнул. — Сегодня, оглядываясь на последние шесть месяцев, я вижу, что знамения начались давно. Естественно, мы не придавали им внимания, пока число «совпадений» не вышло за всякие рамки. Я... я очень давно не читал евангелия, падре, а когда перечитал, то ужаснулся. — Йоханнон огляделся, будто чего-то боялся. — Падре... Три месяца назад желтая пресса писала, будто в пустыне якобы объявился говорящий верблюд. Но подобные статейки появляются регулярно... Затем в бокс, где содержалась беременная свиноматка, ударила молния, и животное убежало. Мы нашли ее через сутки, падре, за ней гнались дети и кидали в нее камнями!

Вито покачнулся.

— Господи... Господи...

— Это еще не все, падре, — мрачно заметил Йоханнон. — Вы видели звезду? Вчера вечером, едва поросенок родился, в лабораторию вбежал охранник и сообщил, что у ворот стоят три белых верблюда. Я не поверил, выскочил посмотреть — падре, они стояли на коленях!

— Волхвы?! — с ужасом спросил кардинал.

— Очевидно.

Повисла страшная тишина. Наконец, содрогнувшись всем телом, Вито Дори заставил себя встать.

— Покажите его мне.

— Кого? — не понял Йоханнон.

— Поросенка!

Люди переглянулись. Вперед, нервно перебирая пальцами, шагнул Хукер.

— Падре... Мы не можем.

— Что еще вы расскажете? — слабым голосом спросил кардинал.

— Сегодня утром... Один из сотрудников... — Хукер сглотнул. — Падре, поймите, это рождение... рождество... произвело на всех нас колоссальное впечатление...

— Что стало с поросенком? — оборвал Вито. Его немного трясло.

— Поросенка похитили, — сказал Йоханнон.

Тишина.

— Повторите.

— Сегодня утром один из наших сотрудников исчез вместе с поросенком, — убитым голосом доложил Хукер. — Он оставил записку, что не позволит второй раз зарезать Сына Божьего.

Вито недоверчиво переводил взгляд с одного на другого.

— Вы... — Он задохнулся и начал снова: — Вы... известили полицию?

— Конечно, падре.

— Неужели человека с поросенком в руках так трудно найти?!

Йоханнон и Хукер вновь переглянулись.

— Его быстро нашли, падре, — сглотнув, сообщил американец. — Он повесился на смоковнице.

Кардинал молчал целую вечность.

— Йоханнон! — сказал он внезапно. — Сколько сотрудников в вашей лаборатории?

Генетик побледнел прямо на глазах.

— Было двенадцать... — выдавил он.

Вито решительно встал.

— Может ли новорожденный поросенок выжить самостоятельно?

— Нет, падре, — Хукер помотал головой. — Очевидно, похититель его продал. Долларов за тридцать...

— Теперь слушайте, — кардинал стиснул зубы. — Всего этого никогда не было. Хукер, Йоханнон: немедленно организуйте мою встречу с вашим Синодом. Потребуется оцепить район и перебить всех поросят в возрасте до года, которых удастся найти.

— Перебить?! — в ужасе воскликнул Йоханнон.

— И немедленно, — жестко оборвал Вито Дори. — Животное не может быть Сыном Божьим. Все, что происходит, — козни Сатаны. Он пытается подорвать нашу веру, окружив жалкую свинью знамениями, похожими на описанные в Библии. Истинно сказано: отец лжи может лишь извращать реальность! Всех подходящих по возрасту поросят в округе — зарезать и сжечь. Любые материалы, оставшиеся от опыта, уничтожить. — Резко обернувшись, кардинал направился к двери, но замер на пороге. — И разгоните скот, — бросил он гневно. — Здесь воняет хлевом!

* * *

Дни летели за днями, принося все более ужасные вести. Спустя четыре года после Рождения появление Существа в любом городе начало походить на ночной кошмар. Все животные, от воробьев до цирковых слонов, спешили на встречу с Ним. Люди были бессильны помешать; весь мир облетела история о том, как Он вошел во двор скотобойни, и ни один человек не сумел поднять на Него топор.

Повидав Его, звери не становились враждебны людям, однако менялись так, будто Он давал им новые сердца. Огромные толпы животных покидали города и присоединялись к своим лесным сородичам, медленно и неуклонно двигавшимся в сторону Вифлеема. Звери не убивали друг друга; Он давал им незримую пищу и лишал усталости.

Иногда люди, теряя рассудок от страха и ненависти, принимались расстреливать толпы животных из авто-

матов и пулеметов, давили их танками. Тогда, словно из-под земли, появлялся Он. И появления Его было достаточно; там, где был Он, оружие падало из рук людей, а мертвые, растерзанные звери поднимались, и раны сами исчезали с их тел.

Человеческие религии день за днем теряли приверженцев. Вскоре толпы людей уже следовали за животными, поклоняясь и молясь Ему. А Он не делал разницы между видами; тот, кто шел за Ним, становился блажен...

...Вскрикнув, Вито Дори проснулся. Дрожа, нащупал очки, включил лампу. Привычная обстановка слегка успокоила сердце; кардинал уронил голову.

— Господи, я знаю, что грешен, — прошептал он. — Ты посылаешь мне этот кошмар уже год. Прости меня, Господи... Прости...

Рука привычно нащупала телефон. Трубку долго не снимали.

— Слушаю, — раздался наконец заспанный голос.

— Это я, — тихо сказал кардинал.

На другом конце линии связи тяжело вздохнули.

— Да, падре.

— Нет ли известий от поисковых команд?

— Увы, падре. Его ищут.

— Прошел уже год, Йоханнон...

— Я знаю.

— Вы говорили, биологические часы свиньи в шесть раз быстрее человеческих.

— Так и есть, падре.

— То есть когда ему исполнится пять лет...

— Да, падре. Для человека это будет аналог тридцати.

Кардинал судорожно вздохнул.

— Вы... По-прежнему полагаете...

— Я ничего не полагаю, падре, — мрачно сказал Барак Йоханнон. — Я жду. Осталось не так уж много времени.

Вито закрыл глаза.

— Четыре года.

— Верно, кардинал, — Йоханнон усмехнулся. — Хватит ли вам четырех лет, чтобы замолить грехи?

— Я думаю не о себе, Барак! — оборвал Вито. — Я думаю о людях!

Йоханнон вздохнул.

— Людям, падре, четырех лет не хватит. Их не хватило бы и четырехсот.

— Господь милостив...

— Я не думаю, что в этот раз Господа интересуют люди, — спокойно отозвался Йоханнон. — Ведь Он всемилостив. Пора бы Ему вспомнить и о братьях наших меньших.

— Но... — кардинал беспомощно дернулся. — Но...

— Второе пришествие состоялось, падре. Все логично. Людям был послан мессия, его зарезали. На сей раз мессию послали тем, кто остался.

— Вы думаете... Полагаете, Христос больше не явится за людьми?! И вторым пришествием Сын Божий спасет... зверей?!

— Я думаю, падре, — сухо сказал Йоханнон, — что людям Спасения больше ждать неоткуда. А звери — они ведь чисты перед Господом.

Кардинал содрогнулся.

— Значит, близится конец...

— А вы не заметили? — удивился Йоханнон. — Впрочем, в Ватикане понять это труднее, чем здесь. Да, падре. Все как говорил Иоанн. Прошло две тысячи лет, конец света близок, и новый Мессия спустился на землю, дабы забрать в царствие небесное тех, кто не согрешил. Тех, кто принимал мученическую смерть... — В трубке раздался смешок. — Впрочем, шанс у вас еще есть. Попробуйте договориться с Мессией. Быть может, он смилостивится и пустит людей вместе с их жертвами в рай...

— Но это звери!!! — закричал кардинал.

— А мессия — поросенок, — ответил Йоханнон и повесил трубку.

НЕ ВЕРЮ!

Статья получилась содержательная, интересная, возбуждающая мысль, и Белов с удовольствием поставил точку. Для газет он писал редко, но эту статью его попросил подготовить приятель, редактор «Известий», поскольку и среди антропологов, и в более широких кругах уже долгое время шла дискуссия — родственники мы обезьян или нет? Сам Белов ортодоксом себя не считал, с оглядкой, но принимая теорию Дарвина о происхождении видов. Тем не менее у него, палеоантрополога с десятилетним стажем работы, кандидата биологических наук, сложились свои взгляды и на теорию, и на багаж фактов, ставших достоянием ученых.

К примеру, он давно искал настоящего предка человека, будучи уверенным в том, что им не могла быть обезьяна. Это доказывало строение ее стопы. После находок костей австралопитека, жившего четыре миллиона лет назад, стало окончательно ясно, что хотя он и вовсе не слезал с дерева, чего вроде бы требовала эволюционная теория, однако стопу имел гораздо больше похожую на человеческую.

В дверь позвонили.

Белов, занятый своими мыслями, оторвался от компьютера, глянул на часы. Пора было ужинать. Интересно, подумал он, кто мог прийти, не предупреждая о визите? Неужели Александра? Это было бы славно.

Белов невольно поморщился, так как чувствовал себя неуютно после вчерашней ссоры, хотя начал разговор не он, а Саша. Понять девушку было можно, так как встречались они уже три года, а о семье речь не шла. С другой стороны, чем ей не нравилось нынешнее положение? Живут же люди без свадеб.

Может, жениться, в конце концов, пришла неожиданная мысль. Как там говорили сатирики? Женись, не-

смотря ни на что: попадётся плохая жена — станешь философом, хорошая — будешь исключением.

Белов усмехнулся, глянул в зеркало в прихожей: крутой лоб, серые глаза, прямые губы, не урод, однако. Хотя все равно непонятно, что в нем нашла красавица Александра.

Он открыл дверь.

Гостем оказался старый школьный приятель Боря Вистунов. В отличие от Белова он окончил физтех и работал теперь в каком-то из институтов Академгородка под Долгопрудным. Белов же окончил МГУ и стал биологом-анималистом, а потом и палеоантропологом.

— Привет, — буркнул Боря, зябко потирая руки. — Примешь продрогшего и голодного физика? На улице ноль и ветер. Хорошо хоть дождя нет.

— Осень, — пожал плечами Белов, отступил в глубь прихожей. — Проходи.

— Ты один? — спохватился Вистунов; в школе его дразнили Свистуном или Свистом.

— Один, один, как раз собирался пойти ужинать. В холодильнике шаром покати. Составишь компанию?

Борис заколебался, потом махнул рукой:

— Хотел посидеть в тепле...

— Ну и посидим, здесь рядом, на набережной, кафешка открылась приличная, «Кузя» называется. Готовят по-домашнему, вкусно. А можем и в киноклуб сходить, в тот же «Фитиль», там и поесть можно, и кино посмотреть.

— В кино я не хожу, я есть хочу и погреться.

— Тогда пошли в «Кузю». Что-то случилось? Напряженный ты какой-то.

— Да как сказать... — Борис поскреб макушку. — Есть одна идея, хочу поделиться.

— Валяй.

— Не, сначала поедим. Как у тебя самого дела? Не женился?

— Нет. — Белов начал одеваться.

Вистунов с завистью посмотрел на его мускулатуру: невысокий, но плотный Белов занимался спортом — хо-

дил в школу тенниса и держал себя в хорошей физической форме.

— Я тоже. А над чем работаешь?

— Я вычислил предка человека, — серьезно сказал Белов.

Вистунов с недоверием прищурился.

— Шутишь?

— Ничуть. Строение стопы самых умных обезьян, — Белов вытолкал гостя из квартиры, — орангутана, шимпанзе и гориллы, сильно отличается от строения стопы человека.

— Ну и что?

— А то, что обезьяны изначально не были способны к прямохождению. Вот, к примеру, медведь мог бы.

Вистунов взялся за верхнюю губу. Он был высок, худ, имел узкое лицо с крупным носом, и этот жест делал его беспомощным и смешным.

Белов засмеялся.

— У тебя такое лицо, будто ты увидел привидение. Ладно, не бери в голову, я пошутил. Хотя в двухтысячном году ученые нашли кости сахелантропа чадского, жившего семь миллионов лет назад, так вот по особенностям прикрепления затылочных мышц к основанию черепа выяснилось, что он был прямоходящим. Смекаешь?

— Н-нет.

— Сахелантроп больше был похож на человека, чем даже австралопитек, которого считают нашим предком, а уж тем более обезьяны. Они наши родственники, но не предки.

Приятели спустились во двор старой двенадцатиэтажки, вышли на набережную и вскоре поднялись по ступенькам небольшого современного кафе «Кузя», которое Белов называл «стекляшкой»: стены кафе были полностью стеклянными.

Сели за столик в глубине зала. Был понедельник, тринадцатое ноября, но в кафе было полно народа. В зале играла тихая приятная музыка. Вкусно пахло.

Подошел официант.

Белов заказал салат оливье и блинчики с мясом, добавил зеленый чай. Вистунов выбрал пиццу, потом поколебался и присовокупил к ней овощное рагу и пирожки с капустой.

Белов снова обратил внимание на его вид.

— Что произошло, Боря? Я же вижу, ты не в себе.

Вистунов взбодрился.

— Что ты знаешь о времени?

— О чем? — удивился Белов.

— Что такое время, по-твоему?

Белов взялся за чашку с горячим чаем; он любил перед едой «промывать желудок» полезным напитком.

— Честно говоря, никогда об этом не задумывался. Насколько мне помнится институтский курс физики, каждая живая система живет в своем времени. Точнее, со своим темпом времени. Вирусы успевают прожить жизнь, эквивалентную жизни целого организма...

— Забудь институт, — отмахнулся оживший Вистунов. — Все намного сложнее и масштабней. Существует по крайней мере пять непротиворечивых научно проработанных концепций времени.

— Целых пять? — озадачился Белов. — Я помню две... физическая, энергополевая... и... э-э...

Борис допил чай и заказал еще.

— Субстанциональная, реляционная, динамическая, статическая и статистическая.

— Ух ты! Красиво звучит — реляционная.

— В этой концепции время является отношением между физическими событиями. Уточняю — универсальными устойчивыми отношениями, что немаловажно. Потому что событие событию рознь.

— Ты так говоришь, будто занимался теорией времени специально.

— Именно. Мягкотвердого Знака помнишь?

Белов улыбнулся.

— Как же его забудешь?

Мягкотвердым Знаком они дразнили меж собой учителя физики, пустившего в ход десятки странных сравнений. Свое прозвище он получил за то, что уподобил

электрон, имевший двойственную структуру, твердому и мягкому знакам одновременно.

— Я встретил его полгода назад.

— Как он себя чувствует?

— Бодр, активен, хоть и лыс как колено. Так вот он подсказал мне одну идею. А временем я занимаюсь уже давно, года три.

— Ты мне об этом не говорил.

— Нечего было.

— А теперь есть?

— Понимаешь, — Борис снова оттянул пальцами верхнюю губу, — тебе первому рассказываю. Интересно, как ты к этому отнесешься.

— Ну-ну. — Заинтригованный Белов отложил вилку. — Это как-то связано с твоей работой?

— Напрямую.

— То есть ты прорабатываешь какую-то теорию времени, а Мягкотвердый Знак подсказал тебе вариант. Так? Небось колдуешь над статической концепцией? Кстати, чем она отличается от статистической?

— Обе нереальны.

— Почему?

— Статическая предполагает скольжение сознания человека разумного вдоль мировой линии, где события расположены как в пространстве объекты и формы. В статистической концепции время есть понятие статистическое, а его необратимость связана с огромным количеством процессов Вселенной, направленных в одну сторону по законам теории вероятности и создающих так называемую «стрелу времени».

— А как же процессы, идущие обратно?

— Мы их просто не в состоянии увидеть.

— Бред. Это уже не физика, а психология.

Взгляд Бориса загорелся.

— Верно, хорошо подмечено. Что из этого следует?

Белов доел блинчики, налил себе еще чаю.

— Вечером голова у меня работает слабо, да и то лишь на прием пищи. Кстати, а другие концепции чем лучше?

— Динамическая теория воспринимает время как изменение порядка событий: будущее превращается в настоящее и прошлое, то есть это по сути процесс. Субстанциональная предполагает, что время — особого рода физическое поле, субстанция, наряду с пространством, веществом и электромагнитным полем. Не буду загружать тебя понятиями, что такое метавремя и энтропийное время.

— Почему же, загрузи.

— Метавремя — нелинейное необратимое движение Пространства от Хаоса к Порядку и обратно. Энтропийное...

Белов засмеялся.

— Сдаюсь, не обращай на меня внимания, а то до утра будешь вешать лапшу на уши в надежде, что я пойму. Так над какой идеей ты работаешь?

Вистунов залпом допил кофе, заказал еще.

— Есть очень интересная гипотеза, которую мне подсказал... — Он пожевал губами, не спуская глаз с собеседника. — В общем, не буду повторяться. Мой руководитель заинтересовался, и теперь мы готовим эксперимент.

— Кто твой руководитель?

— Профессор Беллинсгаузен, Леонард Феоктистович, доктор наук. В общем, никто толком не знает, почему время идет вперед. Существует много точек зрения, но все они уязвимы.

— И Мягкотвердый Знак с этим разобрался? — хмыкнул Белов.

— Можешь иронизировать сколько угодно. Я рассказал о его предположениях Леонарду Феоктистовичу, и послезавтра мы ставим первый опыт. Ты где будешь послезавтра?

— Сегодня ночью в Питер еду, читать лекцию в университете о последних открытиях палеоантропологов.

— Жаль, хотел пригласить тебя к нам, в Академгородок.

— Отказаться от лекции уже не смогу.

— Вот я и говорю — жаль.

— Может, успею? Если не задержат, конечно. Так в чем идея-то?

Борис допил вторую чашку кофе, заказал третью. Глаза его заблестели, будто он хватанул коньяку. Белов осуждающе покачал головой.

— Сердце загонишь.

— Да хрен с ним, с сердцем, — рассеянно сказал физик, — ничего с ним не случится. Я привык пить по двадцать чашек кофе в день. Ты уже говорил о психологии применительно ко времени. А что ты скажешь, если время — действительно явление психологическое? А вперед оно идет только потому, что мы — все люди — загадываем желания, строим планы на будущее, стремимся узнать, что будет, мечтаем? А?

Белов сунул в рот жвачку.

— Ты хочешь сказать, что...

— Стрелу времени создаем мы, коллективно! Шесть с лишним миллиардов человек! Время становится зависимым, статистически и психологически одномерным, направленным в будущее. А теперь представь, что все люди одновременно, на один день, да что там день, хотя бы на одну минуту «выключат» мечты и планы. Что случится?

Белов недоверчиво покачал головой.

— Это невозможно. Во-первых, никто не согласится. Во-вторых, как это сделать материально?

— Предложить всем думать о прошлом, о вчерашнем дне, о каком-нибудь знаковом для всех событии.

— Представляю, — улыбнулся Белов. — Мне бы позвонили и предложили.

— И все-таки?

— Ну, не знаю, несерьезно это. Да и эксперимент этот ваш... вы что же, уговорили всех людей? Меня никто ни о чем не предупреждал.

— Пока эксперимент готовится локально. Все жители городка послезавтра в двенадцать часов дня настроятся на прошлое. Датой выбрано шестое ноября тысяча девятьсот семнадцатого года.

— Канун Октябрьской революции? — догадался Белов.

— Не нравится?

— Почему? Какая разница? — Белов скептически покачал пальцем. — Хотя не маловат ли масштаб? В вашем городке всего-то пара тысяч жителей.

— Три тысячи шестьсот. Для прикидочной оценки достаточно.

Белов засмеялся, похлопал приятеля по плечу.

— Желаю успеха. Успею — заскочу к вам в институт. Идем, поздно уже, мне собираться надо. Поезд отходит в два часа ночи.

Возбужденный, раскрасневшийся Вистунов остыл не сразу. Продолжая бормотать о каких-то прошлых попытках магов остановить время в эпоху атлантов и арктов, владевших этим секретом, он хотел было заказать вина, но Белов не дал ему возможности напиться. Вывел из кафе, предложил переночевать у него. Хмельной от собственных мыслей и предположений, Борис согласился.

Но и поздним вечером он все еще пытался рассуждать о теориях, разрабатываемых учеными, и успокоился только после того, как Белов налил ему сто граммов коньяку. Сам Белов ничего крепче кофе не пил, но всегда держал в баре алкогольные напитки — для гостей.

Вистунова он уложил спать в гостиной, на диване. Собрался и, оставив ключ и записку, в которой объяснял гостю, чем он может позавтракать, уехал на Ленинградский вокзал. В поезде он напрочь забыл о теме бесед со школьным приятелем и вспомнил о ней только по возвращении, следующим вечером, вполне довольный собой и аудиторией, перед которой ему удалось блеснуть стройностью и изяществом собственной гипотезы о происхождении человека. Разумеется, ни о каких медведях-предках речь не шла, зато Белов позволил себе пошутить на эту тему, завел аудиторию и долго отвечал на вопросы слушателей, среди которых было немало, к его удивлению, симпатичных девушек.

В Москву он приехал в семь часов утра, еще раз

вспомнил о приглашении Свистуна, махнул было рукой, а дома, позавтракав, вдруг решил поехать в Академгородок, где располагалась лаборатория профессора Беллинсгаузена, то ли потомка знаменитого русского путешественника, то ли просто однофамильца.

Он опоздал, ненамного, минут на двадцать, но опоздал. Электричка высадила его без пятнадцати минут двенадцать, то есть за пятнадцать минут до «часа Х», и пока Белов искал транспорт и ехал, время перевалило за полдень.

Ничего, успею, подумал он, выходя из маршрутки, физики не математики, никогда не начинают в точно назначенный срок.

Бросив взгляд на улицу, запруженную машинами, он начал переходить ее, двигаясь к парку, за которым располагалось здание лаборатории, и вдруг уловил — не слухом, сознанием — внезапно упавшую на городок тишину.

Замедлил шаг, огляделся.

Поток машин на глазах редел, таял, будто они испарялись одна за другой. Сами автомобили изменялись, трансформировались, приобретали странные угловатые формы.

Белов узнал в одной старый-престарый «Хорьх», в другой, грузовой, — легендарную полуторку.

Он потряс головой, протер глаза кулаками. Ничего не изменилось. Вернее, изменения продолжались и коснулись уже городского ландшафта.

Высотки по обеим сторонам улицы съежились, словно ушли под землю. На их месте выросли сначала зыбкие, но все более уплотняющиеся старинные дома, чаще одноэтажные, краснокирпичные и деревянные. Магазины и «стекляшки» пропали вовсе, на фасадах домов появились удивительные вывески вроде «Мануфактура МПР» и «Краснопролетарские пряники».

Улица тоже претерпела изменения, стала уже, но свободнее, а главное — потеряла асфальт! Еще один старый грузовик, появившийся на ней невесть откуда,

поднял снежную пыль, от которой прохожие отворачивались и прижимались к зданиям и заборам.

Да и прохожие превратились в массовку, какую использовали режиссеры, снимая исторический фильм. Белов растерянно проводил глазами мужика в полушубке и сапогах, за которым торопливо семенила женщина в непривычного покроя пальто с большим меховым воротником, смешных ботах и в шляпке.

— Эй, берегись! — зычно крикнули ему.

Он отскочил в сторону. Мимо проскакали двое в серых шинелях и синих фуражках с красными звездами на околышах.

Белов вдруг сообразил:

— Бог ты мой! Свистун?!

Вистунов не обманул. Лаборатория Беллинсгаузена действительно проводила эксперимент, и он удался! Время в городке повернуло вспять.

Он сглотнул, помотал головой.

— И все равно не верю!

Припустил бегом через разросшийся парк, в данный момент и не парк уже, а настоящий лес, но стоило ему сделать шаг, как начались обратные метаморфозы города. Всадники исчезли. Грузовики тоже. Пока Белов искал калитку в красивом решетчатом заборе, путаясь в густой траве, присыпанной снежком, Академгородок вернулся в свое прежнее состояние, превратившись в современный город с густыми потоками машин на улицах и толпами прохожих.

Белов остановился, хватая воздух ртом, разглядывая городской пейзаж, отдышался и побрел к зданию института, проступившему сквозь поредевший строй деревьев парка. Но внутрь его не пустила охрана. Кстати, судя по оживлению и ошеломленным лицам парней, они тоже испытывали шок. Пришлось вызывать Бориса по мобильному.

— Сейчас спущусь! — отозвался физик через минуту.

Появился он только через четверть часа. Лицо лучилось от удовольствия, глаза сияли.

— Ты не представляешь! — начал он, стиснув ладонь приятеля двумя руками.

— Очень даже представляю, — проворчал Белов. — Сначала подумал — галлюники! Но длилось это не одно мгновение...

— Так ты видел?!

— Конечно, видел. Шел к вам от остановки маршрутки, вдруг все начало плыть, изменяться. Хорошо, что длилось это всего пару минут. Кстати, почему так мало? Если все жители подумали о семнадцатом годе...

— Потому что возврат в прошлое оказался неустойчивым, многие сразу испугались, перестали думать о конкретной дате, запаниковали, и время вернулось в свою колею. Нет, ты понимаешь?! — вскричал Вистунов, хватая Белова за руку. — У нас получилось! Пойдем в наш бар, выпьем за победу!

Белов хмыкнул.

— Вообще-то ваш эксперимент опасен.

— Не пори чепухи! Представляешь, если все люди на Земле вдруг подумают о прошлом? Вот это будет грандиозный успех!

Белов покачал головой, пребывая в неуверенности насчет грандиозного успеха: все могло закончиться и полным провалом в прошлое! С другой стороны, заставить людей поверить в подобное путешествие во времени было сложно, и он успокоился.

Полчаса они сидели в кабинете, пили вино, Вистунов вещал о Нобелевской премии, Белов терпеливо слушал, вспоминая недавний «спуск» в прошлое. Потом за физиком прибежал лаборант.

— Борис Сергеевич, мы сделали замеры...

— Ну? — оглянулся хмельной Вистунов.

— Остаточная хроновибрация на тридцать процентов превысила расчетную. Время колебалось туда-сюда больше трех минут, пока не успокоилось. Хотя резо-

нансные хвостики прослеживаются и сейчас. Идёмте, Леонард Феоктистович зовёт.

Вистунов залпом допил вино.

— Подождешь?

— Подожду, — сказал Белов, к которому вернулись дурные предчувствия.

Но он был оптимистом и вскоре забыл о своих ощущениях, подчинясь атмосфере праздника, которая заполнила лабораторию.

* * *

Ровно сто лет спустя звездолет «Благая весть» возвращался к Земле после похода к центру Галактики, где он провел несколько месяцев, изучая центральную черную дыру.

Человечество уже научилось летать в космосе со сверхсветовыми скоростями, используя суперструнные технологии, но еще было достаточно сильно привязано к родной планете, покрытой к этому времени почти сплошным мегаполисом. Центральные космопорты имели все демократионы, как назывались государства, и «Благая весть» собирался приземлиться в космопорте Русогории на Урале.

Для струнных звездолетов порталы старта и финиша не требовались. Корабли сами представляли собой порталы, превращаясь в суперструны и разворачиваясь в реальные материальные объекты после преодоления гигантских расстояний в десятки тысяч световых лет.

«Благая весть» вылупился в пространстве, замкнув струну сверхсветового движения, между Луной и Землей. Затем, используя антиграв-тягу, спикировал к промежуточной — карантинной — орбите, как называли эту орбиту космены: все корабли, возвращаясь из дальних звездных экспедиций, проводили сутки на орбите, пока шел процесс дексеногизации, чтобы не занести на Землю смертельно опасные вирусы.

— Вижу вас, двести первый, — раздался в рубке уп-

равления голос посадочного инка; все звали этот интеллект-компьютер Санни. — Процедура обычная?

— Стандарт, Санни, — ответил командир корабля. — Мы не высаживались на другие планеты.

— Тогда начинайте... — Голос инка прервался.

Первый пилот звездолета подождал продолжения, не дождался, удивленно посмотрел на командира. Его кокон-кресло располагалось рядом с креслом командира.

— Как это понимать?

— Внимание! — заговорил инк корабля. — Наблюдаю парадоксальные изменения в инфраструктуре планеты!

— Видео на стены!

Стены рубки растаяли.

«Благая весть» шел на высоте шестисот километров над поверхностью Земли, пересекая линию терминатора. Дневная сторона планеты, покрытая блестящей мозаикой мегаполиса, вдруг задымилась, а ночная, усеянная огнями и скоплениями световых узоров, начала гаснуть.

— Что происходит?!

Командир вызвал центральную диспетчерскую, но в эфире царила странная шелестящая тишина. Никто не отозвался. Молчал даже оператор космопорта в Русогории.

Метаморфозы ландшафта между тем продолжались.

Было видно, как геометрически правильные поля построек, скопления зданий, сооружений, международных технических систем исчезают, а вместо них по поверхности Земли расползаются леса, поля, степи и пустыни. Пропали и плавучие острова, усеивавшие моря и океаны, растворились плавающие в атмосфере причалы, поселки и башни космолифтов, соединявшие базы на земле и орбитальные станции.

Через минуту процесс закончился.

Земля перестала быть мегаполисом, на котором проживало более десяти миллиардов человек.

Нет, города на ней сохранились, видимые через телескопы систем дальновидения звездолета, но они изменились настолько, что ум отказывался воспринимать их облик как реальность.

— Не верю! — хрипло выговорил начальник экспедиции; он единственный из всей научно-исследовательской группы занимал кресло в рубке. — Я сплю!

Зрачок телескопа выхватил на улице одного из городов скачущих всадников. Под ними были лошади! Сами улицы, предназначенные для прогулок и давно освобожденные от наземного транспорта, превратились в потоки пыли, по которым сновали пролетки, конные экипажи и редкие уродливые автомобили.

— Такое впечатление, что мы провалились в прошлое, — пробормотал первый пилот.

— Куда? — не понял командир.

— В прошлое, — повторил пилот.

— И что же нам теперь делать? — по-детски спросил начальник экспедиции.

— Не мы провалились, — сказал командир, обладавший острым умом. — Это Земля провалилась. Не знаю, в чем дело, но что-то действительно случилось со временем. И пока мы далеко от поверхности, мы живы.

— Тогда надо срочно улетать подальше! И сообщить всем в Солнечной системе, что произошло!

Инк вдруг поймал чей-то вызов. Говорили на хинди:

— Земля, я «Чандрагупта», возвращаюсь из поиска. Почему молчите? Санни, в чем дело?

Экипаж «Благой вести» обменялся взглядами.

— «Чандрагупта», — ответил на вызов командир корабля, — ждите на промежуточной! Близко к Земле не подходите, до особого распоряжения!

— Кто это?

— Рогов, «Благая весть».

— Что произошло, Рогов?

— Сами разбираемся. Но не суйтесь на Землю! Выясним больше — свяжемся.

Командир выключил связь, оглядел обращенные к нему лица экипажа.

— Возможно, это коллективная галлюцинация.

— Бред! — поморщился начальник экспедиции.

— Дай бог, чтобы это была галлюцинация! Если же нет...

— Не верю! — прошептал первый пилот.

Все разом посмотрели на видеообъемы рубки, показывающие пейзажи Земли.

А командир подумал, что, может быть, это единственный шанс — не верить тому, что произошло. Единственный шанс вернуться в *свое* будущее.

ВИТАЛИЙ АБОЯН

БОГУ — БОГОВО

Ритмичные сполохи света вырывали сознание из небытия, на короткий миг окунали его в мир громкой музыки, дергающихся в такт стучащим барабанам соблазнительных девичьих ножек, затянутых в колготки с неимоверным количеством дэн, и густого запаха коньяка. Особенно донимал благородный аромат.

Страшно хотелось оказаться в теплой постели и заснуть. Или — бог с ней, с постелью. Достаточно просто тишины. И заснуть. И чтоб никто не трогал. Никто!

И за плечо трясти не нужно. И вот эти колючки, впившиеся в щеки. Что им нужно, откуда они?

Откуда-то издалека доносился знакомый голос. Вроде бы Сашкин.

— Серый, Серый, проснись! — увещевал голос. — Ты как? Все нормально?

Серый с трудом разлепил глаза — вокруг продолжалась все та же кутерьма. Ног в дэнах меньше не становилось. И прямо под подбородком обнаружилась размазанная по столешнице бледно-коричневая лужица — так и есть, он все-таки опрокинул бутылку с «Хеннесси». Вот откуда благородный аромат. Ага, а колючки в ще-

ках — это Сашкины пальцы. Тощий стервец трясет его голову, впился своими щупальцами. Да больно же!

Он вяло двинул рукой, оттолкнув Сашкины пальцы. Вместе с пальцами исчезла опора, и он со всего размаха снова плюхнулся в коньячную лужу.

— Нормально, — не открывая глаз, сказал он, — спать хочу.

Запах китайской лапши приятно щекотал ноздри. Он втянул носом азиатские испарения и, не открывая глаз, улыбнулся. Сашка, как обычно, поднялся первым. Он всегда так — все вдрабадан, а ему хоть бы хны. Пил он наравне со всеми, просто, как любил говорить, здоровья много. И вон, уже завтрак готовит. Или что сейчас должно быть? Серый с трудом разлепил веки. Вокруг было светло. Может, уже и обед.

Он резко поднялся. Перед глазами поплыло, ком пустоты подкатил к горлу.

Из кухни с корытцем «доширака» в руках вынырнул Сашка. Из его рта тянулись кудряшки лапши. Азиатским ароматом пахнуло сильнее. Желудок свернулся в приступе голодного спазма. Сашка усмехнулся, глядя на друга, шумно втянул висящие у подбородка концы лапши и протянул корытце Серому:

— Э-эх, до чего же вкусен с похмелья «доширак»! И вообще вкусен. Особенно когда есть больше нечего.

— А девчонки где? — спросил Серый. Он точно помнил, что вчера девчонки были. Во всяком случае, они с ними точно знакомились. Дальше воспоминания были отрывочными.

— Дык ушли, — ответил Сашка.

— М-м, — промычал Серый, на всякий случай бросив быстрый взгляд ниже пояса. Штаны были на месте. Значит, девчонки ушли раньше времени. Или раньше отключился он. — А давно?

— Еще вчера. Водку пить не стали.

Тогда понятно — ушли они раньше.

— Ну, чего? — спросил Серый, — Прошвырнемся?

Жаркий, острый «доширак» приятно расползался по

организму. Уже хотелось жить. Хотелось свернуть горы и совершать подвиги, один за другим.

Улица встретила смрадом выхлопным газов от близкой автострады и проливным дождем. Впереди был почти целый день и вся ночь. Было воскресенье, и было хорошо!

Ужасно болела голова, желудок содрогался в судорогах, норовя вырваться наружу, во рту — словно вчерашние носки жевал. И отовсюду несло коньяком. Дорогим благородным «Хеннесси», будь он неладен.

Сергей моргнул, под веками будто песка насыпали. Сейчас бы «доширак». Но запаха Дальнего Востока, всепроникающего и навязчивого, не было. Не было и Сашки.

Прямо перед ним в кресле сидела Ольга, поджав под себя ноги и обняв диванную подушку. Ее глаза бегали из стороны в сторону. Она нервно покусывала губы.

— Ну, говори, — проскрипел Сергей. Было ясно, что она хочет что-то сказать, но не решается. — Что у тебя там?

Ольга вскочила на ноги, швырнула в него подушку, на секунду замерла, затем схватила со стоящего рядом стола красивую тарелку из сервиза с остатками яблока и запустила ее в пол. Фарфор разлетелся вдребезги, Ольга зарыдала в голос.

— Я больше не могу, понимаешь? — завопила она, размазывая слезы по щекам. — Я больше не могу выносить твои выходки...

Она продолжала рыдать, заводя себя все сильней и сильней. Сергей слушал подробный рассказ о своих недостатках. Его взгляд был прикован к осколкам от тарелки. Тарелку было жаль. Красивая, из сервиза. А вот Ольгу жаль не было. По поводу нее было все равно. Все равно, любит ли она его, что она думает о нем, его работе, о его друзьях. Хотя какие друзья?..

После очередного Ольгиного «я не могу» Сергей прервал ее тираду:

— Не можешь — уходи. Никто не держит.

В его голосе не было ни раздражения, ни тоски. Только глубокое безразличие.

От неожиданности Ольга замолчала на полуслове и даже перестала рыдать.

— Ах, так!.. — воскликнула она и рванулась к шкафу. Выхватив из недр полированного левиафана несколько вещей, она стремительно выбежала из спальни.

— Спешить не обязательно! — крикнул ей вслед Сергей. Собственный крик отозвался уколом боли в затылке. — Можешь аккуратно собрать вещи.

Ольга ушла через три часа. Все вещи собрать так и не удалось — все не влезло в два огромных дорожных чемодана. Потом она все равно вернется. Наверняка будет делать вид, что ничего этого не было. Только он вид делать больше не будет.

Серый лежал на кровати со спазмами в желудке, с носками во рту, источая аромат благородного коньяка невиданного долголетия, и ему было наплевать. Странно: от тебя вроде бы уходит любимая женщина, а тебе все равно. Или правильней было бы сказать — уходит вроде бы любимая женщина? Впрочем, какая разница.

Все вокруг стало вроде бы — любимая женщина, интересная работа, верные друзья. Мир планомерно скатывался к красочно-пластиковому состоянию. До одури красивая девчонка, а пощупаешь — пластик. Дорогой, качественный. Максимум — силикон.

Все время кривишь душой — то не так, это не эдак. А уровень жизни растет, попробуй спрыгнуть на ступеньку ниже. Нет-нет да и захочется бросить все и сигануть не то что на ступеньку... к самому подножью. Туда, где были веселые вечеринки. Сашка с неизменным «дошираком» по утрам после них. И работа. Тогда они считали это работой. Опасной, престижной и прибыльной. Но это все ерунда. Главное — в этом был драйв. Да они жили только ради этого!

Старенький, с торчащим вперед стеклянным пузом кинескопа монитор гудел от натуги и страшно грел воздух. На экране множились черные прямоугольники, в

каждом бежали тысячи значков. Сашка жадно всматривался в убегающие вверх столбцы, то и дело протирая заляпанные жирными пальцами очки. Он все время мычал что-то вроде «угу-угу» и повторял «давай, давай, еще можно».

Серый давал. Изо всех сил. На втором компьютере тут же, за соседним столом. Черви, вирусы, трояны — все шло в ход. Они проводили короткие, но точные удары по мелким, особо ничем не примечательным хостам. Просто из интереса. Были и продолжительные многоходовые комбинации. Во втором случае главным было не увлечься. Везде работали профессионалы, и нужно было вовремя уносить ноги. Именно за этим следил Сашка. Так сказать, стоял на стреме.

Но были и сверхсложные задачи. Как сейчас. Этот хак они раскручивали несколько месяцев. Отправляли десятки писем с разнообразными мифическими запросами, якобы официальными; заваливали сервер спамом; имитировали неумелые атаки.

Время шло, сотни внедряемых троянских коней уничтожались высококлассными программистами. Но один все-таки пробрался.

Зачем они полезли на сервер госбезопасности, он не знал. Были какие-то мечты о продаже глубоко секретных данных за реально большие бабки. Только кому они их собирались продавать? Под дверью прямо очередь выстроилась. Нет, не было никакой конкретной цели. Просто дурачество, желание почувствовать себя всемогущим.

Понимание идиотизма этой затеи возникло в голове в тот момент, когда Сашка заорал дурным голосом «Они нас накололи!» и зачем-то свалил монитор на пол. Полетели стеклянные брызги разбитого кинескопа. Только подняв свезенное о жесткий палас лицо, Серый понял, что дисплей сбросил не Сашка, а комната быстро наполняется людьми в черных масках. Их было так много, будто они ожидали встретить роту бойцов Аль-Каиды, а не двух студентов.

Когда спецназовцам стало некуда наступать, вдруг

стало тихо, и, резко хрустя рассыпанными осколками, в комнату вошел человек, одетый в аккуратный костюм-тройку. Человек мистическим образом просочился сквозь плотный строй бойцов.

В тот момент, когда носки черных начищенных туфель замерли перед Серегиным носом и человек в тройке широко улыбнулся, в голове стучало только одно слово: «Попали».

Сервер не хотел сдаваться. То и дело выпрыгивали новые преграды, пароли-логины, коды и скрытые страницы. Что внутри — сие Сереге не ведомо. Не его ума это дело. Содержимым другие люди заниматься будут. В костюмах.

Скукота. Ломаешь непонятно что неизвестно зачем. И все — в команде. Обрыдло.

Непонятно, что здесь. Вроде бы заходи и бери. Ан нет. То ли кодировка какая хитрая, то ли не туда заходится. Хотя никто не торопит.

Авралы бывают, но редко. Так, рутина одна. Ломают, выдергивают куски, отдают спецам. Те склеивают куски обратно. Серый давно понял, что люди, которые читали целые версии, давно пересчитаны по пальцам одной руки.

Ладно, пусть борются. Серый вынул трояна, красиво упаковал и отправил по адресу. Вероятность, что трояна выкинут мгновенно, приближалась к ста процентам. Ну и пусть. Вода точит камень не силой, а частотой падения. Что-нибудь да пропустят. Устают и ошибаются даже суперспецы. Правда, были сомнения насчет этих, в костюмах.

Сергей пролистал папки на жестком диске, нырнул в одну с замысловатым названием. В ней пусто. На первый взгляд. Во второй через специальную лупу (энкриптор с генерацией ключа любого порядка) видна аккуратненькая папочка. «Моя», — гласит надпись под ней.

Внутри всего один файлик. Небольшой. По экрану побежали столбцы букв и цифр — запись в шестнадцатеричной системе. Машинные коды. В последнее время

Серый находил удовольствие в общении с компьютером на его родном языке. Без посредничества компиляторов и ассемблеров.

Пальцы быстро двигались от клавиши к клавише, оставляя на экране строки непонятных символов. Полгода назад, когда Сергею только пришла в голову эта идея, приходилось подолгу сидеть над таблицами, отмечать переходы и ответвления программы. Он часто путался, возвращался назад. Приходилось переписывать целые куски. Но это раньше. Сейчас, стоило прочесть пару строчек, написать новую, и он, казалось, больше не понимал никакого другого языка, кроме языка цифр. Коды рождались из небытия, складываясь в новую, не известную никому структуру. Эта структура была идеальной. Так должно было быть, так он задумал. И, раз за разом перечитывая коды, Серый понимал, что это ему удается.

Дело шло легко и споро. Отсюда программа вернется назад, попробует другой ход, если сочтет нужным... вот этими четырьмя строками и сочтет, — вернется назад.

Серый пробежал глазами по ровным строкам и понял: осталось совсем немного. Он еще раз перечитал коды, но не нашел ни одного изъяна. Идеальное решение.

Сергей улыбнулся, и его пальцы снова забегали по клавишам.

Его не били. Только, что называется, оказывали психологическое давление. Спроси как — а черт его знает. Все-таки спецы. Но давление чувствовалось.

Дня через три (может, и не через три — окон и часов не было, так что время шло как-то само собой) пришел этот, в тройке. Принес навороченный ноутбук. Дал в руки. Сказал только одно слово: «Пробуй». Потом сел на стул напротив Серегиной кровати и молча уставился на хакера. С гаденькой такой улыбочкой. Ясно было, что знает он все наперед, что предвидит каждый Серегин шаг.

Тонкий жидкокристаллический экран тускло светился. На черном фоне ряды значков. Известное дело.

Серый пожал плечами и стал вчитываться. Значки менялись. Местами действие было знакомым, местами — что-то совершенно ему непонятное. Хотя если вот тут...

Он ввел несколько команд. Ноут послушно отзывался на его действия. Губы Серого сами собой начали складываться в усмешку. Почти такую же, как у мужика в тройке.

А компьютер подключен к сети. На всякий случай Серый покрутил ноут — так и есть, никаких проводов. Это ж сколько стоит — беспроводная связь? Похоже, у этих ребят в костюмах деньги водились. Хотя он давно уже догадывался, куда влип. Везли его в фургоне без окон, дороги он не видел. Но чего тут гадать — ясно же, на чей сервер ломились. Оттуда ребятки из маски-шоу и повылазили.

Их с Сашкой увезли по отдельности. С того дня, как в их квартиру вторгся спецназ, Сашку он не видел. Наверное, где-нибудь в соседней камере сидит. Тоже небось ноутбуком его развлекают.

В тот момент он совершенно забыл и о Сашке, и о квартире, и вообще о том, где находится. Пальцы порхали над клавишами, как майские пчелы над цветами. Он проникал в суть. Он врывался на закрытый сервер, как ветер врывается на площадь, преодолев заслоны из тысяч небоскребов огромного мегаполиса.

Последнее движение и... На экране крупными белыми буквами значилось: «Молодец». На секунду Серый замер в недоумении. Потом — захохотал.

Мужик в тройке безмолвно улыбался. Только улыбка стала шире.

— Вы предлагаете мне работать в команде? — спросил Сергей.

Мужик молча кивнул. Он был удивительно немногословен.

— А если я не согласен?

В ответ тот развел руки в стороны. И так ясно, нечего задавать идиотские вопросы.

— А условия? — спросил Серый.

Мужик тихо засмеялся и наконец заговорил:

— А условия здесь будем ставить мы. Но, если их соблюдать, нуждаться ни в чем не будешь.

Серый задумался на несколько секунд, покосился на лежащий рядом ноутбук и протянул руку. Вкрадчивым рукопожатием человек в костюме-тройке подтвердил сделку.

На следующий день Серый увидел небо и узнал, что Сашка от сделки отказался.

Это был особенный день. Он добавил только три строки. Немного поразмыслил, что делать дальше, и понял, что дальше делать нечего. Программа была завершена. Больше ни один код не мог улучшить ее.

Серый еще раз внимательно перечитал все сначала. Да, так и есть. Ни одного изъяна. Настало время действий. Он навел курсор на иконку. Сергею казалось, что его программа просто изнывает от нетерпения ринуться в бой, проверить свои силы. И если задумка удалась, то сил в ней должно быть бесконечно много.

Перед глазами проносились картины апокалипсиса. Большого цифрового конца света. И ничто не могло его остановить.

Указательный палец замер над кнопкой мыши. По лбу стекали крупные капли пота. Тело едва заметно дрожало. Вот он, настоящий адреналин. Это не какие-то непонятные стены рушить.

Палец то опускался, почти касаясь кнопки, то вновь взмывал вверх. Что-то мешало Сергею запустить программу. Неужели кишка стала тонка? Неужели ему теперь никогда не выбраться из этого болота? Наверное, прав был тогда Сашка, что не согласился на их условия. Деньги, возможности, надежность. Это все теперь у него есть. Только нет интереса, дружбы, любви. Нет вкуса к жизни. Отшибло вкусовые сосочки на большом жизненном языке. Испортились они примерно в то самое

время, когда тощая длань Филиппыча, мужика в тройке, вяло обхватила его ладонь. Вот тогда пути назад не стало.

А сейчас появилась развилка. Дороги было две — одна прямо, по той же улице, где он прозябал до сегодняшнего дня. Вторая — резко поворачивала. Но куда? Там было темно, даже горизонта не видно.

Все-таки страшно. Черт, и палец прямо судорогой свело. Может, не надо? Может, ни к чему это все? Ведь солидный мужик, не мальчик уже. Ну, подурачились — и хватит. Файлик в корзину, корзину очистить. И все, и не надо переживаний.

Серый почти убедил себя, что программу нужно уничтожить. Его взгляд зацепился за значок корзины, когда сзади, из дверного проема его окликнул Филиппыч.

Словно подросток, рассматривающий на мониторе порнуху, которого застали родители, Сергей машинально кликнул мышкой, чтобы закрыть окно.

Филиппыч поинтересовался, как идут дела, и, вполне удовлетворенный быстрым ответом, удалился в свои апартаменты в конце этажа. Серый повернулся к монитору и только тут сообразил, что никакого окна на рабочем столе не было. Вернее, его не было раньше. Сейчас прямо посреди черно-зеленых обоев с «Матрицей» висело аспидно-черное пустое окно. Его программа работала.

Он сидел и тупо смотрел на экран, словно заядлый поклонник «Черного квадрата» Малевича. Возможно, еще можно было остановить процесс, может быть, червь еще не успел выползти за пределы его компьютера и достаточно только выдернуть провод из гнезда сетевой платы. Но он как зачарованный не сводил взгляд с черного квадрата. А через три минуты компьютер заглох. Совсем. На нем не осталось ни бита информации.

Музыка грохотала так, что приходилось кричать до хрипоты, чтобы сидящий рядом собеседник тебя услышал. Серый взахлеб рассказывал о новой жизни, о баб-

ках, что появились у него с тех пор, как он согласился работать на официальные структуры, о том, что он теперь может себе позволить. И за бабки, и потому, что есть определенные связи.

Он рассказывал, будто и сам в это верил. Сашка беспрерывно курил и молчал. Он только качал головой, не всегда в такт Серегиным рассказам. Только пару раз Серега поинтересовался, как дела у Сашки. И как было «там».

— Нормально, — каждый раз отвечал Сашка, выпуская в душную атмосферу ночного клуба очередную порцию табачного дыма.

Сашка неделю назад вышел из зоны. Серый узнал это в первый же день, но неделю раздумывал, стоит ли встречаться. Все-таки он теперь «из органов». Не скомпрометирует ли это его? Но потом, день за днем, былая дружба восставала из небытия памяти, нажимая на потаенные кнопочки где-то в самой глубине его души, включая механизмы, которые бездействовали последние семь лет.

Сейчас они сидели рядом — тощий, с ввалившимися глазами и беспрерывно курящий что-то безбожно дешевое Сашка, и одетый с иголочки, гладко выбритый, постриженный в престижном салоне Серега. Несмотря на то что жизнь так сильно их изменила, одна общая черта у них была: безграничная печаль во взгляде. Только у Сереги не было темных кругов под глазами.

Серый уже изрядно набрался. Сашка, как обычно, был как огурец, хотя пил наравне с Серым. Только пил он теперь как-то безрадостно — безо всякого выражения на лице опрокидывал в рот рюмку за рюмкой дорогой «Хеннесси», заказанный другом. Или бывшим другом? Пожалуй, на этот вопрос сейчас не мог ответить ни один из них. Сергей то и дело начинал рассказывать о работе, потом спохватывался, вспоминал, где работает, и неловко менял тему. Разговор не клеился.

Только однажды он вдруг будто вспомнил что-то важное, встрепенулся и сказал:

— А помнишь нашу старую шутку про всемогущего

бога? Ну, ту — если бог всемогущ, то может ли он превзойти самого себя?

Сашка молча кивнул, не меняя мрачного выражения лица. Потом затушил окурок, сильно вдавив его в стеклянное дно пепельницы.

— А если бога кто-то превзошел, пусть даже он сам, — то всемогущ ли он? — закончил он фразу.

— Ну, точно, — заулыбался Серый. Потом он наклонился к другу, к самому его уху, и тихо, шепотом произнес: — Знаешь, мне кажется, я близок к разгадке этой системной ошибки. — Он отодвинулся на свое место и энергично закивал.

Сашка медленно засунул обратно в помятую пачку очередную сигарету, которую вытащил только что, внимательно посмотрел на Серегу и улыбнулся. Единственный раз за весь вечер.

— Ты не поверишь, но я, по-моему, тоже.

В управлении царил хаос. Упали все компьютеры. Сисадмины свирепо давили клавиши, дергали провода, хватались за головы и беспомощно разводили руками. База данных, архив и оперативная информация — все кануло в небытие.

Информация таяла на глазах. Испарялась. Стиралась. Исчезало все — от документов до оперативных систем.

Где-то через час червя поймали. Спецы, жизни положившие на борьбу с компьютерными вирусами, не нашли ни одной дыры в его программном ядре, ничего, что помогло бы его остановить. Они говорили, что этот вирус, пожирающий все, не имеет изъянов. Через секунду сообщали, что такого не может быть, рвали на себе волосы, вгрызались в ряды цифр на распечатках и снова разводили руками.

Еще через полчаса нашли, откуда выполз неуловимый червь. Выполз нагло, ничем не прикрываясь. Примерно в то же время стало ясно, что такой же ужас происходит по всему миру — вирус вырвался на свободу.

Все это время Серега просидел перед пустым экра-

ном своего монитора. В голове было пусто. Он никак не мог осмыслить того, что совершил. Он создал монстра и выпустил его в мир. Только — зачем? Ради бездумного ребячества? Чтобы доказать всем? Что он собирался доказать таким способом? Что непревзойден?

Он потерял счет передуманным вариантам уничтожения созданного им червя. Осталось только отчетливое понимание, что решения нет. Он создал безупречный вирус. У него не было слабых мест, его невозможно было распознать и обезвредить. Он размножался со скоростью света, встраивался во все мыслимые варианты файлов и разрушал систему изнутри.

Да, он, Серый, законный хакер, стал всемогущим. Ничто не может остановить его создание. Он превзошел всех. Только самого себя он превзойти не мог — он не знал, как остановить созданного им самим монстра. Так что вопрос о всемогуществе богов оставался открытым. Богу — богово, а кесарю — кесарево.

Их было пятеро. Все в форме и при оружии. Стволы тут же нацелились на Серегу. С ними был Филиппыч. Таким Серый его еще не видел — без пиджака, в распахнутом жилете, волосы всклокочены, по лицу стекают капли пота.

Филиппыч влетел в комнату и ударом в челюсть сшиб Серого на пол. Боли Серега не почувствовал. И удивления не было. Именного этого он и ждал. Еще он ждал, что в следующий момент последует пять точных выстрелов, но услышал лишь злобное шипение Филиппыча:

— Ты, тварь, что удумал?! Быстро рассказывай, как червя остановить.

Серый посмотрел на своего наставника снизу вверх, вытер рукавом сочащуюся кровь и виновато улыбнулся.

— А остановить его нельзя, — сказал он.

Он восхищенно смотрел, как исчезают цифры. Одна за другой. И тут же появляются в другом месте.

Они воровали деньги. Подключившись к серверу банка через Интернет. Они теперь настоящие хакеры.

Глаза у обоих горели. Нет, не украденные деньги вызывали восхищение. Сознание того, что они могут сделать это. И если они сломали защиту этого заштатного банка, то почему бы не замахнуться и на более крупную рыбу?

Они сразу решили работать в паре. Роли выбрали не сговариваясь — Серега ломает, Сашка прикрывает. Пока Серый пыхтел над троянами и червями, ломая защиту сервера, Саша усердно делал вид законопослушного пользователя, внимательно наблюдая за реакцией объекта атаки.

— Червь задел систему безопасности. Секьюрити подбираются, — сказал Сашка.

Серый посмотрел на него, в глазах был испуг:

— Надо валить оттуда. Засекут.

— Не дрейфь, — усмехнулся Сашка, — мы же команда. Ты рушишь, я строю. Не засекут. Я давно твоего червя под местную охранную программку урезал. Как там и родился. Секьюрити и не заподозрят, что это засланец.

Серега улыбнулся.

— Без тебя как без рук. Мы с тобой работаем прямо как один организм.

— Да ладно, — отмахнулся Сашка, — ты же у нас бог виртуальных сетей, всемогущий гений Интернета.

— Но, если я всемогущ, кто же сможет превзойти меня?

— Нас, — не совсем понятно поправил его Саша.

Через пару секунд сотня виртуальных зеленых мирно покоилась на отведенном им счете. Они состригли эту сумму по паре-тройке центов с нескольких сотен счетов. Коннект был разорван, следов никаких.

— Только мы и сможем, — пожав плечами, сказал Сашка.

Серега тупо тыкал пальцем в клавишу «Enter». Было ясно, что уже ничего не случится. И на этом компьютере червь вышел победителем.

— Но должен же быть какой-то выход! — орал Филиппыч. — Можно же его как-то поймать!

Серый пожал плечами.

— Такой вариант не предусмотрен программой.

— Ты понимаешь, мать твою, — продолжал орать Филиппыч, — что ты натворил?! Это же всему Интернету кирдык придет, если твое творение не остановить!

От обычной его интеллигентности не осталось и следа. Он рвал и метал. Он не привык проигрывать.

— Понимаю, — спокойно ответил Сергей. Ему, как ни странно, было наплевать на Интернет, на то, что будет с ним самим. Ему было интересно только одно: сможет ли кто-то превзойти его творение.

— Понимает он, — безнадежно бросил Филиппыч. — Давай, бери новый ноутбук, вонзай зараженную флешку и ищи решение. Времени мало.

Серый усмехнулся и отодвинул выданный ему компьютер в сторону.

— Я же уже сказал — решения нет. Это идеальный вирус. Его невозможно поймать, он сотрет все, что его ловит.

В дверях появилась озадаченная физиономия шкафообразного парня. Наверняка под началом Филиппыча ходит.

— Иван Филиппович, тут какого-то Серого хотят услышать, — сказал он.

Филиппыч удивленно вздернул брови и жестом показал на Сергея. Шкафообразный подошел, поколдовал с телефоном, стоящим на столе, и протянул трубку хакеру.

Серый прижал трубку к уху, напряженно вслушиваясь в трескучую тишину.

— Ну, — раздалось оттуда через полминуты, — так и будешь молчать?

Не узнать этот голос было невозможно. Он был знакомым, родным, почти что своим. Тем, настоящим Сашкиным голосом, из далекого прошлого. Не таким, как в ночном клубе неделю назад.

— Привет, — сказал Серый и улыбнулся широкой,

настоящей улыбкой. Не было нужды что-то спрашивать, не надо было ничего объяснять. Они оба уже знали все. Будто это было известно всегда. Они снова были одним целым, как в старые добрые времена.

— Ты узнал, всемогущ ли бог?

— Узнал. Когда один — нет.

— Угу. А я тут смотрю с интересом, как все засуетились. Только мало толку. Все-таки я был прав, когда говорил, что ты — всемогущий гений.

Он сидел с прижатой к уху телефонной трубкой и смеялся. В голос. Нагло ржал. Филиппыч продолжал разоряться насчет его совести и того, что ему вообще светит в жизни. Но Серый его не слушал. Он хохотал, ему еще никогда не было так весело. Они все-таки устранили системную ошибку мироздания.

А через пару минут кто-то из антивирусных спецов срывающимся от волнения голосом сообщил, что в сети появилась неизвестная противовирусная защита и червь издох.

Ни следов самого червя, ни того, что его уничтожило, так и не нашли. Бог на короткий миг показал свое всемогущество и снова исчез из поля зрения людей. Или всем только показалось?..

АЛЕКСАНДР ГРИГОРОВ

ЧЕЛОВЕК-НЕЧЕЛОВЕК

Аспиранта Никиту Тихомирова проглотил маршрутный автобус. Пережевал, отнимая плату за проезд, протолкнул по проходу между сиденьями и переварил на галерке. Так и осел Тихомиров в желудке у чудовища — придавленный щекой к стеклу: маленький, робкий и скукоженный. В таком унизительном положении заведенные с утра пассажиры запросто могли пнуть несимпатичную бактерию, невесть как попавшую в автобусный организм.

Еще и возле окна уселся, тварь дрожащая. Видела бы его сейчас Тоня Сторонько, наверняка изменила бы свое отношение.

Автобус тем временем поглощал новую порцию пассажиров с привычным утренним аппетитом. Когда еда полезла горлом, скрипнула дверь, и перекошенный на правую сторону монстр двинулся в путь, едва не задевая брюхом асфальт.

Преломленные стеклом лучи апрельского солнца мигом нагрели лицо Тихомирова. Наверное, так себя чувствует бутерброд в микроволновой печи.

И еще: он забыл дома наушники — и тут же был наказан. Две девушки на сиденьях впереди, словно по команде, достали телефоны и принялись наперебой рассказывать, «как клево мы вчера оттянулись в клубешнике» и «какой козел этот Павлик, а я — дура, потому что с ним связалась». Стоящие в проходе бабушки (льготникам принципиально не уступали места) тоже скучали недолго. Сначала одна толкнула другую, потом обе извинились, и пошло: цены невозможные, демократы продали страну, вы посмотрите, какой порядок в Китае — знакомая звонила, рассказывала.

Никита достал телефон и открыл читалку, пытаясь скрыться в тексте от радиационного фона автобусных событий.

Какой там...

Спереди донеслось бабское визжание. Смеялись подростки, перемежая рассказ жирной матерщиной. Справа заиграла бессмысленная по мотиву и беспощадная по смыслу музыка — кто-то хотел поделиться ею с окружающими через внешний динамик.

Ситуация напоминала Тихомирову ад, по которому он путешествует, проезжая все девять кругов до конечной.

Когда автобус сделал остановку и прошипел передней дверью, по салону пошло шевеление. Как бульдозер по свалке, по проходу двигался молодой человек в черном спортивном костюме с красными вставками. Встал, осмотрелся, заметил Никиту и подмигнул. Тихомиров

не узнал спортсмена, но вежливость заставила кивнуть в ответ.

Новопоглощенный автобусом пассажир сначала попросил ребят на передней площадке выражаться скромнее. Те обложили моралиста лихо и витиевато. Спортсмен ненадолго исчез за спинами, а когда вернулся, спереди слышались сдавленные стоны.

— Вот так с ними и надо, — одобрили поступок старушки, — как в Китае!

Бабушкам тоже досталось. Молодой человек обернулся на звук и с ясностью мысли, несовместимой со спортивным костюмом, произнес:

— А вам, уважаемые, если так нравится Китай, взяли бы и поехали туда. Или обсуждали бы эту тему там, где никто не слышит. Что, забыли сталинских стукачей? — Спортсмен говорил гладко, но немного в нос. — Честное слово, лучше бы героям сериалов косточки перемывали.

Не успели старушки собраться с умственными силами и выдать что-нибудь едкое в ответ, как наглец вновь выкинул штуку, от которой они онемели.

— А вы, красавицы, чего расселись? — Это он девушкам с телефонами. — Ну-ка, уступили старшим место! И хватит рассказывать всему автобусу о своем нижнем белье. Нам это неинтересно. Лучше так же громко поведайте, что вы в последний раз читали, кроме глянцевых журналов и смс. Ничего? Значит, стойте и молчите. Десять минут без телефона потерпеть не можете!

Открыв рты и повинуясь неведомой силе, девушки встали. Бабушки садиться не спешили — мало ли что им грозит, если усядутся. Салон притих, словно в ожидании — кого следующего постигнет неудержимая кара в спортивном костюме? В тишине шуршали шины, скрипели тяги и хрипел динамик у меломана-эксгибициониста.

— Мужчина, — сказал спортсмен и похлопал слушателя по плечу, — отчего вы навязываете мне именно этот стиль музыки? Поверьте, у нас разные вкусы.

Из-под длинной челки послышалось невразумительное бурчание.

— Я понимаю ваше желание показать свою продвинутость, — заверил патлатого спортсмен, — но будет лучше, если вы будете слушать музыку вот так...

Человек в спортивном костюме схватил сидящего за руку, в которой был телефон, и резко поднес ее к уху слушателя. Меломан вскрикнул, а потом завопил, но спортсмен не спешил отпускать его. А когда дал слушателю свободу, тот еще долго не мог убрать трубку — на щеке остался красный след, по контуру аппарата.

Автобус приехал на конечную, двери открылись, но выходить никто не рванулся.

— Ну, чего встали, обыватели-гегемоны? — с озорством выкрикнул красно-черный. — Давайте выходить! Вам еще в метро предстоит показать, какое вы быдло!

Эти слова пассажиры восприняли с радостью. Вырвались на волю и, пригибаясь, как под пулями, засеменили в метро.

Тихомиров вышел последним. Человек в спортивном костюме ждал у подножки.

— Ну что, пошли? — предложил он.

— Пошли, — ответил Никита.

Спортсмен вел себя спокойно. Они зашли в метро и сели на лавочку в ожидании поезда. Рядом стояли те самые девицы из маршрутки — с телефонами. Они, казалось, забыли о произошедшем, и появление спортсмена их не смутило.

— Здорово ты их там, в автобусе, — нарушил Никита неловкое молчание.

Спортсмен с укоризной во взгляде рассматривал окружающих.

— Вообще-то это не я, а ты.

Тихомиров не успел осмыслить фразу — подошла электричка. Вновь пришлось проявить ловкость, чтобы превратиться в пищу железного зверя, а не стать его отрыжкой. Спортсмен вошел внутрь без суеты и непостижимым образом проник в середину вагона, где было

свободнее. Никита плелся за красно-черной спиной, как катер за ледоколом.

— Чего молчишь? — спросил спортсмен, когда поезд тронулся.

— Не люблю разговаривать в транспорте, — ответил Никита и включил читалку.

— Я знаю, — ответил красно-черный, — но сейчас нас никто не слышит.

Он говорил тихо, непривычно для гулкого метро. Тем не менее Никита все слышал, будто ему шептали на ухо.

— Ты тоже не ори, — продолжил спортсмен, словно прочитав мысли, — главное, чтобы сам себя слышал.

Никита опустил взгляд и заметил, что на сиденье развалился неопрятный подвыпивший мужчина. Даже в такой толчее садиться рядом с ним никто не собирался.

Спортсмен схватил пьяного за грудки, поднял и понес к двери, тем же чудесным образом, что и раньше, преодолевая плотность толпы. На станции дал алкашу пинка, тот вылетел на перрон и кубарем закатился под лавку.

— Продолжим, — сказал спортсмен, когда вернулся.

Пассажиры заняли освободившееся место.

— Ты сказал, что это я геройствовал в автобусе, — Тихомиров говорил одними губами. — Но я просто сидел, по законам логики, я не мог одновременно...

— Все дело в том, кто я и кто ты, — прервал красно-черный.

— И кто ты?

Спортсмен усмехнулся и невзначай поправил вышитую на груди эмблему. Такой марки Никита раньше не видел — буква-логотип: толи «эн», толи «эйч».

— Я — супергерой, — без патетики ответил спортсмен. — Человек-Нечеловек.

«Доучился», — подумал Тихомиров. В последнее время он и вправду пересиживал за компьютером, готовясь к защите кандидатской диссертации.

— В смысле — супергерой?

— Да в прямом. Есть Человек-Паук, Человек—Лету-

чая Мышь, Человек-Кошка. А я — Человек-Нечеловек. Между прочим, очень завидное качество. Что непонятно?

«Все понятно, — подумалось Тихомирову, — таки подвинулся рассудком. И как не вовремя — накануне защиты...»

Нечеловек прочитал растерянность в глазах Никиты и счел нужным пояснить:

— Я делаю то, что хотелось бы тебе и чего сам ты никогда не сделаешь.

На следующей станции вагон почти опустел, и Тихомиров с Нечеловеком присели. Слева от спортсмена сидели две модные болтушки. Одна из них повернулась к Нечеловеку спиной и чуть наклонилась к подруге — под джинсами с низкой посадкой стали видны салатного цвета трусики.

— Так бывает, — продолжал Нечеловек, — умному не хватает здоровья, сильному — эрудиции, старому — молодости... — Он заметил нижнее белье соседки, протянул руку и хлестко щелкнул резинкой трусиков по спине болтушки. — Застенчивым — смелости.

Девушка повернулась, посмотрела почему-то на Никиту, но тот сидел слишком далеко и был вне подозрений. На спортсмена пострадавшая не обратила внимания.

— А настоящее имя у тебя есть? — спросил Тихомиров, наблюдая, как болтушка целомудренно подтягивает джинсы.

— Конечно, есть. Тебя как зовут?

— Никита.

— Значит, я — Неникита. — Спортсмен задумался. — А лучше — Аникита!

Пожали друг другу руки — вот и познакомились.

— То есть по закону аналогии ты — мой личный супергерой?

— Ну, именно!

— Разве так может быть? Я думал, супергерои — они общие...

— Ничего похожего. Бэтмен — это персональный

герой Брюса Уэйна. А то, что он истребляет Джокера там или Мистера Фриза якобы на благо общества, — личное дело обладателя. Мог бы висеть себе вниз головой и горя не знать.

Тихомиров и Нечеловек вышли из метро и направились к институту.

— А почему ты раньше не являлся? — Никита понизил голос, чтобы прохожие не подумали, что он разговаривает сам с собой.

— Ждал, пока созреешь. У каждого человека есть такая черта, после которой ему просто необходим Нечеловек. У тебя это случилось в автобусе. Типа Рубикон.

— То есть ты делаешь то, чего я боюсь?

— То, что ты считаешь правильным как средства, оправдывающие цель.

По тротуару шел дородный мужчина с породистой собакой. Она села под деревом и наделала кучу.

— А можешь ткнуть его носом в дерьмо? — поинтересовался Тихомиров.

— Нет, так нельзя — просто ткнуть. Ты аргументируй. Или не трогай человека.

Тихомиров остановился, отошел от людского потока и закурил. Привычка эта привязалась недавно — как дань свободе, отнятой родителями в школе, и финансовой самостоятельности, забранной ими же в институте. Лишь в аспирантуре Тихомиров стал подрабатывать и даже снял однокомнатную квартиру в панельном доме рядом с институтским общежитием.

Нечеловек прислонился к стене рядом с хозяином.

— Все очень просто, — пуская дым, рассуждал Никита. — За оправление в общественном месте наказывают — чтобы было чисто. Собачье дерьмо в этом плане ничем не отличается от человеческого. Животное не виновато — оно заложник варварской традиции держать собаку в городской квартире. Но собаку я и не прошу наказывать. Я хотел сунуть мордой в это безобразие хозяина. Он ведь отвечает за питомца, не так ли?

— Пожалуйся в милицию, — вяло парировал Нечеловек.

— А то ты не знаешь, что они ответят. И потом, по закону Ома: зачем мне тогда нужен супермен — лишний резистор в цепи?

Аникита скривился, оттолкнулся от стены и подошел к поводырю. Тихомиров наблюдал за сценой со спины Нечеловека и потому увидел только, как собачник вдруг согнулся пополам, упал на колени и уткнулся лицом в еще теплую кучку.

Справедливость восторжествовала, но Тихомирову стало не по себе — шел человек, гулял с собакой, а тут такая неприятность по его, Никитиному, велению. Впрочем, он давно мечтал об этом — во дворе шагу некуда ступить, все загажено.

Надо сказать Нечеловеку о «Москвиче» соседа Карпушкина. Ставит, гад, прямо перед подъездом — к двери не пройдешь.

С этими мыслями Тихомиров не заметил, как добрел до института. Нечеловек между тем куда-то исчез.

«И хорошо, — решил Никита, — не хватало мне прослыть сумасшедшим».

В кабинете заведующего кафедрой Василия Евсеевича Податливого пахло деньгами. Запах, который посетители ошибочно принимали за смесь затхлости, бумажной пыли и смрада гниющего дерматина, в действительности был именно запахом денег. Обставь рабочее место современной техникой, отделай стены венецианской штукатуркой и вставь стеклопакеты — вмиг объявят взяточником. Лучше сэкономить на удобстве, чем объясняться и делиться.

— Таблицы, схемы, диаграммы и графики у вас, Тихомиров, таксыть, хорошие, — подвел итог Василий Евсеевич, отодвигая ноутбук. Компьютеров он боялся, как прихода КРУ, и потому относился к ним с опасливым презрением. — Оппоненты в курсе, отзыв ведущей организации есть, автореферат на руках. Защищаетесь завтра, пойдете вторым.

Тихомиров принялся складывать ноутбук, а Василий Евсеевич взял пожелтевший от налета графин и налил из него в треснувший стакан. Над столом мелькнули потертые рукава засаленного темно-синего пиджака. В одежде заведующий прихотливостью тоже не отличался — опять же вынужденно.

— Жаль, Тихомиров, что вы после защиты у нас не остаетесь...

Податливый задумался, считая в уме, насколько именно ему жаль в денежном эквиваленте. Впрочем, заведующий и слова-то такого не знал — «эквивалент». Просто прикинул потери на сборах с аспирантов.

— Да я уже рассказывал: меня берут в международный исследовательский центр только с ученой степенью. В институте хорошо, но в материальном плане, сами понимаете, условия не ахти. Приходится выбирать по закону наименьшего сопротивления.

— Не спорю, не спорю, — Податливый допил из стакана и махнул рукой. — Вам, молодым, все деньги подавай. А так, чтобы ради науки...

Тихомиров едва сдержал нервный смех. Василий Евсеевич в институте слыл отменным дельцом и безграмотным преподавателем. Он путал сопромат с САПРом, интеграл — с интерференцией и молибден — с молебном. Что, между прочим, не мешало ему использовать эти слова в произвольном смысле, к месту и не совсем. Зато каждый год на его кафедре делался капитальный ремонт и обновлялись ненавистные компьютеры. В науке распределения материальных средств и направления финансовых потоков Податливому равных не было.

— Тут еще вот какое дело, — промямлил заведующий, улучив момент. — Вы же понимаете, что после защиты в столовой состоится маленький фуршет — для комиссии, оппонентов, гостей, таксыть... — Василий Евсеевич нашел точку под столом и не отрывал от нее глаз. — В эту честь надо собрать с соискателей по тысяче.

Тихомиров чуть не выронил сумку.

— Так мы же сбрасывались на фуршет неделю на-

зад! По полторы тысячи с каждого, Фесюк ходил в столовую, договаривался...

Удивлению Василия Евсеевича не было предела. Что за непонятливый народ пошел? Сами сбрасываются, сами договариваются...

— Я в курсе, — Податливый нашелся мгновенно, хотя ни черта он не был в курсе. — Но количество гостей изменилось, к нам приедут люди из области, да и продукты сейчас дорожают сами знаете как — не угонишься.

Никита почувствовал себя тлей — более ничтожной, чем та, которая сидела в автобусе у окна. Он, Тихомиров, пять лет учился на «отлично», три года отпахал в аспирантуре, читая практику в неудобное для других преподавателей время, ишачил на стороне, чтобы не помереть с голоду. А вот эта замечательная сволочь с одной извилиной в голове отбирает у него деньги на ровном месте. И попробуй не отдай — прахом пустит многолетние усилия. Шепнет проректору, и завернут диссертацию на доработку.

Тысячу Тихомиров с собой взял, и была она, слава богу, не последней. Но до чего же мерзок этот Податливый! И главное — ничего с ним не сделаешь.

«Чтоб ты подавился», — подумал Тихомиров, отсчитывая требуемую сумму.

Когда аспирант вышел из кабинета, Василий Евсеевич сгреб со стола деньги и вприпрыжку направился к сейфу. Открыл дверцу, положил купюры и сделал шаг назад — рассматривал в прорези железного ящика, как в раме, милую душе картину.

А в дверях тем временем стоял новый посетитель и с улыбкой наблюдал за наблюдающим. Говорят, весьма изысканное удовольствие.

Тихомиров был уже возле выходной вертушки, когда на втором этаже зашумело. По лестнице в холл слетел Витя Фесюк, размахивая телефоном:

— Там Податливый по коридору бежал... я заснял! За рот держится, а изо рта — деньги во все стороны! Он — в туалет, там закрыто. — Фесюк прыснул. — Туа-

лет-то преподавательский, а Евсеич ключ забыл! Его прямо перед дверью и вырвало бумажками! Там как раз первый курс аудиторию ждал, и все — с телефонами. В сеть выложат — вот смеху будет!.. Чего ты такой заторможенный? Не понял юмора, что ли?

Тихомиров понял. Оттого и не смеялся. Он рванул бегом на второй этаж и на лестнице столкнулся с Аникитой.

— Твоя работа? — спросил Тихомиров, тяжело дыша и показывая в направлении туалета. Там кружком стояла толпа, ощетинившаяся вытянутыми руками с телефонами.

— Моя? — удивился Нечеловек. — Скорее твоя. Я оценил идею — достаточно остроумно. И с оправданием никаких вопросов — поделом старому жмоту.

Податливый вырвался из окружения и спешил в кабинет, собирая на ходу купюры. Никита хотел скрыться, но ему стало до того смешно, что он уткнулся в перила и не смог сделать ни шагу. За спиной Податливого звучал дружный гогот. Прикрываясь ноутбуком, Тихомиров сползал вниз по лестнице, пока шеф не заметил его.

— Вы мне ответите за эту выходку! — пригрозил Василий Евсеевич, от переживания забыв вставить неизменное «таксыть». — Я вам устрою!

И прошуршал потрепанными брюками к обшарпанной двери кабинета.

Тихомиров стоял на ступеньках, раскрыв рот. Только что Податливый пугал совсем не аспиранта, а молодого человека в черно-красном спортивном костюме.

— Меня видит только тот, у которого есть свой супергерой, — вещал Аникита, выпивая вслед за Тихомировым пятую рюмку. — Он может перепутать меня с обычным человеком, если не заметит буквы «Н». — Спортсмен ударил себя по вышитой на груди эмблеме.

Сидели в студенческом кафе — рядом с домом Тихомирова. Вокруг раскинулся спальный район, вопреки названию пробудившийся к вечеру. События минувше-

го дня навалились тяжким грузом, и сбросить его Никита собирался с помощью спиртного.

Налили по следующей.

— Мне теперь постоянно смотреть на твою рожу? — спросил Тихомиров сквозь икоту.

— И чем тебе плоха моя рожа? — отозвался спортсмен. Водка его, кажется, не брала. — Кому ты нужен, кроме меня?

Никита поднес рюмку ко рту и замер в размышлении. Чего вдруг его понесло пьянствовать? Никогда ведь не любил этого. Хотел порой сорваться, но представлял себя подшофе, вспоминал школьные ощущения и отказывался.

— Кому я нужен? — Тихомиров опять задумался. — Маме нужен, папе... о! Тоньке Сторонько нужен!

Нечеловек вышел из ступора, в который вводит пьяный треп, и приободрился:

— Что за птичка?

Тоня училась на пятом курсе в группе, где Тихомиров вел практику. Маленькая, тихая отличница, затюканная глупыми однокашниками, всегда сидит на первой парте, слева от Никиты. Смотрит внимательно большими и добрыми глазами. Само собой, с аккуратностью ведет конспект. Не сказать, что красивая, но что-то таинственное и потому волнующее в ней есть.

Тихомиров в жизни бы не подумал, что у него появилась воздыхательница, — эту новость принес Фесюк. Он со студентками вел себя менее церемонно, они и нашептали.

— Так я не понял, — уточнил Нечеловек, — она тебе нравится?

Что тут ответить, если женское внимание обходило Тихомирова десятой дорогой? В школе девчонки подсаживались только чтобы списать, в институте Никита учился в мужском коллективе, на студенческие вечеринки его не звали.

— У нее ноги некрасивые! — резюмировал Тихомиров. — Она потому и ходит в длинной юбке или джин-

сах. По закону подобия геометрических фигур. А фигура у нее — тьфу! — тощая какая-то...

Аникита похлопал его по плечу:

— Да ты, брат, переборчив! Не боишься обломаться? С твоими-то внешними данными? А то гляди, принцесса на белом коне, может, так и не явится!

Тихомиров хотел возмутиться и даже встал для этого во весь свой небольшой рост, но тут как раз появилась принцесса. Она сидела через два столика, а теперь встала и подошла к Никите.

— У вас не занято? — промурлыкала она и поправила мини-юбку.

Все, что ниже и выше, Тихомиров оценил на «отлично» подогретым алкоголем и потому быстрым взглядом. И хотя Никите не нравились татуировки на женском теле, он закрыл глаза на рисунок, украшающий предплечье незнакомки. Что-то очень похожее на иероглиф или букву в замысловатых вензелях.

Тихомиров был великолепен — во всяком случае, так казалось ему самому. Он цитировал классиков, сыпал научными знаниями и рассказывал анекдоты. Представлял себя большим и сильным, но при этом начитанным и остроумным мачо с громадным опытом. Незнакомка слушала раскрыв рот. Смеялась ровно тогда, когда было уместно. Исчерпав запас денег и коронных тем, Никита подошел к аппарату караоке и специально для очаровательной дамы (вон за тем столиком) исполнил популярную до заезженности песню.

Дама аплодировала стоя.

После закрытия кафе они вышли на свежий воздух, и Никита предложил незнакомке зайти к нему в гости.

— У меня есть хорошая подборка фильмов, — он подмигнул и обнял девушку за талию, — серия «Дискавери Наука» об американских космических кораблях!

Девушка оказалась не против побывать в космосе.

...Утро светило в окно, как следователь лампой. Заставило вспомнить Тихомирова то, что он делал вечером. Подследственный лежал в постели и невнятно мычал — отпирался или действительно ничего не помнил.

Ноздри защекотал приятный съестной запах. На кухне кто-то гремел посудой.

Никита осторожно выбрался из комнаты и заглянул за угол. Спрятался обратно, переводя дыхание. Возле холодильника хлопотала Тоня Сторонько — в его, Тихомирова, рубашке. Кроме рубашки, на ней ничего не было.

— Ты уже встал? — спросила Тоня, которая, как любая женщина, чует пробуждение любимого мужчины на расстоянии. — Умывайся и садись завтракать.

Тихомиров пополз по стене обратно в комнату. Под одеялом лежал кто-то еще — продолговатый и дышащий бугор.

— Доброе утро, — зевая, поздоровался Нечеловек, — веселая выдалась ночка?

Никита сел на пол. Несмотря на расцвет весны за окном и окончательную победу тепла над сыростью, линолеум оказался холодным. С похмелья случается так, что человек понимает: накануне перешел границу дозволенного. Тихомиров чувствовал себя дерзким контрабандистом — он не только внахалку пересек эту границу, но еще и пронес на ту сторону много запретного. Его обязательно поймают и накажут.

— Это что же... — просипел хозяин. — С кем же я вчера?..

Нечеловек откинул одеяло и с хрустом потянулся.

— Ты — с ней, — Аникита махнул в сторону кухни, — а я — с ней, — он обрисовал в воздухе женскую фигурку и показал ладонями размер груди.

Отравленный организм отказался воспринимать информацию. Тихомиров помотал головой, повторил про себя, шевеля губами «ты — с ней, я — с ней», и улегся на пол. Висок коснулся холодненького — сразу полегчало.

— Ну, чего ты не понял? — донеслось сверху. — Ду-

мал, ты один хочешь быть таким, каким быть боишься? Она — тоже человек. И у нее есть комплексы.

— М-м-м...

— А насчет незнакомки — извини: человеку — человеческое, супергерою — супергеройское. Никакого смешения видов!

Нечеловек поднял хозяина и отнес в ванную. Там Никита худо-бедно справился сам и вышел к столу почти мыслящим индивидом.

— Садись быстрее, — пролепетала Тоня, нарезая хлеб, — у тебя же сегодня защита.

«Худшее воспоминание этого утра», — пронеслось у Тихомирова в голове.

Тоня подошла сзади, обняла его и поцеловала в шею. Мир заиграл красками, а в мыслях появилось много других образов, кроме бутылки пива.

— Всю ночь шумели, бесстыжие, — проворчала соседка Зинаида Степановна, провожая Тихомирова взглядом из окна.

Первым защищался Фесюк. Тихомиров не пошел в зал — готовился к выходу в подсобке за кулисами. Поедаемый тошнотой, головной болью и жаждой, в десятый раз повторял доклад и с каждым проходом все больше переживал. Через несколько минут он будет защищать дело всей своей прошлой жизни и, вполне возможно, жизни будущей. Впрочем, за последние сутки с ним случилось то, что поставило под удар стройность прежнего мировоззрения и еще сильнее запутало Тихомирова в непроглядной паутине бытия.

— Для защиты кандидатской диссертации вызывается Никита Тихомиров, — сказали в микрофон, и аспирант вышел на сцену пред светлы очи комиссии.

Волнение исчезло с первыми словами. Тихомиров докладывал четко и ясно, с изяществом перемещаясь от стендов с графиками к экрану проектора и обратно к трибуне. Импровизировал и даже сделал ироничное замечание сам себе со стороны воображаемого скептика. Настолько вошел в раж, что забыл о похмелье и раз-

двоении на человека и Нечеловека. Почувствовал себя звездой эстрады на сольном концерте, но вспомнил вчерашнее караоке и спустился на землю.

Комиссия с умилением кивала в такт тихомировскому ритму, а председатель начал заполнять аттестационные документы КТН. Податливый, как обычно, молчал — вопросы на защитах не его конек, он и тему вряд ли запомнил. Считал, наверное, что-то в уме, благо с арифметикой у него всегда был порядок.

Ответы на вопросы комиссии и оппонентов дались Тихомирову легко. В теме он купался, как профессиональный пловец в бассейне, а узкая специфика работы не подразумевала особых знаний со стороны вопрошавших. И когда председатель произнес: «На этом, пожалуй, закончим», из первого ряда раздался незнакомый голос:

— А поясните, будьте любезны, почему у вас в самом начале, в третьей формуле, коэффициент равен именно десяти?

Тихомиров рассмотрел задающего вопрос — пожилой мужчина с профессорской бородкой, в очках, возник рядом с Податливым ниоткуда. Честное слово, минуту назад его не было. Никита посмотрел в зал — там сидела восхищенная Тоня — и прошелся взглядом по комиссии. Никто не собирался отменять вопрос, наоборот — ждали ответа.

Формула была простая — закон Вебера — Фехнера для силы ощущения от раздражителя:

$$L = 10 \lg(I/I0)$$

Выражение использовалось у Тихомирова на этапе обоснования выбора темы «Снижение шума в аппаратах пневмопривода» и воспринималось как аксиома, каждый компонент которой знаком еще с НИРСа. Спустя пять лет объяснять, что в формуле зачем, — даже неприлично. Равно как и то, что единица измерения шума — децибел.

Никита знал, почему там стоит множитель 10. Но не мог вспомнить. Это все равно что спросить, почему Земля круглая. Всем ясно почему, но попробуй объяснить в двух словах.

— Коэффициент равен десяти, потому что логарифм десятичный, — ответил Тихомиров, обливаясь потом.

Его накрыла волна паники и страха. Похоже на девятый вал — видишь его, понимаешь величину надвигающейся силы и осознаешь, что бежать бессмысленно. Такое чувство Никита испытывал в школе: в себе уверен, но знания учителя кажутся подавляющими — все равно раздавит, как бы хорошо ни отвечал.

— Неточно, — прокряхтел незнакомец и помахал крючковатым пальцем.

Теперь на Тихомирова упали все похмельные гири разом. Перед глазами расплылось, пролетели в голове слова из доклада, появилось встревоженное лицо Тони.

— Нечеловек... — прошептал Никита. Супермен появился по левую руку. — Помоги!

Аникита посмотрел на развешанные плакаты и пожал плечами:

— А чем я тебе помогу? Интеллект — твоя сила, я могу разве что бороду дедушке отрихтовать. И то если он мне по пути не задаст вопрос, от которого я потеряюсь в глубинах сознания. Он ведь супергерой, от Василия Евсеевича. Какой-нибудь человек-профессор — страшно умный. Страшно.

Тихомиров увидел, как Податливый жмет дедушке руку: спасибо, мол, за работу.

— Что поделать, — прокашлявшись, сказал председатель комиссии, — такой великолепный доклад вы, Тихомиров, подготовили и на таком простом вопросе запнулись... Придется отложить вашу защиту — азы нужно освежить в памяти.

Никита пропустил разящий прямой удар, но держался на ногах. Бормочущего, его отвели за кулисы, дали стакан воды и усадили на стул в подсобке. Голова шла кругом.

Дверь открылась, в проеме появился человек-про-

фессор. Подошел к обессиленному Никите, склонился, ткнул пальцем в щеку и сказал пронизывающим до мурашек голосом:

— Величина в децибелах — это 10 десятичных логарифмов отношения энергетических величин. Это надо зна-ать...

Профессор наклонился к самому лицу. На Тихомирова противно пахнуло из стариковского рта. На лацкане штопаного пиджака блестел значок. Сначала Никита принял его за герб какого-то вуза, но сейчас рассмотрел стилизованную книгу с буквой «Н».

Старикан находился для Тихомирова в фокусе, остальной мир вертелся киношным спецэффектом — размытым и плывущим фоном.

— И что с того?! — закричал Никита, подаваясь вперед. Но оторваться от стула не получилось. — Что это меняет? При чем здесь формула?! Ведь совсем не в ней суть!!!

Это было похоже на кошмарный сон, от которого нет сил пробудиться.

— А суть в то-ом, — просипел дед и продолжил голосом Податливого, — что нечего ставить под сомнение слова преподавателя! А то случится беда-а. По закону по-одлости.

Медленными движениями Профессор достал из кармана мел и что-то нарисовал на лбу Тихомирова. Тот противился, вертел головой, однако оказался бессилен против чужого Нечеловека.

— Во-от твои деньги, — старик сунул за пазуху Никите тысячу. — Купи себе на них килограмм децибел!

И Профессор разразился жутким хохотом, маша руками и показывая гнилые зубы.

В бреду Никита сорвался и побежал, не разбирая дороги. Очнулся в сквере за институтом. На лужайке играли дети, судачили на лавочках мамаши. К Тихомирову подбежала девочка. Она держала в руках большую куклу — пластмассовые ноги почти касались земли.

— Смотри, Клава, — сказала девочка кукле, — у дя-

ди на лбу нарисована буква. Знаешь, как она называется?

Игрушка промолчала, за нее ответил Аникита:

— Иди, маленькая, к маме. Клава устала, ей нужно отдохнуть.

Девочка поскакала к маминой скамейке. Нечеловек тронул Тихомирова за руку:

— Как ты, старина, живой?

Никита смотрел вслед девочке и пытался понять, кому тяжелее: ребенку, который говорит с безответной игрушкой, или кукле — знающей, но немой.

Они дополняют друг друга, иначе неинтересно жить.

— У детей тоже есть супергерои? — спросил Тихомиров, наблюдая, как девочка отвинчивает Клавину ногу.

— Что ты! Дети — жестокий народец. И с мотивацией у них плохо. Кошек мучают ради забавы, за косички дергают просто так... для супергероев это не аргумент. Но и обижать детей мы не можем. То ли дело взрослые, — Нечеловек вытер со лба хозяина букву, — все то же, но как осмысленно!

Разрезая телом воздух, словно кисель ложкой, Тихомиров встал и побрел никуда.

— Я буду всегда видеть двойников? — пробормотал он.

— Пока у тебя есть двойник — всегда.

— И как мне от тебя избавиться?

— Менять мир самому. Начиная с себя.

Вокруг пестрели картинки — одна страннее другой.

На перекрестке стоят два авто, попавшие в аварию. Водители сошлись грудь в грудь. За спинами нечеловеки спорят по-своему: бьют стекла битами и скачут на крышах.

Два милиционера пытаются поднять пьяницу и требуют документы, а супермент избивает забулдыгу дубинкой. Или нет, этот, с дубинкой, — третий милиционер?

Супермены нарочно сбивают на перекрестках пешеходов, идущих на красный; оставляют родителей на

произвол судьбы; грабят обвесивших продавцов; бьют неверных жен; стреляют в наглых иностранцев...

Ибо так устроен их мир, где каждому должно воздаться по заслугам.

Перед Никитой падает молодой мужчина в военной форме. Он только что вылетел из маршрутки на полном ходу и держит в руках пенсионное удостоверение. На левой груди, рядом с орденами, висит медалька в виде буквы «Н».

— Я тебе покажу, фашистская рожа! — кричит парень вслед автобусу и достает из-за пояса лимонку.

Маршрутка останавливается на светофоре, солдат бросает гранату под колеса.

Взрыв.

Никита отворачивается.

— Дай мне куртку, — просит он своего Нечеловека, — дай, я верну.

Застегивает змейку красно-черной мастерки и ощущает невиданную силу в руках. Идет прямо к мужчине в военной форме.

— Прошу прощения, служивый! Так вопросы не решают.

Солдатик достает пистолет и целит в сторону горящего автобуса. Потом поворачивает дуло на Тихомирова.

— Я — человек военный, — говорит солдат, — выполняю приказ. Других способов решать вопросы не знаю.

Он присматривается к Никите, оценивает сочетание мастерки с отутюженными брюками и тверже перехватывает рукоять.

— Слу-ушай, а это не ты ли размышлял над тем, что нынче в транспорте катаются только ветераны, пересидевшие войну в тылу?

— Он, он, — подгавкивает давешний собачник, тыкнутый в дерьмо. Только теперь он стройный, в бальном костюме. На пряжке ремня сияет большая «Н». — Он и собак бродячих хотел пострелять!

— А еще по ночам шумит! — добавляет девушка в

пышном парике, коротком платье и туфлях на платформе. Пряжки на туфлях сделаны любопытно: две длинные вертикальные палочки, между ними — короткая горизонтальная.

Кольцо супергероев вокруг Тихомирова сужается. Бежать бы, но солдатик держит на прицеле. Приходится отступать, двигая за собой живое окружение.

— Насчет шума я согласен, Зинаида Степановна... или как вас там? — оправдывается Никита, прижавшись к холодной стенке киоска. — И насчет собаки, наверное, не прав. Да, у меня возникали мысли о лжеветеранах, но ведь тогда у меня не было супергероя! Я всего лишь думал, но ничего не делал!

— Во-первых, не Зинаида Степановна, а Красотка Нелли... — Модница поправляет искусственную прическу.

— А во-вторых, — вмешивается солдат, — не думал бы, так и Нечеловек у тебя не появился бы. Ты хотел наказывать и получил возможность. А теперь — мы тебя накажем!

Он взводит курок и кладет палец на спуск. Получает удар сзади — от Аникиты.

Нечеловеческий круг рвется, Тихомиров бежит в глубь района — спотыкаясь и падая.

Никита пришел в себя на лавочке возле своего подъезда. На улице смеркалось. Весенние запахи умиротворяли и пьянили. Хотелось лечь на нагретую за день землю и уснуть. Так, чтобы никто не трогал — по обе стороны сознания.

Возле «Москвича» Карпушкина, с той стороны машины, суетился какой-то тип. Он посветил фонариком в салон и ударил по стеклу — осколки упали без звука.

Никита привстал.

«Наконец-то Карпушкин поймет, что машину нужно ставить на платную стоянку!»

Вор вытащил магнитофон, смахнул с курточки стекло и заметил свидетеля.

— Чего смотришь, сопля? — рявкнул злоумышленик на Никиту. — Слово скажешь — убью!

Развернулся и, оглядываясь, быстро пошел вдоль дома. Тихомиров думал: звать Аникиту или нет? Если позовет — опять придется смотреть на нечеловеческий хлам. Не позовет — вор уйдет безнаказанным.

«Ну так Карпушкин получит по заслугам!»

«Ну так завтра этот ворюга обчистит твою квартиру».

Тихомиров рванул с места так, что на полной скорости сбил преступника с ног.

— Милиция!!! — закричала Зинаида Степановна. Она наблюдала за двором из окна.

Неужели Тихомиров понравился Красотке Нелли?

Увы, обдумать это Никита не успел — удар по голове оборвал течение мыслей и ход времени.

Через три месяца аспирант Никита Тихомиров снова стоял на остановке, обреченный на заклание маршрутному автобусу. В сумке, помимо ноутбука, болтались нарезанные Тоней бутерброды.

И наушники Никита не забыл.

Из милиции в институт прислали благодарность за помощь в поимке рецидивиста, и председатель комиссии разрешил Тихомирову защищать кандидатскую вместе с «осенним призывом». Тем более что и в первый раз работа оставила хорошее впечатление. Если бы не досадная ошибка имени Вебера — Фехнера...

Никита отлеживался в больнице, когда Тоня принесла новость о том, что Податливый ушел на пенсию. Говорили, крайняя защита диссертаций отняла у старого бойца науки последние творческие силы. Он поселился в шикарном загородном доме, который купил на честно заработанные за многие годы служения техническим музам деньги.

После травмы Человек-Нечеловек к Никите не являлся. Да Тихомиров его и не звал.

Сидячего места в автобусе не хватило. Никита ухва-

тился за поручень рядом с девушкой, у которой из-под плаща выпирал круглый животик.

— Молодой человек, — обратился Никита к раскинувшемуся на сиденье бородатому крепышу, — будьте добры, уступите даме место.

Мурло посмотрело с презрением. Хмыкнуло и нехотя встало, удивляясь, что повинуется никчемному заморышу, у которого из мужских достоинств — лишь большой нос.

Беременная улыбнулась Никите и тоненько сказала: «Спасибо».

С чувством восстановленной справедливости Никита уставился в окно. Думал, как хорошо творить добро своими руками.

И еще размышлял, почему Тоня прячет красивые ноги под длинной юбкой или джинсами. И почему вдруг она перестала быть для него тощей и стала стройной?

«Честное слово, женюсь, — пообещал себе Никита, — по закону «Об актах гражданского состояния».

НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА

ПЕЧАЛЬНЫЙ ОСТРОВ

Печальный остров — берег
дикой...
А.С. Пушкин

Вообще-то, говорят люди, изначально этот остров назывался Пищальным. Якобы в гарнизоне Итильгородского кремля, усиленного после Смутного времени, и столь же усиленно скучавшем, развлекались стрельбой из пищалей, в рассуждении, долетит ли пуля до острова или нет. Скорее всего, это вранье, как всякая народная этимология, потому что Волга в этом месте очень широка, а остров как раз посередине, так что туда пуля из снайперской винтовки не долетит, не то что из пищали.

Как известно, Петр I повелел сжечь в Итиль-городе все мосты и новых не строить — в целях развития судоходства. Этот указ в точности соблюдали лет сто. Потом решили, что совсем без мостов тоже не слава богу, тем более что город протянулся уже и за Волгу. Навели понтоны, а чтоб судоходству не мешали, в положенное время разводили. Но острова посреди Волги это не коснулось в прямом смысле слова. По понтонному мосту пустили извозчиков, позже — трамвай, и песчаный горб, щетинившийся леском, только мешал бы транспорту.

Наверное, тогда остров и назвали Печальным.

Шлепали по воде колесами и дымили пароходы, орали песни, проплывая в лодках, пьяные мастеровые с Костанжогловских заводов, гремели копыта по понтонному мосту — жизнь проходила мимо.

Настоящие мосты появились много позже. Без них стало никак нельзя. Количество заводов и фабрик, произраставших в Итиль-городе, обгоняло если не всю Европу, то всю Россию точно. И обе части города, Гора и Заречная, должны были сообщаться между собой, иначе бы производство встало. Но мосты опять пролегли в стороне от Печального острова — там, где река была поуже. Впрочем, со временем мост, опять-таки понтонный, к Печальному острову подвели — с одной стороны, с Заречной. Теперь уже название «печальный» звучало как насмешка. Остров стал излюбленным местом купаний и пикников. В летние дни сюда устремлялись изнемогающие от жары толпы, благо помимо песчаного пляжа там имелись и заросли, где можно укрыться в тени.

Лет двадцать, а может, и более длилось такое веселье, а потом прекратилось. Санитарные врачи прекратили. Производство-то развивается, напомнили они. И не абы какое, а тяжелое. Здесь вам не Иваново — город невест, с его ситцами. Автомобили у нас куют, самолеты, пароходы. Плюс химические заводы. Ну и — не принято об этом говорить, но вообще-то каждый горожанин старше трех лет в курсе — военные. И отходы от всего сливаются в Волгу. Рыба передохла давно, а народ

здесь купается. Короче, надо строить очистные сооружения, а пока суд да дело — пляж следует закрыть.

Так или иначе происходил судьбоносный разговор санитарных врачей с городскими властями, никто уж не упомнит, давно это было. Важно то, что санитарные речи нашли путь к сердцам властей предержащих. То есть очистных сооружений строить не стали, да и кто их в те времена строил? А вот мост до Печального острова разобрали.

Народ, конечно, такой заботой о своем здоровье повозмущался. Летом в здешних краях очень жарко, а возможность смотаться за город есть не у всех. Но лишь маньяк стал бы утверждать, будто вода в великой русской реке чистая. После купанья там приходилось долго отмываться от грязи, а из чего состояла эта грязь, и говорить не хочется.

Но были и такие, кому на острове не загорать-купаться хотелось, а попить пива-водки. Непременно не на квартире, не в парке, а под сенью струй. И они упорно пытались добраться до привычного места отдохновения на лодках. Супротив таких отрядили речную милицию на катерах, а лодочную станцию закрыли. Конечно, никто не может усторожить сторожей, и милиционеры, возможно, сами проводили досуг на острове. Но роща и кустарник, прежде занимавшие часть острова, бесконтрольно разрослись, подобравшись к самой кромке воды, и пляж перестал существовать сам собой. Чтоб удобно разместиться, прежде надо было вырубить пространство среди зарослей — и кому нужны такие усилия?

Для любителей культурно выпивать среди зеленых насаждений вокруг города есть леса, и там можно расположиться, не напрягаясь.

И остров перестали посещать. С берегов казалось, что он покрыт шапкой, летом — зеленой, зимой — черной. В прежние времена, в пору весеннего паводка, Печальный остров полностью скрывался под водой. Но из-за множества плотин Волга сильно обмелела, и остров разве что подтапливало, не заливая целиком.

Так проходили годы и десятилетия. Рост промышленности, из-за которого остров отрезало от города, давно сменился спадом. Утверждали, будто в реке вновь появилась рыба. Но возвращать понтонный мост местные власти даже не думали. Не по злокозненной сущности своей. О Печальном острове просто забыли. У всех было полно забот, жизнь стала совсем иной, чем в те времена, когда вершиной удовольствия было растянуться на прогретом солнцем островном пляже. Все куда-то спешили, и разве что, застряв в пробках на мосту, кто-то из горожан поворачивал голову в сторону острова посреди Волги. Правда, его было плохо видно. Над островом вечно висело либо марево, либо туман. Наверное, виноваты были резкие колебания температур, особенно участившиеся в последние годы.

И было бы так пусть не до скончания времен, но весьма и весьма долго, если бы где-то там, в неведомых кабинетах, не подсчитали, что гидроэлектростанции в их нынешнем состоянии не снабжают в достаточной мере энергией приречные города. Слишком, слишком обмелела Волга, мощностей не хватает. Строить электростанции на других источниках энергии — долго, и в первую очередь — дорого. Да и зачем, когда проблема разрешается проще некуда. Нужно только поднять уровень воды за счет Алатырского водохранилища, что вверх по реке от Итиль-города, и все прекрасно заработает.

И решили — поднять. Недовольные, конечно, были. Но они всегда есть. И кто их нынче слушает, недовольных-то? Чай, не проклятые перестроечные времена. Ну, зальет пару-тройку деревень, сказали те, кому надо говорить, так население заблаговременно вывезут. Или вам АЭС в городской черте надобно? Так сами же протестовали — и нет ее, потому что вас тогда слушали.

Губернатор и мэр дружно утверждали: все будет хорошо, ничего страшного не случится. И хотя никто не верил, ясно было: изменить ничего не удастся, все уже решено.

И никто из них — властителей, и чиновников, и эко-

логов, и вечно недовольных горожан, и охваченных паникой жителей деревень — не вспомнил о Печальном острове.

И все, что было раньше, растянувшись на века и десятилетия, — это присказка.

Остров ушел под воду. На это не обратили внимания. Слишком много было других проблем. В деревнях до последнего дня надеялись, что потоп отменят, и когда потоп все же пришел, к нему оказались не готовы. Конечно, вызывали спасателей со всей страны, тонущий народ вывозили на вертолетах и заселяли куда придется. И если для людей еще находился какой-то приют, то с домашней скотиной дело обстояло хуже. В городе, точнее, в тех его районах, что находились в низине, во многих домах залило подвалы, и откачивать стоячую воду, как тут же выяснилось, было некому и нечем.

Новое поколение санитарных врачей предрекало различные эпидемии — гепатита, дизентерии, а, памятуя о погибшей по деревням скотине, еще и чего похуже. Да мало ли какие скотомогильники там размыло!

И кто в такой обстановке будет вспоминать о поглощенном рекой острове? Мало ли таких микроатлантид кануло в небытие в русских реках?

И кого в эти дни взволнует сообщение, будто по стенам обычного строения ползало неведомое чудовище, напоминавшее разом кошку и летучую мышь, а некий гражданин, зашедший отлить в кусты, повстречал там такое страшное, что теперь страдает недержанием денно и нощно?

Однако же сообщения такие были. А людей нельзя потчевать одной чернухой, для разнообразия сгодится и другая чернуха. Даже если она той породы, что с крыльями и крякает.

— Есть мнение, что народ надо отвлечь от этих безобразий, — сказал редактор «Итильской недели» журналисту Славе Замятнину. — Инопланетян уже не хавают, светская хроника людей только злит. Стало быть, надо заняться этими монстрами.

— Какие монстры? Пить меньше надо, тогда и монстры мерещиться не будут.

— А то я без тебя не знаю. Конечно, лопают сограждане на нервной почве больше обычного. Но матерьяльчик из этого сварганить можно. Или тебе гонорар не нужен?

Гонорар Славе, разумеется, был нужен. Семья его не отличалась большими запросами, но все равно хотела есть, и желательно каждый день. Поэтому он не стал выпендриваться и согласился заняться журналистским расследованием. Тем более что, по его мнению, никуда для этого ходить не надо, равно как и разыскивать алкоголиков с мокрыми штанами. Залезть в сеть, откуда все равно черпается большая часть публикуемой информации, сходить на несколько знакомых форумов, исправно собирающих местные сплетни — и сенсация провинциального разлива готова для печати.

Ознакомившись с разговорами на этих форумах и в сообществах, Слава пожалел, что готовить надо заказанную сенсацию, а не серьезную работу на тему «Природа массовых психозов». Иначе пришлось бы признать, что значительная часть сограждан Славы сидит на тяжелых наркотиках, а до такой степени продвинутости в русской провинции, к счастью, еще не дошли. Вот слухи, приобретающие самые уродливые формы, — это да, этим Итиль-город всегда отличался. В Москве, говорят, в давние времена был обычай: когда лили очередной церковный колокол, запускать по городу слухи один нелепей другого — иначе колокол звонить не будет. А в Итиле и колоколов не нужно было, слухи пускали из любви к искусству. За несколько часов Слава узнал подробности про летучую кошку (да, уверяли многие, это была не мышь, а именно кошка, только с крыльями) и про мохнатую рептилию, напугавшую того пьяницу, а также получил сведения о других существах, не подпадающих ни под одну известную классификацию. Рыбаки на Нижней набережной (неизвестно, удавалось ли им хоть что-нибудь выловить, но сидели они там регулярно) заметили вылезавшее из воды нечто, на-

поминающее крокодила, «только не зеленого, а цвета в темноте не разобрали». Влюбленная парочка, обжимавшаяся в сквере Красных Матросов, в панике бежала, когда с памятника этим самым матросам на них упала трехголовая змея. Упоминались также жабы-альбиносы и лысые крысы. Но более всего произвело впечатление на Замятнина описание собаки с перепонками на лапах, сделанное персонажем под ником Bik_Tupogub. Оно выдавало человека с профессиональным знанием биологии. Криптоисториков нынче расплодилось немерено, даже в провинции, а вот криптозоологи, по мнению Славы, по-прежнему водились только в книжках. Так что скорее всего выступление Tupoguba тянуло на душевный, со вкусом сделанный розыгрыш. Может, это он и начал «лить колокол», а впечатлительные сограждане, чью нервную систему всколебал потоп, подхватили. В других своих выступлениях Bik_Tupogub обращал внимание на то, что все новоявленные существа были замечены только в кварталах старого горда. И в самом деле, отметил про себя Слава, чудовища среди блочных строений — это не то. А вот в домах прошловековых — ничо так, готично. Или это попытка привлечь внимание городских властей к проблемам ветхого фонда?

Отмечалось также, что никому из видевших «итильгородских монстров» не удалось их запечатлеть. И это в наше время, когда мобильники с фотофункциями если не у каждого, так через одного! Стало быть, люди были либо слишком напуганы, либо они все же пытались снимать, но изображения не получилось. Похоже, все неведомы зверушки попадались людям на глаза поздно вечером либо ночью. Из чего следует, что это животные ночные, а при свете дня предпочитают скрываться в тени.

Это не довод, мысленно отметил Слава. Чудовище Лох-Несское сколько столетий люди видят, а ни одного приличного снимка до сих пор нет. Хотя, конечно, столетия назад фотоаппаратов не было...

Однако теперь у него появился предлог, чтобы заговорить с криптозоологом. Слава написал, что при нали-

чии хорошей фотокамеры, а не «мыльницы» или мобильника, возможно, удалось бы сделать снимок.

Собеседник живо заинтересовался этим соображением, и они договорились о встрече. Слава, кстати, не блефовал — цифровая камера у него имелась. Стрелку забили у пресловутого памятника Красным Матросам. Место было приметное, единственный окультуренный сквер вблизи Нижней набережной, этакий оазис посреди четырех оживленных трасс. Слава часто проезжал мимо, но не мог припомнить, когда приходил сюда целенаправленно или просто останавливался здесь. Приезжие постоянно восхищались, какие в Итиль-городе открываются виды, а местным некогда было этими видами любоваться. Следовало воспользоваться моментом.

Портовые здания отчасти заслоняли панораму реки, и все же Славе показалось, что Волга стала шире. Из-за того, что вода поднялась? Наверное, хотя из бетонного ложа все же не вырвалась. То ли дело позапрошый век, когда на том берегу волнорезов еще не понастроили и по весне Заречье могло успешно конкурировать с Венецией!

— Заслав? — обратились к нему, эдак деликатно.

Под этим ником Слава выходил в сеть. Он обернулся. У ног брутальных чугунных матросов стоял мужчина лет сорока (плюс-минус), в сером цивильном пиджаке, с редкой бородкой и необильной шевелюрой.

— Бык-Тупогуб, — представился он. — Фома Аркадьевич.

На шутника он определенно не был похож.

— Вы биолог? — спросил Слава.

— Совершенно верно, — ответствовал Бык-Тупогуб и уточнил: — Преподаю.

«Школьный учитель, — сделал для себя поправку Слава. — Торчит на этой работе, потому что там свободный и бесплатный выход в сеть».

— Замятнин Вячеслав.

— А чем вы занимаетесь, если не секрет?

Врать Слава не собирался.

— Работаю в газете. — Слово «журналист» не хотелось употреблять. Нынче это отдавало дешевыми понтами, хуже было только «писатель». Но, видимо собеседник был не в курсе таких тонкостей.

— Пресса, — задумчиво сказал он. — Пресса — это хорошо. Даже если вы всего лишь гоняетесь за жареным.

— Пока что ничего не догнал. Какие у вас соображения?

— Для начала исследуем окрестности. У меня есть сомнения, что мы найдем эту змею, но все же следует поискать.

— Думаете, уползла?

— Думаю, эти существа отлично мимикрируют.

— Какие существа?

Но Бык-Тупогуб не ответил. Он увлеченно шарил по кустам. Было бы неловко, если бы его замели за порчу зеленых насаждений, но, очевидно, у милиции были более важные занятия, чем следить, кто шастает по газонам. Впрочем, Бык-Тупогуб был довольно осторожен — то ли боялся змеи, то ли просто не хотел топтать траву. Она была высокой — Итиль-город не славился аккуратной стрижкой газонов.

Слава некоторое время походил за ним, для очистки совести щелкнул по монументу и заскучал.

— Вы сами-то видели кого-нибудь из этих? Кроме собаки с перепонками? — спросил он, предполагая ответ: «Я — нет, но вот один друг (знакомый, родственник, сослуживец)...»

— Конечно, видел! Как-бы-кошку. Кстати, не так далеко отсюда — у старого крепостного рва.

— Кошку, с которой все началось? С крыльями? Она и в самом деле летала?

— Не, прыгала с края обрыва на дерево. Как белка-летяга. У нее в самом деле крылья, но вряд ли они были пригодны для полета, скорее рудиментарные отростки.

Слава хмыкнул. А может, там и вправду белка была? Хороший заголовок: «Здравствуй, белочка...»

— Подобные явления — когда у животных развива-

лись дополнительные части тела, вплоть до лишних голов, — отмечались в прошлом веке в Чернобылской зоне, — добавил Бык-Тупогуб.

— Да, но у нас тут ничего атомного не взрывалось!

— Вы уверены, что не взрывалось? На военных завода старались скрыть такие вещи, — сказал Бык-Тупогуб с интонацией опытного конспиролога.

— Ну... — Слава не нашелся, что ответить. И не успел.

Поблизости захрустели кусты и послышался женский голос. Точнее, девичий:

— Юра-а! Юрочка!

Пипец поискам, с грустью констатировал Замятнин. Стемнело, и к подножию Красных Матросов непременно притащится какая-нибудь парочка.

Он угадал. Парочка появилась. Но эротических намерений, по всяком случае явных, молодые люди не высказывали.

— Да посмотрел я уже, нет ее там, — пробасил Юрочка.

— Ищи, ищи, должна быть! Пакость какая... Может, в кусты заползла?

— Ты по траве в босоножках не шастай, Танька. Укусит еще.

Девица ойкнула во все девичье горло.

— Вы поняли, кто это? — шепотом спросил Бык-Тупогуб.

А чего тут не понять... Слава таких видел каждый день. Типаж «блондинка провинциальная», слава богу, знать не знающая про анорексию и бронзолексию, и ее приятель, стараниями отечественной рекламы к двадцати с чем-то годам заработавший пивное пузцо. Контингент канала MTV и шоу «Прасекс» Моти Лермонтовой.

Но Бык-Тупогуб имел в виду нечто иное, и Слава догадался что.

— Это те, которые видели трехглавую...

Однако глазастая молодежь теперь углядела и Славу с Тупогубом.

— Эй, мужики, вы тут случайно... — как можно более солидно начал юноша.

Его спутница проявила неожиданную смекалку:

— Юрочка, глянь, у него цифровик! Они на наше место пришли! Они сами сфотать хотят!

Юрочка заворочал выцветшими бровями — это действие, несомненно, сопровождало мыслительный процесс.

— Прикинь, да... — только и сумел он произнести.

— Мы первые, первые ее нашли! Это наше! — заявила Татьяна. — Вы не имеете права...

Но Бык-Тупогуб, по роду деятельности общавшийся с учащейся молодежью, не был смущен, а Слава тем более.

— Любая информация, размещенная в сети на сайтах открытого доступа, становится всеобщим достоянием, — спокойно провозгласил он.

Однако девицу тоже нелегко было сбить с толку.

— Все равно мы первые! И фоту мы должны сделать и продать! У нас права...

Слава встрепенулся.

— И кому продавать собрались?

— Так мы и сказали, — Юрочка проявил трезвость мысли, а девушка подхватила:

— Да у нас такую фоту любое агентство с руками оторвет! Хоть в Москве, хоть в Америке!

Все ясно. Ребятишки насмотрелись боевиков, где лихие репортеры получают за снимки бешеные бабки. Ни с одной конторой в реале дела не имели, волшебного слова «фотожаба» не слыхали. Оторвать-то у вас, может, что и оторвут... Руки, скорее всего.

— Ладно, бог в помощь, — сказал он, — ищите свою змеюку.

Молодые люди не ожидали такой уступчивости.

— А вы чего? — растерянно спросил Юра.

— А мы дальше пойдем. Правда, Фома Аркадьевич?

— Совершенно верно. Главное было — найти исходную точку.

Замятнин подхватил криптозоолога и повлек прочь —

не дал рассыпать цветы красноречия перед посторонними. Однако Таня заподозрила подвох.

— Юрочка! — громко зашептала она. — Они что-то знают! Иначе б не ушли. Пойдем за ними!

Юра поковырял пальцем в ухе.

— А пошли.

Искать змею в кустах у него не было большого желания, даже за большие доллары.

— Итак, главное было — найти исходную точку, и сдается мне, она где-то здесь, — продолжал вещать Бык-Тупогуб. — Вернемся к тому, с чего начали. Все появления — на правобережье, все в старой части города. Я обозначил примерно на карте города все места, где видели монстров, и попытался понять, что их объединяет.

— Да тише вы! Эти папарацци доморощенные поперлись за нами.

— Ну и что? Наша задача — увидеть. Пара лишних наблюдателей не помешает.

Бык-Тупогуб то ли не страшился конкурентов, то ли ему и впрямь важнее всего был результат. С другой стороны, Слава тоже пришел не в погоне за сенсацией, а как бы наоборот. Если они что-то увидят — пусть будут дополнительные свидетели. Если не увидят ничего — тем более.

Они прошли сквер насквозь.

— Куда дальше? — спросил Слава.

Бык-Тупогуб остановился, раздумывая. Стемнело окончательно, и Нижняя набережная была пуста. Итиль-город все же оставался провинцией, даже летом. Хотя днем из-за обилия пробок в этом можно было усомниться. Однако ночная жизнь там не то чтобы не существовала, но в основном происходила за запертыми дверьми. Выплескивалась наружу она на Горе, где обычно проходили всяческие гулянья и уличные представления. А эта часть города спокон веку считалась деловой. После работы те, у кого были средства и желание, оттягивались по барам и ночным клубам. Движение замирало, можно было преспокойно разгуливать по проезжей по-

лосе, которая пару часов назад была забита машинами, и ни один милиционер не сделал бы по этому поводу замечания. Милиционеров, впрочем, об эту пору тоже надо было поискать. Нет движения — нет штрафов, так зачем же париться?

От набережной, за старыми домами, узкие кривые улицы ползли вверх по склону. Ближайший холм скобкой охватывала трасса, проходившая по дну бывшего крепостного рва. Тень от горы, на которой стояла крепость, ложилась на весь прибрежный район, и на серосвинцовых, тускло дрожащих волнах рисовались зубчатые отражения стен и башен.

Слава задал вопрос — но Бык-Тупогуб медлил с ответом. Он обводил взглядом склон — особняки с осыпающейся лепниной, новехонькие церкви в сусальном золоте куполов и краснокирпичные складские здания, словно стремясь угадать, на котором из них затаилась очередная химера. Поэтому он, как водится, не заметил того, что происходило поблизости.

Татьяна снова ойкнула — не то чтобы панически, скорее рефлекторно. По улице прокатил джип с затемненными окнами. Но девушка испугалась не этого. Не Москва, чай, даже не Чикаго, в прохожих из машин не палят. Но, приглядевшись, что происходит, Слава хмыкнул.

Ну конечно: единственный автомобиль на пустынной ночной улице — и обязательно должен был сбить собаку.

— Вот гад, и не остановился, — произнес Юра. — Чего уж там! Он и ради человека бы не притормозил. — Похоже, в парне проснулась классовая ненависть. Это чувство прекрасно уживается со стремлением срубить бабла. — А тут собака...

— Это не собака, — сказал Бык-Тупогуб.

Голос его был ровен, криптозоолог, казалось, сохранял полное спокойствие.

Твердым шагом он двинулся к поверженному животному. Первую помощь оказать решил? Значит, собака жива.

Слава собак любил, но будь он один, вряд ли бы кинулся помогать... тем более Бык-Тупогуб говорит, это и не собака вовсе... Немного помедлив, он пошел вслед за Тупогубом. Неловко как-то.

Юра с Таней, выдержав паузу, тоже приблизились к жертве дорожного происшествия.

И тут Таня завизжала. На сей раз по-настоящему, как визжат перепуганные вусмерть юные девушки.

Существо, лежавшее на асфальте, перепутать с собакой можно было лишь в темноте, на значительном расстоянии или проносясь на большой скорости. Ну, или человеку, вовсе лишенному зрения, — но такие редко появляются ночью на городских улицах.

Больше всего оно напоминало варана, да только варанов, покрытых густой жесткой шерстью, не бывает.

— Прежде всего нужно взять кровь на анализ, — произнес Бык-Тупогуб. Слава не понимал, исследовательский азарт придает тому хладнокровия или это всего лишь маска. В любом случае в руках Фомы Аркадьевича оказались пробирка и стеклянная трубочка, какую Слава не раз наблюдал при сдаче анализов, но не удосужился спросить, как она называется.

Неужели криптозоолог предвидел столкновение, раз приволок это хозяйство с собой? Или у него в кармане и скальпель есть?

Может, скальпель и был, но препарировать существо Бык-Тупогуб не успел. Существо распахнуло пасть и глаза одновременно. Неизвестно, где криптозоолог успел выработать мгновенную реакцию, но он отскочил в сторону, и вовремя. Пасть, усыпанная треугольными зубами, была такой величины, что Славу замутило — он представил себе, что произошло бы с рукой Фомы Аркадьевича, не прояви тот недюжинной прыти. Конечно же, это была не собачья пасть. И глаза тоже напоминали глаза рептилии.

— Крокодил, — сглотнув, диагностировал Бык-Тупогуб. — Более всего форма тела, в особенности челюсти, напоминает крокодила.

Он по-прежнему старался сохранять спокойствие, но у него не очень получалось.

— Какой крокодил? — со злостью выкрикнул Слава. — Где вы видали шерстистых крокодилов?

— Реактивная мутация. Существование шерстистых носорогов в ледниковый период научно доказано. Могли быть и шерстистые крокодилы. Так же, как многоголовые змеи. Между тем выдвигается обоснованная гипотеза, что так называемое глобальное потепление — всего лишь предвестие нового ледникового периода. Эволюционный зигзаг...

— Фома Аркадьевич, побойтесь бога. Перед вами Волга, видите? Не Нил. Откуда здесь крокодилы?

— Это Зона, — внезапно подал голос Юрочка.

— Что?

— Ну, как в этом... где атомный взрыв был... и развелись всяческие мутанты. — Неужто он своим умом дошел до того же, что и Бык-Тупогуб? Но следующая фраза прояснила источник знаний: — И сталкеры туда ходили, хабар брали, с мутантами махались. Еще игрушка такая была...

Исходный текст про сталкеров был ему явно не знаком.

— Еще того не легче. Еще скажи, что здесь инопланетяне приземлялись. Прикинь, пацан, — мы посередь города, какая Зона?

Слава прервал свои обличительные речи, потому что раненое существо (шерстистый крокодил, Canis psevdovaranis, или как там его еще назвать) приподнялось. Таня отшатнулась и вцепилась в своего кавалера. Но монстр не сделал попытки напасть, а пополз прочь, через дорогу. Несмотря на то что его задние лапы волоклись по асфальту — очевидно, были перебиты, — передвигался он довольно быстро.

— За ним! — призвал Бык-Тупогуб. — Возможно, он выведет нас к своему... э-э-э... убежищу.

Слава и Юра подчинились.

— Я боюсь! — пискнула Татьяна, но дезертирства не предприняла — преследовать монстра было не так

страшно, как оставаться на ночной улице в одиночестве.

Однако бежать им пришлось недолго. Несчастный монстр перебрался с проезжей части на набережную, прополз между лжеконструктивистским зданием пароходства и ближайшим причалом и, перевалившись через кромку пристани, устремился по бетонным плитам к черной воде.

Слава мысленно перебирал разные версии. Если это существо и вправду крокодил, то в реке ему самое и место. Может, у него там гнездо... звучит как в тупом анекдоте. А вдруг оно что-то соображает... не хочет, чтобы его потом препарировали... пытается утопиться?

В любом случае силы его оставляли. Он двигался все медленнее, рывками. Юра готов был полезть за ним, но его остановил свистящий шепот Татьяны:

— Смотрите!

Что-то черное спикировало с водосточной трубы пароходства. Слава видел летучих мышей только в кино и не мог сказать, похоже оно или нет. Но он инстинктивно пригнул голову, а когда поднял ее, то рядом с прежним, практически родным существом увидел другое. Нет, это была не мышь, а, наоборот, кошка. Та самая летучая кошка, о которой было столько разговоров. Самая настоящая кошка... если бы не крылья. То есть, как выразился Бык-Тупогуб, рудиментарные отростки, покрытые мехом. Летать на них было невозможно, а вот планировать — вполне. И эта летучая кошь, ухватив собаку-крокодила за шкирку зубами, словно котенка, хотя сама много уступала ему в размерах, пыталась тащить его вниз, к воде.

Может, тяжесть оказалась бы для нее неподъемна. Может, Юра все же набрался бы решимости и двинулся по бетонке вниз. Но его опередили.

Они ползли через парапет, посыпались с набережной к реке. В первый миг Славе показалось, что их очень много. Ему было так страшно, что он слышал, как стучат собственные зубы. Но он заставит себя успоко-

иться. Мужчина он или где? Даже Таня уже не визжит...

Не так много. Не больше дюжины. Сколько в точности — трудно разглядеть в темноте. Но они были здесь, наверное, все, о ком твердила молва. Стая зверей, изначально напоминавшая нечто знакомое и домашнее. Собак и кошек, да. Но все они были отмечены признаками, у нормальных животных отсутствующими. Крылья и перепонки, мех там, где его не должно быть, и голая кожа вместо шерсти.

Сказки дедушки Босха.

Надо было снимать, но Слава, захваченный зрелищем, забыл о камере. Что странно, Юра тоже не делал снимков, которые, по идее, должны были его обогатить. Возможно, из-за темноты.

Стая подхватила своего раненого собрата и повлекла его дальше, благо расстояние было невелико. Еще несколько минут — и все они плюхнулись в воду.

— Мама дорогая! — пробормотал Слава. — Что это? Типа лемминги? Ритуальное самоубийство?

— Нет, — отвечал Бык-Тупогуб. Он, несомненно, пришел в себя.

Звери плыли. Те, кто вряд ли мог удержаться на воде, сидели на плечах у более сильных сотоварищей. Змей многоглавых там вроде бы не имелось — да, может, их и не было вовсе...

Луна выглянула из-за туч, и в ее призрачном свете видно было направление заплыва.

— Остров, — тихо произнес Фома Аркадьевич. — Печальный остров.

— Так он же потонул! — возразила Таня.

— Вот именно. Много лет остров был местом отдыха. А народ у нас сентиментальный, любит брать на отдых домашних любимцев. Собак, кошек... А животные на природе имеют привычку убегать. В густом ивняке найти их трудно. Особенно если хозяева выпивши. Некоторых, возможно, просто забывали. Вероятно, по мосту туда же из города добирались крысы...

Слава нервно рассмеялся.

— Я вспомнил... в старых подшивках «Итильской недели» читал. На том берегу шапито каждый год ставят, у ярмарки. И зверинец. Так однажды у них крокодилица пропала! Решили, что сперли какие-то умельцы... на сапоги...

— А она уплыла и отложила яйца. Только климат у нас не африканский.

Хорошо, что у этих циркачей осьминог не пропал, подумал Слава. А то было бы сейчас пробуждение Ктулху на Волге...

— Ну, вы поняли меня. Остров оказался отрезан. Предоставлен сам себе. Замкнутая система. Впрочем, не совсем замкнутая. Химические отходы, радиоактивные отходы... все попадало на остров с каждым весенним паводком. Мутации пошли скачкообразно, создалась собственная биосфера. Разросшийся лес способствовал этому. Юра прав — это была Зона, Зона посреди города. Никаких взрывов и инопланетян не понадобилось. Все сделали мы сами. Остров даже сталкеры не тревожили! А потом остров затонул. Эх, какой уникальный эксперимент загублен!

Звери доплыли до середины реки и кружили по воде, точно стремясь отыскать свое безвозвратно утерянное обиталище.

— Остров не затонул, — сказал Слава. — Его затопили. И зверям стало негде жить.

— А они должны были уметь плавать... или летать... иначе бы не смогли прокормиться все эти годы! И они сумели добраться до берега! Вот почему их видели только в ближних кварталах. Дело вовсе не в старом городе. Они просто старались держаться ближе к реке!

— Да, — Слава смотрел на реку. Стая, бесцельно покружив, развернулась и поплыла назад. Отсюда не было видно, тащат ли они по-прежнему раненого или его отпустили, дабы он упокоился на дне. На острове. — Я думаю, что они этот заплыв совершают не в первый раз. Они ищут свой дом, а дома нет.

— Поэтому они устроят себе жилище здесь, — подхватил Бык-Тупогуб. — Станут размножаться... на них

начнется охота... они будут уничтожать бродячих собак и кошек... займут их место... Какая интересная перспектива!

Юра снова прервал молчание.

— Мужики, — сказал он, — а человека... человека там забыть не могли? По пьяни-то?

АНДРЕЙ ЕГОРОВ

МОЙ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ КЛОУН

В детстве у меня был свой персональный клоун. Я нашел его на огороде. В цветастой одежде и смешных клоунских ботинках он лежал, раскинув ручки, и не шевелился. На белом лице выделялся красный нос картошкой. Рыжие лохмы и кустистые брови окончательно делали астронавта похожим на уморительного паяца. Его космический корабль развалился на две части. Одна, где помещалась кабина пилота, догорала под яблоней. Другая — технический и грузовой отсеки — уронила секцию забора и почти на метр ушла в землю.

— Что за черт?! — сказал папа, разглядывая место аварии.

— Может быть, это метеорит? — предположила мама. В отличие от папы-гуманитария она тяготела к точным наукам, училась в аспирантуре на физическом факультете ЛГУ и полагала, что отлично разбирается не только в физике, но и в астрономии.

Папа подобных амбиций был лишен, он считал маму очень сексуальной, поэтому нашел в себе силы смириться с таким серьезным недостатком для счастливого брака, как чрезмерная эрудированность супруги в области точных наук.

— Метеорит? — пробормотал он. — Тебе виднее, дорогая. Только вот эта штука, которая горит под яблоней... Может, ее потушить? Как ты думаешь?

— Ни в коем случае! — возразила мама. — К тому же чем ты собираешься ее тушить? Водой? Знаешь, как на воду может отреагировать раскаленный металл?

— Тебе виднее, дорогая. — Папа часто повторял эту фразу на протяжении десяти с лишним лет непростой семейной жизни. И когда мама, вконец устав от папиной гуманитарной бесхарактерности, однажды решила уйти к суровому американскому профессору, у которого проходила стажировку, папа снова сказал: «Тебе виднее...» — на слове «дорогая» он осекся. Сложно называть «дорогой» женщину, которая тебя предала.

Рыжеволосого астронавта родители не заметили, занятые разглядыванием круглой дыры в земле. Из нее валил едкий дым, остро пахло серой. Я схватил пришельца за пеструю курточку и сунул в карман на рубашке. Признаков жизни клоун из космоса не подавал.

— Наверное, надо кому-нибудь сообщить о нашей находке? — предположил папа.

— Разумеется. Я позвоню кому следует. Ты можешь не беспокоиться...

— В каком смысле?

— Этим займутся специалисты из нашего университета. Люди, которые разбираются в подобных вещах.

Мама скрылась в дачном домике, откуда через некоторое время послышался ее взволнованный голос: «Да, думаю, это метеорит. Прямо на нашем участке. Поверить не могу в такую удачу». А папа все продолжал стоять посреди огорода, напоминая пугало — он был человеком астенического телосложения, одежда на нем висела, как на вешалке, а на голову он надевал старую фетровую шляпу прадедушки, думая, что она отлично защищает его лысеющую макушку от палящих солнечных лучей.

— Удивительно, правда? — сказал папа и потрепал меня по волосам. — Что только не случается во вселенной... Космос — поразительная штука. — И, помолчав, сделал неутешительный вывод: — Теперь придется чинить забор...

Сейчас, по прошествии многих лет, все, что случи-

лось со мной тогда, кажется вымыслом, причудливой детской фантазией. О том, что я не выдумал клоуна, что он существовал на самом деле, говорят лишь моя жизнь да еще «сокровища» в старой конфетной коробке — рыжий волосок, выпавший из его крохотной головки, орех со следами маленьких челюстей и три белесых шрама — отметина острых коготков на безымянном пальце правой руки, прямо над обручальным кольцом.

Я лишь однажды сделал попытку поделиться этой историей со своей женой. Разумеется, она мне не поверила. «Вечно ты со своими выдумками...» Да я и сам уже не верю, что все случившееся правда.

Оказавшись в своей комнате, я сразу извлек пришельца из кармана и положил на стол. Пару секунд он не шевелился, потом ярко-красный рот, словно размалеванный помадой, жадно задышал. Я приблизил лицо и увидел, как затрепетали ресничкй и распахнулись глаза, круглые, как пара блюдец. «Живой», — с облегчением выдохнул я. Некоторое время мы смотрели друг на друга: я — завороженный его необычной внешностью, он — пребывая в шоке после крушения корабля и от того, что оказался пленником такой шестилетней громадины, как я. Первым очнулся пришелец, закричал, закрываясь от меня ручками. Я заметил, что у него по четыре пальца на каждой руке, все завершались острыми когтями, тонкими, как осиные жала.

Человечек вопил не переставая, но оставался на том же месте, куда я его положил, — должно быть, потерял способность двигаться от ужаса. Мне захотелось растормошить небесного гостя, и я протянул к нему руку. Как оказалось, поступил неосмотрительно. Пришелец изо всех сил полоснул коготками по указательному пальцу и стремглав кинулся прочь, выстукивая по столу дробь большими нелепыми ботинками.

Я поднес палец к глазам, из царапин сочилась кровь. Рыжеволосый оказался вовсе не так безобиден, как мне представлялось изначально.

— Ах, ты так! — выкрикнул я, подхватил его за воротник курточки и поднес к глазам. Бедняга болтался в

воздухе, забавно вращая большими глазами, при этом он снова верещал от страха, взмахивая ручонками. Вид у него был таким забавным, что я рассмеялся. Он же, услышав мой смех, еще сильнее испугался, задергался и завопил на совсем уже высоких нотах. Тогда я снова опустил человечка на стол. Он попытался сбежать, но я воздвиг на его пути стену — коробку от компакт-диска. Астронавт налетел на преграду и опрокинулся. Тут же вскочил и кинулся в обратную сторону. Но и здесь его ожидала искусственная преграда. Так я играл с ним минут пятнадцать, пока клоун полностью не выбился из сил. Глядя на меня с немым ужасом, он уселся посреди стола и принялся кашлять и лупить себя кулачком в грудь. Дышал он сипло, как заядлый курильщик.

Я понял, что моей живой игрушке не очень хорошо. Мне вовсе не хотелось, чтобы пришелец умер. Поэтому я на некоторое время оставил его в покое. Присел на стул, подпер кулаком щеку и стал наблюдать за своим крохотным пленником. Он, в свою очередь, смотрел на меня. В его взгляде читался неподдельный ужас.

— Не бойся, — сказал я. — Я маленьких не обижаю. У меня раньше был хомяк. Ты не думай. Он не умер. Просто убежал.

Я поставил на стол картонную коробку из-под ботинок, в углу кинул тряпку, чтобы клоуну удобно было спать, наполнил крышку от пластиковой бутылки водой. Затем посадил астронавта в его новое жилище. Первым делом он обежал коробку по периметру, ощупывая стены. Попытался забраться на одну из них, но безрезультатно. Поскребся коготками в плотный картон и направился дальше. Обнаружил крышку, набрал воду в ладони и попробовал на вкус. Погрузил в емкость голову и в считаные мгновения ее осушил — никогда не видел, чтобы кто-нибудь пил столько воды. Человек бы не смог вылакать разом целое ведро. А космический пришелец смог. Он по-собачьи отряхнулся, помотал головой, стряхивая влагу с рыжей шевелюры. И наконец добрался до тряпки. Некоторое время изучал ее, затем сбросил ботинки, курточку, завернулся в ткань и тут же уснул.

Громкое сопение возвестило о том, что сон глубокий. Видимо, сказывалось нервное напряжение и усталость.

Пока пришелец спал, я осмотрел его одежду. Клоунские ботинки оказались очень тяжелыми, словно были отлиты из металла, к тому же они были холодными на ощупь. Материал внешне напоминал кожу, но когда я потыкал их булавкой, на гладкой поверхности не осталось ни единого следа. Я попробовал утопить ботинок в чашке чая. Даже наполненный жидкостью до краев, он и не думал тонуть, продолжая плавать на поверхности.

Отложив инопланетную обувь, я взялся за разноцветную курточку. Она словно была сшита из пестрого лоскутного одеяла. На ощупь ткань была прохладной. В чае курточка плавала, как и ботинки, но когда я извлек ее из чашки, оказалась сухой.

Как я уже говорил, у меня почти полгода жил вольнолюбивый хомяк. Пока не сбежал, предпочтя сомнительные радости свободы вольготному и сытому существованию в аквариуме с опилками. Благодаря опыту с хомяком я отлично знал, что живность требуется кормить, чистить место ее обитания и по возможности сделать побег невозможным. Я принес несколько миндальных орехов, пригоршню изюма и кусочек сыра. Провизию я сложил возле крышки с водой и задумался. Хомяк совершил побег, когда я на время пересадил его из аквариума в картонную коробку. Я и не подозревал, какие острые у зверька зубы и что он способен очень быстро прогрызть в коробке огромную дыру. Неизвестно, какие зубы у пришельца из космоса, но рисковать мне не хотелось. Я отправился в сарай, где нашел старый аквариум, склеенный из оргстекла. Мне пришлось изрядно повозиться, чтобы привести его в должный вид.

— Собираешься завести рыбок? — добродушно поинтересовался папа, когда увидел, что я тащу аквариум в дом.

— Может быть, — ответил я уклончиво. — Еще не решил.

Через несколько часов клоун обрел новое надежное

жилище, откуда ему тяжело будет сбежать. Аквариум я поставил на стол возле окна, чтобы пришельцу было светлее.

Он проснулся ближе к вечеру, снова выпил полную крышку воды и с явным удовольствием принялся хрустеть орехом, взяв его двумя руками. Я наблюдал за крохотным человечком с чувством гордости. Ни у кого нет такого домашнего питомца, как у меня, даже у Димки Савина, его папа-биолог привез из экспедиции гигантского тарантула. Мой персональный клоун будет покруче любого лохматого паука...

Вечером на даче объявился гость — заведующий кафедрой физики твердого тела ЛГУ профессор Лейбович. Он долго бродил по огороду с каким-то прибором. Ворошил остатки корабля под яблоней палкой, разглядывал их в лупу и заявил наконец: «Невероятно!» Потом взрослые сели ужинать на террасе, и я подслушал их разговор.

— Это что угодно, только не метеорит, — услышал я. — Хочешь добрый совет, Танюша? Никому об этом рассказывай!

— Но почему? — удивилась мама.

— Захочешь поделиться этой находкой, через сутки здесь будет толпа журналистов, но это как раз не самое страшное. Вместе с журналистами приедут ученые никому не известных университетов, безумные уфологи со всей страны, любители мистики, колдуны, сектанты. Среди них нормальные люди не встречаются по определению. Я эту публику отлично знаю, сталкивался по работе, они очень любят приезжать всем гуртом на научные конференции, хотя их никто не приглашает, и устраивать там бардак. Покоя у вас больше не будет. Скорее всего, через пару недель задумаетесь о том, что назрела необходимость продать дачу.

— Пожалуй, в этом есть резон, — согласилась мама. — Но что же нам делать?

— Пока ничего. Завтра-послезавтра я приеду с группой аспирантов, мы заберем эту штуку... назовем ее,

скажем, ННТ, то есть неопознанное небесное тело, протестируем в лаборатории. И тогда можно сделать выводы, с чем мы, собственно, имеем дело.

— Но обо мне вы не забудете?

— Ты меня знаешь, Татьяна, — обиделся заведующий кафедрой. — Все, что нам удастся извлечь из этой находки, будем развивать вместе. И плоды пожинать тоже вместе.

Забегая вперед, могу сказать, что впоследствии Лейбович стал всемирно известным ученым, получил несколько престижных премий за открытие материалов со сверхпроводимостью и вместе со всей лабораторией переехал в Соединенные Штаты. Мама же была почти сразу отстранена от научной работы. Полагаю, Лейбовичу совсем не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, чем на самом деле обусловлен его успех.

Хотя я хорошо кормил и поил клоуна, он вел себя крайне беспокойно, периодически шипел и верещал, глядя на меня. Несколько раз пытался кидаться опилками. Больше всего его сердило, что я наблюдаю, как он справляет малую и большую нужду. В эти моменты он бывал особенно раздражителен. И вопил особенно громко. Я понял, что ему неприятен мой интерес, и постарался проявить деликатность в этом вопросе, насколько понимает деликатность шестилетний ребенок.

— Что тут такого? — говорил я. — Я, к примеру, тоже писаю.

Временами он сидел, понурив голову, и раскачивался из стороны в сторону. Вся его поза выдавала горечь и страдание. Я изо всех сил старался его развеселить. Иногда устраивал душ, поливая Клоуна из лейки. Он бегал от искусственного дождя зигзагами и смешно подпрыгивал. Порой я раскачивал аквариум, изображая землетрясение. Он катался кубарем и потом долго дрожал от страха. А однажды я подсунул ему одного из своих игрушечных солдатиков. Увидев ковбоя с парой пистолетов в дальнем углу аквариума, клоун поначалу кинулся к нему, громко выкрикивая какие-то слова на

незнакомом языке, затем остановился как вкопанный и принялся ругаться. То, что это нецензурная брань, я узнал много позже, поскольку слышал затем эти слова множество раз. Чаще всего когда у клоуна что-то не получалось. Он не слишком следил за языком, будучи старым космическим волком, если верить его рассказам. Сейчас я уверен, все они были правдой...

Однажды, когда я вернулся в свою комнату после прогулки, на подоконнике я увидел прелестную бабочку-махаона. Я побежал на кухню, принес стакан и, перевернув его вверх дном, накрыл бабочку. Она попробовала взлететь, ударилась в стекло и села на поверхность стола, больше не предпринимая попыток сбежать. Теперь я мог любоваться ее красотой все время.

Но на следующее утро я увидел, что бабочка умерла. Она лежала, сложив крылья, а на подоконнике остались лимонные следы осыпавшейся пыльцы.

Не знаю, что мною двигало в этот миг, но я убрал стакан, достал из аквариума клоуна и перенес к мертвой бабочке. Они были чем-то схожи — радужной пестротой раскраски, крохотными размерами и еще чем-то неуловимым, словно были чужими в этом мире. Пришелец коснулся цветастого крыла, вздрогнул, глянул на меня. Я сразу понял, что он испугался.

— Я не нарочно. Я думал, ей будет хорошо под стаканом, — сказал я и горько заплакал. Я вовсе не желал причинить бабочке вред и вдруг понял, что то же самое может случиться с моим рыжеволосым клоуном из космоса. А вдруг и он тоже умрет от того, что я посадил его в аквариум?

Я плакал минут десять без остановки, рыдал навзрыд, ощущая, что мое горе вселенских масштабов, так могут горевать только дети. А потом произошло что-то странное. Клоун приблизился к бабочке и запустил руки ей прямо в брюшко. Сам он при этом затрясся, запрокинул голову и закричал высоким голосом. Пару секунд ничего не происходило. Потом крылья махаона дрогнули, развернулись, и он взвился вверх, словно секунду назад не был мертвым. Я едва успел подхватить

клоуна, он чуть не упал с подоконника. С ним что-то случилось, он с трудом держался на ногах, глаза у него закатывались, и я испугался, что он умирает. Когда я опустил его на тряпку постели, клоун затих. Лишь по едва слышному шелестящему дыханию я заключил, что он жив.

Трое суток пришелец провел в постели. Его била дрожь, все тело было мокрым от пота. Периодически он подползал к крышке и жадно пил воду — я постоянно обновлял ее и пытался угостить его орехами, но он упорно отказывался есть. На третий день клоун пошел на поправку, перекусил изюмом и кусочком сыра, пожевал грецкий орех и вдруг заявил:

— Мне нужна информация.

— Ты можешь говорить?! — опешил я.

— Немного. Ваш язык... как это будет правильно сказать... примитивный. Я пока не могу говорить на нем сносно. Мне не хватает лексики. Не мог бы ты принести сюда ту штуку, которая иногда говорит в соседней комнате?

— Телевизор? — удивился я. — Он довольно большой. Я могу, наверное, отнести тебя к телевизору.

— Сделай это. Мне нужна информация.

— Там мама и папа. — Я задумался. — Что, если я посажу тебя в тумбу под телевизором?

— Мне это подойдет.

— Но ты тоже должен кое-что для меня сделать.

— Что ты хочешь? — пришелец насторожился.

— Не мог бы ты станцевать? — попросил я.

— Станцевать танец? — уточнил клоун.

— Ага, — подтвердил я энергичными кивками. — Будет весело...

— Кому как, — пробормотал он. — Что ж, я, так и быть, станцую танец, но я хотел бы тоже попросить тебя об одолжении. Мне нужно, чтобы ты больше не убивал живых существ. Никогда.

— Ты говоришь о бабочке? — Я почувствовал острый укол совести. — Я не хотел убивать ее. Я не знал, что она умрет, если накрыть ее стаканом.

— Верю. Но я потратил слишком много жизненной энергии, чтобы оживить это существо. Пойми меня правильно. Возвращение к жизни — очень непростой процесс. Он может отнять слишком много сил. Мне бы не хотелось, чтобы я потерял слишком много сил.

— Я никогда не буду убивать живых существ, — пообещал я.

— Это хорошо.

Клоун улыбнулся и закружился по столу, отбивая носками ботинок чечетку. Затем он прошелся колесом, сделал сальто назад и сел на шпагат.

— Ты доволен? — поинтересовался он весьма хмуро.

Я захлопал в ладоши.

— Здорово! А можешь еще?

— Я постараюсь, — пообещал клоун. — Если, конечно, ты поможешь мне вернуться обратно, на мою планету...

Он здорово удивил меня этой просьбой.

— Я? Помогу тебе?

— Конечно, — ответил он. И напомнил: — Телевизор. И не забывай кормить меня. И давать воду. Мне нужно много воды. Она содержит энергию. Я не игрушка. И я могу умереть. Как эта бабочка. Только меня некому будет оживить. Ты понимаешь?

Я медленно кивнул, сполна ощутив значимость момента.

Мне разрешалось смотреть телевизор только пару часов в день, но, к счастью, этим летом к нам приехала погостить бабушка. Она сидела перед телевизором безотрывно и смотрела все подряд — очень кстати для космического пришельца, которому нужно выучить язык и понять привычки аборигенов.

Через неделю клоун отлично изъяснялся по-русски, во всяком случае, ничуть не хуже, чем шестилетний ребенок. Мы могли теперь говорить обо всем, и я воспользовался этой возможностью, засыпав астронавта вопросами.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Можешь звать меня Рыжим.

— Это твое имя?

— У меня другое имя. Но ты все равно не сможешь его воспроизвести.

— А может, смогу, — заупрямился я.

— Ну, хорошо, — и клоун разразился тирадой минут на пять, помимо переливчатых звуков я уловил пощелкивания, треск и птичий свист. — Можешь повторить? — поинтересовался пришелец насмешливо.

— Не смогу. — Я погрустнел.

— Я тоже так думаю. Поэтому «Рыжий» в самый раз.

— А меня зовут Вадим. То есть Вадик. Так меня мама и папа называют. — Я смутился.

— Отличное имя — Вадик, — одобрил клоун. — Что оно означает?

На моем лице отразилось недоумение.

— Мое настоящее имя, — последовала та же пятиминутная тирада со щелчками и свистом, — к примеру, означает «крепкий телом и разумом, способный на высокие чувства», а земное имя Рыжий попроще, оно означает, что у меня рыжие волосы, как ты успел заметить. А что означает имя Вадик?

— Наверное, ничего не означает, — сконфузился я.

— Может быть, ты просто не знаешь, — успокоил меня Рыжий. — Как-нибудь спросишь у родителей.

Имя Вадик означает «Отстань от мамы и дай ей поработать», поведала мне в тот же день мама. Я подверг сомнению ее компетентность в этом вопросе. Папина версия звучала куда более правдоподобно.

— Лучший ребенок в мире, — сказал он и чмокнул меня в макушку. — Именно так переводится имя Вадик на все известные мне языки финно-угорской группы.

Этот ответ меня удовлетворил.

Проведя под телевизором еще неделю, Рыжий полностью освоил язык и привычки землян. В некоторых вопросах он еще плохо разбирался, но схватывал прямо на лету. Я снова перенес его в свою комнату, притащил ему портативный приемник, и он принялся путешество-

вать по радиоволнам. Колесико клоун вращал сам. Настройка волн давалась ему нелегко, но он говорил, что физические упражнения хорошо влияют на мышцы, а настоящий мужчина просто обязан поддерживать хорошую физическую форму.

С того момента, как мы стали общаться вербально, наши отношения претерпели коренные изменения. Если раньше все решения принимал я, определяя его судьбу, то теперь, после того, как он заговорил со мной и вдруг оказался на порядок мудрее и опытнее, я снова стал ребенком, и рядом со мной находился крошечный воспитатель. Могу сказать, что на всей Земле не было наставника лучше, чем мой персональный клоун. Мне казалось, он знает ответы на все вопросы. И я был недалек от истины в этой слепой вере в абсолютный разум пришельца. Ведь даже тайны мироздания, пока еще скрытые от научного сообщества Земли, были ему ведомы. Он делился со мной любыми знаниями, был абсолютно откровенен и без обиняков поведал о катастрофе, приведшей его на Землю.

— Меня подставили, — клоун насупился, — пожалуй, я даже знаю, кто это сделал. Мой маршрут рассчитали неверно. Отправили меня в кривую кротовую нору — межпространственный тоннель. Вот меня и вышвырнуло черт знает где, то есть в вашей вселенной. Я летел один, на корабле-разведчике. И, честно говоря, думал, мне конец. У меня оставалось совсем мало топлива, когда я наткнулся на Солнечную систему. Я сразу понял, что третья планета от солнца обитаема и пригодна для жизни. Только я никак не рассчитывал, что наткнусь здесь на разумную жизнь. Все шло хорошо. Я должен был совершить аварийную посадку, починить корабль, набрать топливо. Но на самой орбите в меня влетело нечто с надписью NASA, похожее на сумку с инструментами. Так что приземление больше напоминало падение. Мне повезло, что корабль развалился у самой земли. Кабина пилота, где находился я, загорелась. Но я успел выбраться из нее после падения. Что касается технического и грузового отсека, они были очень тяже-

лыми и рухнули вниз с таким ускорением, что пробили дыру. Странно, что я остался жив... Должно быть, на то есть какие-то причины, и я оказался здесь не случайно. Возможно, меня ищут. Но вряд ли они найдут меня здесь. Я должен сам собрать корабль и улететь. И ты мне в этом поможешь.

— Я?

— Именно ты, Вадик. Больше некому. Ты достанешь детали, из которых я сделаю звездолет. К счастью, моя первая специальность — конструктор звездных судов. Так что я справлюсь с задачей. Главное, чтобы нашлись нужные компоненты.

Клоун отлично разбирался в технике. Первое, что он разобрал, — родительская кофеварка. Из ее недр Рыжий извлек кучу мелких деталей.

— Остальное можешь выбросить, — разрешил он.

— Лучше поставлю на место, — возразил я.

На следующий день меня ожидал грандиозный скандал. Лишенная утреннего кофе мама потрясала окончательно испорченной кофеваркой — клоун не удосужился даже как следует ее закрутить — и недоумевала, как мне пришло в голову забраться в ее внутренности.

— Может, у мальчика технический склад ума? — предположил папа. Кофе он не пил, предпочитая зеленый чай. Поэтому утрата кофеварки его не сильно взволновала.

Зря он это сказал. Мамин гнев переключился на папу. Крик стоял такой, что я предпочел ретироваться. Мне очень не нравились их скандалы.

После этого случая я понял, что бытовые приборы лучше не трогать. Во всяком случае, те, что еще работают. И отнес клоуна в сарай — там валялось множество старых сломанных агрегатов. Больше всего его заинтересовали микроволновка и электробритва. Он копался с ними почти неделю. Все отобранные детали, пригодные для строительства звездолета, я складывал в специальный пакет. Он хранился в сарае, во избежание ненужных объяснений с родителями.

В качестве благодарности клоун устраивал для меня

ежедневные представления. У него был талант акробата и жонглера, и в выдумывании новых реприз Рыжему не было равных. Каждый день мой персональный клоун изобретал что-нибудь новенькое, добавляя свежие номера в развлекательную программу. Он умел меня насмешить. Я хохотал так, что у отца возникли подозрения — нет ли у сына истерического расстройства. Такое иногда случается у детей, если родители не сильно ладят.

— Давай поговорим, сынок, — папа усадил меня на диван, а сам устроился рядом. — Скажи, пожалуйста, что тебя так веселит, когда ты сидишь запершись у себя в комнате совсем один?

— Ну-у, — я действительно не знал, что ответить, ведь рассказать о том, что у меня есть персональный клоун из космоса, я не мог. — Придумываю всякое...

— Например?

— Фантазирую. Представляю, что было бы, если бы электрички могли летать...

— А что было бы?

— Они бы, наверное, могли столкнуться в воздухе.

— И тебе это кажется смешным?

— Ну да. — Я пожал плечами. — А еще вот... — Я извлек из кармана старую электробритву и протянул папе. — Я ее починил.

— Откуда она? Ах да. Из сарая, — папа улыбнулся. — Опять фантазируешь? Она сломалась в прошлом году. И я относил ее в мастерскую. Эту бритву нельзя починить.

— А я починил.

Папа хмыкнул, подошел к розетке и воткнул в нее вилку. Когда он нажал на кнопку и старая бритва загудела, на лице папы отразилось глубокое недоумение.

— Как это? — проговорил он. — Как ты это сделал?

— Разобрал ее, починил и опять собрал, — сказал я.

— Знаешь что, — папа потряс в воздухе указательным пальцем, — сталкивающиеся электрички — это не смешно. Могут погибнуть люди. Это совсем не смешно, да...

Позже он пытался обсудить мой технический гений с мамой, но она, как обычно, не восприняла его слова всерьез.

— Вечно ты городишь чепуху, — отмахнулась мама.

Я сделал выводы из разговора с отцом — теперь представления клоун давал только в сарае или на лесной поляне по дороге к речке. Там мой смех никому не казался странным.

— А почему ты так выглядишь? — спросил я как-то раз своего маленького друга.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Рыжий, продолжая резать вольфрамовую нить из лампы накаливания на аккуратные металлические кусочки по паре миллиметров каждый.

— Ты очень похож на клоуна. На клоуна из цирка, как на картинках.

— Мимикрия. — Он коротко глянул на меня. — Своего рода защитная реакция. У моего народа нет внешнего облика в привычном представлении землян. Мы считываем образ, вызывающий положительную реакцию индивидуума, находящегося с нами в контакте, и принимаем соответствующую форму и цвет. Скажи, если ты подумаешь хорошенько, разве ты меня не вспомнишь?

Я замотал головой.

— Возможно, ты был в цирке с родителями, смотрел представление, и тебе больше всех понравились клоуны...

И я вдруг вспомнил. Как только я мог забыть? Пару лет назад я действительно ходил с отцом в цирк. Клоун в рыжем парике на залитой ярким светом арене. Он жонглировал бутылками и смешно падал в партер.

— Да! — выдохнул я. — Мы были в цирке с папой... Но это было очень давно. — Детский год совсем не то же, что год взрослого человека. Год ребенка — это почти целая жизнь, насыщенная множеством событий, обо всем и упомнить сложно, так много всего произошло за какой-то год. Потом время бежит все быстрее и быст-

рее. Год зрелого человека пролетает мимо, оставив за собой лишь недоумение — как, уже прошел целый год? Но ведь почти ничего не произошло в этом году, всё лишь шло своим чередом, как и годом ранее...

— Вот видишь, это мимикрия.

— Мимикрия, — повторил я незнакомое слово. — А я так могу?

— У людей мимикрия тоже есть, хотя она и не столь явно выражена. Представь, что ты понравился кому-то. В этом случае твоя внешность для него удивительным образом меняется. При первой встрече этот кто-то, питающий к тебе теплые чувства, воспринимал тебя совсем иначе, чем через месяц после знакомства. Влюбленные не видят друг в друге недостатков, хотя эти недостатки, разумеется, есть. Эмоциональная привязанность вызывает и внешние изменения. Хотя вы, люди, обязаны этим по большей части собственному восприятию. Это весьма тонкий психологический фокус. И вы можете развить в себе умение мимикрировать, чтобы понравиться тому или иному человеку. Кажется, у вас это умение зовется обаянием.

— Я не совсем понял...

— Неудивительно. Тебе только шесть лет. Поймешь когда-нибудь потом, — пообещал Клоун.

— А сколько тебе лет? — спросил я.

— Даже по нашим меркам я уже весьма пожилой мужчина, мне девяносто пять.

— Девяносто пять?! — ужаснулся я. — Ты же старше дедушки!

— Стареет только оболочка, но не душа. Душа всегда остается молодой. Даже в дряхлом теле. Так что ты в некотором роде ровесник своего дедушки. Помни об этом, когда увидишь его в следующий раз.

Большую часть дня я был предоставлен сам себе. Родителям хватало дел на работе и выяснения отношений друг с другом. Скандалила по большей части мама, отец же чаще всего отмалчивался. Тем не менее ссоры случались почти каждый день. Маме хотелось вывести отца

из себя, заставить хоть как-то проявить свое мужское начало. Некоторым женщинам необходимо чувствовать твердую руку. Но он был просто не способен противостоять ее напору, хотя был сильным и волевым человеком. Теперь я понимаю, что его делала слабым и уязвимым любовь.

Если бы родители уделяли мне больше внимания, думаю, они заметили бы, как изменились мои привычки. Я совсем не общался со своими прежними друзьями, болтался по местным свалкам с набором отверток, разговаривая с кем-то, кто сидел у меня на плече, — пришелец говорил мне, что именно нужно искать, безошибочно вычисляя, где сможет найти ту или иную деталь для своего корабля.

Соседка однажды застала меня за раскручиванием старого системного блока возле кучи разнообразного хлама, который свозила сюда вся округа. При этом я вел непринужденную беседу с кем-то, неразличимым издалека. Казалось, будто я громко говорю сам с собой. Она, конечно же, решила, что соседский мальчик имеет серьезные отклонения в психике. Во всяком случае, при встрече соседка старательно отводила взгляд, делая вид, что меня не замечает.

Прошел июль, а за ним и август. Настало время переезда с дачи в городскую квартиру. Аквариум я отнес в сарай — Рыжий сказал, он больше не понадобится, — и посадил своего крохотного спутника в коробку из-под мятных конфет. Клоун сильно волновался, что в пути может что-нибудь себе сломать. Я пообещал, что буду аккуратен. И сдержал обещание. Всю дорогу я держал коробку в руках, стараясь не трясти и не переворачивать. И все равно когда я открыл ее и выпустил Рыжего, он был едва жив от усталости, сказал, что все время упирался ногами и руками в стенки, попил воды и завалился спать, завернувшись в чистый носовой платок.

Через неделю в магазине я выпросил для своего питомца кукольный домик. Папа был очень удивлен, что я, прежде любивший солдатиков и модели машин, вдруг

до фанатизма захотел игрушку для девочек. Это был добротный дом из крепкого пластика. В дверь центрального подъезда Рыжий мог пройти не наклоняясь. Внутри имелось несколько комнат, кровать, шкаф, зеркало — в общем, кукольные апартаменты представляли собой вполне цивилизованное жилище, очень подходящее для моего инопланетного приятеля. Правда, водные процедуры ему по-прежнему приходилось принимать в старой мыльнице, а туалетом пришельцу служил навес и настил из бумажных салфеток.

Хотя я считал, что кукольный домик — отличная идея, поначалу клоун подарку совсем не обрадовался.

— Подумать только, — сказал он сердито, — до чего может дойти военный разведчик. Ты всерьез полагаешь, что я буду жить в домике для кукол?

— Да он как будто специально сделан для тебя...

— Что ж, утешает только одно: мои братья по оружию не смогут увидеть, как низко я пал. — Он ударом ноги распахнул дверцу и скрылся в своем новом игрушечном жилище.

Думаю, одна из самых больших загадок — как между двумя людьми... я сказал «людьми»?.. между двумя разумными существами возникает эмоциональная привязанность. Вряд ли можно назвать другом того, кто намного старше тебя, умнее, кто больше подходит в качестве наставника, нежели приятеля по играм. И все же мы стали настоящими друзьями. У клоуна было столько душевной теплоты и нерастраченных чувств, сколько редко встретишь у взрослого человека. Полагаю, он был из тех взрослых, которые навсегда остаются детьми. Его улыбка была озорной и в то же время грустной. Словно он знал о нас что-то такое, что было недоступно для моего понимания, и это знание печалило его. Большие знания — большие печали, сказал кто-то. Очень точные слова. Они о моем друге — Рыжем клоуне.

Несколько дней клоун не покидал свой кукольный домик, окно, куда тянулся провод удлинителя, все время светилось яркими сполохами. Наконец он с торжест-

венным видом появился на пороге, сжимая в руках какой-то предмет.

— Возьми эту вещь и как следует спрячь где-нибудь, где ее никто не найдет, — велел Рыжий. — Главное, чтобы она была подальше от нас с тобой. Довольно опасная вещица.

Это была крохотная необычная штуковина не больше пуговицы, мерцающая ядовито-зеленым. От ее прикосновения ладошке стало щекотно, кожу закололо иголочками.

Я собирался положить «пуговицу» на полку между книг, но потом увидел, как она светится в темноте, и сунул к себе в карман. Втайне от Рыжего я часто доставал и разглядывал мерцающий талисман. Мне казалось, в его глубинах я вижу космос и далекую планету, откуда ко мне прилетел клоун.

Так продолжалось почти месяц... а потом я внезапно заболел. Помню, как ночью я проснулся от боли. Под подбородок словно воткнули две иглы — слева и справа от языка. А когда я коснулся того места, где сосредоточилась боль, то по-настоящему испугался. Под пальцами я ощутил что-то твердое, похожее на наросты. Впоследствии я узнал, что так выглядят воспаленные лимфатические узлы.

Клоун сидел на подоконнике, разглядывая в крошечный телескоп — он соорудил его на днях — звездное небо.

— Что со мной? — простонал я. — Мне больно...

— Где у тебя болит? — забеспокоился Рыжий.

— Здесь и здесь, — я коснулся шишек под подбородком.

— Включи-ка свет, приятель, — попросил Клоун, — мне нужно тебя осмотреть...

Никогда раньше я не видел его настолько обеспокоенным.

— Неужели он мог так повлиять за такое короткое время? — пробормотал Рыжий. — Послушай, Вадик, где та светящаяся штуковина, которую я тебе дал около месяца назад?

— Пуговица? — переспросил я.

— Да, двигатель, он похож на пуговицу. Я просил тебя спрятать его куда-нибудь подальше. Его не стоит держать при себе ни мне, ни тебе. Я же сказал, что он опасен.

— Эта пуговица всегда со мной... — выдавил я. — Она мне нравится.

— Вот черт! — выкрикнул клоун. — Но почему?! Почему ты меня совсем не слушаешь?

— Она такая приятная на ощупь... От нее ладошке щекотно...

— А где она сейчас?

Я полез в карман пижамы и протянул клоуну «пуговицу».

— Иди к родителям, — проговорил Рыжий упавшим голосом. — Покажи им, где у тебя болит. И попроси вызвать врача, немедленно.

Отлично помню, что я испугался еще больше, услышав этот подавленный тон. В эту секунду я понял, что совершил большую ошибку и теперь из-за своего непослушания заболел и, возможно, умру.

Клоун медленно сложил телескоп, взял светящуюся пуговицу и, не оборачиваясь, прошел в свой кукольный домик. Дверь за его спиной закрылась, но в дверной щели оставалось ядовито-зеленое мерцание. Я кинулся в комнату родителей, будучи вне себя от ужаса, из глаз градом катились слезы, в голове пульсировало страхом: «Я заболел... заболел... заболел...»

Мало кто знакомится со смертью в шесть лет. В этом возрасте неизбежный финал воспринимается как нечто далекое и нереальное. В отличие от обессиленного старика ребенок полон жизненной энергии. Наверное, поэтому настолько неестественной и страшной выглядит детская смерть. Для всех остальных, но не для ребенка. Вряд ли тогда я по-настоящему осознавал, что умираю.

Наше восприятие всегда настроено на самые яркие события и связанные с ними переживания, навсегда сохраняя их в памяти. Насыщенный красками оттиск из

детства — моя мама, отвернувшись, рыдает в ладони. Отец застыл в неуклюжей позе, склонив голову, он обнимает ее за плечи. Впоследствии я никогда не видел материнских слез. Но ее лицо часто сохраняло их следы, выдавая незаживающую душевную рану, которую она неумело пыталась скрыть. Они делали все возможное, чтобы, доживая свою земную жизнь, я был счастлив.

Разрастающуюся во мне опухоль я совсем не ощущал. Мне давали обезболивающее, и физических страданий я не испытывал. В больнице было скучно, и я фантазировал, представляя себя то солдатом, лежащим в госпитале после ранения, то путешественником, оказавшимся в плену у кровожадных дикарей. Дикари носили белые халаты и откармливали меня, чтобы когда-нибудь зажарить на вертеле над костром и съесть. Несмотря на тошноту, я старался съедать все до крошки — мне нужны были силы, чтобы при случае сбежать, украв у жестоких аборигенов с медицинским образованием лодку.

Мой рыжеволосый клоун развлекал меня каждый день — ходил на руках, жонглировал таблетками, делал сальто на одеяле, смешно раздувал щеки и показывал забавные сценки. А по вечерам, подползая к самому уху, шептал причудливые истории. Они казались мне сказками, но теперь я понимаю: все, что он успел мне поведать, было правдой. Рыжий рассказывал о своей жизни на далекой планете, о том, как там живут такие, как он, существа, способные к эмоциональной мимикрии и потому умеющие расположить к себе любого. Он говорил, что они тоже способны чувствовать и любить, испытывают сердечную привязанность и страдания, когда теряют близких.

Из-за химиотерапии зимой у меня начали выпадать волосы. Оставшиеся росли клоками, что выглядело кошмарно, поэтому голову обрили. Родители старались проводить со мной как можно больше времени, но было видно, как они измотаны. Я лежал в больнице уже поч-

ти полгода, без надежды на выздоровление. Мне не становилось хуже, но и лучше мне тоже не становилось.

А в один из обычных дней я неожиданно умер. Организм устал бороться с болезнью. Утром поднялась температура. Днем перехватило дыхание. И меня не стало. На целый час...

Когда я пришел в себя, было темно. И очень холодно. Я пошевелился и понял, что накрыт простыней. Несмотря на то что меня знобило, я вдруг ясно осознал, что впервые за долгие месяцы чувствую себя хорошо. Боль ушла, как после впрыскивания лекарства. Только голова была ясной, а значит, отсутствию боли я был обязан не лекарствам.

Я скинул простыню, сел и огляделся. В полумраке скудного освещения — горела всего одна лампа дневного света — место, где я оказался, выглядело зловещим. Это было весьма просторное помещение, стены его покрывал серый кафель. На каталках лежало несколько тел, накрытых простынями. Я спустился на пол — голые ступни обожгло холодом, — подошел к одному из тел и откинул покров. На каталке лежала девочка лет четырех, глядела в пустоту застывшим, спокойным взглядом, какой бывает только у мертвых. Голова ее была так же обрита, как и моя. Значит, она умерла от той же болезни, что и я, и проходила перед смертью химиотерапию.

Разумеется, все эти выводы я смог сделать много позже. А тогда я пребывал в растерянности, я и предположить не мог, что умер и оказался в больничном морге. От страха я закричал что было сил:

— Рыжий! Рыжий, где ты?!

Я так привык к тому, что клоун все время рядом, что мне казалось — он никогда не покинет меня, будет всегда моим спутником, способным подсказать правильное решение, дать нужный совет, рассмешить, когда грустно, и успокоить, когда страшно. Но никто не откликнулся на зов.

Я обернулся и вдруг увидел его — на простыне, которая недавно служила мне саваном. Рыжий лежал в

позе, выдающей страдания, скрючившись от боли. Сведенные судорогой руки обнимали колени. Я сразу понял, что мой клоун умер. А вместе с ним важная часть меня. Я понял, что уже никогда не смогу улыбаться, как раньше, осознал, что мир жесток и часто несправедлив. И самое страшное знание — он может быть жесток к тем, кого мы любим...

Мое чудесное воскрешение вызвало массовый переполох в больнице. Вокруг меня воцарилась суета, а я был словно во сне. Проявления внешнего мира — крики и беготня — воспринимались мной через плотную пелену глубоких переживаний. Помню, как орал на подчиненных, угрожая им увольнением, главврач, как возмущалась мама, говорила, что этого так не оставит, как извинялись передо мной по очереди местные доктора, как затем в больнице объявились сектанты, прослышавшие о моем чудесном выздоровлении, и как они же пытались меня похитить. А потом все по очереди расспрашивали меня о том, что со мной случилось. Я повторял одно и то же: «Не помню, помню только, как очнулся там, где все умерли».

Они держали меня в больнице еще несколько месяцев. Все это время крошечное безжизненное тельце клоуна лежало в коробке из-под мятных конфет. Я заклеил ее скотчем и никогда больше в нее не заглядывал. Что бы там ни было, оно уже не было Рыжим. Осталась только пустая оболочка, срисованный из моего сознания положительный образ — клоуна из цирка.

Эту же коробку весной я сунул в цветной рюкзачок, подаренный мне родителями пару недель назад. Из больницы меня повезли на дачу. Несмотря на заверения врачей, что я полностью излечился, родители опасались, что болезнь отступила лишь на время, и полагали, что мне нужен свежий воздух...

Был дождливый апрель. Я сидел на заднем сиденье, слушал, как дождь барабанит по крыше автомобиля, и смотрел, как стекают по стеклу крупные капли. Мне было удивительно спокойно. Вдохнув в меня жизнь,

клоун словно внушил мне уверенность, что теперь все будет в порядке. Не помню, ощущал ли я тогда боль утраты. Скорее всего, я почувствовал эту болезненную пустоту, какая остается, когда уходит кто-то близкий, много позже, став на несколько лет взрослее. И только тогда я по-настоящему осознал, что сделал для меня рыжеволосый пришелец в пестром наряде и нелепых ботинках. Он подарил мне не только жизнь, но и важное понимание — есть нечто намного дороже жизни.

Это возможность отдать ее за того, кого любишь.

АРТЕМ БЕЛОГЛАЗОВ

БЕРЕГИ СЕБЯ

Мысль приходит в голову вдруг. Она немного сумбурна, эта мысль, она удивляет. Трудно кого-то удивить в наше время, я-то знаю.

Я думаю: лучше убираться. Я говорю: убирайся, парень, к дьяволу, на хрен из города. Ноги-в-руки-быстротвою-мать.

Я спрашиваю: понял?

От роду не был альтруистом. Никогда не любил людей. За что их любить? Пошел вон из города! Живо! В городе Настя, и Мишка, и родители. Ты не обязан заботиться обо всех на свете, но...

В который раз убеждаюсь: «вдруг» — очень емкое слово. Очень правильное и точное. Слово «вдруг» уместно в любой ситуации. В десять лопат не разгребешь в такой куче самых разных ситуаций.

Я бы сказал, что обстоятельства мои весьма затруднительны. Дела просто швах, как выражался незабвенный приятель отца Филипп Карлович. Он громко сморкался в платок и заявлял, дескать, дорогие Алексей Петрович и Гузель... э-э... Рашидовна, здоровье, считай, уже не то. Дети разъехались, жена померла, остался, мол, с хозяйством, сил держать нету, бросить — жалко. Захи-

реет, стало быть, он, дядя Филипп, — слышь, малой? — зачахнет, ты вот герань не поливаешь? ну? не ври старшим, вижу — не поливаешь, так вот и он, Филипп, как несчастная герань без воды зачахнет, лишенный радостей жизни, а дальше — известное дело: два кубометра земли с кособоким крестом наверху, и навестить-то некому.

Дядя Филипп путался в именах, датах и родственниках. Кажется, он был давним коллегой отца — еще при Союзе — по замшело-нудной работе то ли в НИИХИМПРОМ, то ли НИИТЕПЛОПРИБОР, но почему-то считал отца свояком. Это забавляло, ведь жена Филиппа Карловича была русской, в отличие от моей матери «Гузели... э-э... Рашидовны» — папиному приятелю никак не давалось столь «сложное» отчество.

Воспоминания будто процежены сквозь марлю: иссякающая мутная струйка. Это мое детство. Далекое-далекое, в редкой дымке тумана, весенне-осеннего, стоящего над полями молочным киселем; озаренное лучами яркого, до рези в глазах, солнца — пошли купаться? — пойдем! — брызги сверкают крохотными радугами, негромко матерится пожилой рыбак с рыжими усами, шумят тополя; детство, припорошенное белым знобким снегом, в ноябре уже катались на лыжах, сугробы в начале ноября наметало — ого! не сравнить с нынешними зимами.

Оно никуда не делось, вот и все, что можно сказать о детстве.

Юность принесла свои проблемы, наверняка одинаковые для многих парней и девушек, но довольно конкретные и важные для тебя. Впрочем, те проблемы — смех да и только по сравнению с теперешними. И впрямь — что тебе сейчас любовь кудрявой третьекурсницы Евы? или вражда с дворовыми пацанами? — семья переехала, а новенькому нелегко найти общий язык с устоявшейся компанией. Или вечная нехватка денег, случайные подработки, купленный на первую получку телефон — какими же топорными они были. А помнишь? — кинотеатр, глупая мелодрама, Ева тай-

ком плачет, ты целуешь ее, и вот вы стоите у подъезда, в потных руках бутылка мерло, на языке вертится дурацкий вопрос, хорошо, что промолчал, и Ева приглашает тебя, малолетку, — для нее ты малолетка — в гости, и там...

Учеба, каникулы, общаги, гулянки, экзамены, незаметно — серой мышкой — мелькает последний курс; диплом, выпускной, работа — АО, ЗАО, госучреждения, долгожданный отпуск, море, горы, пляжный роман, ах, не бросай меня! — бросил. Работа, новый год, командировки, отпуск в Турции, привези чего-нибудь, а, сынок? — привез дубленку, радовалась; новый год, цены растут, внезапное повышение — зам, ха-ха! надо же! Молодец, сын. Спасибо, папа. Цены растут, зарплата прежняя, я вам тут за копейки пахать не нанимался! новая работа, у матери юбилей, поднимаю бокал за... Олежка, у тебя волосы седеют. Знаю, мама. Работа, новый год, отпуск; привет, Настька! да тебя не узнать, как ты, где? Мама, это Настя. Очередной юбилей. Олег, давай поженимся, сколько можно? Свадебное платье, рюши, банты, Дворец бракосочетаний, на фронтоне — символические кольца. Я люблю тебя. Я тоже. Согласен. Согласна...

Дура-память, дырявое проржавевшее ведро. Сочится воспоминаниями. Я не хочу — по капле. Наклоняю ведро: хлещет через край — принимаю как дар, блаженствую, пропускаю сквозь душу вновь и — изгоняю. Прошлое не должно тревожить настоящее. Льется все меньше, тише, наконец лишь струйкой. Детство... Ручка ведра скребет в проушинах. Хватит. Ставлю ведро в чулан. Закрываю. Пусть.

Что-то должно остаться.

«Сегодня солнце зашло за тучи», — с хрипотцой надрывается радио; динамик барахлит, сменить бы. Крутят старый добрый «Чайф». Я мысленно соглашаюсь: перспективы не радуют. Погода? — как обычно: дождь. Есть ли у меня нормальный, не прохудившийся зонт? Я драпаю за город, к черту на рога, в область белых гео-

графических пятен на карте неведомого. Вокзал, кассы, электричка, блестящие мокрые куртки попутчиков. Маршрут в никуда.

Я твердо намерен свалить. Осень, слякоть, голодный паек. Я не жалею себя...

Врезать дуба мне не дадут.

Музыку обрывает экстренный выпуск новостей, диктор не верит в бред, который несет: на севере Москвы зарегистрированы подземные толчки, магнитуда землетрясения порядка пяти баллов. Граждан просят не волноваться, опасность есть, но небольшая.

Ну да, конечно, здесь очуметь какие высотки, не рассчитанные на разрушительные землетрясения. «Московский район сейсмоустойчив». Фраза из учебника истории.

В последнее время плохие новости идут косяком. Авария на химическом производстве, взрыв армейского склада, зараза, обнаруженная в водопроводе. Вся дрянь сосредотачивается на севере. Кто-то навскидку лупит по площадям.

Мой дом — на севере.

Я, как и диктор, не верю в творящийся бред.

Однако землетрясение — это чересчур. Я тревожусь не за себя: меня берегут.

Будьте вы прокляты, невинные люди, говорю я. Ненавижу альтруизм. Сволочи. Меня ждет осень, слякоть и голодный паек. Вперед, гуманист, твоя хата оказалась с краю.

У меня припасена древняя брезентовая палатка, вместительный рюкзак и спальник. В школе я занимался в туристическом кружке. Наверное, года три. Около того. Мы и в соревнованиях выступали, и в походы на неделю ездили, и вообще. Надеюсь, навыки не потеряны. Буду жить в палатке, в лесу, варить еду и чай в котелке, греться у костра. На улице не так чтобы холодно: плюс пять, плюс восемь. До снега далеко. Перебьюсь, не сахарный.

«Вообще» не менее емкое слово, чем «вдруг». Когда — *вдруг* — что-то случается, а обозначить произо-

шедшее можно только ненормативной лексикой, ты понимаешь, что *вообще-то* достаточно знаешь и умеешь. Ты тертый калач. Битый. Взрослый. И выпутаешься из скользкой ситуации.

Хотя бы попытаешься.

Ты ведь упрямый. «Сука, какой ты упрямый, Олег!» — слышал ты не раз, не два и не тысячу. Они правы. Не сильный, не смелый, не ловкий, не герой-тельняшку-нагруди-в-клочья. Но когда мордой по ухабам, упираешься. Не нравится тебе — мордой.

Гораздо хуже, если сопротивление заведомо обречено. «Я вам ваш гребаный фатализм в зад засуну! Равняйсь, на! Смир-рна!» Это память о том, чего не было. Память у меня со странностями.

Достаю палатку, спальный мешок и рюкзак. Собираю вещи. За окном на голых ветках осины сидят, нахохлившись, вороны. Наблюдают. Повезло, что развелся, думаю невпопад. Одному легче. Если это дерьмо наконец закончится, и закончится хорошо, пойду мириться. Мишке нужен отец.

Обстоятельства, в которые попадаешь вдруг, против желания, — всегда скользкие. Или как правило скользкие. Это закон. Апофеоз подлости. Слово «всегда» — неотъемлемая часть закона.

Судьба скрутила кукиш полтора месяца назад. Хохоча, ткнула в лицо. Для начала громом грянул развод, из-за пустяка, ерунды, выеденного яйца. Олег задерживается на работе, у Олега молоденькие сотрудницы, он терпеть не может, когда ревнуют настолько, что нанимают детектива для слежки. Детектив получил по ребрам в темном переулке, ему подпортили зубы и сломали нос; плачущий детектив признался Олегу — кто. Олег пришел в ярость. Они с Настькой орали друг на друга всю ночь. Жена восприняла драку как явное доказательство вины. Значит, развод, сказал Олег. Настька рыдала. Звонила маме, звонила папе, звонила друзьям Олега. Друзья, мама и папа уговаривали, как могли. Олег был непреклонен.

Детектив оказался той еще мразью: получив немалые отступные за вред здоровью, он накатал заяву в милицию. Милиция занялась предварительным следствием. Побои детектив зафиксировал сразу же, а расписку с него Олег не взял. До расписки ли? Ч-черт...

Дело принимало скверный оборот, и Олег давил на все связи, какие мог. Вскоре состоялся суд. Дали год условно, обязав возместить потерпевшему моральный и материальный ущерб. По-божески, сказал отец, разливая водку. Олег чокнулся с ним и с лысым дряхлым дядей Филиппом, который в свои семьдесят шесть исправно коптил небо. Из компании Олега уволили, без огласки, по собственному.

Выплатив компенсацию, он крепко сел на мель. С работой не ладилось. На собеседование подобает являться бодрым, подтянутым, в чистом отглаженном костюме. А он? Разговаривая с мамой, Олег шутил, что подзабыл, как управляться с утюгом и стиралкой. Он отвык без жены, не мог, скучал. Глаза у него запали, волосы потускнели. Как там Настя? — спрашивал у матери. Мать огорченно качала головой. Помиритесь, настаивал отец. Пускай приезжает. Мы развелись, говорил Олег. Кстати, добавлял затем, предлагают выгодный бизнес. Помнишь одноклассника моего, Вадима? Надо вложиться. Услышав сумму, отец замахал руками. Кинут, Олег! Нет, это же Вадим. Ну и что? Кинут...

Ссуду взять не удалось. Олег впал в депрессию, ходил вялый, его всецело поглотила мысль о том, где бы раздобыть деньги. Выручила жена: пришла как-то, молча положила на стол значительную сумму. В долг? — спросил Олег. Дурак, сказала Настя. Олег пересчитал для порядка и сказал, что отдаст. В следующий же месяц отдаст. И вручил расписку. Настя обозвала мужа упрямым ослом.

Бизнес, как водится, прогорел. Олега кинули. Мало того, за фирмой-банкротом числились недоимки. Он позвонил отцу, голос дрожал от обиды и усталости. Я предупреждал, вздохнул отец. Олег зашвырнул трубку в стену и вышел на балкон, внизу по мокрому черно-

му асфальту спешили туда и сюда люди. Черная-черная полоса невезения. Оборвать ее просто. Олег сплюнул и вернулся в комнату.

Он запил, пил страшно, с неделю; очнувшись в полубреду, посмотрел на бардак вокруг и решил, что сходить с ума будет потом. Отвращение омыло ледяной крошкой. Ночью, небритый, всклокоченный, брякая пустыми бутылками в пакете, спустился к мусорке. Долго курил, глядя на звезды.

За что? — спросил, отнюдь не рассчитывая на ответ.

Но ответ был дан.

Я удираю из города, бегу от людей, от цивилизации, в глушь. Найдут? Найдут.

Мне не по себе. Землетрясение — убийственный аргумент. Но у меня есть отличное заклинание: я не загнусь. Наверно, не загнусь... Скорее нет, чем да. Да хер его знает! Никто ж не обещал!..

Воображение, воспаленное, больное, нашептывает: разразятся мор, глад и стихийные бедствия. Ха! Я буду непоколебим. Передохнут миллионы белок, полчища зайцев и стаи волков. Я останусь. Сука, я останусь!

Меня сберегут.

А если загнусь, что ж... тем лучше. Надоело, слышите? Хватит!

Вещи сложены. Одеваюсь и выхожу. Я обвешан снаряжением, как елка гирляндами. На спине рюкзак с широкими лямками и дополнительными креплениями на поясе и груди, поверх рюкзака — спальник и полипропиленовый коврик; также к рюкзаку прицеплены топорик, котелок, ножовка и аптечка. Палатку я несу в чехле.

Я давлю лужи резиновыми сапогами. Бравый-солдат-на-тропе-войны. «Проблюйся, сынок. Полегчает», — советует не моя память.

Я удираю вечером, потому что они приходили днем и теперь придут завтра. У них четкий распорядок. Валяйте. Меня уже нет, некому ездить по ушам. Я подсознательно жду осечки, ну?

...Рык мотора, удар... Из дежурной части прибывают на вызов. Да, да, человека сбили. Нет, не дышит.

Ловлю взглядом дворовую гопоту. Эти не церемонятся.

...Э-э-э-эй... куда, на? Бита пробивает висок. Оперативники спешат на вызов. Господи, человека убили! Нет, не дышит.

Иду мимо стройки.

...Башенный кран заваливается набок. Полдома — вдребезги. Корчусь под обломками железобетонных плит, арматура протыкает висок. Прибывает бригада спасателей, милиция, пожарные...

Осечки нет. Кто-то — вернее, нечто — забраковал точечные воздействия. Относительно точечные, разумеется. Они не удались. Это не повод для восторгов: в меня целят из крупного калибра.

Показываю фак кодле, тусующейся у ларька. Мудак! — кричат мне и отворачиваются. Наглость всегда настораживает.

Осечки нет...

Мелкий осенний дождь косо падает в свете фонарей, и невидимые в сумерках капли стекают по курткам и плащам, зонтам и капюшонам, щелкают по стволам деревьев и припаркованным у обочины машинам, шуршат в кустах. По дорогам и тротуарам разлились темные бесформенные лужи — я в сапогах, мне не страшно. Дождь льет и льет, иногда прерываясь и вновь усиливаясь.

Вода натекает под палые листья, образуя болотца на неровностях асфальта, и сырость готова прокрасться в ботинки. Я вспоминаю, что я в сапогах.

Я уверяю себя — мне не страшно.

Сапоги грязные, грязь отваливается жирными комками. На «КамАЗах» здесь, что ли, ездят?!

Они придут завтра и удивятся: ну, ловкач! Худой скажет: ищи. Борец кивнет.

Страх поднимается к горлу, спирая дыхание. Погода просто отвратительная.

...В детстве у меня ничего не было. Ни красивых игрушек, ни добротный одежды, ни полноценного питания, ни поездок на курорты и здравницы. Тогда я не осознавал этого, не обращал внимания. Детство и так удалось, самые мои приятные и живые воспоминания связаны с детством.

Семья наша жила бедно. Отец, сотрудник НИИ, зарабатывал даже меньше матери, которая и высшее-то не получила. Отец встретил ее в командировке в каком-то колхозе, на задворках необъятного СССР таких колхозов пруд пруди. Влюбился, увез. С милой рай и в коммуналке. Жили не ахти, но дружно.

Отец уходил рано и возвращался поздно: время съедала дорога — из области пока доедешь... Мать где только ни работала. Я, предоставленный самому себе, умудрялся и сносно учиться, и шляться дотемна на улице.

Повзрослев, я понял: у кого-то есть все, и сверх того — есть, и было раньше, когда я в порванной майке сигал вместе с пацанвой с обрыва над невеликой речушкой, мешая хмурым мужикам ловить рыбу. И тогда я принялся добиваться всего. Упрямство помогало. Наверное, часть моего упрямства передалась отцу с матерью: в девяностые капиталы сколачивались чуть ли не из воздуха, и родители, подавшись в торговлю, потели и кряхтели и с минуты на минуты рисковали вылететь в трубу, однако сорвали банк.

Мы переехали в столицу. На родителях висел кредит, квартира нуждалась в срочном ремонте, торговлю поприжали, у матери сильно сдало зрение, а у отца — нервы, но мы радовались, как дети.

Я подал документы в МГУ.

Вероятно, именно то, что у меня ни шиша не было, заставило карабкаться вверх, достигать результата. И я благодарил судьбу. Возносил хвалебные молитвы. Благодарил за новую, более доходную и престижную работу, за новую отдельную квартиру, за Настьку, за сына.

Меня прижимало, и я, выпрыгивая из штанов, творил чудеса. Теряя, я каждый раз приобретал больше.

Удачливость, она строго до поры, пояснил Худой. Так бывает, поддакнул Борец. Бывает и по-другому, продолжил Худой. Кончилась твоя удача, сказал Борец.

Береги себя, подытожил Худой.

Над мусоркой сияли звезды, хрипло мяукал кот, в ночном клубе за углом играла музыка, в баке копошилась тень с горящими глазами — бездомная собака. Я обернулся. Они стояли совсем рядом.

Ты спросил — «за что?», сказал Худой. Ты неправильно спросил. Надо спрашивать: почему?

Их двое. Один высокий, плотный, похож на борца. Второй ниже ростом, он невероятно, чудовищно худ, у него гибкие пальцы, а глаза будто затянуты пленкой. Они спокойны, слегка медлительны, что не помешало Худому вмиг расправиться с собакой, которая вылезла из мусорного бака и, зарычав, бросилась, метя в горло — твое, Олег! — незащищенное горло. Худой разорвал ее голыми руками. Борец пожевал губу и длинно выругался.

Его напарник, ободряя, похлопал тебя по плечу. Позже ты проверял куртку сантиметр за сантиметром: крови не было. Как не было ее и на руках незнакомца. Увидимся, попрощались они и ушли.

Я кое-как добрел до лифта, поднялся в квартиру, запер на все три замка и забаррикадировал дверь. Спал не раздеваясь. Утром выглянул в окно на кухне: люди обходили мусорку стороной, возле баков лежали останки псины. Я прекрасно различал детали, словно пользовался оптикой.

Там мог бы лежать я.

Спускаясь в магазин за кефиром, я столкнулся со вчерашними визитерами повторно. Добрый день, поприветствовал меня Борец. Добрый, выдавил я. От расстройства купил вместо кефира молоко. Перепутал. Сварив кашу, занялся уборкой: запой превратил квартиру в хлев.

От уборки меня оторвал вой сирены: к соседу, Ве-

ниамину Фадеевичу, приехала «Скорая». Я тихонько спросил внучку соседа: что случилось? У дедушки острое отравление, сказала внучка. Его тошнило, мы вызвали врача.

Вениамин Фадеевич стоял в очереди передо мной, он покупал кефир.

Я живу затворником третий день, хожу по дому с тесаком, жру макароны. Кроме макарон, еды нет. Когда верещит звонок, я не реагирую. Я прибавляю звук у телевизора. Идите в задницу, думаю я.

Раздается хруст, я вскакиваю: они сидят в креслах. Борец ломает спички. Он ломает их пучками, на полу целая гора сломанных спичек.

Я бледнею и замахиваюсь тесаком...

Бережешь себя? — смеется Худой. Неправильно бережешь. Дай. Отнимает тесак.

Я привыкаю к их визитам. Завтра я наберусь мужества и спрошу: что вам надо?

Главный в кошмарной парочке — Худой, говорит преимущественно он. Высокий бурчит, хмыкает и норовит прикинуться шлангом. Это не так. Они ничего мне не сделали. Пока.

Наступает завтра, я спрашиваю. Худой складывает брови домиком и не отвечает. Я, запинаясь, излагаю смутные догадки — если судьба решила покуражиться, то кто исполняет ее волю? Марает руки о смертных? Не *сама* ведь? Где слуги? Ну, или прислуга.

Реакция странная: Худой оскорбился, Борец, наоборот, ржет как лошадь.

Значит, сглатываю я, вы не имеете отношения к...

Нет, сказал Худой. Нет, пробурчал Борец. Перестань задавать идиотские вопросы! — рявкнули оба. Мы бережем тебя.

Я боюсь их до рези в печенке.

Они подчас заглядывают на огонек, сидят, пялятся невозмутимо, молчат. Борец украдкой грызет ногти, лицо у него в шрамах. Проверяют — *все ли в порядке.*

Меня неоднократно пытались зарезать в подворот-

не, сбить грузовиком, взорвать банальной утечкой газа; я, как магнит, притягиваю алкашей и наркоманов; меня постоянно останавливают менты, якобы я в розыске; из поднебесья на мою злосчастную голову валятся кирпичи, стекло и различные острые предметы; я заболеваю гриппом, и в больнице меня по ошибке накачивают убойной дозой снотворного. Но я храню спокойствие.

Меня берегут.

Вопрос «почему?» уже не интересен, Худой как-то обмолвился: слишком громкое «спасибо» влетело не в те уши. Благодарить судьбу надо вполголоса. Мол, есть завистники. Чувство зависти — первейшее у людей. И у нелюдей. И у совсем-совсем нелюдей, кого и живыми-то назвать мудрено. И они, нелюди то бишь, не успокоятся.

А вы?

А мы тебя бережем, улыбается Худой. Не ссы, прорвемся, подмигивает Борец.

Для *чего* меня берегут?

Мне обрыдло так жить, обрыдло ловить сладкий кайф отложенной смерти. Вернулся страх, и он час от часу усиливается. Я непрерывно думаю: успеют ли меня *уберечь*? Смогут ли? Вдруг сегодняшний день последний? Снятся гробы и кресты. И траурные процессии.

И снова дядя Филипп укоряет меня, говорит глухо — прижимая ко рту платок. Скрюченной артритом клешней он прижимает платок к губам, харкает кровью и с удивлением смотрит на пятно. Известное дело — читается в его выцветших подслеповатых глазах: два кубометра земли, косая оградка, и навестить-то некому. Да, Олежка?

Я слетаю с нарезки. Один-дома-взаперти-в-обнимку-с-тесаком-жру-макароны-телевизор-не-фурычит-я-разбил-его-в-припадке-злобы-радио-не-разбилось-падла-и-я-ему-подпеваю. Пою, растягивая гласные на манер кого-то там известного, и отбиваю ритм кулаком. На холодильнике вмятины.

Пою:

Я снулая рыба в камышах, рыба с мягким брюхом. Чья-то вкусная добыча.

В доме кавардак, гаже, чем после запоя. Мне жутко.

Очнись, Олег.

Не выдержав, я прыгаю с балкона. Отрезвляет.

Я прыгнул с балкона и грохнулся на самортизировавший тент, а с него — на груду мусора. Какое-то чмо расставило торговую палатку прямо под окнами. Я не заметил. Чмо квохтало над россыпью мандаринов, а я, потирая ушибленное бедро — елки, четвертый этаж... — озирался по сторонам. Возле коробок с товаром сидел на корточках Худой, лицо у него было восковое, точно испугался за меня, гад.

Я проковылял мимо с независимо-гордым видом. Выкуси! — словно бы говорил весь мой облик. Не уследил, поганец. Недоглядел. *Почему?*

Затем ничего не происходило, то есть происходило по мелочи, и меня, конечно, спасали. И вдруг как-то резко произошло: авария на химзаводе с выбросом хлора и аммиака, взрыв боеприпасов на складе, загрязнение водопровода... Но — обошлось.

Для меня. Не для других.

Я решаю бежать, когда мозги закорачивает в дым безумная мысль: *пусть* что-то случится. Что-то невообразимое. Глобальное. Катастрофическое.

И я узнаю — *насколько* меня берегут.

Мысль пугает. В ней, барахтаясь, тонут остатки человечности. Я командую себе: на хрен из города. Ноги-в-руки-быстро-я-сказал. Возможность побега я обдумываю до того, как диктор сообщает: на севере Москвы зарегистрированы подземные толчки, магнитуда землетрясения порядка пяти баллов. Но через полчаса по радио звучит экстренный выпуск новостей.

Бред. Диктор, иди проспись. Будь ты проклят, ты и все остальные. Потому что расхлебывать — мне.

Закипевшие мозги выдают «на ура» безумную идею. Допустим, удачу стянули с меня как теплое одеяло со спящего. Мало того, я ходячая копилка несчастий, меня пичкают несчастьями до отвала. Это жирный куш.

И кто-то этим пользуется. Худой и Борец, вот кто. Я еще не сдох только потому, что прорву негативной энергии отводят на сторону, забирают себе. Выгодная затея, на чужом-то горе...

Они нагнетают обстановку, дразнят неведомую грозную силу, которая тщится раздавить надоедливую мошку и никак не может. Мерзавцы. От силы исходит дармовая энергия, сила швыряется ею направо и налево. Умеешь? — нагнись и подними. Разбогатей.

Вот *для чего* меня берегут.

Спасибо-ублюдки-вашу-мать.

Вы берете без устали, берете и берете. Загребаете жадными ручищами. Ссыпаете в закрома. Но вам мало, вы мечтаете хапнуть действительно много. Вы ждете катастрофы. Когда вы хапнете столько, что не сможете переварить и отрыгнете, вот тогда я сдохну.

Со мной сдохнут десятки, а может, сотни тысяч людей. Или больше. Потрясающий расклад.

Хрен вам.

Я догадываюсь, отчего Худой вдруг побледнел лицом, напоминая восковую фигуру. Я выпал с балкона сам. Меня никто не хотел проводить на тот свет: досадная случайность, братцы. Осторожнее надо.

Я давлю лужи резиновыми сапогами: упрямый-осел-на-тропе-войны. В горле булькает страх. Я уже проблевался, мне не полегчало. С чего ты взял, что отсидишься в лесу? В лесу омерзительно сыро, подхватишь ревматизм. Это дерьмо не закончится хорошо. Оно вообще не закончится.

Но. Его можно прекратить.

«Вообще» — очень емкое слово. Как и «вдруг».

О моей жизни, как и о моем детстве, можно сказать, что они были и никуда не делись. Они тут, в памяти. Память я беру с собой. Ведь что-то должно у меня остаться?

Настька, я с тобой помирюсь — хотя бы мысленно. Видишь? — тяну руку. Коснись пальцев, солнышко. Я люблю тебя. Мишка, я обещал весной махнуть на Байкал? Извини, сын, не срослось. В другой раз обязатель-

но. Ну, если ты веришь в карму. Или я что-то путаю? Мама, папа, простите бога ради. Не плачьте, вам еще Мишку воспитывать, уши сорванцу драть.

Прощайте.

Берегите себя.

АЛЕКСЕЙ ГРИДИН

ПРЕДЕЛЬНЫЙ ВОПРОС БЫТИЯ

Он выиграл.

Нет, не так. Они выбрали его.

И снова неверно. Он выиграл, потому что они выбрали именно его, — так будет гораздо точнее.

Я на самом деле достоин? Или мне просто повезло?

По сути, какая разница? Сейчас важнее результат. Талбот представил себе гигантскую рулетку, огромное колесо с ободом, испещренным множеством имен. Блестящий металлический шарик с бешеной скоростью мчится по ободу, даруя надежду одним и навеки разочаровывая других, всего за мгновенье разделяя людей на чистых и нечистых, агнцев и козлищ, счастливчиков и проигравших. И вот этот вершитель судеб катится все медленнее, одним номерам с ним уже вовеки не встретиться, у других остается шанс... Он замедляется... Еще и еще... Лениво, вальяжно перекатывается чуть дальше и наконец замирает на ячейке с его именем.

Старик неожиданно вздрогнул. Только сейчас, несколько минут спустя после разговора с Фредериком Хоббом, руководителем одного из самых претенциозных научных проектов человечества, он наконец осознал, что за выигрыш ему выпал.

То, о чем раньше смели лишь робко мечтать, наконец-то реализовано Хоббом и сотрудниками его лаборатории. Настоящий билет в будущее. Путевка в жизнь вечную. Гарантированное бессмертие. Он, известный

писатель, лауреат множества литературных премий, по праву гордящийся своими заслугами, добился наивысшего признания, какого только мог достичь человек его профессии: компетентная комиссия признала его достойным открыть список тех, кому будет дарована возможность не умирать.

Хобб советовал ему не торопиться принимать решение, сказал, что они еще поговорят на эту тему позже. Но какие у Талбота могут быть сомнения? Его ответ очевиден.

Он стар? Разработанные учеными процедуры омолодят его тело.

Критики говорят, что он исписался? Что ж, бессмертие позволит ему обрести второе дыхание. Показать, на что еще способен Фредерик Талбот, если ему дать новый шанс.

Конечно, справедливости ради, он будет не первым бессмертным. Были еще люди, согласившиеся стать подопытными кроликами в казавшихся такими сомнительными опытах Хобба. Тем, кто дошел до конца, повезло. Но если Талбот сумеет правильно разыграть сданные ему карты, то этих везунчиков будут помнить лишь историки науки. Именно он останется в памяти поколений первым, чье право на бессмертие было признано, а не обретено игрой случая.

Первый? Признайся, старина, это слово звучит неплохо.

Да, однозначно неплохо. Вот только принимавшие решение эксперты не знают главного. Они полагают, что Талбот заслужил это право книгами, которые написал, которые расходились огромными тиражами и зачитывались до дыр. И надеются, наверное, что теперь, став бессмертным, он будет писать дальше. Еще и еще. Все новые тома. Новые герои, несущие читателю его, Талбота, мысли. Очаровывая и заставляя спорить, восхищая и ужасая.

Но так не будет. За последние три года он не написал ни строчки. И не потому, что стар и критики, по правде говоря, давно уже готовятся его хоронить. Пока

критики роют могилу и планируют насыпать могильный холмик, врачи все еще обещают писателю несколько лет жизни. Так что дело не в старости. Старик грустно усмехнулся. Его тихий смех напоминал хриплое воронье карканье. Дело в импотенции. Творческой импотенции, которая так же страшна, как и обычная. Что может быть хуже, чем знать, что время, когда ты на что-то был способен, прошло? Что раньше ты мог все, а теперь ничего не выходит, хоть головой о стенку бейся?

Писатель, выигравший бессмертие, вдруг осознал, что до сих пор держит трубку в руке, так и не положив ее после разговора с Хоббом. А ведь тот сказал, что информация уже пошла по новостным лентам. Точно! Талбот не положил трубку, поэтому до сих пор никто еще не поздравил его, не сказал: старина, я так рад за тебя, не буркнул: повезло же, черт раздери. Пусть сейчас он не может разродиться новой книгой, да даже одним паршивым рассказиком! Но прошлых-то заслуг с лихвой должно хватать.

Стоило Талботу вернуть трубку на место, как телефон разразился назойливой трелью. Неужели началось?

— Я вас слушаю. А, это ты, Ленни? Ну что ж, привет-привет.

Ленни, младший брат, сухо усмехнулся где-то в своей квартире на другом краю Земли, а хитроумные устройства постарались донести этот смешок до Талбота в целости и сохранности.

— Ну что ж, старший. Поздравляю. Что теперь будешь делать?

— Ну... — растерялся Талбот. — Не знаю пока. Там ведь еще какие-то процедуры, меня еще врачи замучают.

Ленни вновь сухо усмехнулся.

— Смотри, Фред, не дай им уморить себя раньше времени.

— Ленни... У тебя такой усталый голос. Что-то случилось? — осторожно спросил Талбот.

— Что? Да нет, не бери в голову.

Талбот знал, что Ленни, даже говоря по телефону, увлеченно жестикулирует, как будто его собеседник может увидеть, как он размахивает руками. Вот и сейчас писатель представил, как, сказав «не бери в голову», младший брат неосознанно махнул свободной рукой.

— Нет, — настаивал Талбот, — а все-таки?

— Просто, старший, не знаю, как теперь с тобой разговаривать.

Талбот растерялся.

— Ленни, ты о чем это?

— Я? Да о твоем грядущем бессмертии. Ты сам представь: мы все уже немолоды, и вдруг один из нас получает такой шанс. Ты переживешь нас и продолжишь жить, когда все мы отправимся на тот свет. И этого никак не изменить: Хобб и компания отказываются продавать бессмертие за деньги. Только тем, кого выберет эта их... — Ленни нарочито закашлялся, и Талбот понял, что брат хотел ввернуть крепкое словечко, да вовремя спохватился, вспомнив, что Фредерик этого не любит, — эта их комиссия.

— Так ты... Ты мне завидуешь? — удивленно спросил старик телефонную трубку, говорившую с ним голосом родного брата.

— Завидую? — переспросила трубка. — Наверное, нет. Пока что — нет. Завидовать я начну тогда, когда все от слов перейдут к делам. Когда ты отправишься в лабораторию Хобба на эти твои процедуры. Когда тебя разберут на маленькие кирпичики и сложат заново, сделав другим человеком: молодым и здоровым. А мы останемся все теми же дряхлыми развалинами, Фредди, и начнем, один за одним, уходить.

— Но... — растерялся старик. — Ленни, что я могу сделать? Ты сам сказал: Хобб не продает бессмертия. Ты знаешь, денег у меня хватает, я бы не стал жадничать, но речь об этом даже не идет.

— Вот именно, — Ленни снова принялся кашлять. — Извини. Зря я позвонил, старший. Сначала вообще хотел тебе гадостей наговорить. Все сидел с трубкой в руке и думал: почему? Ну почему тебе повезло, а я и мно-

гие другие должны помереть? И вроде бы мозгами-то сознаю: ты не сам это придумал, какие-то эксперты все решили. А злость все равно давит, Фред. Знал бы ты, как обидно. А обиднее всего тому, кто оказался вторым. Представляешь, старший? На один шаг от мечты. На один крохотный шажок — и все, и ничего не поделаешь.

— Надеюсь, ему повезет в следующий раз. Ленни, что мне, по-твоему, делать? Отказываться от предложения Хобба? Это как-то глупо, тебе не кажется?

— Нет-нет, — торопливо заговорил Ленни, и Талбот вновь представил, как тот беспокойно шевелит пальцами, — конечно же, не отказываться. Это я глупости говорю, Фред, не надо меня слушать. Извини еще раз, не хотел я, чтобы этот разговор... так... Прости. Надеюсь, ты еще какой-нибудь шедевр напишешь...

Щелчок. Трубка замолчала. Перестала притворяться, что она — Ленни Талбот, семидесяти шести лет от роду, когда-то преуспевающий коммерсант, а нынче — доживающий свои годы рантье.

Талбота расстроил разговор. Ему хотелось услышать первыми совсем другие слова. Да, он ожидал, что будут завистники, будут те, кто скажет: на самом деле этот человек не заслужил бессмертия. Но то, что первым окажется родной брат? Нет, на такое он точно не рассчитывал. Да и последние его слова... Конечно, Ленни не знал о проблемах, которые испытывал его брат. Но почему-то в слове «шедевр», в которое Ленни, конечно же, не вкладывал ни толики уничижительного смысла, Талбот углядел какое-то тщательно замаскированное издевательство. Мол, оставаться тебе творческим импотентом на веки вечные.

До чего отвратительны мои мысли. Ведь брат на самом деле совершенно не в курсе того, что я не могу больше писать книги. Он тут ни при чем.

Вновь зазвонил телефон. Талбот поднес трубку к уху.

— Я вас слушаю. Да, это я. Что? Интервью? Нет, не

будет никаких интервью. Что значит — почему? Потому что я не хочу давать интервью. Нет, я не хочу давать интервью не только вам, но и любым другим журналистам. Все-все, разговор закончен. Исключено. Боже, ну почему я должен повторять дважды? Да-да, и никакой гонорар вам не поможет. До свиданья.

До разговора с Ленни он готов был с радостью отвечать на вопросы журналистов, красоваться на экранах, демонстрировать публике свою персону в компьютерных сетях. Но... Что-то изменилось.

Пропала уверенность в своем праве быть бессмертным?

От этих журналистов никуда не скрыться. Знаете, что общего у них с тараканами? Правильно, из всех щелей лезут.

От этой мысли Талботу неожиданно стало смешно. Он представил себе крохотного журналиста: одетый во все черное, по-тараканьему усатый, он сноровисто выбирался на свет из щели под плинтусом. Это, несомненно, стоит запомнить на будущее. Благо теперь у него будущего — хоть отбавляй. Вот только с другими не поделишься. Странно: ему обещают бесконечно длинную жизнь. Но эту бесконечность почему-то не нарежешь ломтями и не раздашь всем страждущим. А страждущих-то, похоже, немало.

Телефон требовательно напомнил о своем существовании. Старик задумчиво посмотрел на него, приподнял трубку и нарочно положил криво, так, чтобы ответом любому звонившему был лишь частый писк сигнала «занято».

Наступило время обеда.

Миссис Вернон ловко расставила по столу тарелки, чашку с кофе, блюдца с печеньем.

— Спасибо, миссис Вернон, — сказал Талбот, как привык говорить из года в год вот уже два десятка лет.

Обычно после этих слов экономка говорила: «Приятного аппетита, мистер Талбот» — и неторопливо удалялась. Но сегодня что-то изменилось. Женщина оста-

лась на месте. Руки — небывалое дело — она спрятала в карманы белого фартука.

Что случилось? Такое чувство, словно она хочет о чем-то попросить, но никак не решается.

— Мистер Талбот...

Он удивился еще больше. Потому что голос женщины дрожал, в нем звенела едва различимая слеза.

— Что вам, дорогая? — участливо спросил он.

— Я не знаю... Мне так стыдно... Но иначе никак, поймите, больше нет вариантов. Я бы никогда, если бы вот так не вышло...

Кулаки ее смяли подкладку фартука. Они едва просвечивали сквозь белую ткань, и Талботу показалось на миг, что это не кулаки — два пухлых хомяка копошатся в карманах.

Почему мне в голову лезет всякая гадость?

— Да вы присядьте, дорогая, право слово. — Он тяжело поднялся из-за стола, приобнял миссис Вернон и помог ей опуститься в кресло. — А теперь еще раз и с самого начала. Я же не кусаюсь. Кому, как не вам, знать, что у меня своих зубов уже давно и в помине не осталось. — Талбот улыбнулся, надеясь, что ласковый голос и дружелюбная улыбка помогут экономке прийти в себя.

— Все дело в том, мистер Талбот, что у моего внука, ну, у Чарли — помните, я рассказывала про него? — рак.

— Боже... И что врачи?

— А что врачи? — миссис Вернон всхлипнула. — Говорят — неизлечимо. С помощью всяких лекарств можно еще время потянуть, да результат один: без лекарств — через полгода, с лекарствами — через год...

— Я не знал... Миссис Вернон, но, может быть, вам можно как-то помочь? Может быть, деньги...

— Нет-нет, мистер Талбот, деньги не помогут. Нам это перво-наперво сказали: мол, не суетитесь, лечения никакими деньгами не купишь.

В фарфоровой супнице остывал суп. Но писателю было уже не до обеда.

— Поэтому я подумала, — сказала миссис Вернон и снова всхлипнула, — может быть, вы могли бы как-нибудь...

— Что?

— Ну... Отказаться в пользу Чарли...

— Отказаться?! Милая моя... Миссис Вернон... Вы не понимаете...

— Да, конечно, я зря этот разговор затеяла, — экономка выхватила из кармана кружевной платок и, промокая на ходу слезы, вывернулась из-под руки писателя и бросилась прочь из столовой.

Старик попытался было схватить ее за плечо, но его немощному телу не удалось среагировать достаточно быстро. Пока он пытался найти какие-нибудь слова, которые могли бы остановить миссис Вернон, экономка, напоследок пискнув сквозь слезы: «Простите, мистер Талбот!», поспешила по лестнице вниз, к выходу из дома.

Старческий аппетит угас сам собой. Талбот, пустым взглядом посмотрев на аппетитно выглядевшую еду, медленно-медленно, шаркая ногами, пошел в кабинет и снова включил телефон.

Тотчас раздался звонок. Писатель взял трубку.

— Да, слушаю.

В ответ — молчание. И загадочный потусторонний шорох, вечно сочащийся из телефонного провода наружу через дырчатый раструб.

— Это Талбот, — терпеливо повторил он. — Я вас слушаю, говорите.

Неведомый собеседник вдруг тонко всхлипнул.

— Мистер Талбот, — он говорил через силу, словно заставляя себя выдавливать слова по одному. — Знаете... Я попросить хочу... Я тоже хочу... Ну, это... Бессмертным стать...

Будущий бессмертный некоторое время слушал, а затем аккуратно и неторопливо положил трубку и точно так же неторопливо и аккуратно разлучил вилку телефонного аппарата с розеткой.

...Интересно, а что бы сказала Элизабет, если бы была жива? Любопытно, подумал Талбот, может быть, не последней причиной, побудившей экспертов избрать меня, было именно то, что жена моя давно умерла, а детей у нас не было. И незаконнорожденных мне вроде бы наплодить не случилось.

Хорошо, что ему не придется делать этого бесчеловечного выбора: уходить в бессмертие в то время, как его жена будет доживать последние дни. Нет уж, рассердился сам на себя старик, будь Элизабет с ним до сих пор, не было бы никакого выбора. Они клялись быть вместе в горести или радости, так что и путь они должны были бы делить на двоих: или вдвоем в могилу, или вдвоем в бессмертие.

Хотя...

Не предает ли он памяти жены? Она умерла, а он будет жить и никогда не присоединится к ней в загробной жизни. Если таковая есть, конечно. Когда-то Талбот, так и не удосужившийся за все прожитые годы креститься, сказал крещенной еще в детстве Элизабет, что боится того, что бог, не помешавший им сочетаться браком на земле, после смерти разлучит их. Ей достанется место в раю, а он отправится в ад. Элизабет не ответила ничего, только улыбнулась мудрой и чуть усталой улыбкой.

Как бы то ни было, единственными детьми, которые станут сопровождать его на пути сквозь уготованные ему столетия, будут его книги. Ему не удалось достичь того бессмертия, которое доступно любому: он не смог продлить себя в своих потомках. Ими стали его книги. Когда выяснилось, что они с Элизабет не могут иметь детей, для Талбота писательство приобрело особый, непонятный многим прочим смысл. Он увидел в романах, повестях, рассказах настоящих своих сыновей и дочерей и хотя бы так мог наслаждаться счастьем, которого была лишена Элизабет.

Следующим, кто заговорил с ним о бессмертии, стал священник.

Когда пришел священник, Талбот ничуть не удивился. Скорее, он был бы очень изумлен, если бы слуга Господа не явился к нему. Но теперь все было в порядке.

— Меня зовут Вильям Картер, — пастырь протянул руку. — Я бы хотел поговорить с вами.

Талбот машинально пожал ладонь священника, мимоходом почувствовав, что пальцы у того толстые и мелко-мелко подрагивают.

Почему? Он настолько взволнован предстоящим разговором? Или просто боится меня?

— Я представляю... — тем временем проговорил Картер.

Талбот кивнул и пригласил священника в кабинет, где предложил ему кресло. Тот сел, поблагодарив.

— О чем вы хотели бы поговорить со мной, мистер Картер? — осведомился Талбот, присаживаясь в кресло напротив. — Вам чай? Кофе? Может быть, бренди? Признаться, я не уверен, что могу чем-либо помочь вам. Не назвал бы себя верующим человеком, если вы понимаете, о чем я.

Тонкая улыбка перечеркнула лицо Картера.

— Вряд ли вы можете чем-либо помочь мне, — сказал он. — Наверное, все обстоит с точностью до наоборот: я здесь, чтобы помочь вам.

— Мне? Чем же, интересно знать?

— Я пришел к вам, — голос священника неожиданно стал сильным, насыщенным интонациями, торжественным (наверное, именно так он читал по воскресеньям проповеди своей пастве), — просить отказаться от сделанного вам предложения. Откажитесь, мистер Талбот, умоляю вас! Будьте благоразумны, не совершите ошибки, к которой вас толкают. Да, признаю: эти люди делают все из лучших побуждений. Но не зря ведь говорят, что благими побуждениями вымощена дорога в ад. Не потеряйте настоящий шанс на жизнь вечную, не променяйте бессмертие грешного тела на вечное блаженство бессмертной души!

Вы что, все сговорились?!

— Да вы в своем ли уме? — ахнул Талбот. — Почему вы взялись указывать, что мне делать?!

Писателя едва не затрясло от негодования. Он может выслушивать советы от близких людей. Он может понять, почему миссис Вернон обратилась к нему. Да, пусть ее просьба была откровенным абсурдом, и она сама это прекрасно понимала. Младший брат имел право завидовать ему. Потому что... Потому что... Да черт возьми, потому что он был младшим братом! Но этот тип...

— Мистер Талбот, — с мольбой в голосе проговорил священник, — все равно ваше бессмертие — не настоящее.

Его пальцы, короткие, жирные, сплелись в клубок, напомнив неожиданно Талботу перепутавшихся между собой червей. Писателю вдруг стало противно. С чего этот тип с сиплым голосом взялся его поучать? Церковь, которую он представляет, обещает всем желающим жизнь вечную — но до сих пор ни один из претендентов не вернулся назад. А что бы стало лучшим аргументом в пользу жизни после смерти, если бы бог решился вдруг разом посрамить всех атеистов?

— Истинное бессмертие, — продолжал тем временем Картер, — лишь на небесах. Только душа может жить вечно. И только в том случае, если она это заслужила. Благими поступками, господин Талбот, благими поступками и праведной жизнью, а не чем-нибудь еще.

Мои книги — не что-нибудь еще. Мои книги — это мои дети, мистер Картер. Но вам никогда этого не понять.

Талбот нахмурился:

— Уходите.

Не сказал. Велел.

— Что? — спросил священник. Видимо, подумал, что ослышался.

— Уходите, — повторил Талбот. — Пойдите прочь. Могу даже сказать «убирайтесь», если вы хотите услышать что-нибудь в этом роде.

— Но, может быть, вы еще задумаетесь...

— Дверь у вас за спиной, господин Картер.

Если он скажет еще хоть слово, клянусь, я набро-шусь на него с кулаками.

Священник пятился к двери, продолжая бормотать что-то невнятное, но Талбот уже не слушал его. Он устало опустился в кресло и отвернулся, не желая больше видеть этого человека. Когда неожиданный гость ушел, писатель набрал номер ближайшего полицейского участка. Блюстители порядка уже были в курсе и восприняли его просьбу как само собой разумеющееся.

Вскоре дом был окружен живой цепью, и полицейские кордоны пропускали кого-либо к дому Талбота лишь после согласия хозяина.

Несмотря на то что шеф полиции окружил дом своими людьми, еще один непрошеный гость добрался до Талбота.

Было уже поздно, и писатель размышлял, не лечь ли ему спать. Он шел по дому, обдумывая эту идею, когда вдруг услышал стук балконной двери в одной из гостевых комнат. Первым, что пришло в голову Талботу, было: кто-то из полицейских обходит дом, проверяя, не проник ли кто внутрь. Следующая мысль отличалась от предыдущей: как же он смог подняться на второй этаж таким образом, что Талбот его не заметил?

Старик шагнул к двери, взялся за ручку, но открывать помедлил. В комнате явно кто-то был. Этот кто-то крался, не включая света, от окна (через которое, несомненно, в комнату и попал) к выходу. Вот он чертыхнулся, наткнувшись в темноте на кресло, и тотчас же вновь еле слышно выругался, зацепившись за кровать.

Больше не имеет смысла делать вид, что я его не слышу. Чего мне бояться? Вряд ли этот человек — убийца, меня вроде незачем убивать. А во всех прочих случаях я всегда смогу позвать на помощь. По крайней мере, мне кажется, что смогу.

— Не трудитесь прятаться, — сухо сказал Талбот, распахивая дверь. — Я знаю, что вы здесь.

Войдя в комнату, писатель щелкнул выключателем.

Перед ним стоял высокий молодой человек в зеленом спортивном костюме. С узкого бледного лица смотрели черные глаза, под глазами набрякли мешки, свидетельствовавшие о том, что незваный визитер давно уже не высыпается.

— Чему обязан?

Гость шагнул вперед, протягивая руку. Талбот машинально пожал ее. Ладонь пробравшегося через окно человека оказалась ледяной.

— Нам нужно поговорить, — сказал человек в зеленом костюме.

— Вы не оригинальны. Я надеялся уже, что вы, коли проникли ко мне столь необычным путем, удивите меня каким-нибудь необычным началом разговора. Это очко не в вашу пользу. Так что говорите быстрее — и выметайтесь. Лучше так же, как пришли. Через окно. И учтите, я в любой момент могу вызвать полицию. Надеюсь, речь пойдет не о больных родственниках, которых требуется спасти, и не о судьбе моей бессмертной души?

— Все сказали, мистер Талбот? — Визитер словно насмехался над ним. — Позвольте, я сяду. Устал, знаете ли, пока до вас добрался. Да и вы присаживайтесь, не стойте. В ногах, как говорится, правды нет.

Возмущенный нахальством незнакомца, Талбот все же присел напротив него.

— Меня зовут Престон, мистер Талбот.

— Очень приятно. И чем же вы занимаетесь, мистер Престон?

— Я журналист. Не спешите вспоминать мое имя. Я работаю для изданий, которые вы вряд ли читаете. Впрочем, даже там я зачастую публикуюсь под псевдонимами. Репутация, знаете ли... — Престон пожал узкими костлявыми плечами.

— И о чем же мы будем говорить?

— Ну, однозначно не о больных родственниках. Последний мой родственник, насколько мне известно, почил в бозе пару лет назад. И я не собираюсь спасать ва-

шу душу, мистер Талбот. Я вообще в душу не верю. Я, скорее, хочу спасти ваше тело.

— Вот как? Ни больше, ни меньше? — Талбот саркастически улыбнулся. — И как же вы собираетесь сделать это, мистер Престон? Надеюсь все же, ничего банального: никакого выхватывания оружия и сакраментальных возгласов типа «отдай денег и спасешь свою жизнь»?

— Ну что вы, мистер Талбот, — теперь саркастическая улыбка заплясала на губах Престона. — Ради этого мне не стоило бы в столь поздний час преодолевать полицейский кордон вокруг вашего дома. Я бы нашел жертву попроще. Дело совсем в другом. Видите ли, я занимался журналистским расследованием. Одна газетка — надеюсь, вы простите мне то, что название ее не прозвучит в этой комнате, — заказала мне статью. Фактически дала карт-бланш. Что-нибудь эдакое на тему современного состояния науки. — Престон неопределенно покрутил в воздухе пальцами. — Ну, знаете, никаких жареных фактов и откровенного бреда, однако все должно быть интересно. Захватывающе, я бы даже сказал. И, что немаловажно, понятно среднему читателю.

— Это очень любопытно, мистер Престон. Но я-то тут при чем?

— Терпение, терпение, мистер Талбот. — Еще одна быстрая улыбка скользнула по губам журналиста. — Для своей статьи я выбрал тогда мало кому известные исследования Хобба и его лаборатории. Они ведь не афишировали своих разработок, не спешили подавать заявление на нобелевку, обосновывали гранты совсем другими потребностями, чем на самом деле. Но я, копнув чуть глубже, понял, что материала здесь — не на одну статью.

Он порывисто подался вперед, в его глазах вспыхнул огонек. Талбот хорошо знал, что такой огонек загорается тогда, когда человек говорит о чем-то, что его фанатично увлекает. Сам по себе он ничего не значит, он одинаково может освещать лицо гения или безумца.

— Хобб лжет, — резко выдохнул Престон.

— Да? — вежливо удивился Талбот, понимая, что именно такой реакции от него ждут. — В чем же?

— Во всем, мистер Талбот, во всем. Нет никакого бессмертия.

— А что же есть?

— Есть величайшая афера в истории человечества. И вы рискуете стать первой жертвой. Хотя... Почему первой? Первыми жертвами были те несчастные, на ком Хобб и компания ставили свои эксперименты. Которым якобы повезло получить бессмертие на халяву. Которые вроде как рискнули всем — и выиграли самый крупный куш, какой только может выиграть человек.

— Что с ними стало?

— Честно говоря, — развел руками журналист, — не знаю. Не это важно. Важно на самом деле то, что люди, которые согласились за деньги участвовать в опытах Хобба, и те, кто, по словам Хобба, прошел все серии экспериментов, сыграл в рулетку и отхватил главный приз, — это совершенно разные лица.

— Очень интересно, мистер Престон, — кивнул Талбот. — И вы, разумеется, можете это доказать?

Ловкий малый. Из того, что он рассказывает, можно состряпать недурной роман. Ужасающую историю о том, как сумасшедший ученый фальсифицирует результаты исследований, а затем убивает всех, кто знал правду.

— К сожалению, не все так просто, — признался Престон. — Я полностью уверен насчет одного человека. С оставшимися двумя сложнее, но там тоже есть кое-какие серьезные зацепки. Понимаете, мистер Талбот, я привык работать с информацией. Анализировать совпадения, неувязки, нестыковки. Черпать знание не только из информации, но и из ее отсутствия. Интерпретировать молчание так, что оно начинает громко кричать на разные голоса. Если хотите, — он ухмыльнулся, — такие, как мы, — настоящие палачи. У нас даже самый стойкий и выносливый не выдерживает и начинает колоться. Так что, вполне возможно, вы не повери-

те моим выкладкам. Полиция — наверняка не поверит. Но, как бы оно ни было, вы еще припомните мои слова, когда согласитесь на дьявольское предложение Хобба, а потом обнаружите, что все это — чистейшей воды надувательство. Когда вас заставят подробно написать историю своей жизни — якобы для того, чтобы быть уверенным, что если в результате процедур ваша память пострадает, это будет поправимо. А на самом-то деле вас убьют, мистер Талбот. В лучшем случае — вышвырнут без гроша в каких-нибудь трущобах. Вместо вас будет двойник, назубок выучивший вашу биографию.

— Постойте-ка, — прервал его Талбот. — Вы какие-то ужасы рассказываете, право слово. Если все обстоит так, как вы говорите... Если нет никакого бессмертия, то обман раскроется, когда двойник умрет. Что тогда делать Хоббу?

Журналист торжествующе рассмеялся. Затем резко ткнул в сторону писателя указательным пальцем.

— Бинго, мистер Талбот! Вам даже в голову не пришло задуматься о том, что это мало будет волновать Хобба: он уже стар и наверняка к тому времени сконча-ется. Его одно волнует: уйти в могилу, будучи увенчанным лаврами величайшего ученого мира, решившего извечную проблему человечества. Победившего смерть, если не для себя, то для остальных. Эдакий благодетель. Как там случится дальше — это уже, видимо, Хоббу неинтересно. Вы вот еще над чем подумайте: почему он сам не прошел процедуру омоложения?

Сказав это, Престон откинулся назад и развалился в кресле, закинув ногу на ногу. Носок начищенной туфли с размеренностью метронома покачивался в воздухе. Когда он шел вниз, из-под края зеленой брючины мелькал белый носок. Журналист явно ждал, пока Талбот скажет что-нибудь.

Интересно, он сумасшедший, везде видящий заговоры? Или все же гениальный аналитик, который изучил крупицы разрозненной информации и открыл тщательно упрятанную от всех правду?

— Скажите, мистер Престон, — спросил Талбот, — вам сложно было проникнуть в мой дом через окно?

— Ну... — удивленно откликнулся человек, желающий, по его словам, спасти Талбота от страшной ошибки. — Нелегко, однако ничего невозможного.

— Тогда вас, наверное, не затруднит еще раз проделать этот путь. Только теперь уже в обратном направлении. — Талбот указал на окно, оставшееся приоткрытым. Прохладный ночной ветерок отбросил в сторону штору, за которой скрывалась беспросветная темень.

— Вы все-таки меня выгоняете?

— А вы на что рассчитывали? Что я накормлю вас ужином и уложу спать?

— Хорошо-хо́рошо, — Престон встал с кресла. — Но вы же подумаете над моими словами, мистер Талбот? Клянусь, я не обманываю. Это не розыгрыш. Смерть — не тема для шутки, так я думаю.

— Идите, Престон, — Талбот еще раз махнул рукой. — Я благодарен вам за заботу, но лучше, если вы меня покинете. Не забывайте, я всегда могу позвать полицию.

— Кажется, вы мне не верите, — расстроенно сказал Престон по пути к окну.

Его слова казались совершенно искренними.

— Я этого не говорил, — возразил Талбот.

— До свиданья, мистер Талбот. Надеюсь, выбирая, вы не допустите ошибки. Подумайте хорошенько над тем, что я вам сказал.

Подумать? Я весь день об этом думаю. И, сдается мне, буду думать еще всю ночь. Похоже, благодаря вашему визиту, мистер Престон, мне уже не уснуть.

— До свиданья.

Талбот вяло дернул ладонью в прощальном жесте. Выключил свет и покинул комнату.

Столько людей хотят отговорить его! Он может понять тех, кто хотел бы, чтобы Талбо́т отрекся от бессмертия в их пользу. Но что делать с теми, которые уверены, что разработки Хобба — не награда, а угроза?

Как бы ни был лично неприятен ему священник Картер, какими бы странными ни казались слова ночного гостя, представившегося журналистом Престоном, — они ведь ничего не хотели для себя лично. Тогда почему? Все это нужно хорошенько обдумать. Может, в бессмертии действительно скрывается какая-то тайна, которой не должен коснуться человек? И Хобб, сознательно или нет, завлекает Талбота в ловушку?

Выйдя в холл, он подошел к телефону. Старчески кряхтя, нагнулся, вновь воссоединил розетку и вилку и набрал номер своего водителя:

— Питер? Вы спали? Извините, что разбудил. Да, вы нужны мне именно сейчас. Нет, со мной все в порядке. Вернее... Конечно, не в порядке!

Автомобиль, едва слышно урча двигателем, мчал его сквозь ночь. Мой автомобиль, подумал Талбот, моя крепость на колесах. Уютный мобильный мирок, иногда помогающий спастись от давления того, что меня окружает, не хуже, чем надежнейший из домов.

Но этой ночью я не имею права прятаться.

Ночной город плескался вокруг разноцветным морем. Вот остался позади сумрачный деловой центр, уснувший в ожидании нового рабочего дня. Промелькнули кварталы развлечений, шумные, нагловато-броские, предлагающие включиться в сумасшедшую гонку: лишь бы успеть отхватить по максимуму. Нет, если ему и суждено найти ответ, то не здесь. Лучше свернуть вот сюда, на тихие улочки, ведущие к выезду из города. Глядя в окно и видя, как меркнут оставшиеся за спиной гирлянды ночных огней, Талбот почувствовал нестерпимое желание стать хотя бы на миг частью этого незнакомого ему района.

— Остановите машину, — велел он. — Я выйду.

Мне нужно прогуляться. Свежий воздух, звездное небо над головой... Может быть, так мне будет проще принять решение?

— Вы уверены, мистер Талбот? — спросил водитель. — А если...

Писатель помотал головой.

— Очень маловероятно, Питер. Кто я здесь, на этих улицах? Еще один прохожий. Не то спешащий домой служащий, не то вышедший на прогулку прожигатель жизни. Нет, сейчас никто не узнает во мне того самого Талбота.

Он с тяжелым вздохом вылез из машины. Вот и еще одна гирька на весы принятия решения — старость подкралась незаметно, точно опытный вор, и постепенно крадет у него все: здоровье, приятный внешний вид, способность трезво рассуждать. Ну да ладно.

Талбот медленно побрел вдоль по улице. Здесь, почти на окраине, воздух был чище, и небольшие кафе, ресторанчики, магазинчики, теснившиеся по обеим сторонам от дороги, не могли своим неоновым светом помешать увидеть звезды.

Нужно было уехать в лес? Построить хижину, стать отшельником, учиться смотреть в глубь себя в надежде найти единственно верный ответ на вопрос, которым задавалось человечество с того момента, как осознало свою смертность?

Точно... И умереть, так и не приняв никакого решения. Нет, бегство — не выход.

Бегство никогда не может быть выходом, потому что если то, от чего ты бежишь, решилось всерьез взяться за тебя — скрыться будет попросту невозможно. Оно просочится сквозь всяческие преграды, заморочит голову любому сторожу, как бы умен и искушен он ни был, обойдет все ловушки.

Нет, я не буду бежать. К утру я выберу между «да» и «нет», как и подобает человеку. Потому что человек — не просто двуногое и лишенное перьев существо, как пошутил когда-то Платон. Человек — это тот, кто способен лицом к лицу встретиться с выбором и совершить его, не боясь ни внутренних страхов, ни неодобрения других людей.

Талбот вдруг почувствовал необычный прилив сил. Он распрямился, с удовольствием похрустел затекшими во время езды в автомобиле мышцами. А ведь хорошо, черт возьми!

Он улыбнулся, так легко и светло, как не улыбался уже многие годы.

Хотя бы за это стоит поблагодарить тех людей, что приняли решение в мою пользу. Они позволили мне вновь почувствовать себя чем-то значащим, стоящим, способным что-то изменить. Снова ощутить себя человеком, а не пешкой, песчинкой, мыслящим тростником...

Люди не могли подсказать ему правильного ответа. Писатель понял, в чем тут дело: он не имел права переносить тяжесть решения на чужие плечи. Все правильно: они избрали Талбота для того, чтобы он сам нашел для них ответ. У них, кто бы ни прятался за этим безликим «они» — нашедшие секрет бессмертия ученые, принявшие решение о присуждении ему вечной жизни эксперты или человечество в целом, — не было никакого рецепта. И все они надеялись, что Талбот подскажет, как поступать. Они не могли ничем помочь избранному кандидату в бессмертные.

Талбот поднял голову и посмотрел вверх, в бесконечное чистое небо. Как нарочно, ветер разогнал облака и бесчисленные звезды, рассыпавшиеся по черному хрусталю небосвода, переливались в вышине. Луна улыбалась ленивой ухмылкой того, кто знает ответ, но не скажет. Не скажет никогда. Потому что ты здесь, а она — там, в недосягаемой дали.

Подул холодный ветер. Талбот поежился.

Нет, небо тоже не поможет. Если бы небо могло помочь людям, оно вмешалось бы уже давно. Не через говорящих загадками пророков и тех, кто объявлял себя наследниками божества. Нет, оно должно было бы, как подобает настоящему отцу, взять нас за руку и вести за собой. Не только наказывая за проступки, но и хваля за достижения. Не только избранных, но всех, какими бы

ни были, потому что действительно любящие родители любят всех своих детей и желают блага каждому из них. Не отбирая у людей права совершать ошибки, но всякий раз четко и ясно показывая и объясняя, что так делать нельзя.

Навстречу по улице шел мальчишка лет двенадцати. Невысокий, в растрепанных синих джинсах и обвисшей красной спортивной куртке. Шапки на нем не было, и волосы мальчишки, давненько не общавшиеся с расческой, смешно топорщились в разные стороны.

Мальчик шел пригнувшись, втянув голову в плечи, чтобы куцый воротник куртки хотя бы немножко прикрывал озябшие уши. Его взгляд блуждал, словно выискивая что-то на грязном асфальте, и поэтому мальчик едва не столкнулся с Талботом.

— Извините, — буркнул он, намереваясь спешить дальше.

— Да ничего, — рассеянно ответил писатель. — Хотя, впрочем... Может быть, ты мне поможешь?

— Ну, чего еще? — Парнишка остановился и хмуро посмотрел на Талбота из-под растрепанных волос.

В его взгляде отчетливо читалось: не видишь, я тороплюсь? Спрашивай живее и иди своей дорогой!

— Я, кстати, не местный, — добавил мальчик. — Так что если вы, мистер, хотите спросить про то, как вам лучше куда дойти, я вряд ли чего ценного отвечу.

— Да нет же, нет, — торопливо перебил его Талбот. — Я совсем другое хотел узнать. Вот если бы тебе предложили выбирать — стать бессмертным или не становиться, что бы ты ответил?

Мальчишка глянул на стоявшего перед ним человека, как на сумасшедшего.

— С вами все в порядке, мистер? — осторожно спросил он, сделав пару шагов назад. — Кажется мне, вы кому-то не тому такие вопросы задаете. Бессмертие! Ишь чего придумали! Я в новостях слышал, какому-то мужику счастье такое привалило: бессмертным стать. Найдите его и допрашивайте, а я, пожалуй, домой пойду.

Он мгновенно развернулся и пошел, почти побежал

в темноту одного из многочисленных проулков, словно щупальца от тела спрута разбегавшихся по сторонам от улицы, по которой шел Талбот.

Устами младенцев глаголет истина, горько усмехнулся Талбот. Но как быть, когда младенцы отказываются отвечать? Не хотят или не могут поделиться своей истиной? Что делать? Не кричать же ему вслед: это я, я тот самый мужик, которому, если верить твоим новостям, мальчик, привалило счастье! Чего доброго, окончательно решит, что я сбрендил.

Талбот нашарил в кармане телефон, закоченевшими пальцами потыкал в кнопки. Хвала небесам, водитель отозвался сразу же.

— Питер, — сказал Талбот. — Заберите меня отсюда. Едем домой.

Полицейские продолжали честно выполнять свой долг. Автомобиль Талбота остановили. Седой грузный офицер, похожий на пожилого медведя, неторопливо, вразвалку подошел к машине, аккуратно посветил фонариком и, узнав пассажира, махнул рукой, позволяя проезжать.

Я тоже похож на медведя, горько подумал Талбот. Засиделся в своей берлоге, сначала заматерел, затем постарел. Отвык быстро принимать решения в надежде на то, что мой статус позволяет мне не думать, а просто делать. И вот, когда я получил то, что считаю честно заработанным, я не знаю, как мне с этим поступить. Стою посреди леса, верчу головой направо-налево, ищу подсказки, которой нет.

Хотя... Ответ всегда был во мне, и я прекрасно это знал. Только боялся себе признаться.

Ссутулившись, сунув руки в карманы пальто, Талбот медленно поднялся по ступеням к двери. Накрыл ладонью дверную ручку, задумчиво погладил благородную бронзу. Хорошо быть бронзой — ей не нужно думать о вечности.

И все же я знаю ответ.

Он открыл дверь, стряхнул с себя пальто, повесил его на вешалку.

Да, он знает ответ, и ответ этот прост. Кто-то должен быть первым. Иначе слова останутся лишь словами. Можно сколь угодно долго рассуждать, но так и не постичь сути. Можно гадать до бесконечности, превратятся ли обретшие бессмертие люди в лишившихся цели старцев, вечно брюзжащих о том, что раньше все было лучше, и не способных не то что добиться результата — даже наметить цель собственной жизни; или, напротив, человек долгоживущий станет навеки счастлив. Все это не более чем наивные попытки прогноза, сравнимые с предсказаниями астрологов и хиромантов.

Что могут сказать человечеству о бессмертии те подопытные, которым посчастливилось обрести вечную жизнь? Случайные люди, пошедшие на эксперимент лишь ради денег, как могут они ответить на один из важнейших вопросов бытия?

Он примет предложение. Сделает первый шаг в неизвестность. Люди, которые выбрали его, ошиблись лишь в одном. Бессмертие — не награда. По крайней мере, для него. Для Талбота пропуск в вечность — это долг. Крест, который ему предстоит нести всю оставшуюся жизнь. Теперь он обязан поведать прочим о том, чем же на самом деле может обернуться для них возможность не умирать. Если там, в бессмертии, он обнаружит благо — что ж, он расскажет людям о нем. Если же жизнь вечная окажется адом — он откроет всем глаза на этот ад. В конце концов, он ведь был писателем...

Да черт побери, почему — был?! Вот оно, лекарство, которое он искал! Спасение от творческой импотенции, которой страдает Талбот. Он *есть* писатель. Он согласится стать первым человеком на Земле, которому выпало жить долго-долго, и напишет об этом — честно, правдиво, искренне, без единого слова лжи. Таким будет его ответ Ленни, священнику Картеру, журналисту Престону, миссис Вернон, так и оставшемуся безымянным мальчишке на улице. Годы молчания сменятся, наконец, годами работы.

Талбот пошевелил пальцами и вспомнил... Как это прекрасно: скрип шариковой ручки по листу бумаги, кричащая белизна которого ничего не может поделать с безжалостно покрывающими его строчками; торопливый стук клавиш печатной машинки и резкий щелчок каретки, так похожий на пистолетный выстрел; бег символов по экрану компьютера...

Если повезет, это будет моя лучшая книга.

Талбот глубоко вздохнул. Затем протянул руку и взял трубку телефона. Набрал номер.

— Да? — откликнулся чей-то заспанный голос.

— Это Талбот, — сказал он.

И добавил торопливо, пока еще сам не передумал:

— Я согласен.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Грэй Ф. Грин. ПРОЩАНИЕ С БАКЛАВСКИМ 7
Виталий Каплан. ТРУДНО БЫТЬ ЧЕРТОМ 116
Юрий Нестеренко. ОТЧАЯНИЕ 215

РАССКАЗЫ

Евгений Лукин. ПОПРЫГУНЬЯ СТРЕКОЗА 327
Виктор Колюжняк. БУКВАРЬ ЯНКИ 346
Майк Гелприн. ЧЕЛОВЕКО-ГЛУХАРСКИЙ 366
Сергей Туманов. НЕТ МЕСТА ДЛЯ ЖИВЫХ 388
Олег Овчинников. ТОВАР МЕСЯЦА 434
Марина и Сергей Дяченко. ЖУК 449
Марина Ясинская. ПЕРЕСЕЧЬ ГРАНИЦУ 464
Евгений Гаркушев. СБОЙ СИСТЕМЫ 489
Александр Сивинских. ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ 505
Олег Бондарев. ЗВЕЗДНОЕ НАСЛЕДСТВО 517
Александр Шакилов. КОНТРАКТ-Я 550
Александр Мун. ШАНС 556
Антон Тудаков. НАВЬ VISION 580
Джордж Локхард. DE SUI 588
Василий Головачев. НЕ ВЕРЮ! 604
Виталий Абоян. БОГУ — БОГОВО 618
Александр Григоров. ЧЕЛОВЕК-НЕЧЕЛОВЕК 633
Наталья Резанова. ПЕЧАЛЬНЫЙ ОСТРОВ 655
Андрей Егоров. МОЙ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ КЛОУН 673
Артем Белоглазов. БЕРЕГИ СЕБЯ 696
Алексей Гридин. ПРЕДЕЛЬНЫЙ ВОПРОС БЫТИЯ 710

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА
2011

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Н. Скибина*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 16.11.2010.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 38,64.
Тираж 10 000 экз. Заказ 992

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-46732-7

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2011

Самые свежие новости! Давно потерянный в глубинах Вселенной космический корабль возвращается на Землю, и вместе с ним прибывает нечто загадочное и смертельно опасное, враждебное всему человечеству... На необитаемом острове посреди Волги завелись причудливые мутировавшие существа... Марсианские колонисты подумывают о революции и отделении от земной метрополии... После очередной гражданской войны в США толпы беженцев устремились в Россию... Ватикан решил клонировать Иисуса Христа... Эти и другие новости из будущего и параллельных миров, доставленные вам в виде повестей и рассказов ведущими русскоязычными авторами – в новом ежегодном итоговом сборнике отечественной фантастики!

ISBN 978-5-699-46732-7